
У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

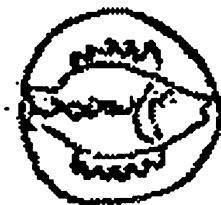
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию археологического изучения
Новгородского Рюрикова Городища
и Новгородской областной археологической экспедиции*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

NOVGOROD STATE UNIVERSITY

THE ORIGINS OF THE RUSSIAN STATE

*To the 30th anniversary of the archaeological
studies of Novgorod Ryurik Gorodishche
and the Novgorod Oblast Archaeological Expedition*

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF ARTICLES

Proceedings of International Scientific Conference
October 4–7, 2005, Veliky Novgorod, Russia

St.-PETERSBURG

2007

ISBN 978-5-86007-555-9

Сборник материалов международной конференции «У истоков российской государственности» посвящен актуальным и спорным вопросам изучения истории и археологии древней Руси IX–XV вв. Одной из его задач стало обобщение результатов 30-летних исследований Рюрикава городища – первой княжеской резиденции новой династии на Русском севере. Показана роль Городища в становлении Новгорода и русской государственности. В сборнике предлагаются новые подходы к русской истории и ее хронологии, вводятся в оборот уникальные материалы, демонстрирующие широкие международные связи Новгородской земли. Все публикации снабжены иллюстрациями и резюме на английском языке. Издание предназначено специалистам по европейской и древнерусской истории и культуре, преподавателям, музейным сотрудникам, учащимся и всем, интересующимся историей и археологией средневековья.

*Научное мероприятие проведено при поддержке АНО «ИНО-Центр»
в рамках проекта Новгородского межрегионального института общественных наук
«Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансъевропейских связей.
Археологическое наследие Новгородской земли в изучении системы ценностей человека
Древней Руси и формировании ценностных ориентаций современного
российского общества» (2004–2005 гг.)»*

Издание осуществлено на средства Института истории материальной культуры РАН при участии Новгородского государственного университета, оказавшего финансовую поддержку изданию в рамках научного проекта «Великий Новгород в мировой и отечественной истории и культуре» по программе Министерства образования и науки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008)».

Утверждено к печати решением Ученого Совета ИИМК РАН

Ответственные редакторы:

член-корреспондент РАН *Е. Н. Носов*, д. и. н. *А. Е. Мусин*

Редактор-составитель

д. и. н. *А. Е. Мусин*

Редакторы:

Т. С. Дорофеева, к. ф.-м. н. *Г. А. Ковальцов*, *К. Г. Самойлов*

Корректор

Н. В. Головачева

Компьютерная графика

В. Я. Стеганцева

Идея и дизайн обложки:

А. Е. Мусин, *Т. С. Дорофеева*

Английские тексты

А. В. Гилевич

Рецензенты:

проф., д. и. н. *С. В. Белецкий*; проф., д. и. н. *А. С. Хорошев*

*В оформлении обложки использован фрагмент иконы «Видение пономаря Тирасия»,
Новгород, вторая половина XVI в. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник*

СОДЕРЖАНИЕ

Международная научная историко-археологическая конференция «У истоков русской государственности», 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород	8
--	---

GORODICA

<i>Носов Евгений Н.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы.	
<i>Nosov Evgeniy N.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia) Thirty Years of Systematic Excavations of Rurik Gorodishche: the Results and Prospects	23
<i>Анкудинов Игорь Ю.</i> (Великий Новгород. Россия). Новые письменные источники о Новгородском городище.	
<i>Ankudinov Igor Yu.</i> (Veliky Novgorod. Russia). New Documentary Sources on Novgorod Gorodishche	59
<i>Брисбейн Марк, Молтби Марк, Хамблтон Эллен</i> (Университетская школа консервационных исследований, Дорсет, Великобритания), <i>Носов Евгений Н.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Африканская обезьяна при дворе новгородских князей.	
<i>Brisbane Mark, Maltby Mark, Hambleton Ellen</i> (School of Conservation Sciences, Bournemouth University, Dorset, UK), <i>Nosov Evgeniy N.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). An African Monkey at the Court of Novgorod Princes	74
<i>Гайдуков Петр Г.</i> (ИА РАН. Москва. Россия), <i>Молчанов Аркадий А.</i> (ИВИ РАН. Москва. Россия), <i>Носов Евгений Н.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище.	
<i>Gaydukov Peter G.</i> (Institute of Archaeology. Moscow. Russia), <i>Molchanov Arkadiy A.</i> (Institute of World History. Moscow. Russia), <i>Evgeniy N. Nosov</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Finds of oriental coins of the 6 th –10 th centuries at Novgorod (Rurik) Gorodishche	82
<i>Курбатов Александр В.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевном ремесле.	
<i>Kurbatov Alexander V.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). The «Revolution of the 12 th Century» in Novgorod and the Progress of Leather-Dressing	89
<i>Медведева Мария В.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Фотографические материалы по Новгородскому (Рюрикову) городищу и его окрестностям в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН.	
<i>Medvedeva Maria V.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Photographic Evidence on Novgorod (Rurik) Gorodishche and its Vicinity in the Archives of Institute for the History of Material Culture.	134
<i>Мусин Александр Е.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) городище 2005 г.: вопросы интерпретации.	
<i>Musin Alexander E.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Interpretation of a Small Stone Icon with the Image of a Riding Saint from Excavations of 2005 at Rurik Gorodishche near Novgorod.	148
<i>Плохов Алексей В.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища.	
<i>Plokhov Alexey V.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Medieval Glassware from Novgorod (Rurik) Gorodishche	166

<i>Егорьков Александр Н.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрика городского.	
<i>Yegor'kov Alexander N.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Emission Spectroscopy of Fragments of Glass Vessels from Rurik Gorodishche	176
<i>Поветкин Владимир И.</i> (Новгородский центр музыкальных древностей. Великий Новгород. Россия). Гудебный обиход Новгородского (Рюрика) городища.	
<i>Povetkin Vladimir I.</i> (Novgorod Center for Music Antiquities. Veliky Novgorod. Russia). Sound Appliances from Novgorod (Rurik) Gorodishche	178
<i>Седых Валерий Н.</i> (СПбГУ. Санкт-Петербург. Россия). Рюриково городище и Тимерево: общее и особенное сквозь данные истории и археологии.	
<i>Sedykh Valery N.</i> (State University. St.-Petersburg. Russia). Rurik Gorodishche and Timerovo: their Common and Peculiar according to the Historical and Archaeological Evidence	195
<i>Хвоцинская Наталия В.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Каменные литейные формочки в коллекции Рюрика городского и стеатитовые находки на Руси.	
<i>Khvoshchinskaya Natalya V.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Small Steatite Moulds from the Collection from Rurik Gorodishche and other Steatite Finds in Rus.	199

NOVGORODICA

<i>Янин Валентин Л.</i> (МГУ. Москва. Россия). О начале Новгорода.	
<i>Yanin Valentin L.</i> (State University. Moscow. Russia) The Origins of Novgorod	205
<i>Гиппиус Алексей А.</i> (Институт славяноведения РАН. Москва. Россия). Новгород и Ладога в Повести временных лет.	
<i>Gippius Alexey A.</i> (Institute of Slavic Studies. Moscow. Russia). Novgorod and Ladoga in the «Tale of Bygone Years»	213
<i>Горюнова Валентина М.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). О возникновении раннегончарного производства в Северо-Западной Руси.	
<i>Goryunova Valentina M.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). The Appearance of the Production of Wheel-Made Pottery in North-Western Rus	221
<i>Еремеев Иван И.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования.	
<i>Yeremeev Ivan I.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Comparative Studies of the Novgorod Sopkas and Large burial mounds in Central Sweden.	240
<i>Конецкий Владимир Я.</i> (НовГУ. Великий Новгород. Россия). Археология Северо-Запада России в начале XXI в. итоги и перспективы.	
<i>Konetskiy Vladimir Ya.</i> (Novgorod State University. Veliky Novgorod. Russia). Ethnocultural Processes in North-Western Russia in the Second Half of the 1 st Millennium AD: the Results and Prospects of the Studies	256
<i>Пескова Анна А.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде.	
<i>Peskova Anna A.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Private Devotional Objects of the Balkan-Danubian Tradition in Ancient Novgorod	268
<i>Покровская Любовь В.</i> (МГУ. Москва. Россия). Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография.	
<i>Pokrovskaya Lubov V.</i> (State Universitu. Moscow. Russia). The Topography of Metal Finds of Scandinavian Provenience from the Troitsky Excavation	280
<i>Сорокин Александр Н.</i> (МГУ. Москва. Россия). Славенская Рель.	
<i>Sorokin Alexander N.</i> (State University. Moscow. Russia). Slavenskaya Rel'	285
<i>Успенский Федор Б.</i> (Институт славяноведения РАН. Москва. Россия). Мстислав и Христина: новгородско-шведские связи XI–начала XII вв.	
<i>Uspenskiy Fedor B.</i> (Institute of Slavic Studies. Moscow. Russia). Mstislav and Christine: the Novgorod-Sweden Connections in the 11 th –early 12 th Century	290

MEDIÆVALIA

<i>Данков Михаил Ю.</i> (Петрозаводск. Россия). Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года).	
<i>Dankov Michel Yu.</i> (Petrozavodsk. Russia). The Baltic Idea of Russia in the Beginning of the 18 th Century (The National Strategic Project of 1702)	301
<i>Еншиосова Наталия В.</i> (МГУ. Москва. Россия). Золото викингов на территории Древней Руси.	
<i>Eniosova Natalya V.</i> (State University. Moscow. Russia). Vikings' Gold from the Territory of Ancient Russia	307
<i>Кирпичников Анатолий Н.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Опыт изучения вооружения средневековой Руси.	
<i>Kirpichnikov Anatoliy N.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). Studies of the Armament of Medieval Rus	316
<i>Нерсисян Анна</i> (Centre national des Recherches Scientifiques. Париж. Франция). Стеатитовая икона Божией Матери из частного собрания в Париже.	
<i>Nersesyan Anna</i> (Centre national des Recherches Scientifiques. Paris. France). A Steatite Icon of Our Lady from a Private Collection in Paris	321
<i>Пушкина Тамара А.</i> (МГУ. Москва. Россия). Сувениры Аустровета.	
<i>Pushkina Tamara A.</i> (State University. Moscow. Russia). Souvenirs from Austrveg	325
<i>Сакса Александр И.</i> (ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Россия). Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в средние века.	
<i>Saksa Alexander I.</i> (Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia). The Karelians in the system of International Trade in the Eastern Baltic Region during the Middle Ages	332
<i>Цукерман Константин</i> (École pratique des hautes études, Париж, Франция). Перестройка древнейшей русской истории.	
<i>Zuckerman Constantin</i> (École pratique des hautes études, Paris, France). (Re-)Structuring Early Russian History.	343
Литература	352
Список сокращений	375

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

4–7 октября 2005 г., Великий Новгород. Россия

INTERNATIONAL SCIENTIFIC HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE «THE ORIGINS OF THE RUSSIAN STATE»

October 4–7, 2005, Veliky Novgorod. Russia

ABSTRACT: *The conference took part within the frame of the project of the Novgorodian Inter-Regional Institute of Social Sciences «Archaeology of Values and the Value of Archaeology in the Context of Trans-European Relations. The Archaeological Heritage of the Novgorod Land in Studies of the System of Values of Man of Ancient Russia and the Formation of Values within the Modern Russian Society (2004–2005)». This project was aimed at introduction of the methods of cultural-anthropological analysis into studies of archaeological evidence. The goal is to describe the evolution and dynamics of the history of those systems of values which are connected with the role and place of artefact in culture, ideas on the settlement palaeostructure as an ecosystem, and with the socio-cultural bases of the formation of archaeological complexes in the comparative aspect. Owing to such an approach, archaeological studies would receive a distinct humanitarian perspective oriented onto historical man, i. e. they would finally acquire the cultural-anthropological character.*

The conference was dedicated to the 30th anniversary of the Novgorod Oblast Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture (ИМК). Under the direction of Corresponding Member of Evgeniy N. Nosov this expedition carries out systematic excavations of Rurik Gorodishche (or Rurik's Hillfort in Russian) near Novgorod and at nearby sites. The conference numbered over 120 participants and 29 papers have been delivered. Among the conferees there were researchers from St.-Petersburg, Moscow, Novgorod, Paris and Stockholm. In the course of the conference its participants have made several archaeological tours and visited various monuments of the Novgorodian architecture. The conferees appealed to the Russian authorities with the request to protect Rurik Gorodishche against further destruction and endow it with the status of preserve. The activities and papers of the conference have been widely covered in the press and received public resonance. The present collection of materials of the conference is devoted to important and disputable aspects of the studies of the history and archaeology of Rus of the 9th–15th centuries. One of the aims of this collection is summarization of the results of the 30 years of excavations at Rurik Gorodishche – the first princely residence of the new dynasty in northern Russia. The role of Gorodishche in the rise of Novgorod and the Russian state is shown. The collection presents new approaches to the Russian history and its chronology as well as publications of new and unique evidence concerned with the broad international relations of the Novgorodian state. The solutions of certain problems of the development of Christian antiquities and material culture of ancient Russia are proposed. The publications presented are well illustrated and accompanied by summaries in English. This issue is intended for researchers in the medieval European and ancient-Russian culture, professors and lecturers, museum assistants, students and schoolchildren, as well as for all other amateurs of the history and archaeology of the Middle Ages.

4–7 октября 2005 г. в Великом Новгороде в рамках проекта Новгородского Межрегионального института общественных наук «Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансевропейских связей. Археологическое наследие Новгородской земли в изучении системы ценностей человека Древней Руси и формировании ценностных ориентаций современного российского общества» (2004–2005 гг.)» (руководитель д. и. н. А. Е. Мусин, координатор Е. В. Торопова) состоялась международная научная конференция «У истоков русской государственности».

Настоящую конференцию организовали Межрегиональный институт общественных наук Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) и Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Симпозиум был посвящен 30-летию Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН, занимающейся под руководством директора института члена-корреспондента РАН Е. Н. Носова систематическим изучением Рюрикова городища под Новгородом и его сель-

ской округи в верховьях Волхова и Ильменском Поозерье.

Проект был задуман как первый этап долгосрочного направления деятельности Новгородского МИОНа по развитию сотрудничества с ведущими археологическими учреждениями России. Академические цели проекта состояли, в том числе, во внедрении методов культурно-антропологического анализа в изучение археологических материалов с целью выявления эволюции и динамики исторически существовавших систем ценностей в связи с ролью и местом вещи в культуре, представлениями о поселенческой палеоструктуре как экосистеме и социокультурными основами формирования археологических комплексов.

Проект был направлен на изучение фундаментальной научной проблемы, связанной с цельной реконструкцией системы повседневного мировоззрения русского Средневековья, представленного на уровне ментальностей. Конкретная проблема могла быть решена лишь на путях комплексного источниковедения. Отличия и преимущества проекта, по мнению его инициаторов, заключались в активном вовлечении в разрешаемую исследовательскую проблематику новых исторических источников, представленных памятниками археологии.

В обществе сложилось не вполне верное представление об археологии лишь как об истории материальной культуры, слабо связанной с областью человеческого духа и ее системой ценностей. Вместе с тем, археология есть скорее история материализации культуры, в процессе сложения которой свое место в системе вещественных остатков прошлого занимают и аксиологические предпочтения исторического социума. В конце концов, за каждой вещью – артефактом – стоит конкретная личность – мастер, заказчик, владелец. Изготавливая и используя эту вещь тем или иным образом, придавая ей определенную форму, демонстрируя в обращении с ней определенное отношение к предмету, помещая ее в конкретное средокрестие повседневных бытовых связей – человек тем самым выражал свойственные ему лично ценностные предпочтения, присущую окружающему его обществу аксиологию. Те принципы, которые человек вкладывал в развитие городской среды, в создание собственного жилища, в изготовление орудий труда, предметов повседневного обихода и быта – есть ценности, присущие этому индивидууму и тому социуму, к которому он принадлежал. Задача археологии, которая до сих пор не часто входила в поле зрения науки – выявить эти ценности посредством особой методологии. Археологиче-

ские исследования благодаря такому подходу могли бы получить ярко выраженную гуманитарную перспективу, ориентированную на исторического человека, приобрести, в конце концов, культурно-антропологический характер. Предполагаемая смена исследовательских подходов в археологии была бы способна придать новый импульс системе наук о человеке.

В то же время, происходящее в последние годы массовое уничтожение памятников археологии в результате масштабного строительства и грабительских раскопок требовало широкого вмешательства структур гражданского общества в дело их сохранения. Правовая база для этого была создана Федеральным законом от 26 мая 2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Однако слабо выраженное понимание различными социальными группами значимости и специфики археологических памятников требует от научной общественности активизации мер по популяризации культурного наследия, адекватных современному уровню массового восприятия. В связи с этим, общественно-прикладные цели проекта заключались в поиске адекватных коммуникативных средств, позволяющих адаптировать выводы науки к уровням восприятия различных целевых аудиторий с целью сохранения и популяризации культурного наследия и его инкультурации в современную систему общественных ценностей. В этой связи участники проекта провели ряд совместных встреч с представителями МЕДИА-сообщества, на которых обсуждались не только проблемы взаимных отношений и поиск общего словаря, но и вопрос составления этического кодекса, регламентирующий взаимодействие журналиста и археолога. Актуальность проекта была обусловлена необходимостью «гуманитаризации» археологической науки, повышения ее общественно-значимого потенциала и оптимизации мер по сохранению культурно-археологического наследия в современной России.

Несмотря на завершение сроков проекта, его рабочая группа считает поставленные задачи и предлагаемую методику актуальными, и намерена завершить ряд уже начатых направлений, связанных как с полевыми исследованиями, так и с работой с коллекциями, в русле избранной концепции. Одним из значимых результатов проекта уже явилось издание монографии, посвященной изучению воинской культуры Древней Руси в контексте религиозного менталитета (*Мусин, 2005*).

Все эти факторы и обусловили соответствующий выбор одного из ключевых мероприятий про-

екта, связанный с подведением итогов 30-летнего опыта работ петербургских исследователей в окрестностях Новгорода в виде международной конференции. Городище (или Рюриково городище), как его стали называть с начала XIX в. историки и краеведы, в отечественной историографии всегда выступало как выдающийся памятник истории России. Прежде всего, оно известно как резиденция новгородских князей, с которой связаны многие имена политических деятелей Древней Руси, затем Руси Московской, и целый ряд важнейших событий национальной истории. Уже больше двух столетий прошло с тех пор, как первые отечественные историки стали задумываться о соотношении Городища и собственно Новгорода в период начального формирования столицы Северной Руси. Сами топонимы «Городище» и «Новгород» сразу наталкивали исследователей на мысль о признании несомненной связи и одновременно противопоставлении этих мест в городской истории и топографии, как «города старого» и «города нового».

В 1975 г. Новгородской областной экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) началось планомерное исследование памятника. За тридцать лет раскопок накоплен огромный фактический материал о стратиграфии, планиграфии, хронологии и материальной культуре поселения. Стало очевидным, что Городище, это не только резиденция новгородских князей, но и древнейший военно-административный и торгово-ремесленный центр в истоке Волхова, непосредственный предшественник Великого Новгорода. Вполне вероятно оно само и являлось тем древнейшим Новым городом времен первых русских князей, упоминаемым на страницах летописей. Не случайно к 2005 г. прибрежная полоса Городища была включена в городскую территорию собственно Новгорода, как часть его исторической структуры.

Многолетние раскопки Городища, проводимые на памятнике экспедицией ИИМК РАН, были бы невозможны без постоянного содействия Новгородской экспедиции МГУ и ИА РАН, руководимой академиком РАН В. Л. Яниным, Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (директор Н. Н. Гринев) и Центра организации и обеспечения археологических исследований, возглавляемого профессором А. С. Хорошевым.

Своеобразным эпиграфом конференции, вынесенным в открывающий археологическую выставку плакат, стали слова Николая Рериха: «Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали.

Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сковородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синет Бронница. Все, как на блюбочке за золотым яблочком» (Рерих, 1914. С. 209–210).

В заседаниях конференции участвовало 113 человек, среди которых половина была моложе 40 лет. На открытии мероприятия присутствовали вице-губернатор Новгородской области Ю. Н. Зернов, мэр Великого Новгорода Н. И. Гражданкин, председатель Комитета культуры, кино и туризма Н. В. Григорьева, председатель Ученого Совета НОИОНА, ректор Гуманитарного института НовГУ А. П. Донченко, руководитель Центра изучения культуры Гуманитарного института НовГУ С. А. Коварская, начальник УГКИОП Комитета культуры Администрации Новгородской области С. В. Трояновский. В работе конференции приняли участие академик РАН В. Л. Янин, член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, 18 докторов наук, 20 кандидатов наук, а так же зарубежные исследователи: И. Янссон (Стокгольмский университет, Швеция), К. Цукерман (Коллеж де Франс, Париж, Франция) и А. Нерсесян (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция).

Открытие конференции и выставки археологических находок из раскопок на Новгородском (Рюриковом) городище происходило в конференц-зале Музея изобразительных искусств НГОМЗ (Софийская площадь, 2). Во время открытия руководителю экспедиции Е. Н. Носову было вручено благодарственное письмо Администрации Новгородской области, а академику В. Л. Янину – знаки почетного гражданина Великого Новгорода, которым он является уже на протяжении многих лет. Всего на конференции было заслушано 29 докладов, посвященных подведению итогов археологического изучения древнерусских памятников, актуальным вопросам археологии Северо-Запада России, различным категориям находок с Рюрикова городища, христианским древностям, генеалогии, происхождению древнерусских протогородских центров, вопросам хронологии и идеологии русской истории и летописания.

К открытию конференции была приурочена выставка археологических находок НОЭ разных лет, работавшая в дни проведения симпозиума. Она состояла из четырех витрин. Первая носила название «Городище на пути „из варяг в греки“. IX–X века». На ней были представлены преимуще-

ственно северные древности: – скандинавские фибулы, коромысло весов, пружинные ножницы, ювелирный пинцет, поясная гарнитура, браслеты, глазчатая бусина, булавки с антропоморфными навершиями, наконечник ножен меча, оселки и кресало, арабские монеты – дирхемы, псалий, плеть, наконечники славянских стрел, подвеска-валькирия и навершие в форме головы дракона. Следующая витрина – «Игры обмена. Ремесло и торговля Городища IX–XII веков». На ней были экспонированы находки бытового характера, в том числе: гребни костяные, клык моржа с рисунком-граффити, привески со стеклянными вставками, привески кресаловидные, шашки игральные, фрагмент игровой доски, диски глиняные от ткацкого станка, литейные формы для украшений и серебряных слитков, счетные бирки. Третья витрина отражала два раздела: «Структуры повседневности. Быт Городища IX–XII века» (деревянный копыл, игрушечная стрела, крышка сосуда, ложечка с орнаментом, сосуды керамические, деревянные навершия) и «Финно-угры на Городище. IX–XIII века» (подвески зооморфные, фибула скорлупообразная (карельского типа), цепедержатели). Последняя витрина называлась «Мир княжеской резиденции. XII–XV века». Здесь были представлены трехбусинное височное кольцо, перстень, фибулы, прочие ювелирные украшения, фрагмент иконки с образом святого всадника, плomba со знаками Рюриковичей, возможно принадлежавшая князю Ростиславу Рюриковичу (1172–1218), накладка с образом двух святых, фрагмент шейной гривны, кресты-энколпионы, крест костяной, фрагменты ближневосточного стекла, сосуд стеклянный, тавро конское, фрагмент шахматной фигуры (рука со щитом), формочка литейная, водолей, нож с костяной рукоятью и изображением геральдического зверя на обоймице, ножницы пружинные, кистень, псалий с инкрустацией, игольник костяной с крышечкой).

Мероприятия конференции разворачивались следующим образом. 4 октября, после открытия конференции и археологической выставки, представляющей эксклюзивные древности, найденные на Городище, состоялись доклады, посвященные итогам исследований, вопросам происхождения Новгорода, а также общей оценке состояния славяно-русской археологии в начале XXI в. и скандинавским древностям на Руси.

Руководитель исследований на Городище, член-корреспондент РАН, директор ИИМК РАН Е. Н. Носов выступил с докладом «Тридцать лет раскопок Новгородского (Рюрикова) городища (Итоги и перспективы)», где охарактеризовал наи-

более значимые достижения археологических исследований в контексте истории изучения памятника с 1901 г.

Руководитель Новгородской археологической экспедиции, заведующий кафедрой археологии МГУ, академик РАН В. Л. Янин зачитал доклад «О начале Новгорода», где высказал свой взгляд на проблему славянского расселения на Северо-Западе России, подчеркнув лингвистическое, политическое и культурное своеобразие Новгорода и его земли в X–XV вв., особенно на фоне общественных отношений в Южной Руси, где княжеская власть возникла в результате завоевания, а сбор налогов осуществлялся ее администрацией в форме полюдя.

Доклад д. и. н. П. Г. Гайдукова «Куфические монеты Новгородского (Рюрикова) городища» был посвящен находкам восточных монет VI–X вв. на Городище и в Ильменском Поозерье, а также их хронологической периодизации. Доцент НовГУ, к. и. н. В. Я. Конечкий в своем докладе «Археология Северо-Запада России в начале XXI в.: итоги и перспективы» говорил о неоднозначности интерпретации всех высоких насыпей этого региона как сопок, а также о необходимости пересмотра некоторых устоявшихся стереотипов отечественной археологии. В целом исследователь предложил разделить вопрос о проникновении славян на Северо-Запад России и проблему западно-славянских элементов в ранней культуре Великого Новгорода.

Серия докладов была посвящена различным категориям предметов материальной культуры Рюрикова городища. Старший научный сотрудник ИИМК РАН к. и. н. Н. В. Хвоцинская в докладе «Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси» коснулась темы литейных браков и отходов, а также фибул редких типов и формочек для их отливки, свидетельствующих о проживании скандинавов и их ремесленной деятельности непосредственно на Городище. Руководитель Центра музыкальных древностей В. И. Поветкин (Великий Новгород) свой доклад «Звучащие приспособления, открытые на Новгородском (Рюриковом) городище» посвятил миру звуков и духовной культуре Древней Руси. В докладе были собраны, типологизированы и проанализированы находки, воскрешающие мир звуков поселения на Городище эпохи средневековья XI–XV вв.

Научный сотрудник ИИМК РАН А. В. Плохов в докладе «Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища» проанализировал находки ближневосточных и европейских

стеклянных сосудов XII–XIV вв., более 200 фрагментов, свидетельствующие о высоком социальном статусе местных жителей и их активных внешних связях. Топография находок позволяет говорить и о социальной планировке поселения. А. А. Тодорова (Москва) сделала доклад о коллекции бус Новгородского (Рюрикова) городища в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, где были выделены две группы находок – ранняя IX–X вв. и более поздняя. Было отмечено сходство комплекса ранних городищенских бус с материалами такого памятника как Шестовицы. Старший научный сотрудник ИИМК РАН, к. и. н. А. В. Курбатов в своем сообщении «Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле» коснулся некоторых особенностей изготовления и организации производства кожаной обуви в Северной Руси, а также представил аналитический каталог «кожаных находок» с Городища, увязанный с общим развитием новгородского ремесла и общественной жизни города. Анализ конструкций и стиля обуви в сочетании с оценкой всего массива кожаных предметов (включая различные обрезки) позволяет выделить один из основных переломных моментов в организации кожевенного ремесла в Новгороде.

Серия докладов научных сотрудников кафедры археологии МГУ была посвящена скандинавским древностям на Руси. Доцент МГУ, к. и. н. Т. А. Пушкина (Москва) в докладе «Сувениры Аустровета» указала на редкие формы подвесок, которые, возможно, были привезены викингами из походов на Каспий в 940-х гг. и вызвали целую серию имитаций в Скандинавии. К. и. н. Н. В. Енисова (Москва) сделала доклад «Золото викингов на территории Древней Руси», указав на немногочисленность находок изделий из этого драгоценного металла. Топография находок предметов скандинавской культуры, как она предстала в докладе к. и. н. Л. В. Покровской (Москва) «Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография», указывает на вторичную роль скандинавов в жизни городской усадьбы конца X–начала XI вв. В целом для этой группы докладов было характерно утверждение о позднем, не ранее X в., активном проникновении скандинавов на Русь.

5 октября были прочитаны доклады, посвященные изучению военного дела средневековой Руси, вопросам княжеской генеалогии и новым источникам по истории Городища. Профессор, д. и. н., заведующий отделом ИИМК РАН А. Н. Кирпичников (Санкт-Петербург) в докладе

«Опыт изучения вооружения средневековой Руси» рассказал о судьбах главных оружейников России в XX в. и малоизвестных фактах их биографий. Д. ф. н. Ф. Б. Успенский (Москва) свое выступление «Мстислав и Христина: новгородско-шведские связи XI–начала XII вв.» посвятил жене строителя городищенской церкви князя Мстислава Владимировича, одной из немногих княгинь, чье имя сохранилось на страницах летописей, а личная печать – в корпусе древнерусской сфрагистики.

И. Ю. Анкудинов (Великий Новгород) в докладе «Новые письменные источники о Новгородском городище» коснулся возможностей ретроспекции в применении письменных и графических памятников Нового времени для изучения средневекового Городища, где наиболее важными являются картографические материалы середины XVIII–начала XIX вв., которые зафиксировали ситуацию до прорытия Сиверсова канала.

Научный сотрудник ИИМК РАН М. В. Медведева (Санкт-Петербург) прочла доклад «Фотографические материалы по Новгородскому (Рюрикову) городищу и его окрестностям в архиве ИИМК РАН», где были собраны и представлены виды памятника и его окружи на рубеже XIX–XX вв. Коллекции фотографий и негативов, которые хранятся в Научном архиве института, представляют само Городище, его памятники, процесс археологических раскопок и архитектурных реставраций, а также археологические находки, сделанные в процессе раскопок.

День завершился историко-археологической экскурсией на сам памятник – Городище, где соответствующие пояснения были даны Е. Н. Носовым, а также посещением находящегося поблизости Михаило-Сковородского монастыря XIV в., в настоящее время руинированного и требующего срочных восстановительных действий.

6 октября, в рамках обсуждения политической истории Руси, в частности исторической роли Старой Ладogi, состоялась дискуссия, посвященная спорным хронологическим вопросам начального этапа русской истории. Полемика была призвана продемонстрировать, что подобные вопросы можно решать в строго научном ключе, не опускаясь до ложной сенсационности («новых хронологий»). Ключевым стал доклад К. Цукермана, профессора Практической школы высших исследований (Париж) «Хронология княжения Игоря» (ср.: *Цукерман*, 2003а. С. 53–84).

Его основные положения сводились к следующему. Первые столетия русской истории строятся на «условных» летописных датах, которые не

обоснованны и до конца не объяснены. Однако ими все пользуются, несмотря на то, что эти даты не совпадают с историческими реалиями других источников. В частности, запись Бертинских анналов о русах 839 г. явно предшествует летописной дате их появления на Руси (852 г.). Разрешению сложившейся ситуации не способствует и археологическое изучение Киева. По летописи город существовал уже в 860-е гг., но археологически его не существует. В частности, этот вопрос обсуждался в рамках дискуссии А. Комара и М. Сагайдака (*Комар*, 2005. С. 114–137; *Sahaydak*, 2005. Р. 138–160. – *Ред.*). Получается, что и «поход 860 г.» не мог начаться в Киеве, и князь Олег вряд ли мог его завоевывать. Все это еще раз подчеркивает условность летописной хронологии. Проблему не стоило бы поднимать, если бы не было альтернативного решения. Но данные для альтернативной хронологии ранних Рюриковичей есть. Ключевым моментом является хронология княжения Игоря. В летописи имеются явные несообразности. Большую часть княжения занимает «разговор Игоря с дружиной» – понятно, что скандинавы могли быть несколько медлительны, но явно не настолько. Однако есть источник, позволяющий иначе взглянуть на эту эпоху. Это «Кембриджский документ» – текст из каирской генизы. Н. Голбу удалось точно установить, что он относится к переписке между сановником испанских Омейядов Хасдаем ибн Шапрутом и иудейскими общинами средиземноморского бассейна (*Golb, Pritsak*, 1982. Р. 240; *Голб, Прицак*, 1997. С. 140–146; 2003; ср.: *Кокочева*, 1932. С. 117–120; *Новосельцев*, 1990. С. 216–217. – *Ред.*). Текст, вероятно, был создан в Константинополе зимой 949–950 гг. В этом документе «царь» русов Хлгу (что возможно реконструировать как *Helgi* = Олег) ведет их на Константинополь в 941 г., но из похода возвращается не на Русь, а попадает в Закавказье, где и гибнет. Все это создает прямую связь между походом на Константинополь и походом русов на Берда'а.

Единственный вывод, проистекающий из этого – князь Олег правил до 941 г., если этот исторический деятель отождествим с царем русов Хлгу «Кембриджского документа». Документ стал известен еще в начале XX в. и менее всего шокировал А. А. Шахматова, который отмечал, что летописец, не зная хронологии правлений Олега и Игоря, просто разделил поровну между ними весь исторический промежуток между крайними датами (ср.: *Шахматов*, 2001а. С. 78, 79, 80; 2001б. С. 85, 86, 87; 2003. С. 229. – *Ред.*). В последующей историографии этот вывод не мог быть принят, поскольку «Кембриджский документ» выпал из поля зрения

советской науки. А. П. Новосельцеву даже пришлось выдвигать теорию, что документ написан не подданным хазарского царя, а позднее, после разрушения Хазарии, что противоречит тексту документа. Хотя источниковедческое «ниспровержение» Кембриджского документа практически невозможно, почему мы должны предпочесть его данные данным летописи? Однако этот вопрос снимается текстологическим анализом структуры текста летописи. Текст первоначально не был разделен на погодные статьи. А. А. Гиппиус с помощью лингвистического анализа текста выявил его наиболее ранний слой по критерию использования древнейшей формы аориста (*Гиппиус*, 2001а. С. 147–181. – *Ред.*). В Новгородской первой летописи самостоятельное правление Игоря начинается в 6430/922 г., после эпического похода Олега на Царьград и его таинственного исчезновения (НПЛ, 1950. С. 109–110 – *Ред.*). Игорь «сѣдѣше в Киевѣ княжа и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода именовъ Свѣндельдъ и примучи Угличѣ». Здесь же впервые повествуется о том, что воины Игоря были этим недовольны. Следующие семнадцать лет ничем не заполнены. Под 6448/940 г. мы читаем: «В се лѣто яшася Уличи по дань Игорю и Пересѣчен взят бысть. В се же лѣто дать дань на них Свѣнделду». Под 6450 г. опять рассказывается, что он дал древлянскую дань Свенельду. Годы 6449, 6451 и 6452 гг. вновь пусты. В 6453/945 г. возобновляются жалобы Игоревой дружины, прерванные в 922 г.: «В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ: Отрочи Свѣнельжи изодѣлси суть оружиемъ и порты, а мы назиси». Цели редактора ясны: он хочет растянуть короткий рассказ, чтобы заполнить пустующие годы. Если восстановить первоначальный вид этого эпизода, он получится ясным и внутренне непротиворечивым: Игорь начал правление с похода на древлян и уличей. Последние подчинились и были обложены данью, которую Игорь уступил Свенельду. Далее последовала трехлетняя осада Пересечена. Обычно этот город помещают в земле уличей, поскольку рассказ о 940 г. связывает их капитуляцию с его взятием. Но если устранить эту фиктивную дату и следовать логике рассказа, Пересечен может оказаться тем самым городом древлян – именно они были обложены данью в год его падения. В этот год древлян обложили данью дважды. Попытка Игоря сделать это в третий раз окончилась для него плачевно. Этот рассказ выявляет длительность Игорева правления. Осада Пересечена началась в его первый год и закончилась через три года. Согласно изначальному рассказу Новгородской летописи, Игорь правил три–четыре года. Если

отсчитывать их назад, от даты его гибели в начале 945 г., окажется, что он вокняжился в 941 г., когда, согласно «Кембриджскому документу», Олег навсегда покинул свою страну. А уже в 946 г. вдова Игоря Ольга едет в Константинополь. Это первые бесспорные даты, сохраненные древнерусской летописной традицией, которая, вероятно, располагала данными о длительности княжения Святослава. Таким образом, противоречие между Кембриджским анонимом и данными летописи – мнимое. Летописец XII в. установил условные даты, имеющие мало общего с реальностью. Выводы подтверждаются пересечением данных двух независимых источников – Новгородской первой летописи и Кембриджского документа.

Необходимо отметить, что эта проблема уже затрагивалась автором, и некоторые положения были опубликованы (Цукерман, 1996. С. 68–80; 2001. С. 55–77; 2003б. С. 76–99) и вызвали широкий научный дискуссионный отклик (Петрухин, 2001. С. 78–82; Иванов, 2003. С. 20–22; Толочко, 2003. С. 101–103; Седов, 2003. С. 3–14; Калинина, 2003. С. 15–19). Столь же интересная дискуссия развернулась и на нынешней конференции:

А. Е. Мусин: – Если в ранний период, описываемый в Повести временных лет, в отношении «условных дат» мы наблюдаем лишь некий хронологический сдвиг, то у Вас получается, что хронология X в. искусственно сконструирована целиком. Чем объясняется такая разница в подходах?

К. Цукерман: – Мы прекрасно знаем, как летописец конструировал даты, связанные с IX в. по греческим источникам. В «Повести» дата похода, приписываемого Аскольду и Диру, вычислена на основании ложных посылок, из текста хроники Амартола. А для датировок эпохи князя Игоря никаких хронологических зацепок не было, вернее были лишь тексты договоров. Летописец поместил их в конец описания правления князя Олега, а надо было в начало. Княжение Олега началось, вероятно, незадолго до договора 911 г.

В. Л. Янин: – Как Вы относитесь к летописному сообщению, что Олег отправился на юг через три года после смерти Рюрика?

К. Цукерман: – Нет необходимости оспаривать историчность Рюрика, но правил он, вероятно, в конце IX в. Если верить летописи, что он был призван на княжение в 860-е гг., то археологические следы его деятельности достаточно странны – на всех памятных местах пожары. С более же поздней датой многое согласуется, в том числе и вновь предлагаемые датировки могильника Плакун в Ладоге. Как быть с Городищем? В середине IX в. это не резиденция Рюрика, а центр каганата

русов, с которым связан первый этап русской государственности, начавшийся в 830-е гг. Это государственное образование, о котором в русских летописях не сохранилось упоминаний. Описание похода на Константинополь основано не на собственных, а на греческих источниках, а ведь это едва не единственный победоносный поход, тем более что в греческих источниках и в летописи, заимствовавшей информацию из Амартола, победа превращается в поражение.

А. В. Чернецов: – А как по времени княжения соотносятся Аскольд и Дир с князем Олегом?

К. Цукерман: – Аскольд и Дир появляются, скорее всего, в Киеве на рубеже IX–X вв. и никак не связаны с походом 860 г.

В. Я. Конечный: – Есть ли материальные свидетельства «первого Крещения» Руси в IX в.?

К. Цукерман: – Это событие датировано по сообщениям патриарха Фотия – концом 860-х гг. Так же датируется и пожар Городища, который, вероятно и покончил с той общиной, которая приняла это «первое Крещение».

Е. Н. Носов: – А как вы датируете время правления Кия, Щека и Хорива?

К. Цукерман: – Известно, что согласно Новгородской летописи Кий – современник Рюрика.

Е. Н. Носов: – А как же Киев? Да, города как такового там еще нет, но есть пражско-корчакское поселение, городище на Старокиевской горе датируется IX в. ... К тому же пожар на Рюриковом городище не был тотальным. А искусственная хронология Староладожского поселения, созданная С. Л. Кузьминым (*Кузьмин*, 1997а. С. 343–358; *Kuz'min*, 2000. P. 123–142. – *Ред.*), не всегда адекватна археологическим реалиям. С археологическими интерпретациями, которые Вы используете в подтверждение своей версии, нужно обращаться осторожнее.

К. Цукерман: – Насколько мне известно, в Киеве в IX в. отсутствуют дружинно-скандинавские древности. Киевский дружинный некрополь не может быть датирован временем ранее начала X в. Если бы Аскольд и Дир действительно жили бы в 860-ые гг., то они принесли бы в Киев скандинавскую культуру уже в середине IX в.

А. Е. Мусин: – Все ваши предположения хорошо укладываются в рамки недавно возникшей дискуссии о наличии на Руси достоверно скандинавских древностей IX в. Впрочем, скорее всего, фризский кувшин из насыпи № 7 на Плакуне в Старой Ладоге датируется второй половиной IX в. Этот комплекс синхронен соответствующим погребениям из Бирки, что, несомненно, свидетельствует о присутствии варягов на Руси уже в это

время. Другой вопрос, связано ли это присутствие с Рюриком или с варягами до Рюрика.

На этом дискуссия была закончена. В тот же день был прочитан доклад к. ф. н. А. А. Гиппиуса (Москва) «Новгород и Ладога в Повести временных лет», несколько пересматривающий классическое представление о трех редакциях Повести временных лет и критически анализирующий самостоятельную ладожскую версию ранней русской истории, явившейся порождением «локального патриотизма». Многолетний участник Новгородской областной археологической экспедиции с 1975 г. М. Ю. Данков (Петрозаводск) в своем выступлении «Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года)» коснулся вопросов истории самого беспрецедентного мероприятия 1702 г. в контексте международного политического взаимодействия на севере Европы в Новое время.

В этот же день состоялась экскурсия по археологическим памятникам Новгородской округи, связанным с работами экспедиции. Экскурсия была проведена Е. Н. Носовым и Н. Н. Кузьминой. В ходе экскурсии участники ознакомились с такими памятниками как раннеславянское селище Прость, княжеское село Ракома, раннеславянские селище Васильевское и городище Георгий на р. Веряжа, культовый памятник камень-следовик «Медведь», городище Сергово. В д. Завал участники конференции посетили местный краеведческий музей, расположенный в мельнице-шатровке 1924 г. постройки. В дар местной библиотеке были преподнесены труды участников конференции. На исходе дня состоялось посещение реставрируемого ныне Михаило-Клопского монастыря XVI в.

7 октября был посвящен тематическим докладам о предметах христианской культуры и об изучении городских центров Древней Руси. Д. и. н., заведующий отделом ИА РАН А. В. Чернецов (Москва) рассказал о новых исследованиях в Старой Рязани, в частности, об уникальном кладе серебряных ювелирных украшений, найденном летом 2005 г. Он уделил внимание вопросам методики археологических исследований, предупреждающей грабительские раскопки, а также вопросам сложения культурных региональных центров в Древней Руси. К. и. н. М. Д. Полубояринова (Москва) рассказала об исследовании стеклотельной мастерской XIV в. в Болгаре и о технологии производства стеклянных изделий в средневековье. Старший научный сотрудник ИИМК РАН, к. и. н. А. И. Сакса в докладе «Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалти-

ке в средние века» остановился на вопросе самостоятельного участия карельского племени в международных связях средневековья. Он показал, что карельские этнополитические образования принимали активное участие в трансевропейской торговле, а также проанализировал причины и различные аспекты этого явления. Периодизация торговли увязана со становлением археологически зафиксированной карельской культуры и социальных структур XIII–XIV вв.

Доцент кафедры археологии СПбГУ, к. и. н. В. Н. Седых в докладе «Новгородское (Рюриково) городище и Тимерево: общее и особенное сквозь данные истории и археологии» сравнил эти два древнерусских памятника. Ряд докладов был посвящен северному и западному влиянию на древнерусскую культуру и население. Старший научный сотрудник ИИМК РАН, к. и. н. В. М. Горюнова в докладе «О возникновении раннегончарного производства в Северо-Западной Руси» рассмотрела роль балтийской керамики в сложении древнерусского гончарного комплекса. Д. В. Пежемский (Москва) в докладе «Проблемы западнославянской инвазии и скандинавского присутствия на Северо-Западе Руси с точки зрения физической антропологии» говорил о спорности некоторых положений современных антропологических выводов и о необходимости уделять большее внимание антропологическому аспекту археологических исследований.

Научный сотрудник ИИМК РАН, к. и. н. И. И. Еремеев в докладе «Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования» коснулся некоторых спорных моментов гипотезы о происхождении новгородских сопок от шведских курганов, отметив, однако, что отказ от этой гипотезы не может быть продуктивным. Генезис сопок предлагается рассматривать в общеевропейском контексте в связи с развитием идеи «большого кургана» как комеморативного сооружения. В докладе предлагается сравнительная классификация и хронология больших курганов Средней Швеции. Сравнение сопок с этими курганами, особенно в провинциях Уппланд, Седерманланд и Вестманланд, позволяет проследить возможное влияние скандинавской традиции сооружения высоких насыпей, в частности «курганов тинга», изначально не связанных с погребальным обрядом, на славянскую культуру.

Часть докладов была посвящена изучению христианских древностей. Ведущий научный сотрудник РАН, д. и. н. А. Е. Мусин (Санкт-Петербург) прочитал доклад «Каменная иконка с обра-

зом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) городище 2005 г.: вопросы интерпретации». В нем на основе всестороннего анализа фрагмента уникальной иконки из сланца с изображением святого всадника интерпретировал иконографию изображения как конного св. Димитрия Солунского, выполненного на Руси Киевской камнерезной мастерской, существовавшей в первой трети XIII в., возможно, после 1204 г. Присутствующий на иконке княжеский знак – двузубец династии Рюриковичей может быть атрибуирован князю Владимиру Рюриковичу (1187–1239), в крещении носившему имя Димитрий.

Старший научный сотрудник ИИМК РАН, к. и. н. А. А. Пескова в своем докладе «Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде» проанализировала два новгородских энколпиона XI в. в широком контексте европейского и византийского прикладного искусства, указав на их предположительно болгарское происхождение. Первый из них относится к одному из древнейших типов самобытных древнеболгарских крестов, распространенных во второй половине X–первой половине XI вв. преимущественно в области Нижнего Подунавья. Вторым же является, скорее всего, неудавшаяся попытка воспроизведения крестов другого нижнедунайского типа, представленного единичными экземплярами. Анализируемые кресты-реликвии рассматриваются в качестве возможных прототипов для крестов-тельников «с грубым изображением Распятия».

А. Нерсисян (CNRS, Paris) в своем докладе «Стеатитовая икона Божией Матери из частного собрания в Париже» выясняла роль образа Божией Матери Киккской для становления русской Богородичной иконографии XVII в. В основу исследования легла небольшая икона Божией Матери «Киккотисса» (известная также на Руси как «Милующая» (Eleousa) или по началу ей посвященного песнопения «Достойно ссть»), изготовленная из стеатита в средиземноморском регионе предположительно в XIII в., возможно на Кипре, где находился Киккский монастырь. Анализируемая в докладе иконка находится в частной коллекции в Париже. Автор исследования благодарит владельца реликвии за возможность ее изучения и публикации.

Подведение итогов конференции с участием представителей Администрации Новгородской области было посвящено будущей судьбе Городища как заповедной зоны. Оно проходило под девизом «Новгородское (Рюриково) городище: вчера, сегодня, завтра», продлилось более часа вместо за-

планированных 30 минут и вылилось в настоящий круглый стол, на котором прозвучали конкретные предложения по сохранению и общественно- и культурно-значимому использованию территории памятника. Эти предложения легли в основу официального обращения участников конференции в органы власти муниципального, федерального и областного уровня, идея которого была единогласно поддержана всеми присутствующими, а составление конкретного текста письма было поручено Оргкомитету конференции.

Е. Н. Носов отметил ухудшающееся состояние сохранности культурного слоя Городища, его разрушения, деградации памятника как заповедного места и превращение его в зону дикого отдыха. Наблюдается активный размыв берегов. Существующие дома подпадают под право продажи и не известно, что захотят построить там потенциальные покупатели. В этой связи представляется необходимым обращение в администрацию Новгородской области с просьбой объявить территорию в истоке Волхова, включающую в себя Городище и Нередицу, заповедной зоной и создать здесь археолого-ландшафтный заповедник. Были предложены и иные решения об использовании памятника, например – включение его в зону туристского показа. Накануне 1140-летия Новгорода ученые настаивали на включении территории всего Городища в городскую черту, но реально была включена лишь Благовещенская церковь, два дома и прибрежная территория.

В. Л. Янин напомнил, что накануне празднования 1140-летия города научное сообщество, выступавшее против такого юбилея как надуманного, пошло на уступку администрации при условии включения Городища в особую охранную зону в черте города. Это решение до конца не было выполнено. В связи с предстоящим юбилеем 1150-летием первого упоминания Новгорода в летописи необходимо вновь поставить перед правительственной комиссией условие о включении всего Городища в зону города. Следует подготовить соответствующее обращение и проект решения. Празднование 1150-летия города без внимания к такому памятнику, как Городище окажется профанацией.

Е. А. Рыбина говорила о необходимости упомянуть в обращении о Городище, как о колыбели русской государственности, а также предложила создать инициативный проект для рассмотрения областной и городской администрациями.

Т. А. Ромашкевич, профессиональный реставратор, говорила о Городище и памятниках археологии как явлениях художественной культуры.

Еще в 1916 г. Императорская археологическая комиссия создала проект охраны Нередицы и Городища. Наибольшую опасность представляет канал, прорытый в 1930-ые гг. вдоль насыпи. Тогда предполагалось, что воды речки Спасовки будут уходить в Волхов, но поток устремился к городищенскому холму. В результате произошло заболачивание русла Малого Волховца-Спасовки, что спровоцировало начало гибели фресок Нередицы. Охрана памятника должна быть связана с регулярным финансированием и проведением здесь гидрогеологических работ. Уже существуют предложения по восстановлению исторического русла. Однако нужны законодательные меры по охране южных и восточных окрестностей Городища, составляющих культурный единый ландшафт Нередица–Городище, созданию здесь природно-исторического заповедника. Сегодня разрушается не только природа, но и культура. В этой ситуации необходимо исключить приобретение здесь земель в частную собственность. Надо добиваться включения этого исторического ландшафта в список объектов, охраняемых ЮНЕСКО.

И. Ю. Анкудинов выступил с рядом практических предложений по спасению уникального культурно-исторического ландшафта памятника. По его мнению, необходимо понижение насыпи железной дороги закрывающей вид на Новгород и восстановление разрушенного русла Волховца. Исторический прецедент понижения насыпи на левом берегу уже существует. Стоит систематически вырубать заросли, чтобы открыть вид на Городище, добиться прекращения распашки территории памятника и вывода его земель из сельскохозяйственного оборота. Вопрос с кладбищем он предложил вынести на административную комиссию.

Н. Н. Гринев указал, что кладбище находится на территории района, и захоронения здесь производятся по разрешению Волоотовской администрации, так как других кладбищ в районе нет. Перенести его невозможно, необходимы превентивные исследования будущей территории кладбища, которые музей готов финансировать. Он предложил передать музею в оперативное управление развалины городищенской церкви Благовещения, нуждающиеся не в восстановлении, а в грамотной консервации. Достойные руины церкви находятся, по его мнению, не в худшем состоянии. Необходимо провести исследования, так как в завалах кирпича могут оставаться фрагменты фресок. Он предложил включить в территорию Новгорода все Городище и организовать здесь ландшафтно-археологический заповедник. Насыпь может быть легко

разобрана с помощью желающих взять песок, нужный для строительства. В обращении предлагалось использовать идеи, прозвучавшие на конференции. В число предшествующих юбилею мероприятий должен войти капитальный ремонт дороги. Однако было отмечено, что это не только обеспечит наплыв туристов, но одновременно создаст опасность слишком большого присутствия посторонних лиц.

С заключительным словом выступил заместитель председателя Комитета культуры, кино и туризма администрации Новгородской области, начальник Управления государственного контроля использования и охраны памятников культуры, к. и. н. С. В. Трояновский. Он напомнил, что администрация области включила пункт о необходимости музеефикации Рюрикова городища в федеральную целевую программу «Культура Русского Севера 2006–2010» с финансированием в размере 10 млн. рублей. Совместно с реставрационной ассоциацией «СЕЗАР» было выработано предложение по включению консервации и восстановления храма Благовещения на Городище в программу «Сохранение исторических городов России 2006–2010», на что предусмотрено выделение средств в размере 37,5 млн. рублей. Эта программа Министерства регионального развития РФ уже прошла успешное обсуждение в Комитете Государственной Думы по культуре и в Росстрое. Для решения вопроса о Городище необходимо направление документов во все инстанции. Только что подписано соглашение о региональном конкурсе РГНФ, средства из которого тоже могут быть использованы для работ на Городище. Необходимо реанимировать давние постановления, касающиеся реставрации исторических городов. Напомним, что 4 июля 1988 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 816 «О комплексной реконструкции исторических городов Новгорода и Пскова», а 7 сентября 1988 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 370 «О комплексной реконструкции и реставрации памятников истории и культуры в Пскове и Новгороде», в которое были внесены изменения постановлением № 1080 Правительства РФ от 23 октября 1993 г. Выступавший также проинформировал собравшихся, что вопрос о включении ландшафтов Городища под охрану ЮНЕСКО прорабатывался Институтом культурного и природного наследия и его директором Ю. А. Веденином, но он тормозится на уровне московского бюро этой организации.

В ходе обсуждения было озвучено предложение научного сотрудника ЦООАИ НГОМЗ руководи-

теля клуба «живой истории» «Черный вепрь» М. И. Петрова, высказанное им впервые еще в 1999 г. Благоустройство и контроль над территорией Городища как заповедной охраняемой территорией возможен лишь на постоянной основе силами конкретной структуры. В настоящее время ни одна из заинтересованных сторон, будь то администрация г. Великий Новгород, НГОМЗ или НОЭ ИИМК РАН не имеют либо организационных возможностей, либо материальных средств, либо объективно обоснованного стимула для осуществления этих функций. Такой стимул, средства и возможности могут появиться лишь в случае создания на территории Городища и его округа, объявленных заповедной территорией, историко-туристического центра по аналогии с широко распространенной европейской практикой, представленной в Хедебю (ФРГ), Треллеборг (Дания) и других исторических местах. Основой функционирования такого центра должен стать ежегодный исторический фестиваль и создание историко-археологической реконструкции раннесредневекового поселения IX–X вв., которые способны привлечь туристический поток и до некоторой степени обеспечить как общественное внимание к памятнику, так и определенные средства на поддержание его статуса и содержание его инфраструктуры. Еще одной составляющей центра могла бы стать организация на его территории постоянной базы НОЭ ИИМК РАН. Поскольку в настоящее время ситуация такова, что ни одна из заинтересованных сторон не обладает достаточным сочетанием правовых, организационных, финансовых и интеллектуальных возможностей для организации такого центра, то он может быть создан лишь на основе совместных усилий администрации города, дирекции музея и руководства ИИМК РАН, при активном участии Ассоциации раннесредневековых клубов «Гардарика», объединяющей более 300 членов из всех регионов Северо-Запада России, а также Екатеринбурга, Брянска и Твери. Члены ассоциации обладают необходимым опытом подобных реконструкторских мероприятий, а также бескорыстным энтузиазмом для организации подобных мероприятий. Участие ИИМК РАН в проекте обеспечит всем мероприятиям и структурам предполагаемого центра солидный научный фундамент, а администрация и музей создадут правовую и материальную базу, а также грамотное музейно-экскурсионное обеспечение проекта.

В результате дискуссии Оргкомитетом конференции был предложен следующий проект обращения, подписанный Е. Н. Носовым:

ГУБЕРНАТОРУ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ М. М. ПРУСАКУ

УВАЖАЕМЫЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ!

4–7 октября 2005 г. в Великом Новгороде состоялась международная научная конференция «У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикава городища». Ее участники еще раз обсудили значение Городища в отечественной истории IX–XVI веков. Городище, будучи предшественником самого Новгорода, стало местом взаимодействия культур многонациональной Древней Руси и резиденцией великих князей. Сегодня, в силу своего географического положения на территории Российской Федерации, Новгород и Городище олицетворяют собой истоки российской государственности. Однако современное состояние этого исторического места и археологического памятника вызывает у участников конференции серьезную тревогу:

- 1) территория Городища относится к двум различным административным структурам: большая часть принадлежит Новгородскому району, а берег р. Волхов – Великому Новгороду;
- 2) центральная часть Городища постоянно разрушается наступающим на него кладбищем, используемым для захоронений жителями окрестных деревень;
- 3) археологические памятники Городища разрушаются кладоискателями и «дикими туристами»;
- 4) нарушение гидросистемы реки Спасовки, протекающей через Городище, приводит к заболачиванию значительной части памятника и угрожает уникальным фрескам церкви Спаса на Нередице (1198 г.);
- 5) подъездные пути к Городищу полностью разрушены.

В целях сохранения ценнейшего памятника истории и археологии и его природного облика, в преддверии празднования 1150-летнего юбилея Новгорода, обращаемся к Вам с просьбой, осуществление которой не потребует значительных финансовых затрат:

- 1) включить все Городище и его округу, вместе с охранной зоной церкви Спаса на Нередице, в административную территорию Великого Новгорода, как это было сделано в отношении прибрежной части Городища у р. Волхов перед 1140-летним юбилеем города в 1999 г.;
- 2) придать всему Городищу и охранной зоне церкви Спаса на Нередице статус археологического и ландшафтного заповедника с распростране-

нием на эту территорию всех требований действующего законодательства;

3) создать условия для использования территории Городища для познавательного туризма и организации здесь историко-туристического центра, включающего в себя реконструкцию исторического поселения.

Все указанные мероприятия будут способствовать сохранению Новгородского Рюрикова городища как уникального объекта культурного и природного наследия.

С уважением, от имени участников конференции
Е. Н. Носов
д. и. н., член-корреспондент РАН,
директор Института истории
материальной культуры РАН,
руководитель Новгородской областной
археологической экспедиции
7 октября 2005 г.

Конференция широко освещалась региональной и центральной прессой, получила отражение в

научной печати и вызвала живой отклик у новгородской общественности и студенчества (*Антипов*, 2005; *Багаури*, 2005; *Трояновский В.*, 2005; *Пианский*, 2005; *Витоль*, 2005; *Авилова*, 2006. С. 184–187; *Мусин*, *Торопова*, 2007. С. 239–244). Стоит отметить, что вопреки сложившейся практике подобных академических мероприятий количество лиц, участвовавших в дискуссии и присутствовавших на заседаниях, было больше количества докладчиков. Успешному проведению конференции во многом способствовала слаженная деятельность ее штаба, в который входили в основном сотрудники учебно-научной лаборатории Гуманитарного института НовГУ «Старорусская археологическая экспедиция». Настоящий сборник статей и материалов подготовлен по итогам конференции. Его издание осуществлено совместно Санкт-Петербургским Институтом истории материальной культуры РАН и Новгородским государственным университетом имени Ярослава Мудрого.

А. М.

GORODICA

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ РАСКОПОК ГОРОДИЩА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Евгений Н. Носов*

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

THIRTY YEARS OF SYSTEMATIC EXCAVATIONS OF RYURIK GORODISHCHE: THE RESULTS AND PROSPECTS

Evgeniy N. Nosov

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *Ryurik Gorodishche in the suburbs of Novgorod has always been treated in the national historiography as a prominent monument of the history of Russia. It is best remembered as the residence of Novgorodian princes, many political figures of ancient Rus and then of Muscovy as well as quite a series of the most important events of the national history having been connected with the settlement. As early as two centuries ago the first Russian historians conjectured about the interrelation between Gorodishche and Novgorod proper in the period of the initial establishment of the capital of Northern Rus. Not once various hypotheses have been proposed since the very toponyms «Gorodishche» and «Novgorod» (i. e. the «old town» and the «new town» in Russian) suggested an undoubted relation and at the same time a contraposition of the two settlements in the city's history and topography.*

The first excavations of the site were started in 1901 by the Novgorodian student of local history Marc I. Polyanskiy. In 1910, before the XVth All-Russian Archaeological Congress, Nikolay K. Roerich and Nikolay E. Makarenko developed a concern for Gorodishche where they dug five exploratory trenches. It is particularly at Gorodishche that in 1929 Artemiy V. Artsikhovskiy began his studies. Later Gorodishche was excavated by Michel K. Karger and Gregory P. Grozdilov in 1934 and 1935, by Sergey N. Orlov, Marina D. Poluboyarinova and Nikolay P. Pakhomov in 1960s, but systematic excavations in continuous areas were started at Gorodishche only in 1975 by the Novgorod Oblast Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of Academy of Sciences of USSR, now the Institute for the History of Material Culture.

During the 30 years of investigations, Gorodishche has been the scene of a number of important discoveries. At present there is no doubt that according to the archaeological materials available Ryurik Gorodishche preceded Novgorod so that the small town at the source of the Volkhov River was typologically a phenomenon of a different historical period as compared to the settlements on the river's two banks with the market-place, the bishopric centre and the first Christian temples. In recent years impressive oak-wood structures have been uncovered – the remains of what was both the defensive system of the settlement and its waterproof installation. At the turn of the 9th and 10th centuries these oak-wood and earthen works on the edge of the ditch were destroyed by annual rises of water. It needs to be stressed that the nearest parallels of these structures have been found in Kiev where a similar engineering was used viz. the construction of defences from the bottom of a ditch. This fact suggests a similarity of approaches to the development of the defensive architecture within the Slavic world.

By the works of the Expedition in the promontory area of the site, layers containing the organic remains related with the initial phase of Gorodishche's occupation (late 9th until mid-10th century) have been excavated. The finds dated to the mentioned period witness to wide trade connections of Gorodishche's residents and particularly to the presence of Scandinavians here.

In recent years, during excavations of the upper fill of the silted-up ditch, layers containing organics of the late 11th–early 12th century have been first uncovered yielding us about 10 dendrochronological dates: 1081, 1095, 1097, 1102, 1106 etc. (identifications by Olga A. Tarabardina, the Laboratory of Dendrochronology of the Centre for Archaeological Researches, Novgorod State Museum). This dating immediately resulted in a number of new discoveries. Firstly, the first birchbark document has been found at Gorodishche. Secondly, in the ancient-Russian layers, the remains of houses have been excavated with a representative collection of lead pendant seals (including those of the Princes) found along with more common articles and ornaments. It has been traditionally held that the

* Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук РАН в рамках программы «Русская культура в мировой истории».

hundreds of pendant seals from Gorodishche come from the princely archives once destroyed here. As demonstrated by our finds however, certain documents authenticated by seals were kept immediately in the houses of some residents indicating the high social status of the latter.

Among the aggregate of the numerous unique finds uncovered at Gorodishche during the years under consideration, especially noteworthy is a monkey's skull radiocarbon dated to the late 12th century. A special paper is dedicated to this find in the present collection.

The systematic excavations which were started 30 years ago at Ryurik Gorodishche and are annually continued for its salvage and further studies undoubtedly will result in new interesting discoveries supplementing our knowledge of the dawn centuries of Russian history.

В 2005 г. мы отметили тридцатилетие начала систематических раскопок Городища (или Рюрикова городища, как его стали называть историки и краеведы с начала XIX в.). Это вполне достаточный срок, чтобы можно было подвести определенные итоги раскопок и обобщить наши представления о первых этапах истории Новгорода, особенно, если понимать под последним не только территорию в пределах валов средневекового города, но и прилегающие исторические урочища, монастыри и церкви, то есть весь тот район истока реки Волхов, который воспринимался в древности как единая поселенческо-административная структура.

Рюриково городище в отечественной историографии всегда выступало как выдающийся памятник истории России (рис. 1, 2). Оно известно, прежде всего, как резиденция новгородских князей, с которой связаны многие имена политических деятелей Древней Руси, затем Руси Московской и целый ряд важнейших событий национальной истории. Уже больше двух столетий прошло с тех пор, как первые отечественные историки стали задумываться о соотношении Городища и собственно Новгорода в период начального формирования столицы Северной Руси. Неоднократно высказывались различные предположения и гипотезы, ибо сами топонимы «Городище» и «Новгород» сразу наталкивали исследователей на мысль о признании несомненной связи и одновременно противопоставлении этих мест в городской истории и топографии, как «города старого» и «города нового». В немалой степени этому способствовали сообщения русских хронографов и летописей второй половины XVII–XVIII вв. об основании Новгорода на новом месте близ старой столицы ильменских славян – Словенска, который отождествлялся с Городищем (Гиларов, 1878. С. 21). Однако лаконичные свидетельства письменных источников и поздние легенды не могли дать однозначного ответа на вопрос: а как же все было на самом деле?

В 1901 г. новгородский краевед полковник М. И. Полянский при участии М. Е. Калинина и

И. Д. Михайлова провел на Городище первые археологические работы. На поселении было заложено несколько шурфов и траншей. Никаких задач в определении соотношения Городища и Новгорода исследователи не ставили, их целью являлись поиски свинцовых печатей. «Поводом к производству раскопок в селе Городище, – прямо писал М. И. Полянский, – послужили находки вислых свинцовых печатей новгородских князей в отмываемых весенними разливами берегах р. Волхова у соединения этой реки с Сиверсовым каналом», а конкретная инициатива в проведении работ принадлежала основоположнику русской сфрагистики Н. П. Лихачеву. Именно его письмо М. И. Полянскому, как отмечал последний, «о научном значении вислых свинцовых печатей (пломб) в русской сфрагистике довершило решимость неотлагательно отправиться на Городище на поиски этих памятников» (Полянский, 1885. Л. 8 об.). К чести раскопщиков в 1901 г. был снят добротный план центральной и южной частей памятника с обозначением мест предпринятых работ, что, на мой взгляд, было обусловлено пониманием М. И. Полянским как кадровым военным необходимости проведения топографической съемки и тем, что он обладал соответствующим опытом.

В 1910 г. перед XV Всероссийским археологическим съездом раскопки на Городище предпринял художник, археолог и искусствовед Н. К. Рерих совместно с другим известным археологом и музейным деятелем Н. Е. Макаренко. Они в полной мере осознавали значимость Городища как места древнейшего поселения в истоке Волхова и резиденции новгородских князей. Н. К. Рерих оставил тонкое художественное описание памятника и открывающейся с него панорамы. «Богатое место Городище! – восклицал он. – Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии, и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют храмы, что «кустом стоят». Виднеются – Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за

Рис. 1. Общий вид городища с колокольни Юрьева монастыря во время паводка (фото И. И. Еремеева)

Fig. 1. General view of Gorodishche from the bell-tower of the Yuryev Monastery during a flood (photo by I. I. Yermeev)

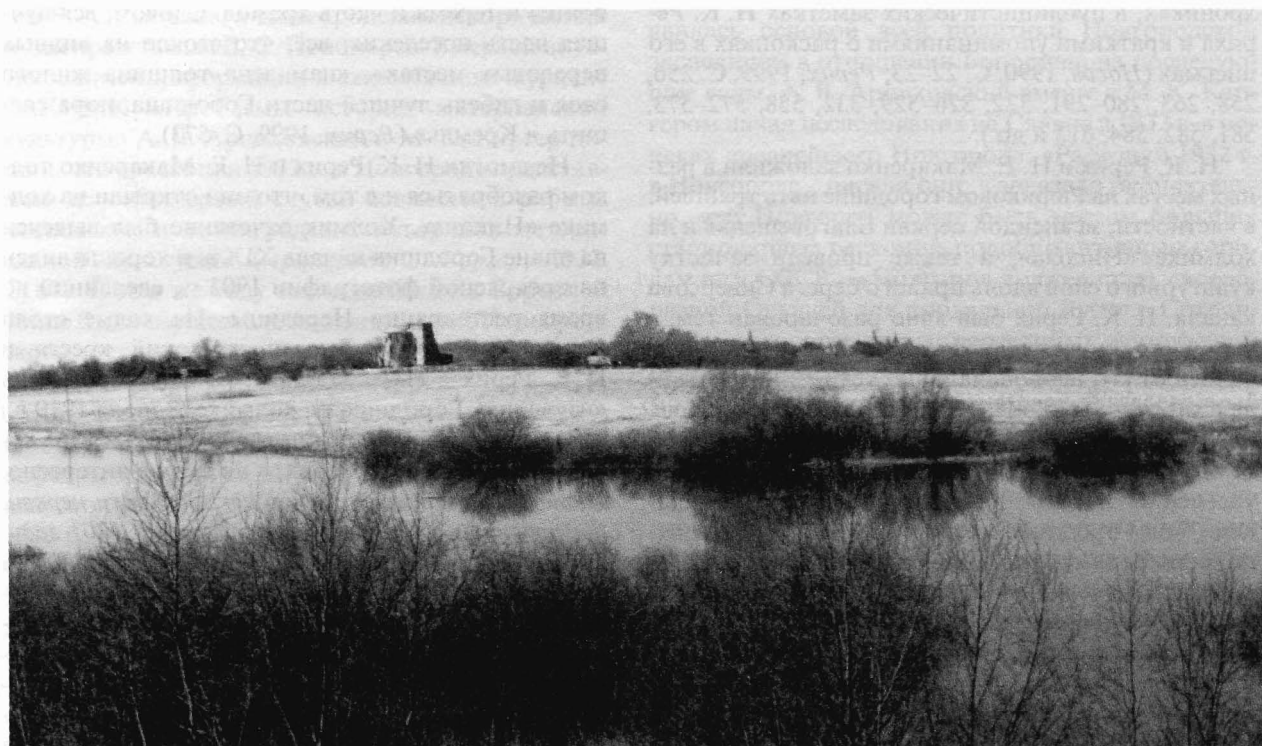

Рис. 2. Общий вид городищенского всхолмления от церкви Спаса на Нередице во время паводка (фото П. Г. Гайдукова)

Fig. 2. General view of the hill of Gorodishche from the Church of the Transfiguration of the Saviour on the Neredita during a flood (photo by P. G. Gaydukov)

лесом синее Бронница. Все, как на блюдечке за золотым яблочком» (*Рерих*, 1914. С. 209–210). В наши дни, когда огромная насыпь железной дороги, строительство которой началось во время первой Мировой войны, разорвала ильмень-волховскую пойму и искусственным гигантским гребнем отрезала от Новгорода Нередицу, Благовещенский собор и Сквородский монастырь, когда в руинах стоят монастыри и храмы правобережья, создававшие еще до середины XX в. неповторимый единый природно-архитектурный ансамбль, приведенное художественное восприятие Н. К. Рерихом исторического ландшафта окрестностей Рюрикова городища особенно ценно.

Что же касается самих раскопок 1910 г., то четырехдневные работы на поселении (включая день приезда и день отъезда), естественно, не могли дать значимых результатов, а отчет в Археологическую комиссию даже не был «доставлен». Вся информация, которую мы имеем, ограничивается изложением доклада Н. Е. Макаренко, предпринятым по результатам раскопок в феврале 1911 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества, выступлений членов Общества на обсуждении доклада, краткими сообщениями в различных хрониках, в публицистических заметках Н. К. Рериха и краткими упоминаниями о раскопках в его письмах (*Носов*, 1990. С. 22–23; *Рерих*, 1999. С. 256, 258, 263, 280–291, 322, 326–329, 332, 558, 572–573, 581, 582, 584, 613 и др.).

Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко заложили в разных местах на Рюриковом городище пять траншей, в частности, за апсидой церкви Благовещения и на холмике «Никола», а также провели зачистку культурного слоя вдоль правого берега Сиверсова канала. Н. К. Рерих был явно разочарован тем, с чем он столкнулся в шурфах. Это разительно отличалось от его первоначальных ожиданий. А ожидал он многого: «На Рюриковском Городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, – с воодушевлением увлеченного человека писал он, – все полно находок», «на Городище, может быть, найдутся остатки княжеских теремов и основания», «кругом Городища – далекие горизонты» и «кругом чудятся какие-то фундаменты» (*Рерих*, 1999. С. 263, 282). Под впечатлением просторов, открывавшихся с Рюрикова городища, на фоне широкой водной глади и зеленых лугов Н. К. Рерих сделал ряд набросков замысловатого сплетения облаков над Городищем и панорамы Волхова, использованных в дальнейшем им для эскиза декораций «Великая жертва» к балету И. Ф. Стравинского «Весна

священная». Однако уже после первого дня работ настроение художника изменилось. От былого энтузиазма, как показывают его письма к жене, не осталось и следа. 7 июля 1910 г., он пишет, – «вещей пока нет. Так разные мелочи», «главное обидно, что неизвестно, где стоял терем», «думаю, что здесь на Городище дольше 5 дней не прокопаем» (*Рерих*, 1999. С. 286–287). 8 июля жалобы на отсутствие находок встречаются в одном письме уже два раза – терпение Н. К. Рериха, навеянное романтикой прошлого, кончается: «Вещей что-то мало», «жаль, вещей мало находим», и уже 9 июля окончательный вывод, продиктованный крушением попытки что-то выяснить для себя на Городище – «сегодня вечером мы переезжаем в Новгород. Здесь что-то никаких вещей не найти» (*Рерих*, 1999. С. 291). Н. К. Рерих, да и Н. Е. Макаренко, явно были не подготовлены к исследованиям столь сложного поселенческого комплекса, где отнюдь не просто находки «княжеских вещей» составляют смысл изучения памятника и где опыт художника по «разрытию» могил оказался недостаточным. Оправдывая неудачу своих работ на поселении, Н. К. Рерих заключил, что «лучшая часть Городища уже давно смыта бурным течением Волхова» (*Рерих*, 1999. С. 322). «В Волхове покоятся и терема и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; всё, что стояло на видных передовых местах», «нам ясно толщина лилового слоя и гибель лучшей части Городища, пора спешить в Кремль» (*Рерих*, 1999. С. 573).

Не смогли Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко толком разобраться и в том, что они открыли на холмике «Никола». Холмик отчетливо был выделен на плане Городища начала XIX в. и хорошо виден на прекрасной фотографии 1903 г., сделанной во время реставрации Нередицы. На холме стоял деревянный крест. Видели «высокий крест» и Н. К. Рерих с Н. Е. Макаренко. На второй день «изучения» Городища на холмике (8 июля 1910 г.) «обнаружились вполне очертания церкви 1565 года, – отмечает Н. К. Рерих, – но это не интересно. Интересно, остались ли под нею остатки церкви, построенной в 1165 году и сгоревшей в 1201 году. Вот эти остатки могут быть любопытны. Вещей что-то мало. Мы думаем, что <...> придется рублей 200 оставить просто на раскопку курганов Макаренко, где вещей всегда много» (курсив мой. – Е. Н.). «Сейчас сижу на стуле, а передо мной копают траншею – пишет Н. К. Рерих, – чтобы посмотреть, нет ли ниже найденного основания церкви еще чего-нибудь более древнего» (*Рерих*, 1999. С. 288–289). Найдено ничего определенного не было, но, тем не менее, в письме великой княги-

не Марине Павловне (5 сентября 1910 г.) Н. К. Рерих уверенно сообщал, что «были открыты основания древней Никольской Церкви, уничтоженной пожаром в 1201 году». (Рерих, 1999. С. 322).

Как оценить сделанное великим русским художником и его соратником на Рюриковом городище? Образ Городища и всей ландшафтной ситуации вокруг него, талантливо прочувствованный Н. К. Рерихом, несомненно, останется навсегда своеобразным словесным художественным полотном, окрашенным великим талантом, разве, что оставшимся не перенесенным на холст, но вот археологическая попытка внести что-то новое в представление о прошлом воспринимается сейчас через столетие именно не более как попытка еще недостаточно подготовленных исследователей для серьезного изучения поселений и городов. Эта эпоха в российской археологии еще только началась.

Традиционно считается, что раскопки Новгорода начались в 1932 г., когда совместной экспедицией ГАИИМК и ГИМ под руководством А. В. Арциховского и М. К. Каргера были начаты работы на Славне, исторически упоминаемой в летописях части древнего города. Секретарем экспедиции являлся будущий лидер советской археологии Б. А. Рыбаков, а Новгородский исторический музей представлял В. С. Пономарев. В первой опубликованной информации в ежемесячном журнале ГАИИМК «Проблемы истории материальной культуры» А. В. Арциховский и М. К. Каргер писали, что «раскопки 1932 г. в Новгороде представляли из себя первый случай совместной работы московских и ленинградских историков материальной культуры» (Арциховский, Каргер, 1933. С. 63). В том же году исследования на Борковой улице были осуществлены экспедицией Новгородского исторического музея под руководством С. М. Смирнова и Б. К. Мантейфеля.

Однако не следует забывать, что основатель Новгородской экспедиции и многолетний глава кафедры археологии МГУ А. В. Арциховский первые свои работы в Новгородской округе начал в 1929 г., но остановил он свое внимание не на собственно городской территории, а на летописном Городище (Рюриковом городище). Побуждения, двигавшие исследователем, вполне понятны, они те же, что обусловили начало работ на Славне в 1932 г. – поиски древнейшего Новгорода, то есть общая тема русских историков и краеведов с начала XIX в., как и легендарных преданий о древнем Славенске. А. В. Арциховский, в полной мере отдавал отчет, что это одно из важнейших мест, значимых для городской археологии.

А. В. Арциховский заложил на Городище две траншеи – на вершине холма и на мысу южнее Сиверсова канала, а план памятника снимал Б. А. Рыбаков. Молодой основатель новгородской археологии тогда не разобрался в том, что он раскопал. «Мне кажется невероятным, – заключил А. В. Арциховский, – чтобы городищенский холм был заселен уже в IX веке, как на этом настаивает традиция. Гораздо вероятнее, что основателями этой крепости были князья, выселенные в XII веке в связи с ростом республиканских тенденций в Новгороде». По мнению исследователя, «из рельефа местности видно, что Городище представляло из себя княжеский замок, со всех сторон окруженный водой» (Арциховский, 1930. С. 28). «Среди найденных предметов, – подчеркивал А. В. Арциховский – нет ни одного, который определенно указывал на время, более древнее, чем XII в.», а в траншеях «совершенно не было керамики, сделанной от руки или даже не целиком на кругу» (Арциховский, 1930. С. 29–30). Однако это не так, о наличии лепной керамики в траншеях сам А. В. Арциховский указывал в своих полевых дневниках и в отчете (Носов, 1990. С. 23).

Негативная оценка А. В. Арциховским наличия ранних материалов на Городище, на мой взгляд, явилась основой всей политики Новгородской экспедиции в отношении Городища на последующие годы. А. В. Арциховский вместе с М. К. Каргером начал исследования на Славне в 1932 г. в поисках древнейшего Новгорода. «Раскопки 1932 г. в Новгороде – писали они, – доказали окончательно, что Новгород может быть местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам юга СССР». «Новгород должен стать своеобразной Ольвией для феодальной Руси». «Сохранность разновременных деревянных сооружений открывает блестящие перспективы – продолжали молодые исследователи, – Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечевоего периода – все это из области сказочной романтики перейдет в область науки. Для изучения истории хозяйства средневекового Новгорода создадутся гораздо более благоприятные условия». И, наконец – заключали авторы, «создание в Новгороде нескольких музейных кварталов древнего города является реальной задачей ближайших лет» (Арциховский, Каргер, 1933. С. 62–64). Пожалуй, в этом молодые исследователи тогда ошиблись. Проблема музеефикации раскопок остается трудно выполнимой и сейчас, прежде всего в силу отсутствия крупных капиталовложений.

Перед раскопками 1932 г. были поставлены разнообразные задачи – изучение жилых сооружений и производственных построек, техники и организации ремесла, «социальной топографии» города и, наконец, древнейших страниц его истории, в чем руководители работ отдавали себе полный отчет. «Число участков города, на которых нужно и можно производить раскопочные работы – отмечали А. В. Арциховский и М. К. Каргер, – достаточно велико. Ремесленные концы города, Детинец, Городище, Ярославово Дворище, Периинский скит и Славенский холм являются центрами, привлекающими максимальное внимание исследователя древнего города. Совершенно очевидно, что начинать работы одновременно во всех или хотя бы в нескольких центрах было невозможно. Приходилось выбирать. Работы 1932 г. велись на Славенском холме. Славенский холм по представлениям, основанным на анализе исторической топографии города, с одной стороны, и древнейших норманских и немецких источников, с другой, уже давно казался исследователям местом древнейшего славяно-финского поселения, еще не носившего даже имени Новгорода. Но гипотеза эта не имела самого главного основания – изучение стратиграфии культурных слоев Славенского холма». Итак, одним из важнейших вопросов, который хотела рассмотреть первая совместная экспедиция ГАИМК и ГИМ, был вопрос о древнейшем городе (*Арциховский, Каргер, 1933. С. 62*). Такая цель экспедиции была вполне понятна после первого опыта работ А. В. Арциховского в 1929 г. на Городище, в которых он был разочарован.

Никаких ранних материалов, подтверждающих основание Новгорода на холме, прилегающем к церквям св. пророка Ильи, а также свв. апп. Петра и Павла на Славне, не было найдено. Как отмечал М. К. Каргер, «попытки найти это поселение IX–X вв. на Славенском холме не увенчались успехом. Пришлось перенести поиски поселения на другую территорию» (*Каргер, 1947. С. 145*). И М. К. Каргер вновь вернулся на Городище. А. В. Арциховский же все силы отдал Славенскому раскопу и многообразию исследовательских тем и возможностей, которые дает собственно новгородская археология. Лишь один раз в первом томе трудов экспедиции он коснулся вопроса о древнейшем Новгороде, но без особого энтузиазма, скорее в силу необходимости, чтобы затронуть данную проблему (*Арциховский, 1956. С. 9*).

В дальнейшем небольшие исследования культурного слоя на Городище проводили М. К. Каргер и Г. П. Гроздилов в 1934 и 1935 гг., С. Н. Орлов, М. Д. Полубояринова, Н. П. Пахомов в 1960-х гг.,

но только в 1975 г. Новгородская областная экспедиция ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) начала планомерное изучение памятника сплошной площадью на различных его участках.

За прошедшие годы был накоплен огромный фактический материал о стратиграфии, планиграфии, хронологии и материальной культуре поселения (*Носов, Горюнова, Плохов, 2005*). Сегодня все согласны рассматривать Городище как древнейший военно-административный и торгово-ремесленный центр в истоке Волхова, оценивать его как непосредственного предшественника Великого Новгорода, хотя не исключено, что оно само и являлось тем древнейшим Новым городом времен первых русских князей, упоминаемым на страницах летописей (*Носов, 1995. С. 15–17*).

По мере накопления данных о материальной культуре из древнейших слоев Рюрикова городища, все более явственным становилось ее отличие от культуры, фиксируемой на самых ранних из исследованных участков собственно Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы), прежде всего, по числу находок общебалтийских и скандинавских типов (*Носов, 1990. С. 147–169; Янссон, 1999. С. 18–38; Хвоцинская, 1999. С. 39–50*). Последние встречаются и на территории города, но в несопоставимо меньшем количестве, чем на Городище, хотя их число в результате новых работ медленно пополняется. Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. Комментируя очевидные отличия Рюрикова городища и Новгорода в рассматриваемом отношении, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти эти различия связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX–X вв. и можно предполагать наличие и более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявлялось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем относятся они преимущественно ко второй половине–концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех его частей (*Носов, 1990. С. 163*).

Однако, даже принимая эти оговорки, различия Рюрикова городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики (рис. 3). Они, несомненно, объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером поселений, сменивших друг друга. Если Рюриково

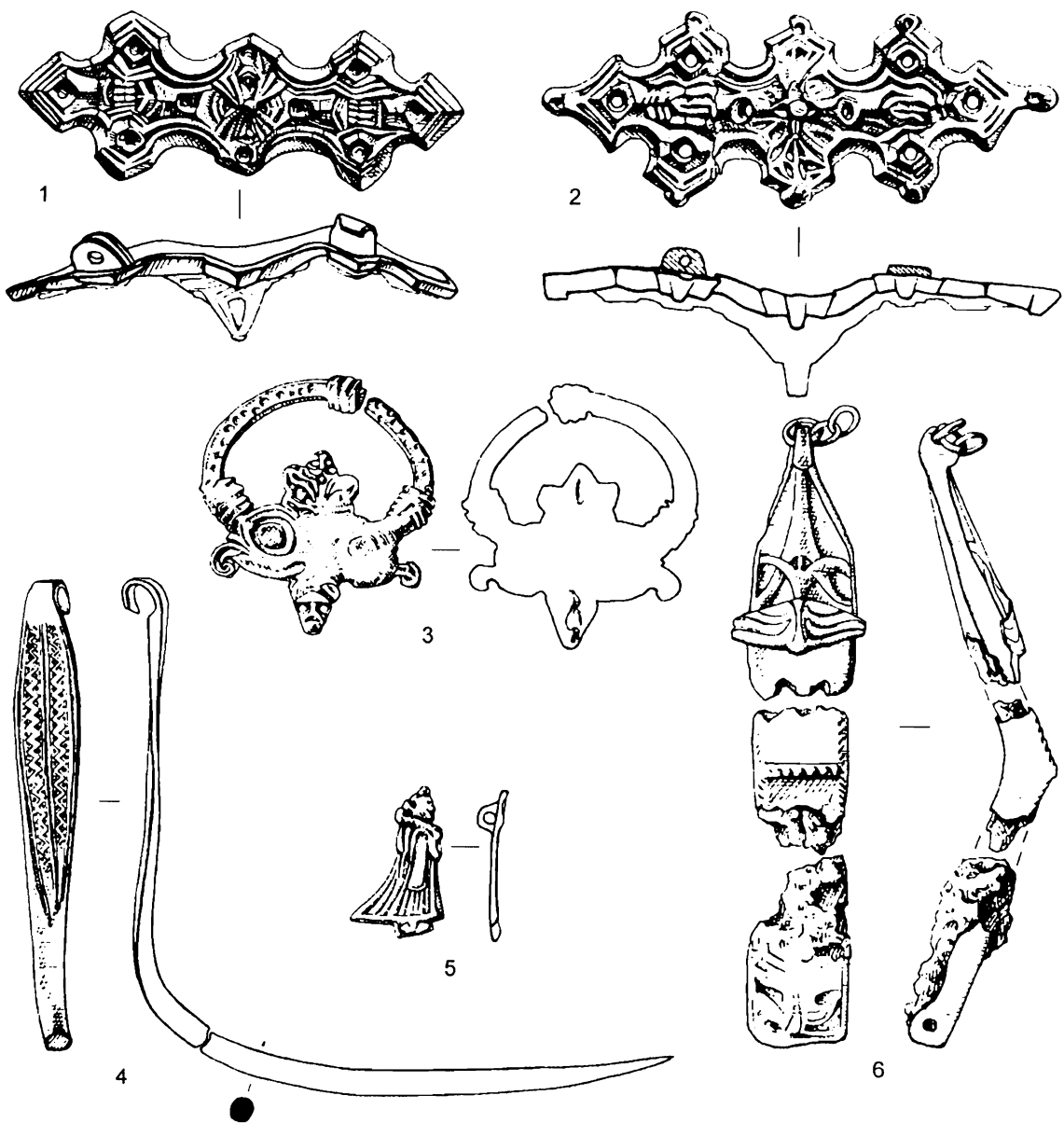

Рис. 3. Рюриково городище. Находки скандинавского происхождения из бронзы:
 1-2, 6 - фибулы; 3-4 - фрагменты кольцевидных булавок; 5 - валькирия
 Fig. 3. Ryurik Gorodishche. Bronze finds of Scandinavian provenience:
 1-2, 6 - fibulae; 3-4 - fragments of ring pins; 5 - Valkyrie

городище – это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с многоэтничным населением (рис. 4), во многом связанный с дальней торговлей, то поселения вокруг христианского комплекса – Софийского храма и епископского двора – это уже кварталы столицы северной части Древнерусского государства, существовавшей за счет эксплуатации земледельческого населения Приильменя. Если на Рюриковом городище скандинавы – княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, составляли значительную часть постоянного населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и знатных изгнанниках при дворах русских князей, то есть как о людях, для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи, богатств или княжеской защиты.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что по имеющимся археологическим материалам Рюриково городище предшествовало Новгороду и городок в истоке Волхова в сравнении с поселками на его обоих берегах ниже по течению реки, где находился торг, епископский центр и первые христианские храмы, типологически отражают явления разных исторических эпох. Убеждение в ведущей роли Городища в районе истока Волхова в IX–X вв. опирается на выгодность его топографического расположения (первый холм на острове при входе в Волхов из Ильменя при раздвоении реки на рукава, то есть «запирающий» исток реки), хронологию слоев, облик материальной культуры и то значимое место, которое занимало Городище в политической жизни Новгорода уже в собственно древнерусское время, оставаясь княжеской резиденцией. Это подкрепляется открытием в последние годы на поселении мощных деревоземляных укреплений.

За годы работы экспедиции сделан целый ряд интересных общих наблюдений и получен разнообразный археологический материал, необходимый для более полного понимания этого памятника. Остановимся на некоторых из них. Прежде всего, это касается вопроса о характере древнейших укреплений поселения. О том, что они существовали, свидетельствует как само его название, появившееся на страницах летописи уже под 1103 г. – «Городище», то есть место, где раньше располагалось укрепленное или огороженное поселение (город), так и сам топографический характер местности в истоке Волхова по его левобережью. Находящиеся здесь возвышенности представляют со-

бой плоские всхолмления, сложенные песками и супесями, лежащими на пойменных ленточных глинах. Для них характерны пологие склоны, плавно поднимающиеся над заливаемыми ежегодно весной лугами с буйным разнотравьем в летние месяцы. Такой характер городищенского холма, расположенного на большом пойменном острове, прекрасно ощутим и в наши дни, особенно если смотреть от церкви Спаса на Нередице на исток Волхова (рис. 1, 2). Без искусственных укреплений поселение в мысовой части подобной возвышенности оставалось, по сути дела, открытым.

Одним из важнейших выводов работ прежних лет был тот, что в древности поселение делилось на две части. Одна из них занимала собственно возвышенность, вторая – низменный мыс, через который в 1797–1802 гг. был прорыт канал, названный по имени новгородского генерал-губернатора Сиверсовым. Холм был сложен песчаным и суглинистым грунтом, а мыс, как и прилегающая пойма – коричневой глиной. На самом высоком месте была построена ц. Благовещения. Перепад высот между центром возвышенности и мысом достигал почти 10 м. Мыс и холм в южной части последнего разделяла ложбина – естественная протока, которыми во множестве пронизана местность в истоке р. Волхова. Ложбина имела направление с северо-востока на юго-запад, что полностью соответствует контурам холма, понижаясь и расширяясь в сторону Волхова. Ее ширина достигала 15 м. Несмотря на несколько более низкий, чем сейчас, уровень воды в Волхове в конце I тыс. н. э., о чем свидетельствуют общие заключения географов, тогда эта ложбина периодически затоплялась.

Раскопки на месте ложбины показали, что в ней накопился самый мощный на всем Городище культурный слой, достигавший толщины 6 м, причем вся его нижняя половина содержала органические остатки и относилась к начальному периоду существования поселения (рис. 5). В древности она была углублена и превращена в небольшой ров, вошедший в систему оборонительных конструкций поселения. Культурный слой, накопившийся в нижней части рва, имел аморфную структуру и представлял собой мешанную коричневую и серую (сизую) глину, слои супеси и песка с включениями гумуса, древесных остатков и редких находок. Он отложился во время постоянных затоплений, размывания и оползания его склонов, что подтвердили исследования палеоботаников.

Весьма интересным представляется и то, что в этих явно перемешанных слоях были расчищены дубовые бревна, чурки и колья, многие из которых

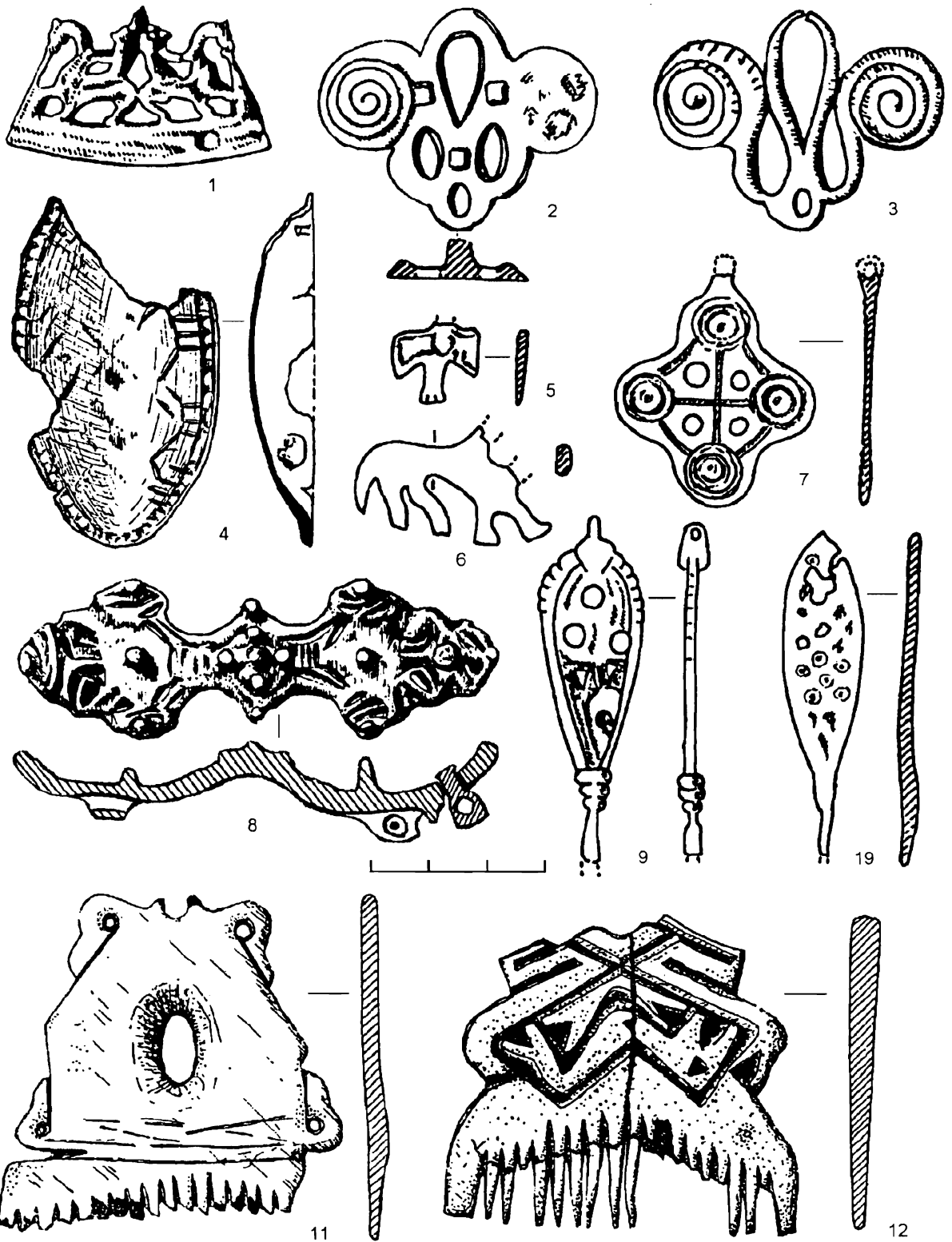

Рис. 4. Рюрикovo городище. Находки финно-угорского происхождения: 1 – кресало с бронзовой рукоятью; 2, 3 – цепедержатели; 4 – овальная фибула; 5, 6 – зооморфные украшения; 7 – подвеска; 8 – равноплечная фибула; 9, 10 – копоушки; 11, 12 – роговые гребни

Рис. 4. Ryurik Gorodishche. Finds of Finno-Ugrian provenience: 1 – fire-steel with bronze handle; 2, 3 – chain-holders; 4 – oval fibula; 5, 6 – zoomorphic ornaments; 7 – pendant; 8 – equal-armed fibula; 9, 10 – ear-spoons; 11, 12 – horn combs

Рис. 5. Рюриково городище.

Раскопки заполнения древнего рва на месте ложбины, разделявшей мысовую и возвышенную части холма

Fig. 5. Rurik Gorodishche. Excavation of the fill of an ancient ditch on the place of the gully which separated the promontory and the elevated area

имели следы обработки. Диаметр большинства из них 10–15 см. Выделялось значительное количество дубовых (часто не ошкуренных) колов длиной 1,5–2 м, один конец которых заострен, а на противоположном, в 0,15–0,25 м от конца сделаны врубки-чашки длиной 0,15–0,22 м и глубиной 4–5 см (у некоторых колов места врубок стесаны). На ряде жердей, концы которых не заострены, также вырублено по одной, а иногда и по две чашки в разных местах.

Все эти остатки дерева лежали в беспорядке на различной глубине. Можно было лишь отметить для большинства из них общий наклон, соответствующий падению склона холма с северо-запада на юго-восток, а для меньшей части – наклон, соответствующий понижению дна рва с северо-востока на юго-запад, к Волхову. Для каждого отдельного бревна или кола длиной около 2 м разница между уровнями залегания его концов составляла 0,2–0,3 м, а для более длинных – даже 0,5–0,7 м. Эти дубовые колы были сброшены и сползли вниз по склону, причем это произошло не одновременно, так как часто их разделяли слои глины, супеси и гумуса. Было установлено, что остатки дубовых конструкций относятся к раннему периоду существования поселения, по крайней мере, ко второй половине IX в., поскольку они были перекрыты слоями гумуса, в которых удалось зафиксировать основания нескольких печей для выпечки хлеба. Дендрохронологический анализ бревен из обкладок печей показал, что самая ранняя из них была сооружена на рубеже IX–X вв. (даты спилов – 889, 896, 897 гг.). Если время, к которому относятся остатки дубовой конструкции или конструкций сомнений не вызывало, то первоначальный облик

сооружения оставался не ясным. Учитывая, что материалом служил дуб, практически не применявшийся в жилом и хозяйственном строительстве Новгорода, а в основном использовавшийся при возведении укреплений или для поделок, и, учитывая само расположение найденных на Городище развалов конструкции в месте перехода от холма к мысу, по склону рва, я в свое время высказал предположение, что дубовые колы и бревна являлись частями каких-то ограждений на самом холме, то есть остатками оборонительной системы поселения. Ничего более конкретного в отношении этих загадочных остатков тогда еще сказать было нельзя (Носов, 1990. С. 50).

В последующие годы раскопки проводились на других участках Рюрикова городища. К юго-востоку от церкви Благовещения в 1987–1989 гг. был зафиксирован ров, контуры которого отразились и на характере горизонталей общего топографического плана Городища. Судя по радиоуглеродному анализу, его заплывание началось уже в конце IX–первой половине X в., а сооружен он был еще раньше. Это позволило высказать мысль, что ров, открытый в высокой части холма, и ров на месте ложбины при переходе от холма к мысу взаимосвязаны и входили в единую систему оборонительных сооружений (Носов, 1990. С. 152–153; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 48–50).

В 1998 г., учитывая уникальную сохранность древних органических остатков при переходе культурного слоя от холма к мысу, было решено возобновить здесь раскопки и вести их, непосредственно следуя обнаруженному в 1977–1979 гг. рву, продвигаясь постепенно к северу и северо-востоку от изученного участка. Тем самым мы должны были получить дополнительные материалы о слоях с органикой IX–самого начала X вв., каких на территории собственно Новгорода до сих пор не найдено, и одновременно ответить на вопрос о характере первых дубовых укреплений Городища. Достаточно трудоемкие раскопки с полной промывкой культурных слоев шли в 1998–1999 гг. В 2000 г. на склоне рва было обнаружено пять дубовых клетей с поперечными плахами и вбитыми между ними колами. Все они, хотя еще и сохраняли определенный порядок, лежали не *in situ*, а сползли по склону (рис. 6, 7). В 2001 г. было продолжено снятие мощных суглинистых и песчаных отложений с отдельными включениями дубовых бревен и колов, явно находившихся во вторичном залегании. Наконец, летние месяцы 2002 и 2003 гг. выдались на редкость сухими, уровень воды в реках Приильменья и в самом озере понизился, и нам впервые за многие годы удалось опуститься на площади раскопа даже ниже уровня

Рис. 6. Рюриково городище. Остатки дубовых оборонительных конструкций. Вид с юго-востока
Fig. 6. Rurik Gorodishche. Remains of oak-wood defensive structures. View from southeast

Рис. 7. Рюриково городище. Остатки дубовых оборонительных конструкций. Вид с северо – северо-запада
Fig. 7. Rurik Gorodishche. Remains of oak-wood defensive structures. View from north-northeast

воды в Волхове в летнюю межень и спокойно исследовать самое основание рва. Здесь и были расположены находившиеся *in situ* деревянные дубовые конструкции. Общая картина, по крупицам собиравшаяся годами, стала складываться во едино.

Было установлено, что изначально городищенский холм в его мысовой части имел такой же пологий склон, как и с других его сторон. Его нынешняя крутизна оказалась лишь результатом позднейших нарушений. У самого основания холма были расчищены остатки двух рядов деревянных конструкций. Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, незамкнутые со стороны холма (если бы имелось четвертое бревно, то тогда можно было бы говорить о клетях). Длина их внешних стен составляла до 4 м. Ширину их не везде достоверно удалось проследить, поскольку бревна боковых стен, упиравшиеся в песчаный материковый склон, сохранились плохо. Перед рядом трехстенных срубов были расчищены остатки второй, внешней полосы деревянных конструкций. Она сохранилась значительно хуже, так как ее наружная, обращенная ко рву сторона, оказалась на исследованном участке еще в древности полностью разрушена. От нее уцелели ряды поперечных стенок, находившиеся в 1–2 м друг от друга. Длина их составляла не менее 3 м. Возможно, внешняя полоса деревянных конструкций представляла собой усложненный вариант срубов внутреннего ряда. Эти конструкции поднимались рядами вверх на высоту не менее 4 м. Срубы, как и пространство между ними были заполнены красноватой супесью. Тем самым площадь холма в южном направлении была значительно увеличена, а сама поселенческая площадка оказалась защищенной со стороны Ильменя мощной деревоземляной конструкцией, своеобразным вертикальным деревянным панцирем, засыпанным изнутри грунтом. Возможно, частично деревоземляная конструкция несколько возвышалась и над площадкой, а по ее краю мог идти, к примеру, деревянный тын. Перед этим дубовым сооружением ложбина была углублена, образовав защитный ров.

В прямом смысле обычным оборонительным валом это сооружение назвать нельзя, прежде всего потому, что оно стало возводиться не по краю более высокой части холма, что было бы вполне естественным, а от самого его подножия, тем самым, поднимая данный участок, в первую очередь, до уровня площадки, а не над ней. Вместе с тем очевидность грандиозности проведенных в древности работ не оставляет сомнений в той зна-

чительной роли, которую придавали данному сооружению жители поселения. На мой взгляд, строители конструкции поставили перед собой двойную, а до некоторой степени и тройную задачу. Во-первых, несомненно, была усилена оборона поселения – вместо пологого склона появилась мощная деревянная стена высотой не менее 4 м. Во-вторых, оказалась увеличенной площадь цитадели. В-третьих, описанная конструкция служила и как гидротехническая защита холма. Последний факт нельзя недооценивать, и он связан с сугубо природными особенностями истока Волхова и Ильменя.

Дело в том, что Ильмень, являясь мелководным водоемом со средними глубинами 3–5 м, ежегодно во второй половине апреля значительно разливается, затопляя обширные пойменные территории, уровень воды поднимается на 3–4 м, а в отдельные годы – на 6–8 м. Вся эта огромная масса воды, собираемая реками Мстой, Полой, Ловатью, Шелонью и многими более мелкими реками устремляется к единственному выходу – к Волхову. Первым холмом, который встречал этот весенний напор водной стихии, был городищенский холм. Усиливаемый «шелоником» – юго-западным ветром, господствующим здесь и разгонявшим особенно высокую волну, этот напор особенно усиливался. Напомню, что весь титанический труд, затраченный на строительство вручную Сиверсова и Маливищерского каналов в XIX в., служил именно тому, чтобы избежать этого юго-западного напора ильменских вод.

В связи с этим, хочу обратить внимание читателя на инженерное решение, предложенное для защиты данного участка городищенского холма при строительстве Сиверсова канала. Канал был прорыт через мысовую часть возвышенности, практически там, где находилась древняя ложбина, подправленная для сооружения рва. Во время строительства ширина канала достигала 16–24 м. Его северный берег там, где канал выходил к Волхову, то есть сам мыс, был укреплен выкладкой из мощных валунов и забитыми дубовыми сваями (сейчас сохранились отдельные сваи и каменная кладка на протяжении 40–50 м). Единственной целью этого сооружения являлось сохранение возвышенности от размыва во время весеннего движения воды из Ильменя. Действительно, это изменило ситуацию к лучшему и, хотя сейчас ширина Сиверсова канала достигает 90–100 м (в 20-е гг. XX в. – 70 м), его расширение произошло за счет южного берега, где никаких укреплений не возводилось. Практический смысл в подобной защите городищенского мыса, несомненно, был. В 1922 г.

наблюдался особенно высокий паводок на Ильмене. Вода поднялась на 8 м. По свидетельству городищенских старожилов напор воды был столь угрожающ, что все жители деревни, где насчитывалось около 30 домов, на подводах возили камни, кирпичи, грунт и сваливали под откос к укреплениям канала, о которые в неистовстве, подгоняемая юго-западным ветром билась ильменская волна. По существу, древний «дубовый панцирь» IX в. и каменно-дубовая защита Городища начала XIX в., располагаясь в одном и том же месте, частично выполняли аналогичные функции.

Однако, древняя дубово-земляная конструкция, хотя и потребовала столь значительных строительных усилий, при всей своей внешней грандиозности была возведена реально на песке у склона холма, и не устояла под напором стихии. При ежегодных подъемах воды основание сооружения было подмыто, заваливаясь в сторону рва, оно поползло вниз по склону, а его остатки оказались перемешанными с грунтом и заматы при последующих подъемах воды. На рубеже IX–X вв. грандиозное оборонительное и гидротехническое сооружение прекратило свое существование, и больше не возобновлялось. Напрашивается мысль о том, что строители оборонительной стены Городища оказались недостаточно знакомыми с природными особенностями Ильменя, за их плечами не было опыта многолетних наблюдений. Крупные подъемы воды, как мы знаем сейчас после начала регулярных измерений, разделяют десятилетия. В меньшей степени представляется возможным предположить, что такой опыт у строителей был, но за какие-то несколько десятков лет характер водного режима озера столь резко изменился, что вызвал катастрофические подтопления, тем более, если учитывать столь значительный разброс в высоте половодий в разные годы – от 3 до 8 м.

Деревоземляные укрепления Рюрикова городища являются на территории Древней Руси одними из древнейших сооружений подобного рода и имеют исключительную важность для изучения истории становления традиций древнерусского крепостного строительства. Прямых аналогий им мы пока не знаем, хотя отдельные элементы внутривальных деревянных конструкций известны в валах древнерусских городов Поднепровья, западнославянских городищ территории современной Польши и Германии, в Ютландии (трехстенные срубы ранней части Датского вала). Самым примечательным является то, что у нас не было таких примеров на территории древней Руси, где бы деревянная оборонительная стена возводилась от

подножия возвышенности, а не на ней. Можно ли свести использование подобного инженерного приема исключительно к уникальному водному характеру озера Ильмень, хотя мы и показали, что в данном случае смысл применения такого решения, несомненно, был? То, что укрепления средневековых поселений, располагавшихся в подверженных затоплениям местностях, особенно на речных островах, имели двоякую функцию и были защитой не только от врагов, но и от стихийных бедствий, не раз отмечали исследователи (*Гензель, 1959. С. 91–92; Загоруйский, 1982. С. 156*).

Аналогия нашим конструкциям появилась весьма неожиданно. Осенью 2004 г. киевским исследователем, В. К. Козюбой на основе анализа архивных материалов раскопок, прежде всего, Д. В. Милеева было показано, что последним в 1908–1911 гг. была открыта сложная «перекладная» деревянная конструкция во рву, окружавшем детинец древнего Киева. Многоярусное дубовое сооружение поднималось от уступа в нижней части рва до площадки детинца, а, возможно, и выше, но самого вала не сохранилось. Определенно зафиксировано 12 ярусов конструкции. Интересно, что по реконструкции В. К. Козюбы лаги нижних ярусов стены выступали дальше, чем верхние, то есть стена была как бы двухчастной. По мнению автора, старокиевское городище было сооружено в VIII в. или на рубеже VIII–IX вв. (*Козюба, 2004. С. 139–152*). Автор, естественно, не был знаком с неопубликованными материалами по Рюрикову городищу, но тем поразительнее сходство установленных им принципов инженерного решения возведения укреплений. В конце I тыс. н. э. одновременно в двух главных центрах Руси – Киеве и Новгороде (Городище) был использован аналогичный инженерный прием – строительство оборонительных стен от основания рвов или холмов. Причины этого, очевидно, были разные. На Городище это было обусловлено, во многом, природным характером местности и водным режимом Ильменя, в Киеве, на мой взгляд, – желанием придать дополнительную отвесную преграду перед оборонительным валом крепости. Правда, не ясно была ли стена во рву возведена изначально при строительстве укреплений или уже на определенном этапе их существования, однако, судя по находкам лепной керамики в заполнении рва, эта произошло, видимо, в IX в. При определенных различиях в конструкциях, полагаю, что фиксация применения аналогичного инженерного решения в главных центрах формирования восточнославянской государственности, говорит о сходных тенденциях в

развитии оборонного зодчества внутри славянского мира.

После проведения нами первых работ на Городище, был установлен факт существования слоев с органическими остатками в мысовой части памятника, которые относились к начальному периоду его существования. Н. Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР определила небольшую серию дендрохронологических дат, охватывающих время от конца IX в. до середины X в. Однако, в напластованиях древнерусского и последующего времени органических остатков на Городище нет. Это связано с тем, что на самом песчаном холме никакой увлажненности, способствующей консервации органики, не было, а в мысовой части только самые нижние слои конца I тыс. н. э., залежавшие на глине, сохранили органику. Слои, находящиеся выше, сохранились лишь в виде гумуса. Все это значительно снижало информативные возможности получаемого археологического материала. Лишь в самые последние годы, при новых раскопках верхней части заполнения заплывшего рва, впервые удалось раскрыть слои конца XI – начала XII вв. с органикой и получить около десяти дендрохронологических датировок: 1081, 1095, 1097, 1102, 1106 гг. и др. (определения О. А. Тарабардиной в Лаборатории дендрохронологии Новгородского центра по организации археологических исследований при Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике). Это сразу привело к неожиданным для нас новым открытиям.

19 июля 2003 г. на Городище была найдена первая берестяная грамота (по общей нумерации грамот Новгорода она получила № 950 = Городище № 1) (рис. 8). Это явилось полной неожиданностью для нас, поскольку слои с органикой древнерусского времени никогда в пределы раскопок не попадали, хотя различные типы писал встречались среди многочисленного археологического материала. Грамота происходит из слоя, который хорошо датируется дендрохронологически. Она обнаружена всего лишь в 3 м по горизонтали и немного выше бревна с дендродатой 1099 г. и бревна с дендродатой 1105 г. Это фрагмент письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа. Связный перевод из-за утраты левой части невозможен, но фрагменты текста несут определенную информацию (комментарий В. Л. Янина и А. А. Зализняка). Текст грамоты начинается с обрывка слова ... [ц] оу – возможно, конец наименования адресата. Это могло быть, в частности, *къ отъцоу*. Далее сказано: «*вѣдал бы [ты?] князоу...*». После разрыва продолжено: «*[ити а] поп[ъ] ти ся*

мо[л]иль». На обороте: «...*а сеникъ продаи а чѣто ти на немъ...* (возможно: X-ом уже внесено [или что-то близкое по смыслу]) *ано а оно яз в[ы]правоу емоу и не ве...*» (так это я ему возьму). После разрыва читается: «*(а)[зѣ] т[и] сѧ пок[ла]н[яю по] сторовоу ва есмы*» (а я тебе кланяюсь. Мы у вас двоих благополучны, то есть у нас все в порядке; букв.: мы вам двоим пребываем «поздорову»).

Что означает здесь многозначное слово *сеник*, из-за отсутствия контекста неясно; вероятно, это сеновал или участок сенных покосов. *По сторову* – то же, что *по съдорову (по здорову)* «благополучно», «невредимо»; донныне сохраняется выражение *подобрѹ-поздорову*. Неожиданное двойственное число в конце («у вас двоих») после единственного числа («тебе кланяюсь») согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а именно, в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей. Множественное число *есмы* показывает, что в этой фразе он объединяет себя с кем-то еще – очевидно, с братьями или другими родственниками, вместе с которыми он отправился из дому для выполнения какого-то дела. Словоформа *сторову* – один из двух самых ранних примеров *ст* в этом слове и единственный элемент древненовгородского диалекта в этой грамоте; в остальном она ориентирована на наддиалектные нормы (*Зализняк, Носов, Янин, 2004. С. 22–23*).

В слое с древнерусской органикой были найдены остатки различных четырехугольных небольших построек, типичных для этого времени в Новгороде, некоторые с печами-каменками в углах (рис. 9). Однако, наряду с открытием берестяной грамоты при изучении слоя было сделано еще одно принципиальное для истории Городища наблюдение. Традиционно считалось, что сотни древнерусских вислых свинцовых печатей с Городища скрепляли документы княжеского архива, что сделало Городище, по выражению В. Л. Янина, «главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси» (*Янин, 1970. С. 6*). На том же сравнительно небольшом участке, что и грамота, при разборке различных небольших срубов, была найдена представительная коллекция сфрагистических материалов XI–XII вв. – около 15 свинцовых печатей и их заготовок. Среди них княжеские печати: две Владимира Всеволодовича Мономаха (1073–1093 гг.), Всеволода Мстиславича (1117–1136 гг.), Святослава Ольговича (1136–1138, 1139–1140 гг.), Святополка Мстиславича (1142–1148 гг.), Мстислава Юрьевича (1155–1157 гг.), Ярополка Ярославича (1197 г.), печать новгородского посадника Димитра Завидовича (1117–1118 гг.) и др. Находки печатей при разборке ненарушенных напластований момент край-

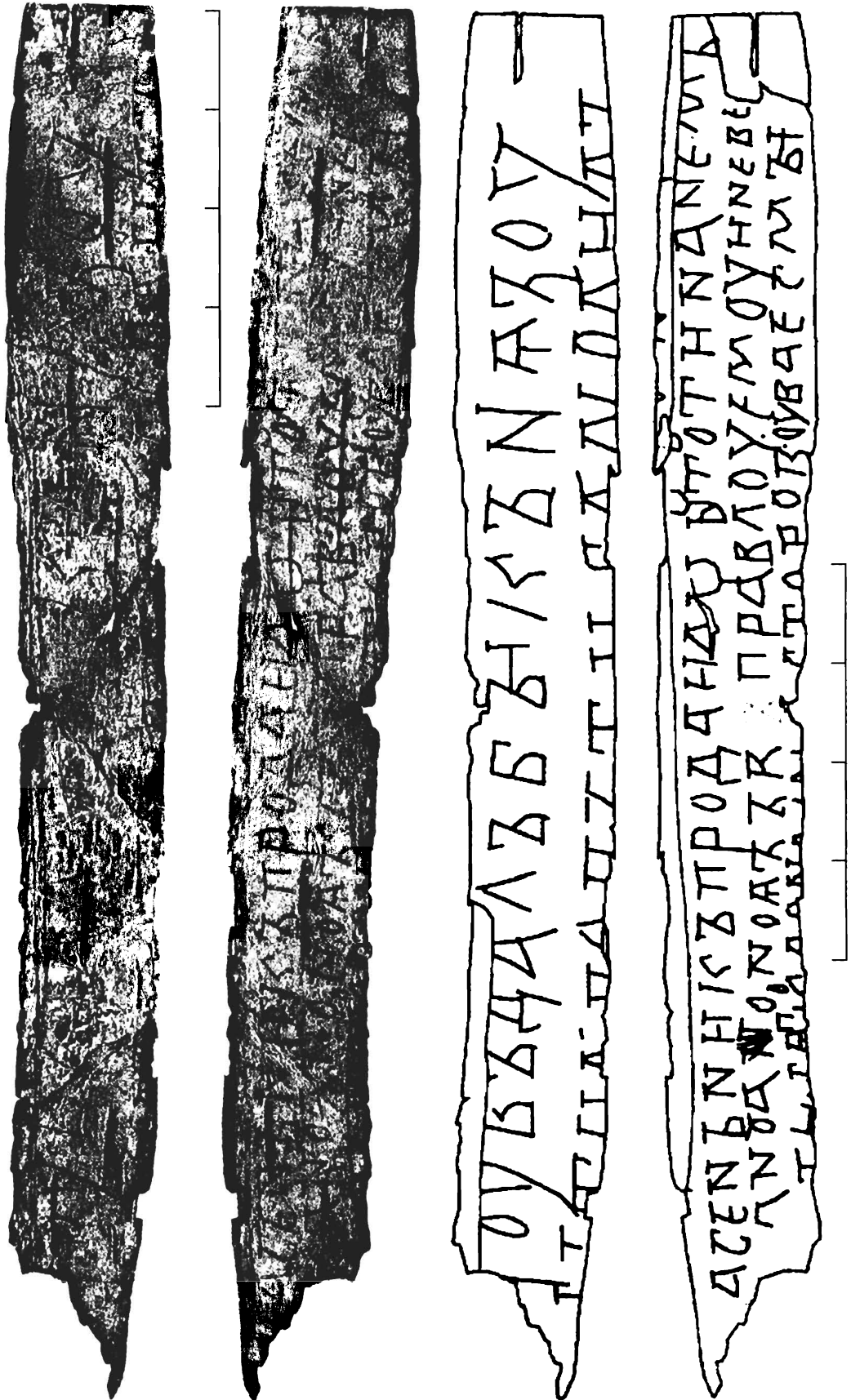

Рис. 8. Рюриково городище. Берестяная грамота (1 – фото; 2 – прорись)

Fig. 8. Rurik Gorodishche. Birchbark document (1 – photo; 2 – drawing)

Рис. 9. Рюриково городище. Основание деревянной постройки XII в.

Fig. 9. Ryurik Gorodishche. Foundation of a wooden structure of the 12th century

не важных для понимания ряда общих проблем, связанных с Городищем. Главный вывод, который мы смогли сделать – найденные печати относятся не к остаткам архива новгородских князей, разоренного в московский период истории города, а хранились непосредственно вместе с документами в домах некоторых жителей Городища. Последние принадлежали, очевидно, к высшим социальным слоям новгородского общества. Это открывает новые перспективы в общей оценке сфрагистической коллекции Городища.

В 2003 г. в верхней мысовой части Городища, на участке с неотчетливой стратиграфией (перекоп или воронка времен второй Мировой войны на месте ямы с древнерусской гончарной керамикой) был обнаружен череп обезьяны¹. Его радиоуглеродное датирование в одной из лабораторий США (Beta Analytic Inc., Florida, USA) показало, что он относится к периоду между 1040 и 1260 гг. (95% вероятности) или к периоду между 1160 и 1220 гг. (65% вероятности). Пересечение между средней датой по радиоуглероду и калибровочной кривой 1180 гг. Одним словом, время жизни обезьяны приходится на конец XII вв. ± 40–50 лет, то есть на время существования княжеской резиденции на Городище. Изучение черепа английскими зоологами показало, что он принадлежит взрос-

лой женской особи *Macaca sylvanus*. Макаки данного вида в настоящее время обитают в горных районах Марокко и Алжира, а ранее были распространены в Тунисе и Ливии. Особь с Городища, судя по следам кариеса, определенное время содержалась в неволе. Одним словом на Городище она попала из Средиземноморья и содержалась при дворе одного из новгородских князей. Мы не так уж много знаем о ежедневной жизни и быте русских царей, а развлечения, забавы и быт древнерусских князей нам почти вообще неизвестны. Уникальная находка с Городища приоткрывает нам одну из любопытных страниц прошлого. Кстати в Западной Европе в средние века останки обезьян происходят только с поселений высокого социального статуса, что вполне соответствует находке с Городища.

В 2005–2006 гг. раскопки были продолжены непосредственно на городищенском холме. Исследования были направлены на решение как научных задач, так и на охрану культурного слоя памятника, поскольку из-за действующего кладбища древний слой здесь продолжает разрушаться. В результате работ удалось соединить участки, исследованные в 1980 и 1989 гг. в центральной части Городища, и получить более полное представление об особенностях заселения этой части памятника на началь-

¹ См. в настоящем сборнике статью М. Брисбейна, М. Молтби, Э. Хамблтон, Е. Носова «Африканская обезьяна при дворе новгородских князей» – *Ред.*

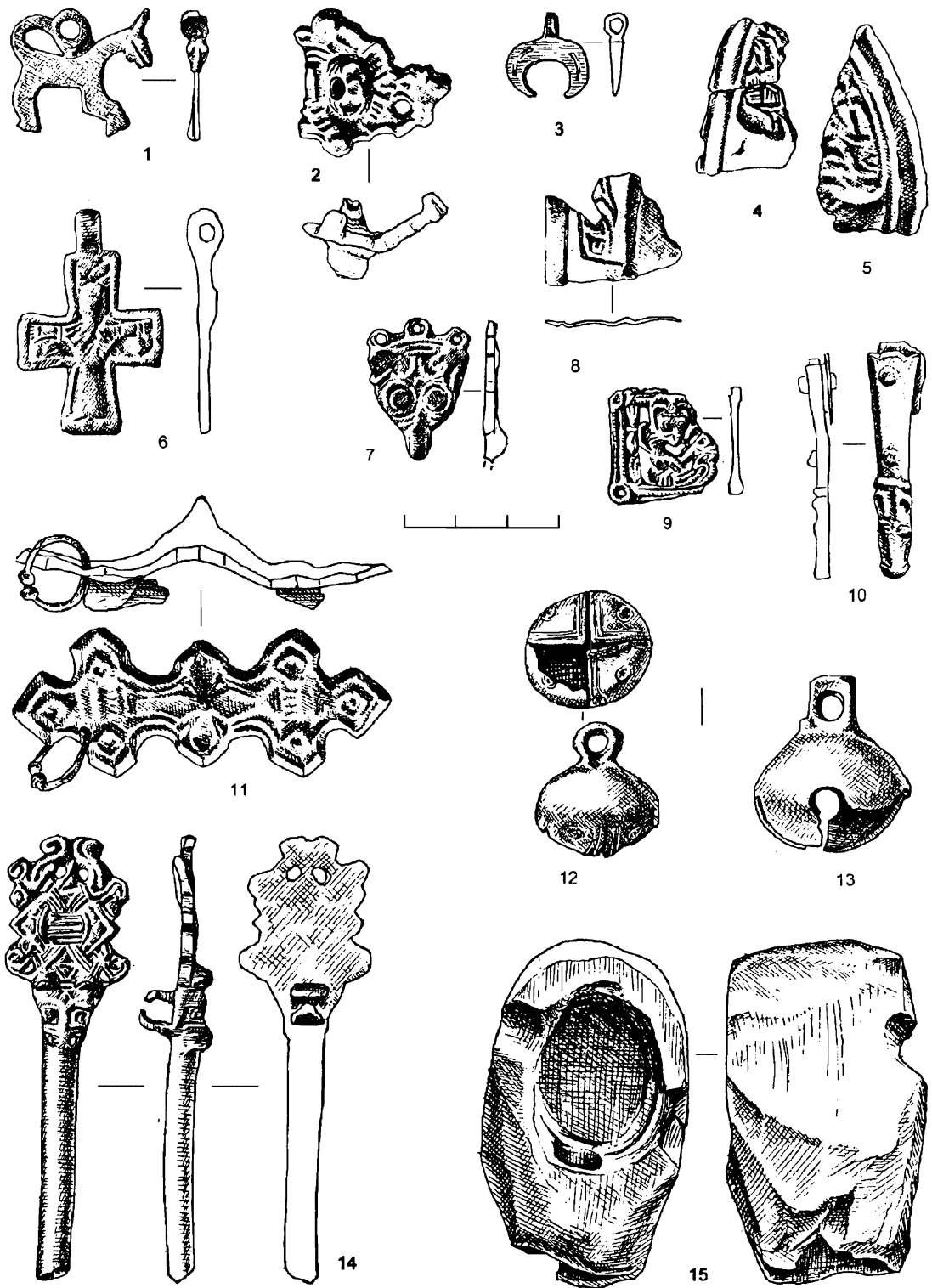

Рис. 10. Рюриково городище. Находки из раскопок 2006 г. на вершине городищенского холма: 1 – подвеска-конек; 2 – обломок равноплечной фибулы; 3 – лунница; 4, 5, 8 – фрагменты скорлупообразных фибул; 6 – крест; 7 – крючок в стиле Борре; 9 – накладка в стиле Борре; 10 – наконечник пояса; 11 – равноплечная фибула; 12–13 – бубенчики; 14 – навершие иглы кольцевидной булавки; 15 – льячка

Fig. 10. Finds from excavation of 2006 on the top of the Gorodishche hill: 1 – horse-pendant; 2 – fragment of equal-armed fibula; 3 – lunate ornament; 4, 5, 8 – fragmentary eggshell fibulae; 6 – cross; 7 – hook in the Borre style; 9 – mount in the Borre style; 10 – belt-tip; 11 – equal-armed fibula; 12–13 – jingles; 14 – head of the pin of ring clasp; 15 – ladle for molten metal

Рис. 11. Рюриково городище. Печь-каменка X в. в раскопе 2006 г

Fig. 11. Rurik Gorodishche. «Kamenka» – a stove of the 10th century excavated in 2006

ном этапе его истории. Задачей работ явилось изучение участка древнего рва, разделявшего укрепленную и неукрепленную часть городища, и примыкавшую к нему территорию.

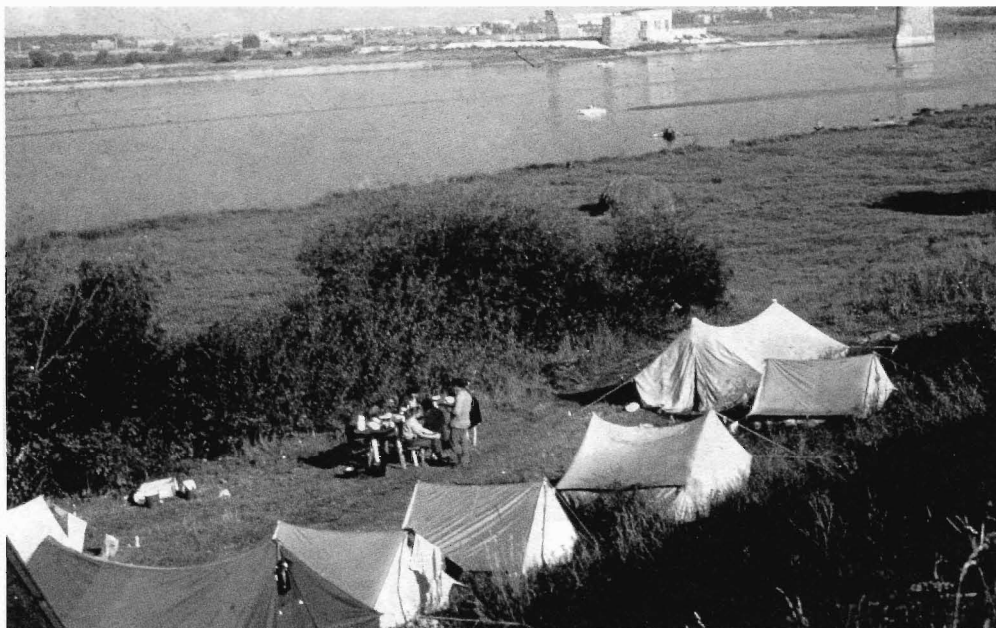
В слое встречались находки различных эпох от глубокой древности (рис. 10) вплоть до наших дней: фрагменты сосудов и кремневый инвентарь периода раннего металла, обломки лепной керамики и предметы IX–X вв., образцы посуды и находки древнерусского и позднесредневекового периода, а также производственные комплексы X в. (рис. 11).

Систематические раскопки на Рюриковом городище, начавшиеся 30 лет назад и ежегодно продолжающиеся в охранных целях и в целях дальнейшего изучения памятника, несомненно, приведут к новым интересным открытиям и пополнят наши знания о начальных веках русской истории.

* * *

За десятилетия работ на Городище в раскопках участвовали сотни школьников, студентов, музейных работников, преподавателей и просто энтузиастов разных специальностей многих городов России, которые внесли неоценимый вклад в рабо-

ту экспедиции и способствовали ее научным достижениям. Невозможно персонально перечислить их всех, а тем более отразить их деятельность на нескольких десятках фотографий. Тем не менее, я хочу отметить, что большой вклад в работу экспедиции внесли и наши зарубежные коллеги – студенты и преподаватели из Швеции (в частности из Стокгольмского университета с любимым всеми нами профессором Ингмаром Янссоном), Финляндии, Германии, Франции, Англии, Ирландии. Всем им в юбилей экспедиции я хочу выразить свою искреннюю благодарность. Постоянную поддержку при проведении раскопок на Городище оказывали сотрудники Новгородской экспедиции МГУ и Института археологии (начальник экспедиции академик В. Л. Янин), Новгородского центра по организации археологических исследований (руководитель профессор А. С. Хорошев) и Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (директор Н. Н. Гринев). В подготовку данного сборника и его редактирование огромный вклад внес Александр Евгеньевич Мусин, постоянный участник экспедиционных исследований на протяжении двух десятилетий.

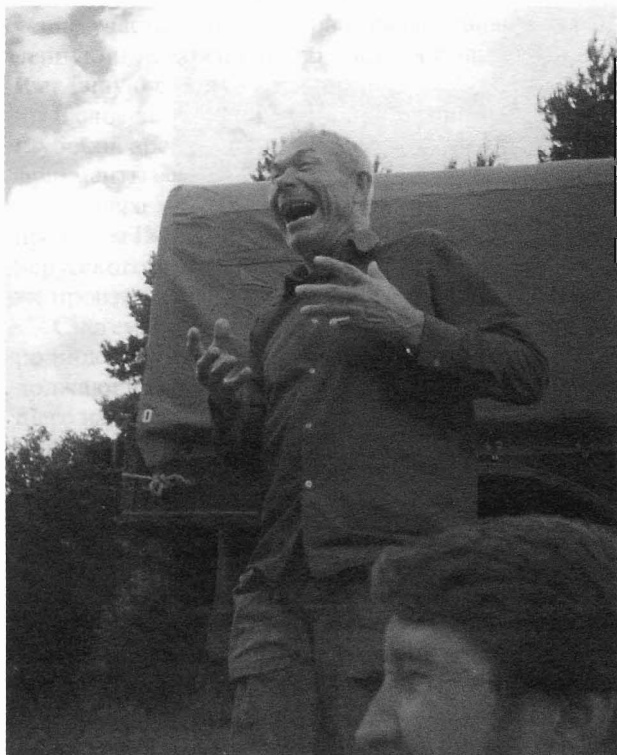
Общий вид городищенского лагеря в 1977 г.
General view of the Expedition camp at Gorodishche in 1977

Экспедиция 1977 г. Слева – Евгений Носов
Expedition of 1977. Evgeniy Nosov left

Съёмки плана на Городище. 1979 г. Слева направо – В. Казаков, Н. Пахомов и Е. Носов
Making plan of Gorodishche in 1979. From left to right: V. Kazakov, N. Pakhomov and E. Nosov

Многолетний водитель экспедиции, человек-легенда Василий Иванович Голощапов.

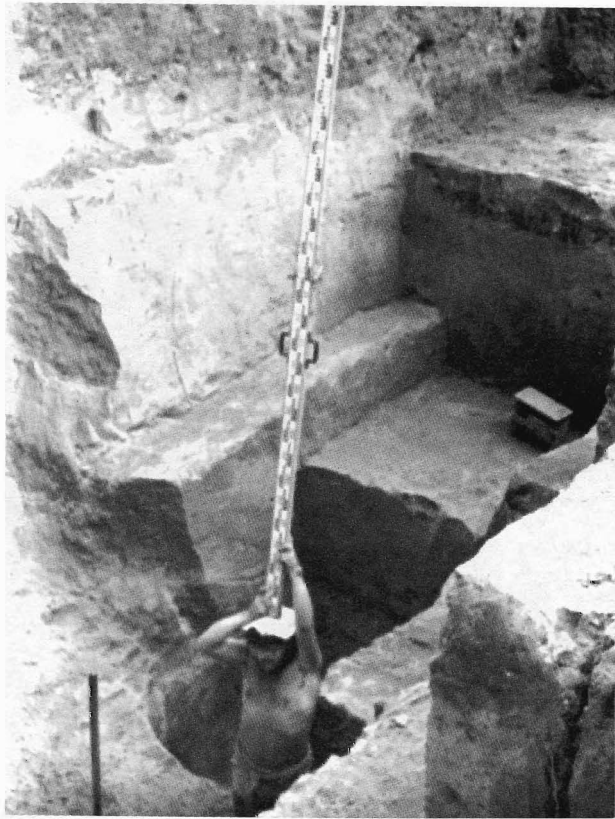
Expedition truck driver for many years Vasiliy Ivanovich Goloshchapov.

Михаил Данков – участник экспедиции
(стаж – с 1975 года, иногда навещает до сих пор)
Expedition participant Michel Dankov (participating since 1975)

Сергей Арамович – другой участник экспедиции
(с 1975 года до конца 80-х)
Another Expedition participant Sergey Aramovich
(participating 1975–1980s)

Прорезка городищенского рва. В качестве удлинителя рейки
Алексей Плохов – 1989 г. Участник экспедиции с 1984 г.
Drawing cross-section of the Gorodishche ditch, Alexey Plohov as
a caryatid. 1989, participant since 1984

Александр Мусин в 1987 г. (с этого года неперменный участник)
A. Musin in 1987 (permanent member of the Expedition staff from that year)

Экспедиция в 1987 г. Слева направо – Е. Носов, А. Мусин, М. Данков.
Спиной к фотографу сидит Сергей Попов
Expedition in 1987. From left to right:
E. Nosov, A. Musin and M. Dankov. Sergey Popov seen from the back

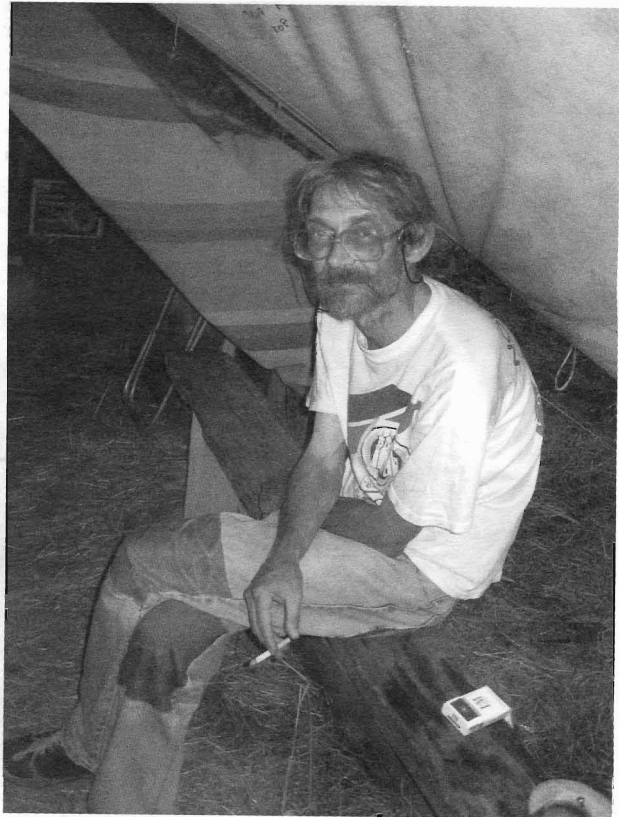
Начальник экспедиции Е. Носов на легендарном корабле «Малютка». 1987 г.
Director of the Expedition E. Nosov aboard the ship «Malyutka». 1987

Татьяна Дорофеева – последняя могоиканша (в экспедиции с 1977 г.)
Tatyana Dorofeeva – the *Last of the Mohicans* of the Expedition (participating since 1977)

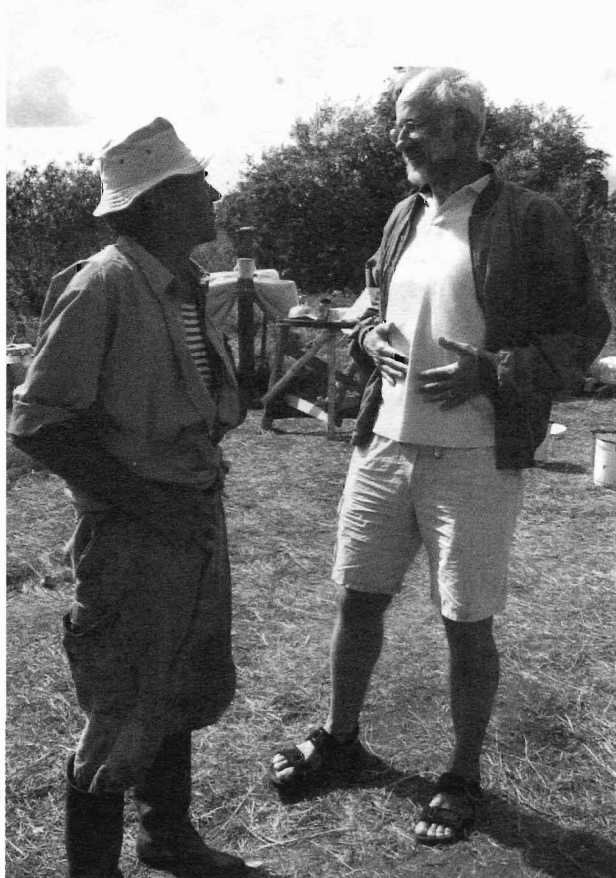
Тридцать лет спустя
Thirty Years after

Астрофизик-археолог, ученый муж археолога.
Геннадий Ковальцов, в экспедиции с 1987 г.
Gennadiy Koval'tsov, participant since 1987

Гости Городища. 1999 г.
Слева направо – Леонид Басальго, Е. Носов, Валентин Янин, Ингмар Янссон, Елена Рыбина
Gorodishche's guests. 1999. From left to right:
Leonid Basalygo, E. Nosov, V. Yanin, I. Jansson, E. Rybina

Современные варяги и аборигены на Городище. Профессор
Стокгольмского университета И. Янссон и местный жи-
тель дядя Женья. 2000 г.

The present-day «Varangians» and the aboriginal at Gorodishche.
Prof. of the Stockholm University I. Jansson and «uncle
Evgeniy». 2000

Национальные игры городищан. «Кубы». 1999 г.
Recreations in the Expedition. 1999

«Эй, ухнем» – другая национальная игра городищан. 1999 г.
Recreations in the Expedition. 1999

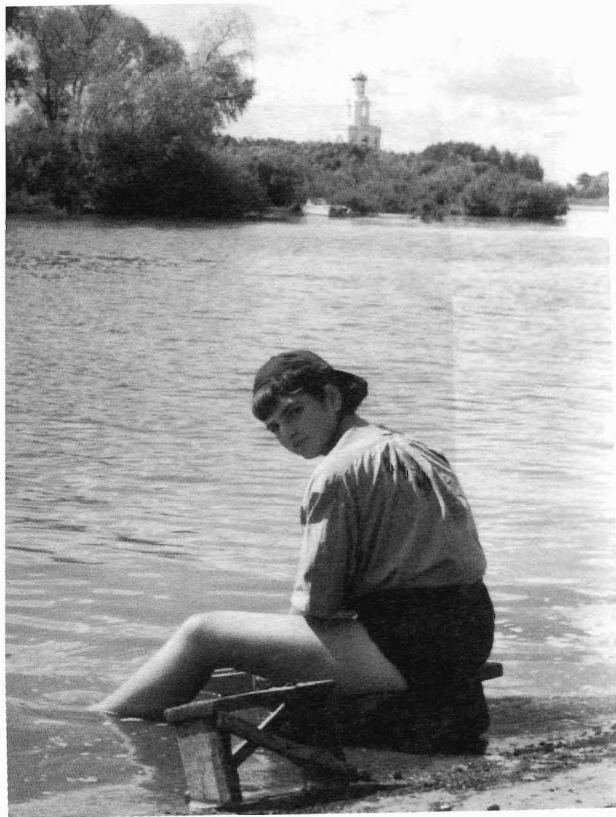
Рабочий момент. 2004 г.
Working moment. 2004

Рабочий момент – ловля ведра. 2000 г.
Working moment. 2000 г.

Рабочий момент – промывка слоя. 2001 г.
Working moment: wet-sieving of a layer. 2001 г.

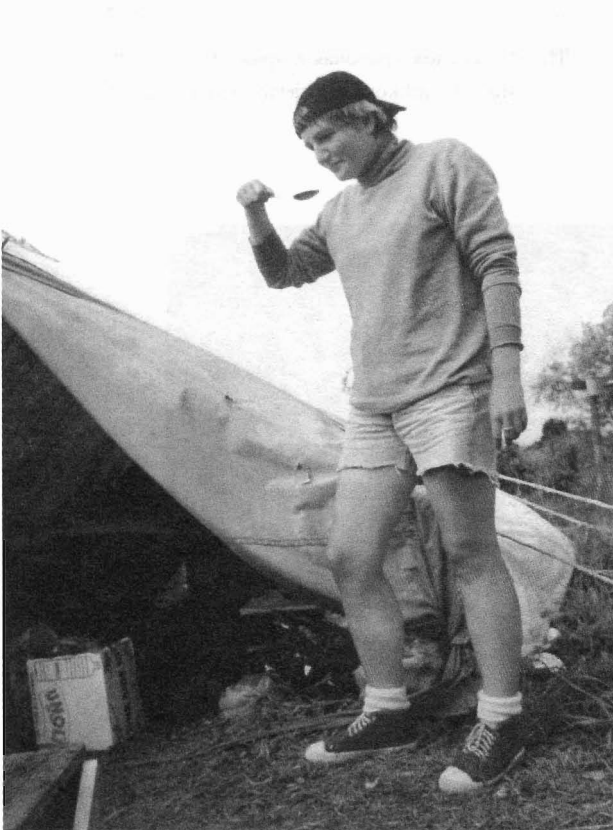
Промывка слоя – рабочая Мария Юшкова в 2000 г.
Mariya Yushkova wet-sieving a layer in 2000

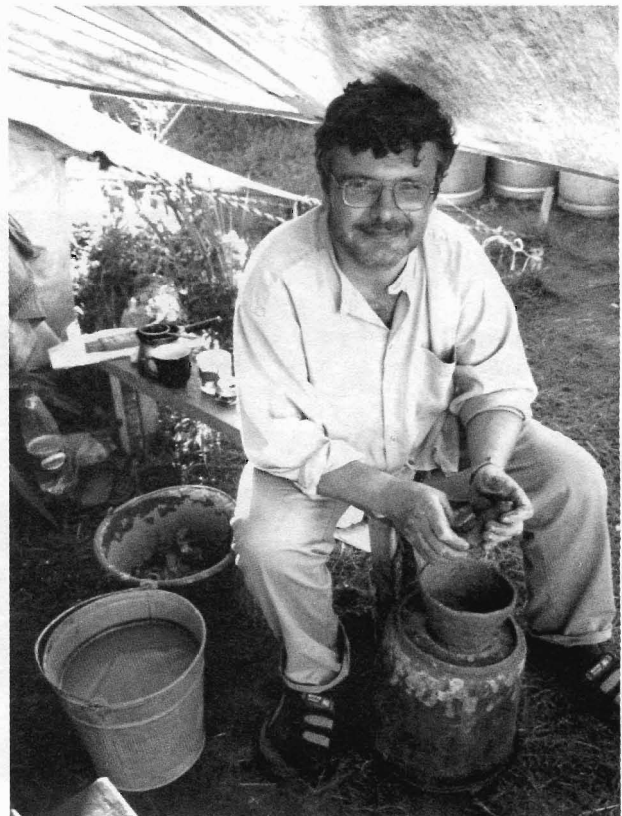
Руководящие указания – начальник раскопа М. Юшкова в 2005 г.
M. Yushkova – field director of an excavation area in 2005

Многолетняя кормилица Ольга Попова. 2004 г.
Expedition cook Olga Popova. 2004

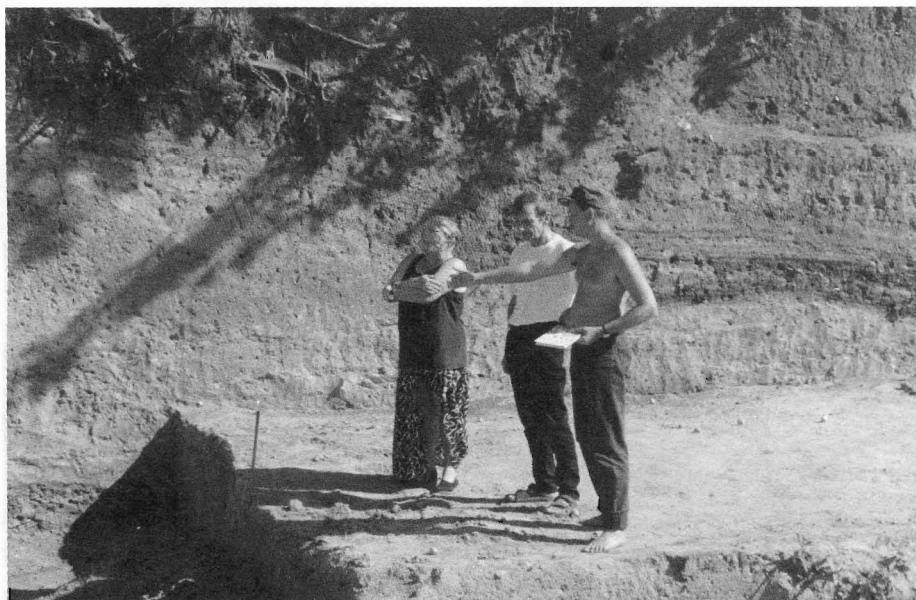
Мария Медведева. Снятие пробы. 2001 г.
Mariya Medvedeva at taking samples. 2001

Горшечник А. Плохов. Экспериментальная археология. 2004 г.
A. Plokhov. Experimental archaeology. 2004

Она нашла первую берестяную грамоту на Городище! Валерия Одинцова за работой. 2004 г.
Valery Odintsova (the discoverer of the first birchbark document at Gorodishche) working. 2004

Члены Отдела полевых исследований с «инспекционной» проверкой на раскопе. 2003 г.
Справа – Иван Еремеев

Members of the Department of Field Investigations examining the excavation. 2003.
In the centre Ivan Yermeev

Заезд на Городище. 2004 г.
Arrival to Gorodishche. 2004

Ольга Клименко: «Я знаю, лагерь будет!» (в экспедиции с 1987 г.)
Builder of the camp Olga Klimenko

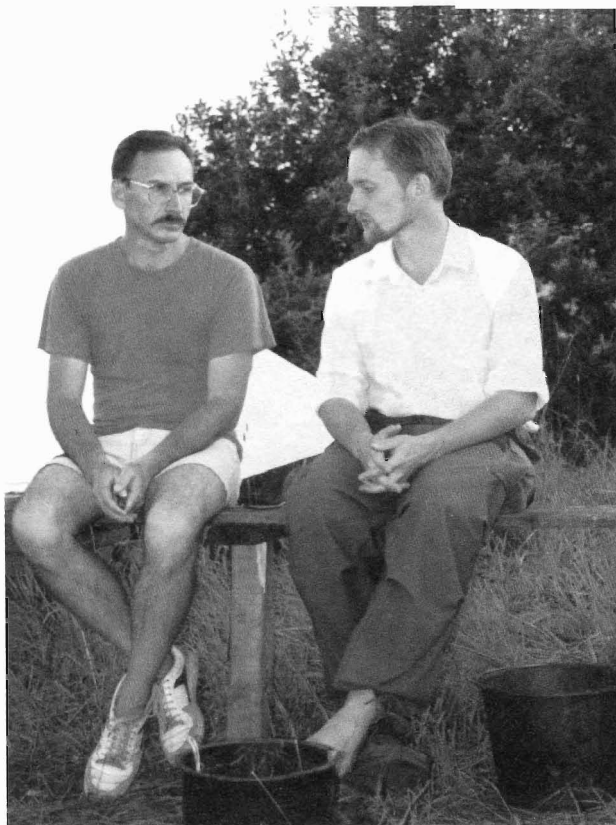
Александр Смирнов. Строитель лагеря и замков на песке. 2005 г.
Builder of the camp Alexander Smirnov. 2005

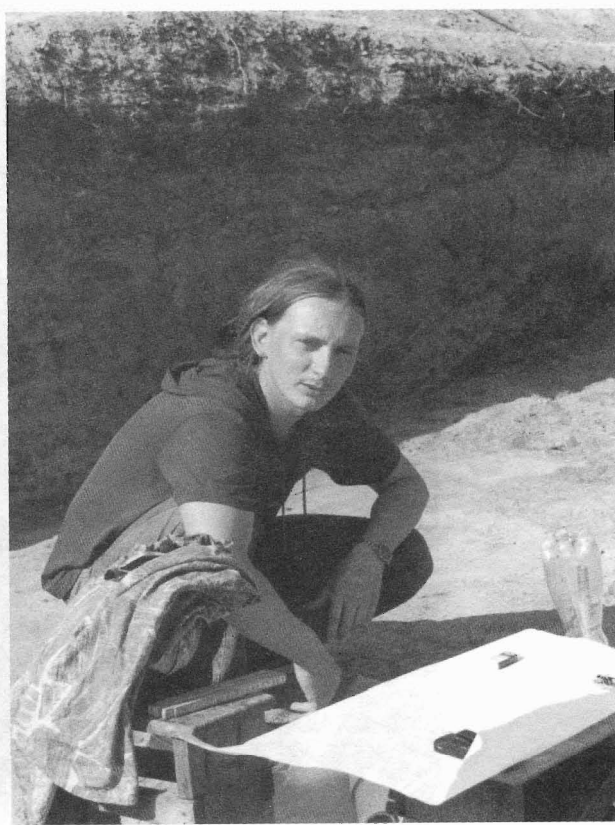
Хозяйка городищенского холма. Наталья Хвошинская. 2005 г.
Expedition participant Natalya Khvoshchinskaya. 2005

М. Медведева и «сами-знаете-кто». 2004 г.
M. Medvedeva and A. Plokhov. 2004

Участники экспедиции. Валерий Седых и Кирилл Михайлов
Expedition participants. Valery Sedykh and Cyril Mikhailov

Участник экспедиции Стас Васильев. 2003 г.
Expedition participant Stas Vasiliev. 3003

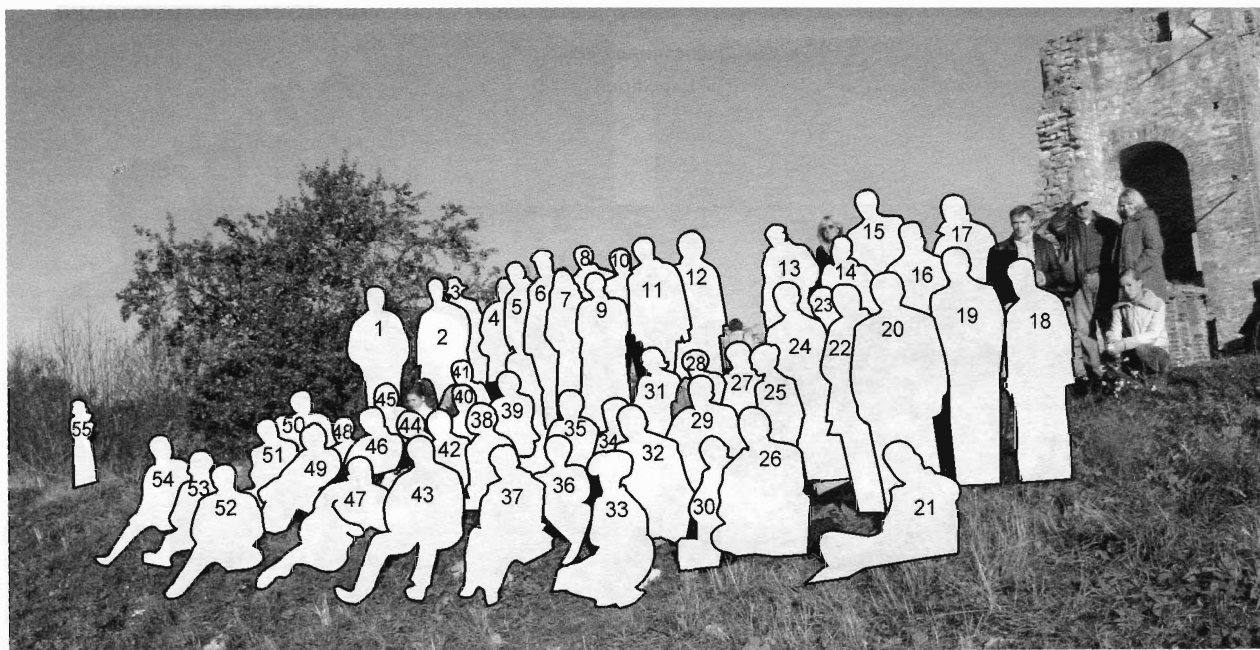
Экспедиция в 2003 г.
The Expedition in 2003

Уравнение с тремя неизвестными. 2005 г.
Working moment. 2005

Участники конференции 2005 г. на Рюриковом городище
Participants of the Conference of 2005 visiting Rurik Gorodishche

- 1 – А. И. Сакса; 2 – В. А. Волхонский; 3 – Н. Н. Кузьмина; 4 – Л. И. Авилова; 5 – А. В. Чернецов; 6 – Ф. Б. Успенский;
7 – О. И. Емельянова; 8 – М. В. Шорин; 9 – М. Д. Полуобяринова; 10 – М. Ю. Данков; 11 – П. Г. Гайдуков; 12 – Е. Л. Казанцев;
13 – В. Л. Янин; 14 – А. А. Пескова; 15 – А. В. Юрасов; 16 – иерей А. В. Панкратов; 17 – К. Цукерман; 18 – Н. П. Пахомов;
19 – В. Н. Седых; 20 – А. Ю. Иванов; 21 – И. И. Еремеев; 22 – Е. В. Торопова; 23 – А. Нерсисян; 24 – И. Ю. Анкудинов;
25 – М. И. Анкудинова; 26 – С. В. Моисеев; 27 – Л. В. Кукуца; 28 – Э. К. Кубло; 29 – И. Янссон; 30 – Е. М. Демидова;
31 – Л. П. Гайдукова; 32 – Д. Е. Мясников; 33 – В. М. Горюнова; 34 – А. Е. Мусин; 35 – Н. Ю. Климова; 36 – Н. Ю. Енисосова;
37 – Е. А. Рыбина; 38 – О. Н. Коваленко; 39 – С. В. Мясникова; 40 – А. Ф. Литвина; 41 – П. П. Колосницын; 42 – Т. А. Пушкина;
43 – Е. Н. Носов; 44 – Т. С. Дорофеева; 45 – Н. Д. Фирсова; 46 – А. В. Плохов; 47 – С. Е. Торопов; 48 – А. В. Курбатов;
49 – Н. В. Хвоцинская; 50 – А. А. Гиппиус; 51 – А. А. Пронин; 52 – Г. Н. Кожина; 53 – Л. А. Корчагина;
54 – А. М. Смирнов; 55 – А. А. Тодорова

Игорь Ю. Анкудинов
Великий Новгород. Россия

NEW DOCUMENTARY SOURCES ON NOVGOROD GORODISHCHE

Igor Yu. Ankudinov
Veliky Novgorod. Russia

ABSTRACT: *This paper presents a number of written documents which have been revealed in various archives and contain new information on the history of Gorodishche during the 17th–19th centuries. Of primary importance are maps of the 18th and early 19th centuries, in particular the plan of Novgorod of 1819 and plans of General land division of 1780s and the land division of Empress Elisabeth (1761). These maps have recorded the situation prior to construction of the Sivers Canal. In addition, here are published eleven documents of the 16th–17th century which described homestead buildings and circulation of land property within the area of Gorodishche. Thus, in the mid-16th century there were 35 taxable estates here and nine which belonged to clergy. These descriptions enable us to assess the size of the estates. There is information on production of canons at Gorodishche in 1623. This evidence is first considered in respect of studies of the historical topography of the site and medieval navigation, supporting certain conclusions of archaeologists, e. g. on the location of the St. Nicholas church.*

Новгородское (Рюриково) городище в настоящее время является приоритетным объектом внимания археологов. Именно археологические раскопки последних десятилетий принесли большой массив информации, позволившей составить представление о Городище в ранний период его истории. Исторические источники, относящиеся к территории Городища, немногочисленны. Это, прежде всего, сообщения летописей, а также редкие упоминания Городища в материалах XVI–XVIII вв. Материалы письменных памятников, наряду с материалами археологических раскопок прошлых лет, уже использовались Е. Н. Носовым при исследовании Городища (Носов, 1990. С. 13–15).

В настоящей статье публикуются новые письменные источники по территории Городища, выявленные в различных архивохранилищах. Публикуемые материалы содержат новую информацию по топографии и истории Городища XVII–XIX вв. Наиболее важными, на наш взгляд, являются картографические материалы середины XVIII–начала XIX вв. Прежде всего, укажем на изображение территории Городища на плане окрестностей Новгорода 1819 г. (цв. ил. 1; рис. 1). Оригинал плана хранится в РГИА, а современная ему копия – в РГВИА (РГИА. Ф. 380. Оп. 16. Д. 1523. Л. 6; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22253). Сам по себе план 1819 г. не может быть назван новым для истори-

ков: он широко известен среди исследователей Новгорода и неоднократно использовался ими для решения вопросов исторической топографии города. Однако для изучения территории Городища этот план до сих пор не привлекался.

План 1819 г. является самой ранней топографической съемкой окрестностей Новгорода, выполненной военными топографами в связи с созданием в Новгородском уезде военных поселений. План выполнен в масштабе 100 саженей в дюйме (примерно 1: 8400). Такой крупный масштаб позволял отобразить на карте довольно мелкие объекты. Сравнение плана 1819 г. с современными топографическими картами показывает высокую степень его точности. Кроме того, это была первая топографическая съемка в окрестностях Новгорода, зафиксировавшая рельеф местности.

Поскольку план 1819 г. фиксирует состояние местности после прорытия Сиверсова канала, мысовая часть Городища изображена на нем прорезанной этим каналом. На плане обозначена застройка территории, располагавшаяся вдоль берега Волхова, а также вдоль двух «улиц» к северу от церкви Благовещения. Еще один участок застройки показан к северо-западу от этой церкви в 200 м от берега Волхова. Как обозначено на плане, в 1819 г. здесь располагалось семь крестьянских дворов и три двора церковнослужителей. Почти

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 04-01-00251а).

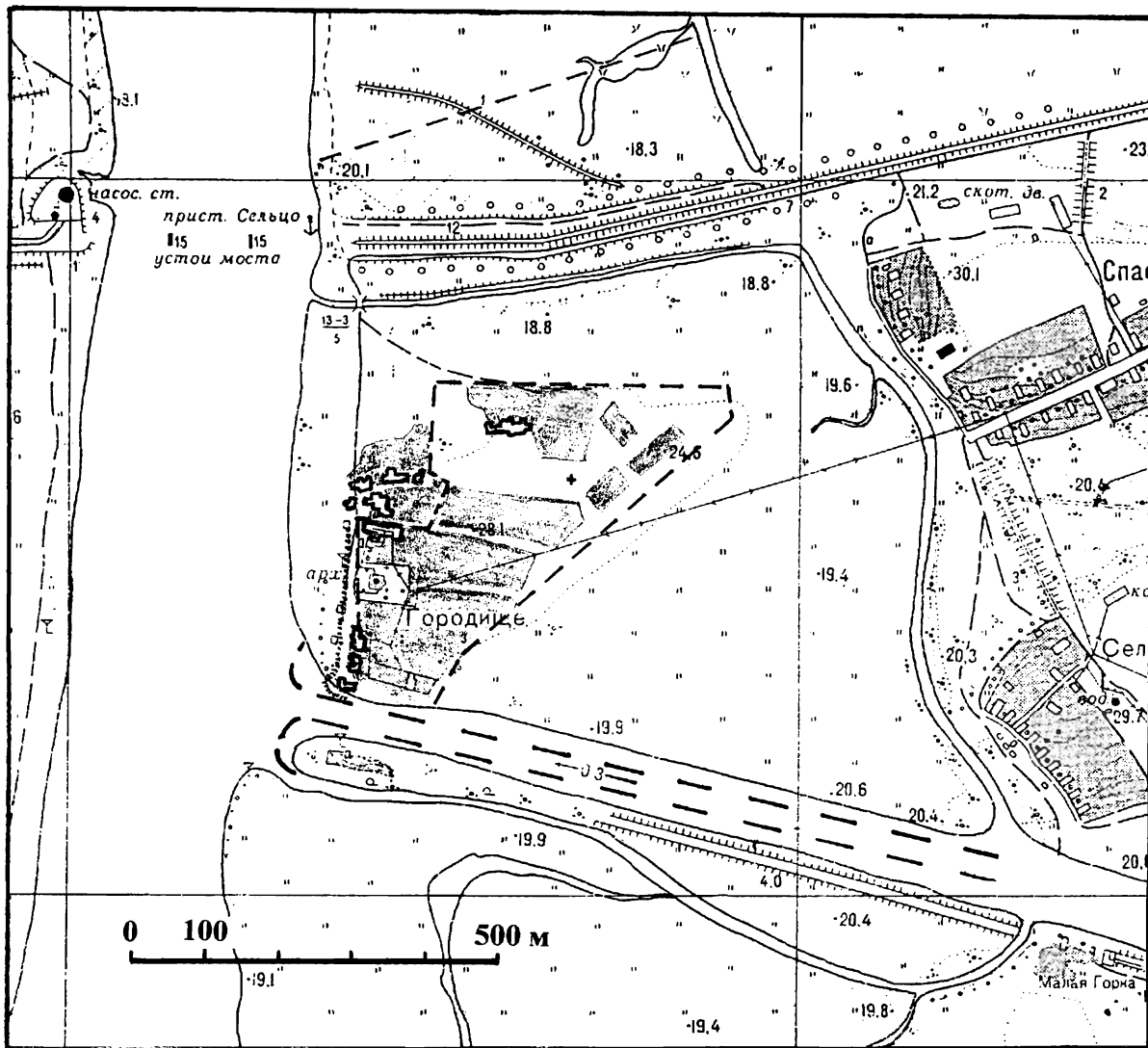

Рис. 1. Локализация сведений плана 1819 г. на современной карте масштаба 1: 10000

Fig. 1. The localities shown on plan of 1819 as identified on a modern map at a scale of 1: 10000

вся территория городищенского холма показана используемой под сады и огороды, пашня здесь отсутствовала, вокруг холма располагались луга. Из культовых зданий обозначена каменная церковь Благовещения и часовня, расположенная к северо-востоку от нее примерно в 280 м к северо-востоку от нее. Часовня показана именно на том месте, на котором Е. Н. Носов локализовал церковь свт. Николая (Носов, 1990. С. 13–14).

Кроме рельефа, нанесенного в виде штриховки, на плане 1819 г. показана линия затопления местности в период половодья. Значение имеет и фиксация на плане западного берегового склона городищенского холма. Сравнение этого изображения

с современными топографическими картами показывает, что за истекшее с начала XIX в. время линия берегового склона не претерпела существенных изменений. Это наблюдение совпадает с выводом Е. Н. Носова, сделанным на основании сравнения современной топографической ситуации с картами начала XX в. (Носов, 1990. С. 15). На плане также показана линия затопления местности в период половодья и границы земельных дач, совпадающие с границами, зафиксированными более ранними планами периода Генерального межевания.

К 1780-му г. относятся планы Городища периода Генерального межевания. Территория Городи-

ща изображена на двух планах земельных дач – плане владений церкви Благовещения (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 280. Д. П-53 с) и плане земель села Городище (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 280. Д. Г-1 с) (рис. 2). Оба плана также выполнены в масштабе 100 саженей в дюйме (примерно 1 : 8400). Большая часть городищенского холма, согласно этим планам, принадлежала церкви Благовещения.

Главным предназначением планов земельных дач Генерального межевания была фиксация границ земельных владений. Поэтому изображение таких границ на этих планах делалось тщательно и сколь возможно точно, а внутренняя планировка земельного участка наносилась лишь схематично. Это в полной мере относится и рассматриваемым планам Городища. В то же время, основные черты этой планировки отражены на них довольно правильно. Это подтверждает и сравнение с планом 1819 г. Главным в этих планах является то, что они зафиксировали состояние территории Городища до прорытия Сиверсова канала.

Более ранние картографические материалы по территории Городища относятся к периоду Елизаветинского межевания и датируются 1761 г. (рис. 3)¹. Границы земельных дач этих планов (выполненных также в масштабе 100 саженей в дюйме – примерно 1 : 8400) отличаются от границ периода Генерального межевания, то есть планы 1761 г. зафиксировали более ранний этап землевладения на Городище. Участок церковных земель был меньшего размера, но он включал и собственно село Городище (рис. 3 – застройка к северу от церкви Благовещения; на планах 1780 и 1819 гг. эта застройка выделена из состава церковных земель). Участок к востоку и юго-востоку от церковной дачи обозначен как выделенный из земель дворцового ведомства и присоединенный к землям села Городище и сельца Шатерно.

Важным отличием планов 1761 г. является то, что на них изображена церковь Николы, здесь же показана дорога, ведущая к этой церкви. Отсутствие церкви Николы на плане Генерального межевания, по-видимому, означает, что она перестала существовать в промежутке между 1761 и 1780 гг. Отметим, что локализация этой церкви на плане 1761 г. не совпадает со сведениями плана 1819 г.:

при локализации на современной топооснове расстояние между церковью 1761 г. и часовней 1819 г. составляет около 60–80 м (см. рис. 4). Это превышает возможную погрешность совмещения разных планов, поэтому объяснять такое расхождение следует либо неточностью самих планов 1761 и 1819 гг., либо предположением, что часовня 1819 г. стояла не на месте церкви Николы.

Мысовая часть Городища не входила в состав 12-й межевой округи, поэтому она не изображена на публикуемом плане (рис. 4). Однако представляет большой интерес то, как в описании границ данной округи со смежными земельными владениями эта часть Городища значится как «сад Иверского монастыря». Это упоминание позволяет локализовать владение Иверского монастыря на Городище, упоминаемое в ряде документов XVII в., публикуемых в приложении к настоящей статье.

Как следует из документов № 6–7, Иверский монастырь получил земельное владение на Городище в 1656 г. До этого городищенский участок принадлежал крупному новгородскому торговцу гостю Семену Стоянову. Судя по цене, в какую был оценен двор С. Стоянова (150 рублей – документ № 7), это было довольно крупное владение: максимальная цена обычных дворов на посаде Новгорода, как правило, не превышала 20–30 рублей. В документе № 8 перечислены постройки этого двора: «двор и с кожевными хоромы и с садом и с огородом и со всем дворовым строением. А на дворе хоромы ево, Семена Стоянова, на подклете, ветхи, да погреб с напребником деревяной. А кожевных хором – две избы на подклетах кожевны да меж их сеней; и те кожевны хоромы перенесены на двор к тем Семеновским хоромам, и строили жития ради братии келью. Да против повалыши на рухлят, на подклетах. А промеж кельи и повалыши – сени». В одном из документов (выпись из него – см. документ № 9) двор Иверского монастыря назван «кожевным»: «двор кожевничкой со всяким строением с садом и с огородом, вкладной, у озера Ильмени». Возможно, это свидетельствует о существовавшем здесь при С. Стоянове кожевном производстве². Документ № 10 сообщает размеры монастырского городищенско-

¹ Территория Городища при проведении Елизаветинского межевания была включена в состав 12-й межевой округи. Сохранилось два экземпляра плана собственно Городища (РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 67; Ф. 1372. Оп. 1. Д. 683) и три экземпляра сводного плана 12-й межевой округи (РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 126; Ф. 1372. Оп. 1. ДД. 679, 715). Изображения Городища на всех этих планах практически совпадают. Два из них (РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 126; Ф. 1372. Оп. 1. Д. 683) ранее уже публиковались (Анкудинов, 2003. С. 452–455). В настоящей статье публикуется в размере оригинала (то есть, в масштабе 100 саженей в дюйме) деталь еще одного экземпляра сводного плана 12-й межевой округи (РГАДА. Ф. 1372. Оп. 1. Д. 715).

² Смотри в настоящей сборнике статью А. В. Курбатова «Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевном ремесле» – *Ред.*

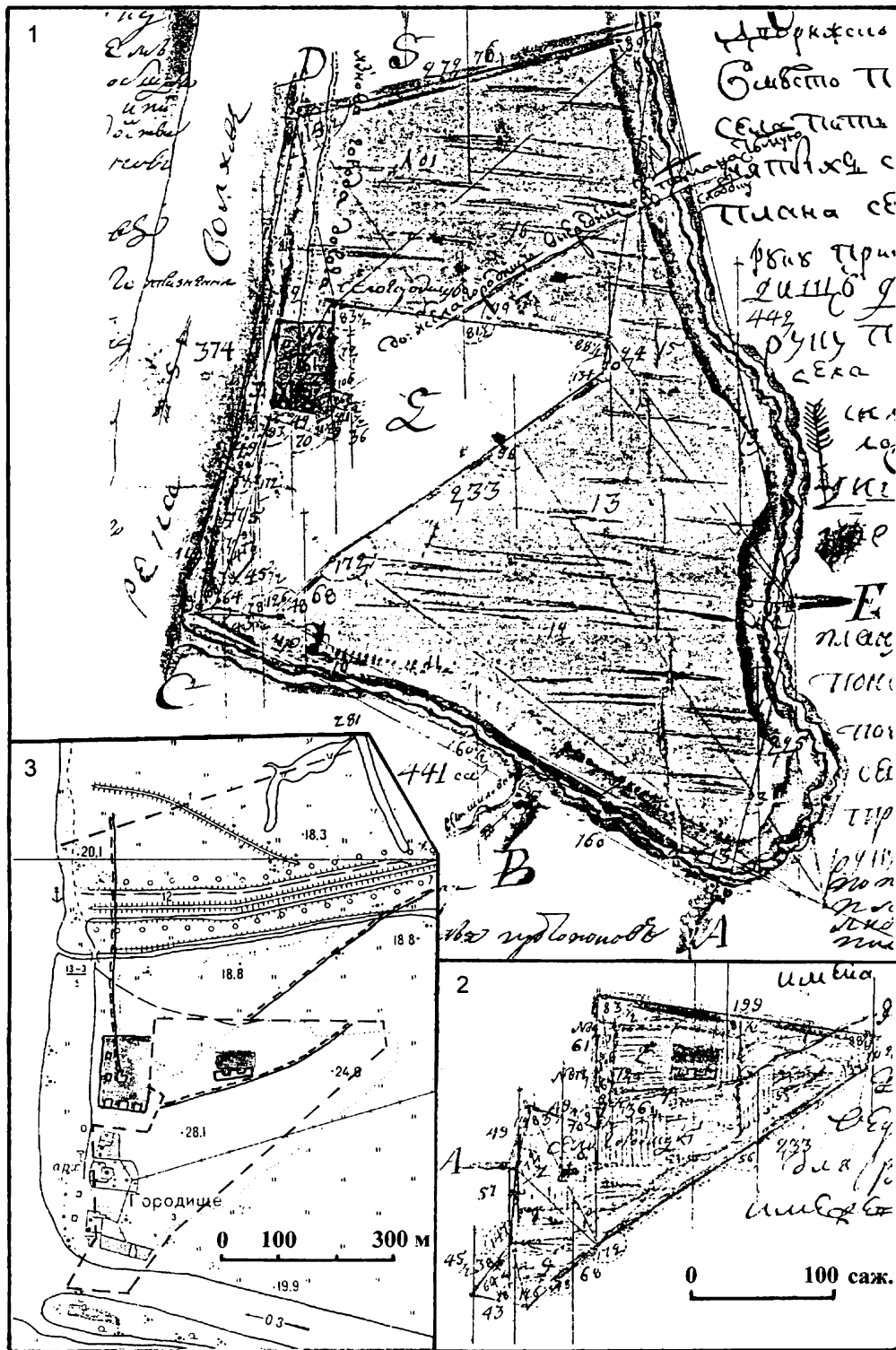

Рис. 2. Городище на планах земельных дач Генерального межевания 1780 г. Масштаб 1:8400.

1 – план земель села Городище (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 280. Д. Г-1 с); 2 – план церковных земель храма Благовещения на Городище (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 280. Д. П-53 с); 3 – локализация сведений планов 1780 г. на современной карте масштаба 1: 10000

Fig. 2. Gorodishche on plans of land estates of the General Land Division of 1780. Scale 1: 8400.

1 – plan of lands of the village of Gorodishche; 2 – plan of church lands of the Annunciation Church at Gorodishche; 3 – The localities shown on plans of 1780 as identified on a modern map at a scale of 1: 10000

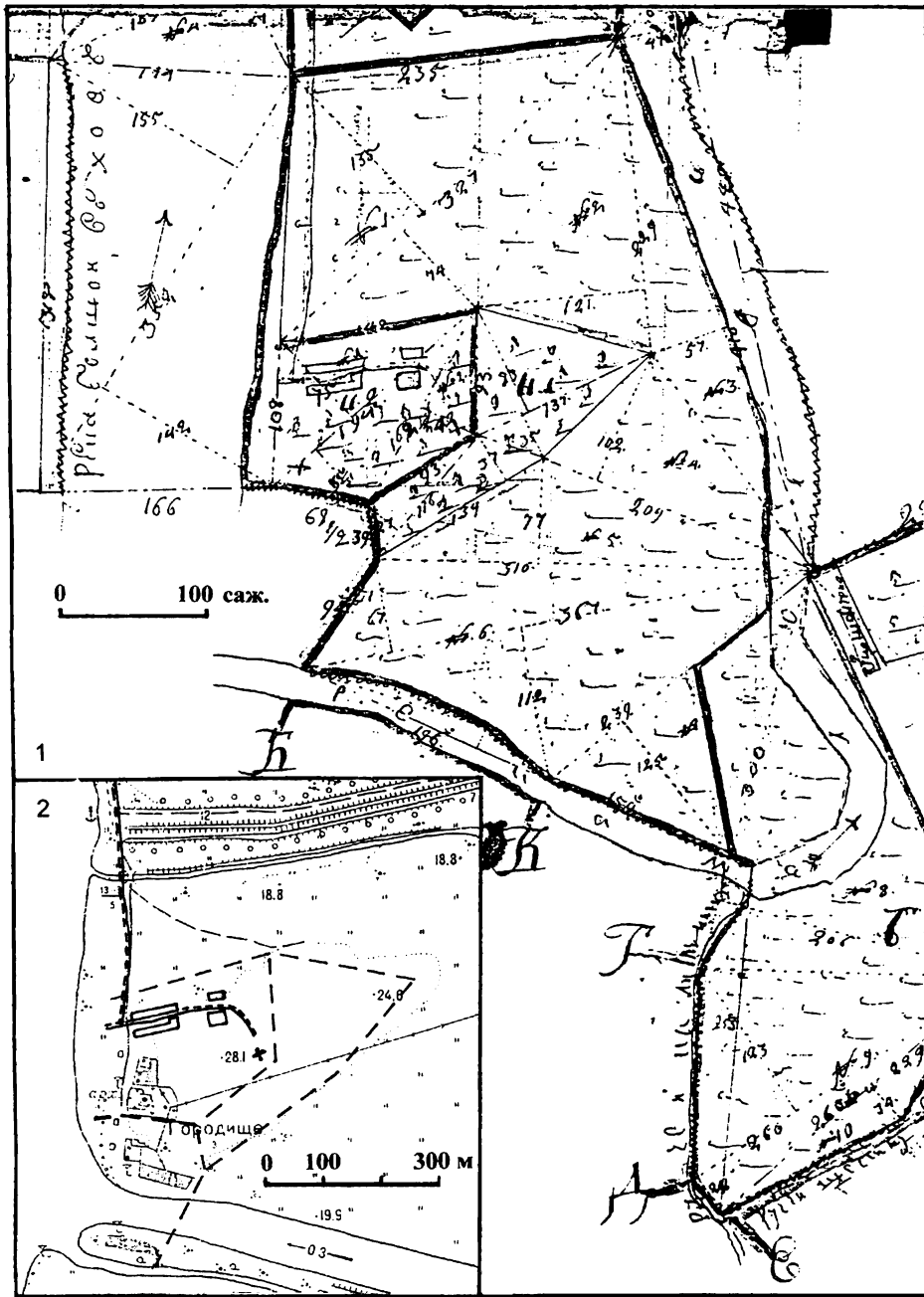

Рис. 3. Городище на планах земельных дач Елизаветинского межевания 1761 г. 1 – Сводный план земель 12-й межевой округи 1761 г. Деталь. Масштаб 1: 8400 (РГАДА. Ф. 1372. Оп. 1. Д. 715). Восточная часть Городища обозначена на плане литерой К1, а западная (с церквями) – литерой К2, которые в экспликации расшифрованы следующим образом: «К1 – дворцовое село Городище и село Шатерно», «К2 – церковей Благовещения Пресвятыя Богородицы и Николая чудотворца церковнические дворовые и огородные места, которые намерены из дворцоваго ведомства, кои по писцовой книге в силу межевой инструкции и указов следуют ко оным церквям»; 2 – локализация сведений плана 1761 г. на современной карте масштаба 1: 10000

Fig. 3. Gorodishche on plans of land estates of the Elisabeth's Land Division of 1761. 1 – Composite plan of lands of the 12th land-division district, 1761. Detail. Scale 1: 8400. The eastern section of Gorodishche is notified by K1, the western – by K2; in the explication on the plan these notations are thus explained: «K1 – the Court's village Gorodishche and small village of Shaterno», «K2 – the courtyard and plantation lands of the Annuciation and St. Nicholas churches which have been transferred into the possession of the latter from the Court's ownership according to the records of the land-division instructions»; 2 – The localities shown on plans of 1761 as identified on a modern map at a scale of 1: 10000

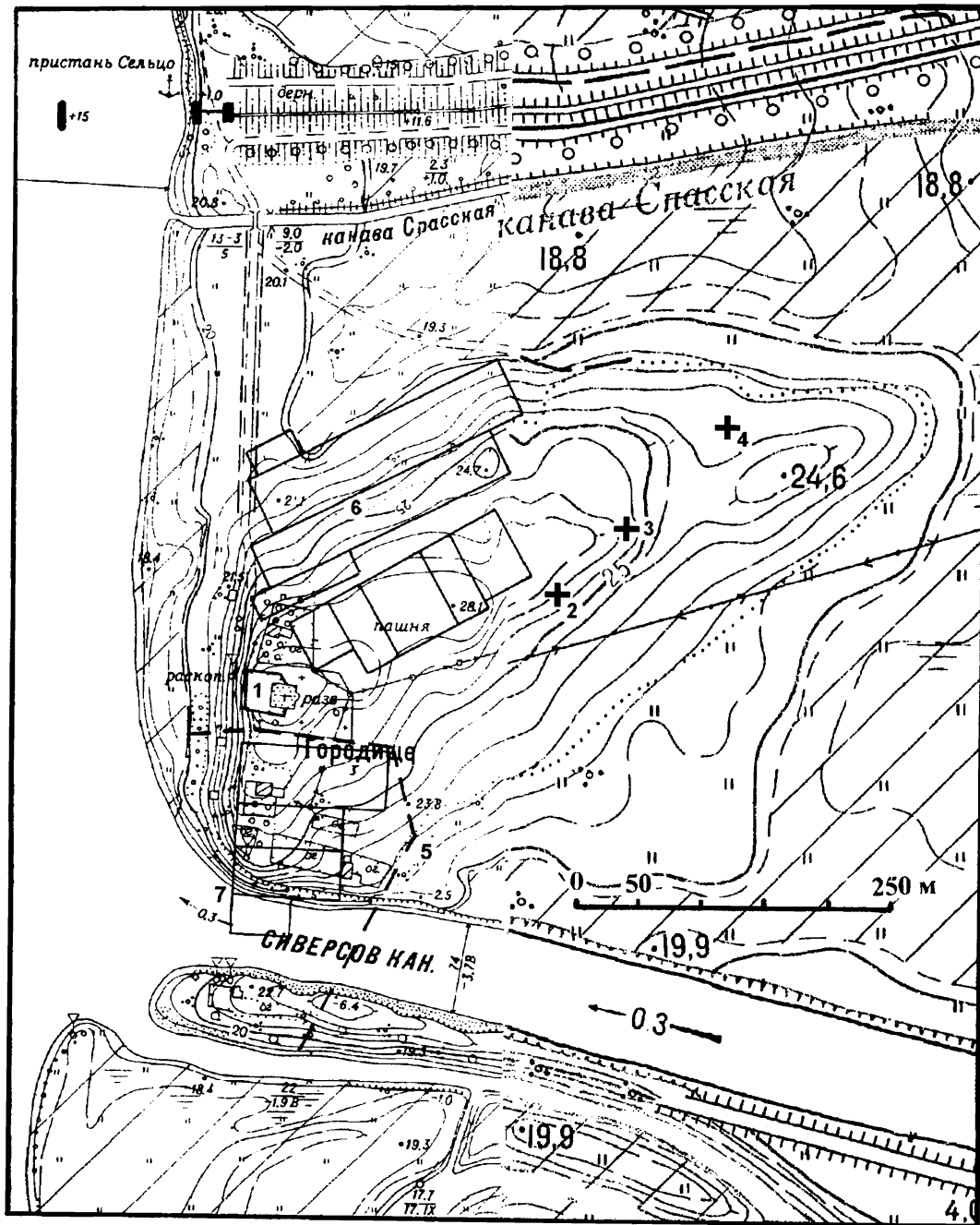

Рис. 4. Элементы исторической топографии Городища по сведениям письменных источников XVII–XIX вв. Цифрами обозначены: 1 – церковь Благовещения Богородицы; 2 – церковь свт. Николая чудотворца (с плана 1761 г.); 3 – часовня (с плана 1819 г.); 4 – возможное место расположения Аргамакова монастыря (см.: Петрова Л. И. и др., 2000. С. 139–141); 5 – граница «сада Иверского монастыря» (и, соответственно, двора Семена Стоянова) (с плана 1761 г.); 6 – вариант возможного расположения дворов, описанных в документе № 3; 7 – вариант возможного расположения дворов, переданных в 1654 г. «из пуста в жило» С. Стоянову (и описанных в документе № 4)

Fig. 4. Points of the historical topography of Gorodishche according to the documentary evidence of the 17th–19th century. Notified numerically: 1 – Annunciation Church; 2 – St. Nicholas Church (according to the plan of 1761); 3 – Chapel shown on the plane of 1819; 4 – hypothetical site of the Argamakov Monastery; 5 – the boundary of the «garden of the Iversky Monastery» (and correspondingly of Semeon Stoyanov’s estate) (according to the plan of 1761); 6 – variant of the possible arrangement of the estates described in document no. 3; 7 – variant of the possible arrangement of the estates transferred in 1654 to Semeon Stoyanov «from desertion to use» (according to the description from document no. 4)

го земельного участка: «Того саду по первой стороны подле церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы шездесят три сажени с полусаженью. По другой стороны подле реке Волхова до круглого угла девяносто восм сажен. По третей стороны от Волховца тритцать три сажени. По четвертой стороны от государева саду сто сажен. А посредине от церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы к Волховцу девяносто девять сажен с полусаженью. Да в другую сторону посредине ж от реки Волхова к государеву саду пятьдесят четыре сажни с четвертью». Эти размеры, в целом, соответствуют тем размерам «сада Иверского монастыря», которые можно вычислить по плану 1761 г. (рис. 3). Обратим внимание также на то, что, согласно документу № 10, к этому участку с востока примыкал «государев сад». Возможно, этот сад следует отождествить с тем земельным участком плана 1761-го г., который обозначен в восточной части Городища под литерой К1 как принадлежащий дворцовым селам Городище и Шатерно).

Документ № 5 датирует отвод земель Семену Стоянову под строительство двора «для кожевницкого и мыловарного промыслу» 1654 годом (но из этого же документа следует, что значительной частью запустевших городищенских дворовых мест он пользовался и раньше в качестве оброчных земель). Как видно из документа, на отведенной территории располагались пустые дворовые и огородные места, описанные в писцовой книге Александра Чоглокова 1623 г. (документ № 4). Терминология писцовой книги, примененная при описании этих дворовых мест – «место тяглое старые пустоты» – свидетельствует, что они были описаны как пустые в приправочных книгах, которыми пользовался А. Чоглоков. Поскольку приправочными для него служили книги 1606/07 г. Василия Овчина и подьячего Андрея Горохова (*Писцовые и переписные книги...*, 2003. С. VI), запустение этих дворовых мест следует относить к более раннему времени.

Сведения писцовой книги 1623 г. о размерах дворовых мест, отведенных С. Стоянову (документ № 4), позволяют предложить вариант возможного расположения этих дворов на местности (рис. 4, 7)³. Как видим, они вполне вписываются в территорию, очерченную планом 1761 г.

Таким образом, публикуемые в настоящей статье документы позволяют реконструировать историю южной части Городища следующим образом: в XVI в. здесь существовала дворовая застройка

(причем все известные нам дворы были тяглыми), до 1606/07 г. (скорее всего, на рубеже 70–80-х гг. XVI в.) эти дворы запустевают и впоследствии передаются посадским людям и церкви Николы на Городище в качестве оброчных, в 1654 г. гость Семен Стоянов строит здесь двор «для кожевницкого и мыловарного промыслу», который в 1656 г. был передан Иверскому монастырю и сохранялся за ним вплоть до середины XVIII в. (территория использовалась монастырем под сад).

Документы № 11–13 относятся к церкви Николы на Городище. Древнейший из них – это запись 1564–1571 гг. на первопечатном «Апостоле» Ивана Федорова из Научной библиотеки Государственного Эрмитажа, удостоверяющая происхождение книги из собрания этой церкви. Два других документа связаны с землевладением церкви Николы.

Духовная № 12 является весьма ценным документом, ибо относится еще к периоду шведской оккупации Новгорода. Помимо собственно земельной информации, эта грамота содержит и важное сообщение по истории Городища в целом: из грамоты следует, что садом, завещанным в 1616 г. церкви свт. Николы, Иона Терентиев владел еще до того, «как нас з Городища свели в Новьгород на посад жити». Представляется, что это сообщение о принудительном переселении с Городища в Новгород на посад следует сопоставить с сообщениями писцовых книг Новгорода 1586 г. о переселении жителей заполий на территорию Новгорода (*Греков*, 1912; *Дозорная книга Софийской стороны...*, 2001. С. 55–117). В 1580/81 г. Новгород пережил страшную эпидемию, приведшую к запустению многих городских дворов, и для упорядочения городской жизни новгородская администрация провела перед 1586 г. массовое переселение оставшихся жителей заполий на территорию собственно города. Как показывает публикуемое завещание, это мероприятие коснулось и жителей Городища.

Представление о состоянии Городища во второй половине XVI–начале XVII вв. дают выписи из писцовой книги 1623 г. (документы № 1–4). Согласно этой книге, в 1623 г. на Городище было живущих дворов всего 1 двор тяглый и 4 двора нетяглых церковных. Кроме них, находились «в пустее» 21 двор тяглый, 8,5 мест старые пустоты, 6 мест пустых и 5 мест нетяглых церковных пустых. Всего, таким образом, на Городище значилось 5 дворов живущих и 40,5 дворов и пустых дворовых

³ Подчеркнем, что изображение на рис. 4, 7 является лишь одним из возможных вариантов реконструкции расположения дворов на Городище. Вполне допустим также вариант расположения этих дворов в южной части городищенского мыса.

мест. Сохранилось подробное описание 17-ти из этих дворов (документы № 2–4). Перед нами картина запустения Городища. По-видимому, эта картина явилась результатом переселения местных жителей перед 1586 г. на территорию посада. Но те же сведения книги 1623 г. позволяют представить, какой была населенность Городища в более раннее время. Дело в том, что сведения о пустых дворах и дворовых местах восходят к приправочным писцовым книгам, основывавшимся на более ранних описаниях. В конечном итоге, все эти данные восходят к писцовой книге 1549/50 г. (Анкудинов, 2001. С. 198–224). Таким образом, в середине XVI в. на территории Городища располагалось более 35 тяглых дворов и 9 дворов церковнослужителей.

Документы № 2–4 позволяют отчасти представить характер планировки Городища в XVI в. У 17-ти дворов, полные описания которых сохранились в этих выписях, указаны различные размеры. Размер поперечника двора колебался от 8 до 26 саженей, а длинника – от 18,5 до 102 саженей (размер сажени, которой пользовались писцы, составлял примерно 216 см). При этом особенно выделяются два двора размерами 24×102 и 18×97 саженей. Такие длинные земельные участки, как представляется, могли находиться только в северной части городищенского холма, и располагаться они должны были перпендикулярно Волхову. Нескольких дворовых мест, переданных С. Стоянову и находившихся в южной части Городища (документ № 4), располагались, скорее всего, вдоль Волхова. В этой ситуации оставшиеся дворы, описанные в документе № 3, никак не могли быть расположены также вдоль Волхова, ибо для них в береговой части Городища не остается места. Поэтому следует предположить, что они располагались вдоль улицы (или улиц), шедшей перпендикулярно берегу Волхова. Вариант возможного расположения этих дворов показан на рис. 4. Вполне возможно также поместить все эти дворы не в береговой (как показано на рис. 4, б), а в восточной части городищенского холма. Церковные дворы Городища, как и большинство церковных дворов Новгорода, должны были иметь небольшие размеры (порядка 2–4 саженей в длину и поперек) и группироваться вокруг церквей.

Таким образом, сведения писцовой книги 1623 г. рисуют территорию Городища XVI в. покрытой плотной дворовой застройкой, располагавшейся как вдоль береговой линии Волхова, так и вдоль «улиц», пересекавших всю территорию городищенского холма.

Но выпись из писцовой книги 1623 г. не ограничивается только перечнем тяглых и церковных

дворов. В ней упоминается также «на пустом месте пушечном – анбар пушечной, лют в нем пушки; да 2 места пустых же». Это единственное известное нам упоминание о существовании на Городище литейного производства.

В заключение отметим ряд картографических источников, связанных с Сиверсовым каналом. К 1776 г. относятся профили Мсты и Малого Волховца, составленные в связи с предполагаемым прорытием канала (на них указаны уровни воды в реках на разные периоды 1775–1776 гг.) (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 328).

1784 г. датирована Генеральная карта р. Волхов (масштаб 10 верст в дюйме) (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 481. Л. 2). В описательной части плана содержатся сведения о представлении Сенату, датированным 1765 г., где говорится о необходимости прорытия канала между Мстой и Волховом; по-видимому, эта дата указывает на время возникновения замысла строительства будущего Сиверсова канала. Здесь показан также судовый ход на разные периоды навигации (весной, в межень и осенью) из Мсты в Волхов до прорытия канала. Представляет интерес трасса «вешнего хода» – из русла Мсты через оз. Никольское вдоль северной оконечности острова, на котором стоит Липенский монастырь, и далее по руслу р. Дубенки (Шиловки) в Малый Волховец.

Как известно, Сиверсов канал в гидротехническом отношении был построен весьма неудачно, что потребовало значительных работ по укреплению его берегов. В связи с этими работами появился ряд планов и профилей канала, хранящихся ныне в РГИА (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 592). В этом архивном деле находятся планы и профили канала, датированные 1810, 1818 и 1826 гг. Для изучения Городища, возможно, представляют интерес поперечный профиль Сиверсова канала в районе Городища с указанием уровней воды весной и зимой 1810 г. и профиль с указанием уровней воды на 10 апреля 1814 г., 19 сентября 1814 г., 5 ноября 1817 г. и 8 мая 1818 г.

К периоду строительства Сиверсова канала относится гравированный «План Новгородскому каналу. Начат 1797-го, а окончить полагается 1802-го года» (рис. 5) (РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 587. Л. 1). На других листах в этом деле упоминается «нынешний» 1802 г., что позволяет датировать план временем, близким к окончанию строительства канала. При некоторых явных неточностях этого плана, обращает на себя внимание тот факт, что трасса Сиверсова канала на этом плане показана как ведущая в Малый Волховец и не проходящая через Городище. По-видимому, это

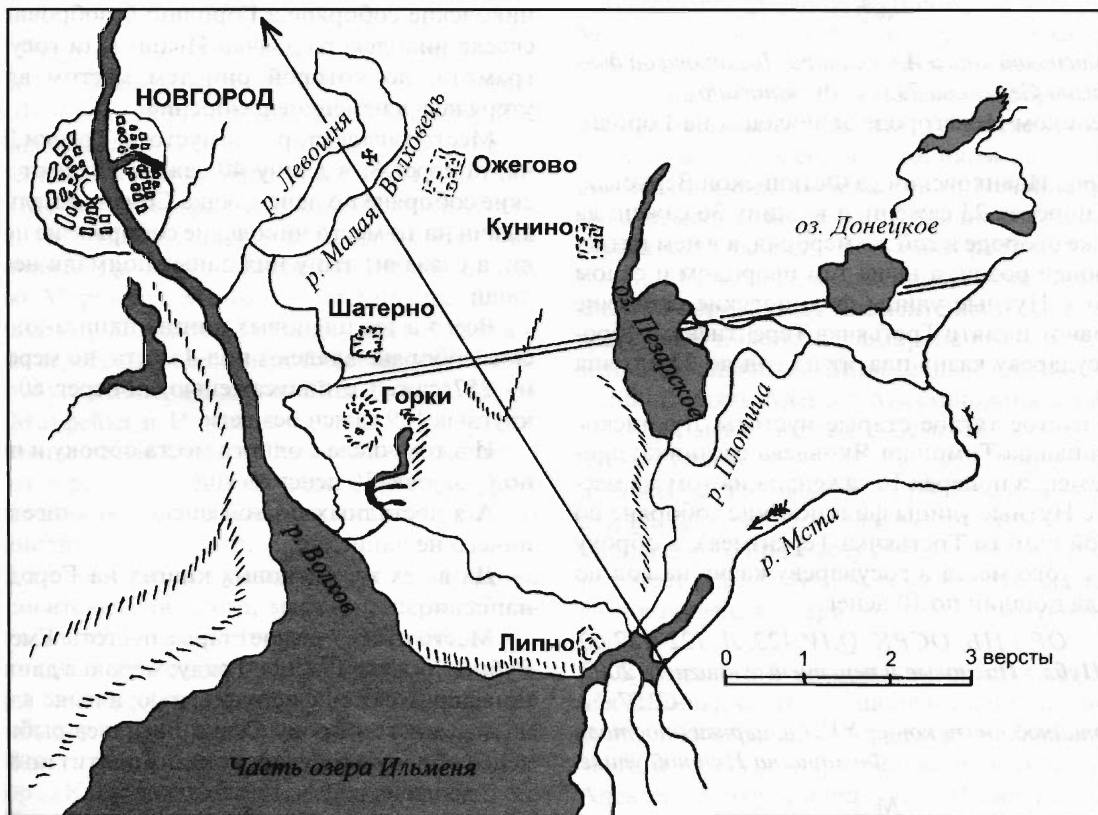

Рис. 5. Авторская копия плана строительства Сиверсова канала. Около 1802 г. (РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 587. Л. 1)

Fig. 5. Copy of plan of construction of the Siverson Canal, c. 1802

свидетельствует, что по первоначальному проекту не предполагалось прорезать мысовую часть Городища; проект, очевидно, ограничивался использованием естественного, пусть и не прямого, русла Малого Волховца при его истоке из Волхова.

Лишь на самом заключительном этапе строительства канала кто-то, очень любивший прямые линии, распорядился продлить русло канала вплоть до Волхова, нанеся тем самым невосполнимый урон исторической науке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1–4

1623 г. Выписи из писцовой книги Новгорода Великого письма и меры Александра Чоглокова и дьяка Добрыни Семенова на земли на Городище

№ 1

А в памяти в Посолской стол из Судного стола за справую подьячего Ивана Кушника написано. ||

А в столе Посолских дел в списке с писцовых книг письма и меры Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 131-го году за приписью дьяка Максима Матюшкина написано.

В Великом Новгороде за посадом на Городище всего тяглою живущей 1 двор, а в нем 1 человек, тягла денга, молотчей; да тяглых же пустых дворов 21 место, а пашут те места из оброку всякие люди, а оброк платят в государеву казну, а с тех пустых мест оброку 10 рублей 11 алтын пол-4 денги; да старые ж пустоты безоброчных 8 мест с полуместом, да 6 мест пустых, пашут всякие люди из снопа; да нетяглых церковных 4 двора, а людей в них 4 человеки церковников, да 5 мест церковных же пустых; да на пустом месте пушечном – анбар пушечной, льют в нем пушки; да 2 места пустых же.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181.
Оп. 1. Д. 3490. Л. 6–7.

№ 2

И в писцовой книги Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 7131 году написано.

В Великом Новгороде за посадом на Городищи.

Огород Иванковский да Феткинской Верхоглядовых; поперек 23 сажени, а в длину 36 сажен; да на том же огороде в той же мере сад, а в нем пятьдесят яблоней розни; а ныне тем огородом и садом владеют с Нутные улицы филиповские соборяне по духовной памяти Третьячка Терентиева; а оброку в государеву казну платят на год по 23 алтына 2 денги.

(М) пустое тяглое старые пустоты Лукинское колпачника да Тимошки Яковлева свечника; длина 58 сажен, а поперек 16 сажен; да на том же месте...⁴ // с Нутные улицы филиповские соборяне по духовной памяти Третьячка Терентиева; а оброку платят с того места в государеву казну на год по рублю да пошлин по 10 денег.

*ОР РНБ, ОСПК. Q.IV.122. Л. 122–122 об.
Публ.: Писцовые и переписные книги..., 2003.
С. 57–58.*

Из копийной книги конца XVII в. церкви апостола Филиппа на Нутной улице.

№ 3

А по справке в Новгородском приказе.

В новгородском столпу всяких дел прошлого 191-го году в выписке за пометою дьяка Василья Бобинина написано.

В новгородских писцовых книгах писма и меры Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 131-го году написано.

В Великом Новгороде за посадом на Городище двора и места дворовые тяглые и нетяглые.

И в том числе написано.

Полместа старые пустоты Поздейка колпачника, владеет николской дьячек Ивашко Степанов; поперег 10, в длину 18 сажен с полусаженью.

Место пустое тяглое старые пустоты Третьячка да Пятка Терентьевых детей огородников; в длину 102 сажени, поперег 24 сажени.

Да на том же месте в той же мере сад, а в нем 150 яблоней розни; а ныне тем местом и садом владеют по духовной памяти николские соборяне; а оброку и пошлин в государеву казну платят по рублю по 10 денег на год.

Место тяглое старые ж пустоты Еремеевского бобровника; в длину 97 сажен, || а поперег 18 сажен; а владеют тем местом по государеве грамоте

николские соборяне з Городищ безоборочно, а по скаске николского дьячка Ивашка, та государева грамота, по которой они тем местом владели, утерялась в немецкое разорение.

Место тяглое старые ж пустоты Тренки Декшина; поперег 8, в длину 40 сажен; владеют николские соборяне по даче дьячка Семена Емельянова, а дачи на то место николские соборяне не положили, а сказали, что у них данные поимали немецкие люди.

Всего в тех писцовых книгах написано: николские соборяне владеют пол-4 места, по мере в длину 257 сажен с полусаженью, поперег 60 сажен, круглых 159 сажен без чети.

И в том числе с одного места оброку и пошлин по рублю по 10 денег на год.

А з достальных по той писцовой книге оброку ничего не написано.

Да в тех же писцовых книгах на Городище ж написано.

Место пустое тяглое старые пустоты Емельянка Рубца Свежего Рыбного ряду; мерою в длину 20, а поперег 16 сажен с полусаженью; а ныне владеет || из денежного оброку Сенка Васильев рыбной ловец, а оброку в государеву казну платит по 8 алтын по 2 денги на год.

Место пустое тяглое старые ж пустоты Ортемка рыбника; поперег 13, в длину 30 сажен.

Место пустое старые ж пустоты Ивашка скорняка да Онашки сапожника; поперег 26, в длину 30 сажен.

А ныне теми двумя местами владеет из оброку подьячей Родион Юрьев, а оброку и пошлины с тех 2-х мест платит по 13 алтын на год.

Место пустое тяглое старые ж пустоты Михалка конюха; поперег 12, в длину 30 сажен.

Место пустое тяглое старые ж пустоты Пахомка утятника; поперег 20, в длину 28 сажен; пашет из снопа атаман казачей Данило Снаксарев.

Всего 5 мест, в длину 138 сажен, а поперег 87 сажен с полусаженью, круглых 113 сажен без чети, оброку по тем писцовым книгам в государеву казну с 3-х мест 21 алтын 4 денги.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2790. Л. 2–4.

*Публ.: Писцовые и переписные книги..., 2003.
С. 58–59.*

Из дела Новгородской четверти 1687 г. апреля о передаче ц. Николы пустых дворовых мест на Городище.

Др. списки: там же. Л. 12–15.

⁴ В кп. срезано.

№ 4

И в Розрядном столе в списке с писцовых книг Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семёнова 131-го году за приписью дьяка Максима Матюшкина написано.

В Великом же Новеграде за посадом на Городище. (М) тяглое старые пустоты Жданка серебряника. (М) тяглое старые ж пустоты Нечайка серебряника. Да место Матфейка Широчина да Истомки Маринина. Мерию тех мест поперег 29 сажень, а в длину 22 сажени. И тех дву мест Жданка и Нечайка серебряников по мере будет поперег 14 сажень с полусаженью, а в длину 22 сажени. А те два места Матфейка и Истомки отданы на дворовое поставленью гостю Семену Стоянову. А пахали те места из оброку подьячие Родион Юрьев да Иван Ормячников, оброку платили на год по десяти алтын, пошлин по три денги.

(М) тяглое старые пустоты Федки Гаврилова да Клементейка Насадога, мерию поперег 17 сажень, а в длину 40 сажень. Владеют тем местом николские соборяне по даче дьяка Семейки // Емельянова; а почему они, николские соборяне, с того места оброку платили, и того в писцовой книге не написано.

Огород Касьянка рыбника, мерию в длину 41 сажень, а поперег 16 сажень. А тем местом владел благовещенской дьячек Алешка Степанов, а оброку платил по 4 алтына по полуторы денги на год.

Огород Иванька Солохина, в длину 55 сажень, а поперег 22 сажени. А владел из денежного оброку николской дьячок Иванко Степанов, а оброку платил по 5 алтын да пошлин полторы денги на год.

И всего тех 3 мест и в дву садех поперег 69 сажень с полусаженью, а в длину 158 сажень.

А места Васки вершеника в писцовых книгах не ссысано.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1234. Л. 4–5.
Из дела 1654 июля 7–18 о передаче гостю Семену Стоянову пустых дворовых и огородных мест на Городище.*

№ 5–10

Документы о дворе Иверского монастыря на Городище

№ 5

1654 июля 7–18. Дело о передаче гостю Семену Стоянову пустых дворовых и огородных мест на Городище

Список с подлинной челобитной слово в слово.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой Сенка Стоянов. Есть, государь, за мною, холопом твоим, на Городище на денежном оброке пустые тяглые места: место Омелки рубца свежего рыбника, что было за Сенкой рыбником на оброке, место Жданка серебряника, место Нечайка серебряника да место Матфейка Широчина да Истомки Маринина, огород Касьянка рыбника, огород Иванка Солохина, место Васки вершеника, место Федки Гаврилова да Клементейка Насадова – владеют ныне николские соборяне по даче дьяка Семейки Омельянова. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, те пустые тяглые места дать ис пуста в жило и выгонную землю, что было на Городище конское пазбище, на дворовое поставленью для кожевницкого и мыловарного промыслу под хоромы, и с тех оброчных мест вели, государь, оброк снять для дворового поставленья. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

У подлинной челобитной помета дьяка Василия Шпилкина: 162-го июля в 7 день. Выписать ис книг, за кем бывало наперед того и по чьей отдачи.

А о чем государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси гость Семен Стоянов бьет челом.

[Далее в деле следует выпись из писцовой книги А Чоглокова, публикуемая выше под № 4].

А в оброчных книгах прошлого 159-го году написано:

На Городище за гостем за Семеном Стояновым (м) Жданка серебряника, (м) Нечайка серебряника, огород Касьянка рыбника, (м) Васки вершаника, да 7-м мест да два огорода. И всего с тех мест и огородов оброку и пошлин рубль 27 алтын 4 денги.

И на те места Жданка серебряника да Нечайка серебряника да Васки вершаника да на огород Касьянка рыбника доведетца оброку и пошлин снять 19 алтын.

А за ним, гостем Семеном Стояновым, останетца на оброке: (м) Матюшки Яковлева, (м) Артюшки да Ивашка Кунинских, (м) Нечайка сапожника, да два огорода – Савинской да Онашькинской. Да за ним же место Ивашка Солохина, (м) Первушки Микитина, (м) Клементейка портного мастера, (м) Ивашка Кузмина да Левки Конюхова да Ортюшки мыльника да Ивашка скорняка да Онашки сапожника. А оброку и пошлин доведетца ему, гостю Семену Стоянову, в государеву казну платить на год по рублю по 8 алтын по 4 денги.

А огорода Ивашка Солохина за ним, гостем Семеном Стояновым, в оброчных книгах на обро-

ке не написано, а написано (м) Ивашка Солохина, а не огород.

И царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии гость Семен Стоянов бьет челом, чтоб государь пожаловал, велел ему, Семену, дать на Городище место // старые пустоты Федки Гаврилова да Клементейка Насадого, что ныне владеют по даче дьяка Семейки Емельянова николские соборяне, да огород Ивашка Солохина да что за ним же, Семеном, на Городище были на оброке место пустое тяглое Нечайка серебряника, огород Касьянка рыбника, (м) Васки вершеника – на дворовое поставленье для кожевницкого и мыловарного промыслу под хоромы, и оброк с тех мест снять для дворового поставленья. А оброку доведетца снять 19 алтын.

И боярин и воевода князь Юрьи Петрович Буйносов-Ростовской да дьяк Василей Шпилкин, слушав выписки гостя Семена Стоянова, велели выписать, кому такие огороды и сады даваны на дворовое поставленье и ко двору в припуск, и оброк с них сниман ли и по сколку оброку снимано.

В прошлом во 161-м году дано на дворовое поставленье посадцкому человеку Фомке Агафонову в длину 16 сажен, а поперег 11 сажен, да в той же мере сад, а в нем 10 яблоней розни, оброку и пошлин сложено 26 алтын.

В прошлом же во 161-м году дано ко двору в припуск посадцкому человеку Ортюшке Степанову поперег две сажени, а в длину 28 сажен, да в той же мере садок, оброку и пошлин сложено 16 алтын 4 денги.

В прошлом же во 159-м году дано на дворовое поставленье Якову Муравьеву в длину 22 сажени, а поперег 4 сажени, оброку и пошлин сложено 16 алтын 2 денги.

И 162-го июля в 18 день боярин и воевода князь Юрьи Петрович Буйносов Ростовской да дьяк Василей Шпилкин слушав челобитья и выписки гостя Семена Стоянова приговорили те пустые тяглые места, что на Городище, – (м) тяглое старые пустоты Федки Гаврилова да Клементейка Насадого, огород Иванка Солохина, да что за ним, Семеном, на Городище ж были на денежном оброке пустые ж тяглые места (м) тяглое старые пустоты Жданка серебряника, (м) тяглое старые ж пустоты Нечайка серебряника, // место Васки вершеника, огород Касьянка рыбника, а мера тех мест и огородов в длину 158 сажен, а поперег 69 сажен с полусаженью – дать ис пуста в жило под дворовые хоромы для кожевницкого и мыловарного промыслу ему, Семену, а оброк с тех с трех мест и с огорода, что за ним, Семеном, был на оброке, 19 алтын приговорили сложить. Для того

у подлинной выписи припись дьяка Василья Шпилкина.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1.
Д. 1234. Л. 4–7.*

№ 6–7

1656 г. Дело о дворе Семена Стоянова на Городище

№ 6

1656 августа 21. Челобитная Петра Микляева о передаче ему двора и дворового места на Городище

[Великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья] России само[держцу бьет челом] холоп твой Петрушка Микляев. В прошлых, государь, годех в Великом Новгороде дано было гостю Семену Стоянову на Городище под загородные дворы посадцких людей дворовые места. И на тех местах он, Семен, построил себе двор. А ныне ево, Семена, в животе не стало, а жены и детей после ево не осталось. А теми месты владел он, Семен, по новгородской даче. А на нем, Семене, твоей государевы казны долгу много. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тот ево, Семеновской, загородной двор и з дворовыми месты мне, холопу твоему, оценить и по оценке на мне денги взять в приказ своей государевы Большие казны в зачот за ево, Семенов, долг. И вели, государь, мне о том дати свою государеву грамоту в Великий Новгород к воеводы ко князю Ивану Андреевичю Голицыну да к дьяку к Василью Шпилкину. Царь, государь, смилуйся.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.
На обороте помета думного дворянина Ивана Павловича Матюшкина от 21 августа 1656 г.*

№ 7

1656 ноября. Указная грамота об отдаче двора Семена Стоянова Иверскому монастырю

Лета 7165-го ноября в... день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу и по грамоте великого государя святейшаго Никона патриарха московского и всеа Великия и Малыя и Белья Росии, какова грамота прислана в Великий Новгород к воеводе ко князю Ивану Андреевичю Голицыну в нынешнем во 165-м году октября в 29 день. А велено по указу великого государя святейшаго Никона патриарха московского и всеа Великия и Малыя и Белья Росии, а веле-

но в Великом Новгороде на Городище гостя Семенов двор Стоянова со всем дворовым строением и с садом и с огородом и с угодьями оценить в его, великого государя святейшаго Никона патриарха московского и всеа Великия и Малыя и Белья России, строенье Пречистые Богородицы в Ыверской монастырь. И по той великого государя святейшаго Никона патриарха московского и всеа Великия и Малыя и Белья России, и по приказу воеводы князя Ивана Андреевича Голицына оценен тот двор гостя Семена Стоянова со всем дворовым строением и с садом и с огородом и с угодьями, что на Городище, во 150 рублей. И после оценки по той, великого государя святейшаго Никона патриарха московского и всеа Великия и Малыя и Белья России, и по приказу воеводы князя Ивана Андреевича Голицына на тот двор гостя Семена Стоянова и со всем дворовым строением и с садом и с огородом и с угодьями, что на Городище, и чим владел гость Семен Стоянов, велел дать грамоту даную в его, великого государя святейшаго Никона патриарха московского и всеа Великия и Малыя и Белья России, Пречистые Богородицы в Ыверской монастырь.

На обороте: Список з грамоты святейшаго Никона патриарха и с оценной и сказок с стряпческих и список с выписки на городищской двор 176 году.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 196. Л. 2.

№ 8

1667 октября 12. «Сказка» стряпчего Иверского монастыря Венедикта Самсонова о дворе Иверского монастыря на Городище.

176-го октября в 12 день на Съезжем дворе дворянину Микиты Ивановичю Селивачеву Иверского монастыря стряпчей Венедиктько Самсонов сказал.

Гость Василей Гаврилов сын Стоянов дал вкладом при бывшем Никоне патриархе в ево строение Пречистые Богородицы в Ыверской монастырь в Великом Новгороде на Городище брата своего, гостя ж Семена Стоянова, двор и с кожевными хоромы и с садом и с огородом и со всем дворовым строением. А на дворе хоромы ево, Семена Стоянова, на подклете, ветхи, да погреб с напогребником деревяной. А кожевных хором – две избы на подклетах кожевные да меж их сеней; и те кожевные хоромы перенесены на двор к тем Семеновским хоромам, и строили жития ради братии келью. Да против повалыши на рухлят, на подклетах. А промеж кельи и повалыши – сени. А окола двора и всего саду и огорода горожено в заборы вновь. И по ево, Васильеве, дачи владели по 175 год.

И во 175-м году августа в 9 день святейшия вселенския патриархи – Паисей, папа и патриарх Александрийский и судия вселенский, Макарий, патриарх Божия града Антиохии и всего Востока, и великий господин святейший Иасаф, патриарх московский и всеа России, и преосвященные митрополиты и архиепискупы и епискупы и весь освященный собор – указали великого государя жалованья и купленным вотчинам и дворам и всяким угодьям к Иверскому монастырю быть. И на те великого государя жалованья и на купленные вотчины и дворы и всякия угодья дали свое писание соборного своего изложения Иверского монастыря властем – архимандриту Филофею, наместнику старцу Евмению з братьею – для вечного утверждения, почему им и впредь, которые по них в том монастыре власти и братия будут, отчинами и всякими угодья владеть. А в том их писании написано: В Великом Новгороде // двор кожевничкой со всяким строением с садом и с огородом вкладной у озера Илменя. А подлинное писание за подкреплением рук их, святейших вселенских патриархов, и за печатми. То моя и скаска.

Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2647. Л. 3–4.

№ 9

1685 после июля 30. Выпись из грамоты 1668/69 г. на новгородские владения Иверского монастыря.

193-го июля в 30 день по приказу боярина и воеводы князя Михаила Яковлевича Черкасского с товарищи память Посолского стола подъячим Сидору Родионову с товарищи. В памяти в Судной стол за твоею, Сидоровою, справою написано, чтоб выписать из грамот блаженные памяти великого государя прошлого 177-го году, какова дана в дом Пресвятые Богородицы в Ыверской монастырь на строение святейшаго Никона патриарха и на вотчинные того Иверского монастыря земли и на всякие угодья и на крестьян. И в тое великих государей грамоты в Великом Новгороде на Торговой стороны на Городище двор и с садом преднего гостя Семена Стоянова к тому Иверскому монастырю написан ли? Да тое выписку прислать в стол Посолских дел для вершенья выписки по челобитью Иверского монастыря властей.

И в Судном столе в списки з жалованной утвержденной блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца грамоте 177-го году, какова дана в дом Пресвятые Богородицы в Ыверской монастырь на строение святейшаго Никона патриарха и на вотчинные того Ивер//ского монастыря земли и на всякия

угодья и на крестьян за приписью дьяка Мины Грובה написано:

В Великом Новгороде двор кожевничкой со всяким строением с садом и с огородом, вкладной, у озера Ильмени.

Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3490. Л. 3–4.

Из дела 1685 г. о выдаче выписи

Иверскому монастырю на новгородские владения.

№ 10

1685 г. «Перемер» сада Иверского монастыря

И боярин и воевода князь Михайло Яковлевич Черкаской с товарищи, // сей выписки⁵ слушав, велели против челобитья Иверского монастыря архимандрита Иосифа з братьею на Торговой стороне за городом на Городище сад в длину и поперег измерить, потому что в писцовых книгах и в жалованной и утвержденной грамоты 177-го году тому саду имянно меры не написано.

А по перемеру:

Того саду по первой стороны подле церкви Благовещения Пресвятые Богородицы шездесят три сажени с полусаженью. По другой стороны подле реке Волхова до круглово угла девяносто восм сажен. По третей стороны от Волховца тридцать три сажени. По четвертой стороны от государева саду сто сажен. А посредине от церкви Благовещения Пресвятые Богородицы к Волховцу девяносто девять сажен с полусаженью. Да в другую сторону посредине ж от реки Волхова к государеву саду пятьдесят четыре сажни с четвертью.

Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3490. Л. 7–8.

Из дела 1685 г. о выдаче выписи

Иверскому монастырю на новгородские владения.

№ 11–13

Документы о церкви Николая на Городище

№ 11

1564–1571 гг. Вкладная запись игумена Вяжицкого монастыря Сильвестра о вкладе книги в церковь Николая на Городище

Лета 707[.] марта в 25. Положил книгу сию Апостол печатный в дом Николе чудотворцу на Городище Вжитцкого монастыря игоумен Селивестр по [...] всех. И хто сию книгоу у Николая [...] из церкви возмет насилством или украдет, и тому соудит Бог и святой Никола, яко святокрадцу и похищеннику.

«Апостол Ивана Федорова», хранится в Научной библиотеке Государственного Эрмитажа.

Инв. № ЭРБ-81.

Владельческая запись на этой же книге:

Сия книга церкви святого Николе чудотворца глаголемая Апостол. Писал Константин Борисов 173[.].

Публ.: Музеум книги, 2002. С. 90.

№ 12

1616 июля 4. Изустная духовная память Ионы (Третьяка) Терентиева сына

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се аз, раб Божий инок Иона Терентиев сын пишу сию изустную духовную память при своем животе своим целым умом и разумом, где мне что взять и кому мне что отдати.

Да оствается у меня, Ионы, после моего живота на Городище сады и пашенная земля. И как нас з Городища свели в Новьгород на посад жити на пустые места, и николской поп Иван с соборяны бил челом государю на Москве блаженные памяти Федору Ивановичю всеа Руси, и государь его пожаловал тем нашим дворовым местом и с наводом, что отец мой Терентей наводил садом. И аз, Третьяк, а ныне во иноцех Иона, бил челом государю на того попа Ивана встречно, что тот сад наводил отец мой и дядя мой. И государь меня пожаловал, дал мне свою государеву грамоту // и велел мне тем отца моего дворовым местом и садом владети и оброк с того саду платить в государеву казну. И аз, Иона, по своему обещанию после своего живота приказываю то ж отца своего сад, где отец мой лежит и дядя мой, к Николе чудотворцу на собор на Городище.

Да в той же у меня писано грамоте шесть полос пашенные земли. И тою мы землю поделили полюбовно: мне, Третьяку, а во иноцех Ионе, досталось две полосы – полоса Тимофея свечника да Луки колпачника, – Ортемью Туренцу две же полосы. А оброк мы платили вместе четыре рубли – с полосы по полтины, а с саду рубль. А аз, Иона, своих половину полос навел садом. И отходя сего света, приказываю те свои места Тимофея свечника да Луки колпачника к Филиппу апостолу да к Николе // чудотворцу на Нутную улицу на собор – меня, Иону, и сродников моих поминать.

Да у меня же, Ионы, огород Швалевьской с моим же наводом – с садком – приказываю к Филиппу ж апостолу.

⁵ Имеется ввиду выпись из писцовой книги А. Чоглокова, помещенная в документе непосредственно перед текстом «перемера» и публикуемая в настоящей статье под № 1.

А оброк им платить кому ж с своего места: николским соборяном з Городища старого саду отца моего оброку рубль, а своего посилья после отца моего место Тимофея свечника да место Швалевьское да место Луки колпачника – и с тех мест оброку рубль дватцать алтын.

Да отдати мне, Ионе, Фоме Гаврилову сыну два рубли. И аз, Иона, после своего живота приказываю Фоме Гаврилову сыну ту свою два рубли, из слетья выловив, взяти. И что за тем сойдетца, и с того слетья и оброк в государеву казну заплатити на нынешней на сто двадесят третьей год два рубли дватцать алтын. Да ис того ж // слетья на сорокоуст к Филиппу апостолу да к Николы чудотворцу соборяном дати сорок алтын да просфирнице на кутью десять алтын да на вино служебное и на свечи полтина. Да отцу моему духовному черному священнику Гедеону в духовне – кавтан суконной зелен поношен да полтина денег. А чего не достанет из слетья нынешняго денег на поминку, и Фоме на новой год донять из слетья денги.

А нет тех моих садов и огородов пашенной земли ни у кого в закладе ни в кабалах ни в записех ни в духовных памятех ни в каких крепостех. А хто станет после млего живота в те мои сады и в огороды всгупатца, и тому судит Бог.

А у сей изоустной духовной памяти сидел отец мой духовной священноинок Гедеон да благовещенской // поп Григорей Агапитов сын з Городища да николской дьячек Алексей Степанов сын да старец Пахомей да Андрей Борисов сын з Городища да Офонасей Евдокимов сын сапожной мастер с Нутной улицы.

А изоустную духовную память писал церковной дьячек Никифорко Степанов лета 7123-го году июля в 4 день.

А на подлинной рука духовнаго отца черного священника Гедеона, рука благовещенского попа Григорья, рука николского дьячка Алексея.

ОР РНБ, ОСРК, Q.IV.122. Л. 120–122.

Список конца XVII в. из копийной книги церкви апостола Филиппа с Нутной улицы.

№ 13

1687 апреля 19. Челобитная дьячка церкви Николы на Городище Максима Калистратова о выдаче грамоты на земельные владения церкви

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексевичу, Петру Алексевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет челом богомолец ваш из Великого Новагорода николской дьячек з Городища Максимко Калистратов. В прошлых, государи, годех тое ж церкви дьячек Ивашко Стефанов против писцовых книг Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семёнова в Великом Новегороде за посадом на Городище места тяглые и нетяглые [...] владел безоброчно по 176-й год. А со 176-го по 186-й год после ево, Ивана, по ево, Ивановой, духовной памяти теми пустыми местами я ж, богомолец ваш, владел к той церкви бзоброчно ж, потому что у той церкви Божии прихожан никоно нет. И в прошлом во 186-м году по указу [...] Феодора Алексеевича... и по грамоте ис приказу Болшого Дворца те места взяты под ваши государские новые сады и те места яблонями и вишнями насажены. А вместо тех взятых мест мне, богомолцу вашему, земли было нигде не дано. И в прошлом же, государи, во 191-м году бил челом вам, великим государем, я, богомолец ваш: по той же писцовой книге написаны на Городище ж тяглые места, что те места лежат в пугте и строенья на них никакова нет. И по вашему, великих государей, указу и по грамоте по моему, богомолца вашего, челобитью те тяглые пугтые места вместо взятой моей земли мне отданы и о том дана мне ваша, великих государей, грамота с прочетом [...] и теми пустыми местами владею я, богомолец ваш, и по се число. Милосердые великие государи [...] пожалуйте меня, богомолца своего, велите, государи, мне о том дать свою, великих государей, грамоту с прочетом [...] чтоб мне теми тяглыми и нетяглыми месты владеть впредь безспорно, потому что у той церкви Николая чудотворца прихожан нету [...]

РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2790. Л. 1.

⁶ Отточиями отмечены сокращения в тексте документа, сделанные при публикации.

АФРИКАНСКАЯ ОБЕЗЬЯНА ПРИ ДВОРЕ НОВГОРОДСКИХ КНЯЗЕЙ*

Марк Брисбейн¹, Марк Молтби², Эллен Хамблтон³, Евгений Н. Носов⁴

^{1 3} – Университетская школа консервационных исследований, Дорсет, Великобритания

⁴ – Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

AN AFRICAN MONKEY AT THE COURT OF NOVGOROD PRINCES

Mark Brisbane¹, Mark Maltby², Ellen Hambleton³, Evgeny N. Nosov⁴

^{1 3} – School of Conservation Sciences, Bournemouth University, Dorset, UK

⁴ – Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *This paper is a publication and analysis of a unique osteological find from Ryurik Gorodishche, viz. the skull of a monkey found in mixed deposits during excavations in 2003. Radiocarbon measurement carried out in Beta Analytic Inc. (Florida, USA) has dated the skull by the turn of the 12th and 13th century. As identified at the Natural History Museum, London, the species of the find is *Macaca sylvanus* which is characteristic of Northern Africa. The skull belonged to that of an adult female, who suffered dental caries. The animal was present at Gorodishche when the princely residence was functioning there. In Europe, bones of monkeys of exactly this species are fairly common at excavations of military garrisons and residences of the elite both of the Roman and medieval period, the latter being most characteristic of the British Isles. There are occasional references in various medieval documents to the keeping of monkeys not only in aristocratic houses but also in monasteries and houses of clergy where along with reasons of prestige the image of monkey possibly bore certain moralising functions. The monkey under consideration may have arrived to Gorodishche via Byzantium. The archaeological evidence of its presence in Novgorod has enabled not only a competent international research to be conducted on the basis of interdisciplinary study of various sources, but also to revive the real picture of life in ancient Russia contrary to the popularly conceived one.*

Во время раскопок 2003 г. в верхней мысовой части Рюрикова городища, при разборке пласта с нивелировочными отметками от +220 до +200 см от условного репера раскопа, привязанного геодезически к постоянному городищенскому реперу на апсиде церкви Благовещенья, в кв. 93, 94, 98, 99 была обнаружена округлая яма диаметром 2,20 м, заполненная темно-серой мешаной супесью с включениями серой супеси. В предыдущем пласте непосредственно над ней были встречены разнородные предметы времен Второй мировой войны, что наводило на мысль о позднем происхождении самой ямы. По размерам и профилю яма была похожа на воронку от снаряда. Несколько винтовочных гильз было найдено в ее заполнении и на уровне данного пласта. В тоже время здесь встречены и многочисленные крупные фрагменты древнерусской гончарной керамики. Возможно, на этом месте находилась древняя хозяйственная яма, разрушенная взрывом снаряда или перекопом вре-

мен войны. Разобраться, где кончается средневековая яма и начинается снарядная воронка, на оплывающем склоне холма не удалось.

Среди многочисленных костей животных из заполнения ямы оказался почти целый череп обезьяны (цв. ил. 2, 1, 2; рис. 1). находка сама по себе для лесной зоны Восточной Европы уникальная и удивительная, но поскольку стратиграфия памятника не давала в данном случае однозначного контекста для определения ее хронологии, было решено провести радиоуглеродное датирование находки, что и было сделано. Оказалось, что череп обезьяны относится к рубежу XII–XIII вв., то есть ко времени существования на Городище резиденции новгородских князей.

Видовые определения. Уже в полевых условиях по предварительному определению английского палеозоолога Ш. Хамилтон-Дайер, работавшей тогда в составе Новгородской экспедиции, в том числе и над материалами Рюрикова городища,

* Работа выполнена при финансовой поддержке INTAS (проект N 2000-154) и Отделения историко-филологических наук РАН (программа «Русская культура в мировой истории»).

Рис. 1. Череп обезьяны *Macaca sylvanus* из раскопок на Рюриковом городище, рубеж XII–XIII вв., находка 2003 г.
(Фото Т. А. Ершовой)

Fig. 1. Skull of *Macaca sylvanus* from excavation of 2003 at Rurik Gorodishche. Turn of the 12th and 13th century.
(Photo by T. A. Ershova)

череп животного был определен как принадлежащий обезьяне. Дальнейшие исследования, проведенные уже в Британии, сузили идентификацию до обитающей в восточном полушарии обезьяны рода *Macaca*. Это было подтверждено на сравнительных материалах Музея естественной истории (Лондон) доктором Кристофом Солиго из Палеонтологического отдела¹. Лицевое строение, дентичия и общий размер образца полностью соответствовали виду *Macaca sylvanus*², известному еще в западной литературе как берберийская макака, или чаще как «берберийская обезьяна человекообразная» (хотя на самом деле обезьяна эта не человекообразная).

Череп сохранился неплохо, но не целиком. Он включает полностью лобную, сфеноидную и назальные кости, а также правую часть лица (в том числе правую скулу, верхнюю челюсть и небо). В верхней челюсти сохранилось несколько постоянных (взрослых) зубов, включая правый клык, 1^й и 2^й премоляры, а также 1^й, 2^й и 3^й моляры. Заднечерепные кости отсутствуют. Обезьяна имела полностью прорезавшийся набор взрослых зубов, причем 1^й и 2^й моляры обнаруживают изношенность с участками обнажившегося дентина на всех зубных бугорках. У премоляров изношена только эмаль без обнажения дентина, в то время как окклюзионная поверхность 3го моляра настолько повреждена, что не представляется возможным определить, была ли она изношена уже к моменту смерти. Обезьяны Старого Света обычно достигают репродуктивного возраста еще до полного прорезывания взрослых зубов, однако их рост, соответствующий совершенно зрелому животному, до окончательной взрослой дентичии обычно не достигается (*Cheverud, 1981; Setchell, Wickings, 2004*). Тем не менее, прорезанность и изношенность зубов указывают на то, что череп принадлежал взрослой особи, хотя и не обязательно старой. Для дентичии обезьян Старого Света характерен значительный половой диморфизм, в особенности у клыков (*Hilson, 1986. P. 241*). Размер и форма клыка у городищенского экземпляра указывают на то, что это была самка.

На 3^м молярном зубе верхней челюсти обнаружены признаки зубного кариеса. Этот зуб имеет большую каверну на окклюзионной поверхности. Наличие кариеса может свидетельствовать в поль-

зу того, что обезьяна, по крайней мере, какое-то время, содержалась в неволе, так как известно, что кариес редко бывает у диких млекопитающих, в то время как у содержащихся в неволе он встречается довольно часто (*Hilson, 1986. P. 300*). Однако наличие такой патологии не обязательно означает, что данная особь провела в неволе всю жизнь, так как кариес все же встречается и у диких приматов, поскольку в их рацион входят фрукты и, соответственно, сахар.

Костные останки как таковые не дают возможности сделать какие-либо существенные выводы. Череп принадлежал взрослой самке, страдавшей зубным кариесом. Видимо, череп принадлежал некогда отловленному животному, которое держали на Городище в качестве курьеза. Данная находка может свидетельствовать о широкой сети торговли и обмена, протянувшейся до самого Западного Средиземноморья и Северо-Западной Африки, составляющих ареал распространения популяций бесхвостых макак (*Groves, 2001*).

Физическое описание, распространение и ареал обитания. Современные *Macaca sylvana* имеют мех цветového спектра от серо-желтого до коричневатого-серого (цв. ил. 2, 4, 5; рис. 2)³. Нижние участки тела у них светлее, мордочка темная, хвост отсутствует. Длина тела с рудиментами хвоста обычно составляет 38–76 см, вес – между 5 и 13 кг. Средняя продолжительность жизни 20–30 лет (*Wheeler, 2002*).

Сегодня эти макаки обитают в гористых ареалах Марокко и Северного Алжира, но когда-то их популяции существовали еще в Ливии и Тунисе. Небольшая популяция (сейчас около 100 особей) имеется в Гибралтаре: это последние представители стада, которое некогда населяло Европу. За их содержание отвечают Британские вооруженные силы, и часто численность обезьян пополняется за счет завоза из Африки. На воле они обитают в смешанных кедровых и дубовых лесах на высоте до 1600–2160 м над уровнем моря (*Wheeler, 2002*).

Радиоуглеродная датировка черепа обезьяны с Городища. После фотографирования и обмеров премоляры и клык были извлечены из черепа и направлены на радиоуглеродный анализ. Зубы были посланы в лабораторию Beta Analytic Inc. (Florida, USA), где была проведена подготовительная операция – «щелочная экстракция колла-

¹ В настоящее время череп обезьяны передан на постоянное хранение в фонды Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге, коллекционный номер 35 715.

² В литературе встречается как *Macaca sylvanus*, то есть латинское название имеет женский род; далее по тексту авторы используют также *Macaca sylvana*. В русской литературе это: магот или бесхвостый макак.

³ Редакторы сборника сердечно благодарят сотрудников библиотеки Зоологического института РАН (Санкт-Петербург) за помощь в подборе иллюстраций.

Рис. 2. Внешний вид обезьяны *Macaca sylvanus* (Monkeys and Apes, 1985. P. 94)

Fig. 2. Outward appearance of *Macaca sylvanus*

гена». При этом из образца удалось получить углерод в достаточном количестве для анализа, и были проведены точные радиоуглеродные определения. Калибровка производилась на основе новейшей калибровочной базы данных (Stuiver et al., 1998). Анализ показал, что череп относится к периоду между 1040 и 1260 гг. н. э. (95% доверительный интервал) или к периоду между 1160 и 1220 гг. н. э. (68%). Пересечение средней радиоуглеродной даты с временной шкалой калибровочной кривой дает 1180 г. н. э. ($\pm 40-50$ лет) (рис. 3). Это четко указывает, что обезьяна жила, скорее всего, в конце XII в., то есть во время активного функционирования Городища как княжеской резиденции.

Сравнительные археологические данные. Останки обезьян обнаружены в Европе при раскопках и в тех областях, которые не принадлежали к ареалу их обитания. Один из самых древних экземпляров известен из укрепления Наван в Ирландии; подобная же находка происходит предположительно из слоев железного века в Тительберге – на городище Тревери в Люксембурге (Napie, Jenkins, 1997). Имеется также несколько экземпляров, найденных на памятниках римского времени в Англии, в том числе один из Роксетера (графство Шропшир) (Armour-Chelu, 1997), а также из Данстебла (графство Бедвордшир) и Каттерика (Северный Йорк-

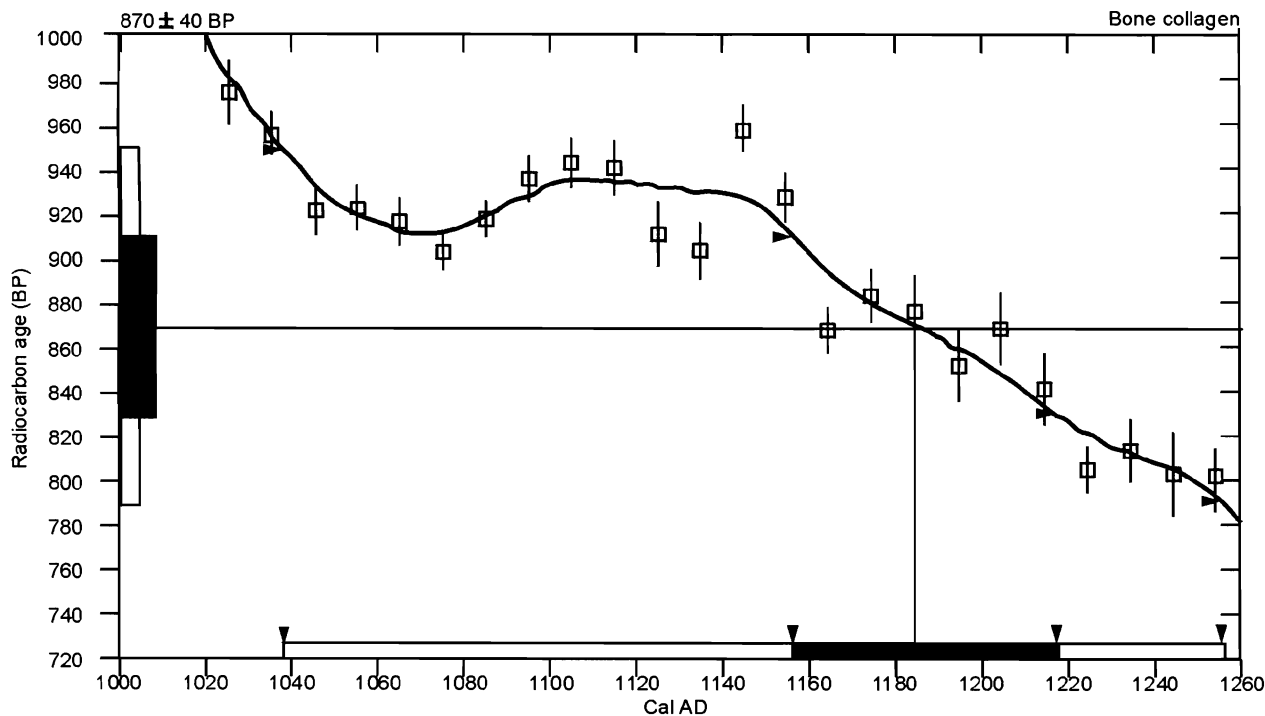

Рис. 3. Результаты радиоуглеродного датирования черепа обезьяны с Рюрикова городища (лаборатория Beta Analytic Inc., Florida, USA)

Fig. 3. Results of radiocarbon dating of the monkey skull from Ryurik Gorodishche (Laboratory of Beta Analytic Inc., Florida, USA)

Рис. 4. Череп обезьяны из раскопок в Саутгемптоне, Великобритания (конец XIII в.)

Fig. 4. Skull of *Macaca sylvanus* from excavation at Southampton; United Kingdom (end of 12th century)

шир) (Stallibrass, 2002). Эти римские находки также идентифицированы как *Macaca sylvana*. На памятнике Ле Коломин V–VI вв. на испано-французской границе в Пиренеях было обнаружено погребение обезьяны, и снова это была *Macaca sylvana*. На этот раз был найден весь скелет, находившийся в своего рода могиле с погребальным инвентарем (личное сообщение Jordi Nadal).

Что касается средневекового периода, то городищенская обезьяна по-видимому пока является самой ранней находкой, зафиксированной в Европе, и несомненно самой удаленной от коренных мест обитания этих животных. Имеются череп и ключица обезьяны из местечка Куку-Лейн в Саутгемптоне (Англия), обнаруженные в хорошо датированной мусорной яме конца XIII в. (Platt, Coleman-Smith, 1975) (рис. 4). К XIV в. относится находка из слоев, раскопанных в Каррикфергусе, Северная Ирландия (Hamlin, Lynn, 1988. P. 64–65; McCormick, 1991) (рис. 5), и еще одна находка, судя по описанию, встречена в средневековых отложениях на ул. Фрайэрз Стрит в Лондонском Сити (Pipe, 1992. P. 190).

Все эти находки определены как *Macaca sylvana*, причем на лондонском экземпляре были обнаружены признаки содержания в неволе: ямочки на молярах (истирание эмали), свидетельствующие о некачественном питании, в частности о нехватке витаминов А или D (Pipe, 1992. P. 190).

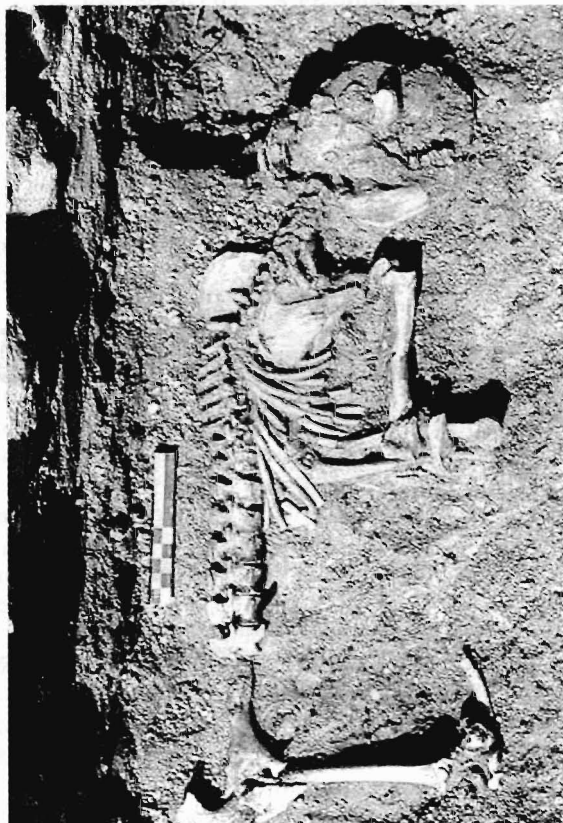

Рис. 5. Скелет обезьяны из раскопок в Каррикфергусе, Северная Ирландия (XIV в.)

Fig. 5. Skeleton of *Macaca sylvanus* from excavation at Carrickfergus, North Ireland (14th century)

Переходя к позднесредневековому периоду, можно упомянуть череп африканской обезьяны из рода *Ceropithecus*, найденный в слоях XV–XVI вв. в Лейдене, Нидерланды (van Wijngaarden-Bakker, 1980). Начиная с этого времени в археологических комплексах можно встретить останки обезьян уже из Нового Света, в том числе капуцинов, таких как *Cebus apella* и *Cebus nigrivittatus* из Южной Америки.

Что касается четырех средневековых экземпляров (с Городища – конец XII в., из Саутгемптона – конец XIII в., Каррикфергуса – XIV в. и с Фрайэрз Стрит в Лондоне – XV в.), то известно, что все они определены как *Macaca sylvana*. Кроме того, в некоторых случаях вполне ясно, что эти находки происходят с участков поселений, которые можно отнести к местам проживания знати или социальной элиты. Например, в Саутгемптоне мусорная яма (яма 14), где были обнаружены кости обезьяны, относилась к большому каменному дому, расположенному на главной набережной сво-

его времени – Вест-Ки (Западный Причал). В конце XIII в. это место принадлежало богатому купцу Ричарду из Саутуика, который, в частности, имел торговые связи с Испанией. Кстати, останки обезьяны были найдены в комплексе, содержавшем керамику из Андалузии (миска, тарелка и кувшин – все с оловянной глазурью), а также множество изящных парадных сосудов из Юго-Западной Франции, использовавшихся скорее всего в качестве кувшинов для вина (*Platt, Coleman-Smith, 1975*).

Сведения письменных источников. Иногда в средневековых манускриптах, особенно в так называемых *бестиариях*, встречаются описания диких зверей. Бестиарии представляют собой собрания кратких описаний и рассказов про различных зверей, как реально существующих, так и мифических, про птиц, а иногда и про природные геологические образования, причем все это сопровождается пояснениями морализаторского характера. Хотя бестиарии и повествуют о природных явлениях, они никогда не замышлялись как научные труды и не должны восприниматься таковыми. В качестве примера можно назвать Абердинский бестиарий (ок. 1200 г.), новая версия перевода которого недавно была опубликована (*Arnott et al., 2002*) (цв. ил. 2, 3). В нем описывается, как выглядят обезьяны, и изображены подобные существа, которых палкой или изолупом подгоняет человек.

Различные средневековые источники иногда упоминают о содержании диких и экзотических животных в качестве домашних питомцев. В двух документах, например, рассказывается о случаях содержания обезьян в английских монастырях. Один из них приходится на времена Элис Уэйлеранд, бывшей в 1268–1298 гг. настоятельницей Ромсейского аббатства (графство Гемпшир) недалеко от Саутгемптона. Архиепископ Пекэм сделал ей внушение и запретил держать обезьянок в качестве питомцев (*Walker, 1993. P. 58*). В другом случае, на этот раз в аббатстве Бэтгл (Суссекс), в записях монастырских расходов за 1278 г. упоминаются «4 пенса на цепочку для обезьяны» (*Searle, Ross, 1967. P. 45*).

Рассказы о королевских зверинцах с дикими животными впервые появляются во времена Карла Великого в начале IX в. В Британии король Генрих I (1100–1135 гг.) держал экзотических животных в своем парке в Вудстоке недалеко от Оксфорда. Коллекция включала львов, верблюдов и дикобраза. Королю Иоанну Безземельному приписывается основание зверинца в лондонском Тауэре, где диких животных держали до 1831 г., когда большая их часть была передана в только

что открывшийся Лондонский зоопарк в Риджентс-парке (*O'Regan, 2002*).

Такая ассоциация с королевской властью берет начало в старинной практике делать экзотические подарки, в том числе дарить живых зверей, обычной для посланников при иностранных дворах. Одним из наиболее ярких примеров является белый слон, подаренный халифом аль-Махди Карлу Великому в самом начале IX в. (*Hodges, Whitehouse, 1983. P. 121*). Тот факт, что этот дар прибыл в сопровождении важной делегации, включавшей губернатора Египта, показывает, что такие подарки помогали налаживать связи даже на больших расстояниях.

Заключение. В каком же контексте следует рассматривать городищенскую обезьянку? Как и откуда, попала она на Городище в резиденцию новгородского князя? Ведь сейчас это несомненный факт. Деталей и подробностей, конечно, в наши дни мы никогда не узнаем – археологические материалы молчаливы. На их основании, можно лишь констатировать к какому виду принадлежали обезьяны, их возраст, пол, особенности строения, предположить, откуда они, скорее всего, были привезены, а также то, что в Европе при раскопках их останки находят отнюдь не на рядовых усадьбах.

Уместно вспомнить интереснейшие данные об обезьянах в европейской культуре, собранные в монографии В. П. Даркевича «Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв.», вышедшей вторым изданием в 2006 г. В. П. Даркевич построил свое исследование не только на основании анализа письменных источников, но и на изучении иконографических материалов (иллюстраций рукописей и книг, церковной скульптуре и живописи, а также произведений декоративно-прикладного искусства) (*Даркевич, 2006. С. 127–135*) (рис. 6, 1–5). Археологические и зоологические сведения об обезьянах, которые мы рассмотрели выше, автор не упоминал. Впрочем, это не было его целью, и, по сути дела, не имеет смысла для освещения поставленной автором задачи, но нам кажется целесообразным повторить некоторые наблюдения исследователя.

«Для европейского жителя обезьяна была удивительным животным экзотических стран, одним из гротескных созданий Бога, – пишет В. П. Даркевич, – Их покупали втридорога и содержали в зажиточных домах и даже жилищах священников». Этот обычай осуждал в своей проповеди Гуго Сен-Викторский, которого автор цитирует по работе Х. Янсона: «Хотя обезьяна самое гнусное, грязное и отвратительное животное, клирики

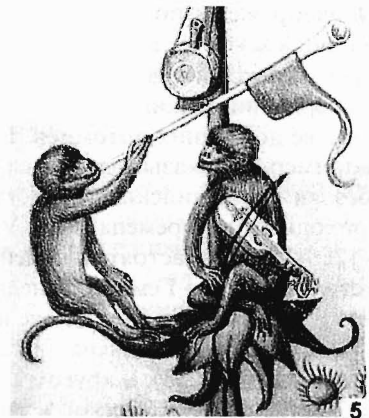

Рис. 6. Обезьяна на средневековой миниатюре. 1 – Миссал. Гнезно, около 1500 г. (Гнезно, библиотека Капитула, MS. 139) (Даркевич, 2006. Табл. 27, 2); 2 – Евангелие. Византия, XIII в. (Афон, Cod. 4, ф. 6) (Даркевич, 2006. Табл. 33, 2); 3 – Легендарий, Северная Франция, конец XIII – начало XIV в. (БАН, F. 403, f. 116 v) (Даркевич, 2006. Табл. 33, 3); 4 – медальон на тазе. Бронза, инкрустация серебром. Мосул, 1238–40 гг. (Париж, Лувр) (Даркевич, 2006. Табл. 33, 4); 5 – «Антифонарий Олесницкого». Краков, 1423 г. (Краков, библиотека Капитула, № 47, ф. 241 v) (Даркевич, 2006. Табл. 34, 4)

Fig. 6. Monkey in a medieval miniature. 1 – Missal. Gnezno, c. 1500; 2 – Gospel. Byzantium, 13th century; 3 – Legendary. Northern France, end of 13th – beginning of 14th centuries; 4 – Incrustation on the bowl. Mosul, 1238–1240; 5 – Antiphonary. Krakow, 1423

любят держать его в доме и выставлять напоказ в окнах, чтобы произвести впечатление на проходящую чернь своим богатством». Опять же вслед за Х. Янсоном В. П. Даркевич приводит характеристику образа обезьяны по энциклопедии Бартоломея Английского (XIII в.): «По природе животное непослушно и злобно и приручается насильственным посредством побоев и цепей. Обезьяну приковывают к тяжелому блоку или колоде, чтобы удержать от побега на волю и подавить ее наглость». Обезьяна – «чудовищное животное», но с человеческими хватками, чувствительна к дисциплине; ее можно научить кувыркаться и исполнять всевозможные трюки для «удовлетворения праздного любопытства людей» (Даркевич, 2006. С. 127, 128; Janson, 1952. P. 30; 145, 146). Обезьян, прикованных цепочкой к ядру, изображали скульпторы и миниатюристы (рис. 6, 2).

С XII в. фигуры поводырей с обезьянами распространяются в романской скульптуре Франции и Тосканы. Трюки обезьян пародистов многочисленны на полях готических рукописей. Обезьяны в средневековье были музыкантами и танцорами, участвовали в комических турнирах (Даркевич, 2006. С. 128–131).

Одним словом в средневековом европейском обществе обезьяна была не такая уж редкость в кругу знати и клириков, подчеркивая их исключительность и состоятельность, но, несомненно, своими ужимками и пародией на человека вызвала ажиотаж простого люда. Обезьяны – бесхвостые берберийские макаки-маго привозились из Северо-Западной Африки и Гибралтара. Полагают, что эта обезьяна была известна уже древним грекам под названием *Pithecus* и о ней рассказывает Плиний (I в. н. э.) как о существе, «которое все перенимает, выучивается играть в шашки, умеет различать разрисованные восковые изображения, любит, чтоб ею занимались, плодится в домах и т. д.» (Даркевич, 2006. С. 127). Греция, что важно для понимания возможных путей появления африканской макаки на Рюриковом городище, являет-

ся, пожалуй, достоверно той западной частью Средиземноморья, куда попадали макаки. «Судя по византийским и армянским миниатюрам, иракским изделиям из металла, – отмечает В. П. Даркевич – на Ближний Восток доставляли хвостатых обезьян, мартышек из тропической Африки или индийских макак-резусов» (Даркевич, 2006. С. 128).

Византия – Киев и, как важнейший центр на севере, – Новгород, связанные по Черному морю, рекам Днепру, Ловати и озеру Ильмень – вот та проторенная торгово-военная магистраль, пересекавшая Древнюю Русь с юга на север. Вряд ли могут быть сомнения, что именно этим путем в подарок (или по заказу, или в силу каких-то иных обстоятельств, о которых нам не суждено узнать) ко двору новгородского князя была привезена макака из Северо-Западной Африки, скорее всего, не непосредственно, а из Византии с одним из торговых караванов или дипломатической миссией, или как-то еще. Это не столь важно. Важно, что однажды это случилось. А уж, каково было удивление и восторг новгородских простолюдинов, увидевших в княжеских хоробах или близ них, прыгающее и гримасничающее диковинное существо, весьма похожее по ужимкам на них самих, трудно и представить!

Археология, наука, хоть и молчаливая, находкой на Рюриковом городище, подтвердила свою значимость для воссоздания не лубочной, а реальной картины жизни древнерусского общества. Кстати, в древнерусском языке есть специальное слово для обозначения обезьяны – «тръпястекъ», «трепястокъ», «трипескъ», «трапястькъ» и др. (Срезневский, 1903. С. 998, 1017, 1018). Хоть и очень далеко от Африканского континента была Древняя Русь, но знали славяне о любопытных и забавных существах, совсем не похожих на привычных для них обитателей дремучих лесов, покрывавших Восточную Европу. Новые находки останков обезьян на поселениях Киевской Руси вполне вероятны.

НАХОДКИ ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ VI–X ВВ. НА НОВГОРОДСКОМ (РЮРИКОВОМ) ГОРОДИЩЕ

Петр Г. Гайдуков¹, Аркадий А. Молчанов², Евгений Н. Носов³

¹ – Институт археологии РАН. Москва. Россия

² – Институт всеобщей истории РАН. Москва. Россия

³ – Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

FINDS OF ORIENTAL COINS OF THE 6th–10th CENTURIES AT NOVGOROD (RYURIK) GORODISHCHE

Peter G. Gaydukov¹, Arkadiy A. Molchanov², Evgeniy N. Nosov³

¹ – Institute of Archaeology. Moscow. Russia

² – Institute of World History. Moscow. Russia

³ – Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *This paper presents a catalogue of oriental (Arabian and Iranian) coins found at Ryurik Gorodishche and discussion of the trends of their chronological distribution. Of the entire length of the Volga-Baltic route, the Upper Volkhov region is the area of the utmost concentration of hoards of oriental silver coins. Here, 11 hoards are known of which three were found at Gorodishche. At the latter site, also 145 complete and fragmentary single coins have been found during excavations or by chance and are housed now in various museum and private collections. The most ancient coins include a Sassanian drachm of the 6th century, two Arabian-Sassanian drachms of the 7th century and a Khorosmian coin of the last quarter of the 8th century. The youngest coin is dated to the mid-10th century. The earliest kufic coin is dated to the first quarter of the 8th century, while the latest one – to the mid-10th century. No dirhems of the second half of the 10th century have been reported from Gorodishche. Noteworthy is the predominance of Abbasid coins of the 8th-9th century. The Gorodishche collection is compared here with 77 coins found in 2001–2002 in the region of Lake Ilmen as well as with those from the Nerevskiy Excavation in Novgorod which yielded 6 coins and two hoards dated to 970s. The concentration of coins is considerably higher at Gorodishche than in Novgorod. The number of coin finds is being constantly increased affecting the concepts already established in the science.*

«Уже свыше ста лет, как европейские ученые обратили внимание на исключительный в истории факт захода азиатских и африканских серебряных монет в Северную и Восточную Европу в течение последних веков первого тысячелетия христианской эры. Однако не только само попадание монет, известных нам из находок, но еще в большей мере количество их поражало и поражает наше воображение. К сожалению, общее число их, даже точно изученных, нам неизвестно, хотя вряд ли возможно сомневаться в том, что работа по их подсчету однажды будет произведена» (Бауер, 1942. Л. 154). Так писал в блокадном Ленинграде в своей докторской диссертации выдающийся отечественный нумизмат Н. П. Бауер. Такой подсчет удалось сделать лишь через 60 лет – в наши дни. Американскими исследователями Т. Нунаном и Р. Ковалевым собраны сведения о находках в Европе около 1600 кладов куфических монет (Нунанан, Ковалев, 2000. С. 206).

В предисловии книги «Денежно-весовые системы русского средневековья» В. Л. Янин отмечал: «Монетные клады никогда не были и не могут быть предметом специальных научных поисков. Случайно обнаруживаемые, они, тем не менее, дают основу для случайных выводов только тогда, когда рассматривается единичный клад или единичная находка. Но сравнительное изучение ряда кладов дает основу уже для методически правильных выводов, а изучение широкой совокупности кладов позволяет восстановить картину древней экономики. При массовости находок сама случайность их обнаружения превращается в достоинство. Имея в руках сотни монетных находок из одного района и единицы из другого, или множество кладов одного периода и только единичные клады другого периода, исследователь может судить о территориальных или хронологических закономерностях обращения монеты. Случайность находок в таких случаях является отражением действитель-

ных закономерностей обращения, а их материал дает наиболее объективную картину товарно-денежного обращения древности» (Янин, 1956а. С. 4).

На всем протяжении балтийско-волжского пути, по которому поступало восточное серебро на Русь и в страны Балтики, Верхнее Поволжье является участком с наибольшим скоплением монетных кладов. По подсчетам одного из авторов к 1990 г. в верховьях Волхова насчитывалось «11 кладов IX-X вв., а датировка еще одного клада не определена (древнейшие – Вылеги, 807 г., Холопий Городок, 811 г.)» (Носов, 1990. С. 187). К настоящему времени их количество еще увеличилось благодаря работам Новгородской экспедиции (Гайдуков, Федоров-Давыдов, Янин, 2000).

Авторы ставят своей задачей рассмотреть находки восточных монет на Новгородском Городище, важнейшем раннесредневековом поселении в Новгородской округе. Несмотря на многолетнее археологическое изучение этого памятника, подробной сводки таких монет до сих пор не существует. Изредка встречаются лишь беглые упоминания об отдельных восточных монетах с Городища в путеводителях и выставочных каталогах (см., например: *Путеводитель по музею*, 1921. С. 184; *Путь из варяг в греки*, 1996. С. 47. № 141, 142).

Среди учтенных находок присутствуют заводные кладовые комплексы и разрозненные (единичные) находки целых и фрагментированных монет. Собраны данные о монетах, хранящихся в музейных и частных собраниях, а также известные по публикациям¹. Определения монет, найденных в последние десятилетия, произведены И. Г. Добровольским, А. В. Фоминым, А. Б. Никитиным и А. А. Молчановым (далее в тексте его атрибуции специально не оговорены). Регистрация монет из частных коллекций проведена, в основном, в 2001–2004 гг. (ср.: Гайдуков, Молчанов, 2006).

Клады.

1. 1901 г. *Раскопки М. И. Полянского*. В траншее на берегу канала обнаружена «масса частиц серебряных куфических диргем X в.». В книге М. И. Полянского приведена дата чеканки лишь одной монеты – 905/906 г. (Полянский, 1908. С. 6). «Очевидно, что при раскопках был найден клад восточных монет, состоявший в основном из их частей и относящийся, скорее всего, к X в.» (Носов, 1990. С. 22).

2. 1980 г. *Раскопки Е. Н. Носова*. На Центральном раскопе (на поле, в высокой части Городища,

в 30 м к югу от церкви Благовещения) в материковой яме (комплекс № 1) найден клад из семи дирхемов (четыре целых, половинка и две четверти). «Дирхемы лежали одной кучкой в слое серого гумуса. Сохранность монет плохая, оттого что они побывали в огне». По заключению А. В. Фомина, клад относится к концу 860-х гг. Все дирхемы клада – аббасидские. Они чеканены: при ал-Махди (775–785) в Мадинат ас-Саламе в 774/5–775/6 гг.; при ал-Мамуне (813–833) в Мадинат ас-Саламе в 812/3–814/5 гг.; при ал-Мутасиме (833–842) в Мухаммадии в 837/8 г.; при ал-Мутаваккиле (847–861) в Армии в 853/4 г.; при ал-Мустаине (862–866) в 865 г.; при ал-Мутазе (866–869) в Самарканде в 867 г.; один из дирхемов, вероятно, второй четверти–середины IX в. (Носов, 1990. С. 90, 92).

3. 1982 г. *Раскопки Е. Н. Носова*. На Центральном раскопе (на поле, в высокой части Городища, в 30 м к югу от церкви Благовещения) в основании постройки (комплекс № 17) найден клад из шести дирхемов (один целый, половинка и четыре более мелкие части монет; все они находились в одной стопке). По мнению А. В. Фомина, клад относится к середине IX в. Все дирхемы из клада – аббасидские. Они чеканены: при Харуне ар-Рашиде (786–809) в Мединат Арране в 806/7 г.; при ал-Мамуне (813–833) в Самарканде в 816/7 г.; при ал-Мамуне (813–833) в Самарканде до 820 г.; при ал-Мутаваккиле (847–861) в 855–861 гг.; один из них выпущен между концом VIII в. и 820 г. (Носов, 1990. С. 100).

Единичные монетные находки.

1. *Сасаниды*. Небольшой фрагмент серебряной драхмы Хосрова I (531–579 гг.). Вес – 0,58 г. Показана Ю. П. Коньковым в 2001 г.

2. *Арабо-сасанидская драхма*. Фрагмент обрезанной в кружок монеты, чеканенной в Басре от имени тамошнего наместника Убайдаллаха ибн Зийада (674–683 гг.). Вес – 0,51 г. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы.

3. *Арабо-сасанидская драхма*. Фрагмент монеты VII в. Вес – 0,59 г. Сборы А. Н. Сметанина, 2001 г.; определение И. Г. Добровольского.

4. *Хорезм*. Хорезмшах Азказвар-Абдаллах (последняя четверть VIII в.). Половинка серебряной монеты. Вес – 1,12 г. Сборы М. В. Шорина, 1970-е годы; определение А. Б. Никитина. *Изд.: Гайдуков, Никитин*, 1981.

5. *Омейяды*. Название монетного двора утрачено. От даты сохранилась только левая половина: 9? г. х. Таким образом, монета чеканена между 91

¹ За помощь в сборе материала авторы признательны А. Н. Алексееву, А. И. Зайцеву, Ю. П. Конькову, А. А. Попову, А. Н. Сметанину, М. В. Шорину и В. Л. Янину.

и 99 г. х., то есть между 709/710 и 717/8 гг. Фрагмент дирхема. Сборы А. Ф. Петрова, 1970-е годы.

6. *Омейяды*. Первая половина VIII в. Монетный двор – Васит. Фрагмент дирхема. Вес – 1,00 г. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы.

7. *Аббасиды*. Халиф ал-Махди (158–169 гг. х. = 775–785 гг.). Место чеканки – Мухаммадия, 161 г. х. = 777/8 г. Половинка дирхема. Сборы А. Ф. Петрова, 1970-е годы.

8. *Аббасиды*, ал-Махди, Мухаммадия, 164 г. х. = 780/1 г. Примерно треть дирхема. Вес – 1,16 г. Сборы 1960-х – 1970-х годов; из архива В. Л. Янина.

9. *Аббасиды*, ал-Махди, название монетного двора не сохранилось, 16? г. х. Таким образом, монета чеканена между 777/8 и 785 гг. Половинка дирхема. Сборы А. Ф. Петрова, 1970-е годы.

10. *Аббасиды*. Монетный двор – Мубарака (на территории современной Тунисской Республики). 174 (?) г. х. = 790/1 (?) г. С именем Йазид (наместника провинции Ифрикия Арабского халифата в 155–170 гг. х.). Целый дирхем очень плохой сохранности (сильно окислен, имеет два сквозных пореза). Вес – 1,40 г. Сборы А. Н. Сметанина, 2000 г., передан П. Г. Гайдукову в январе 2001 г.

11. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид (170–193 гг. х. = 786–809 гг.), Мадинат ас-Салам, 797/798 г. Дирхем. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1980–1983 гг.; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов, 1990. С. 115.*

12. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, 183 г. х. = 799/800 г. Название монетного двора не сохранилось. Половинка дирхема. Вес – 1,56 г. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы.

13. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, Балх, 185 (?) г. х. = 801 г. Погнутый дирхем. Сборы 1998 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

14. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, город утрачен, 796–806 гг. Фельс, края обломаны. Вес – 1,30 г. Сборы 1999 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

15. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, обозначение монетного двора утрачено, но, судя по палеографическим особенностям надписей, место чеканки дирхема – Мадинат ас-Салам (Багдад), 192 г. х. = 807/8 г. (дата читается полностью). Фрагмент дирхема. Сборы 1960–1970-х годов; из архива В. Л. Янина.

16. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, Мухаммадия, 192 г. х. = 807/8 г. Целый дирхем. Вес – 2,88 г. Сборы 2001 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

17. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, название монетного двора и дата обрезаны. Половинка дирхема. Вес – 1,56 г. Сборы А. И. Зайцева, 1980-е годы; определение И. Г. Добровольского.

18. *Аббасиды*, Харун ар-Рашид, название монетного двора и дата обрезаны. Половинка дирхема. Вес – 1,27 г. Сборы А. И. Зайцева, 1980-е годы.

19. *Аббасиды*. Монета без имени халифа. Название монетного двора не сохранилось 218 г. х. = 833/4 г. Фрагмент дирхема (утрачена примерно треть монетного кружка). Вес – 1,67 г. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы.

20. *Аббасиды*, ал-Мутасим (218–227 гг. х. = 833–842 гг.), город?, 220 г. х. = 835 г. Дирхем. Раскопки Е. Н. Носова, 1986 г., РГ-204, кв. 200, разборка заполнения ямы; определение И. Г. Добровольского.

21. *Аббасиды*, ал-Мутаваккил (232–247 гг. х. = 847–861 гг.), после 854 г. Дирхем. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1980–1983 гг.; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов, 1990. С. 115.*

22. *Аббасиды*, ал-Мутаваккил, Самарканд, 247 г. х. = 861 г. Целый дирхем. Вес – 1,66 г. Сборы 1960–1970-х годов; из архива В. Л. Янина.

23. *Аббасиды*, ал-Мутаваккил, место чеканки и год утрачены. Половинка дирхема. Сборы 1998 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

24. *Аббасиды*, ал-Мустаин (248–252 гг. х. = 862–866 гг.), название монетного двора и дата не сохранились. Целый дирхем. Вес – 1,14 г. Сборы А. Н. Сметанина, 2000 г., передан П. Г. Гайдукову.

25. *Аббасиды*, ал-Мустаин, место чеканки и год утрачены. Половинка дирхема. Сборы 1998 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

26. *Аббасиды*, ал-Мустаин, название монетного двора и дата не сохранились, т. к. лицевая сторона гладкая. Целый дирхем. Вес – 3,06 г. Сборы 2001 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

27. *Аббасиды*, ал-Мутааз (252–255 гг. х. = 866–869 гг.), название монетного двора и дата не сохранились. Половинка дирхема. Вес – 1,26 г. Сборы А. И. Зайцева, 2000 г., берег Волхова под церковью Благовещения.

28. *Аббасиды*, ал-Мутамид (256–279 гг. х. = 870–892 гг.), 270/1 г. х. = 883/4 г. Дирхем. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1980–1983 гг., РГ-142, кв. 38, гл. от -0,7 м до -0,9 м; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов, 1990. С. 115.*

29. Примерно треть *аббасидского* дирхема второй половины VIII в., имя халифа, год и город

обрезаны. Вес – 0,95 г. Сборы 1999 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

30. Обрезок (1/8 часть) *аббасидского* дирхема конца VIII в. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, комплекс № 10, 1981 г., РГ-297, кв. 56; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов 1990: С. 97.*

31. Сильно стертый *аббасидский* дирхем конца VIII в. – до 820 г. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1980–1983 гг.; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов, 1990. С. 115.*

32–33. Два *аббасидских* дирхема конца VIII–начала IX в., сборки 2000 г. (2 экз.), из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

34. Половинка *аббасидского* дирхема конца VIII–IX в. Сборы В. Н. Суховарова, 1970-е годы, из архива В. Л. Янина.

35–37. Две половинки *аббасидских* дирхемов и целый дирхем (?), IX в. Сборы 1978 г. (1 экз.), сборки 2000 г. (2 экз.), из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

38–39. Две половинки *аббасидских* дирхемов IX в. (?). Сборы 1960-х – 1970-х годов; из архива В. Л. Янина (1 экз.); показан А. А. Поповым в 2001 г. (1 экз.).

40–51. 12 фрагментов *аббасидских* дирхемов конца VIII–IX в. Сборы 1960-х – 1970-х годов, из архива В. Л. Янина (9 экз.); сборки В. Н. Суховарова, 1970-е годы (1 экз.); сборки А. Н. Сметанина, 2000 г., переданы П. Г. Гайдукову (2 экз.).

52–53. Два фрагмента *аббасидских* дирхемов IX в. (?), город и год обломаны. Сборы 1999 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

54. *Аббасиды* (?), имя халифа, город и год стерты. IX в. Фельс. Вес – 3,16 г. Сборы 1999 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

55–56. Два обломка *куфических* дирхемов IX в. Сборы 2000 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

57. Подражание *аббасидскому* дирхему IX в. с приклепанным ушком. Раскопки Е. Н. Носова на северном берегу канала, 1978 г., РГ-204, кв. 2, пл. 7; определение И. Г. Добровольского. *Изд.: Носов, 1990. С. 78.*

58. *Саманиды*, Исмаил I б. Ахмад (279–295 гг. х. = 892–907 гг.). Название монетного двора не сохранилось, 284 г. х. = 897/8 г. Половинка дирхема (склеена из двух обломков). Вес – 0,59 г. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы.

59. *Саманиды*, Исмаил I б. Ахмад, аш-Шаш, 290 г. х. = 902/3 г. Почти целый дирхем. Вес – 2,26 г.

Сборы А. И. Зайцева, 1970-е годы; определение И. Г. Добровольского.

60. *Саманиды*, Ахмад II б. Исмаил (295–301 гг. х. = 907–914 гг.), 908/9 г. Половинка дирхема. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1981 г., комплекс № 10, РГ-294, кв. 31; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов, 1990. С. 97, 115.*

61. *Саманиды*, Ахмад II б. Исмаил, аш-Шаш, ? г. х. = 908/9 г. Дирхем. Раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1980–1983 гг.; определение А. В. Фомина. *Изд.: Носов, 1990. С. 115.*

62. *Саманиды*, Наср II б. Ахмад (301–331 гг. х. = 914–943 гг.), аш-Шаш, [31]8 г. х. = 930/1 г. Фрагмент дирхема. Вес – 0,42 г. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы.

63. *Саманиды*, Наср II б. Ахмад, название монетного двора полностью не читается, [3]21 г. х. = 933 г. Третий дирхема, разломленная в свою очередь на три кусочка. Вес – 1,10 г (с приклепанным ушком). Показана Ю. П. Коньковым в 2001 г.

64. *Саманиды*, Наср II б. Ахмад, Самарканд, 325 г. х. = 936/7 г. Половинка дирхема. Вес – 1,32 г. Показана Ю. П. Коньковым в 2001 г.

65. *Саманиды*, Наср II б. Ахмад, аш-Шаш, год не сохранился. Половинка дирхема. Вес – 1,26 г. Показана Ю. П. Коньковым в 2001 г.

66. *Саманиды*, Абу ил-Малик ибн Нух (? гг. х. = 954–961 гг.), город обрезан, 349 (? г. х. = 960 г. Сборы 2000 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

67. Половинка *саманидского* дирхема X в. (возможно, Наср II б. Ахмад). Вес – 1,52 г. Сборы 2001 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

68. *Саманиды* (?), город и год обрезаны, X в. Сборы 2000 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

69. Подражание *саманидскому* дирхему X в. Сборы 2000 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

70. Примерно треть *куфического* дирхема IX–X вв. Сборы А. И. Зайцева, 1980-е годы; берег Волхова рядом с Городищем.

71. Половинка неопределенного дирхема. Сборы 1978 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

72. Половинка неопределенного *куфического* дирхема. Возможно, ал-Муктафи (?), ал-Мухаммадия (?), год х.?, 9?, 3? X в. Сборы 1999 г., из архива Е. Н. Носова; определение И. Г. Добровольского.

73–144. 72 мелких фрагмента *куфических* дирхемов Аббасидов и Саманидов, датируемых суммарно концом VIII–X в. Сборы А. Н. Алексеева, 1960–1970-е годы (11 экз.); сборки М. В. Шорина,

1970-е годы (29 экз.); раскопки Е. Н. Носова, Центральный раскоп, 1980–1983 гг., определение А. В. Фомина (1 экз., примерно четверть дирхема. *Изд.: Носов, 1990: С. 115*); показаны Ю. П. Коньковым в 2001 г. (31 экз.).

Итак, на середину 2005 г. зарегистрировано три небольших клада и 145 единичных находок целых и фрагментированных восточных монет. Ни-

же приводится сводная таблица данного нумизматического материала. При этом стоит заметить, что большинство дирхемов из частных коллекций оказалось фрагментированными и плохими по сохранности. Это вполне объяснимо, так как целые и сохранные монеты чаще других уходят из рук находчиков на продажу или в обмен (см. табл. 1).

Таблица 1

Общее количество отдельных восточных монет Новгородского городища
(куфические монеты распределены по династиям)

Table 1. The total number of single oriental coins from Novgorod Gorodishche
(kufic coins are distributed according to the dynasties)

Домусульманские и другие монеты VI–VIII вв.	4
Куфические монеты VIII–X вв. и подражания им, в том числе:	141
Омейяды	2
Аббасиды (в том числе 2 фельса)	50
Подражания аббасидским монетам	1
Саманиды	11
Подражания саманидским монетам	1
Аббасиды и Саманиды (мелкие фрагменты)	75
Всего монет	144

Среди находок с Городища представлены сасанидская драхма VI в., две арабо-сасанидские драхмы VII в. и хорезмийская монета последней четверти VIII в. Таких ранних монет среди единичных находок в окрестностях Новгорода нет больше нигде². Эти находки уже сами по себе могут свидетельствовать о самых ранних торговых контактах древнейшего поселения на Городище. Как известно, проникновение арабской серебряной монеты на территорию Восточной Европы началось в 70–80-е годы VIII в. Вместе с первой волной дирхемов эти монеты могли попасть в Приильмень, а затем – на Новгородское городище.

Самая младшая куфическая монета из описанных выше датируется первой четвертью VIII в., а самая поздняя – серединой X в. Таким образом, вводимые в научный оборот нумизматические памятники представляют практически все этапы обращения куфических монет на территории Восточной Европы. Пока на Новгородском городище не отмечены дирхемы второй половины X в. При дальнейшей регистрации монетных находок эта лакуна может заполниться. Если этого не произойдет, то необходимо будет объяснить причину отсутствия монет второй половины X в. на Городище. Возможно, это связано с началом упадка та-

мошного поселения и подъемом близлежащего Новгорода. Бросается в глаза значительное преобладание аббасидских монет VIII–IX вв. над саманидскими монетами X в. Более половины всех находок куфических монет представлены трудноопределимыми мелкими фрагментами.

Для сравнения рассмотрим единичные находки восточных монет в истоке Волхова. Кроме Новгорода они отмечены лишь на поселениях Ильменского Поозерья (*Гайдуков, Молчанов, 2005*) в небольшом районе, протянувшимся узкой полосой (шириной 4–5 км) на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и текущей почти параллельно его берегу р. Веряжей. Благодаря выгодному географическому положению и плодородным почвам эта территория во второй половине I тыс. н. э. сыграла важную роль в процессе славянской колонизации Приильменя и становления Новгорода. В результате систематических археологических исследований Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН установлено, что в конце I тыс. н. э. Поозерье было густо заселено. Здесь отмечено 18 раннесредневековых поселений (2 городища и 16 селищ) и шесть пунктов с сопками – погробальными сооружениями

² В составе кладовых комплексов в новгородской округе находки подобных монет известны. Четыре сасанидские драхмы происходят из клада, обнаруженного рядом с поселением Холопий Городок (*Фомин, 1993. С. 14*). Обломок арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в. отмечен в составе небольшого скопления монет, найденного при раскопках городища Георгий в Поозерье (*Носов, Плохов, 2002. С. 167*).

указанного периода (Носов, 1991; Nosov, 2001; Носов, Плохов, 2002. С. 159; 2005. С. 122).

Летом и осенью 2001–2002 гг. отмечался чрезвычайно низкий уровень воды в Ильмене. Благодаря этому в прибрежной части озера широкой полосой, достигающей 500–1000 м, обнажилось дно. В нескольких местах по берегу Ильменя, от д. Береговые Морины до д. Еруново (на расстоянии около 12 км), в донных песчаных и суглинистых отложениях были обнаружены скопления различных металлических предметов, датирующихся в основном IX–XV вв. В древности озеро, тогда еще незаиленное, имело меньшие размеры и большую глубину (Ильина, Грахов, 1980. С. 64). По его берегу располагалось несколько поселений. Впоследствии, в связи с поднятием уровня воды в озере,

прибрежная полоса вместе с культурным слоем средневековых поселений, ушла под воду и была частично размывта. Предметы из культурного слоя при этом оказались на дне. После спада воды они были собраны с поверхности обнажившегося дна, а также извлечены из нижележащего грунта, потревоженного на глубину до 15 см. В числе различных находок, датируемых эпохой средневековья, встречены восточные и западноевропейские серебряные монеты.

В четырех–пяти местах на отмелях было выкопано несколько десятков целых и фрагментированных куфических дирхемов. 77 монет удалось задокументировать. Они определены А. А. Молчановым (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение куфических монет
из Ильменского Поозерья по династиям
Table 2. Distribution of the kufic coins from
the Ilmen region over the dynasties

Омейяды	1
Аббасиды	26
Аббасидские наместники Табаристана	2
Подражания аббасидским монетам	2
Тахириды	1
Саманиды	13
Подражания саманидским монетам	2
Аббасиды и Саманиды (мелкие фрагменты)	30
Всего	77

На поселениях Поозерья наблюдается преобладание аббасидских монет VIII–IX вв. над саманидскими монетами X в., хотя и не такое значительное, как на Городище. В остальном, куфические монеты Поозерья распределяются подобно городищенским находкам, но саманидские монеты закрывают весь X век. Также много в Поозерье неопределимых мелких фрагментов.

На Неревском раскопе в Новгороде найдено шесть монет: четыре саманидских дирхема X в., одно подражание саманидскому дирхему X в. и одно украшение – имитация дирхема (Гайдуков, Молчанов, Янин, 2002). Все дирхемы относятся к чекану Насра б. Ахмада (914–943 гг.). Медная посеребренная монета подражает дирхему саманидского эмира Исмаила I б. Ахмада (892–907 гг.). Оба неревских клада куфических монет, опубликованные С. А. Яниной, также датируются X в. Они залегали в напластованиях 27 яруса (972–989 гг.). Наиболее поздними монетами в них оказались дирхемы Мансура б. Нуха, отчеканенные в 971–972 (I Неревский клад) и 974–975 гг. (II Неревский клад) (Янина, 1956. С. 180–207; 1963. С. 287–331).

На Троицком раскопе в Новгороде в напластованиях 27/28 ярусов (950–990 гг.) найден клад куфических дирхемов. Младшими из них являются монеты Насра б. Ахмада, чеканенные в конце 20–начале 30-х гг. X в. (Гайдуков, Федоров-Давыдов, Янин, 2000. С. 55–56).

Таким образом, массовая концентрация куфических монет VIII–X вв. в окрестностях Новгорода отмечена только на Городище и на прибрежных размывтых поселениях Поозерья.

Число опубликованных монетных находок Новгородского городища невелико. На основании этого уже делаются определенные выводы. Так в статье «Нумизматические материалы из раскопок Гнездова» Т. А. Пушкина пишет: «По количеству и разнообразию отдельных монетных находок Гнездово заметно выделяется среди ряда полностью или частично синхронных ему памятников, со многими из которых его обычно сравнивают. Достаточно обратиться к материалам, происходящим из раскопок поселения. При условии сопоставимости исследованных площадей Гнездова с опубликованными результатами исследований Рюри-

кова городища, Старой Ладоги, Новгорода и Тимеревского селища оказывается, что культурный слой Гнездовского поселения более насыщен монетами и, кстати говоря, торговым инвентарем в виде весовых гирек» (Пушкина, 1999. С. 415–416). В таблице, приведенной в статье, на Новгородском городище отмечено всего восемь находок отдельных монет. Введение в научный оборот настоящей сводки восточных монет VI–X вв. резко меняет эту картину.

В заключение хотелось отметить, что количество монетных находок на Городище постоянно растет. Так, к примеру, летом 2005–2006 гг. при раскопках Новгородской областной экспедиции на поле у кладбища было найдено 24 целых и фрагментированных куфических монеты. Снова встречены такие монеты и в подъемном материале на Городище и в его окрестностях.

НОВГОРОДСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ XII ВЕКА» И ПРОГРЕСС В КОЖЕВЕННОМ РЕМЕСЛЕ

Александр В. Курбатов

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

THE «REVOLUTION OF THE 12th CENTURY» IN NOVGOROD AND THE PROGRESS OF LEATHER-DRESSING

Alexandr V. Kurbatov

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *Excavations of the recent decades at Rurik Gorodishche have yielded inter alia an interesting collection of leather articles, mostly footwear. The chronological range of the finds is from the turn of the 9th and 10th centuries to the 13th-14th centuries. Most of the objects are dated to the late 11th and 12th century. This collection reflects various periods of occupation of Gorodishche and the specifics of the mode of life there. First and foremost, the leather goods may be considered as an indication of the appearance and development of self-dependent crafts in Novgorod and Novgorodian lands. Analysis of construction and stylistics of footwear designs together with comparative studies of the entire assemblage of leather objects (including various cuttings) enables us to distinguish one of the basic turning-points in the organization of the leather-dressing craft in Novgorod. That critical point was concerned with the «Novgorodian revolution of the 12th century» as Academician Boris Grekov called the change of the state structure in the Novgorodian land in the mid-1130^s. That political situation has been reflected to some degree in the material evidence of various crafts and house-building. The technical and stylistic changes in leather products, which took place in Novgorod in the middle and second half of the 12th century, spread widely and rapidly in other towns of the Novgorodian state and even in other principalities with which Novgorod maintained continuous trade relations.*

В 1997–2004 гг. Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН (руководитель – член-корреспондент РАН, профессор Е. Н. Носов) проводила раскопки на северном берегу Сиверсова канала в мысовой части поселения, примыкающей к валу Рюрикова городища. Раскопки на этом участке, проводившиеся в последние десятилетия, дали большое количество средневековых находок широкого хронологического диапазона, позволили исследовать различные комплексы деревянных сооружений конца IX–X вв. и XI–XIII вв. (Носов, 1990. С. 37–47). В 2001–2004 гг. на раскопе № 2 было собрано 463 кожаных предмета и один фрагмент войлока, происходящих из древнего слоя коричневого цвета, насыщенного органикой, лежавшего в заполнении рва и непереотложенного в позднейшее время. Большинство вещей датируется XI–XII и XIII вв. Кроме того, восемь предметов найдено в заполнении позднейших ям и в гумусированном слое X в. На данном участке были найдены многочисленные бытовые предметы соответствующего времени. Полученные дендродаты относятся к рубежу IX/ X и XI/ XII вв. (Носов и др., 2001. С. 11–15; Носов и др., 2003. С. 19–23).

Локализация находок. Все кожаные предметы найдены в заполнении рва (Курбатов, 2001; 2002; 2003; 2004a), преимущественно на глубине от +40 см до 0 от условного репера. Только четыре предмета встречены ниже (глубина от –20 до –40 см ниже нулевой отметки) – в коричневом слое с органикой, относимом к X в. В итоге раскопок стало более очевидным, что кожаные предметы достаточно равномерно распределены по всей площади заполнения рва. Можно предполагать, что ров последовательно заполнялся, начиная со стороны площадки городища.

Сырье. Качество кожевенного сырья определяется на основе органолептического изучения, что позволяет строить предположения относительно технологических режимов выделки кож. Можно предполагать соответствие видимой толщины материала и его толщины в древности, несмотря на имеющиеся постдепозиционные изменения кожи. Это особо наглядно видно в материалах 2004 г., где предметы сохранились в лучшем состоянии. Вся кожу можно разделить на тонкую (до 1,0 мм); средней толщины (до 1,5 мм), имеющую черный цвет на обеих поверхностях и в глубинных слоях;

и кожу толстую – более 1,5 мм. Подавляющее большинство предметов имеют толщину до 1,2–1,5 мм. Кожа толщиной не более 1,0 мм встречена при изучении 99 предметов, а толщиной 1,1–1,5 мм – в 59-и случаях. Можно добавить, что расслоившаяся кожа, вероятно, также была изначально

тонкой. Четыре предмета изготовлены из кожи 1,5–2,0 мм толщиной, а восемь предметов – толщиной более 2 мм. Толщина кожи на обрезках с края шкуры также менее 1,5 мм, что определенно подтверждает преимущественное использование очень тонкого сырья.

Таблица 1

Распределение находок из кожи по квадратам (2001–2004 гг.)¹
 Table 1. Distribution of leather finds by excavation squares (2001–2004)

№ 74	№ 75	№ 76	№ 73	№ 72	№ 71	№ 70 2 ед.	№ 69 12 ед.	№ 68 17 ед.
№ 77	№ 78	№ 79	№ 67	№ 66	№ 65 4 ед.	№ 64 58 ед.	№ 63 67 ед.	№ 62 39 ед.
№ 80	№ 81	№ 82	№ 61	№ 60	№ 59 7 ед.	№ 58 122 ед.	№ 57 77 ед.	№ 56 53 ед.

Сырьем для преобладающей части находок служили шкуры крупного рогатого скота (далее – КРС), а изделия из шкур мелкого рогатого скота (далее МРС) – коз – в коллекции малочисленны. Малая толщина кожи, очень мелкие отверстия каналов волосяного ствола и относительная плотность их расположения на площади шкуры говорят о том, что в качестве сырья использовались в основном шкуры молодых особей КРС и МРС. Эти данные соответствуют выводам остеологов о преобладании костей КРС в составе костных остатков в раскопах 1979 и 1993 гг. на Юриковом городище. Для сравнения стоит привести статистику остеологических находок на Троицком раскопе Великого Новгорода, которые свидетельствуют, что не менее 25% животных были забиты в возрасте от 2 до 4 лет (*Молтби, Гамильтон-Даер*, 1995. С. 136, 139, 141–143). Конские шкуры малочисленны и имеют толщину 0,8–0,9 мм. Из них был выкроен неопределенный крупный предмет, от которого сохранилось 15 больших и мелких обрезков, а также накладка (?). Кожа, из которой изготовлены эти предметы, кроме толщины выделяется еще и большей плотностью, а также гладкостью своей внешней поверхности.

Сопоставляя данные по коже и по костям надо учитывать то, что домашний скот в Древней Руси был низкорослым и, следовательно, имел относительно тонкую шкуру. Такое положение сохраняется в лесной полосе России и в XVI–XVII вв. (*Цалкин*, 1971. С. 172–179). Как неоднократно отмечали иностранцы, посетившие Россию в XVI–XVII вв., рогатый скот здесь был низкорослым. В первой четверти XVI в. на это указывал С. Гер-

берштейн, а в конце XVI в. – Дж. Флетчер (*Герберштейн*, 1988. С. 130, 239; *Флетчер*, 1906. С. 12–13). Павел Алеппский в своих впечатлениях от Московии высказывал предположение о причинах низкорослости домашнего скота: «коровы в этой стране очень малы, с телят, по причине сильного холода, <...> у них нет сил для пахоты и они служат для получения молока зимой и летом» (*Павел Алеппский*, 1898. С. 123). Незначительные размеры коров отмечает и И. Кильбургер в середине XVII в. (*Куриц*, 1915. С. 100).

На многих обрезках от раскроя, на фрагментах деталей верха обуви, а также наборах деталей определенных моделей обуви видны следы мелкого тиснения кожи, что свидетельствует о развитом ремесленном характере выделки сырья. Тиснение встречено на деталях и обрезках как из тонкой, так и из толстой кожи. Тиснение представляет равномерно покрывающие всю поверхность выпуклые округлые «зерна» с неотчетливыми краями. Технически это могло выполняться на ровной и гладкой поверхности, где кожи выдерживались под давлением на слое зерен проса или гречихи.

Наблюдается сильная слоистость материала большинства находок. Это характерно для кож с недостаточно высоким качеством продуба. На некоторых образцах внутренний слой истлел или отслоился из-за некачественного продуба. Продуб кожи был недостаточно глубоким. Показательно, что даже самые тонкие кожи, использованные для изготовления верха обуви, и подошвы мягких туфель, а также обрезки от раскроя в большинстве своем частично или полностью расслоены. Это произошло оттого, что таниды, содержащиеся в

¹ В таблицу не включены: четыре предмета, не имеющие локализации и один предмет из кв. 40.

дубильном настое, не проникли во внутренние слои кожи. Многие предметы имеют черный цвет. Для кожи разной толщины можно предполагать, что черный цвет является показателем длительности выдержки кожи в настое из железных опилок. При таком процессе кожа насыщается молекулами химически неактивной перекиси железа, имеющей черный цвет. Надо полагать, что таким образом кожевники пытались создать более прочные связи коллагенов кожи между собой и улучшить качество дубления. Связующим элементом были молекулы перекиси железа. Они же уплотняли слои кожи и придавали ей большую жесткость.

При размыве некоторых деталей обуви было отмечено, что находки из одного места после длительного (в течение 3–4 суток) размачивания придали воде рыжевато-коричневый цвет, тогда как находки из другого места дали воде светло-коричневый цвет с зеленоватым отливом. Возможно, это связано с длительным нахождением кожи в слое вместе с древесными остатками (в первом случае) или в слое с навозом (во втором случае). Но нельзя исключать и вероятность обработки кож при выделке различными настоями – таннидами или шакшей (разведенные в воде экскременты животных).

Среди тонких кож по цвету выделяются 15 фрагментов крупного изделия, сшитого из конской шкуры, с расшивкой или аппликацией по краям (рис. 1, 10, 14–26; 2). И поверхности и внутренние слои этого изделия имели светло-коричневый цвет, хотя один из обрезков был определенно темно-вишневого цвета. Эту кожу, видимо, не выдерживали в настое железного лома. Но может вызывать недоумение тот факт, что отдельные мелкие фрагменты этого изделия имеют почти черный цвет. Здесь, возможно, имело место их окрашивание при соприкосновении с железными предметами, с которыми они соседствовали в культурном слое.

Детали верха обуви, скроенные из толстой кожи (от 1,8 мм и более), имеют черный цвет поверхности (лицевой и оборотной) и коричневый – внутри. Это хорошо заметно на стертых участках лицевой стороны. Такие кожи также расслаивались, но внутренние отслоившиеся участки, как правило, сохранялись. Можно предполагать, что качество дубления этих кож было выше, чем у тонкой кожи. Подобное совершенствование было возможно при удлинении времени дубления или использовании кислых настоев для предварительного размягчения кожи. К таким настоям надо относить «квас усния». Однако, применение кислых настоев для размягчения кожи перед дубле-

нием – как отдельная стадия технологического процесса – остается под вопросом.

Эволюция качества изготовленных из кожи предметов с Рюрикова городища соответствует тем изменениям, которые происходили в составе кожевенного сырья в XI–XIII вв. в странах Западной Европы. Так, Гренман-ван Ваатеринге, рассматривая кожевенные материалы из Свендборга XII–начала XVI вв., писал, что шкуры КРС, под которыми исследователь понимает только шкуры взрослых особей животных, являлись наиболее употребительным кожевенным материалом во все времена. Шкура теленка стояла на втором месте по степени ее употребления в кожевенном производстве. Только в период XII–XIII вв. иногда использовались и другие виды – овца (1 экз.) и олень (4 экз.) (*Groenman-van Waateringe*, 1988. P. 71). Надо полагать, что в более раннее время преобладали шкуры молодых животных – телят, коз или овец. Ю. Сванн пишет о тенденциях смены сырья более осторожно. По ее мнению, преобладание коровьих шкур над козьими, как кожевенного сырья, становится очевидным только к концу XIII в. (*Swann*, 2001. P. 52).

В целом по качеству выделки вся кожа может быть отнесена к продукции кожевников достаточно высокой квалификации для своего времени. Но, вопреки сложившемуся мнению, технологическая основа выделки кож была еще весьма примитивной. Преобладание в коллекции тонкого сырья с признаками неглубокого продуба показывает отсутствие при дублении подготовительных стадий, на которых сырье размягчается и разрыхляется для улучшения проникновения таннидов в глубокие слои коллагена. Также надо предполагать отсутствие «залички» – обработки кож старыми соками дубителя, имеющими мало дубильных ферментов. На этой стадии танниды должны постепенно проникать в глубинные слои кожи и равномерно связывать мельчайшие волокна коллагена – фибриллы. В дальнейшем это способствует глубокому проникновению таннидов при дублении кож в новых настоях. Отсутствие «залички» и начальное дубление в новых соках приводит к быстрому связыванию поверхностных коллагенов кожи и мешает проникновению таннидов в ее глубинные слои.

По качеству выделки в коллекции с Рюрикова городища выделяется материал единственного поршня. Кожа его относительно плотная, толщиной 1,5–2 мм. На боковых участках с внутренней стороны, там, где бахтарма не была стерта при эксплуатации, сохранился выразительный слой

мездры, которая обычно при выделке тщательно выскабливается. Этот слой рыхлый и имеет светло-коричневый цвет, что свидетельствует о том, что он был относительно плохо продублен. Неглубокий продуб и плохо удаленная пленка с внутренней стороны, а также род обуви – все это позволяет предполагать, что поршень был изготовлен мастером невысокой квалификации или же непрофессиональным кожевником.

Описание находок. Коллекция из раскопа № 2 обладает оригинальным составом кожаных изделий и их деталей. Все находки можно подразделить на три группы – детали обуви, детали других кожаных изделий и обрезки. Преобладают целые детали обуви и их фрагменты (или обрезки) – 325 предметов. Среди них имеются и два полных набора деталей мягких туфель. Кроме того, 19 фрагментов неопределенных деталей предположительно можно относить к обуви. Другие кожаные изделия представлены очень ограниченным набором, не отражающим реальное существование этих многочисленных и разнообразных кожаных изделий в средневековом быту.

Обувь. Конструктивно почти все детали относятся к мягкой низкой обуви – типа туфель, имевших сходные варианты раскроек, манеру сборки, способа декорирования и крепления на стопе. Среди элементов конструкции выделяются детали верха, однослойные подошвы, обшивка верхнего края и прокладки в основной шов. Больше всего их найдено в 2004 г., где среди 148 деталей обуви определены 95 деталей и обрезков верха мягких туфель, 34 целых и фрагментированных подошвы для туфель, шесть деталей обшивки верха и две прокладки в шов. Кроме мягких туфель в коллекции выделены шесть отдельных деталей «домашней туфли» и один целый набор, один поршень и одна прокладка в поршень, одна заплатка для туфли (?) и одна усилительная накладка для верха обуви (?). К деталям высокой обуви определено относятся только одна головка и два задника от сапог.

Мягкие туфли по раскрою можно выделить два варианта конструирования. *Конструкция 1.* Большинство туфель имели верх из 2–3-х деталей (основная, боковая и дополнительная), составляющих симметричный край верха. Выделено не менее 13 наборов таких туфель и пять отдельных целых деталей верха (рис. 3–7). Основная деталь составляет головку (переднюю часть) и наружную боковину, боковая деталь – закрывала боковую часть стопы с внутренней стороны. Эти две детали иногда дополнялись небольшим четырехугольным куском кожи, швиаемым между ними на внутрен-

ней стороне стопы. Дополнительную деталь надо считать выделенной частью боковой детали, отделяемой для удобства кроения. Основная и боковая детали верха сшивались друг с другом на пятке и на внутренней стороне стопы. Основное соединение – место сшивания подошвы и верха – сочетает точной шов на подошве с выворотным – на нижнем крае деталей верха. В данной конструкции использовали подошву с вытянутой и заостренной пяткой – так называемая подошва с «хвостиком». Подошва, в соответствии с общим принципом, также кроилась как продольно симметричная. Она имела округлый или приостренный носок, максимальное расширение в передней трети, плавное незначительное сужение к области «пятки» и равномерное сужение и заострение на пятке. Подошва не имела сужения в области свода стопы – то есть переходы. Видимую на археологических деталях продольную асимметрию надо относить на счет эксплуатационной деформации. Подошва всегда была однослойной и скроенной из одного куска кожи.

Примерно на середине высоты верха делали ряд прорезей, через которые протягивалась завязка-обора, охватывающая стопу на уровне мышелка. В размещении прорезей наблюдаются вариации: 1) их равномерное расположение по всей длине боковины; 2) парное размещение по всей длине боковины; 3) парное размещение в передней части боковины – по две пары с каждой стороны; 4) группировка по 4–6 близко лежащих прорезей, с широким свободным пространством между группами. Средняя ширина прорезей составляла не более 5–6 мм (в диапазоне от 2,5–3,0 мм до 8–9 мм), что отражает практику использования в качестве оборы относительно узкого кожаного ремешка или веревки из растительного волокна.

В целом, эта конструкция представляет достаточно разработанную и унифицированную схему моделирования однослойной мягкой обуви, имевшей стандартизованные детали, приемы их раскроя и способы сшивания. Это может свидетельствовать о своего рода «моде» на такую обувь, хорошо представленную в материалах с Рюрикова городища. Такие туфли преимущественно носили с отложным краем верха, не имевшем обшивки. Однако на двух моделях имеются прорези у переднего верхнего угла, через которые могли продеваться узкие ремешки для закрепления верхнего края в поднятом состоянии. В одном случае здесь сохранился фрагмент кожаного ремешка (рис. 5, 2).

В коллекции имеются различные вариации симметричного края верха, представленные отдель-

ными деталями и наборами. Выделяется одночастная раскройка верха в форме головки с вытянутыми боковинами (крыльями) различной длины и подошвы с округлыми носком и пяткой (рис. 8, 2). На сохранившейся детали верха имеется три (?) пары прорезей для оборы и две длинные вертикальные прорези (длина более 3 см). Малая длина от носка до подъема предполагает относительно большую открытость такой обуви. Верхний край ее обшивался узкой полоской кожи. Однако, не исключено, что здесь была пришита широкая полоса кожи в качестве обшивки или же отворота (воротника). Возможно к той же модели туфель надо отнести и два других фрагмента боковых деталей верха (рис. 9, 12, 15).

Конструкция 2 для мягкой низкой туфли включает асимметричную однодетальную раскройку верха и однослойную подошву. Такой раскройкой имела туфля, от которой сохранилась только боковина (без головной части) с оборванным нижним краем. Она сшита из тонкой тисненой кожи и не имела обшивки по верху. Не фиксируются и прорези для оборы (рис. 10, 2). Сюда можно отнести и две детали верха от разных туфель несколько иного раскроя. Обе эти модели имели обшивку по верхнему краю (рис. 11, 5, 6). Форма асимметричной раскройкой для верха имеет конструктивные и стилистические варианты (рис. 12). Имеются экземпляры с прямым нижним краем детали в области пятки, что предполагает наличие округлой пятки на подошве, а также с вырезом в области пятки, что связано с удлиненной пяткой на подошве (т. н. подошва «с хвостиком»). Эти модели имеют отворот на верхнем крае обуви. Такие модели, в целом, обычны для русских городов в XII–XIV вв. (рис. 13, 2). Другой вариант – с открытым, широким вырезом на подъеме, можно назвать уникальным для древнерусского обувного моделирования (рис. 12, 5). Данная туфля, а также подобная ей по этому признаку другая – симметричного кроя (рис. 8, 2), могут быть связаны с обувными традициями других регионов Европы.

Конструкция 3 представлена единственной моделью двудетальной мягкой туфли, где верх скроен из одного куска кожи (рис. 14). Сырьем послужила шкура молодой особи КРС толщиной 1,0–1,2 мм. Частичное расслоение кожи предполагает ее неглубокий продуб в процессе выделки. Общая длина раскройкой более 55 см, а высота боковин – 16–17,5 см, то есть они закрывали лодыжку и нижнюю часть голени. Подошва однослойная, из кожи толщиной 1,2–1,5 мм, несет следы сильного износа под пяткой и в области пальцев.

На внутренней стороне подошвы сохранились отпечатки ткани. Найденную обувь носил мужчина, имевший стопу длиной 25–26,5 см или 38–41 размера по штихмассовой шкале, принятой в настоящее время. Это определение учитывает особенности ношения туфли с обертками или чулками, а также вероятную линейную деформацию кожи, вызванную длительным нахождением в культурном слое. Крой верха отражает принцип «обертывания» куска кожи вокруг стопы. На нижней кромке детали в области пятки имеются неглубокий подтреугольный вырез длиной 5 см и косой прорез, сшивавшийся обметочным швом «через край» при взаимоналожении сторон прореза. Вырез и прорез, видимо, служили для придания пятке необходимой округлости – «полноты». Типологически крой верха представляет две идентичные половины продольного членения, смыкающиеся пяткой. Края верха взаимно перекрывались и сшивались по длинной оси носка. Характерные следы вдавления вокруг сквозных отверстий предполагают использование металлической нити. По краям верха на подъеме имеется серия широких прорезов – 8–12 мм и более. Сквозь них продегивали кожаную завязку шириной 4–5 мм, шнуровавшую края на подъеме и затем обернутую один или несколько раз вокруг голени и закрепляющуюся в прорези на внешней стороне стопы. Аналогичная обувь найдена в погребении в Осеберге (*Blindheim*, 1959. Fig. 4; *Les Scandinaves*, 1992. № 155). Разрез длиной 4,5 см на верхнем крае детали, вероятно, не имел конструктивного значения. Основной шов модели выполнен железной проволокой. В отверстиях швов на подошве сохранились частицы железа, определенные в лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН А. Н. Егорьковым.

Canogu. К этой форме обуви определено можно относить только одну головку (рис. 9, 5) и два задника (рис. 15, 9). Головка имеет несколько вогнутый обрез края на подъеме. Передняя часть детали не сохранилась. Основной шов на головке показывает, что она соединялась с подошвой вертикальным сквозным (сандальным) швом, что было характерным для данной формы обуви. По форме головка соответствует деталям сапог XIII–XIV в., для которых характерны сандальные основные соединения, известные в Новгороде, Пскове, Твери и других древнерусских городах (*Курбатов*, 2004б. С. 43). Надо отметить исключительный для всей коллекции в целом характер таких деталей этих сапог, что может служить основани-

ем для определения времени окончательной за- сыпки всего рва.

Задники предназначены для мягкого сапога и имеют трапециевидную форму с несколько вытянутым язычком или «мыском» в центре верхнего края и вогнутым нижним краем. Других деталей, соответствующих данной конструкции обуви, в исследуемой коллекции, видимо, нет. Сомнения возникают только в отношении одного обрезка детали (рис. 15, 14), который мог служить головкой мягкого сапога.

Поршни. Встречен только один поршень, кроеный в виде прямоугольного куска кожи. По длинным сторонам сделаны достаточно равномерно расположенные прорезы для оборы. Ширина прорезей 8–9 мм, расстояние между парами – от 0,7 см до 1,5–1,7 см. Сохранился фрагмент оборы длиной около 27 см, имевшей ширину 3–3,5 мм (рис. 8, 1). Узкие стороны были сложены вдвое и прошиты тачным или выворотным швами. На переднем (?) крае имеются следы разрезания, делящие переднюю сторону на три полуотрезных клапана. На этих разрезах также были швы – тачной и выворотный. Способ сборки и сшивания клапанов края остается неопределимым. Внутри поршня найдена *in situ* подкладка, пришитая к краю носка или пятки и вырезанная из вторично использованной детали обуви (?). Поршень имел сильную стертость во всей подошвенной части, особенно в области пальцев и пятки. Предмет распался на две половины при размыве.

«Домашние» туфли. Эта конструкция обуви представлена шестью деталями, причем четыре из них являются парными, то есть относятся к двум моделям, сохранившимся полностью. Две другие детали – это головка и задник, но от разных моделей (рис. 11, 1–4; 15, 8). Особенность, характерная для городищенских туфель – это использование для их пошива достаточно тонкой кожи – 0,8–1,2 мм, что фиксируется по четырем предметам. Только одна модель скроена из кожи толщиной 1,5 мм. Показательно полное отсутствие обрезков деталей от этой формы обуви.

Детали «домашней туфли» определяются по ряду признаков: 1) оригинальная форма раскройки передней и задней половин; 2) своеобразная манера сшивания краев деталей на подошвенной зоне с использованием кожаной прокладки в шов; 3) легко выделяемая, специфичная форма краев раскройки на «подошве» и ее своеобразная стертость; 4) использование в конструкции стандартизованных форм раскроек из относительно толстой кожи (до 2–3 мм) и манера сшивания (длинные

стежки). Конструктивно этот вид обуви состоит из двух основных деталей – передней и задней, и дополнительной – кожаной прокладки в подошвенный шов. Вероятно, имелись и другие, не выделенные в настоящее время, детали, присутствие которых предполагает наличие тачных швов на верхних обрезках конструкции.

Форма детали передней части напоминает головку сапога, но с существенным отличием – ширина ее значительно больше длины, а боковые обрезы имеют тупой угол на стыке с передним обрезом – около 125 градусов. Характерная стертость по краю головки говорит, что деталь является одновременно и верхом и подошвой, так как сложенный вдвое передний обрез сшивается на месте подошвы. Для герметизации нижнего соединения служит уплотнительная кожаная прокладка, представляющая узкую полоску кожи, шириной 10–12 мм, сложенную пополам мереей наружу. Этим она отличается от редких находок однослойных прокладок шириной 3–4 мм, использованных в других изделиях. Задник также напоминает однотипную деталь сапога, но отличается большей высотой и характерной стертостью краев на «подошве».

Модели «комнатных туфель», видимо, были широко распространены в древнерусских городах, хотя до настоящего времени в специальной литературе они не рассматривались как отдельный вид обуви. По публикациям и в результате работы непосредственно с материалом такие модели выявлены автором в коллекциях Горопца, Полоцка, Берестья (*Штыхов*, 1975. Рис. 35, 16; *Лысенко*, 1985. Рис. 205, 9, 11; *Фоняков*, 1989. Рис. 7), Белозера и в материалах, хранящихся в фондах музеев Новгорода и Пскова. По конструкции «комнатные туфли» можно считать исключительно древнерусской формой обуви, так как в других регионах Европы они неизвестны. Археологические модели «домашних туфель» можно сопоставлять с некоторыми изображениями, видимо, простейших по пошиву форм обуви монахов, например, на миниатюрах из Жития прп. Сергия Радонежского, созданных в конце XVI–начале XVII вв. (*Житие*, 1853).

Обрезки «домашних туфель» имеют характерную форму и своеобразные швы. В коллекциях других городов они составляли значительный процент от общего числа находок. Например, в коллекции из Тверского кремля, в комплексе последней четверти XIII–первой половины XIV вв., «домашние туфли» можно считать едва ли не самой популярной и общедоступной обувью (*Курбатов*, 2004б. С. 48. Рис. 43, 5. Табл. 12). Количество

деталей и обрезков «домашних туфель» значительно превышает количество других форм обуви в нижних горизонтах культурного слоя вплоть до середины XIV в.

Декор обуви. Декоративность большинству моделей обуви придавали только тиснение поверхности кожи и фасоны раскроя, включая расположение и количество прорезей для обор. Определенную орнаментальную нагрузку несла и обшивка верхнего края – там, где она была. Дополнительная декоративная расшивка встречается только на нескольких деталях мягкой туфли. Это нитяная расшивка на асимметричной раскройке детской (?) туфли, сделанная в один ряд продольными стежками по оси головки (рис. 11, 5.1). Две модели имеют обшивку верхнего края и декоративную расшивку цветными (?) нитями: в одном случае это была лишь узкая «дорожка» с двумя рядами «глухих» отверстий по оси носка, а во втором – «дорожка» (по 4–5 отверстий в каждом диагонально лежавшем ряду) и по 3 симметричных расшивных треугольника по сторонам «дорожки» (рис. 15, 1–2).

О ношении обуви. Ношение мягких туфель на правой или левой ноге определяется положением бокового вертикального шва, который всегда лежит на внутренней стороне стопы. Это подтверждается асимметричностью износа, который проявляется в стертости подошвы и боковой части туфли. Широкая и равномерная стертость подошвы, видимая на большинстве археологических предметов, свидетельствует об обязательном прокладывании внутри обуви стелек из ткани, войлока или травы. Такие кожаные и войлочные стельки известны по материалам последней четверти XIII–первой половины XIV вв. из Тверского кремля (Курбатов, 2004б. С. 48).

Стельки могли заменять и дополнять шерстяные чулки или носки. Монахи Киево-Печерского монастыря в XI в. «плели» стельки на продажу. В источниках эти изделия называются «копытцами». В «Житии» прп. Феодосия Печерского говорится, что игумен «сидяше, прядыи вълноу на съплетение копытъцемъ». Шерстяные носки иногда встречаются в средневековых слоях некоторых русских городов. Так, они найдены в Белоозере в постройке 4 на раскопе XVIII (1957 г.), которая погибла от пожара в конце XII в. В заполнении сруба встречены части кожаной обуви с удлиненной пяткой и вязаные изделия – шерстяной носок, детский башмачок, домашние туфли; а также куски мешковины и войлока. Шерстяные вещи имели коричневый цвет нитей и ровную, красивую вязку. По способу вязки они напоминают русские чулки без

пятки, которые еще в середине XIX в. вязали круговую одной иглой (Голубева, 1973. С. 97, 192. Рис. 31). Среди монахов и духовенства ношение «копытцев» сохраняется, видимо, и в XVI в., когда они стали называться «чулками» – словом, заимствованным из тюркских языков (Вахрос, 1959. С. 58–59).

Другой вид обуви – это «колоши» – сшитые обертки – паголенки, означавшие «штанину». Были и вязаные колоши, называемые «прикопутки». Колоши носили на босу ногу или с низкой обувью типа лаптей и поршней. Их обычно надевали во время сенокоса и жатвы, а также отправляясь в лес. Обертки – «онучи» так же многократно упоминаются в древнерусских письменных памятниках. Названия обертки отражают материал, место или способ их ношения. В сочинении, приписываемом свт. Кириллу Туровскому, где могли сохраниться реалии XII в., читаем: «Риза ли еси, до приемлюшаго тя в руку, знаи себе; ктому не помысли, аще и на онуче растерган будеши» (*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Т. 12. С. 377). В одной из псковских грамот, датированной 1417–1421 гг., значится: «Онучи свои и приворотъки, а то даю по своєю дши за сорокоустья, а подволоку свою камчатую даю Успенью свтеи бдци в манастырь на престоль» (*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Т. 19. С. 122). В Уставной грамоте суздальского архиепископа Дионисия (около 1382 г.) написано: «А шюбы бораньи носити безъ пуху, и обувь и до онушь имати у игумена» (Вахрос, 1959. С. 132–133). Еще в XVI–XVII вв. онучи были повсеместно употребимы. Их одевали даже царицы, что отражают записи о расходах Большой казны. В июне 1587 г. царице Ирине Федоровне было отпущено «на онучки полотно кадашевское» (Забелин, 1901. С. 534). В XVIII в. и позднее онучи были весьма распространены среди всех классов общества, особенно при ношении сапог. Павел Небольсин писал в 1854 г. о пристрастии к онучам: «у нас люди даже благовоспитанные предохраняют себя от мозолей этой обувью» (Небольсин, 1854. С. 276).

Другие бытовые кожаные изделия. Среди 37 предметов можно выделить: шесть ремней в виде петли (рис. 1, 7, 8); 15 обрезков крупного изделия с аппликацией; семь деталей обшивки края различных изделий (рис. 1, 1–6); один чехол для ножа (рис. 1, 9); три фрагмента аппликации (для крупных изделий); прокладка-шайба и две заготовки для нее (рис. 16, 13; 17, 17, 23); завязка (рис. 1, 11); заплатка и усилительная накладка (рис. 1, 10, 12). Две последние детали могли быть использованы и в обуви.

Крупное изделие с аппликацией сохранилось и в больших кусках и в мелких обрезках (рис. 1, 14–26; 2; 16, 10). Его условно можно считать попоной или потником, скроенным из тонкой конской (?) кожи. Самый крупный фрагмент имеет участок первоначального края изделия. Этот край был обрезан прямо и сохранил ряд сдвоенных мелких отверстий сквозного шва. Сдвоенность отверстий происходит от непопадания иглой в прежнее отверстие во время прокалывания кожи с внутренней и внешней стороны изделия. На одном из мелких обрезков имеется относительно крупное отверстие – около 1,0–1,5 мм – окруженное очень мелкими отверстиями шва. Это крупное отверстие служило для пропуска в него узкой завязки, конец которой пришивался на коже с внутренней стороны (рис. 1, 22). На другом мелком обрезке имеется вторичный разрез, со следами нашитой поверх него заплатки (рис. 1, 23). На всех деталях попоны отверстия швов для аппликации очень мелкие, до 0,2–0,4 мм, с круглыми – невытянутыми – краями. Здесь зафиксировано использование тонкой иглы и очень тонкой нити – возможно шелковой, а также отсутствие растяжения пришитых деталей. Такие изделия в археологических материалах до сих пор были неизвестны. В позднесредневековых источниках XVII в. для них имеется особое название – «покровцы»: «Сделать къ своему государеву троецкому походу на лошади покровцы, два старые покровца опушить, да вновь сделать два жь покровца, да къ дву арчакомъ нарезать подушки и крыльца и опушить войлоки» (*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Т. 13. С. 57).

Ремни-петли, судя по двум целым экземплярам, представляют собой кожаные ремни шириной 1–2 см при длине 13–16,5 см, складывающиеся концами и прошивающиеся в этом месте сквозными стежками в средней части деталей (рис. 1, 7, 8). Скроены из кожи толщиной 1,0–1,2 мм.

Завязка скроена из кожи толщиной 0,8–1,0 мм в виде узкого кожаного ремешка, сужающегося к концу (рис. 1, 11). Широкий конец его вторично обрезан. Длина находки 13,0 см, ширина 0,7 см. О назначении предмета свидетельствует затертость и растянутость поверхности кожи, а также обрывов. Кроме того, в середине видна эксплуатационная стяжка-перехват, оставшаяся от фиксации узла в этом месте.

Заплата представляет собой кусок кожи неправильно округлой формы, выкроенный из шкуры крупного рогатого скота, с отверстиями шва по

краю (рис. 1, 12). Размеры детали 4,8×4,5 см, кожа ее расслоилась, а в середине имеется разрыв материала.

Обрезок чехла, служившего для ношения ножа или кинжала, скроен из кожи толщиной 0,8–1,0 мм. Часть детали оборвана, ее края также вторично обрезаны. Размеры сохранившегося фрагмента 7,5×6,8 см (рис. 1, 9). По другой стороне видны вторичные прорезы кожи.

Прокладки-шайбы представляют округлые куски кожи диаметром 3–7 см, с одним центральным отверстием или прорезом (рис. 16, 13; рис. 17, 17, 23). Об использовании шайб говорит то, что их отверстия затерты в результате насаживания на круглый деревянный или металлический стержень.

Обрезки. В группе обрезков выделяются: обрезки первичного раскроя – 68, к которым надо добавить и 19 обрезков с края шкуры, а также обрезки вторичного раскроя (от деталей) – 35 предметов. Обрезки с края шкуры могут быть определены по характерным признакам: утолщению края шкуры, неровному краю и остаткам неснятого волоса. На них сохраняются прорезы или мелкие отверстия, указывающие на закрепление растянутой шкуры в процессе ее обработки (рис. 17, 25–30, 32–33). На обрезках деталей сохранились характерные признаки, позволяющие связать их с тем или иным типом изделий. Большинство их первоначально были деталями обуви (рис. 17, 1, 2, 5, 9, 17). Интересен мелкий обрезок с двумя тонкими кожаными ремешками (ширина 1,5–2 мм), концы которых специально расширены наподобие шляпок гвоздей (рис. 17, 11). Некоторые обрезки можно считать вторичными заготовками, например, шайбы (рис. 17, 17). Обрезки от первичного раскроя иногда также несут информацию о выкраиваемых деталях. Выделяются обрезки от раскроя подошвы (рис. 17, 15, 19), деталей верха обуви (рис. 17, 13, 14, 21, 22), кошелька или мошны (рис. 17, 20).

Малочисленность обрезков от раскроя позволяет предположить, что на Городище, по крайней мере до позднего средневековья², отсутствовало профессиональное занятие кожевенно-обувным ремеслом. Можно лишь говорить об эпизодическом ремонте обуви и других кожаных изделий по мере их износа.

Аналогии и датировка предметов. Учитывая особенности распределения находок по площади рва, где попадание предметов связано с их разновременным разбросом по склону и дну рва, типохронологическое деление вещей по стратиграфии-

² Смотри в настоящем сборнике статью И. Ю. Анкудинова «Новые письменные источники о Новгородском городище» – *Ред.*

ческому признаку представляется затруднительным. На одновременность пошива изделий могут указывать только стилистические признаки в сочетании с оценкой качества кожевенного сырья. А серийность и стандартность обувных конструкций позволяет говорить о местных традициях в ремесле и выделить вероятные привозные изделия, свидетельствующие о характере и направленности межрегиональных связей городищенского населения.

Использование стилистического анализа для датировки кожаных изделий требует своего обоснования, поскольку исследователи неоднократно замечали крайнюю унифицированность кожевенной продукции в древнерусских городах как в домонгольское время, так и позднее. Эта унификация отчетливо прослеживается в самой массовой категории кожаных изделий – обуви. Кожаная обувь из рассмотренных исследователями археологических коллекций имеет широкие рамки бытования, что создает видимость неизменности как самих изделий, так и технических приемов ремесла на протяжении столетий. Можно назвать классическую работу С. А. Изюмовой по кожевному ремеслу Новгорода на материалах Неревского раскопа. Несмотря на предпринятое разделение моделей обуви по столетиям, исследовательница пишет о существовании всех этих форм в X–XIV вв. и позднее. Отмечается, что сапоги начали доминировать с XIII в., но они были широко представлены и в более ранних слоях. Слабо менялись на протяжении пяти столетий и формы низкой обуви – мягкие туфли и поршни. Такие изменения, как появление новых вариантов сапог, уменьшение разнообразия форм обуви предстают как количественные, а не качественные (Изюмова, 1959. С. 210–216). Мнение о стабильности бытования кожаных изделий высказывается и в других публикациях, например, по обуви Смоленска XI–XIV вв. (Полонская, 1991. С. 106–117). С точки зрения истории материальной культуры европейского средневековья такие утверждения вызывают определенные сомнения.

Работы последнего времени показывают динамичную смену форм и стилей обуви во многих городах и регионах Западной Европы. Приоритетные модели обуви в каждом городе заменяются новыми через 1–2 поколения. В археологическом материале различных частей Европы изменения конструкций и стилей обуви фиксируются с точностью до четверти столетия (Grew, de Neergaard, 1988; Swann, 2001). Этот динамизм в средневековой европейской материальной культуре не может

обойти стороной земли древней Руси. Поэтому правомерно задаться вопросом о средневековой «моде» (Курбатов, 2004в. С. 102–115). Поколением здесь надо считать время творческой и деловой активности человека. Учитывая среднюю продолжительность жизни в 35–40 лет, такой период составляет не более 20–25 лет (Бужилова, 2001. С. 31–32). Но проблемой данного направления исследований является почти полная неразработанность «дробной хронологии» вещей. В качестве исключения можно назвать, в первую очередь, работы Ю. М. Лесмана, посвященные украшениям Новгородской земли (Лесман, 1995; 1998).

Основанием для датировки в настоящее время могут служить изменения конструкций обуви в русских средневековых городах лесной зоны, прослеженные в работах последних лет (Курбатов, 2004в. С. 103). Автор наметил основные принципы отбора археологического материала, на которых может строиться анализ изменчивости древней моды. Это: 1) массовый характер однотипных находок, относящихся к достаточно короткому временному интервалу, составляющему (в идеале) не более 20–25 лет; 2) наличие достаточно длительного периода (не менее 100–120 лет), в течение которого последовательно сменялись комплексы однотипных предметов, связанных с одним памятником или участком древней городской застройки; 3) возможность построения типологической колонки изменения форм однотипных предметов для одного памятника на протяжении нескольких столетий (Курбатов, 2004б. Рис. 2).

К изделиям местного, новгородского сапожного ремесла на Городище относятся поршни, «комнатные туфли», сапоги, большинство найденных мягких низких туфель. Они находят многочисленные аналоги в коллекциях русских городов лесной зоны. «Комнатные туфли» как массовый вид городской обуви впервые выделены в Твери. Особенностью городищенских находок является их обнаружение в наиболее ранних слоях. В раскопе 2002 г. встречен вариант низкой мягкой обуви типа «комнатной туфли», с основным швом по продольной оси на подошве, отнесенный к концу XI–первой четверти XII вв. (Курбатов, 2004г. С. 221: Рис. 2, 1). Этот образец состоит из 6 деталей, при этом основная деталь охватывает всю стопу от носка до пятки, тогда как дополнительные служат только для увеличения толщины обуви и ее прочности и сопротивляемости износу (рис. 13, 1). Детали аналогичной обуви найдены в материалах новгородских раскопов. Три детали верха выделены среди кожаных предметов с

Троицкого IX раскопа (1989 г.), происходящих из слоев второй четверти XI–середины XII вв. Кроме того, Я. В. Антропова относит к подобным конструкциям отдельные находки тонких подошв, имевших по краю обметочный шов «через край». Она выделила 13 таких подошв, зафиксированных в слоях XII в. Целая пара такой обуви из Старой Руссы датируется второй половиной XI–XII вв. Я. В. Антропова интерпретировала подобные туфли как специальную погребальную обувь (Антропова, Горопова, 2001. С. 245, 255; Антропова, 2003. С. 267–271).

«Комнатные туфли» из раскопа 2004 г. можно считать дальнейшим развитием конструкции низкой обуви со швом на подошве, зафиксированной на Городище еще в 2002 г. Стандартизация и рационализация кроя привели к созданию двучастной модели, состоящей из передней и задней половин. Каждая из деталей охватывает и верх и подошву стопы. Такая обувь предполагает использование максимально толстой кожи, поскольку быстрый износ подошвенной части означает порчу всего большого куска раскройки. В данной коллекции толстая кожа использована только при изготовлении одной модели. Преобладание тонкой кожи позволяет сближать время ее пошива с многочисленными моделями первой четверти XII в. и ориентировочно относить ко второй–третьей четверти XII в. На это же указывает и использование кожаных обор для удержания обуви на стопе, что позднее делать перестали. Сложившийся в это время стандарт в раскрое и пошиве «комнатных туфель» сохранялся в русских городах и в первой половине XIV в. Отметим, что в белозерской коллекции имелись отдельные детали «комнатных туфель», не выделяемые в самостоятельный вид обуви (Оятева, 1973. С. 199. Рис. 73, 12).

Обувь со швом на подошве возможно была этапной в моделировании древнерусской обуви. Надо полагать, что она была распространена гораздо шире, чем представляется в настоящее время по археологическим материалам. В описании кожаной обуви из гродненского замка Н. Н. Воронин отметил тип обуви, близкий к находкам Е. Мельник, сделанным при изучении курганов Западной Волины. Это «высокие башмаки с острыми носками и отверстиями вверху, доходившие немного выше мышелка и сшитые наподобие современных татарских из двух кусков кожи с одним продольным швом посередине подошвы» (Воронин, 1954. С. 61–63; Мельник, 1901. С. 496). Образец мягкого полусапога с продольным швом на оси подошвы найден в детском погребении в аланском

могильнике Мошечая Балка, относимом к VIII–IX вв. (*Jerusalimskaja, Borropp*, 1996. № 24). А сапоги с таким же швом IX–XI вв. реконструированы по материалам раскопок погребения 13 в кургане 7 у станицы Новоникольское (*Komantseva*, 1977. Fig. 5). Но эти изделия принадлежат более раннему времени и иной культурной среде. Изображения подобной обуви, напоминающие «домашнюю туфлю» из тонкой кожи, присутствуют на западноевропейских предметах X в. Например, они есть на костяной накладке книжного переплета и на миниатюрах из Евангелия Оттона III, в обоих случаях такая обувь – у монахов и священников (*Europas mitte*, 2000. P. 24, 456).

Наиболее характерным видом обуви для Городища можно назвать мягкие туфли симметричного кроя, с вертикальным швом на заднике, имевшие подошву с заостренной пяткой. Выделено не менее 20 наборов деталей и 25 отдельных деталей верха таких туфель. В целом, туфли симметричного кроя верха имеют устойчивую стандартную форму раскроя и манеру сборки. Между тем, различия в таких частных элементах, как количество и расположение прорезей для обор, выкраивание верха в две или три отдельные детали, а также в пропорциях раскроев, выдают их принадлежность к изделиям различных мастерских. В качестве аналогии этим туфлям можно указать наборы обуви из раскопок на Верхнем Замке в Полоцке и также на Белоозере. Особенностью городищенских изделий является использование для части изделий относительно тонкой кожи (1,0–1,5 мм) и отсутствие обшивки по верхнему краю. Подобные признаки позволяют считать первую половину–сердину XII в. наиболее вероятным временем бытования туфель симметричного кроя из тонкой кожи. Сближает находки с Городища и из Полоцка нахождение отдельных моделей с обшивкой верха.

Находки на Рюриковом городище можно привлечь для уточнения датировки аналогичной кожаной обуви из Белоозера. Основу белозерской коллекции обуви составляют мягкие низкие туфли с отдельными подошвой и верхом, имевшие загнутую вверх пятку подошвы и отнесенные к симметричному раскрою модели. На Городище – это конструкция 1. Белозерские находки отличаются большей толщиной материала – от 1,5 до 2,5 мм. Полное соответствие в формах и стиле обуви этих двух поселений позволяет относить находки из Белоозера ко времени не ранее середины–второй половины XII в. Верхней границей бытования такой обуви можно считать середину XIII в. (*Курбатов*, 1999. С. 115–116).

Представляется возможным определить для основной массы находок мягких туфель симметричного кроя два временных интервала: широкий – последняя четверть XI–первая четверть/середина XII вв., и узкий – конец XI–первые два десятилетия XII вв. Основанием для этого служат известные находки кожаных изделий в различных городах средневековой Руси, а также Восточной и Северной Европы в Балтийском регионе. Наиболее значимыми для нас являются материалы из раскопок последних лет в Старой Руссе, синхронные находкам на Рюриковом городище (Антропова, Торопова, 2001. С. 245, 255; Антропова, 2003. С. 271).

Модели обуви конструкции 2 значительно уступают по численности находок конструкции 1. К ним определенно можно отнести 12 деталей верха. По манере кроя они сопоставимы с обувью из раскопок 1957 г. на Верхнем Замке Полоцка, которые отнесены к предмонгольскому периоду: конец XII–первая половина XIII вв. (Курбатов, 1999. С. 103). Городищенские находки этой группы отличаются от них использованием более толстой кожи и значительной унификацией кроя. На большинстве находок имеется стандартная обшивка верхнего края. Обшивка отсутствует только на трех моделях (рис. 5, 4; рис. 10, 1, 2), что позволяет сближать время их изготовления с моделями туфель первого варианта кроя, которые датируются временем около середины XII в.

Весьма незначительно представлен на Городище начальный этап становления средневекового городского ремесла в Северной Руси. Речь может идти о полной модели мягкой туфли, найденной в 1994 г. в раскопе 2 на северном берегу Сиверсова канала в слое темно-коричневого гумуса с остатками органики (рис. 14). Слой определенно относится к концу IX–началу X вв. Для этого слоя имеется надежная дендродата – 900 г. (Курбатов, 1997. С. 121–122. Рис. 5; Носов, 1990. С. 47). Эта мягкая туфля 3-й конструкции сопоставима с группой раннесредневековой кожаной обуви из Старой Ладogi, отвечая основным конструктивным особенностям IV вида староладожской обуви по типологии Е. И. Оятевой. Конструкции обуви из Старой Ладogi имеют многочисленные близкие варианты в различных раннегородских центрах Западной Европы и, в первую очередь, в Хедебу (Курбатов, 1997. С. 123–126).

Детали мягких сапог – два задника и одна головка, видимо, следует относить ко времени не ранее первой половины XIII в. и сопоставлять их с полоцкими находками (Курбатов, 1999. С. 107–108).

Некоторые из городищенских предметов находят аналогии в западноевропейских материалах. Так, можно выделить отдельную подошву со следами износа, имевшую зауженный носок и округлую пятку. Подошва не имела сужения в области свода стопы. Она сшивалась с верхом обуви точным швом (рис. 9, 11). Ее можно рассматривать в контексте общеевропейских изменений, затрагивающих формы и стиль обуви. Видимо, с конца X в. начинают проявляться изменения в эстетике фасонов одежды и обуви, одним из которых можно считать появление заостренного и вытянутого носка, иногда изысканно тонкого. При описании материалов конца XI в. из Франции и Англии его обычно называют «змеиный хвост или бараньи рога». Заостренный носок был на туфлях XI в. в Лунде, а простое зауживание носка было более популярно в раннем Осло. Этот признак в моделях XI–XII вв. продолжает сочетаться с широкой перемой. По мнению Ю. Сванн, такая мода на заостренные носки началась ранее Крестовых походов и не была заимствована с Востока. К XII в. Ю. Сванн относит появление фасонов обуви с зауженной перемой (Swann, 2001. Р. 48, 53). На Городище примером этого является низкая туфля с открытым подъемом, имеющим широкий подпрямоугольный вырез, с обшивкой верхнего края и с редкими парными прорезями для оборы (рис. 8, 2), которая может быть сопоставима с моделями обуви из городов Скандинавии. Многочисленные параллели ей в Осло датируются XII в. (Schia, 1987).

Историко-культурная интерпретация. Коллекция кожаных изделий с Рюрикова городища имеет особый интерес для изучения кожевенного ремесла и развития кожаных изделий в городах северо-западной Руси. Она относится к тем периодам, которые плохо представлены в археологических коллекциях других городов региона. Здесь найдены изделия IX–X вв., имеющиеся только в Старой Ладoge, и второй половины XI–первой половины XII вв., известные в Старой Руссе, где раскопки последних лет дали представительные материалы, сопоставимые с находками на Рюриковом городище. Дальнейшее изучение этих трех памятников может привести к созданию очень детальной хронологии кожаных изделий для домонгольского периода Руси.

Мягкая туфля, найденная в 1994 г. на Городище, соответствует традиции пошива обуви в раннегородских центрах на Балтике, где население было полиэтничным и разнокультурным. Это выражалось в изготовлении обуви разнообразных вариантов кроя, техники сшивания и декора, что

видно на примере находок из Старой Ладogi. Можно говорить, что около рубежа I–II тыс. н. э. в ряде городов Западной и Восточной Европы складываются унифицированные конструкции обуви, что свидетельствует о появлении профессионального средневекового ремесла. В основе моделей лежит двучастная раскройка с однослойной подошвой и симметричным или асимметричным верхом. Кожаные предметы VIII–X вв. из Поволховья помогают определить время возникновения кожевенно-обувного ремесла в протогородских поселениях Северной Руси, обладающего всеми характерными чертами средневекового городского ремесла. Элементы ремесленной стандартизации и своеобразия здесь становятся заметными к середине X в.

Большинство кожаных предметов с Рюрикова городища из раскопок 2001–2004 гг. могут быть отнесены, ориентировочно, к рубежу XI/XII–первой половине XII вв. Основанием для определения верхней хронологической границы служит использование относительно тонкой кожи для основной части изделий, особенности конструкции обуви и почти полное отсутствие ее орнаментации расшивкой и с использованием «продержки». Последнее показательно на фоне орнаментированной обуви второй половины/конца XII–первой половины XIII вв. из Полоцка. В то же время единичные предметы, например, головка и задники сапог, указывают на присутствие изделий более позднего времени: XIII–XIV вв. Это согласуется с выводами о времени производства и бытования других категорий находок (*Носов и др.*, 2001. С. 11–15).

Модели кожаной обуви конца XI–первой половины XII вв. отражают качественный «скачок» в организации кожевенного ремесла Новгородской земли и переход от его раннесредневековой формы к развитому средневековью (по западноевропейской периодизации). Здесь найдены различные варианты кроя мягкой низкой обуви, имеющие признаки более ранних моделей X–XI вв., а также моделей более поздних – конца XII–первой половины XIII вв. Своеобразие ранних форм обуви с Городища можно видеть в использовании тонкой кожи и «стиле» швов, выполненных короткими стежками и очень тонкой нитью. Подобная манера пошива говорит о сложении профессионального кожевенно-обувного ремесла и высокой технической квалификации мастеров. С другой стороны, эти признаки обособляют находки с Городища от изделий XII–XIII вв. из Новгородa, Пскова и других древнерусских городов, где встречены более

практичные приемы – стежки длиной 4–5 мм и более толстая нить. Кожаные предметы с Рюрикова городища можно соотносить со временем активизации жизни на поселении в последней четверти XI в.

«Новгородской революцией XII века» назвал академик Б. Д. Греков смену государственного устройства в Новгородской земле в середине 1130-х гг., свершившуюся после многолетней политической борьбы Новгорода с киевскими князьями. Несмотря на то, что другие исследователи называют эти события не «революцией», а «выступлением» или «движением», все они признают их переломное значение в жизни Новгорода. Прежде всего, речь идет о новой расстановке социальных сил в городе. Дискуссия касается в основном характера и полноты власти князей, наместника и других властных институтов после 1136 г., однако положение основной массы ремесленного населения, как правило, не вызывает у исследователей самостоятельного интереса. По мнению И. Я. Фроянова, если ранее 1136 г. сопротивление Киеву спланивало новгородское общество, то позднее внутрисоциальные противоречия, вызванные имущественной и социальной дифференциацией, становятся основными (*Фроянов*, 1992. С. 207).

До настоящего времени колоссальный объем накопленного археологического материала в недостаточной степени рассматривался в связи с фундаментальными политическими событиями в Новгороде. Исключением является только корпус свинцовых печатей, которые по самому своему назначению являлись материальным воплощением политических коллизий и тенденций. Большая же часть археологического материала, являющаяся бытовыми изделиями повседневного использования, практически не признается собственно историческим источником, прямо отражающим ход событий. Здесь не имеется в виду отражение таких экстраординарных событий, как пожары, перестройки и другое. Речь идет о резком, одномоментном (в историческом плане) событии (или явлении), которое можно считать переломным в изменении формы, технологической основы изготовления, декора, широты распространения и т. д. широкого круга археологических материалов, представляющих повседневную жизнь древних новгородцев, их занятия и быт.

Порой трудно представить, какими причинами вызывается смена форм тех или иных бытовых изделий, изобразительных стилей в оформлении различных предметов быта и материальной культуры. Тем не менее, логическая связь между бытовой

материальной культурой и политическими событиями может быть не только построена, но и подкреплена наблюдениями. Ее отмечали в своих работах В. Л. Янин и Б. А. Колчин. Они писали, что взаимозависимость землевладения, торговли, ремесла и политического строя наглядно видна, например, в исторических обстоятельствах второй половины XI–начала XII в., когда переход от ремесленного производства на заказ к производству на рынок потребовал резкого увеличения массы импортируемого сырья, а активизация его ввоза повлекла увеличение государственной территории за счет продвижения в Заволочье – основной район доходных промыслов. С этими процессами естественным образом связывается и стремительное усиление новгородского боярства, именно в это время создавшего органы государственности. К этому же времени относится и организация в Новгороде первых иноземных торговых дворов, и консолидация крупнейшего новгородского купечества в рамках гостинной корпорации – «Иваньского ста» (Янин, Колчин, 1978. С. 34; Колчин, Янин, 1982. С. 91, 122–124 и сл.).

Впервые эту концепцию изложил в 1975 г. Б. А. Колчин на Конгрессе Славянской археологии в Братиславе, дав общую характеристику становления и развития ремесла в русских средневековых городах на примере Великого Новгорода (Колчин, 1975. С. 53 и сл.). Оценка технической основы ремесла, производительности труда, объема продукции и товарности ремесленных изделий на новгородском рынке позволили ему разбить историю ремесла на четыре периода. I период: середина X в. – 20–30-е гг. XII в.; II период: 30-е гг. XII в. – 70–80-е гг. XIII в.; III период: 80-е гг. XIII в. – 70–80-е гг. XV в.; IV период: 80-е гг. XV в. – 1570 г.

Уже в X в. ремесло, согласно Б. А. Колчину, характеризуется достаточно высокой технологией производства и значительной специализацией внутри отдельных отраслей. Достаточно развита черная металлургия. Металлурги, живущие в селах Новгородской земли, поставляли в город достаточное количество железа высокого качества. Новгородские кузнецы часть железа переделывали в высококачественную углеродистую сталь нескольких марок. Очень широк ассортимент шерстяных тканей. Развито кожевенное и скарняжное ремесла, а также производство кожаной обуви. Известно несколько видов торговой кожи. Массовая керамика изготавливается на гончарном круге. Многочисленна продукция косторезных мастеров. Широк состав ремесленников, специали-

зировавшихся на обработке дерева, в том числе и токарей. Многообразна продукция ювелиров и других ремесленников по обработке цветного металла. Первому периоду свойственна высокая и совершенная для средневековья техника производства. Количество производимой продукции довольно ограничено, и изделия ремесленников еще дороги. Этот период можно назвать периодом вотчинного ремесла с работой на заказ, когда рынок свободного сбыта еще сильно ограничен. В это время были созданы все основные виды ремесленного специализированного инструментария и заложены новые технологические основы производства. Например, новгородские кузнецы владели сложными приемами создания изделий из железа и стали. Они знали многие секреты термической обработки стали. Ткачи изготавливали шерстяные и льняные ткани, используя более 20-ти систем переплетений. Токари по дереву изготавливали более 15 типов сложнейших сосудов.

Второй период технически характеризуется резким расширением ассортимента продукции, высокой специализацией внутри отдельных отраслей ремесла и одновременно значительной рационализацией производства – упрощением технологии. Например, в текстильном производстве в конце XII в. появляется горизонтальный ткацкий станок. Производительность ткацкого ремесла резко возрастает, но упрощаются системы ткацких переплетений, и следовательно, в своей массе, сокращаются сортовые виды тканей. В металлообрабатывающем производстве взамен высококачественных многослойных стальных лезвий появляются упрощенные режущие лезвия с наварным стальным острием. В это же время значительно проявляется серийность производства. Создаются стандарты изделий, особенно в металлообрабатывающем и текстильном ремеслах. Письменные источники отмечают узкую специализацию мастеров внутри отдельных отраслей ремесла. В Новгородских летописях встречаются имена: Яков Храбрый-гвоздочник (1262 г.), Гаврила-щитник (1234 г.), Антон-котельник и Иванко-опонник (1216 г.). Это время резкого развития мелкотоварного производства. Продукция рассчитана на широкий сбыт не только в городе, но и во всей Новгородской земле. По материалам Неревского раскопа, начиная с 40-х гг. XII в., отмечается резкое увеличение количества кожаных предметов в культурном слое (Янин, Колчин, 1978. С. 29–30. Рис. 8).

Б. А. Колчин отмечал, что эта периодизация совпадает с общей социально-политической картиной развития Новгородского государства. До 20–

30-х гг. XII в. сохраняется дореспубликанская организация Новгорода во главе с князем. С этого времени и до 80-х гг. XIII в. происходит формирование главных боярских органов власти, занявших ключевые позиции в структуре политической власти Новгорода. Достаточно подробно рассматриваемая историками политическая борьба в Новгороде, в то же время никаким образом не переносится на конкретную почву организации ремесла, представляемую в археологическом материале. Лишь впоследствии В. Л. Янин и Б. А. Колчин писали, что «в начале XII в. в связи с бурным развитием городского ремесла, его высокой дифференциацией и работой ремесленника на рынок резко меняется технология производства. Упрощается конструкция предмета, форма становится более лаконичной и утилитарной, и вместе с этим меняется понятие декоративности» (Янин, Колчин, 1978. С. 25, 27–28).

Сформулированные исследователями признаки стадий развития ремесла присущи отдельным группам памятников материальной культуры.

Технологические аспекты деятельности новгородских ювелиров подробно исследовала и описывала Н. В. Рындина. Она отметила, что в первой половине XII в. в развитии литейного дела происходят значительные изменения: ювелиры стремятся к массовому производству и выбирают такие приемы, которые требуют наименьшей затраты труда. Этим объясняется широкое распространение каменных литейных форм в этом столетии. Но XII в. ознаменовался и целым рядом технологических новшеств. В слоях, относящихся к 60–70-м гг. этого века, появляются пластинчатые и печатные перстни, отлитые в разъемных каменных формах со вставным стержнем. Этот способ позволил заменить трудоемкие методы, например, литье по восковой модели и литье в плоскую каменную форму с последующим изгибанием и спаиванием дужки перстня. В XII в. были изобретены имитационные литейные формы, в которых отливались полые изделия типа колтов, бус, трехбусинных височных колец. Появление имитационных форм и связанной с ними технологии литья «навыплеск» было результатом стремления ремесленника упростить трудоемкие операции при обработке цветного металла и заменить их простым литьем в тщательно вырезанные составные формы. Появление имитационных форм в Новгороде исследовательница относит к концу 70–80-м гг. XII в. (Рындина, 1963. С. 259–261). Продолжая работы Н. В. Рындиной, Л. В. Покровская изучала бронзовые булавки Новгорода с головками сложных

форм, ранние варианты которых обычно связываются с практикой закрепления одежды у балтских и западно-финских племен. В начале XII в. в Новгороде появляются варианты одежных булавок, выполненные в технике, характерной для городского ювелирного ремесла этого времени. Украшения еще изготавливались на заказ с использованием техники имитации зерни и филигрны. Дальнейшее развитие технологии шло по пути упрощения конструкций, когда изделие приспособлялось к массовому производству. Поэтому в конце XII–начале XIII вв. появляются более простые – стилизованные и трехлопастные булавки. Тот же вывод исследовательница распространяет на все финно-угорские украшения из Новгорода (Покровская, 1995. С. 190; 2000. С. 147–148).

Со второй половины–конца XII в. можно говорить и о технических новшествах в текстильном деле, также связанных с развитием массового производства в Новгороде тканей на рынок. Это внедрение горизонтального ткацкого станка, существовавшего в Западной Европе предположительно уже в XII в. К первому десятилетию XIII в. относится первое изображение такого станка в рукописи из Колледжа св. Троицы в Кембридже. С расширением товарности связано и преимущественное изготовление новгородских тканей с саржевым переплетением 2/1 в три нитки вместо прежнего 2/2. По мнению А. Нахлика широкое распространение новгородских тканей такого переплетения указывает на наличие регламентации технологии производства (Нахлик, 1963. С. 280–281, 295).

По изменению керамических форм в материалах Троицкого XI раскопа период середины–второй половины XII в. указан как один из четырех хронологических рубежей. Подчеркивается особая важность этого рубежа, видимая в смене основополагающих керамических форм. Так исчезает тип 1 – одна из древнейших форм круговой керамики, для которой характерно значительное влияние поморской посуды фрезендорфского типа. Также исчезают сосуды типов 2–5, а основными на протяжении XII–XIV вв. становятся сосуды типов 6–10 (Мальгин, Гайдуков, Степанов, 2001. С. 96).

Сделаны и интересные наблюдения о характере предполагаемой унификации и регламентации домостроительства в Новгороде со второй половины XII в., прослеживаемые на том же раскопе. В это время значительно сокращается доля пятистенных срубов, при одновременном увеличении четырехстенных построек средней площади. Остат-

ки некоторых из этих построек определенно идентифицируются как двухэтажные строения, где верхний этаж использовался под жилье, а нижний – для ремесленных занятий (Фараджева, 1998. С. 79). Н. Н. Фараджева выделяет вторую половину XII – XIII вв. как отдельный период в новгородском домостроительстве, когда происходит заметное увеличение однокамерных построек средней площади и в то же время резко снижается количество пятистенных срубов. Исследовательница видит в этом только технические перемены, означающие переход от строительства подземных жилищ к домам на высоких подклетах или даже двухэтажных (Фараджева, 2000. С. 98).

Результаты изучения косторезного ремесла Новгорода, на примере материалов Федоровского раскопа, позволяют предположить значительное развитие этого промысла примерно в первой половине XII в., или даже с конца XI в. (Смирнова, 1998. С. 94 и сл.).

Металлографические исследования ножей Полоцкой земли и Новгорода показывают резкие изменения в сторону развития прогрессивных технологий (наварка стали на режущую кромку), происходившие в XII в. (Розанова, 1997. С. 276, 279). По результатам исследования ножей и других железных изделий Рязани и Ростиславля Рязанского В. И. Завьялов делает выводы о смене технологических схем изготовления железных орудий в середине XII в. (Завьялов, 2002. С. 29–30).

Сюда же можно отнести и выводы Ю. Л. Щаповой о характере стеклоделия на Руси (Щапова, 1972. С. 172–174). «Всплеск» мелкотоварного ремесленного производства виден в появлении в Новгороде самостоятельного производства стеклян-

ных браслетов. По ее мнению, начало массового производства киевскими ремесленниками браслетов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла относится к 30-м гг. XII в. Уже через 2–3 десятилетия свои мастерские появляются в Новгороде, Полоцке и Смоленске, а с конца столетия – в Рязани и, возможно, во Владимире.

Итак, работы последних десятилетий на Рюриковом городище, кроме прочего, дали интересную коллекцию изделий из кожи, преимущественно кожаной обуви. Хронологический диапазон находок – от рубежа IX–X вв. до XIII–XIV вв. Основная часть предметов может быть отнесена к концу XI–XII вв. Эта коллекция отражает различные периоды жизни на Городище и специфику жизнедеятельности этого поселения. В первую очередь, кожаные изделия можно рассматривать как индикатор возникновения и развития самостоятельного ремесленного производства в Новгороде и Новгородской земле. Анализ конструкции и стиля обуви в сочетании с оценкой всего массива кожаных предметов (включая различные обрезки) позволяет выделить один из основных переломных моментов в организации кожевенного ремесла в Новгороде, который в той или иной степени существует и в других материальных свидетельствах, связанных с различными ремеслами и домостроительством. Технические и стилистические изменения в кожевенной продукции, происходящие в Новгороде в середине–второй половине XII в., быстро распространяются и в других городах Новгородской земли, и даже в других княжествах, с которыми Новгород поддерживает постоянные торговые связи.

КАТАЛОГ

1 – НОЭ 2004, РГ-407, кв. 63, гл. +0,15 м. Усилительная накладка: длина 14,5 см, ширина 1,3–1,6 см, по длинным сторонам швы, сделанные нитями разной толщины, и стежками с различным шагом; в центре два отверстия длиной 3,5–4 мм; кожа МРС, плотная, толщина 0,7–0,8 мм, один край залощен (рис. 1, 1);

2 – НОЭ 2004, РГ-445, кв. 62, гл. +0,08 м. Обшивка края изделия (не обувь): один конец оборван, длина 21,8 см, ширина в развернутом виде 1,7 см; по длинным сторонам сквозной шов, в середине – продольный прорез длиной 5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 0,7–0,8 мм (рис. 1, 2);

3 – НОЭ 2004, РГ-406, кв. 63, гл. +0,15 м. Фрагмент обшивки края изделия (не обувь): концы обрезаны, длина 10,3 см, ширина в развернутом виде 1,8 см; по длин-

ным сторонам регулярные сквозные отверстия шва (пришивание к краю изделия); кожа КРС, плотная, толщина 0,8 мм (рис. 1, 3);

4 – НОЭ 2004, РГ-416, кв. 63, гл. +0,09 м. Фрагмент обшивки края изделия (не обувь): концы оборваны, длина 10,0 см, ширина в развернутом виде 1,5 см; по длинным сторонам регулярные отверстия шва, стежки длинные (8–10 мм); кожа КРС, плотная, толщина 0,8 мм (рис. 1, 4);

5 – НОЭ 2004, РГ-412, кв. 63, гл. +0,14 м. Обшивка края изделия (не обувь): один край оборван, длина 17,5 см, ширина в развернутом виде 1,8–1,9 см; по краям очень мелкие отверстия шва, в средней части четыре продольных прореза длиной 4–5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 1, 5);

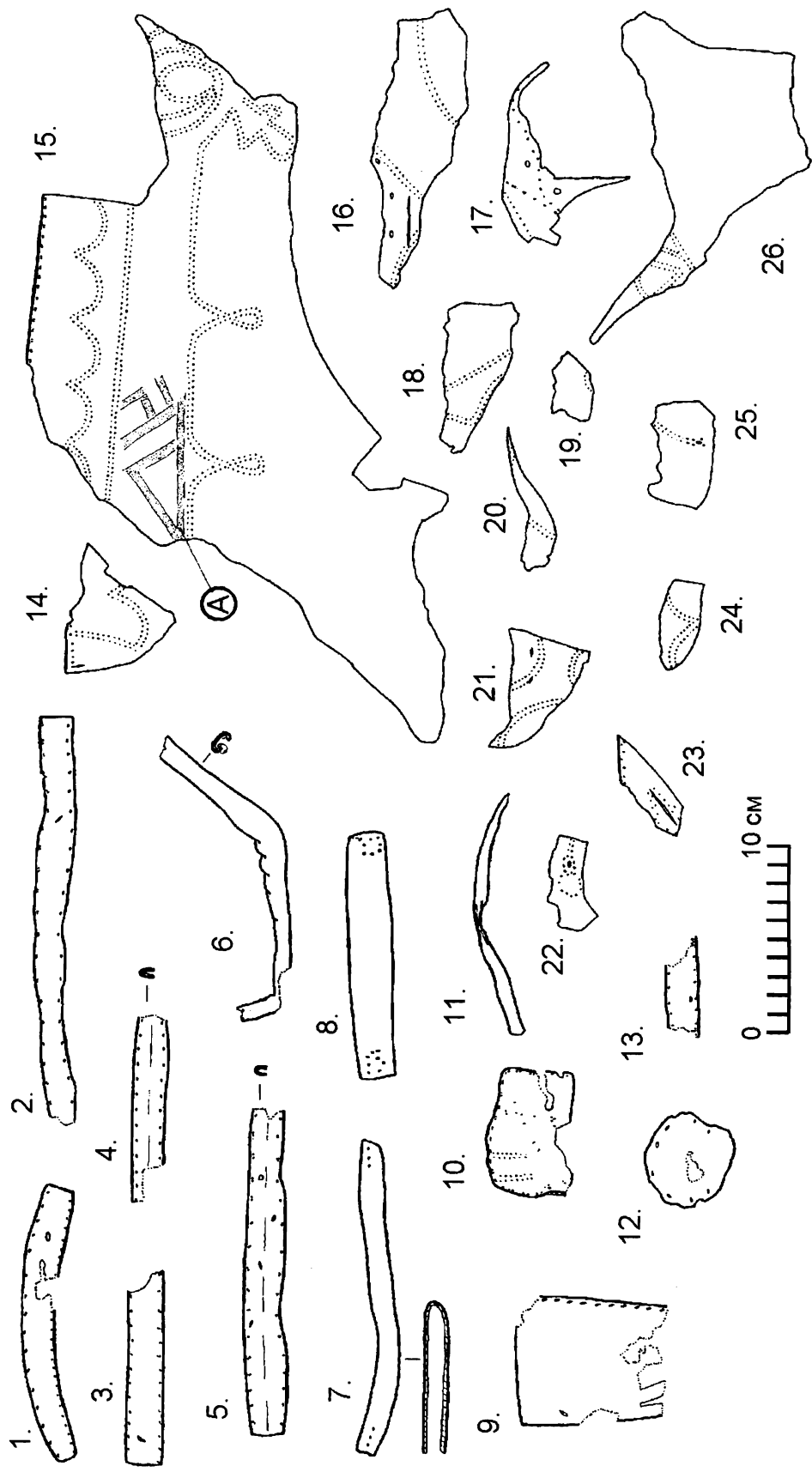

Рис. 1. Разные изделия из кожи: 1-6, 13 - обшивка края изделий; 7, 8 - ремни-петли; 9 - чехол (?); 10 - накладка (?); 11 - завязка (?); 11 - завязка (?); 12 - заплата; 14-26 - фрагменты попоны (?)
 Fig. 1. Various leather objects. 1-6, 13 - trimming of the edge of articles; 7, 8 - loops of belts; 9 - case (?); 10 - mount (?); 11 - tie; 12 - patch; 14-26 - fragments of horsecloth (?)

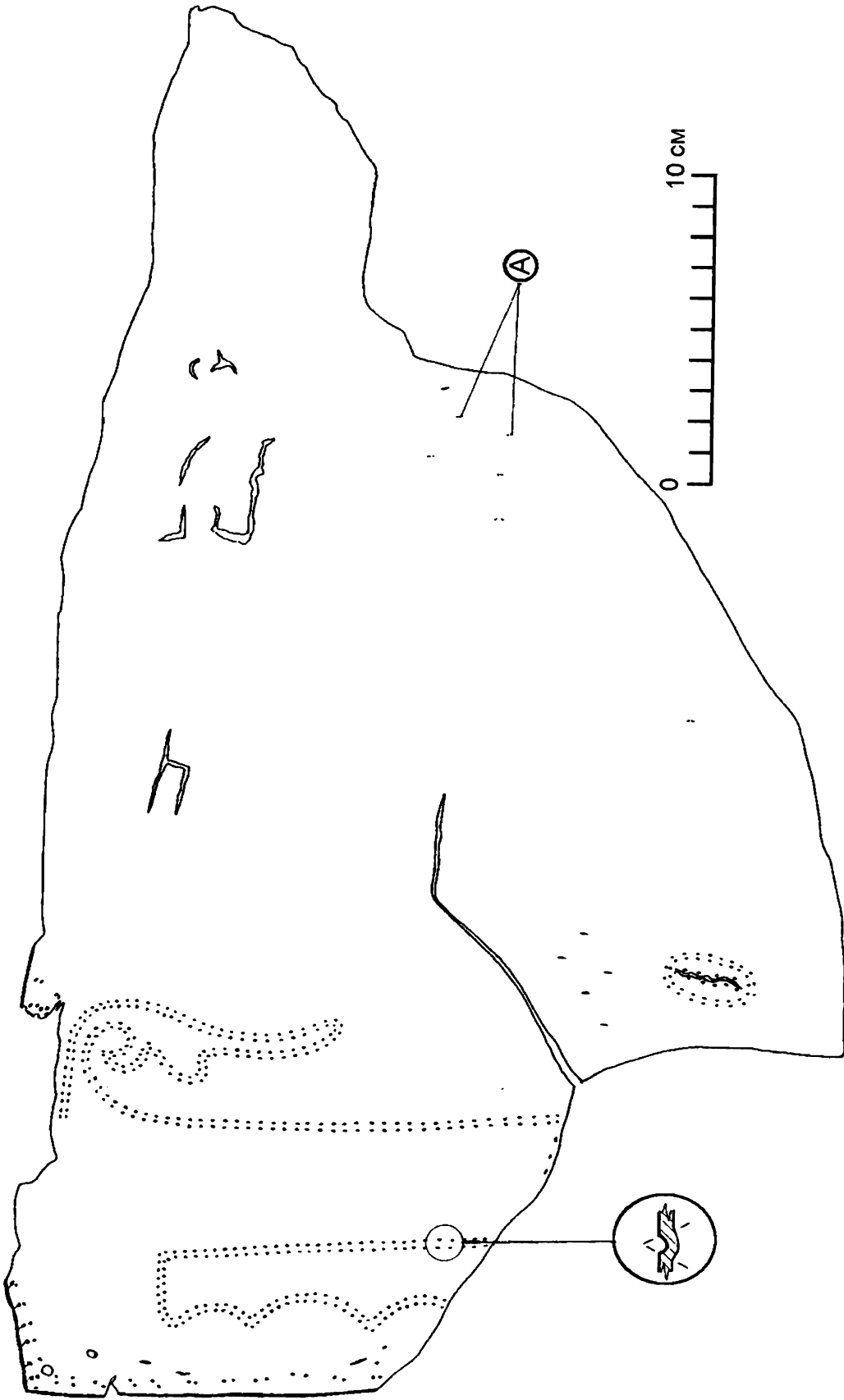

Рис. 2. Крупный кожаный предмет (полона?) из раскопа 2004 г.
Fig. 2. Large leather object (horsecloth?) from excavation of 2004

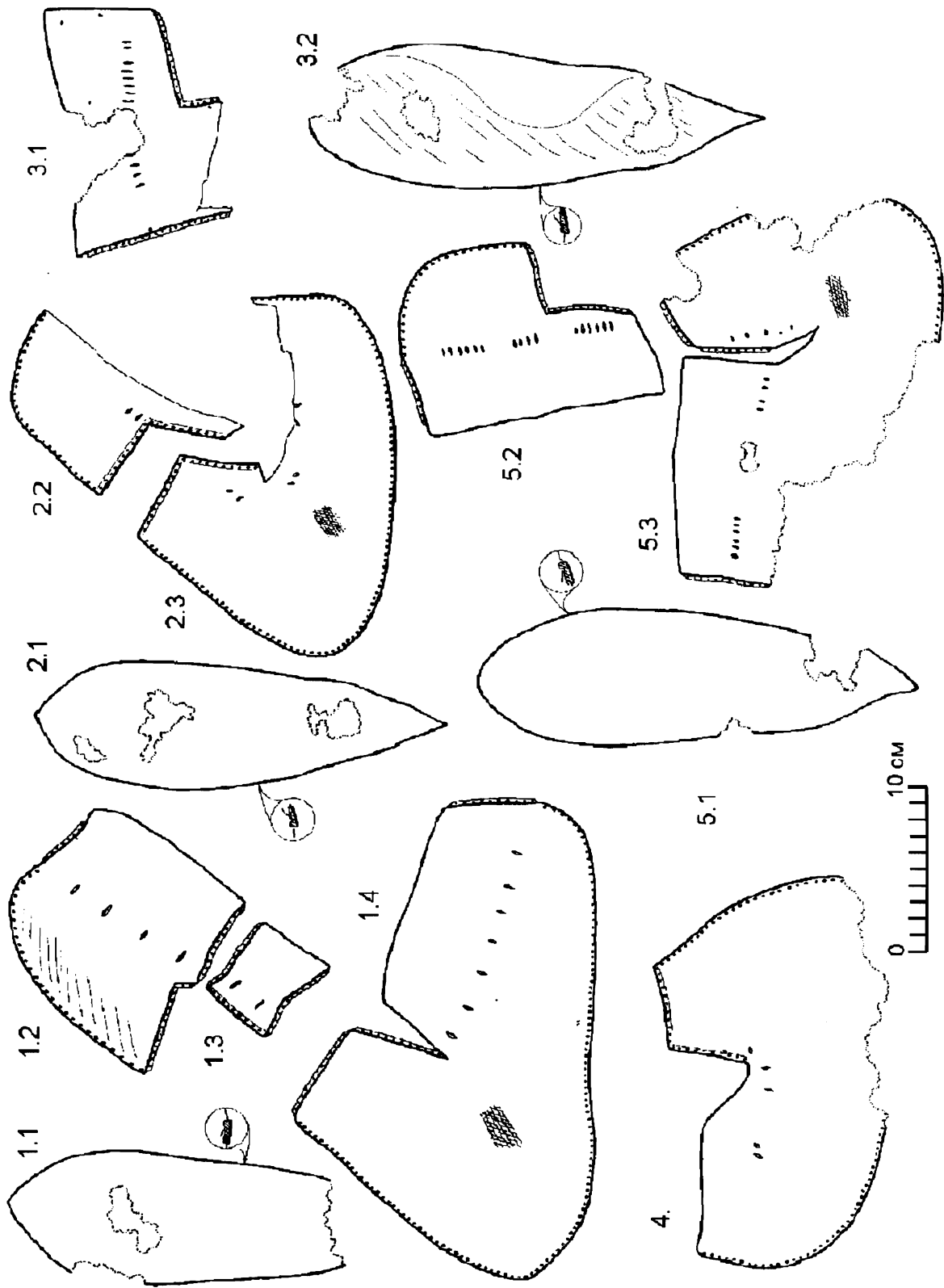

Рис. 3. Наборы деталей мягких туфель (конструкция 1)

Fig. 3. Sets of parts of soft shoes (design 1)

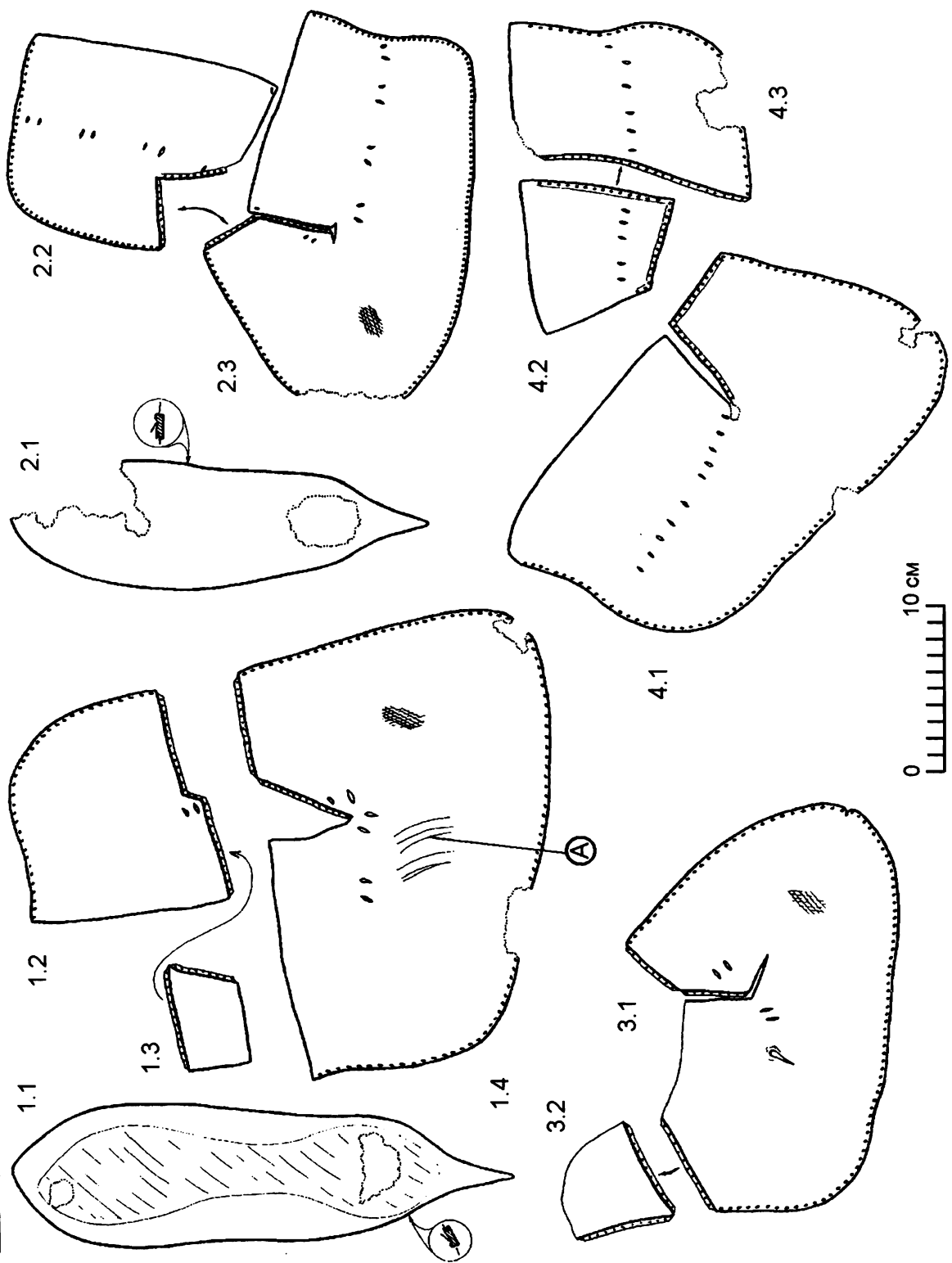

Рис. 4. Наборы деталей мягких туфель (конструкция 1)
 Fig. 4. Sets of parts of soft shoes (design 1)

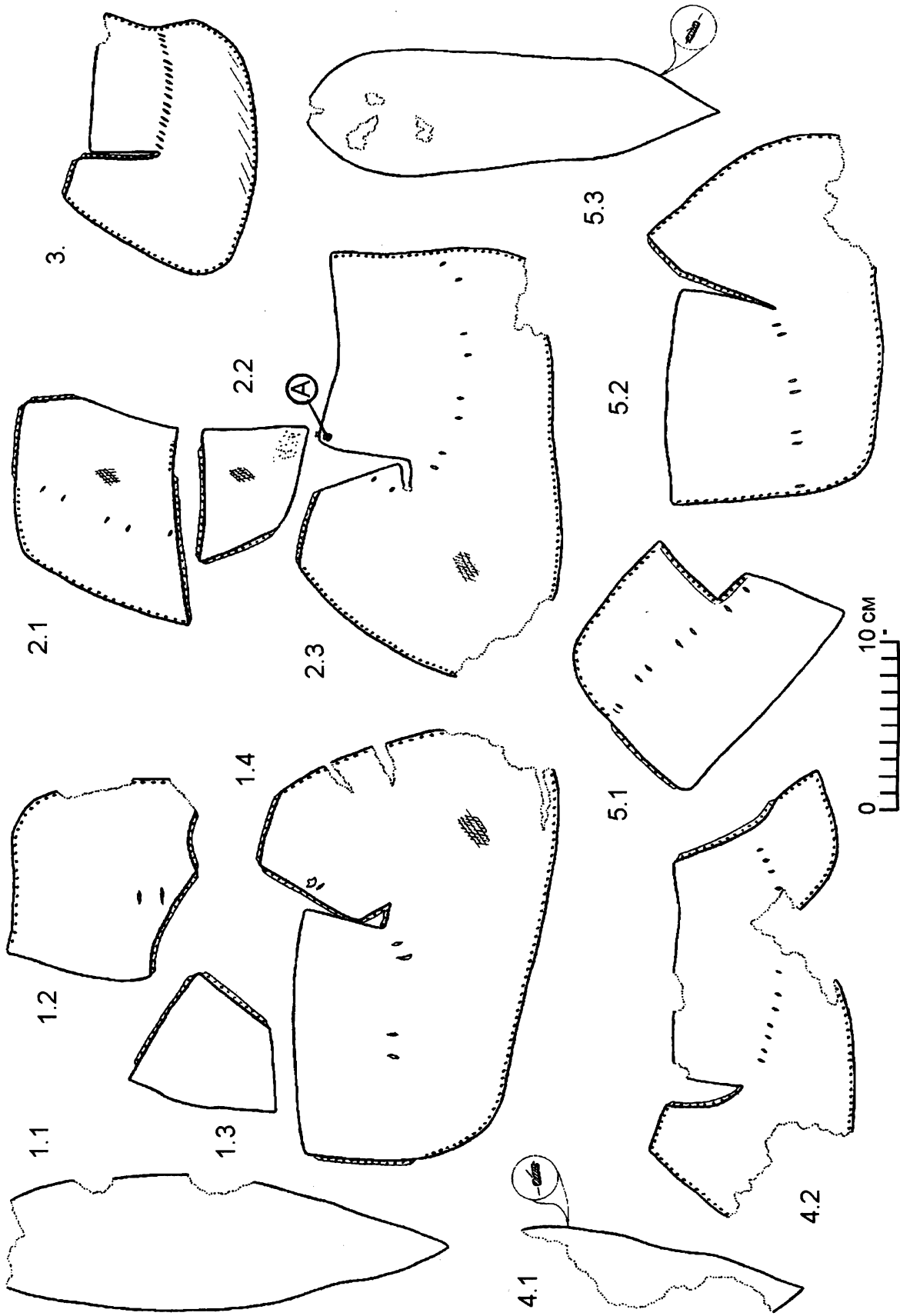

Рис. 5. Наборы деталей мягкой туфли (конструкции 1 и 2)
 Fig. 5. Sets of parts of soft shoes (designs 1 and 2)

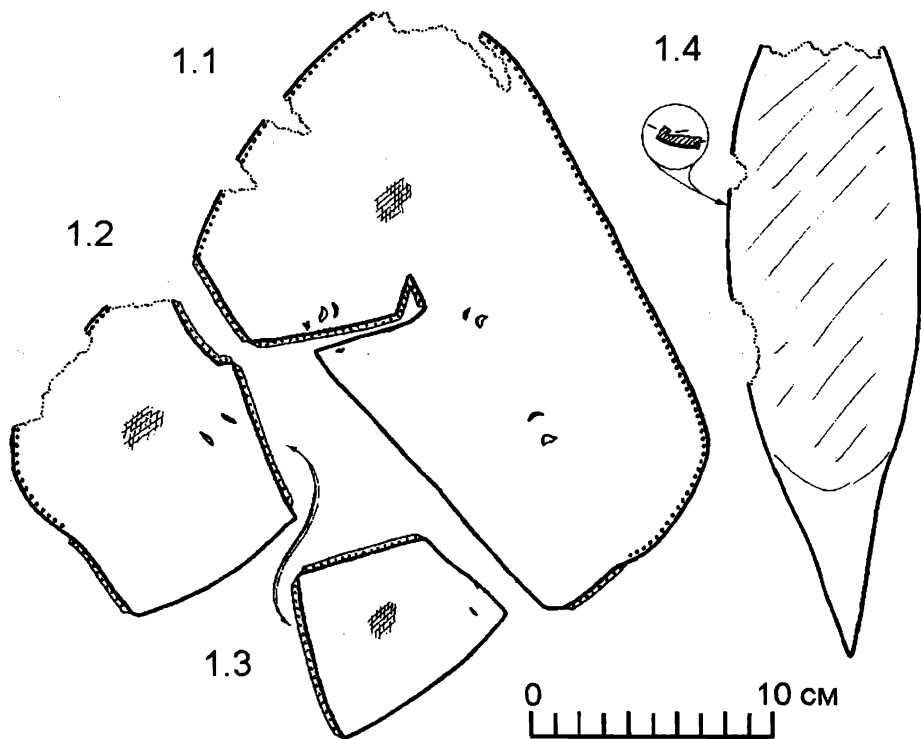

Рис. 6. Набор деталей мягкой туфли – 1.1–1.4

Fig. 6. Set of parts of a soft shoe – 1.1–1.4

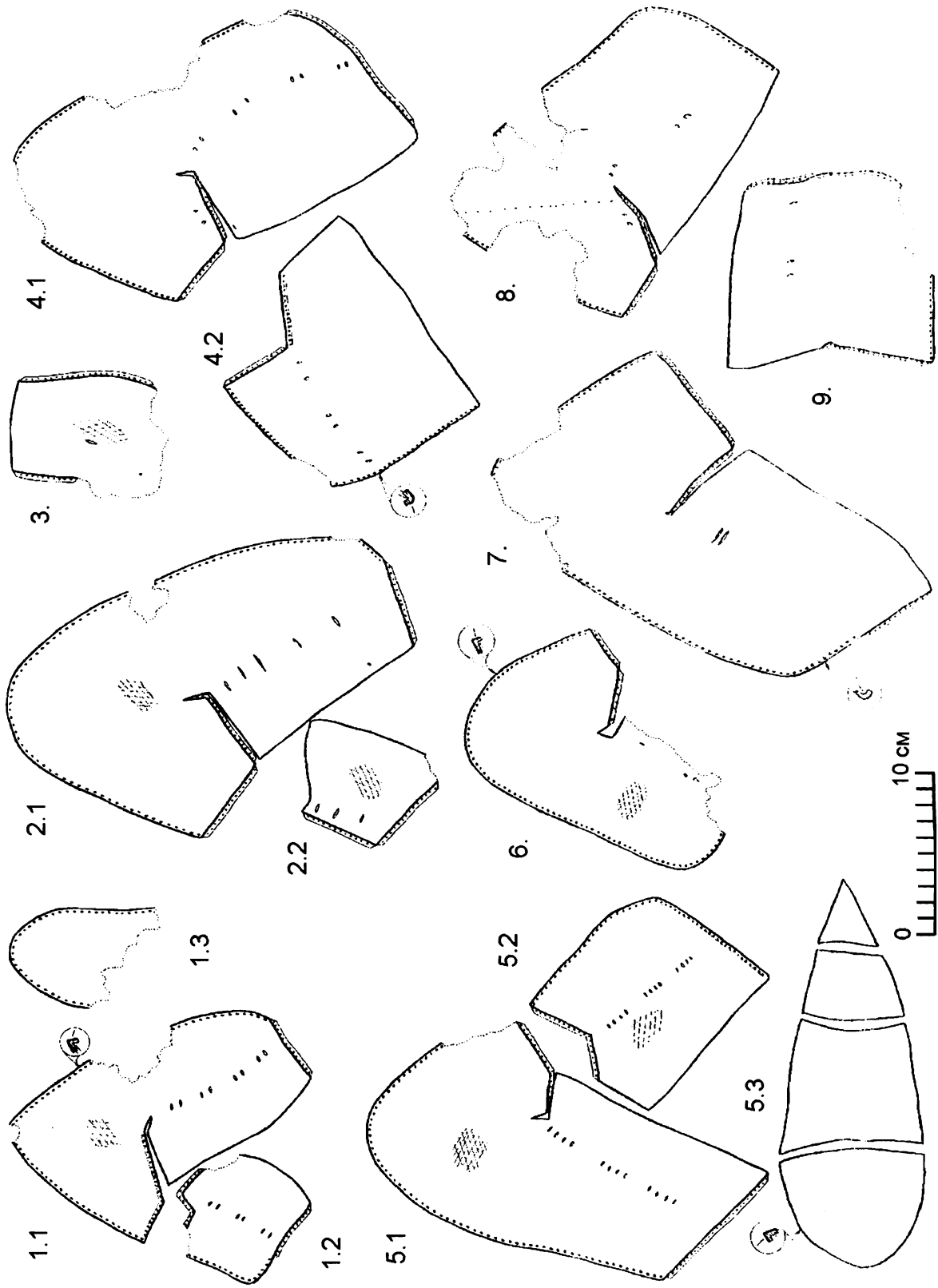

Рис. 7. Детали верха и подошвы (1.3, 5.3) мягких туфель симметричного кроя из раскопок 2003 г.
 Fig. 7. Parts of the top and sole (1.3, 5.3) of soft shoes with symmetric cut-out from excavations of 2003

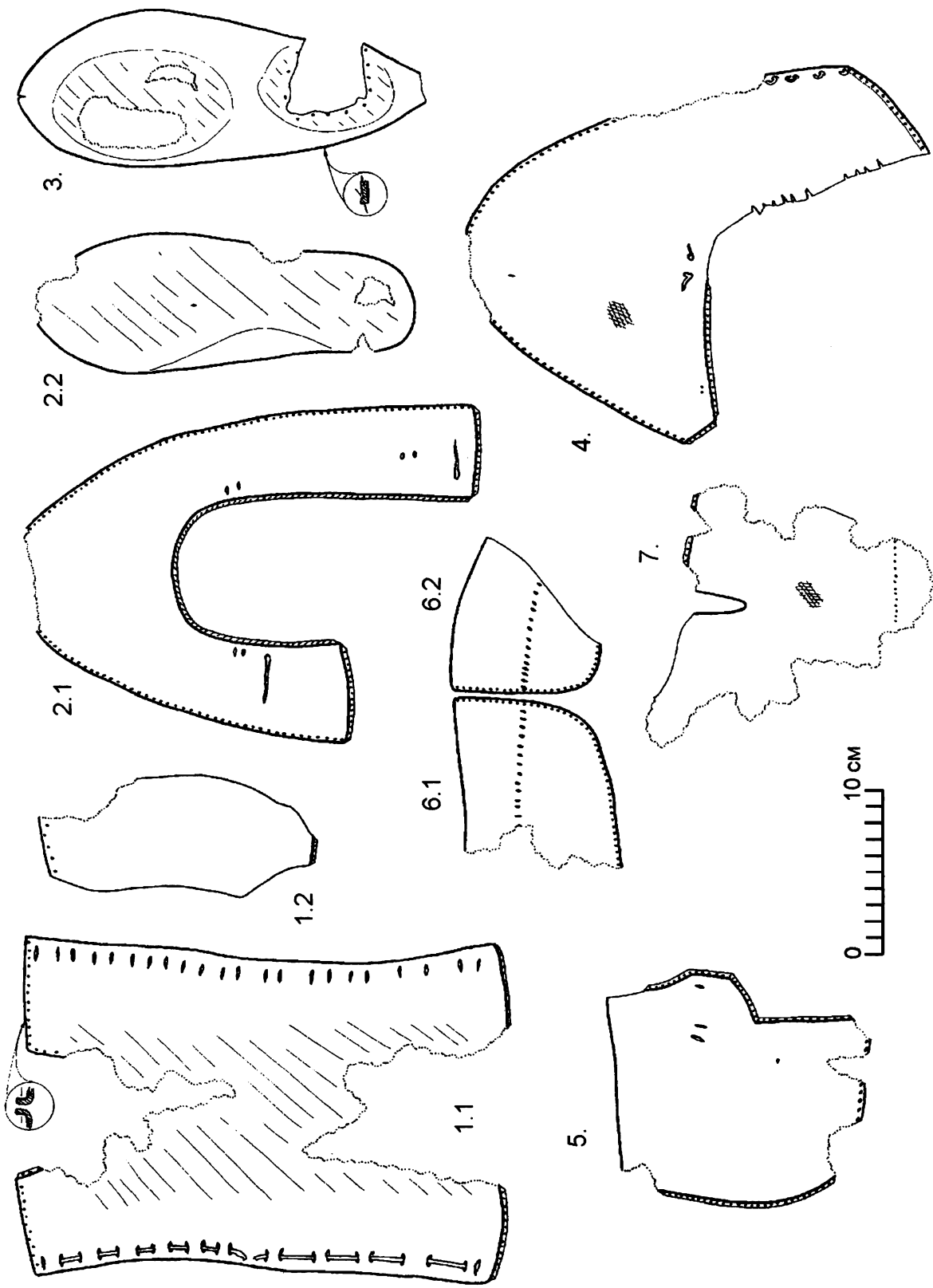

Рис. 8. Раскройки обуви. 1 – поршень; 2-7 – детали мягкой туфли разной конструкции

Fig. 8. Footwear cut-outs. 1 – *Porshen* (kind of leather sandals); 2-7 – parts of soft shoes of different designs

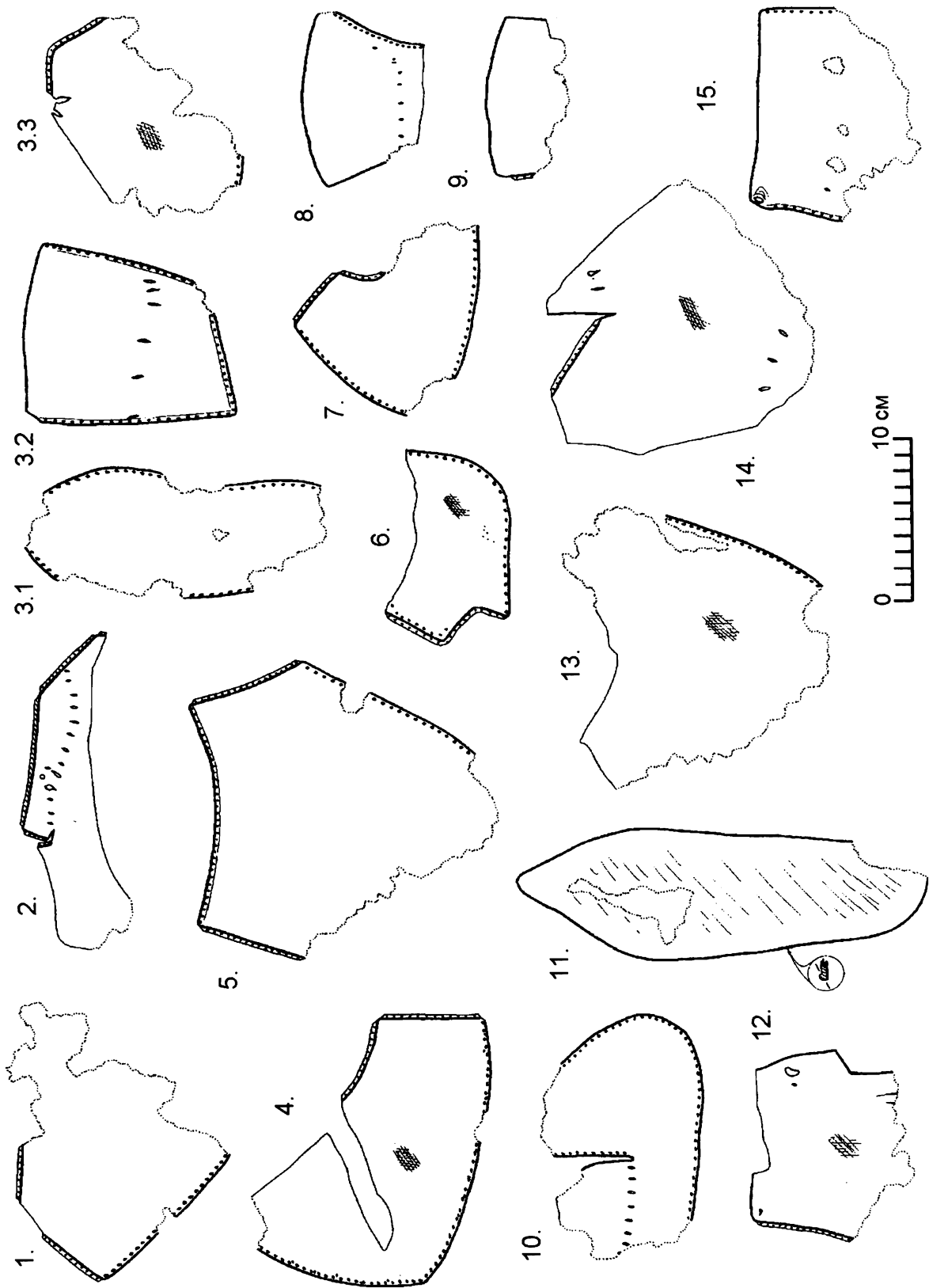

Рис. 9. Раскройки обуви. 1-4, 6-15 - детали мягкой туфли разной конструкции; 5 - головка сапога
 Fig. 9. Footwear cut-outs. 1-4, 6-15 - Parts of soft shoes of different designs; 5 - head of a boot

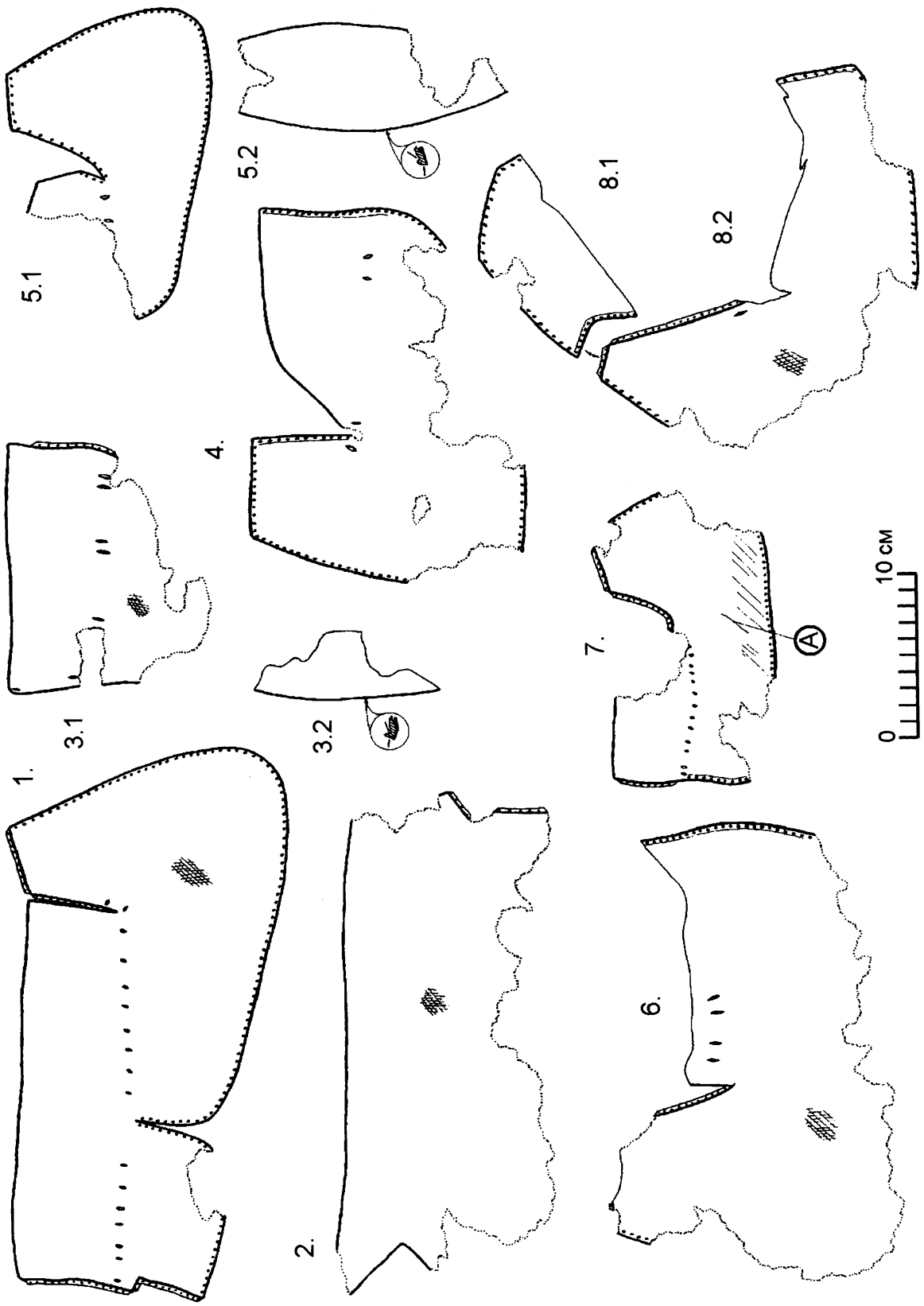

Рис. 10. Наборы деталей мягких туфель (конструкции 1 и 2)
 Fig. 10. Sets of parts of soft shoes (designs 1 and 2)

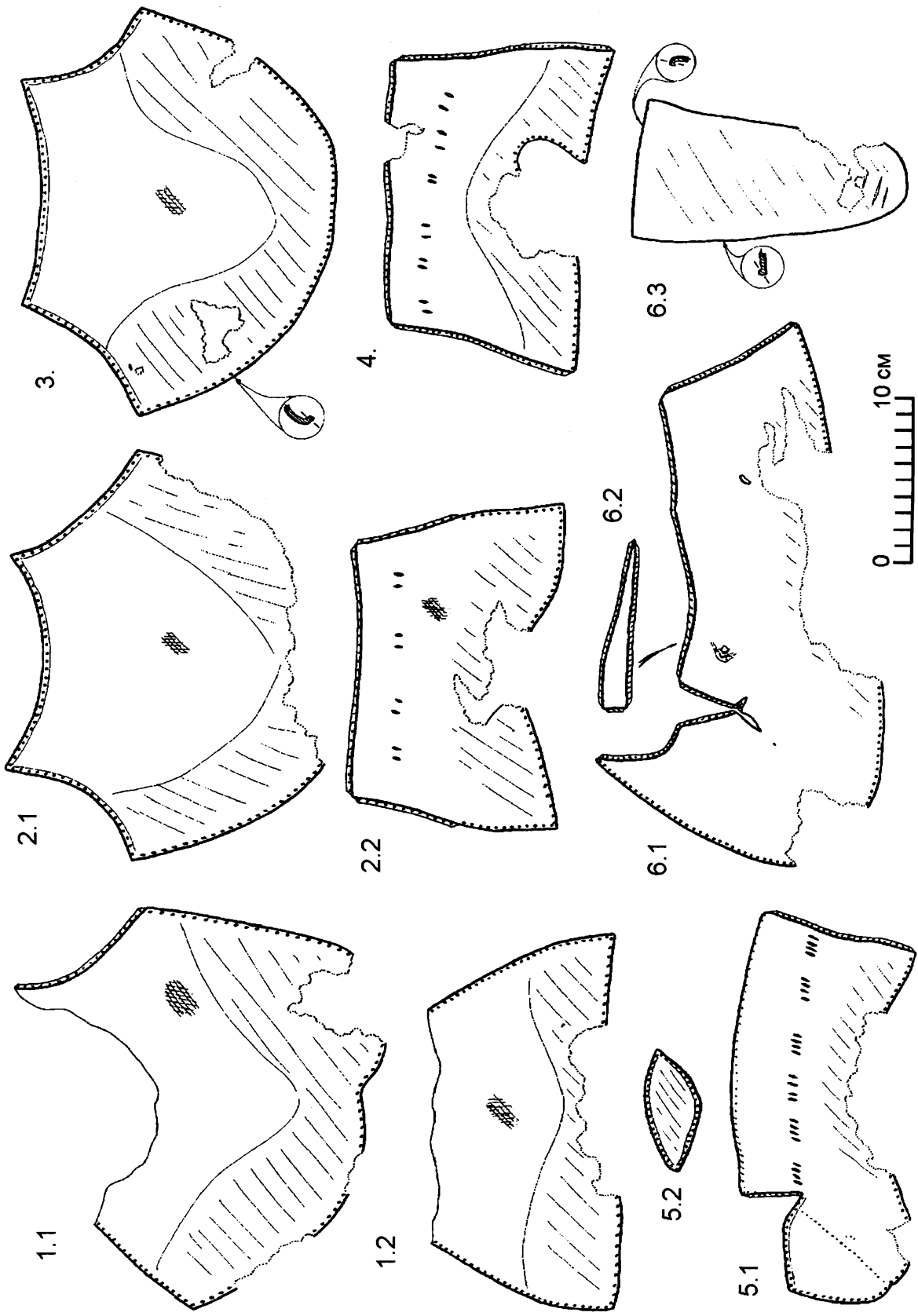

Рис. 11. Наборы деталей «комнатной туфли» и мягкой туфли (конструкция 2)
 Fig. 11. Sets of parts of a «home shoes» and soft shoe (design 2)

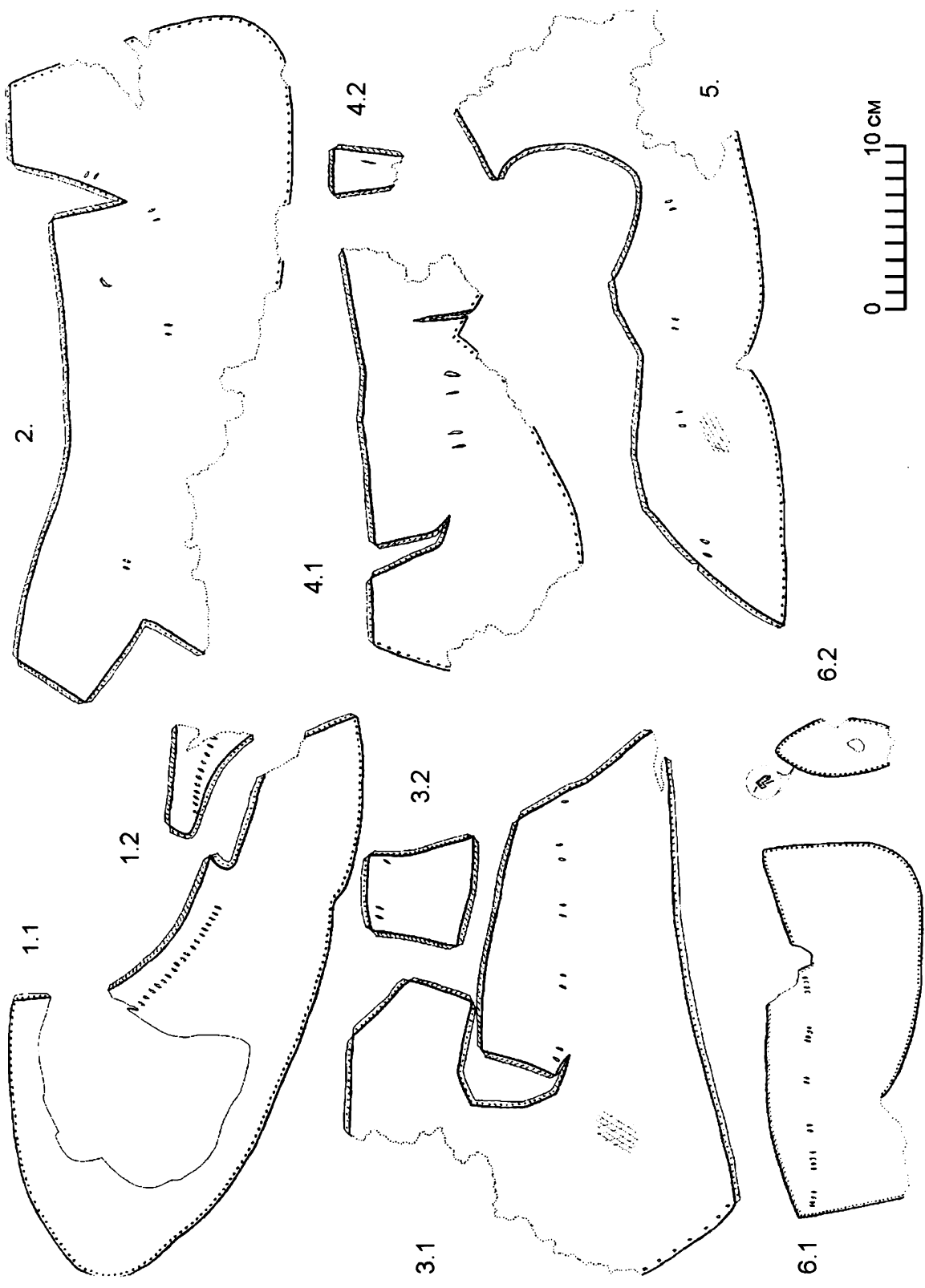

Рис. 12. Детали верха мягких туфель асимметричного края из раскопок 2003 г.
 Fig. 12. Parts of the top of asymmetric cut-out from excavations of 2003

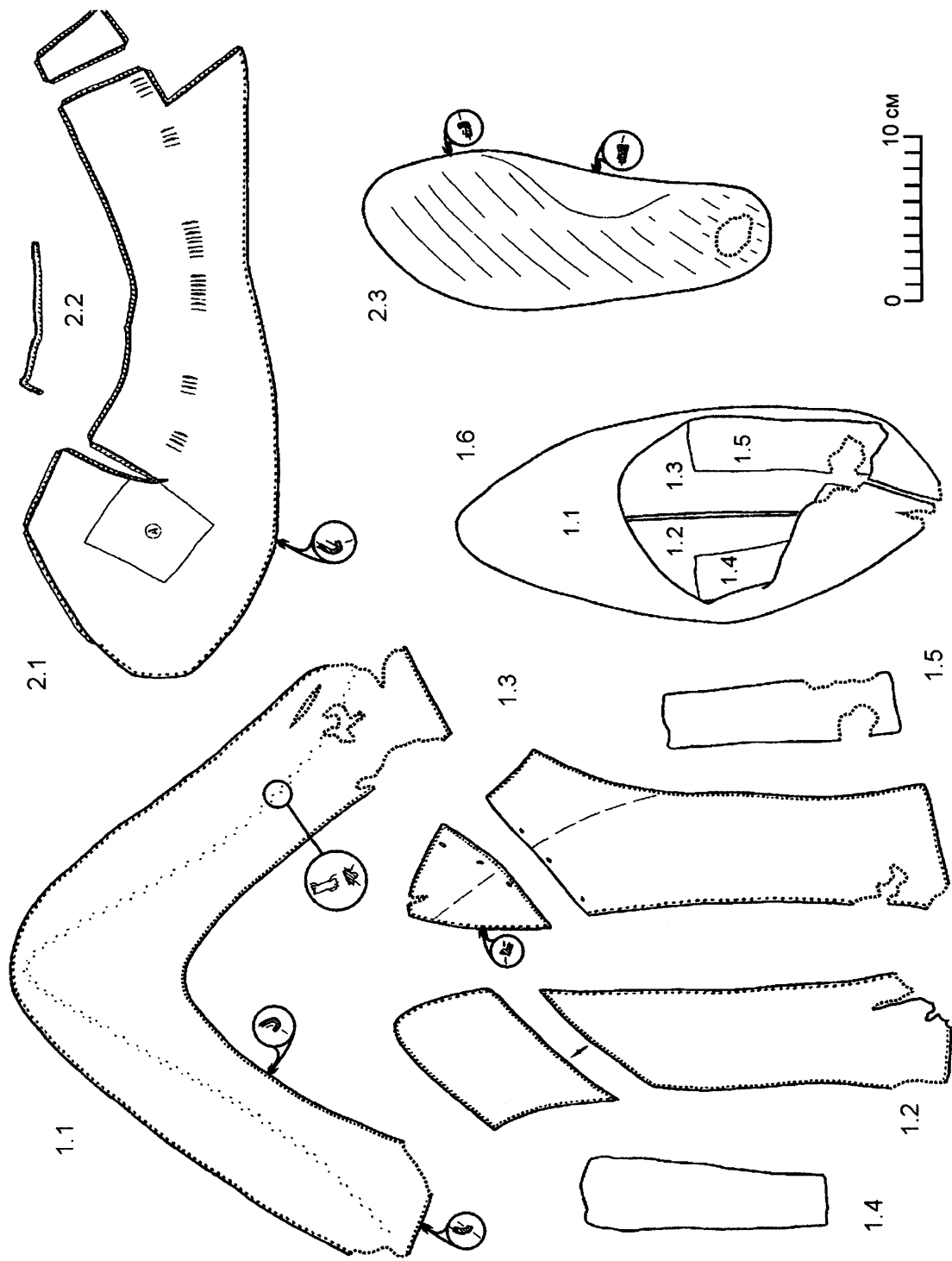

Рис. 13. Наборы деталей и реконструкция мягкой кожаной обуви из раскопа 2002 г. 1./1-6 – детали и их положение в модели «комнатной туфли»;
 2./1-3 – детали верха и подошва мягкой туфли асимметричного кроя

Fig. 13. Sets of parts and a reconstruction of soft leather footwear from the excavation of 2002. 1./1-6 – parts and their position in a model of «home shoes»;
 2./1-3 – details of the top and sole of a soft shoe of asymmetric cut-out

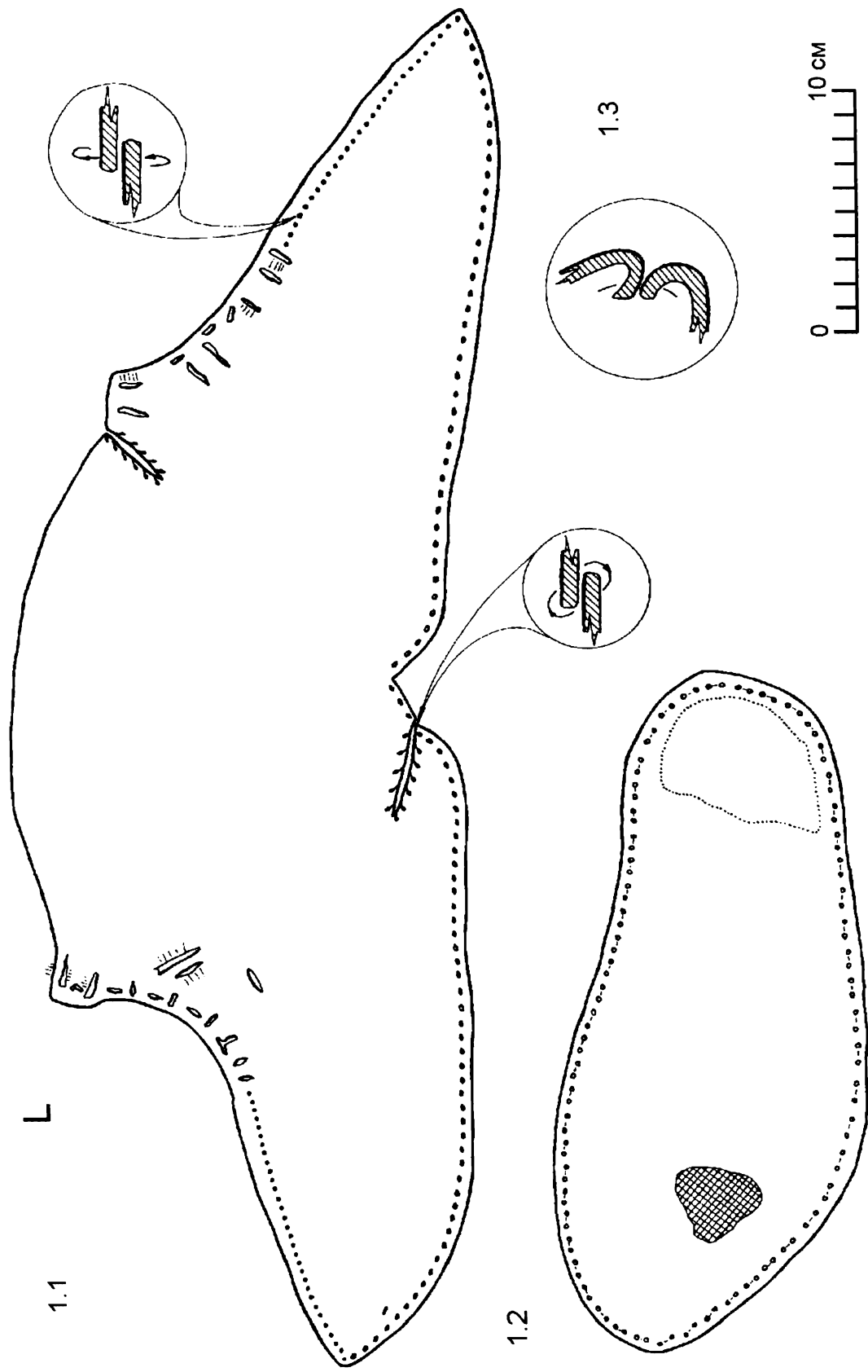

Рис. 14. Набор деталей мягкой туфли из раскопок 1994 г.
Fig. 14. Sets of parts of a soft shoe from excavation of 1994

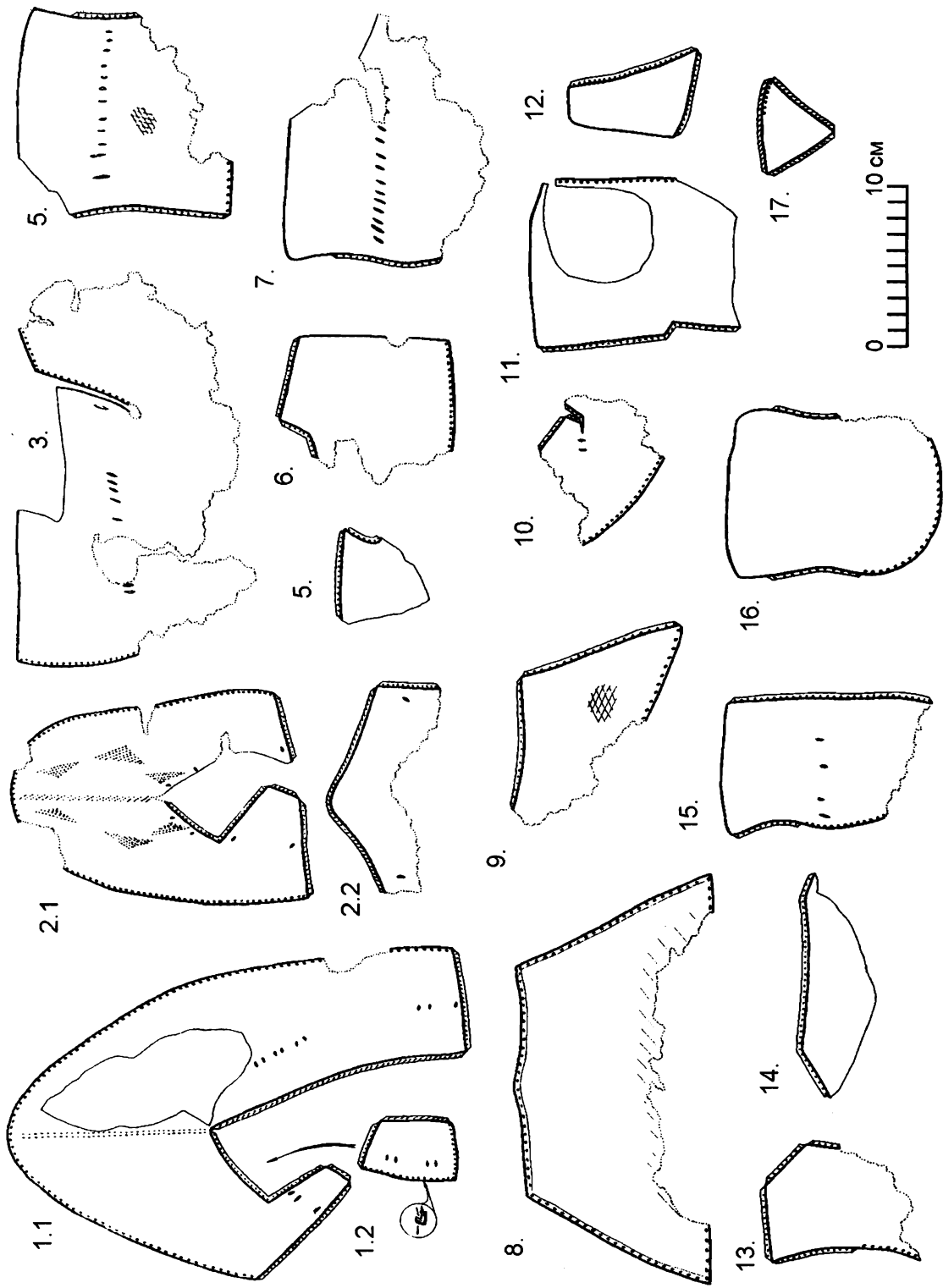

Рис. 15. Детали верха обуви из раскопок 2003 г. 1, 2 – детали верха туфель симметричного кроя; 3, 4, 7 – детали верха туфель асимметричного кроя; 8 – задник «комнатной туфли»; 9 – задник сапога; 11–17 – детали верха мягкой туфель неопределенного кроя.

Fig. 15. Parts of the top of footwear from excavations of 2003. 1, 2 – parts of the top of shoes of symmetric cutting; 3, 4, 7 – parts of shoes of asymmetric cutting; 8 – the counter of a «home shoe»; 9 – counter of a boot; 11–17 – parts of the top of soft shoes of an unidentified cut-out

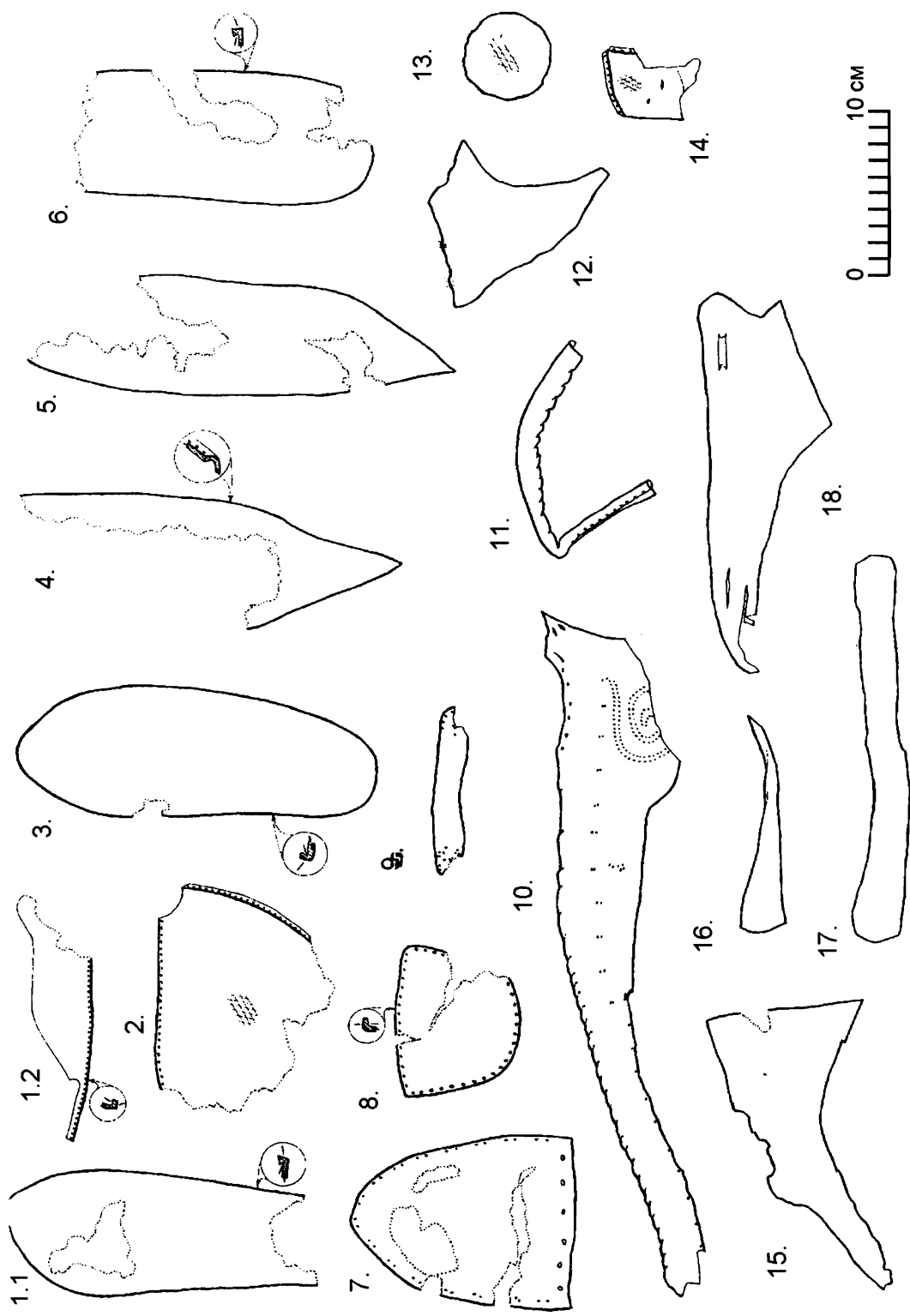

Рис. 16. Детали мягкой обуви, других изделий и обрезки из раскопок 2003 г. 1.1, 3-6 – подошвы; 1.2, 2, 14 – фрагменты верха мягкой обуви; 7 – подметка; 8 – пятка подошвы; 9 – ремешок-петля; 10 – крупное изделие (попона?) с аппликацией; 11 – обшивка края изделия (?); 12, 15 – обрезки с края шкуры; 13 – заготовка прокладки-шайбы; 16, 17 – обрезки от раскройки; 18 – обрезок изделия (?)

Fig. 16. Parts of soft footwear and other objects and leather cuttings from excavations of 2003. 1.1, 3-6 – soles; 1.2, 2, 14 – fragments of the top of soft footwear; 7 – sole; 8 – the heel of a sole; 9 – belt – loop; 10 – large object (horsecloth ?) with an appliqué work; 11 – trimming of the edge of an article (?); 12, 15 – cuttings from the edge of a hide; 13 – blank for a lining – washer; 16, 17 – wastes from cutting a footwear; 18 – a cutting from some article (?)

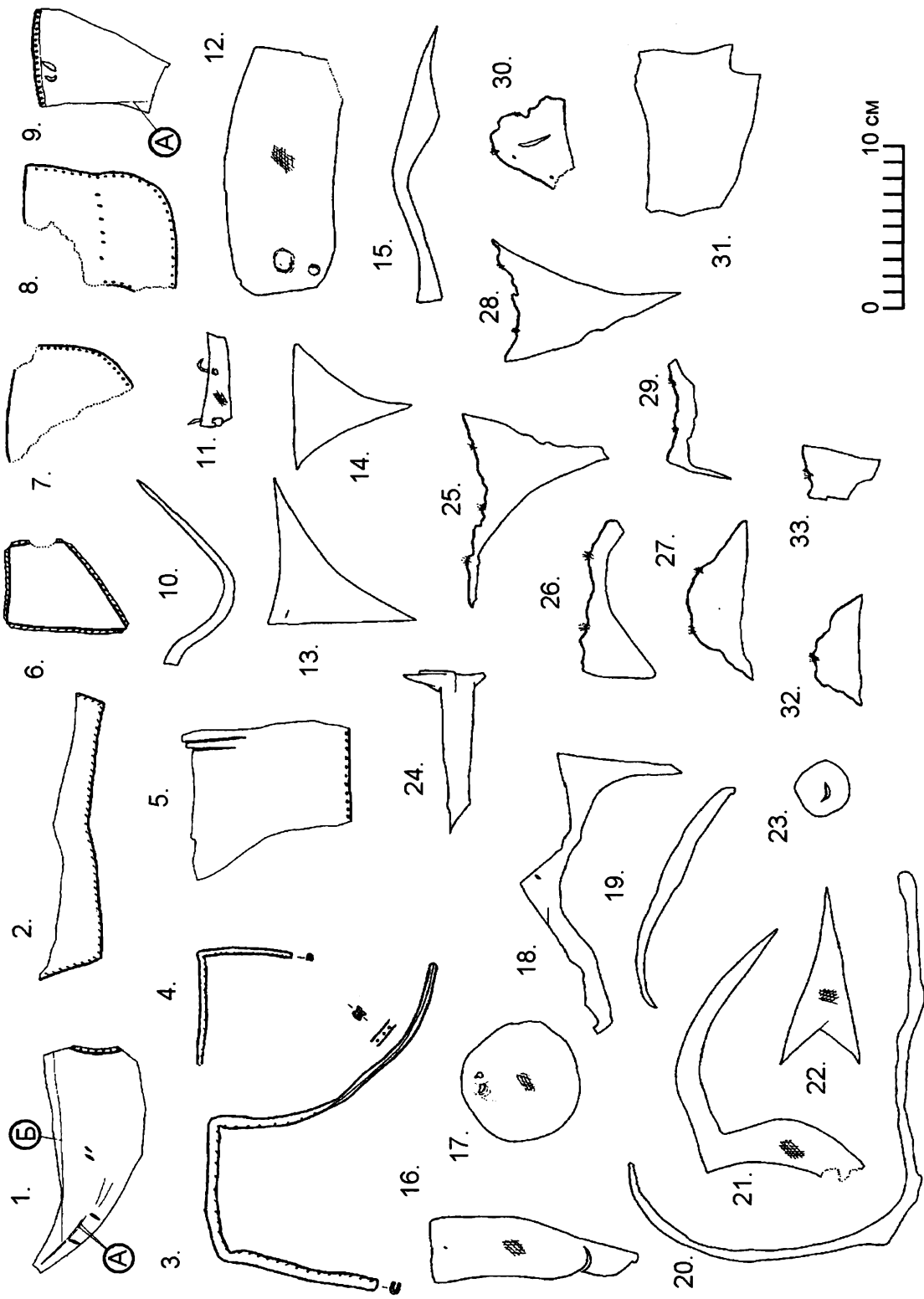

Рис. 17. Различные детали и обрезки: 1, 2, 5-9 - обрезки деталей обуви; 3, 4 - обшивка края туфлей; 10, 13-15, 18-22, 24 - обрезки первичного раскроя; 11, 12, 16, 17, 23, 31 - обрезки от вторичного раскроя; 25-30, 32, 33 - обрезки с края шкуры

Fig. 17. Various parts and cuttings. 1, 2, 5-9 - Cuttings from parts of footwear; 3, 4 - trimming of the edge of shoes; 10, 13-15, 18-22, 24 - wastes from primary cutting; 11, 12, 16, 17, 23, 31 - wastes from secondary cutting; 25-30, 32, 33 - cuttings from the edge of a hide

6 – НОЭ 2004, РГ-327, кв. 57, гл. +0,18 м. Обшивка края изделия (не обувь): один конец оборван, длина 19,1 см, ширина в сложенном виде 1,0 см; по краям сквозные отверстия обметочного шва «через край»; кожа КРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 1, 6);

7 – НОЭ 2004, РГ-348, кв. 63, гл. +0,20 м. Ремень-петля: длина 16,5 см, ширина 1,0 см; на концах по три продольно лежащих отверстия от сшивания концов; кожа КРС, плотная, толщина 1,1–1,2 мм (рис. 1, 7);

8 – НОЭ 2004, РГ-56, кв. 56, гл. от +0,4 м до +0,2 м. Ремень-петля: длина 13,0 см, ширина 1,8–2,1 см; на концах группа отверстий от сшивания концов; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 1, 8);

9 – НОЭ 2004, РГ-470, кв. 62, гл. –0,35 м. Фрагмент чехла (?). Оборвана часть детали, края обрезаны, размеры 7,5×6,8 см, вдоль одного края сквозные отверстия шва; по другой стороне надрезы края; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 1, 9);

10 – НОЭ 2004, РГ-244, кв. 68, гл. от +0,4 до +0,2 м. Деталь изделия (?), накладка (?). Размеры 6,5×4,3 см, один край обрезан; по трем краям очень мелкие отверстия шва; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 10);

11 – НОЭ 2004, РГ-384а, кв. 62, гл. +0,12 м. Завязка: длина 13,0 см, ширина 0,7 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 1, 11);

12 – НОЭ 2004, РГ-381а, кв. 62, гл. +0,16 м. Заплата: неправильной округлой формы, размеры 4,8×4,5 см; по краю – редкие отверстия шва; кожа КРС, расслоилась, в середине разрыв (рис. 1, 12);

13 – НОЭ 2004, РГ-428а, кв. 56, гл. от +0,2 м до 0. Фрагмент обшивки края изделия (не обувь): края оборваны, длина 5,5 см, ширина 1,7 см; отверстия шва по краям мелкие; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 13);

14 – НОЭ 2004, РГ-444а, кв. 62, гл. +0,08 м. Обрезок изделия (?): подтреугольный, размеры 7,0×5,5 см; по первоначальному краю мелкие отверстия одинарного шва, а также поперечный прорез длиной 6 мм; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм; А – участок стертой мерей (рис. 1, 14);

15 – НОЭ 2004, РГ-444б, кв. 62, гл. +0,08 м. Обрезок крупного изделия (седло – ?): неправильной формы, размеры 42,0×14,2 см; сохранился участок в 9,5 см первоначального края изделия с двойными мелкими отверстиями шва; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм; А – участок стертой мерей (рис. 1, 15);

16 – НОЭ 2004, РГ-421, кв. 57, гл. +0,10 м. Обрезок изделия (?). Размеры 15,0×4,3 см; три крупных прореза швов и длинный прорез в 3,2 см; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 16);

17 – НОЭ 2004, РГ-385, кв. 62, гл. +0,12 м. Обрезок изделия (?). Размеры 9,5×6,5 см; в середине два овальных отверстия; по полю детали следы одинарного и

двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 17);

18 – НОЭ 2004, РГ-429а, кв. 56, гл. от +0,2 м до 0. Обрезок изделия (?). Размеры 8,0×3,7 см; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 18);

19 – НОЭ 2004, РГ-429б, кв. 56, гл. от +0,2 м до 0. Обрезок изделия (?). Размеры 3,5×2,2 см; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская?, плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 19);

20 – НОЭ 2004, РГ-429в, кв. 56, гл. от +0,2 м до 0. Обрезок изделия (?). Размеры 7,5×1,5 см; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 20);

21 – НОЭ 2004, РГ-270, кв. 62, гл. +0,13 м. Обрезок изделия (?). Размеры 6,5×4,5 см; два крупных прореза; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 21);

22 – НОЭ 2004, РГ-428б, кв. 56, гл. от +0,2 м до 0. Обрезок изделия (?): размеры 5,1×2,0 см; в середине прорез длиной 2 мм с очень мелкими отверстиями шва вокруг, а также мелкие отверстия двойной строчки; кожа конская (?), расслоилась, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 22);

23 – НОЭ 2004, РГ-428в, кв. 56, гл. от +0,2 м до 0. Обрезок изделия (?): размеры 5,5×1,6 см, сохранился край первичного раскроа со швом; в середине разрез длиной 25 мм со следами наложенной заплаты; кожа конская (?), расслоилась, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 23);

24 – НОЭ 2004, РГ-449, кв. 62, гл. +0,04 м. Обрывок изделия (?). Размеры 4,8×2,0 см; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 24);

25 – НОЭ 2004, РГ-430, кв. 56, гл. +0,11 м. Обрезок изделия (?). Размеры 5,5×3,0 см; прорез длиной 2,5 мм окружен несколькими отверстиями шва – следы закрепления ремешка; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская?, плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 25);

26 – НОЭ 2004, РГ-378, кв. 62, гл. +0,16 м. Обрезок изделия (?). Размеры 15,6×11,5 см; по полю детали следы двойного шва, выполненного очень тонкой нитью; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–0,9 мм (рис. 1, 26);

27 – НОЭ 2004, РГ-447, кв. 62, гл. +0,04 м. Крупный кожаный предмет (попона?, сумка?): размеры предмета 44,5×25,1 см; сохранился участок первоначального края детали с мелкими парными сквозными отверстиями, а также участок с аппликацией; имеется серия неаккуратных вторичных прорезов, на один из которых была наложена кожаная заплатка; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8–1,0 мм, поверхность коричневого цвета (рис. 2).

28 – НОЭ 2004, РГ-66, кв. 63, гл. +0,39 м. Набор деталей туфли для левой стопы (рис. 3, 1.1–4):

– Подошва: оборвана пятка и участок шва в пальцах; овальная, без сужения в области свода сто-

пы, носок заострен, длина 19,5 см, ширина в пальцах около 7,8 см, в пятке около 5,8 см; основной шов – тачной, видны следы перешивания (ремонта?); кожа расслоилась, толщина 1,0–1,2 мм, стертость средняя, протерта под первыми фалангами пальцев (рис. 3, 1.1);

– Боковая деталь верха: длина 12,3 см, высота 12,1 см; основной шов – выворотный, боковой и на заднике – тачные, верхний край без шва; четыре прорези для оборы расположены равномерно через 2 см, ширина 7,0–7,5 мм; кожа КРС, плотная, толщина 2,0–2,2 мм (рис. 3, 1.2);

– Дополнительная деталь верха: четырехугольная, размеры 5,5×4,5 см; швы – по двум краям, две прорези для обор, ширина 7,0–7,5 мм; кожа аналогична другим деталям верха (рис. 3, 1.3);

– Основная деталь верха: длина 29 см, ширина головки по линии подъема 17,0 см, высота боковины 12,2 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, верхний край боковины без шва; прорези для оборы равномерные через 2 см, ширина 7,0–7,5 мм, в прорезях сохранились остатки льняной (?) нити; кожа КРС, плотная, толщина 2,0–2,5 мм, тиснение по мере (рис. 3, 1.4);

29 – НОЭ 2004, РГ-224, кв. 64, гл. +0,30 м. Набор деталей туфли для левой стопы (рис. 3, 2.1–3):

– Подошва с «хвостиком»: общая длина 24,0 см, длина без «хвостика» – 20,5 см, ширина в пальцах 7,5 см, в области свода стопы 6,7 см, в пятке – около 5 см; носок приострен, пятка – с «хвостиком»; основной шов – тачной; кожа расслоилась, толщина около 1,0–1,2 см, протерта в области пятого пальца, под плюсной и под пяткой (рис. 3, 2.1);

– Боковая деталь верха: верхний край обрезан, размеры 13,5×7,0 см; основной шов – выворотный; пара прорезей для оборы, ширина 5,0–5,5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,1–1,2 мм, тиснение по мере (рис. 3, 2.2);

– Основная деталь верха: обрезан верх боковины, длина детали 21,9 см, ширина на линии подъема 15,0 см; все швы выворотные; сохранилось три пары отверстий для оборы – две пары с одной стороны, ширина 5,5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,1–1,2 мм, тиснение по мере (рис. 3, 2.3);

30 – НОЭ 2004, РГ-171, кв. 57, гл. +0,34 м. Набор деталей туфли для левой стопы (рис. 3, 3.1–2):

– Боковая деталь верха: обрезана нижняя часть детали с основным швом, размеры 15,2×9,6 см; на прямоугольном вырезе и заднем крае – швы тачные, верхний край шва не имел; прорези для оборы равномерно расположенные через 5–6 мм, шириной 5–6 мм, отсутствуют в области пятки; кожа КРС (?), плотная, толщина 1,2 мм (рис. 3, 3.1);

– Подошва с «хвостиком»: общая длина 26,5 см, длина без «хвостика» 22,5 см; ширина в пальцах 8,5 см, в области свода стопы 7,5 см, под пяткой 6,2 см; основной шов – тачной; кожа плотная, толщина 1,1–1,2 мм, стертость сильная, протерта под большим пальцем, под плюсной и под пяткой (рис. 3, 3.2);

31 – НОЭ 2004, РГ-127, кв. 57, гл. +0,33 м. Основная деталь верха туфли: длина 24,2 см, ширина в головной части не менее 15,5 см; оборваны передний и боковой участки основного шва; отверстия для оборы парные, симметричные относительно продольной оси обуви, по 2 пары с каждой стороны, на детали сохранилось 5 прорезей шириной 5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм (рис. 3, 4);

32 – НОЭ 2004, РГ-129, кв. 57, гл. +0,27 м. Набор деталей туфли для правой стопы (рис. 3, 5.1–3):

– Подошва с «хвостиком»: общая длина 25,7 см, длина без «хвостика» 22,0 см, ширина в пальцах 8,3 см, в области свода стопы 7,0 см, в пятке 5,8 см; носок округлый, пятка вытянутая заостренная, отсутствует сужение под сводом стопы; основной шов – тачной; кожа расслоилась (рис. 3, 5.1);

– Боковая деталь верха: обрезан верхний край, длина 14,5 см, ширина 10,3 см, прямоугольный вырез имеет тачной шов, основное соединение – выворотным швом, задний шов – тачной; три группы прорезей для оборы, по 4–6 прорезей шириной 4,5–5,0 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,5 мм (рис. 3, 5.2);

– Основная деталь верха: оборваны боковые участки основного шва, длина детали 24,5 см, ширина головки по линии подъема более 15,6 см, вторичный разрез на подъеме по продольной оси стопы; основной шов выворотный, боковые – тачные, верхний край боковины шва не имел; три группы прорезей для обор на одной стороне стопы – по 4–6 прорезей шириной 5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,5 мм, тиснение по мере (рис. 3, 5.3).

33 – НОЭ 2004, РГ-179, кв. 57, гл. +0,29 м. Набор деталей туфли для правой стопы (рис. 4, 1.1–4):

– Подошва с «хвостиком»: общая длина 28,7 см, длина без «хвостика» 24,2 см, ширина в пальцах 8,5 см, в области свода стопы 7,5 см, под пяткой 7,0 см; носок округлый, слегка приостренный, пятка с зауженным «хвостиком», сужение в области свода стопы очень слабо выражено; основной шов – тачной; кожа плотная, толщина 1,5 мм, стертость средняя, протерта под пяткой и большим пальцем (рис. 4, 1.1);

– Боковая деталь верха: длина 11,0 см, высота 13,0 см; передний шов – тачной, основной и на заднике – выворотный, верхний край шва не имел; одна пара прорезей для оборы шириной 6–7 мм; кожа КРС, плотная, жесткая (?), толщина 1,5 мм (рис. 4, 1.2);

– Дополнительная деталь верха: четырехугольная, длиной 3,7 см, высотой 6,5 см; по двум сторонам тачные швы; кожа аналогичная другим деталям верха (рис. 4, 1.3);

– Основная деталь верха: оборван небольшой участок основного шва, длина 27,2 см, ширина головки по линии подъема 21,0 см, максимальная высота до верхнего угла боковины 15,2 см; три пары прорезей для оборы шириной 7,0 мм – группируются по две пары с каждой стороны туфли; основной шов выворотный, боковой и на заднике – тачной; кожа

КРС, плотная, толщина 1,3–1,5 мм, на участке внешней стороны стопы имеется 6 дугообразных поверхностных надрезов по мерее, выполненных острым ножом, поставленным под углом 50–60 градусов к поверхности детали. А – участок стертой мерей (рис. 4, 1.4);

34 – НОЭ 2004, РГ-3816, кв. 62, гл. +0,16 м. Набор деталей туфли с «хвостиком», для левой стопы (рис. 4, 2.1–3);

– Подошва: оборван участок носка, носок скруглен, пятка вытянута и заострена, без сужения в области свода стопы; длина полная 24,0 см, длина без «хвостика» 20,5 см, ширина в пальцах около 7,2 см, в области свода стопы 6,7 см, ширина в пятке 5,7 см; основной шов – точной; кожа расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм (рис. 4, 2.1);

– Боковая деталь верха: длина 14,0 см, высота 11,8 см; основной шов выворотный, шов в прямоугольном вырезе – точной, по переднему и верхнему краям шва нет; семь прорезей для оборы размещены парами равномерно, ширина 7 мм; в верхнем переднем узлу боковины прорез длиной 2 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм (рис. 4, 2.2);

– Основная деталь верха: оборван основной шов в носке, длина 22,0 см, ширина головки по линии подъема 14,8 см, высота боковины 12,5 см; основной шов – выворотный, боковой – точной, по переднему и верхнему краю боковины шва нет; прорези для оборы парные, непараллельные друг другу, через 1,5–2,5 см, ширина 6 мм, на внешней стороне стопы 4 пары прорезей, на внутренней – одна; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 – 1,3 мм, тиснение по мерее (рис. 4, 2.3);

35 – НОЭ 2004, РГ-321, кв. 57, гл. +0,21 м. Детали верха туфли с «хвостиком», для правой стопы (рис. 4, 3.1–2);

– Основная деталь верха: обрезан верхний край боковины, длина 24,0 см, ширина головки по линии подъема 15,5 см, высота у боковины 11,7 см; основной шов – выворотный, боковые и на соединении с дополнительной деталью – точные; две пары и единственный прорезы для оборы, шириной 8 и 15 мм, расположены в передней части детали симметрично продольной оси; кожа КРС, плотная, толщина 2–2,3 мм, тиснение по мерее (рис. 4, 3.1);

– Дополнительная деталь верха: треугольная, с обрезанной стороной, размеры 6,3×5,5 см; по двум сторонам точные швы; кожа аналогичная основной детали (рис. 4, 3.2);

36 – НОЭ 2004, РГ-1, перекоп. Детали верха туфли с «хвостиком», для правой стопы (рис. 4, 4.1–3);

– Основная деталь верха: длина 24,5 см, ширина головки по линии подъема 17,5 см, высота до верха боковины 14,6 см; основной, боковые и задний швы выворотные, верхний край боковины шва не имел; прорези для оборы расположены равномерно через 8–10 мм, с прерыванием на пятке, ширина прорезей 6 мм, отмечается неаккуратность их нанесения – не выдерживается ровная линия сделанных прорезов; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 4, 4.1);

– Дополнительная деталь верха: четырехугольная, длина 9,0 см, высота 8,5 см; по двум сторонам – выворотные швы; имеет пять прорезей для оборы; кожа аналогичная основной детали (рис. 4, 4.2);

– Боковая деталь верха: длина 9,0 см, высота 13,2 см; швы по трем сторонам выворотные; имеет 6 прорезей для оборы; кожа аналогична другим деталям, оборван участок с основным швом (рис. 4, 4.3);

37 – НОЭ 2004, РГ-120, кв. 57, гл. +0,33 м. Набор деталей туфли с «хвостиком», для правой стопы (рис. 5, 1.1–4);

– Подошва: оборваны носок и два небольших участка основного шва, общая длина 25,3 см, длина без «хвостика» 19,5 см, ширина в пальцах 7,0 см, в области свода стопы 7,3 см, в пятке – около 6,0 см; пятка вытянута и плавно заострена; основной шов – точной; кожа плотная, толщина 1,2–1,5 мм, стертость средняя, равномерная (рис. 5, 1.1);

– Боковая деталь верха: оборваны небольшие участки основного шва, длина 10,5 см, высота 11,7 см; основной шов – выворотный, боковой и задний – точные, верхний край шва не имел; имеется пара прорезов для оборы, ширина 8 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм (рис. 5, 1.2);

– Дополнительная деталь верха: четырехугольная, размеры 8,3×7,4 см; точные швы по двум сторонам; кожа аналогична боковой детали верха (рис. 5, 1.3);

– Основная деталь верха: оборван основной шов в носке, длина 26,1 см, ширина головки по линии подъема 17,5 см, высота боковины 13,4 см; основной шов – выворотный, боковые и задний – точные, верхний край – без шва; имеется две пары прорезей для оборы, ширина 7–8 мм с наружной стороны стопы и одна пара – с внутренней; кожа КРС, плотная толщина 1,0 мм, тиснение по мерее (рис. 5, 1.4);

38 – НОЭ 2004, РГ-393, кв. 63, гл. +0,19 м. Набор деталей верха туфли с «хвостиком», для левой стопы (рис. 5, 2.1–3);

– Боковая деталь верха: длина 10,1 см, высота 10,7 см; основной шов – выворотный, передний и задний – точные, точной шов на участке верхнего края говорит о подшивании небольшой треугольной дополнительной детали; имеется пять прорезей для оборы, расположенных парами, ширина 3 мм; кожа КРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм, тиснение по мерее (рис. 5, 2.1);

– Дополнительная деталь верха: четырехугольная, размеры 7,8×6,0 см; по двум сторонам точные швы; возле угла, образованного краями, не имевшими швов, на мерее имеется множество беспорядочных мелких поверхностных разрывов мерее, оставленных острым предметом; кожа КРС, плотная, толщина 0,8 мм, тиснение по мерее (рис. 5, 2.2);

– Основная деталь верха: оборван основной шов по носку и пятке, длина 25,2 см, ширина головки по линии подъема 15,7 см, высота боковины 13,5 см; на уровне лодыжки имеется пять пар прорезей для

оборы, ширина 4,0–4,5 мм, 4 пары расположены на внешней стороне стопы; у переднего верхнего угла боковины сохранился фрагмент кожаной завязки в прорези, ширина завязки 2 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, тиснение по мерею; А – кожаный ремешок (рис. 5, 2.3);

39 – НОЭ 2004, РГ-328а, кв. 57, гл. +0,17 м. Основная деталь верха детской туфли с «хвостиком», для левой стопы: длина 15,1 см, ширина головки по линии подъема 11,5 см, высота боковины 9,5 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, по переднему и верхнему краям боковины шва не имелось; прорези для оборы частые и равномерные, через 4 мм, ширина 5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм (рис. 5, 3);

40 – НОЭ 2004, РГ-328б, кв. 57, гл. +0,17 м. Набор деталей детской (?) туфли с «хвостиком», для левой стопы (рис. 5, 4.1–2):

– Подошва: сохранился фрагмент средней части и пятки с «хвостиком», длина 16,3 см, ширина 3,5 см; основной шов – тачной; кожа расслоилась (рис. 5, 4.1);

– Верх: раскроен в одну деталь, оборваны носок и участок пятки, длина 25,5 см, ширина головки по линии подъема 12,2 см, высота боковины 10,1 см; основной шов – выворотный, боковые – тачные, по переднему и верхнему краям боковины шва не имелось; прорези для оборы равномерные, через 6–8 мм, ширина 3,5–4 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 5, 4.2);

41 – НОЭ 2004, РГ-368, кв. 58, гл. +0,18 м. Набор деталей туфли с «хвостиком», для правой стопы (рис. 5, 5.1–3):

– Боковая деталь верха: длина 14,3 см, высота 11,3 см; основной шов и шов на переднем вырезе – выворотные, шов на заднике – тачной; на переднем и верхнем краях шва не имелось; четыре пары прорезов для оборы, ширина 6,0–6,5 мм, расположены равномерно; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм (рис. 5, 5.1);

– Основная деталь верха: оборван участок основного шва в носке по наружной стороне стопы, длина 21,5 см, ширина головки по линии подъема 13,5 см, высота боковины 12,0 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, по переднему и верхнему краям боковины швов не имелось; семь прорезей для оборы расположены попарно равномерно по всей длине, ширина 6,5 – 7,0 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 5, 5.2);

– Подошва: оборван небольшой участок основного шва в носке, общая реконструктивная длина 23,9 см, длина без «хвостика» 20,5 см, ширина в пальцах 7,4 см, в области свода стопы 6,1 см, в пятке 5,7 см; основной шов тачной; кожа расслоилась, первоначально – тонкая (?), стертость средняя, но несколько участков в пальцах протерты полностью (рис. 5, 5.3).

42 – НОЭ 2004, РГ-150, кв. 63, гл. +0,20 м. Набор деталей туфли с «хвостиком» для правой стопы (рис. 6, 1.1–4):

– Основная деталь верха: длина 25,0 см, высота боковины 13,0 см, оборван шов на носке; три пары прорезей для оборы – две пары на внешней стороне стопы, одна – на внутренней, ширина прорезей 6 мм; без обшивки верхнего края; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм, тиснение по мерею (рис. 6, 1.1);

– Боковая деталь верха: длина 10,1 см, высота 11,7 см; одна пара прорезей для оборы; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм, тиснение по мерею (рис. 6, 1.2);

– Дополнительная деталь верха: четырехугольная, размеры 8,5×7,0 см; у переднего верхнего угла прорезь шириной 2,5 мм; тачные швы по двум сторонам; кожа КРС, плотная, толщина 1,5–1,7 мм, тиснение по мерею (рис. 6, 1.3);

– Подошва «с хвостиком»: оборван носок, длина общая 26,1 см, без «хвостика» – 20,5 см, ширина в пальцах 7,5 см, в пятке 5,8 см, форма овальная, без сужения под сводом стопы; основной шов тачной; кожа расслоившаяся, толщина 1,5 мм, стертость средняя, равномерная (рис. 6, 1.4).

43 – НОЭ 2003, РГ-246; кв. 62, гл. +0,45 м. Набор деталей мягкой туфли симметричного кроя для правой ноги (рис. 7, 1.1–3):

– Основная деталь верха: оборван участок основного шва, длина 17,0 см, ширина головки около 12,5 см, высота боковины около 8,5 см; прорези для оборы парные, шириной 0,4–0,5 см, расстояние между парами 1,2–1,5 см (всего четыре пары на одной стороне стопы); основной шов – выворотный, боковой – выворотный, верхний край – без шва; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм, тиснение по мерею (рис. 7, 1.1);

– Боковая деталь верха: длина 6,5 см, высота 6,8 см; три пары прорезей для оборы, шириной 0,4 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,5 мм (рис. 7, 1.2);

– Подошва: сохранился только фрагмент округлого носка длиной 9 см, ширина 6,0 см; основной шов – выворотный; кожа расслоилась (рис. 7, 1.3);

44 – НОЭ 2003, РГ-245; кв. 56, гл. +0,40 м. Набор деталей верха мягкой туфли симметричного кроя для правой ноги (рис. 7, 2.1–2):

– Основная деталь: длина 24,0 см, ширина головки 16,0 см, высота боковины 12,3 см; прорези для оборы одиночные регулярные, шириной 0,9–1,3 см, расстояние между ними от 1,0 до 2,5 см (всего 5 прорезей на одной стороне стопы); основной шов – выворотный, боковой – тачной, верхний край – без шва; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,5 мм, тиснение по мерею (рис. 7, 2.1);

– Боковая деталь: составная, сохранилась одна половина размерами 8,5×6,0 см; по двум сторонам – тачной шов; три прорези для оборы – одиночные, шириной 0,6 см, через 1,0–1,5 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм (рис. 7, 2.2);

45 – НОЭ 2003, РГ-280а; кв. 64, гл. +0,50 м. Деталь верха мягкой туфли: оборван значительный фрагмент детали, размеры 7,7×9,0 см; сохранилось два тачных шва, верхний край – без шва; прорезь для оборы оди-

ночная, ширина 0,9 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2–1,5 мм, тиснение по мере (рис. 7, 3);

46 – НОЭ 2003, РГ-2806; кв. 64, гл. +0,50 м. Набор деталей верха мягкой туфли симметричного края для правой ноги (рис. 7, 4.1–2):

– Основная деталь: оборваны участки основного шва в носке и в средней части стопы, длина 20,8 см, ширина головки более 14 см, высота боковины 12,3 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, верхний край – без шва; прорезы для оборы парные, шириной 0,5 см, расстояние между парами 2–2,5 см (по 4 пары с каждой стороны стопы); кожа КРС, плотная, толщина 1,0–1,2 мм (рис. 7, 4.1);

– Боковая деталь: длина 14,1 см, высота 11,8 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, верхний край – без шва; прорезы для оборы парные, шириной 0,5 см, расстояние между парами 2,0–2,5 см (всего 3 пары); кожа КРС, плотная, толщина 1,0–1,2 мм (рис. 7, 4.2);

47 – НОЭ 2003, РГ-323; кв. 56, гл. +0,40 м. Набор деталей мягкой туфли симметричного края для левой ноги (рис. 7, 5.1–3):

– Основная деталь верха: длина 21,0 см, ширина головки более 13,0 см, высота боковины 10,5 см; основной шов – выворотный, боковой и пяточный – тачной, верхний край – без шва; прорезы для оборы сгруппированы по 4 (всего 3 группы на одной стороне стопы), ширина 0,5 см, расстояние между группами 2,0 см; кожа КРС, плотная, жесткая, толщина 1,5 мм, тиснение по мере (рис. 7, 5.1);

– Боковая деталь верха: длина 11,3 см, высота 9,7 см; прорезы для оборы шириной 0,5 см – две группы по 4 и одна пара; кожа КРС, плотная, жесткая, толщина 1,5 мм, тиснение по мере (рис. 7, 5.2);

– Подошва составная с «хвостиком»: из 4-х деталей, общая длина 21,5 см, длина без «хвостика» 17,5 см; носок округлый, пятка равномерно сужающаяся и заостренная, ширина в пальцах 8,7 см, в пятке 6,1 см, без сужения в области свода стопы; основной шов тачной; кожа жесткая, толщина 1,5 мм (рис. 7, 5.3);

48 – НОЭ 2003, РГ-203; кв. 64, гл. от +0,6 м до +0,4 м.

Основная деталь верха мягкой туфли симметричного края для левой ноги: оборван верхний край боковины, длина 16,8 см, ширина головки 11,7 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной; прорезы для оборы парные, овальные и неровные, ширина 0,3–0,4 см (всего 3 прорезы); кожа КРС, плотная, толщина 2,0–2,3 мм, тиснение по мере (рис. 7, 6);

49 – НОЭ 2003, РГ-216; кв. 63, гл. +0,35 м. Основная деталь верха мягкой туфли симметричного края для левой ноги: оборван передний край на головке, длина раскройки 22,6 см, ширина головки 15,3 см, высота боковины 12,0 см; прорезы для оборы парные, одна пара – шириной 1,0 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, верхний край – без шва; кожа КРС, плотная, толщина 2,0–2,2 мм (рис. 7, 7);

50 – НОЭ 2003, РГ-228; кв. 68, гл. +0,46 м. Основная деталь верха мягкой туфли симметричного края для правой ноги: оборваны участки переднего края с основ-

ным швом, длина 19,0 см, ширина головки 15,3 см, высота боковины 12,0 см; прорезы для оборы парные, округлые и неровные, шириной 0,3–0,4 см, по две пары с каждой стороны стопы; по оси носка ряд сквозных отверстий – остатки декоративной нашивки; основной шов – выворотный, боковой – тачной, верхний край – без шва; кожа КРС, толщина 0,8–1,0 мм, заглажена (рис. 7, 8);

51 – НОЭ 2003, РГ-375; кв. 64, гл. +0,42 м. Боковая деталь верха мягкой туфли симметричного края для правой ноги: Длина 11,8 см, высота 12,3 см; основной шов – выворотный, боковой и задний – тачные, верхний край – без шва; прорезы для оборы парные, шириной 0,6 см, всего три прорезы; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, стерта в области пятки (рис. 7, 9).

52 – НОЭ 2004, РГ-151, кв. 63, гл. +0,27 м. Поршень с прокладкой (рис. 8, 1.1–2):

– Раскройка поршня: протерта и распалась на две половины, реконструирована, длина 27,5 см, ширина в средней части – около 18,5 см; в носке и пятке по краям тачные и выворотные швы, по длинным сторонам прорезы для оборы, равномерно расположенные парные, ширина 7,0 мм, сохранилась кожаная обора длиной около 27 см шириной 3,5 мм; кожа КРС, толщина 1,5 мм, мездриной слой рыхлый, плохо выскоблен, дубление не глубокое (рис. 8, 1.1);

– Прокладка: вторичный раскрой детали (?), вытянутая, неправильной формы, размеры 15,7×6,5 см, по узким сторонам сохранились участки тачного и выворотного шва; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм (рис. 8, 1.2);

53 – НОЭ 2004, РГ-152, кв. 63, гл. +0,27 м. Набор деталей туфли для правой стопы (рис. 8, 2.1–2):

– Деталь верха: одночастный симметричный край, оборван шов по носку, длина раскройки 26,7 см, ширина максимальная 20,0 см, длина носка 8,8 см, высота боковин около 5 см; основной шов выворотный, боковой шов – тачной, по верхнему краю – обметочный шов «через край»; три пары прорезей для оборы, ширина 5 мм, две пары – с наружной стороны стопы, одна – с внутренней, также имеется две широких вертикальных прорезы (2,5–2,7 см) на внутренней стороне стопы; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2 мм (рис. 8, 2.1);

– Подошва: локальные обрывы по краям, длина 22,5 см, ширина в пальцах 8,4 см, в области свода стопы 6,7 см, в пятке – 6,0 см; основной шов тачной; кожа расслоилась, толщина не менее 1 мм, стертость средняя, протерта под пяткой (рис. 8, 2.2);

54 – НОЭ 2004, РГ-329, кв. 57, гл. +0,17 м. Подошва с «хвостиком»: конец «хвостика» отсутствует, длина полная 23,8 см, длина без «хвостика» 22,5 см, ширина в пальцах 9,3 см, в пятке около 6,4 см; нос округлый, без сужения в области свода стопы; основной шов тачной; кожа плотная, жесткая, толщина 2,0–2,2 мм, под пальцами и пяткой протерта, под пятку была наложена заплатка (рис. 8, 3);

55 – НОЭ 2004, РГ-413, кв. 63, гл. +0,13 м. Основная деталь верха туфли для правой стопы: частично оборван основной шов в носке и на внешней стороне стопы,

а также обрезан верх боковины, длина 27,5 см, максимальная ширина 20,3 см, ширина головки по линии подъема 19,5 см, сохранившаяся высота боковины 8 см; на подъеме два прореза для оборы, расположенные симметрично продольной оси, на боковой стороне – две группы прорезей для оборы, ширина прорезей 8–9 мм; основной шов и шов на заднике – выворотные, боковой – точной; следы перешивания подошвы сохраняются на основном шве, где во вторичных отверстиях (ремонт подошвы?) остались обрывки кожаного ремешка (ширина 2,5–3 мм), заменявшего нити; кожа плотная, толщина 2,0 мм, тиснение по мерее (рис. 8, 4);

56 – НОЭ 2004, РГ-415, кв. 63, гл. +0,09 м. Боковая деталь верха туфли для левой (?) стопы: небольшие обрывы краев, длина 13,5 см, высота 14,5 см; основной шов – выворотный, боковой и на заднике – точные, верхний край без шва; три прорези для оборы, две парные, ширина 8 мм; кожа КРС, жесткая, расслоилась, толщина 1,3–1,5 мм (рис. 8, 5);

57 – НОЭ 2004, РГ-176, кв. 57, гл. +0,32 м. Два фрагмента деталей верха туфли, для левой (?) ноги (рис. 8, 6.1–2):

– Основная деталь: сохранилась задняя половина, длина 10,2 см, высота боковины 8,8 см; основной шов выворотный, по верхнему краю шва не имелось; прорези для оборы равномерные, через 5 мм, ширина 3 мм; кожа КРС (?), плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 8, 6.1);

– Боковая деталь: обрезан передний край, длина 9,2 см, высота 8,5 см; в остальном – аналогична основной детали (рис. 8, 6.2);

58 – НОЭ 2004, РГ-408, кв. 63, гл. +0,15 м. Деталь верха туфли: края вторично обрезаны и оборваны, от первоначального раскроя сохранился небольшой участок с точным швом длиной 4,5 см; имеется сквозной шов с короткими стежками небольшими отверстиями для нитей; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, тиснение по мерее (рис. 8, 7).

59 – НОЭ 2004, РГ-424а, кв. 64, гл. +0,15 м. Обрезок головной части детали верха туфли: сохранилось менее 50% площади детали, размеры 16,5×12,2 см; основной шов – выворотный, боковой – точной; кожа КРС, расслоилась, тиснение по мерее? (рис. 9, 1);

60 – НОЭ 2004, РГ-334а, кв. 58, гл. +0,23 м. Фрагмент детали верха туфли: сохранилась часть боковины, размеры 19,5×4,5 см; по верхнему краю идет шов «через край» и точной, указывающие на существование обшивки края и на пришивание дополнительной небольшой детали; прорези для оборы регулярные, через 8–9 мм, шириной около 5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 0,8 мм (рис. 9, 2);

61 – НОЭ 2004, РГ-263, кв. 69, гл. +0,33 м. Набор деталей туфли (рис. 9, 3.1–3):

– Подошва: оборваны края со швом в носке, пятке, в области свода стопы, длина детали 18,0 см, ширина в пальцах – около 8,1 см, в области свода стопы – около 6,7 см, в пятке – около 6 см; основной шов – выворотный (?); носок, видимо, был округлым, форма пятки не устанавливается; кожа расслоилась (рис. 9, 3.1);

– Боковая деталь верха: четырехугольная, размеры 12,5×11,0 см, оборван небольшой участок шва; выворотный шов присутствует на боковых и нижнем крае детали, верхний край шва не имел; 6 прорезей для оборы нерегулярно расположены, их ширина 6,0–6,5 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм (рис. 9, 3.2);

– Обрывок головной части верха туфли: сохранились небольшие отрезки основного и бокового швов, часть детали вторично обрезана, сохранились две прорези для оборы (ширина 8–9 мм) на подъеме; кожа КРС, расслоилась, тиснение по мерее (рис. 9, 3.3);

62 – НОЭ 2004, РГ-182, кв. 57, гл. +0,28 м. Головная часть верха туфли: вторичный разрез охватил середину головки и боковую сторону, размеры детали 19,5×10,5 см; основной шов – выворотный со сквозными отверстиями, перешивался; боковые швы – точные; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, тиснение по мерее (рис. 9, 4);

63 – НОЭ 2004, РГ-3846, кв. 62, гл. +0,12 м. Головка сапога: оборван край с основным швом, длина 16,8 см, ширина максимальная 18,1 см, ширина на подъеме 13,6 см; основной шов и шов на подъеме – выворотные, боковые – точные; кожа КРС, плотная, жесткая, толщина 1,2–1,5 мм (рис. 9, 5);

64 – НОЭ 2004, РГ-405, кв. 63, гл. +0,15 м. Боковая деталь верха туфли: обрезан верхний край, длина 11,5 см, высота 7,3 см; основной шов – выворотный, боковой шов – точной; по переднему краю следы перешивания (ремонта?); кожа КРС, плотная, толщина 1,5–1,6 мм, тиснение по мерее (рис. 9, 6);

65 – НОЭ 2004, РГ-55а, кв. 56, гл. +0,36 м. Головная часть детали верха туфли: оборван участок основного шва в носке, длина 11,0 см, ширина 11,5 см, швы боковой и на подъеме – точные, основной – выворотный со сквозными отверстиями; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 9, 7);

66 – НОЭ 2004, РГ-556, кв. 56, гл. +0,36 м. Обрезок детали верха туфли: боковая часть верха, размеры 11,0×7,3 см, регулярные узкие прорезы для оборы – ширина 2,5 мм, по боковой стороне – сквозные отверстия выворотного шва, верхний край – без шва; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 9, 8);

67 – НОЭ 2004, РГ-55в, кв. 56, гл. +0,36 м. Деталь верха обуви: оборван нижний край, размеры 9,7×5,0 см, боковой шов – точной, верхний край – без шва; кожа КРС, аналогична деталям № 7 и 8 и составляет, видимо, единую конструкцию (рис. 9, 9);

68 – НОЭ 2004, РГ-214, кв. 64, гл. +0,39 м. Часть верха детской (?) туфли для правой ноги: сохранилась головка и часть боковины, размеры 15,4×9,2 см; швы – основной и на подъеме – выворотные со сквозными отверстиями, с короткими стежками, прорези для оборы регулярные, через 7–8 мм, ширина 4,5–5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 9, 10);

69 – НОЭ 2004, РГ-427а, кв. 64, гл. +0,12 м. Подошва с частично оборванной пяткой: длина 24,5 см, ширина: в пальцах – 8,0 см, в области свода стопы 6,7 см, в пятке – около 6,0 см; носок зауженный, пятка округлая, без су-

жения под сводом стопы; основной шов – тачной; кожа плотная, толщина 1,2–1,3 мм, стертость средняя, протерта под первыми фалангами пальцев (рис. 9, 11);

70 – НОЭ 2004, РГ-191, кв. 58, гл. +0,34 м. Боковая деталь верха туфли: оборван нижний (основной) шов и частично обрезан верхний край, размеры 11,0×9,7 см, боковые швы – тачные, верхний край – без шва; у верхних краев два прореза для завязок – шириной 4 мм и 8 мм (второй – растянут); кожа КРС, расслоилась, тиснение по мерее (рис. 9, 12);

71 – НОЭ 2004, РГ-312, кв. 57, гл. +0,29 м. Фрагмент головной части верха туфли: размеры 16,7×12,5 см, передний и боковой швы оборваны, сохранился участок основного шва длиной 10 см – шов выворотный со сквозными отверстиями – отверстия мелкие (0,8–1,0 мм), стежки короткие (3,0 мм), шов на подъеме обрезан; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, тиснение по мерее (рис. 9, 13);

72 – НОЭ 2004, РГ-123, кв. 57, гл. +0,31 м. Фрагмент детали верха туфли: обрезаны швы по трем сторонам, размеры 16,0×14,6 см; частично сохранился тачной шов на переднем крае боковины; пара прорезей для оборы, ширина 8 мм, а также три прорези вторичных; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, тиснение по мерее (рис. 9, 14);

73 – НОЭ 2004, РГ-398, кв. 63, гл. +0,17 м. Деталь верха туфли: нижний край оборван; на боковых сторонах – сквозные отверстия выворотных швов, верхний край без обшивки; в верхнем переднем углу – овальное отверстие для кожаной завязки, растянуто при эксплуатации; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 9, 15).

74 – НОЭ 2004, РГ-323, кв. 57, гл. +0,19 м. Деталь верха туфли с «хвостиком» для правой стопы: однодетальный крой верха, длина 34 см, ширина головки по линии подъема 17,5 см, высота боковины 14,5 см; основной шов – выворотный, боковые – тачные, передний и верхний края боковины шва не имели; прорези для оборы равномерно расположены через 1,0–1,2 см, ширина 5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм, тиснение по мерее (рис. 10, 1);

75 – НОЭ 2004, РГ-359, кв. 57, гл. +0,10 м. Деталь верха туфли: однодетальный раскрой верха, оборваны головка и край с основным швом, длина 31,4 см, сохранившаяся высота 11,5 см; боковые швы тачные, по верхнему краю шва не имелось; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, тиснение по мерее (рис. 10, 2);

76 – НОЭ 2004, РГ-401а, кв. 63, гл. +0,17 м. Набор деталей туфли с «хвостиком» (?), для правой стопы (рис. 10, 3.1–2):

– Боковая деталь верха: оборван нижний край с основным швом, длина 14,5 см, высота 11,1 см; шов на заднике – тачной, передний и верхний края шва не имели; сохранилось семь прорезей для оборы, расположенные парами равномерно по всей длине, ширина 8–9 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, тиснение по мерее (рис. 10, 3.1);

– Подошва: мелкий обрезок средней части подошвы, основной шов – тачной; кожа жесткая, толщина 1,5 мм (рис. 10, 3.2);

77 – НОЭ 2004, РГ-109, перекоп. Основная деталь верха туфли с «хвостиком», для левой стопы: оборваны участки основного шва, длина 22,4 см, ширина головки по линии подъема – около 17 см, высота боковины – около 13 см; основной и боковой швы – выворотные, верхний край боковины шва не имел; две прорези для оборы на подъеме, симметрично расположенные, ширина 6,5–7 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 10, 4);

78 – НОЭ 2004, РГ-401б, кв. 63, гл. +0,17 м. Набор деталей туфли с «хвостиком», для правой стопы (рис. 10, 5.1–2):

– Основная деталь верха: оборвана боковина и задник, длина 18,7 см, ширина головки по линии подъема 12,8 см, высота боковины 9,5 см; основной и боковой швы – выворотные, верхний край без шва; сохранилось два прореза для оборы, ширина 5,0–6,0 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,1–1,2 мм (рис. 10, 5.1);

– Подошва: Оборван носок и пятка, длина 15,7 см, ширина максимальная 6,2 см; основной шов – тачной; кожа расслоилась (рис. 10, 5.2);

79 – НОЭ 2004, РГ-351, кв. 64, гл. +0,20 м. Основная деталь верха туфли с «хвостиком», для левой ноги: основной шов оборван, обрезаны верхний край боковины и боковой шов головной части, длина 27,5 см, ширина головки по линии подъема более 18,0 см, высота боковины более 12,0 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной; две пары прорезей для оборы, ширина 8 мм; кожа КРС, расслоилась, тиснение по мерее (рис. 10, 6);

80 – НОЭ 2004, РГ-365, кв. 58, гл. от +0,2 м до 0. Основная деталь верха туфли с «хвостиком», для правой стопы: оборван основной шов в носке и пятке, оборван передний край боковины, длина 18,0 см, ширина головки по линии подъема не менее 11,5 см, высота боковины около 9,5 см; основной шов – выворотный, боковой и на заднике – тачной, верхний край – без шва; прорези для оборы равномерные по всей длине через 5–6 мм, ширина 3 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм, имеется поверхностный порез мерее на внешней стороне стопы; А – порез мерее (рис. 10, 7);

81 – НОЭ 2004, РГ-397, кв. 63, гл. +0,18 м. Набор деталей верха туфли для левой стопы (рис. 10, 8.1–2):

– Боковая деталь верха: верхняя половина обрезана, длина 12,1 см, высота фрагмента 5,2 см; сохранившиеся швы – выворотные; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, тиснение по мерее (рис. 10, 8.1);

– Основная деталь верха: обобрана значительная часть основного шва, обрезан верхний край боковины, длина 24,5 см, ширина головки по линии подъема не менее 18 см, высота боковины более 9 см; две симметрично расположенные прорези для оборы на подъеме, ширина 8 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,3–1,5 мм, тиснение по мерее (рис. 10, 8.2).

82 – НОЭ 2004, РГ-76, кв. 57, гл. +0,35 м. Набор деталей «комнатной туфли» (рис. 11, 1.1–2):

– Головка: оборваны участки основного шва, обрезан край на подъеме, длина 21 см, ширина 24,5 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной;

кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, тиснение по мерее, стертость подошвенной зоны средняя (рис. 11, 1.1);

– Задник: оборван участок основного шва, обрван верхний край, ширина 22,7 см, высота 11,0 см; все швы выворотные; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,5 мм, тиснение по мерее (рис. 11, 1.2);

83 – НОЭ 2004, РГ-178, кв. 57, гл. +0,30 м. Набор деталей «комнатной туфли» (рис. 11, 2.1–2):

– Головка: оборван значительный край основного шва, длина не менее 18 см, ширина максимальная 25,0 см, ширина на подъеме 13,1 см; все швы – выворотные; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм, тиснение по мерее, выраженная стертость подошвенной зоны (рис. 11, 2.1);

– Задник: оборван край основного шва, ширина в основании 20,0 см, ширина по верху 15,3 см, высота 11,7 см; имеется четыре пары прорезей для оборы, равномерно расположенные, ширина 5,0–5,5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,1–1,2 мм, тиснение по мерее, выраженная стертость пяточной зоны (рис. 11, 2.2);

84 – НОЭ 2004, РГ-128, кв. 57, гл. +0,31 м. Головка «комнатной туфли»: локальные потертости подошвенной зоны, длина 17,2 см, ширина максимальная 24,8 см, ширина на подъеме 14,0 см; все швы – выворотные; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,1 мм, тиснение по мерее, выраженная стертость подошвенной зоны (рис. 11, 3);

85 – НОЭ 2004, РГ-122, кв. 57, гл. +0,31 м. Задник «комнатной туфли»: оборван край основного шва в зоне пятки, ширина по основанию 19,5 см, по верху 16,1 см, высота 11,3 см; основной шов – выворотный, боковые – тачные; в области пятки вырез со сквозными отверстиями шва, сделанного при нашивании заплат; пять пар прорезей для оборы расположены относительно равномерно, ширина 5,0–5,5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 11, 4);

86 – НОЭ 2004, РГ-215, кв. 64, гл. +0,37 м. Детали верха детской туфли для левой стопы (рис. 11, 5.1–2):

– Основная деталь верха: раскрой в одну деталь, оборван участок основного шва под пяткой, длина 22,0 см, ширина головки по линии подъема не менее 9,5 см, высота боковины не менее 9,2 см; основной и боковой швы – выворотные, шов на заднике – тачной, на верхнем крае боковины – обметочный шов «через край»; прорези для оборы сгруппированы по 4-е и равномерно расположены по всей длине, ширина 5,5–6,0 мм; по оси носка декоративная одинарная строчка; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 11, 5.1);

– Дополнительная деталь верха: двояковыпуклый сегмент, размеры 7,5×3,2 см; по всему краю – выворотный шов; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм (рис. 11, 5.2);

87 – НОЭ 2004, РГ-370, кв. 58, гл. +0,16 м. Набор деталей туфли для левой стопы (рис. 11, 6.1–3):

– Основная деталь верха: оборван край основного шва в носке и пятке, длина 32,5 см, ширина по линии подъема не менее 16,5 см, высота боковины не

менее 10,5 см; основной шов – выворотный, боковой и на заднике – тачные, шов по верху боковины – обметочный «через край»; две прорези для завязок, растянуты при эксплуатации; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2 мм; сохранилась обшивка верхнего края – два фрагмента общей длиной 27 см, шириной 3,5–4 мм, из кожи толщиной 0,8 мм (рис. 11, 6.1);

– Дополнительная деталь верха: вытянутая узкая, треугольная, размеры 10,5×1,5 см; по всем краям – обметочный шов «через край»; кожа аналогична основной детали верха (рис. 11, 6.2);

– Подошва: двучастная, носок отсутствует, оборван участок шва на пятке, длина 15,9 см, ширина в пальцах 8,6 см, в пятке 5,9 см; основной шов – выворотный; кожа расслоилась, стертость средняя, под пяткой несколько параллельных прорезов – вторичные (рис. 11, 6.3).

88–89 – Две детали верха мягкой туфли асимметричного кроя для левой ноги (рис. 12, 1.1–2).

88 – НОЭ 2003, РГ-278; кв. 64, гл. от +0,6 м до +0,4 м. Основная деталь верха туфли асимметричного кроя для левой ноги: вырезана вся середина головки, длина раскройки 36 см, ширина головки 14,8 см, высота в пятке 7,5 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, по верхнему краю боковины – «через край»; прорезы для оборы шириной 0,6–0,7 см регулярные, через 0,4 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2 мм (рис. 12, 1.1);

89 – НОЭ 2003, РГ-375; кв. 64, гл. +0,42 м. Дополнительная деталь: швиная, неправильной формы, один край оборван; вырезы для оборы равномерные через 0,4 см, ширина 0,5–0,6 см; по одной стороне – тачной шов, по другой – шов «через край»; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, тиснение по мерее (рис. 12, 1.2);

90 – НОЭ 2003, РГ-281; кв. 64, гл. +0,48 м. Основная деталь верха мягкой туфли асимметричного кроя для правой ноги: оборван значительный участок нижнего края с основным швом, длина раскройки 42,0 см, ширина головки 17,4 см, высота боковины 13,1 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, по верхнему краю – обметочный шов «через край»; прорези для оборы парные, ширина 0,5 см, по две пары с каждой стороны стопы; случайный (?) прорез на воротнике; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм, тиснение по мерее (рис. 12, 2);

91 – НОЭ 2003, РГ-309; кв. 58, гл. +0,48 м. Две детали верха мягкой туфли симметричного кроя для левой ноги (рис. 12, 3.1–2):

– Основная деталь: оборван передний край, длина раскройки 31,5 см, ширина 20,3 см; основной шов выворотный, имеет участок с подшитым краем (тачной шов); боковые швы – тачные, по верхнему краю – обметочный «через край»; прорези для оборы парные, шириной 0,5–0,6 см, расстояние между парами 2,5–3 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,5 мм, тиснение по мерее; сохранилась часть обшивки верхнего края длиной 25 см и шириной 0,5 см (рис. 12, 3.1);

– Дополнительная деталь: четырехугольная, размеры 5,8×6,5 см; по двум сторонам тачные швы, по двум – швы «через край»; три прорезы для обор – парная и одиночная, ширина прорезей 0,6 см; кожа КРС, плотная 1,3–1,5 мм, тиснение по мерее (рис. 12, 3.2);

92 – НОЭ 2003, РГ-339; кв. 56, гл. +0,46 м. Две детали верха мягкой туфли асимметричного кроя для левой ноги (рис. 12, 4.1–2):

– Основная деталь, обрыв переднего края в носке и у бокового шва; длина раскройки 25,8 см, ширина головки 13,5 см, высота боковины 10,5 см; вырез нижнего края в области пятки; основной шов выворотный, боковой – тачной, по верхнему краю – обметочный «через край»; прорезы для обор парные, шириной 0,8–0,9 см, кроме них на отвороте имеются два наклонных прореза длиной 0,7 см; в области пятки имеется вторичный вертикальный прорез зашитый изнутри; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 12, 4.1);

– Дополнительная деталь: четырехугольная, с оборванным краем, размеры 4,0×2,3 см; по трем сторонам потайные швы «через край»; параллельно длинной стороне прорез 0,8 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм (рис. 12, 4.2);

93 – НОЭ 2003, РГ-223; кв. 64, гл. +0,50 м. Основная деталь верха асимметричного кроя для правой ноги: оборвана передняя половина головной части детали, длина 39,4 см, ширина головки не менее 13 см, высота боковины 8,1 см; основной шов – выворотный, верхний шов – «через край», боковые швы – тачные; прорезы для оборы шириной 4,5–5 мм, парные, по 2 пары на каждой стороне стопы; край на подъеме имеет широкий вырез; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм, тиснение по мерее (рис. 12, 5);

94 – НОЭ 2003, РГ-244; кв. 56, гл. +0,43 м. Две детали верха мягкой туфли асимметричного кроя для правой ноги (рис. 12, 6.1–2):

– Основная деталь: оборван участок основного шва у пятки, обрез верхнего угла отворота, длина раскройки 21,0 см, ширина головки 11,7 см, высота боковины 8,3 см; в области пятки – вырез для «хвостика» на подошве; основной и боковой швы – сквозные выворотные, очень мелкие (до 0,4 мм), длина стежков 1,5–2,0 мм, по краю отворота – шов «через край», очень мелкие отверстия, стежки 1,5–2,0 мм; прорезы для обор шириной 0,3–0,4 см, составляют группы из 2-х и 4-х близко расположенных прорезов, расстояние между группами около 2 см; кожа КРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 12, 6.1);

– Дополнительная деталь: двояковыпуклой формы, острый край оборван, размеры 6,7×3,5 см; по всем сторонам сквозные выворотные швы с очень мелкими отверстиями (0,4 мм) и короткими стежками; кожа толщиной 0,8 мм (рис. 12, 6.2).

95 – НОЭ 2002, РГ-262, кв. 58, гл. +0,27 м. Набор деталей мягкой туфли симметричного кроя для правой ноги (рис. 13, 1.1–6):

– Основная деталь верха: размеры раскройки 26×37 см, иследи небольшие участки на пятке; верх-

ний и задний швы – выворотные, отверстия квадратные, размеры 0,6 мм, длина стежка 2–3 мм; основной шов на оси подошвы – отверстия каплевидные, размеры 1,2 мм, длина стежка 6,0 мм, выполнен одной нитью – шов «змейка»; на внутренней стороне – несквозной шов «змейка» в одну нить; кожа МРС, толщина 0,8–1,0 мм, стертость слабая, поверхность мерее черная, с бахтармы – коричневая (рис. 13, 1.1);

– Четыре внутренние детали: парные, включают носок и основную часть, длина пары 28,5 см, ширина 10,0 см; носок и основная части сшиты между собой «через край»; кожа МРС, толщина 0,8–1,0 мм, стертость слабая (рис. 13, 1.2–3);

– Внутренние прокладки: две парные детали, вытянутые четырехугольные, размеры 14–14,5×3–4,3 см; без швов; кожа КРС, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 13, 1.4–5);

– Расположение деталей в конструкции in situ (рис. 13, 1.6);

96 – НОЭ 2002, РГ-254, кв. 58, гл. +0,33 м. Набор деталей мягкой туфли асимметричного кроя для левой ноги (рис. 13, 2.1–3):

– Основная деталь верха: длина 35,5 см, ширина головки 13,2 см, высота боковины 10,5 см; на подъеме с внутренней стороны отпечаток бересты, по верхнему краю отворота – отверстия шва «через край»; прорезы для оборы шириной 0,7 см размещены группами по 4 и 8 прорезей, расстояние между прорезями 0,3 см, между группами 1,5–4 см; кожа МРС, неполное расслоение, толщина 0,8–1,0 мм, поверхности черного цвета. Дополнительная деталь верха: четырехугольная, размеры 4,8×2,6 см; по двум сторонам тачные швы, по двум – шов «через край»; кожа аналогичная основной детали; А – береста с внутренней стороны (рис. 13, 2.1);

– Обшивка верхнего края отворота (воротника): сохранилось два фрагмента общей длиной 21 см, ширина в сложенном виде 0,5 см; кожа МРС, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 13, 2.2);

– Подошва с округлым носком и пяткой: длина 23,0 см, ширина в пальцах 9,2 см, в пятке – 6,3 см, без сужения под сводом стопы; основной шов выворотный (частично – тачной); стертость средняя, равномерная по всей поверхности, под пяткой – вторичный вырез; кожа толщиной 0,8–1,0 мм (рис. 13, 2.3).

97 – НОЭ 1994, РГ-366, кв. 8, коричневый слой под настилом постройки в черном слое. Набор деталей мягкой туфли с одночастным кроем верха, для левой ноги (рис. 14, 1.1–2):

– Одночастный верх: общая длина раскройки 55,3 см, высота 17,5 см, по нижнему краю в области пятки треугольный вырез высотой 2,0 см; шов по оси носка выполнен одной нитью (металлической?) – так называемый «шов змейка», основной шов – выворотный; на подъеме ряд продольных и поперечных прорезов шириной 0,7–1,3 см для кожаного ремня; вторичный прорез на верхнем крае – сшит железной проволокой, прорез на пятке – со швом «через край»; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм (рис. 14, 1.1);

– Подошва: имеет округлые носок и пятку, выраженная асимметрия раскройки, длина 28,0 см, ширина в пальцах 12,8 см, в пятке – 8,3 см, без сужения в области свода стопы; основной шов выполнен железной проволокой; на внутренней стороне подошвы сохранился участок под пальцами с отпечатком ткани; кожа расслоилась, толщина 1,0, стертость средняя, полностью протерта на пятке (рис. 14, 1.2).
98 – НОЭ 2003, РГ-285; кв. 64, гл. +0,45 м. Набор деталей верха мягкой туфли симметричного кроя для правой ноги (рис. 15, 1.1–2):

– Основная деталь: вторичный вырез в передней части, длина раскройки 27,8 см, ширина 19,2 см; основной шов – выворотный, боковой и задний – тачные, по верхнему краю – потайной обметочный «через край»; вырезы для оборы парные, сгруппированы по 6, ширина 0,4 см, расстояние между парами 0,8 см; декор – двойной ряд сквозных отверстий по оси носка; кожа КРС, расслоилась (рис. 15, 1.1);

– Дополнительная деталь: четырехугольная, размеры 5,7×3,7 см; по двум сторонам выворотные швы, по двум другим – потайные обметочные «через край»; две пары прорезей для оборы; кожа КРС, расслоилась (рис. 15, 1.2);

99 – НОЭ 2003, РГ-343; кв. 62, гл. +0,43 м. Набор деталей верха мягкой туфли симметричного кроя для левой ноги (рис. 15, 2.1–2):

– Основная деталь: незначительные обрывы основного шва, длина 17,1 см, ширина раскройки 13,5 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, по верхнему краю – обметочный «через край»; вырезы для оборы одинарные, равномерные через 1,5–3,5 см (по четыре на каждой стороне стопы); декор – расшивка по оси носка (четыре диагональных прокола в каждом ряду) и по три расшитых треугольника симметрично оси; кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 15, 2.1);

– Задник: оборван основной шов, ширина более 13,0 см, высота более 5,5 см; у боковых сторон по одной прорези для оборы шириной 0,5 см; боковые швы – тачные, верхний – потайной обметочный «через край»; кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 15, 2.2);

100 – НОЭ 2003, РГ-282; кв. 64, гл. +0,48 м. Основная деталь верха мягкой туфли симметричного кроя для правой ноги: оборван носок и боковая часть с основным швом, длина фрагмента 23,8 см, высота более 14,0 см; боковой шов – выворотный, на заднике – тачной, верхний край – без шва; прорези для оборы сгруппированы по 4-е и одна одинарная, ширина 0,7 см, расстояние между группами 3,5 см; кожа МРС, расслоилась (рис. 15, 3);

101 – НОЭ 2003, РГ-206а; кв. 56, гл. +0,53 м. Боковая деталь верха мягкой туфли симметричного кроя: оборван нижний край, обрезан верхний угол, длина детали 11,8 см, высота 12,5 см; основной шов – выворотный, боковые – тачные; вырезы для оборы равномерные, шириной 0,5 см, через 0,5–0,8 см, два выреза имеют большую ширину – 1,0 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,4 мм, тиснение по мерее (рис. 15, 4);

102 – НОЭ 2003, РГ-207а; кв. 56, гл. +0,49 м. Фрагмент детали верха мягкой обуви: два края обрезаны, размеры 5,9×5,3 см; по двум сторонам тачные швы; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 15, 5);

103 – НОЭ 2003, РГ-207б; кв. 56, гл. +0,49 м. Фрагмент детали верха мягкой обуви: край детали оборван, размеры 10,3×9,2 см; сохранились края с выворотным и тачным швами; кожа КРС, расслоилась (рис. 15, 6);

104 – НОЭ 2003, РГ-206б; кв. 56, гл. +0,53 м. Фрагмент основной детали верха мягкой туфли симметричного кроя для правой ноги: сохранилась задняя половина длиной 15,0 см и высотой 11,7 см; на пятке – тачной шов, верхний край – без шва; прорези для оборы равномерные регулярные, шириной 0,7–0,8 см, через 0,5–0,8 см; кожа КРС, расслоилась (рис. 15, 7);

105 – НОЭ 2003, РГ-289; кв. 57, гл. +0,42 м. Задник «комнатной туфли»: оборван край с основным швом, ширина раскройки 26,0 см, высота 11,0 см; боковые стороны наклонные, верхний край горизонтальный, с едва намеченным мыском; швы по всем сторонам выворотные; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм (рис. 15, 8);

106 – НОЭ 2003, РГ-212; кв. 63, гл. +0,47 м. Фрагмент задника сапога: сохранилась половина детали размером 10,5×9,5 см; основной шов – выворотный, боковой и верхний – тачные; кожа КРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм, тиснение по мерее (рис. 15, 9);

107 – НОЭ 2003, РГ-210; кв. 62, гл. +0,47 м. Фрагмент основной детали верха мягкой туфли для правой ноги: сохранилась средняя часть детали размером 7,2×7,0 см; основной шов – выворотный, боковой – тачной, по верхнему краю – потайной обметочный «через край»; прорези для оборы парные шириной 0,5 см (одна пара); кожа КРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 15, 10);

108 – НОЭ 2003, РГ-259а; кв. 64, гл. +0,41 м. Боковая деталь верха мягкой туфли: обрезаны верхний и нижний края, большой вырез в середине детали; длина 9,8 см, высота 12,2 см; по переднему краю тачной шов, по заднему – выворотный; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм (рис. 15, 11);

109 – НОЭ 2003, РГ-259б; кв. 64, гл. +0,41 м. Дополнительная деталь верха мягкой туфли: неправильной трапециевидной формы, размеры 7,5×5,3 см; по двум сторонам тачные швы; парная прорезь для оборы, ширина 0,5 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм, поверхность затерта (рис. 15, 12);

110 – НОЭ 2003, РГ-340; кв. 56, гл. +0,42 м. Фрагмент детали верха мягкой туфли: часть детали оборвана, размеры фрагмента 9,0×6,5 см; по трем сторонам тачные швы, на одной – совмещается с выворотным; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм (рис. 15, 13);

111 – НОЭ 2003, РГ-218; кв. 64, гл. +0,56 м. Обрезок детали верха мягкой обуви: размеры 14,1×4,0 см; по одной стороне – тачной шов; кожа КРС, плотная, толщина 2,0–2,2 мм (рис. 15, 14);

112 – НОЭ 2003, РГ-338; кв. 56, гл. +0,54 м. Деталь верха мягкой туфли: оборван основной шов, размеры 12,5×8,1 см; боковые швы – тачные и выворотный, верхний край – без шва; прорези для оборы одинарные, рав-

номерно расположены, ширина 0,5 см; кожа КРС, расслоилась (рис. 15, 15);

113 – НОЭ 2003, РГ-276; кв. 62, гл. +0,40 м. Деталь верха мягкой туфли: оборвана часть нижнего края со швом, размеры 12,7×10,0 см; боковые швы тачные, основной – выворотный, верхний край – без шва; кожа КРС, расслоилась (рис. 15, 16);

114 – НОЭ 2003, РГ-208; кв. 62, гл. +0,50 м. Дополнительная деталь верха мягкой туфли: треугольная, размеры 4,8×4,8 см; по трем сторонам потайные обметочные швы «через край», на одной – он совмещается со сквозным швом; кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 15, 17).

115 – НОЭ 2003, РГ-258; кв. 64, гл. +0,60 м. Набор деталей мягкой обуви для левой ноги, неполный (рис. 16, 1.1–2):

– Подошва: носок округлый, пятка оборвана, длина 18,1 см, ширина в пальцах 7,4 см, в пятке – 5,4 см, без сужения в области свода стопы; основной шов – тачной; кожа плотная, толщина 1,2 мм, износ сильный, протерта под первыми фалангами пальцев (рис. 16, 1.1);

– Верх: небольшой обрезок с основным швом, размеры 14,3×3,5 см; основной шов – выворотный, длина стежков 2,5 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм (рис. 16, 1.2);

116 – НОЭ 2003, РГ-225а; кв. 64, гл. +0,47 м. Деталь верха мягкой обуви: одна сторона оборвана, размеры фрагмента 13,3×9,8 см; по двум сторонам швы – сквозной и тачной; кожа КРС, расслоилась, тиснение по мере (рис. 16, 2);

117 – НОЭ 2003, РГ-225б; кв. 64, гл. +0,47 м. Подошва мягкой обуви для правой ноги: носок и пятка округлые, длина 20,1 см, ширина в пальцах 7,4 см, в пятке – 5,8 см, без сужения в области свода стопы; основной шов – выворотный; кожа расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм, стертость средняя обширная (рис. 16, 3);

118 – НОЭ 2003, РГ-214; кв. 63, гл. +0,41 м. Подошва с «хвостиком» для мягкой туфли: стерта вся подошвенная часть, оборван носок, длина фрагмента 22,0 см, без «хвостика» – 16,0 см, ширина – не менее 7,5 см; основной шов – выворотный; кожа расслоилась, толщина 1,4 мм (рис. 16, 4);

119 – НОЭ 2003, РГ-206в; кв. 56, гл. +0,53 м. Подошва с «хвостиком» для мягкой туфли: оборван носок, длина 23,8 см, без «хвостика» – 19,5 см; ширина в передней части 7,1 см, в пятке – 6,4 см, без сужения в области свода стопы; основной шов – выворотный; кожа расслоилась, стертость сильная (рис. 16, 5);

120 – НОЭ 2003, РГ-294; кв. 64, гл. +0,37 м. Подошва мягкой обуви: оборван носок, протерт край пятки, длина фрагмента 17,0 см, ширина в передней части 7,3 см, в пятке – 7,0 см, нет сужения в области свода стопы; основной шов – выворотный; кожа расслоилась, толщина 1,0–1,2 мм, стертость средняя (рис. 16, 6);

121 – НОЭ 2003, РГ-249; кв. 64, гл. +0,52 м. Подметка: для передней части подошвы, длина 12,7 см, ширина 10,3 см; по боковым сторонам – ряд мелких парных отверстий шва, по задней стороне – крупные регулярные отверстия; кожа расслоилась (рис. 16, 7);

122 – НОЭ 2003, РГ-277; кв. 64, гл. от +0,6 м до +0,4 м. Пятка подошвы мягкой обуви: длина 7,3 см, ширина 8,5 см; основной шов – выворотный; кожа КРС, плотная, толщина 1,3–1,5 мм, в средней части – два диагональных неглубоких надреза (рис. 16, 8);

123 – НОЭ 2003, РГ-291; кв. 64, гл. от +0,6 м до +0,4 м. Ремень – петля: обрезаны концы, длина 10,0 см, ширина 1,6 см, сшивалась в сложенном виде; сквозные нерегулярные отверстия на концах; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 16, 9);

124 – НОЭ 2003, РГ-221; кв. 64, гл. +0,51 м. Деталь попоны (?) или сумки (?): вытянутый обрезок неправильной формы, размеры 41,5×7,0 см; по длинной стороне шов «через край», на одном конце – три сквозных прореза длиной 0,5–0,8 см, в широкой части – два ряда сквозных отверстий от пришитой аппликации; кожа конская (?), плотная, толщина 0,8 мм (рис. 16, 10);

125 – НОЭ 2003, РГ-290; кв. 57, гл. +0,41 м. Обшивка края изделия (?): длина 20,0 см, ширина раскройки 1,6 см, в сложенном виде 1,2 см; по одной стороне – сквозной вертикальный шов, по другой – обметочный шов «через край»; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,7 мм (рис. 16, 11);

126 – НОЭ 2003, РГ-275; кв. 57, гл. от +0,6 м до +0,4 м. Обрезок с края шкуры: неправильной формы, размеры 9,7×8,3 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм (рис. 16, 12);

127 – НОЭ 2003, РГ-215; кв. 63, гл. +0,40 м. Заготовка прокладки – шайбы: из б/у детали, округлая, размер 5,1×4,8 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм, тиснение по мере (рис. 16, 13);

128 – НОЭ 2003, РГ-204; кв. 70, гл. от +0,6 м до +0,4 м. Деталь верха мягкой туфли: вторично обрезаны две стороны, размеры 5,3×3,8 см; по двум сторонам тачные швы, в средней части детали – короткие сквозные прорезы; кожа КРС, плотная, толщина 2–2,5 мм, тиснение по мере (рис. 16, 14);

129 – НОЭ 2003, РГ-283; кв. 64, гл. +0,46 м. Обрезок с края шкуры: подтреугольный, вытянутый, размеры 17,2×8,9 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 16, 15);

130 – НОЭ 2003, РГ-224; кв. 64, гл. +0,49 м. Обрезок от раскроя: подтреугольный, вытянутый, размеры 13,0×2,0 см; кожа плотная, толщина 1,0 мм (рис. 16, 16);

131 – НОЭ 2003, РГ-217; кв. 64, гл. +0,57 м. Обрезок от раскроя: вытянутый, длина 23,0 см, ширина 2,0–2,5 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм (рис. 16, 17);

132 – НОЭ 2003, РГ-293; кв. 64, гл. +0,39 м. Деталь?: кожа с края шкуры, обрезок неправильной формы, размеры 22,8×6,8 см; по краям – две пары параллельных сквозных прорезов длиной 2,0–2,6 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 16, 18).

133 – НОЭ 2004, РГ-202, кв. 63, гл. от +0,4 м до –0,2 м. Обрезок детали (?) верха обуви: неправильной вытянутой формы, размеры 13,7×5,5 см, торцевой обрез – от первичного раскроя детали и сохраняется тачной шов, в середине – 4 прореза длиной 7–8 мм от завязок (?); на мерее и бахтарме имеются поверхностные надрезы; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм; А – надрезы по мерее, Б – надрез по бахтарме (рис. 17, 1);

134 – НОЭ 2004, РГ-414, кв. 63, гл. +0,12 м. Обрезок детали обуви (?): размеры 17,5×3,6 см, сохранилось три стороны первоначальной детали со швами «через край»; кожа КРС, расслоилась, первоначально – тонкая (?); предположительно, при сшивании края подворачивались внутрь (рис. 17, 2);

135 – НОЭ 2004, РГ-255, кв. 69, гл. от +0,4 м до –0,2 м. Обшивка верхнего края туфли: длина 35 см, сложенный вдвое кусок кожи, ширина 6 мм; часть обшивки имеет по краю обметочный шов «через край», другая часть сквозной шов; кожа МРС, плотная, толщина 0,7–0,8 мм (рис. 17, 3);

136 – НОЭ 2004, РГ-314, кв. 57, гл. +0,28 м. Обшивка переднего края туфли: пришивалась углом, длина 12,2 см, ширина 0,4 см, полоса кожи сложена при сшивании вдвое, по краю – шов «через край»; кожа КРС (?), расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 17, 4);

137 – НОЭ 2004, РГ-261, кв. 69, гл. +0,40 м. Обрезок верха туфли: вторичное использование детали, сохранился обрезок четырехугольной формы, размером 9,3×9,0 см; по одной стороне – первичный шов со сквозными регулярными отверстиями стежков, отверстия овальные, размером 1,0–1,2 мм, шаг стежков 3,5–3,9 мм, на противоположном крае – два параллельных прореза – следы вторичного раскроя; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,5–2,0 мм (рис. 17, 5);

138 – НОЭ 2004, РГ-332, кв. 57, гл. +0,14 м. Дополнительная деталь верха туфли: четырехугольная, неправильной формы, размеры 7,2×5,1 см, по всем сторонам – тачной шов «через край» с очень мелкими отверстиями для нитей (0,6–0,7 мм) и короткими стежками (2,5–3,0 мм); кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8 мм (рис. 17, 6);

139 – НОЭ 2004, РГ-399, кв. 63, гл. +0,17 м. Обрезок детали верха туфли: сохранился обрезок пятки длиной 7,5 см, высотой 7,0 см; основной шов выворотный, по верхнему краю шва не было; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 17, 7);

140 – НОЭ 2004, РГ-426, кв. 64, гл. +0,13 м. Фрагмент боковой детали верха туфли, для правой (?) стопы: оборваны участки переднего края, длина 7,2 см, высота 9,0 см; основной и передний швы выворотные, по верхнему краю шва не было; прорезы для оборок равномерные через 7 мм, ширина 2,5–3,0 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 17, 8);

141 – НОЭ 2004, РГ-80, кв. 57, гл. +0,32 м. Обрезок детали верха обуви: четырехугольной формы, размеры 8,0×6,0 см; по одной из сторон – выворотный шов, рядом – два поперечных прореза для оборок, ширина 6,0–7,0 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм; А – надрез по мерее (рис. 17, 9);

142 – НОЭ 2004, РГ-72, кв. 57, гл. +0,38 м. Обрезок от раскроя: узкий, сложной формы, размеры 11,0×1,1 см; кожа КРС, плотная, толщина 2,0 мм (рис. 17, 10);

143 – НОЭ 2004, РГ-89, гл. кв. 63, гл. +0,33 м. Обрезок детали (?): узкий, размером 5,7×1,7 см, сохранились два тонких ремешка шириной 2 мм с расширением головок (завязки?); кожа КРС, расслоилась, первоначально – тонкая (?), тиснение по мерее (рис. 17, 11);

144 – НОЭ 2004, РГ-125, кв. 57, гл. +0,28 м. Обрезок вторичного раскроя: подпрямоугольный, размеры 15,0×6,5 см, имеются два небольших вдавления, растянувших кожу; кожа КРС, расслоилась, первоначально – тонкая (?), тиснение по мерее (рис. 17, 12);

145 – НОЭ 2004, РГ-309а, кв. 64, гл. +0,17 м. Обрезок от раскроя: треугольный, одна сторона прямая, две – волгнутые, размеры 12,0×5,0 см, возле одной вершины – прорез длиной 6 мм; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,1 мм (рис. 17, 13);

146 – НОЭ 2004, РГ-309б, кв. 64, гл. +0,17 м. Обрезок от раскроя: треугольный, одна сторона прямая, две – волгнутые, размеры 7,6×6,0 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 17, 14);

147 – НОЭ 2004, РГ-229, кв. 64, гл. +0,25 м. Отрезок от раскроя подошвы (?): узкий, размеры 17,0×1,8 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм (рис. 17, 15);

148 – НОЭ 2004, РГ-316, кв. 57, гл. +0,29 м. Обрезок детали (?): вытянутой формы, зауженной к одному концу, второй конец – поперечно срезанный; размеры 12,0×3,9 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм, тиснение по мерее (рис. 17, 16);

149 – НОЭ 2004, РГ-209, кв. 63, гл. +0,21 м. Вторичный раскрой: заготовка прокладки (?), выкроена из детали верха обуви, имеет неправильную округлую форму, размеры 7,2×6,7 см; имеется пара каплевидных отверстий для завязок (?) размером 5–6 мм с растянутыми краями; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2 мм, тиснение по мерее (рис. 17, 17);

150 – НОЭ 2004, РГ-124а, кв. 57, гл. +0,30 м. Обрезок от раскроя: узкий, сложной формы, размеры 17,0×7,1 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8 мм (рис. 17, 18);

151 – НОЭ 2004, РГ-124б, кв. 57, гл. +0,30 м. Обрезок от раскроя: узкий, прямой, размеры 14,5×1,0 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8 мм (рис. 17, 19);

152 – НОЭ 2004, РГ-120, кв. 57, гл. +0,33 м. Обрезок от раскроя крупной детали: сложной формы, узкий, первоначальные размеры куска кожи не менее 24×17 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 мм (рис. 17, 20);

153 – НОЭ 2004, РГ-349, гл. кв. 63, гл. +0,20 м. Обрезок от раскроя верха обуви (головки?): сложной формы, узкий, размеры 14,5×10,1 см; кожа КРС, плотная, толщина 0,8 мм, тиснение по мерее (рис. 17, 21);

154 – НОЭ 2004, РГ-147, кв. 63, гл. +0,29 м. Обрезок от раскроя: треугольный, вытянутый, с угловым вырезом в основании, размеры 10,5×4,6 см; кожа плотная, КРС, толщина 1,2 мм, тиснение «просо» (рис. 17, 22);

155 – НОЭ 2004, РГ-183, кв. 57, гл. +0,28 м. Прокладка-шайба: неправильной округлой формы, размеры 3,2×3,0 см, в середине – прорез длиной 1,2 см; кожа расслоилась, изначально тонкая (?) (рис. 17, 23);

156 – НОЭ 2004, РГ-226, кв. 64, гл. +0,25 м. Обрезок от раскроя: узкий, с двумя выступами на одном конце, размеры 9,5×4,7 см, имеются надрезы по краям; кожа КРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм, мерее затерта (рис. 17, 24);

157 – НОЭ 2004, РГ-121, гл. кв. 57, гл. +0,32 м. Обрезок с края кожи: размеры 12,0×7,5 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм (рис. 17, 25);

158 – НОЭ 2004, РГ-222, гл. кв. 64, гл. +0,32 м. Обрезок с края шкуры: размеры 9,6×4,3 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0–1,2 мм (рис. 17, 26);

159 – НОЭ 2004, РГ-228, кв. 64, гл. +0,25 м. Обрезок с края шкуры: размеры 10,0×3,3 см, толщина 1,2 мм, КРС (рис. 17, 27);

160 – НОЭ 2004, РГ-262, кв. 69, гл. +0,36 м. Обрезок с края шкуры: размеры 10,0×7,4 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм, тиснение по мерею (рис. 17, 28);

161 – НОЭ 2004, РГ-380, кв. 62, гл. +0,16 м. Обрезок с края шкуры: узкий, размеры 7,5×3,2 см; кожа КРС, расслоилась (рис. 17, 29);

162 – НОЭ 2004, РГ-219, кв. 64, гл. +0,34 м. Обрезок с края шкуры: размеры 5,5×4,5 см; прорез длиной 2,0 см

для растягивания шкуры и два мелких прореза по краю; кожа плотная, КРС, толщина 1,2 мм (рис. 17, 30);

163 – НОЭ 2004, РГ-387, кв. 62, гл. +0,10 м. Обрезок вторичного раскроя: неправильной формы, размеры 10,3×7,2 см; кожа МРС, плотная, толщина 0,8 мм (рис. 17, 31);

164 – НОЭ 2004, РГ-4246, кв. 64, гл. +0,15 м. Обрезок с края шкуры: размеры 6,7×2,7 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм (рис. 17, 32);

165 – НОЭ 2004, РГ-212, кв. 64, гл. +0,4 м до -0,2 м. Обрезок с края шкуры: размеры 4,1×3,2 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм (рис. 17, 33).

**ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НОВГОРОДСКОМУ (РЮРИКОВУ)
ГОРОДИЩУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ В НАУЧНОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

Мария В. Медведева

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

**PHOTOGRAPHIC EVIDENCE ON NOVGOROD (RYURIK) GORODISHCHE
AND ITS VICINITY IN THE ARCHIVES OF INSTITUTE FOR
THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Maria V. Medvedeva

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: This paper presents description of the collections of photographs and negatives depicting Gorodishche itself, its particular sites and the process of archaeological excavations. The collections under consideration are housed in the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture (IIMK). An analysis of the development of archaeological photography in Russia in the second half of the 19th and early 20th century is proposed, as well as the history of accumulation of photographic evidence in the Imperial Archaeological Commission. Many of the photographs mentioned are unique sources on the history, topography and ethnography of Gorodishche, and in addition on the architecture, frescos and icon appointments of the Gorodishche churches which were heavily damaged during the World War II.

С начала XX в. Городище близ Новгорода привлекало внимание ученых и любителей древностей. В результате многолетних исследований памятника в фотографических фондах Научного архива ИИМК РАН сформировались коллекции фотоматериалов, посвященных изучению Рюрикова городища и его окрестностей. История и характер поступления этих фотографий и негативов отражают общие тенденции формирования архивных коллекций фотодокументов по археологии в целом. Еще в эпоху Императорской Археологической Комиссии, начиная с 1870-х гг., появилась практика фотофиксации производившихся работ. В наше время она является обязательным условием при проведении любых видов археологических исследований, но в конце XIX в. отношение к фотографии и к фотосъемке было иным. В дореволюционное время поступление фотографий часто носило случайный характер, поскольку основы методики полевых исследований только начинали разрабатываться. Не все еще могли оценить в полной мере преимущества фотографии как одного из самых точных методов фиксации объекта изучения, процесса работ, найденных материалов. Возможности фотосъемки в это время были еще ограничены технической и финансовой стороной вопроса. Во-первых, к началу XX в. фотография

существовала чуть более 50-ти лет, в связи с чем технология фотосъемки и изготовления фотоизображений находились в постоянном развитии – неоднократно менялись химия процесса и материалы, совершенствовалась сама фотографическая техника. Во-вторых, фотографирование было достаточно дорогостоящим занятием: не каждый исследователь мог позволить себе производить фотосъемку работ в полном объеме, как того требует современная методика, и не каждый мог нанять в экспедицию профессионального фотографа. Несмотря на то, что многие исследователи уже сознавали значение фотографии как совершенно нового и информативного источника, пытались овладеть техникой фотосъемки, проходили специализированные многомесячные курсы в Русском Техническом Обществе, изображения, изготовленные профессиональными фотографами, все-таки превосходили по качеству фотографии, выполненные археологами. Естественно, фотосъемка в то время была очень трудоемкой, особенно для изобретения пленочных негативов, потому что для получения изображений использовались стеклянные пластины. Фотоаппараты были громоздкие, пластины хрупкие. Они требовали очень бережного отношения к себе. Их доставка на место работ, транспортировка с памятника на памятник

доставляли исследователям немало хлопот. Несмотря на все эти трудности, сотрудники ИАК собрали значительный фотоматериал. В Археологической Комиссии был свой фотограф, сопровождавший ее членов в экспедициях. Он не только занимался изготовлением фотографий, но и вел подробную опись негативов, позволившую впоследствии атрибуировать снимки. К моменту образования фотоархива в 1918 г. фотографическая коллекция ИАК, которая легла в основу собрания, насчитывала около 40 000 негативов и отпечатков. Фотодокументация каждого сезона полевых работ, охватывающая все этапы раскопок, включающая фиксацию планиграфии и стратиграфии памятника, съемку рабочих моментов, индивидуальных находок и массового материала, планомерно поступала в фонды архива для последующей обработки. Со времени образования архива накоплен огромный фотографический материал по археологии, где представлены негативы и отпечатки с них из фондов различных археологических учреждений России и из личных фондов исследователей.

Фотодокументы по исследованию Рюрикова городища в Научном архиве ИИМК РАН представлены в фондах ИАК, Государственной Академии истории материальной культуры, Ленинградского отделения Института археологии и в личных фондах искусствоведов Л. А. Мацулевича, Н. П. Сычева и архитектора К. К. Романова. Из фотоматериалов, отражающих первые раскопки памятника, сохранилось только три стеклянных негатива. Два из них изготовлены в 1902 г. И. Ф. Чистяковым – фотографом ИАК – по заказу И. А. Шляпкина. На них представлена одна из находок из раскопок М. И. Полянского 1901 г. – вислая свинцовая печать (рис. 1). Также сохранился негатив фотографии сосуда из раскопок Н. Е. Макаренко и Н. К. Рериха 1910 г. Он происходит из коллекции негативов Н. Е. Макаренко. Эта фотография была сделана уже в фондах Новгородского музея после окончания работ. К сожалению, других фотографических свидетельств о дореволюционных археологических работах на Городище в собрании архива не сохранилось. Возможно, это отчасти обусловлено теми причинами, о которых говорилось выше.

Анализируя фотоматериалы Рюрикова городища, нельзя оставить в стороне фотографии и негативы, связанные с реставрационными исследованиями в церкви Спаса на Нередице в 1903–1904 гг. Они проводились под руководством члена Императорской Археологической Комиссии архитектора П. П. Покрышкина и стали одной из за-

Рис. 1. Вислая свинцовая печать из раскопок М. И. Полянского в 1901 г. Снимок И. Ф. Чистякова

Fig. 1. Suspension lead seal from M. I. Polyanskiy's excavations of 1901. Photo by I. F. Chistyakov

рых значительных его работ. В Архиве ИИМК сохранилась коллекция прекрасных негативов и фотоотпечатков, сделанных в процессе реставрации храма. Они находятся в фонде Императорской Археологической Комиссии (рис. 2, 3).

Для наблюдения за работами П. П. Покрышкин приехал в Новгород в мае 1903 г. В июне он послал рапорт в ИАК с просьбой прислать ему чертежи архитектора В. В. Сулова, который еще в 1898 г. обследовал техническое состояние памятника, произвел в церкви точные обмеры и подготовил чертежи, ставшие основой последующих ремонтно-реставрационных работ. Вместе с этим П. П. Покрышкин просит Комиссию немедленно прислать в Новгород фотографа Чистякова для производства снимков с фресок Спасо-Нередицкой церкви. В тот момент исполнение снимков облегчалось, поскольку в церкви были устроены подмости и разобран иконостас. «Чистяков должен взять с собой, – писал П. П. Покрышкин, – все принадлежности для проявления, большой «самаркандский» фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18×24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противуореольная. Требуется также прибор для снимания при свете магния» (О ремонте Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде. 1896 г. – НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. Д. 34. Л. 142). Название «самаркандский» возникло в

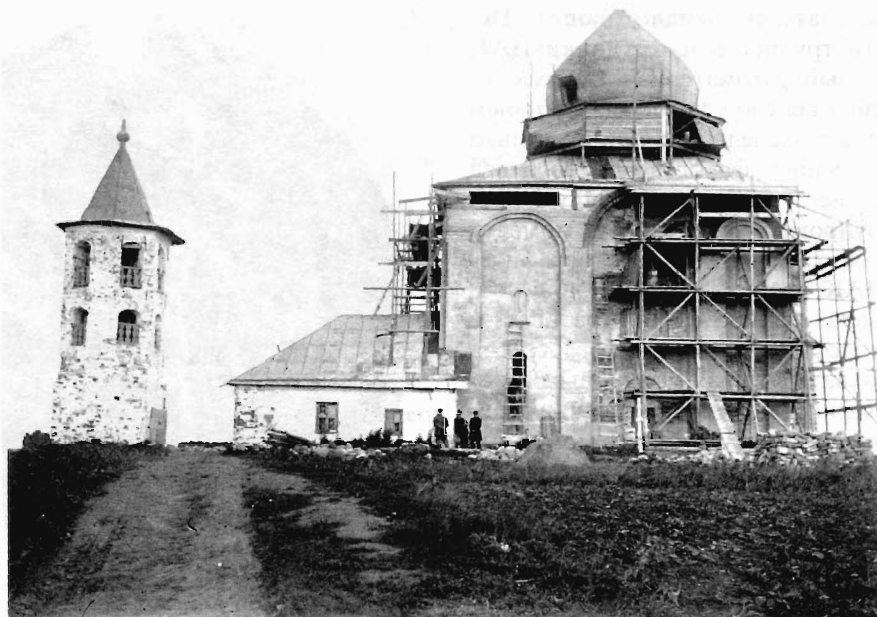

Рис. 2. Церковь Спаса на Нередице в процессе реставрационных работ 1903–1904 гг.
Снимок И. Ф. Чистякова

Fig. 2. Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa in the course
of restoration works in 1903–1904. Photo by I. F. Chistyakov

письме неслучайно. Когда П. П. Покрышкин работал в 1898–1900 гг. в Самарканде в составе экспедиции Н. И. Веселовского по обследованию памятников древней архитектуры Самарканда, фотофиксацией занимался И. Ф. Чистяков именно на этом фотоаппарате (рис. 4). С одной стороны подобный аппарат позволял производить качественные крупноформатные снимки, но при этом для съемки на нем требовались стеклянные пластины размером 24×30 см, хрупкие и тяжелые.

Таким образом, при производстве ремонтных работ летом 1903 г. в церкви Спаса на Нередице в Новгороде под наблюдением члена ИАК П. П. Покрышкина появилась возможность, благодаря возведенным внутри лесам, сделать фотографии со всех без исключения фресковых изображений. Из них было отобрано 164 снимка и составлен альбом для подношения императорской семье. В апреле 1904 г. Император и Императрица посетили ежегодную выставку древностей, собранных сотрудниками ИАК, где фотограф ИАК И. Ф. Чистяков преподнес Императорской чете альбом фотографических снимков его работы с фресок Спасо-Нередицкой церкви (*Известия ИАК*, 1904. С. 2–3) (рис. 5, 6, 7).

В 1916–1917 гг. П. П. Покрышкин по заданию ИАК осуществлял археологический надзор за работами по проведению железной дороги вблизи церкви Спаса на Нередице. В результате этой по-

ездки собрание Архива пополнилось 59 негативами, снятыми самим архитектором (рис. 8–10). В период первой Мировой войны, в 1916 г. началось строительство стратегически важной железнодорожной магистрали Петроград–Царское Село–Новгород–Орел. Участок дороги должен был проходить рядом со Спасо-Нередицким храмом. К сожалению, научной общественности не удалось добиться переноса магистрали к северу от Новгорода (*Маркина*, 2000. С. 331–363). Исторически сложившийся ландшафт между Новгородом и Юрьевым монастырем и водная система были нарушены, состояние фресок в церкви Спаса на Нередице в связи с увеличением влажности ухудшилось. Особенно ценными являются снимки из собрания фотоархива, на которых представлена панорама местности вокруг Нередицкого холма до начала строительства. Оригинальные стеклянные негативы размером 30×40 см хранятся в фонде ИАК. Они были сделаны в 1903 г. И. Ф. Чистяковым во время реставрации церкви Спаса на Нередице, производившейся под руководством П. П. Покрышкина (рис. 11).

В личном фонде искусствоведа Л. А. Мацулевича представлены 12 негативов и фотоотпечатков, связанных с Рюриковым городищем. Все они сделаны летом 1910 г. Это общий вид на Городище от церкви Спаса на Нередице, сделанный в августе 1910 г. (рис. 12), а также фотографии церкви Бла-

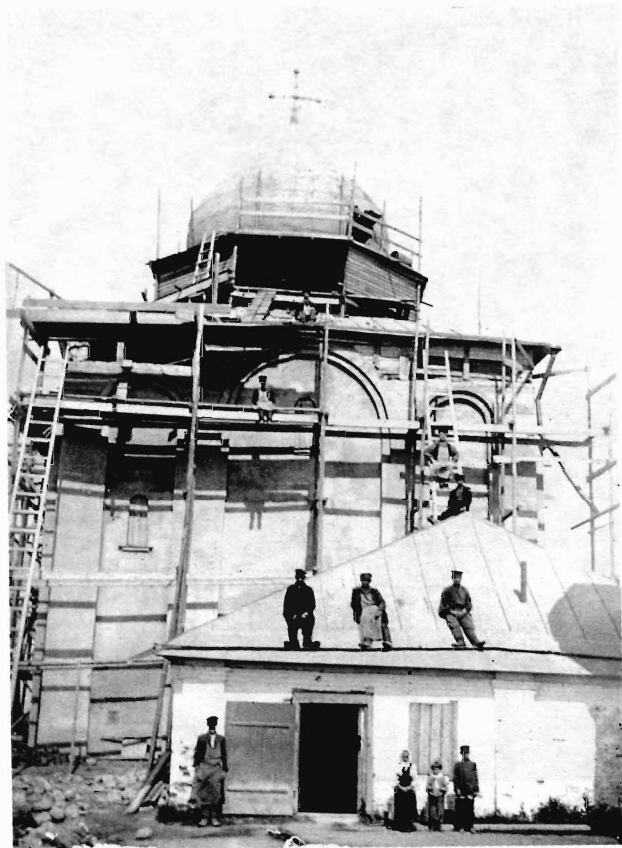

Рис. 3. Церковь Спаса на Нередице в процессе реставрационных работ 1903–1904 гг. Снимок И. Ф. Чистякова

Fig. 3. Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa in the course of restoration works in 1903–1904. Photo by I. F. Chistyakov

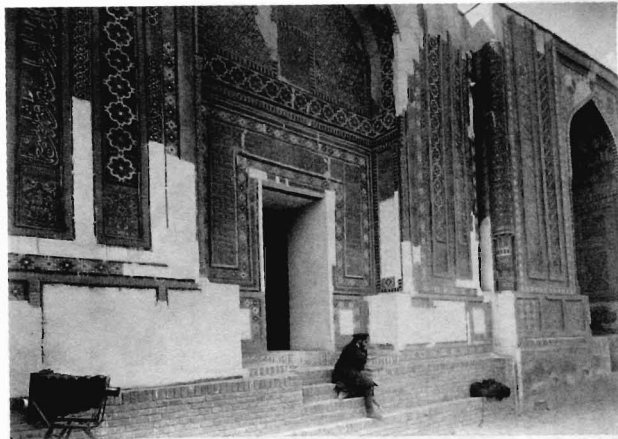

Рис. 4. Самарканд. На ступеньках сидит архитектор П. П. Покрышкин. На переднем плане «большой самаркандский» фотоаппарат

Fig. 4. Samarkand. Architect P. P. Pokryshkin is sitting on the footsteps. The «large Samarkand camera» in the foreground

Рис. 5. Церковь Спаса на Нередице. Фреска в замке алтарного свода. Снимок И. Ф. Чистякова, 1903 г.

Fig. 5. Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa. Fresco in the key-stone of the altar vault. Photo by I. F. Chistyakov, 1903

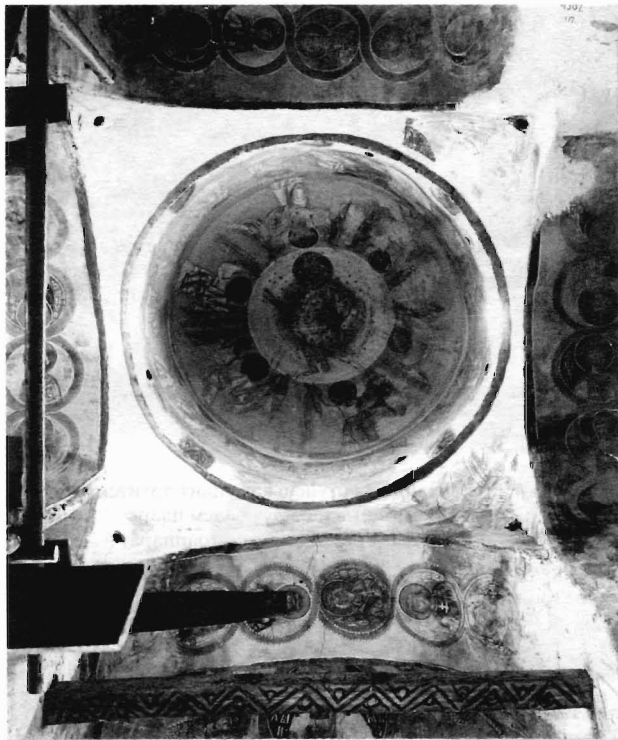

Рис. 6. Церковь Спаса на Нередице. Вид на подпружные арки, паруса и купол. Снимок И. Ф. Чистякова, 1903 г.

Fig. 6. Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa. View at the arches, pendentives and the cupola. Photo by I. F. Chistyakov, 1903

Рис. 7 Церковь Спаса на Нередице. Фрески на южной стене под хорами. Снимок И. Ф. Чистякова, 1903 г.

Fig. 7. Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa. Frescos on the southern wall under the gallery. Photo by I. F. Chistyakov, 1903 г.

Рис. 8. Вид на строящуюся железнодорожную насыпь у церкви Спаса на Нередице. Снимок П. П. Покрышкина, 1917 г.

Fig. 8. View at the railroad embankment in the course of construction near the church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa. Photo by P. P. Pokryshkin, 1917

Рис. 9. Вид на строящуюся железнодорожную насыпь у церкви Спаса на Нередице.
Снимок П. П. Покрышкина, 1917 г.

Fig. 9. View at the railroad embankment in the course of construction near the church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa. Photo by P. P. Pokryshkin, 1917

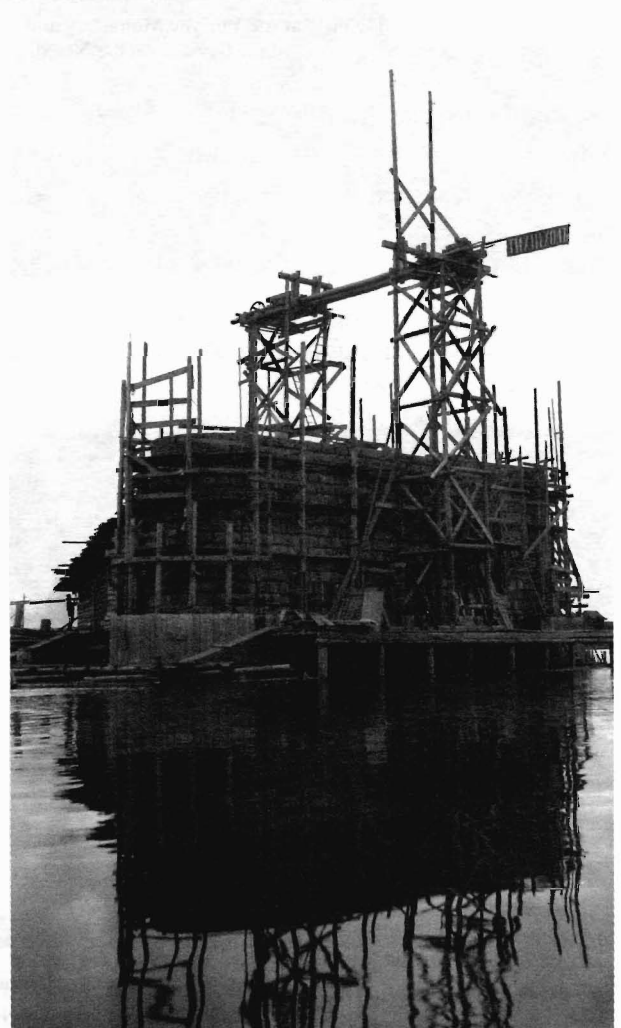

Рис. 10. Строящаяся опора моста у Городища. Снимок П. П. Покрышкина, 1917 г.

Fig. 10. Pier of the railroad bridge in the course of construction near Gorodishche. Photo by P. P. Pokryshkin, 1917.

Рис. 11 Вид от церкви Спаса на Нередице на Юрьев монастырь и Городище.
Снимок И. Ф. Чистякова, 1903 г.

Fig. 11. View at the Yur'yev Monastery and Gorodishche from the church of the Transfiguration
of the Saviour on the Nereditsa. Photo by I. F. Chistyakov, 1903 г.

Рис. 12 Вид на Городище от Нередицы. Снимок Л. А. Мацулевича, 1910 г.

Fig. 12. View at Gorodishche from the Nereditsa. Photo by L. A. Matsulevich, 1910 г.

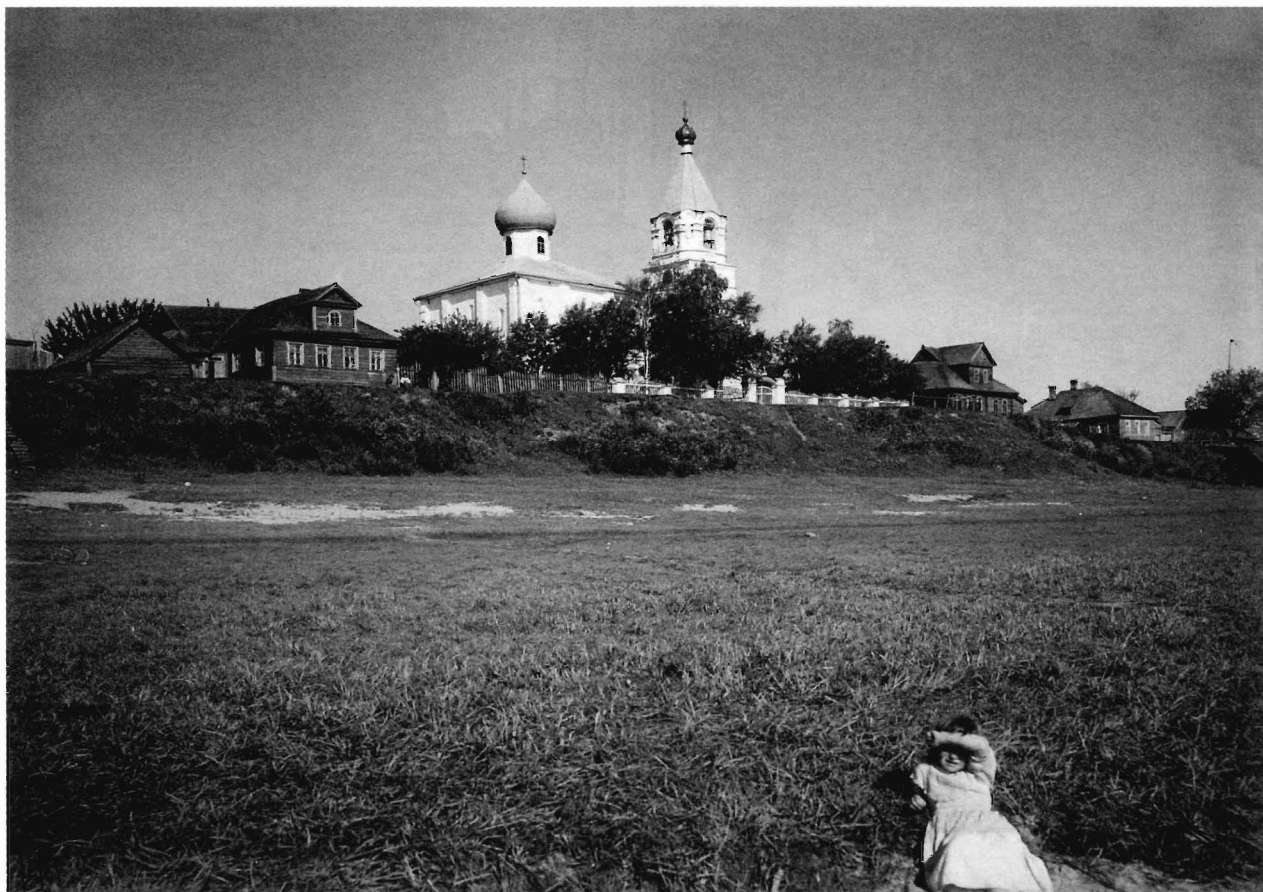

Рис. 13 Церковь Благовещения на Городище. Снимок Л. А. Мацулевича, 1910 г.

Fig. 13. The Church of the Annunciation at Gorodishche. Photo by L. A. Matsulevich, 1910

говещения и ряда ее фресковых росписей. На одной из фотографий мы можем видеть, как выглядела деревня Городище со стороны реки Волхов в июне 1910 г. (рис. 13). Фотоизображения из Архива ИИМК РАН являются частью материалов по архитектурным памятникам, собранных Л. А. Мацулевичем во время поездок со своими университетскими товарищами Н. П. Сычевым, В. К. Мясовым, Н. Л. Окуновым в 1909–1913 гг. по Северо-Западу России.

К 1912 г. относятся шесть фотоотпечатков и негативов, на которых также запечатлены виды церкви Благовещения и фресковые росписи в помещении жертвенника этой церкви. Они были выполнены П. П. Покрышкиным в ходе его поездки в Новгород (рис. 14).

В фонде РАИМК хранится открытка начал XX в. с видом д. Городище. Точно такая же открытка представлена в личном фонде архитектора К. К. Романова в коллекции собранных им фотоматериалов по архитектуре Северо-Запада России.

В 1920 г. искусствоведом Н. П. Сычевым были сделаны две фотографии с видами церкви Благовещения в ходе Новгородской экспедиции РАИМК, производившей реставрационные работы в церкви Спаса на Нередице. Они хранятся в фотографическом отделе Научного архива ИИМК РАН, в личном фонде Н. П. Сычева (рис. 15).

В 1934 г. в различных частях Городища М. К. Каргером были заложены три раскопа. В архиве ИИМК РАН представлены фотоматериалы одного из них, который находился на южном берегу Сиверсова канала, в самой юго-западной части поселения (Носов, 1990. С. 23). Это две фотографии разреза раскопа и 10 фотографий индивидуальных находок и керамики. Фотографии раскопа поступили в 1935 г., фотографии находок – в 1936 г.

В 1935 г. Г. П. Гроздилов проводил археологические работы на том же участке Городища. В Фонде Государственной Академии истории материальной культуры хранятся 10 негативов с их

Рис. 14. Церковь Благовещения на Городище. Снимок П. П. Pokryshkina, 1912 г.

Fig. 14. The Church of the Annunciation at Gorodishche. Photo by P. P. Pokryshkin, 1912.

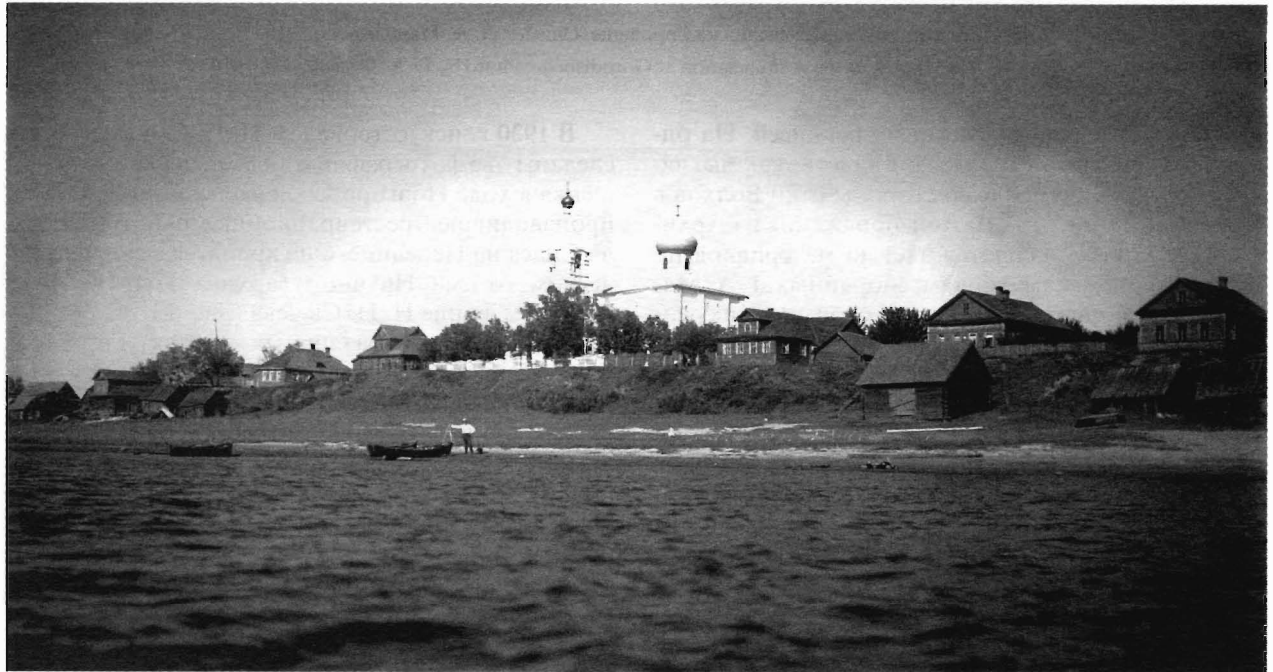

Рис. 15. Церковь Благовещения на Городище. Снимок Н. П. Сычева, 1920 г.

Fig. 15. The Church of the Annunciation at Gorodishche. Photo by N. P. Sychev, 1920

Рис. 16. Западная часть церкви Благовещения.
 Материалы архитектурно-археологической экспедиции. 1966–1969 гг. Снимок М. К. Каргера
 Fig. 16. The western part of the Church of the Annunciation. 1966–1969. Photo by M. K. Karger

Рис. 17. Фрагмент штукатурки церкви Благовещения с граффити. Материалы архитектурно-археологической экспедиции. 1969 г. Снимок М. К. Каргера

Fig. 17. Fragment of stucco with graffiti from the Church of the Annunciation. 1969. Photo by M. K. Karger

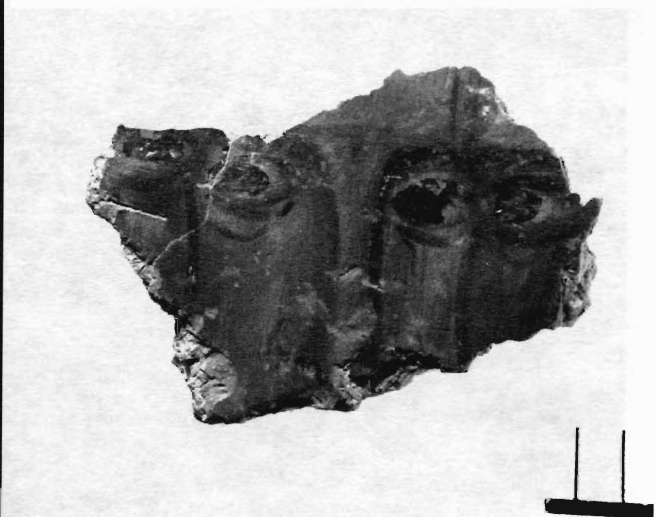

Рис. 18. Фрагмент росписи церкви Благовещения. Материалы архитектурно-археологической экспедиции. 1970 г. Снимок М. К. Каргера

Fig. 18. Fragment of the painting from the Church of the Annunciation. 1970. Photo by M. K. Karger

Рис. 19. Вид на мыс Горищица с р. Волхов. Раскоп 1978 г. на северном берегу Сиверсова канала. Материалы Новгородской областной экспедиции. Снимок Е. Н. Носова

Fig. 19. View at the promontory of Gorodishche from the Volkhov River. Excavation of 1978 on the northern bank of the Sivers Canal. Photo by E. N. Nosov

Рис. 20. Общий вид на раскоп 1981 г. Материалы Новгородской областной экспедиции. Снимок Е. Н. Носова

Fig. 20. General view at the excavation of 1981. Photo by E. N. Nosov

Рис. 21. Разборка культурного слоя. Раскоп 1985 г. Материалы Новгородской областной экспедиции. Снимок Е. Н. Носова
Fig. 21. Excavation of the cultural layer in 1985. Photo by E. N. Nosov

Рис. 22. Разборка культурного слоя. Раскоп 1985 г. Материалы Новгородской областной экспедиции. Снимок Е. Н. Носова

Fig. 22. Excavation of the cultural layer in 1985. Photo by E. N. Nosov

отпечатками, сделанные с экспедиционных чертежей. Часть из них поступила в архив сразу после работ в 1935 г. – фотографии разрезов раскопа, а часть была изготовлена уже в 1937 г. для доклада Г. П. Гроздилова «Неолитическая стоянка у с. Городище на Волхове» на пленуме Института истории материальной культуры.

Также в архиве представлена коллекция фотографий работ архитектурно-археологической экспедиции М. К. Каргера в 1966, 1968–1970 гг., когда он проводил исследования церкви Благовещения на Городище. Она состоит из 125 фотографий, зафиксировавших процесс полевых работ, чертежи, некоторые находки (рис. 16–18).

С 1975 г. к планомерному археологическому изучению Рюрикова городища приступила экспе-

диция Института истории материальной культуры под руководством Е. Н. Носова. Фотоматериалы работ ежегодно поступают в архив института после полевого сезона. В фотографической части архива хранится около 700 фотографий и негативов, посвященных исследованиям Новгородской областной археологической экспедиции, из которых сформировано 15 коллекций. Коллекции включают снимки процесса раскопок, планиграфии, стратиграфии памятника на исследуемых участках, фотографии находок, пересъемку полевых чертежей, соответствующие каждому году работ экспедиции (рис. 19–22).

**КАМЕННАЯ ИКОНКА С ОБРАЗОМ СВЯТОГО ВСАДНИКА
ИЗ НАХОДОК НА НОВГОРОДСКОМ (РЮРИКОВОМ) ГОРОДИЩЕ 2005 г.:
ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ***

Александр Е. Мусин

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия.

**INTERPRETATION OF A SMALL STONE ICON WITH THE IMAGE
OF A RIDING SAINT FROM EXCAVATIONS OF 2005
AT RYURIK GORODISHCHE NEAR NOVGOROD**

Alexander E. Musin

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *This paper presents a publication and comprehensive analysis of a fragment of a unique shale icon representing a riding saint which was found during excavations in 2005. Unfortunately, the icon has not come from any archaeological context. Nevertheless, the fragment preserved allows us not only to date its manufacture, but also to identify the subject of its representation and possibly even its owner. The characteristic pattern on the edge of the rider's clothing in form of small crosses places the icon among the well-known products of the Kiev stone-carving workshop which was functioning in the first third of the 13th century, possibly after 1204. The bend of the horse's neck allows us to liken the representation to a series of icons with representations of mounted saint warriors. These icons reflect the European influence on the Byzantine art after the Fourth Crusade. It is namely from the early 13th century, that under the influence from the Latin Empire, representations of saint riders became widespread in icons and princes' seals in Rus. These were concerned first and foremost with the worship of St. Demetrius of Thessalonica, and supposedly exactly that saint is represented on our icon. In addition, the icon has a princely sign – the bidentate symbol of the Rurik dynasty of the Rurikovichs. This sign which is rather unusual on Russian icons, is possibly an attribute of Prince Vladimir Rurikovich (1187–1239) who was baptized under the name of Demetrius. Furthermore, in 1219–1235 that Smolensk prince ruled in Kiev where the small icon of his heavenly protector may have been specially manufactured. That prince had continuous political relations with Novgorod. The present study not only has shed new light on the history of Russian art but also proposes a reliable interpretation of one of the characteristic symbols of the House of Rurikovichs which has been attributed to other historical figures before.*

В июле 2005 г., во время археологических исследований в центральной части Рюрикова городища, восточнее церкви Благовещения, был найден фрагмент иконки (НОЭ-05, РГ-242, кв. 21, гор. 2), изготовленной, по определению специалистов, из глинистого сланца светло-коричневого цвета¹. Размеры обнаруженного фрагмента весьма незначительны. Его подтреугольная форма укладывается в габариты 30×25 мм. находка происходит из пере-

мешанного верхнего темно-серого слоя, что исключает возможность ее изучения в соответствующем археологическом контексте. Однако стилистические и иконографические особенности сохранившейся части изображения с учетом традиционности христианской образности вообще позволяют поместить иконку в надежный хронологический и культурный контекст.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук РАН (программа «Русская культура в мировой истории»).

¹ Предварительное заключение о материале иконки специалиста УГКИОП Комитета культуры, кино и туризма Администрации Новгородской области Н. Д. Фирсовой получило независимое подтверждение в результатах экспертизы, проведенной С. В. Мамоновым, руководителем сектора Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного музея им. академика Ф. Н. Чернышева. В связи с очевидной принадлежностью изделия к традиции киевской камнерезной мастерской, им же было выдвинуто предположение о южнорусском, возможно, оvrучском происхождении материала (см.: Павленко, 2004. С. 215–218; 2006. С. 145–148).

Совершенно очевидно перед нами фрагмент образа конного святого (цв. ил. 3, 1; рис. 1). Отчетливо различимы грудь и шея коня, грива, переданная косой насечкой, и конская сбруя – опоясывающая шею узда с круглой бляхой-подвеской, прикрепленной к вертикально свисающему ремешку. Слева от конской шеи частично сохранились хорошо различимые одежды всадника, а возможно и части седельного убранства, переданные изящными складками и четко проработанной окантовкой края верхней накидки. Слева, почти под грудью коня, изображена нога наездника в треугольном стремя. Справа, почти на краю скола, предположительно сохранился нечитаемый фрагмент надписи. Выдвинутое вперед стремя, складки развевающейся одежды, экспрессивная линия, передающая изгиб конской шеи – все это придает несохранившемуся, но хорошо угадываемому изображению всадника, сильную внутреннюю динамику.

Уникальной особенностью иконки является изображение тамгообразного символа на крупе коня, украшающего либо попону с закругленным краем, либо небольшой круглый щит, висающий у несохранившегося колена всадника. Этот символ традиционно относится к так называемым «знакам Рюриковичей». Ножка двузубца колоколовидной формы отогнута вправо, завершение левого зубца выгнуто наружу, а на правом вертикальном зубце имеется отрог, обращенный внутрь и вниз. Изображение владельческого символа на иконе является уникальным. Могу назвать лишь оригинальный знак, украшающий трон св. вмч. Дмитрия Солунского на иконе конца XII – начала XIII в. из собрания Государственной Третьяковской галереи, (№ 28 600), который Б. А. Рыбаков однозначно соотнес с репрезентативным символом власти Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо (†1212), заодно атрибуировав образ как икону патронального княжеского храма во Владимире (Рыбаков, 1940. С. 232, 235–236, рис. 14, 18). Однако академическая реакция на подобного рода интерпретации была весьма неоднозначной, и в новом каталожном описании иконы ни сам знак, ни посвященные ему работы даже не упомянуты (№ 28600; *Государственная Третьяковская галерея*, 1995. С. 66–67; Антонова, Мнева, 1963. С. 71–73. Рис. 15). В отношении анализируемой ныне городищенской иконки А. В. Чернецовым было выдвинуто предположение, что перед нами не столько владельческий маркер священного предмета, сколько изображение конского «пятна» – тавра, которым конюхи «пятнали» лошадей, ука-

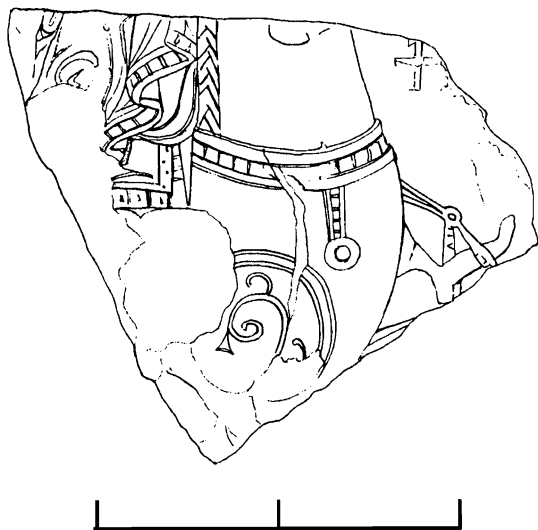

Рис. 1. Фрагмент иконки из глинистого сланца с изображением конного воина, 1220-е гг., Новгородское (Рюриково) городище, 2005 г. Прорисовка художника И. Мищенко

Fig. 1 Fragment of shale icon with representation of a riding saint, 1220^s. Novgorod (Ryurik) Gorodishche, 2005. Drawing by I. Mishchenko

зывая этим на их принадлежность к княжескому стаду.

Стилистические особенности иконки, способ проработки одежд и характер их орнаментации позволяют отнести находку к хорошо известному кругу произведений мелкой каменной пластики, определить культурный ареал их происхождения и предложить для нее достаточно узкую дату. Особенностью декорирования края одежды на иконке является кайма, переданная двумя ограничивающими ее полосами, между которыми заключены небольшие по размерам частые выпуклые квадратики-дробницы. Именно так Т. В. Николаева описывает характерные черты целой серии каменных иконок, изготовленных мастерами, принадлежавшими к южнорусской школе, которая функционировала в Киеве в первой трети XIII в. Ее сложение, по мнению исследовательницы, можно отнести к концу предшествующего столетия (Николаева, 1983. С. 22–23). Для этой мастерской были характерны четко выработанные приемы обработки камня, моделировки фигур и орнаментации одежд. Иконки изготовлялись преимущественно из южнорусского розового шифера – глинистого сланца, а эпиграфика надписей, по мнению исследовательницы, уверенно датирует произведения первой третьи XIII столетия. Исследователи предполагают, что становление камнерезного мастер-

ства в Южной Руси вообще может быть связано с конкретными историческими событиями и датироваться временем около 1204 г. (Пуцко, 1994. С. 62–97; 1998. С. 305–319; 2003а. С. 89–95).

География распространения работ этой киевской мастерской достаточно широка. Это Рязань, с которой связана знаменитая иконка свв. князей Бориса и Глеба из Солотчинского монастыря (Николаева, 1983. С. 54–55. Таб. 5, 1. № 30), Белозерск, откуда происходит фрагмент круглой иконки, с изображением святого (Николаева, 1983. С. 57. Таб. 6, 2. № 37), образ вмч. Дмитрия Солунского из Каменец-Подольска, (Николаева, 1983. С. 57, таб. 6, 44. № 36) (рис. 2, 1), Сахновка, где была найдена иконка с образом Божией Матери «Умиление» (Николаева, 1983. С. 56. Таб. 6, 1. № 34), Шумское городище, где известен образок с Богородицей-Одигитрией (Николаева, 1983. С. 58. Таб. 6, б. № 39), Княжая гора под Киевом (Николаева, 1983. С. 52. Таб. 3, 5. № 20), Олешье, невдалеке от которого был найден образок со свв. ев. Лукой и вмч. Георгием (1000-летие русской художественной культуры, 1988. С. 207, 388. № 284; Синай..., 2000. С. 260, 261. R-6d) (рис. 2, 2); известна иконка с образом Божией Матери «Никопеи» из собрания Государственного Русского музея (Николаева, 1983. С. 56. Таб. 5, 4. № 33). Известны произведения этого круга и в Новгороде. К ним принадлежит случайно найденный круглый образок св. Дмитрия Солунского из собрания НГОМЗ (Николаева, 1983. С. 57–58. Таб. 6, 5. № 38) (рис. 2, 3) и знаменитая иконка со свв. Симеоном столпником и Ставрокием (полевой шифр – 24–20), найденная на Кировском раскопе в слоях, датируемых археологически 1299–1311 гг. (Николаева, 1983. С. 55–56. Таб. 5, 3. № 32) (рис. 2, 4, 5). К числу последних находок произведений интересующей нас мастерской относятся два образка, один из которых изображает прп. Савву Освященного, а второй представляет сцену раскаяния апостола Петра (Жарнов, 1999. С. 165–174; Жарнов, Жарнова, 1999. С. 451–461). Они происходят из клада, найденного в 1993 г. во Владимире при раскопках священнической усадьбы, погибшей во время разорения города монголами в 1237 г. Авторы находки и публикаторы иконок, изящно именуя их произведениями «мастера рельефной каймы», полагают, что владимирские экземпляры имеют «решающее значение» для отнесения этой школы резной пластики к Северо-Восточной Руси. Они полагают, что появление мастера и его первых учеников на берегах Клязьмы, возможно, непосредственно из Константинополя, приходится на эпоху князя Всеволода Юрьевича. К похожим выводам приходят и дру-

гие исследователи (Седова, Мухина, 1999. С. 160–164). Некоторые из них предлагают, в частности, отнести все интересующие нас иконки к некоей гипотетической «мастерской Тудора», существование которой они предлагают реконструировать на основе субъективных палеографических наблюдений (Медынцева, 1999. С. 149–159). Однако, по нашим подсчетам, большинство найденных экземпляров все же происходят из Южной Руси. Заранее обратим внимание и на то, что, по крайней мере, два образка из этой группы связаны с культом св. вмч. Дмитрия Солунского. Известно, что существует ряд аргументов, относящих изделия этого круга к более позднему времени – концу XIII в. – началу XIV в. (Рындина, 1978. С. 31–43, 36, 138, 140), однако они, как и мнение о владимирской принадлежности самой мастерской, не кажутся нам убедительными.

Среди известных нам произведений этой, как мы полагаем вслед за Т. В. Николаевой, киевской мастерской, изображения святых воинов на коне, к сожалению, отсутствуют. Как представляется, не без причины. Изображение святого всадника в иконографии вообще и в мелкой пластике в частности, как в Древней Руси, так и в Византии, не может считаться устоявшимся и поддающимся однозначной атрибуции. Очевидно, это было связано с поздним становлением подобной иконографии в восточно-христианском мире вообще, несмотря на то, что этот образ был достаточно рано заимствован христианским искусством из предшествующих и современных культур – сюжет, недавно разобранный К. Уолтером (Walter, 2003. P. 95–106). Будучи прямым наследником изображения противоборства Беллерофонта и химеры или же Соломона и демона Гилу, образ святого всадника достаточно поздно получает свою кодификацию как христианского святого, которая лишь впоследствии оказывается связанной с именем св. Георгия. Изначально в виде змеборца изображался преимущественно св. Феодор Тирон, который, скорее всего, и присутствует на древнерусских змеевиках XII в., один или в паре с другим конным воином в сцене *adventus* (по иконографии *adventus*'а см.: Kantorowicz, 1944. P. 207–231; MacCormak, 1981; MacCormak, 1986; Kunzel, 1988; Dagron, 1996. P. 83–89; Elsner, 1998; Грабар, 2000. С. 64–72), если эпиграфика не свидетельствует об ином. Именно так святые всадники были изображены на змеевике из Великого Новгорода, который датируется 1100–1120 гг., и на медальоне из собрания Государственного Эрмитажа, который в описаниях имеет неоправданно широкую дату XII–XIII вв. (ЭРП-1344;

1

2

3

4

5

Рис. 2. 1 – каменный образок св. вмч. Димитрия Солунского, первая треть XIII в., Каменец-Подольский музей;

2 – каменный образок со свв. ев. Лукой и вмч. Георгием, Олешье, первая треть XIII в., ГЭ, ЭРП-1495;

3 – Каменный образок св. вмч. Димитрия Солунского, начало XIII в., НГОМЗ; 4-5 – каменная иконка со свв. Симеоном столпником и Ставрокием на лицевой стороне (4 – первая треть XIII в.) и конным образом св. Георгия на обороте (5 – вторая половина XIII в.), Великий Новгород, Кировский раскоп, происходит из слоя 1300–1311 гг.

Fig. 2. 1 – small stone sacred image of St. Demetrius of Thessalonica, first third of the 13th century. Kamenets-Podolsky Museum;

2 – small stone icon with Sts. Evangelist Lucas and George. Oleshye, first third of the 13th century. State Hermitage;

3 – small stone sacred image of St. Demetrius of Thessalonica, first third of the 13th century. Novgorod State Museum;

4-5 – stone icon with representation of Sts. Simeon Stylites and Staurokeus on the face side (4 – first third of the 13th century) and the image of mounted St. George on the rear side (5 – second half of the 13th century).

Veliky Novgorod, Kirovsky site, from the layer of the 1300–1311

Рис. 3. 1 – бронзовый амулет-змеєвик с изображением святого всадника, 1110–1120 гг., Великий Новгород, Кировский раскоп; 2 – Бронзовый амулет-змеєвик с парным изображением святых всадников, XII–XIII вв. (?), ГЭ, ЭРП-1344

Fig. 3. 1 – bronze amulet with representation of a riding saint, 1110–1120. Veliky Novgorod, Kirovsky site; 2 – bronze amulet with representation of two riding saints, 12th or 13th century (?). State Hermitage

1000-летие русской художественной культуры, 1988. С. 203, 387, № 269) (рис. 3, 1, 2).

Как мы видим, до определенного исторического момента идентификация конкретного изображения конного святого крайне затруднительна. Существующие образы, представленные мелкой каменной пластикой, имеют спорную атрибуцию, обычно связываемую со св. вмч. Георгием (см.: Лазарев, 1953. С. 186–222; Порфиридов, 1964. С. 120–125; Залеская, 2004. С. 38–42), и датируются в основном эпохой конца XIII–XIV в. и более поздним временем. По своему исполнению они далеки от изящества городищенского всадника. Можно указать целую серию подобных изображений: это образок из Новгородского музея (*Groschmactiges Nowgorod*, 2003. Р. 111, № 57), иконка со всадником в развевающихся одеждах из собрания Н. М. Постникова (Государственный исторический музей, № 27468; Николаева, 1983. С. 121–122. Таб. 50, 4. № 282) иконка из Сергиево-Посадского музея (Николаева, 1983. С. 130–131, Таб. 56, 2. № 315), образок из собрания О. С. Константиновой, где определенно изображен св. Дмитрий (Государственный Русский музей, № кам 45; Николаева, 1983. С. 101. Таб. 37, 1. № 209) или образок со св. Георгием из Государственной Третьяковской галереи (Государственная Третьяковская галерея,

1995. С. 204–205. № 101) (рис. 4, 1, 2, 3). Древнейшее же изображение святых конных воинов на Руси, один из которых определенно вмч. Димитрий, выполненное в камне, принадлежит иному жанру, монументальному, и происходит из Михаило-Златоверхого монастыря в Киеве, будучи предположительно частью убранства алтарной преграды (Государственная Третьяковская галерея, 1995. С. 195. № 91) (рис. 4, 4). Однако нельзя сказать, что какой-либо из выше названных образов по своим особенностям может быть поставлен в ближайшую связь с теми характерными чертами и особенностями изображения, которые надежно прочитываются в сохранившейся части городищенского образка. Очевидно истоки иконографии святого всадника, изображенного на городищенской иконке, лежат вне искусства мелкой каменной пластики.

Данные сфрагистики позволяют принципиально уточнить хронологию появления иконографии святых всадников в Древней Руси и подтверждают универсальный характер выводов К. Уолтера. По наблюдениям Т. А. Чуковой, изображение на вислых печатях конных воинов, которые традиционно сопоставляются не столько со св. Георгием, сколько со св. Феодором Тироном, появляется в начале XIII вв. (Чукова, 2006. С. 52–53, 74, 76.

Рис. 4. 1 – каменная иконка с образом вмч. Георгия, XIII–начало XIV в., Государственный исторический музей; 2 – каменная иконка с образом св. Димитрия Солунского, XIV в., ГРМ, № кам. 45; 3 – каменная иконка с образом св. Георгия, XIV в., ГТГ, № 12691; 4 – рельефная плита с образами св. Димитрия Солунского и святого всадника, около 1062 г., Михайлов Златоверхий монастырь, Киев, ГТГ, № 25536

Fig. 4. 1 – small stone icon with the image of mounted St. George, 13th-beginning of 14th century. State Historical Museum; 2 – small stone icon with the image of St. Demetrius of Thessalonica, 14th century. State Russian Museum; 3 – small stone icons with the image of St. George, 14th century. State Tretyakov Gallery; 4 – relief block with the images of St. Demetrius of Thessalonica and a riding saint, c. 1062. Mikhailov Gold-Roofed Monastery (Kiev) and State Tretyakov Gallery

Рис. 5. 1 – святой всадник – вмч. Феодор Тирон – на печати князя Мстислава Мстиславича (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 268. Таб. 10. № 206), фото и прорисовка; 2 – святой всадник – вмч. Георгий (?) – на печати князя Всеволода Юрьевича (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 269. Таб. 11. № 212), фото и прорисовка; 3 – всадник на печати князя Александра Ярославича (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 276. Таб. 18. № 376), фото и прорисовка; 4–6 – всадник-символ власти на печатах новгородских магистратов конца XIV в.: 4 – печать новгородского посадника Григория Якуновича, фото; 5 – печать новгородского посадника Григория Якуновича, прорисовка (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 293. Таб. 35. № 587); 6 – печать тысяцкого Авраамия, прорисовка (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 294. Таб. 36. № 595а)

Fig. 5. 1 – riding St. Theodore Tyron on a seal of Prince Mstislav Mstislavich, photo and drawing; 2 – riding St. George(?) on a seal of Prince Vsevolod Yuryevich, photo and drawing; 3 – rider on a seal of Prince Alexander Yaroslavich, photo and drawing; 4–6 – rider-symbol of authority on seals of Novgorodian magistrates of the late 14th century: 4 – seal of Novgorod *posadnik* (governor) Grigoriy Yakunovich, photo; 5 – seal of Novgorod *posadnik* Grigoriy Yakunovich, drawing; 6 – seal of *tysyatsky* (head of land militia) Avraamiy, drawing

Рис. 8, 4, 5. Рис. 10, 8, 9, 10, 11). «Федоровские» печати атрибутируются князю Мстиславу Мстиславичу (†1228) (Янин, Т. I. 1970. С. 120–122, 206–207, 266. № 203, 204, 205, 206; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 47, 140–141, 268, 352. № 205, 206) (рис. 5, 1), а печать с изображением пешего св. Димитрия и конным воином, интерпретируемым как св. Георгий, происходящая из Биляра (рис. 5, 2) (Янин, Т. I. 1970. С. 106–107, 208, 267. № 121; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 47–48, 49, 142, 269, 353. № 212), как, впрочем и все «дмитровско-георгиевские печати», атрибутируется как инсигнии власти князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (†1212).

В дальнейшем образ святого всадника на Руси зависел, скорее, от политических метаморфоз, чем от иконографической эволюции. Печати с образом чуда св. Феодора о змие и конным воином с мечом (рис. 5, 3) приписываются св. князю Александру Ярославичу (†1263), причем традиционно датируются временем после 1240 г., так как предполагается, что в первый период своего княжения в Новгороде князь использовал образ пешего святого воина (Янин, Т. II. 1970. С. 7–8, 157–158, 255–256. № 374–378; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 65, 161–163, 276–277. № 374–378). Т. А. Чукова, высказав свои предположения по поводу иконографических

и апокрифических истоков изображения св. Феодора с конем, затруднилась назвать подобные образцы для всадника-меченосца. Заметим, что этот воин вряд ли мог быть мч. Александром Римским, в честь которого, скорее всего, в силу его большей известности, и был поименован князь: иконография этого святого совершенно не известна, а его мученичество и последующие чудеса совершенно ничего не сообщают о кавалерийском достоинстве Александра-Римлянина. Впрочем, к особенностям изображения конного воина, вооруженного мечом, нам еще предстоит вернуться.

Со второй половины XIII в. образ святого всадника на печатях еще больше деперсонализируется. Еще до того, как изображение перекочевало с печатей отца на буллы его сыновей – Дмитрия и Даниила – и было дополнено изначально отсутствующим нимбом (Янин, 1970. Т. II. С. 11–13, 160–161, 162–163, 256–257, 258. № 385–389, 401–402; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 66, 67, 164, 278, 279. № 385–388, 401–402), оно уже подверглось переосмыслению: печати, атрибутируемые сыну святого князя – Андрею Александровичу (†1304) – несут на себе изображение всадника с соколом на руке, «falconry» – не патронального святого, а общепризнанный символ средневековой власти (Янин, 1970. Т. II. С. 14–16, 161, 257. № 390–395; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 66, 165, 278, 392–393. № 390–395). Вооруженный всадник или сокольник, без видимой связи с патрональными отношениями и иконографией святых воинов, становится впоследствии общим местом московской княжеской сфрагистики (Янин, 1970. Т. II. С. 22–24). Мы знаем его на печатях князя Афанасия Даниловича (†1322) (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 174, 283. № 441) и на буллах Дмитрия Ивановича, Василия Васильевича и Ивана Васильевича (Янин, 1970. Т. II. С. 29–34, 166, 168, 260, 261. № 421, 430, 431; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 70–71, 169–171, 281, 282, 283. № 421, 431, 432, 435, 436). Он стал репрезентативен и узнаваем и превратился в символ престижа: на своих печатях его помещают не только московские, великие, но, служилые князья: литовские Наримонт, Александр и Патрикий и белозерские Роман Михайлович и Василий Романович (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 72–74, 172–173, 282–283. № 436 г–к). Похоже, святой на коне, будь то Феодор, Георгий или Дмитрий, «заехал на пастбище» традиционных символов власти европейских государей: «погоню» польских королей и князей литовских или будущего «ездеца» и «копейщика» князей московских, «прописавшихся» впоследствии на российском гербе под именем святого Георгия-Победоносца

(ср.: Лихачев, 1914; Соболева, 1981; Вилинбахов, 1995; 1997; Белецкий, 2001в).

Парадокс такой «самодержавной» иконографии, хорошо объясняемый особенностями менталитета средневековых обществ, заключается в том, что как символ власти в средневековом обществе она оказалась востребована новгородскими республиканскими магистратами, и уже имя стало влиять на осмысление образа, а не традиционная иконография связываться с именем конкретного святого. Всадник-копейщик не просто появляется на печатях посадников Иакова Хотова (1352–1372) (Янин, 1970. Т. II. С. 94–96, 197. № 582) Никиты Матвеевича (1370-е гг.) (Янин, 1970. Т. II. С. 94–96, 197–198. № 583) и Григория Якуновича (1386–1389) (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 87, 192, 293. № 587а), а так же их современника тысяцкого Авраамия (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 90, 195, 294. № 595а), но, судя по сопровождающим надписям, начинает отождествляться держателем буллотиря, резчиком и, очевидно, обществом как небесный покровитель конкретного чиновника, что, как справедливо отметили издатели сфрагистического корпуса Древней Руси, является «иконографическим нонсенсом» (рис. 5, 4, 5, 6). Впрочем, иконография всадников и их коней на «демократических» новгородских моливдовулах XIV в. отличается от современной им образности рыцарей «монархической» сфрагистики, демонстрируя архаичные черты, восходящие к изображениям adventus начала XIII в., то есть тому времени, когда святой всадник въезжает победителем в древнерусскую религиозную культуру. Впрочем, посадничья власть в Новгороде уже в 1370-х гг. освобождается от этой «образной зависимости» от московской власти, переходя на эпиграфический тип печатей (Янин, 1970. Т. II. С. 95).

В пользу принадлежности городищенской иконки к начальным этапам становления иконографии святого всадника на Руси может свидетельствовать еще одна загаданная иконкой загадка. Она связана с изображением ноги всадника в стремени, которая виднеется из-за конской груди. Очевидно, это левая нога, которая принципиально не могла быть видима в профиль, несмотря на то, что она изображена неестественно высоко и чрезмерно вынесена вперед. К тому же, в таком положении, она должна была бы находиться выше передних копыт коня, что так же невозможно как с точки зрения законов изображения, так и сохранившихся на образке реалий.

Существующая иконография позволяет выделить несколько типов изображения ног у святого всадника. В большинстве случаев, на иконках,

относимых Т. В. Николаевой к северно-русской или новгородской группе, нога изображается на брюхе коня (Николаева, 1983. С. 94–95. Таб. 32, 1, 4, 5, 6. № 180, 183, 184, 185) (рис. 6, 1). Реже она изображается на фоне передней правой ноги лошади, как это имеет место на серебряной нагрудной иконке начала XIV в. с образом св. Георгия, держащего в руках стяг; подобные образки хранятся в Сергиево-Посадском и Архангельском музеях (Соломина, 1977. С. 202–205). Гораздо чаще нога всадника помещается между передними и задними ногами коня, иногда ближе к передним, как это характерно и для станковой живописи, и для мелкой пластики (Государственная Третьяковская галерея, 1995. С. 80–81. № 21; Николаева, 1983. С. 91. Таб. 30, 4. № 170) (рис. 6, 3).

Существуют лишь две возможности для оправдания нашего изображения. Одна из них чисто теоретическая: левая нога всадника может быть видна в том случае, если конь изображен вздыбленным, а конская морда и грудь в динамическом порыве развернуты к зрителю так, что частично виден левый бок лошади. Однако такое «ренессансное» изображение не встречается на Руси вплоть до XVI в., как это представлено на иконе новгородской школы конца XV–начала XVI в., ныне хранящейся в Государственной Третьяковской галерее (№ 12 036; 1000-летие русской художественной культуры, 1988. С. 340. № 89). Но даже в таком ракурсе левая нога всадника невидима для нас (рис. 6, 4), точно так же как она не видна и на знаменитом изображении всадника на диптихе Барберини (VI в.), находящемся в собрании Лувра (Алпатов, 1956. Рис. 5) (рис. 6, 5), позднеантичная экспрессия которого предвосхищает иконографию Ренессанса. Впрочем, иллюзия разворота конского корпуса непосредственно к зрителю как раз и вызвана ничем не оправданным изображением на иконке левой ноги всадника.

Еще одна возможность, в принципе, могла бы быть связана с изображением на иконке парных всадников. В этом случае из-за груди первого коня в принципе может быть видна нога второго наездника (рис. 3, 2; 6, 2). Такая композиция известна на образках из Рязанского музея-заповедника и Сергиево-Посадского музея, где изображены свв. Георгий и Димитрий (Николаева, 1983. С. 122, 125. Таб. 50, 5; 52, 1. № 283, 292; Рындина, 1978. С. 54, 153. Рис. 36). Однако эти изображения более чем на столетие моложе нашей иконки, на которой, кстати, нет никаких гипотетических следов другого всадника. Очевидно, изображение левой ноги есть ни что иное, как «иконографическая ошибка», вызванная, скорее всего, невнимательностью

мастера. Однако именно характерные черты этого стремени и сапога позволят нам чуть позднее соотнести образок с конкретной историко-культурной средой.

Итак, перед нами образец киевской каменной пластики первой трети XIII в., относящийся к эпохе становления камнерезного ремесла и ко времени активного проникновения образа святого всадника в христианскую иконографию Византии и Древней Руси. Известно, что конный образ св. Георгия начали чеканить на монетах последних императоров из династии Комнинов (Schlumberger, 1898. P. 502), а образ этого конного святого с копьем представлен на «Березовской чаше», изготовленной в Византии в конце XII в. (Даркевич, 1975. С. 80, 144–149. Рис. 106; Сокровища Приобья, 1996. С. 28, 142–145. № 67; Пятницкий, 2004. С. 128–138. Ил. 2). Стоит отметить, что представленный здесь образ несомненно принадлежит к типу *adventus*, несмотря на то, что необходимость вписать изображение в круг придавала некоторый наклон копыю и конским ногам – «галопирующее» положение. Все это свидетельствует о широкой рецепции подобной иконографии накануне интересующего нас времени.

Мы уже отмечали, что в эпоху становления иконографии святого всадника с вмч. Федором и вмч. Георгием в области почитания соперничал другой конный образ – св. Димитрий Солунский, победно восседающий на своем коне в позе *adventus*. Именно с этим изводом, как представляется, связана целая серия паломнических реликвий, возникших на основе синтеза византийской и европейской культуры, произошедшего в начале XIII в. в границах Латинской империи, предположительно, в Фессалониках (1024–1224). Экземпляры таких свинцовых инсигний представлены, в том числе, и на Руси, в частности, среди находок на Добрынинском раскопе 1999 г. в Новгороде в слоях, датированных 1270-ми гг., и в Звенигороде Галицком, где на похожей реликвии изображены сразу два всадника (Трояновский, 2000. С. 19–20. Рис. 4; Нурало, 2006. P. 258) (рис. 7, 3). О степени распространенности не только этого сюжета, но и вполне узнаваемой иконографии св. Димитрия свидетельствуют бронзовая иконка из собрания Эрмитажа и практически идентичный новгородскому медальон, несколько отличающийся способом изображения креста на своей обратной стороне, из частного собрания в Нью-Йорке (Залеская, 2001. С. 78–82. Рис. 1, 2) (рис. 7, 2, 5). Изображение св. Димитрия на коне или даже поражающего врага в «георгиевском» типе сохранилось вплоть до зрелого средневековья, как это видно на примере

1

2

3

4

5

Рис. 6. 1 – каменная иконка с конным образом св. Георгия, XIV в., ГРМ, № кам. 54; 2 – каменная иконка с парным изображением св. всадников св. Георгия и св. Димитрия, XIV в., Сергиево-Посадский музей заповедник, № 312; 3 – икона св. Георгия, середина XIV в., Новгород, ГТГ, № 12868; 4 – икона св. Георгия, конец XV – начало XVI в., Новгород, ГТГ, № 12036; 5 – диптих Барберини, VI в., Париж, Лувр

Fig. 6. 1 – stone icon with a mounted image of St. George, 14th century. State Russian Museum; 2 – stone icon with paired representation of mounted St. George and St. Demetrius, 14th century. Sergiev-Posad Museum; 3 – icon of St. George. Mid-14th century. Novgorod. State Tretyakov Gallery; 4 – icon of St. George, end of the 15th or beginning of the 16th century, Novgorod. State Tretyakov Gallery; 5 – diptych of Barberini, 6th century, Paris, Louvre

1

2

3

4

5

Рис. 7. 1 – серебряный чеканный образ вмч. Димитрия, XIII в., Брауншвейг-Люнебург;
2 – медальон с изображением св. Димитрия Солунского, частное собрание, Нью-Йорк (Залеская, 2001);
3 – паломническая инсигния со св. Димитрием Солунским с Добрынинского раскопа в Великом Новгороде (1999 г.); 4 – образ св. вмч. Димитрия, стеатит, Византия, XIV в., музей-заповедник «Московский Кремль», № 16 625; 5 – бронзовая иконка со св. Димитрием Солунским, начало XIII в., ГЭ (Залеская, 2001)

Fig. 7. 1 – embossed silver representation of St. Demetrius. 13th century. Brunswick-Люнебург;
2 – pilgrim badge with representation of St. Demetrius of Thessalonica, private collection, New-York;
3 – pilgrim badge with representation of St. Demetrius of Thessalonica from the Dobryninsky site in Veliky Novgorod (1999); 4 – representation of St. Demetrius, steatite, Byzantium, 14th century. Museum of Moscow Kremlin;
5 – bronze icon with the image of St. Demetrius of Thessalonica, early 13th century. State Hermitage

стеатитового образка XIV в. (Константинополь, ок. 1300 г. – ?) из собрания Оружейной палаты Московского Кремля (№ 16 625; *Писарская*, 1964. Таб. XLII–XLIII; *Даркевич*, 1975. С. 147–148. Рис. 209; *Луцко*, 2003б. С. 78–84. Ил. 2) (рис. 7, 4) и на иконе XVI в. из села Сабурово в Московской области (Центральный музей древнерусского искусства им. прп. Андрея Рублева, № 507; *Филатов*, 2003. С. 295–300).

Существует предположение, что особое почитание св. Димитрия в его рыцарском достоинстве конного воина могло быть связано с событиями 1207 г. и поражением «врага Солуни» болгарского царя Калояна, чудо о котором было записано во второй половине XIII в. как «чудо с Иоанном Ставрикием» (*Успенский*, 1948. С. 358–363, 423–436, 461). Связь указанных изображений с новым культом и культурой эпохи Латинской империи, начатой IV Крестовым походом, уже была частично обоснована В. Н. Залесской. Исследовательница не только обратила внимание на латинские буквы на щите св. Димитрия эрмитажной иконки и на серию отверстий, идущих по краю новгородского медальона, которые роднят его с нашивавшимися на одежду паломническими инсигниями в Западной Европе и совершенно не присущи паломнической культуре восточно-христианского мира, но и сочла вооружение всадника характерным для западноевропейских рыцарей. Определенно к этому же кругу изображений и той же культурной традиции относится чеканенная серебряная иконка со св. Дмитрием на коне из сокровищницы Брауншвейг-Люнебурга (*Даркевич* 1975: 145, 147–148, рис. 210), которая условно датируется XII–XIII вв. (рис. 7, 1). Стоит обратить внимание на то, что передняя нога коня сильно вскинута вперед, что при определенных условиях и могло породить иконографические ассоциации, приведшие к появлению на «городищенском» образке левой ноги всадника. Весьма похоже, что конская узда на брауншвейгской иконке имеет такую же бляху-привеску, как и исследуемый сланцевый образок и свинцовые новгородский и нью-йоркский медальоны.

Не все согласились с осмыслением «добрынской» инсигнии как «солунской» и «латинской» (*Степаненко*, 2004. С. 150–161). Лейтмотивом исследования В. П. Степаненко стала оценка подобной интерпретации как «вероятной, но недоказуемой». Несмотря на то, что чтение имени «Димитрий» на новгородском медальоне оказывается «предпочтительным» по отношению к возможным альтернативам, автор замечает, что культ «свободителя пленных» в Восточном Средиземноморье

прежде всего связан с именем вмч. Георгия. Напомним, что на новгородском медальоне святой всадник как раз изображен с освобожденным из плена юношей, сидящим на крупе коня. Даже если на медальоне изображен св. Димитрий Солунский, то подобная иконография, как и роль освободителя, по мнению В. П. Степаненко, для него вторичны (*Смирнова*, 2003. С. 420–428). Исследователь возражает против однозначного отнесения типа вооружения всадника на бронзовой иконке из Эрмитажа к западноевропейскому, считая, что ни одна из деталей одеяния и вооружения не позволяют однозначно атрибутировать иконку культуре латинской Фессалоники. Отверстия на новгородском медальоне он рассматривает как следы его прикрепления к «жесткому основанию»: паломническая реликвия «во вторичном использовании» превратилась в «молельный образ». Сам стиль изображения определяется как византизирующий, а не византийский. В. П. Степаненко указал и другие свинцовые иконки, которые по стилистике и технике оказываются весьма близки новгородскому медальону, за исключением, правда, самого факта изображения конного святого. Речь идет о серии произведений, происходящих с территории Болгарии (*Томев*, 2000. С. 362–369). К сожалению, недавно обнаруженная подобная иконка, хранящаяся ныне в археологическом музее Мюнхена, была найдена вне археологического контекста (№ 1145; *Die Welt von Byzanz*, 2004. P. 183. № 246) (рис. 8). Весьма вероятно, что они изготавливались в одной мастерской, и В. П. Степаненко выдвигает гипотезу о том, что подобные свинцовые иконки создавались «на территории Балканского полуострова, возможно в Болгарии после 1185 г.» в связи «с нуждами культа св. Димитрия как покровителя Второго Болгарского царства», и что они копировали «разновременные, преимущественно византийские оригиналы, очевидно, созданные в Фессалониках или же являющиеся их творческой переработкой» (*Степаненко*, 2004. С. 158). Впоследствии исследователь несколько уточнил свои взгляды на произведение, лишь расширив иконографический ряд аналогий и выработав при этом свою типологию изображений конных святых в христианском искусстве (*Степаненко*, 2005. С. 245–260).

Поскольку гипотетические оригиналы для такого рода «византизирующих» образцов остаются нам до сих пор неизвестны, мы предполагаем, что в случае с новгородским медальоном мы как раз и имеем дело с самим «солунским оригиналом». «Латинские» истоки паломнической реликвии очевидны не только из-за возможного способа

Рис. 8. Образ святых воинов, свинец, Балканы, XIII в., Археологический музей, Мюнхен. № 1145.

Fig. 8. Saint warriors, lead, Balkans, 13th century. Archaeological Museum, Munich

ее ношения, но и из-за самого материала и особенностей технологии изображения. Скорее всего, мы имеем дело с перенесением техники мелкого свинцового литья из Западной Европы в Восточное Средиземноморье вместе с ее носителями – ремесленниками, сопровождавшими рыцарскую аристократию в ее натиске на Восток. Для свинцовых изделий этого круга был характерен невысокий рельеф, переданный четкими тонкими замкнутыми линиями, внутреннее пространство между которыми заполнялось сетчатым орнаментом. Именно так изготавливались многочисленные свинцовые жетоны в Англии XIII в. (*Schofield, Vince, 2003. P. 159. Fig. 5, 3*), именно в подобной стилистике и технике была сделана серия свинцово-оловянистых ложек с христианской символикой, происходящая из Европы и Новгорода (*Meyer O., Wyss, Meyer N., Coxall, 1985. P. 101–102. Fig. 72, 2; Fuglesang, 1991. P. 232–239; Янин и др., 2006. С. 7, 10, 12. Рис. 1, 4*), и именно эти черты мы наблюдаем на новгородской, нью-йоркской и болгарских иконках.

Влияние рыцарской иконографии эпохи Латинской империи, которая стала модной и в восточнохристианском мире, не ограничивалось паломнической культурой и территорией Балкан. Эта иконография, судя по всему, активно проникала в многообразии собственных форм в светский и церковный быт Древней Руси. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского, обнаруженное близ села Мужы в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, по мнению исследователей, обладает целым рядом черт, прежде всего, в области его декоративной

композиции, иконографических особенностей и орнаментальных деталей, указывающих на изготовление изделия в столице Византии под явным влиянием западноевропейских вкусов и ремесленных традиций в эпоху господства «латинян» (*Маршак, 2003. С. 16, 26–34. Ил. 1, 25*). Одной из характерных сцен, расположенных справа от центрального изображения, является «Бой трех всадников», где мечник спешит на помощь копейщику, сражающемуся с лучником: если поединок копейщика и лучника был обычным сюжетом для таких произведений, то мечник оказывается очевидным новшеством (рис. 9, 1). По мнению Б. И. Маршака, здесь изображен реальный эпизод, когда император Генрих Фландрский в 1208 г. во время битвы с войском болгарского царя Борила под Филиппополем лично поспешил на помощь одному из своих рыцарей, Лиенару. Эта гипотеза позволила не только сузить предполагаемую дату изготовления блюда до 1208–1216 гг., но даже приписать его Герарду, мастеру из Мааса, трудившемуся в то время в Константинополе. Автор интерпретации, отмечает, что у лошади, на которой сидит особо заинтересовавший нас воин, широкая «рыцарская сбруя», обычная для Европы. Однако, и сама поза всадника с воздетым и обращенным к себе мечом вообще оказывается более характерной для западноевропейского искусства (*Рындина, 1978. С. 139. Ил. 16; Древний Новгород, 1985. С. 87. № 164; ср.: Даркевич, 1975. С. 148. Рис. 214*). Подобное изображение, выполненное в технике лиможской эмали, на которой представлен Годфруа Плантагенет (1151–1160) с поднятым мечом, сохранилось при одной из икон в Солуни (*Рындина, 1978. С. 35. Примеч. 22*), городе, который видится нам одним из ключевых в нашем исследовании. Мы предполагаем, что именно эта рыцарская иконография, светская по своему происхождению, запечатлевшая всадника во время боя, которая, как выяснилось, была хорошо известна на Руси, оказалась заимствована моливдовулами князя Александра Ярославича, речь о которых шла несколько выше.

В этой связи, не стоит искать в данном всаднике святого покровителя князя или античного героя – герой Невской битвы был первым, кто в качестве собственного символа избрал не небесного патрона, а деперсонифицированный образ воинской доблести, да еще к тому же воспринятый им из латинской культуры. Это изображение имеет прямые аналогии в массовом типе европейских печатей (*equestrian type*), несущих на себе изображение конного рыцаря, который появляется уже в конце XI в. и привносится французским дворянством на Балканы эпохи Латинской Империи первой половины XIII в. (*Shlumberger, 1879. P. 36, 38–*

39, № 22, 24; *Birch de Gray*, 1907. Pl. IV, V, 2, 4, 6, XXII, 9) (рис. 9, 2–6). Именно на этих печатях мы видим изображение ноги всадника, полностью идентичное по очертаниям сапога и способу крепления стремени изображению на «городищенской» иконке. Очевидно, именно из мира латинской культуры Балкан, а не через западные области Руси, как в свое время предполагал А. А. Молчанов (*Молчанов*, 1987. С. 28–31), рыцарь как символ суверенной и вооруженной власти попал на печати Александра Ярославича, превратившись в «ездеца».

На светский характер всадника на печатях этого князя уже указывал В. Л. Янин (*Янин*, 1970. Т. II. С. 23). Позднее, как хорошо видно на стеатитовой иконе из Московского кремля, изображение святого всадника с мечом было целиком воспринято солунским культом вмч. Димитрия, однако святому была придана поза, традиционная для *adventus* и меч принял вертикальное и торжественное положение: воинский подвиг сменился священным предстоянием. Доказанное, по нашему мнению, «латинско-солунское» происхождение новгородского медальона со св. Димитрием и некоторые особенности иконографии святого всадника на городищенской иконке позволяют отнести обе святыни к одному культурному кругу. Обоим произведениям присущ характерный изгиб конской шеи и круглая подвеска к широкой упряжи европейского типа, более не встречаемая на других образах конных святых.

Итак, скорее всего, на найденной на Рюриковом городище иконке присутствует конное изображение св. Димитрия Солунского, хорошо вписывающееся в новые иконографические предпочтения эпохи, связанные с рыцарской культурой времен господства латинян в Византии, и изготовленное в первой трети XIII в. в киевской камнерезной мастерской в эпоху ее становления. Учитывая наблюдения Т. В. Николаевой о связи изготовленных здесь произведений каменной пластики с искусством иконы и книжной миниатюрой высокого художественного уровня, создававшихся при монастырях, архиерейских домах, а, возможно, и при княжеском дворе (*Николаева*, 1983. С. 47), мы осмеливаемся добавить – в княжеской мастерской в Киеве, на что косвенно указывает и присутствующий на иконке двузубец.

Настало время обратиться к его интерпретации. Тамгообразный знак, как мы уже его описывали, представляет собой двузубец колоколовидных очертаний, левый зубец отогнут наружу, правый прямой со слегка расширяющимся (т-образным) завершением, на правом зубце отрог внутрь,

а ножка отогнута вправо. Такой знак и близкие к нему изводы хорошо представлены на целом ряде предметов древнерусской материальной культуры, и в силу этого известны в научной литературе. С. В. Белецкий приписывает его к разряду 3 своей классификации, и включает в совокупность типа I/3/14 (*Белецкий*, 2001а. С. 76. Таб. 63, 1). Такой знак, если только он был сделан с расчетом на оттиск и зеркальное восприятие, изображен на перстне-печатке, найденном в селе Крылос близ Галича (*Володченко*, 1951. С. 62. Рис. 15). Аналогичный знак присутствует на моливдовуле, найденном в Киевской области, на аверсе которого изображен Архангел (*Янин, Гайдуков*, 1998б. С. 348. Рис. 18. № 298а) (рис. 10, 1).

Прежде, чем предложить нашу интерпретацию этого знака, отметим, что в древнерусской геральдике широко распространен знак, зеркально симметричный по отношению к «городищенскому двузубцу», с ножкой отогнутой влево и с отрогом на левом зубце, который отнесен С. В. Белецким к типу I/4/12 (*Белецкий*, 2001а. С. 79–80. Таб. 55, 7, 8). Он представлен на серии пломб дрогичинского типа из самого Дрогичина, а также Новгорода, Торжка, Городца, Старой Ладogi, на печатях из Белоозера и Новгорода (*Янин*, 1970. Т. I. С. 141–146, 219–220. № 297, 298, 299; *Янин, Гайдуков*, 1998а. С. 57, 151, 272. Таб. 14. № 297, 298, 299, 299а). Пломба, несущая на одной из своих сторон вышеописанный знак, а на другой – идентичный, но дополненный отогнутой наружу ветвью левого зубца, была найдена на Рюриковом городище (НОЭ-2000, РГ-10-п. м., северный берег Сиверсова канала; рис. 10, 2). Такой же знак изображен и на Золотых воротах во Владимире и на Белокаменном кивории в Боголюбове, что позволило Б. А. Рыбакову приписать его князю Андрею Боголюбскому, а В. Л. Янину – связать его с одной из ветвей потомков суздальских Мономаховичей-Мстиславичей, а конкретно – с кругом ближайших родственников князя Андрея Боголюбского из числа братьев и сыновей, предпочтение среди которых отдавалось Мстиславу Юрьевичу и Юрию Андреевичу, княжившим в Новгороде соответственно в 1155–1157 и 1172–1175 гг. Двузубец с основанием в форме «ласточкиного хвоста», по мнению исследователя, связан с другой ветвью Мстиславичей, одним из «побегов» которой могли быть и смоленские Ростиславичи (*Рыбаков*, 1940. С. 232. Рис. 13; *Янин*, 1956б. С. 16; *Янин*, 1970. Т. I. С. 145–146) (рис. 11, 2, 3). Отметим одну характерную деталь, прослеживаемую в соотношении знаков Рюриковичей и персонажей христианской истории на древнерусских моливдовулах: один и тот же знак может сопровождаться изображением

1

2

3

4

5

6

Рис. 9. 1 – Изображение «боя трех всадников» на блюде со сценой вознесения Александра Македонского из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа, Константинополь, начало XIII в., Шурышкарский краеведческий музей; 2 – печать рыцаря Narjaud de Toney, †1241, Латинская империя (Shlumberger, 1879. № 20); 3 – печать графа Philippe de Toney, ок. 1251 г., Латинская империя (Shlumberger, 1879. № 24); 4 – печать короля Англии Генриха II, 1243 г. (Birch de Gray, 1907. Pl. V, 2); 5 – печать короля Англии Вильгельма II, 1087–1100 гг., (Birch de Gray, 1907. Pl. IV); 6 – печать рыцаря Milo Glocestria, Англия, XII в. (Birch de Gray, 1907. Pl. XXII, 9).

Fig. 9. 1 – Representation of the «fight of three horsemen» on a dish with a scene of the ascension of Alexander of Macedon. Constantinople, early 13th century From the village of Muzhi in Yamalo-Nenets autonomous district, Shuryshkar Regional Museum; 2 – seal of knight Narjaud de Toney, †1241, Latin Empire; 3 – seal of count Philippe de Toney, c. 1251, Latin Empire; 4 – seal of king of England Henry II, 1243; 5 – seal of king of England William II, 1087–1100; 6 – seal of knight Milo Glocestria, England, 12th century

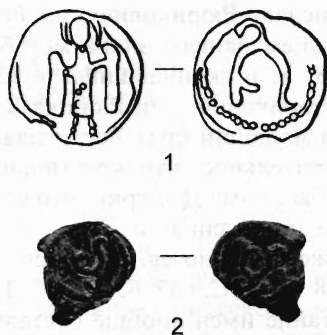

Рис. 10. 1 – молибдовул с княжеским знаком, идентичным изображенному на иконке, и образом архангела из Киевской области, аверс и реверс (Янин, Гайдуков, 1998б. Рис. 18); 2 – пломба с княжескими знаками смоленских Ростиславичей, найденная на Рюриковом Городище в 2000 г., аверс и реверс (НОЭ-2000; РГ-10)

Fig. 10. 1 – molybodobull with a princely sign identical to that represented on the icon here discussed and the image of an archangel from Kiev Oblast; 2 – a seal with princely signs of Rostislavichs of Smolensk found at Rurik Gorodishche in 2000

различных святых. Так, на печатях с двузубцем, правый зубец и ножка которого повернуты вправо, а на левом зубце отрог обращен внутрь и вниз, происходящих из Новгорода и Белоозера, можно встретить образы свт. Николая, мч. Мины и, возможно, архангела Михаила (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 151. № 297, 5; 298, 1). Такое представляется возможным в двух случаях: одинаковые знаки могли усваиваться членам династии через поколения или же двузубец отражал юрисдикцию конкретного князя, а патрональное изображение соотносилось с княжеским чиновником – держателем буллотирия, находящимся в этой юрисдикции. В. Л. Янин связывает эти печати с должностью тысяцкого (Янин, 1970. Т. I. С. 143–145).

Пытаясь атрибутировать описанные выше знаки, С. В. Белецкий посчитал, что знаком с отогнутыми наружу зубцами, вертикальной ножкой и отрогом на левом зубце пользовался князь Ростислав Мстиславич Смоленский (†1168), тогда как на похожий знак с отрогом на правом зубце могли претендовать его братья Изяслав (†1154) или Владимир (†1172). В результате, знаки с отрогом внутрь на правом зубце оказались усвоены потомкам Изяслава Мстиславича (Белецкий, 2001б. С. 193–198. Рис. 4, 5, 6). В частности, такой знак на прямой ножке представлен на граффити на подпружной арке церкви Успения Богородицы в Старой Ладогe (Гусева, Воинова, 1995. С. 75–89. Рис. 2а).

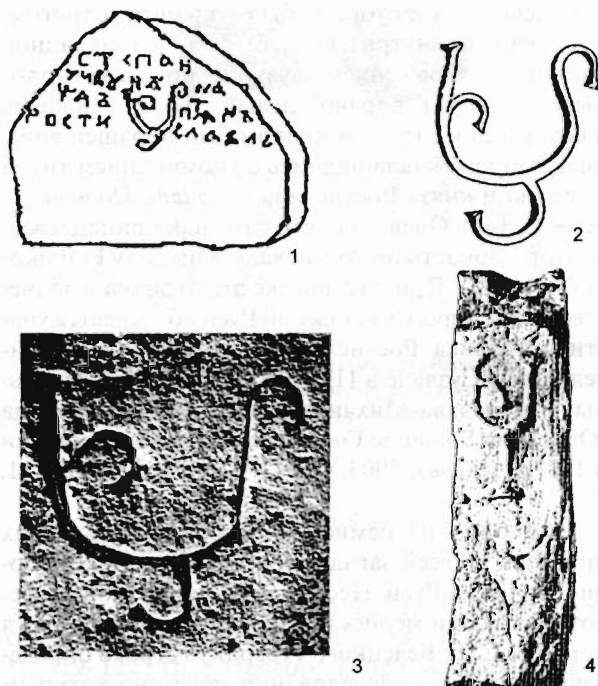

Рис. 11. Княжеские знаки Ростислава Рюриковича (1172–1218) на архитектурных памятниках Смоленска, Владимира и Боголюбова (Жерве, 2003. С. 118. Рис. 5): 1 – закладной камень Стефана, тиуна князя Ростислава Рюриковича, из собора Троицкого монастыря на Кловке, Смоленск; 2 – граффито на Золотых воротах, Владимир; 3 – знак на белокаменном кивории, Боголюбово; 4 – знак из Собора Троицкого монастыря на Кловке, Смоленск

Fig. 11. Princely signs of Rostislav Rurikovich (1172–1218) on architectural monuments in the cities of Smolensk, Vladimir and Bogolyubovo: 1 – the foundation stone of Stephan, *tiun* of Prince Rostislav Rurikovich, from the cathedral of the Monastery of the Holy Trinity on the Klovka, Smolensk; 2 – graffito on the Golden Gate, Vladimir; 3 – sign on the white-stone ciborium, Bogolyubovo; 4 – sign from the Monastery of the Holy Trinity on the Klovka, Smolensk

Заметим, что эпоха строительства Успенской церкви в Ладогe и ее дальнейшая судьба (1150–1160-е гг.) связана в истории новгородско-княжеских отношений не с Изяславичами, а с активным присутствием в Новгороде именно смоленской династии в лице самого Ростислава и его сыновей Давида, Святослава и Рюрика, одному из которых, скорее всего и принадлежал этот знак. А. А. Молчанов также соотносил один из знаков с отрогом на правом зубце со смоленским Романом Мстиславичем (†1180) (Молчанов, 1985. С. 75–76, 81).

В 1997 г. в истории изучения знаков Рюриковичей произошло знаменательное событие. В Троицком монастыре на Кловке в Смоленске, построенном в 1190-е гг., где уже ранее была обнаружена плинфа со знаком, имевшим прямые ножку и зуб-

цы, левый из которых был украшен отрогом, обращенным внутрь и вниз, был найден закладной камень с изображением двузубца, ножка которого была отогнута вправо, левый зубец – налево, а внутренний отрог на правом был обращен вниз. Знак сопровождала надпись с упоминанием тиуна Стефана и князя Ростислава (*Торшин, Иоаннисян, 1999. С. 144*). Очевидно, что сам знак принадлежал ктитору монастыря Ростиславу-Михаилу Рюриковичу (†1218). Присутствие же этого знака в зодчестве Владимиро-Суздальской Руси объясняется участием Рюрика Ростиславича в каменном строительстве в Суздале в 1190-е гг. в контексте женитьбы Ростислава-Михаила на дочери Всеволода Юрьевича Большое Гнездо Верхуслане-Анастасии в 1187 г. (*Жервэ, 2003. С. 111–124. Рис. 5*) (рис. 11, 1, 4).

Это одна из немногих персонифицирующих привязок во всей загадочной истории знаков Рюриковичей на Руси. Несомненно, существовала некоторая закономерность в их использовании, хотя попытка С. В. Белецкого утвердить строго определенные правила наследования, согласно которым старший сын менял форму ножки отцовского знака, а младшие сыновья вносили изменения в форму зубцов, при этом форма ножки характеризовала колена рода, а отрог на правом зубце свидетельствует о принадлежности к конкретной ветви (*Белецкий, 1998. С. 195–205; Белецкий, 2001б. С. 193*), не представляется нам убедительной. Мы уже предполагали, что знаки вполне могли наследоваться через поколения, поскольку математическое количество сочетаний присущих двузубцам признаков плохо соотносилось с плодovitостью правящей на Руси династии.

Изменение формы ножки действительно, скорее всего, отражает отношения между отцом и сыном, что неоднократно засвидетельствовано на пломбах дрогичинского типа, если применить к этим скрепам методологический принцип Н. П. Лихачева. Метод предполагает, напомним, что изображение на аверсе характеризует владельца печати, и на реверсе – его отца, что в общепринятой практике соответствует имени и отчеству. В развитие этого принципа мы предполагаем, что зеркально симметричные знаки могли быть характерны для родных и двоюродных братьев, как это, скорее всего, и было у Изяслава и Ростислава Мстиславичей, обладавших симметричными отрогами на зубцах (ср.: *Белецкий, 2000. С. 216–225; 2001. С. 197*).

С учетом нашего предположения и того факта, что знак, зеркальный по отношению к изображенному на городищенской иконке, принадлежал

князю Ростиславу Рюриковичу, наиболее вероятным владельцем нашего знака мог быть родившийся в 1187 г. и скончавшийся в 1239 г. князь Владимир Рюрикович, сын Рюрика-Василия Ростиславича и младший брат Ростислава-Михаила. Самое замечательное, что крестильным именем Владимира было имя Дмитрий, что соответствует нашему предположению о том, что на иконке был изображен именно св. Димитрий Солунский (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 657–658; 1843. Т. II. С. 136). Такое сочетание имен вообще составляло устойчивую антропонимическую пару в княжеской среде конца XII–начала XIII вв. (*Литвина, Успенский, 2006. С. 427–429, 500–501*). Так, Владимиром-Дмитрием был сын Всеволода Большое Гнездо (†1227) и его внук, сын Константина Всеволодовича (†1249). Итак, на иконке, найденной на Городище, изображен не только святой, тезоименный князю Владимиру Рюриковичу, но и лично-родовой знак этого человека. Единственная атрибутируемая этому князю печать – позолоченный аргировул с Княжей горы из-под Канева – с образом св. Дмитрия Солунского на одной стороне и изображением свт. Василия Кесарийского на другой (*Лихачев, 1928–1930. Вып. I. С. 56–58; Янин, 1970. Т. I. С. 107, 209. № 216*) (рис. 12) не позволяет уточнить нашу интерпретацию изображения, поскольку небесный покровитель князя изображен здесь пешим с копьем и со щитом.

Вообще, мы сталкиваемся с целым рядом замечательных совпадений, которые придают нашей гипотезе дополнительную достоверность: узкий временной интервал изготовления иконки – первая треть XIII в.; предположительное происхождение самого материала из-под Овруча (*Павленко, 2004. С. 215–218; 2006. С. 145–148*); очень вероятное изображение св. Димитрия, соответствующее как особенностям «латинско-солунской» иконо-графии всадника, распространяемой через покоренную крестоносцами Византию, так и степени почитания этого святого; принадлежность образка к киевской мастерской, для которой была характерна культовая пластика с образом св. Димитрия; его соименность киевскому правителю, занимавшему великокняжеский стол в 1219/24–1235 гг.; возможная принадлежность княжеского знака именно Владимиру-Дмитрию, вновь характеризующая сюжет иконки как патрональный.

Не противоречат нашему предположению и существовавшие политические и культурные связи Владимира Рюриковича с Новгородом и, естественно, с Городищем. Сам князь, человек сложной судьбы, в 1205–1206 гг. находился вместе с отцом в Южной Руси, где бывал и ранее, и был интерни-

рван вместе с братом Ростиславом в Галиче по приказу князя Романа Галицкого (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 420). Однако уже в 1207 г., после того, как его отец Рюрик сбросил с себя монашеский образ, в который был насильственно пострижен, и вновь занял Киевский стол, Владимир возвращается из ссылки, участвует в походе на Галич и получает Переяславское княжение (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 428; 1843. Т. II. С. 330; 2000. Т. XV. С. 304). После изгнания князем Всеволодом Святославичем смоленских Ростиславичей из Русской земли в 1213 г., эта «семья» бежит в Новгород жаловаться Мстиславу Удатному на обиду (ПСРЛ, 1843. Т. II. С. 333). Нам остается неизвестным, путешествовали ли вместе с ними и княживший в Переяславле Владимир-Димитрий. Но очевидно, что именно в это время он получает Смоленское княжение: в битве при Липице в 1216 г. Владимир выступает против суздальских князей в качестве союзника новгородского Мстислава Мстиславича вместе со «смолянами» (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 492–502; НПЛ, 1950. С. 55–57, 254–258). В походе на Галич в 1218 г. смоленский князь вновь выступает в союзе с Мстиславом (ПСРЛ, 1843. Т. II. С. 334; 2000. Т. XV. С. 334). В 1218/19 г. он в первый раз оказывается на княжении в Киеве, возможно, как соправитель Мстислава Романовича, своего братанича, не забывая, впрочем, и Смоленска (НПЛ, 1950. С. 59, 261). После битвы на Калке, в 1224 г., князь Владимир «прибежал» в Киев и вновь «сел» на Киевский стол 16 июля, где княжил 10 лет (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 506, 509, 513; 1843. Т. II. С. 336–338; 2000. Т. XV. С. 340, 343). В 1226 г. при посредстве митрополита Кирилла он заключает мир с Юрием Всеволодовичем и суздальскими князьями, который закрепляет в 1230 г. браком своей дочери с Всеволодом Юрьевичем (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 448, 454). В 1232 г. участвует в антигалицкой коалиции вместе с Изяславом Мстиславичем (ПСРЛ, 1843. Т. II. С. 336; 1998. Т. II. С. 766, 770–778). Будучи изгнан из Киева в 1235 г. тем же Изяславом Северским и Михаилом Всеволодовичем Черниговским, Владимир-Дмитрий попадает в плен к половцам. Освободившись с помощью выкупа в 1236 г., предпринимает неудачные попытки вернуть себе Киев. Очевидно, Владимир Рюрикович умирает около 1239 г. (ПЛ, 1955. С. 79; ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 513; 1843. Т. II. С. 337, 338; Соловьев, 1988. С. 717).

Этот князь, большая часть жизни которого была связана с Киевом, где и была изготовлена его патрональная иконка, никогда не княжил в Новгороде, однако в 1210–х гг. он был союзником новгородских князей, в частности, своего двоюродного брата Мстислава Мстиславича Удатного, кня-

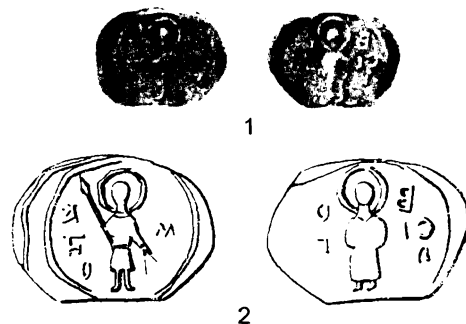

Рис. 12. Печать с образами свт. Василия и вмч. Димитрия, атрибутируемая князю Владимиру Рюриковичу, серебро, позолота. 1 – фото; 2 – прорисовка (Янин, 1970. Т. I. С. 209. № 216)

Fig. 12. Seal with the images of St Basil and St. Demetrius attributed to Prince Vladimir Rurikovich. Silver, gilded. 1 – photo; 2 – drawing

жившего здесь в 1209–1215 и 1216–1218 гг., и участвовал в его военных операциях 1216 и 1218 гг. В 1219–1221 гг. в Новгороде правил его двоюродный племянник Всеволод-Петр Мстиславович, преуспевший в борьбе с боярской оппозицией и укрепивший здесь княжескую власть (Янин, 2003. С. 121–135, 191–192; Литвина, Успенский, 2006. С. 504). Впоследствии он заключил союз с суздальскими князьями, фактически признав их суверенами Новгорода и отказавшись от прав на «вторую власть» на Руси.

Проведенное нами исследование, неизбежно основанное на ряде допущений, создает, тем не менее, достаточно серьезные основания для интерпретации найденного на Городище фрагмента каменной иконки как конного образа св. Дмитрия Солунского, являвшегося патрональным для князя Владимира-Дмитрия Рюриковича и изготовленного в 1204–1220-е гг. в княжеской мастерской в Киеве по иконографическим образцам, заимствованным из Латинской империи. Трудно сказать, с каким из периодов жизни этого князя было связано появление его персональной святыни в Новгороде, и было ли оно вообще связано с каким-либо общественно значимым событием или лицом, удостоившимся внимания летописца. Быть может, образок попал на территорию княжеской резиденции в те годы, когда здесь жили и правили родственники Димитрия-Василия, через членов княжеской семьи или кого-то из княжеских приближенных. Но может быть, иконка была принесена сюда одним из тех безымянных для нас насельников Древней Руси, которым мы обязаны своей историей...

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА НОВГОРОДСКОГО (РЮРИКОВА) ГОРОДИЩА

Алексей В. Плохов*

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

MEDIEVAL GLASSWARE FROM NOVGOROD (RYURIK) GORODISHCHE

Alexey V. Plokhov

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *The collection from Gorodishche comprises over two hundred fragments of glassware. Most of the finds come from the area of excavations of 1980–1989 where the remains of a princely tower-chamber of the 12th–15th century have been uncovered. Quantitative spectral analysis of the samples of glass has shown that they belonged to two major groups: potash-lead glass of the ancient Russian provenience (55%) and ash glass (40%) founded using ash of the salt-marsh plants in workshops of Byzantium, Syria and Egypt. The fragments collected belonged to lamps, glasses on hollow or ring-shaped bases and to vessels with slightly concave bottoms. Among the ware manufactured in Byzantine workshops there were fragments of milky-white opaque glass with designs painted in gold and/or red enamel including one with the depiction of a predatory beast hunting a hare. There were also fragments of blue, red-violet transparent glass decorated with gold and yellow and white enamel. Of Syrian and Egyptian provenience were fragmentary vessels made from colourless transparent glass mostly painted with gold and coloured enamels. Most of the fragments found belonged to beakers. The ware from workshops of the Eastern Mediterranean included fragments of glass with applied and marvered trails. The largest of the fragments was decorated with «bird's feather» ornamentation and judging by its profile was part of a cover. A few fragments were of the blown glass imported from Western Europe. Among the rare finds are a beaker and a wall fragment of a vessel decorated with blue applied thread and applied wave of colourless glass.*

За годы раскопок на Городище были сделаны тысячи находок предметов, представляющих материальную культуру поселения. Одни категории вещей достаточно полно освещены в публикациях, тогда как другие лишь упоминаются. К последним следует отнести и обломки стеклянной посуды¹.

В коллекциях, полученных в результате работ на Рюриковом городище, имеется около двух сотен фрагментов посудного стекла. Они были найдены как в процессе раскопок², так и при сборе подъемного материала. Осколки средневекового стекла встречены в разных частях памятника от вершины холма вплоть до мысовой части поселения. Основная масса находок происходит из раскопа 1980–1989 гг., расположенного на вершине холма к югу от церкви Благовещения Пресвятой

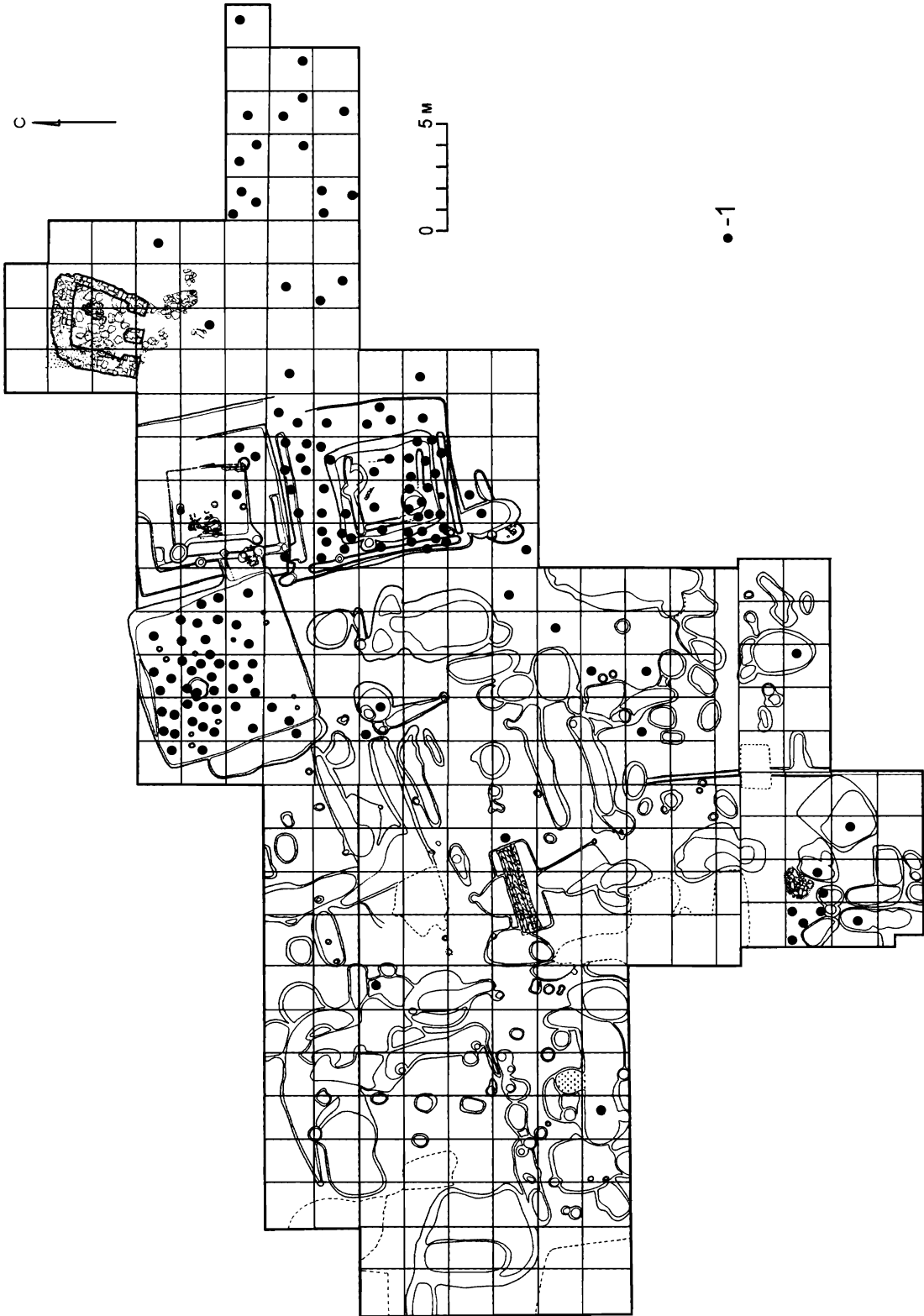
Богородицы, причем обломки стеклянной посуды концентрируются в заполнении крупных углубленных в материк построек и культурном слое над ними (рис. 1).

Большие размеры строений, расположение их вблизи княжеской церкви Благовещения (в 21 м к югу от храма), позволяют предположить, что эти постройки входили в комплекс княжеского двора, находившегося на Городище в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал, найденный в заполнении их подполов. В целом, по совокупности находок и керамическому материалу, время существования первой большой постройки может быть отнесено ко второй половине XII–первой половине XIII в., а второе и третье сооружения функционировали в конце XIII–XV вв.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук РАН в рамках программы «Русская культура в мировой истории».

¹ Большая коллекция осколков стеклянной посуды, собранная на Городище, безусловно, требует специального исследования. Наша работа ставит целью дать только предварительную характеристику этим находкам.

² В статье рассмотрены находки, сделанные до 1993 г. Благодарю научного сотрудника Новгородского объединенного музея-заповедника С. Е. Торопова за помощь в работе с коллекциями в фондах этого учреждения.

•-1

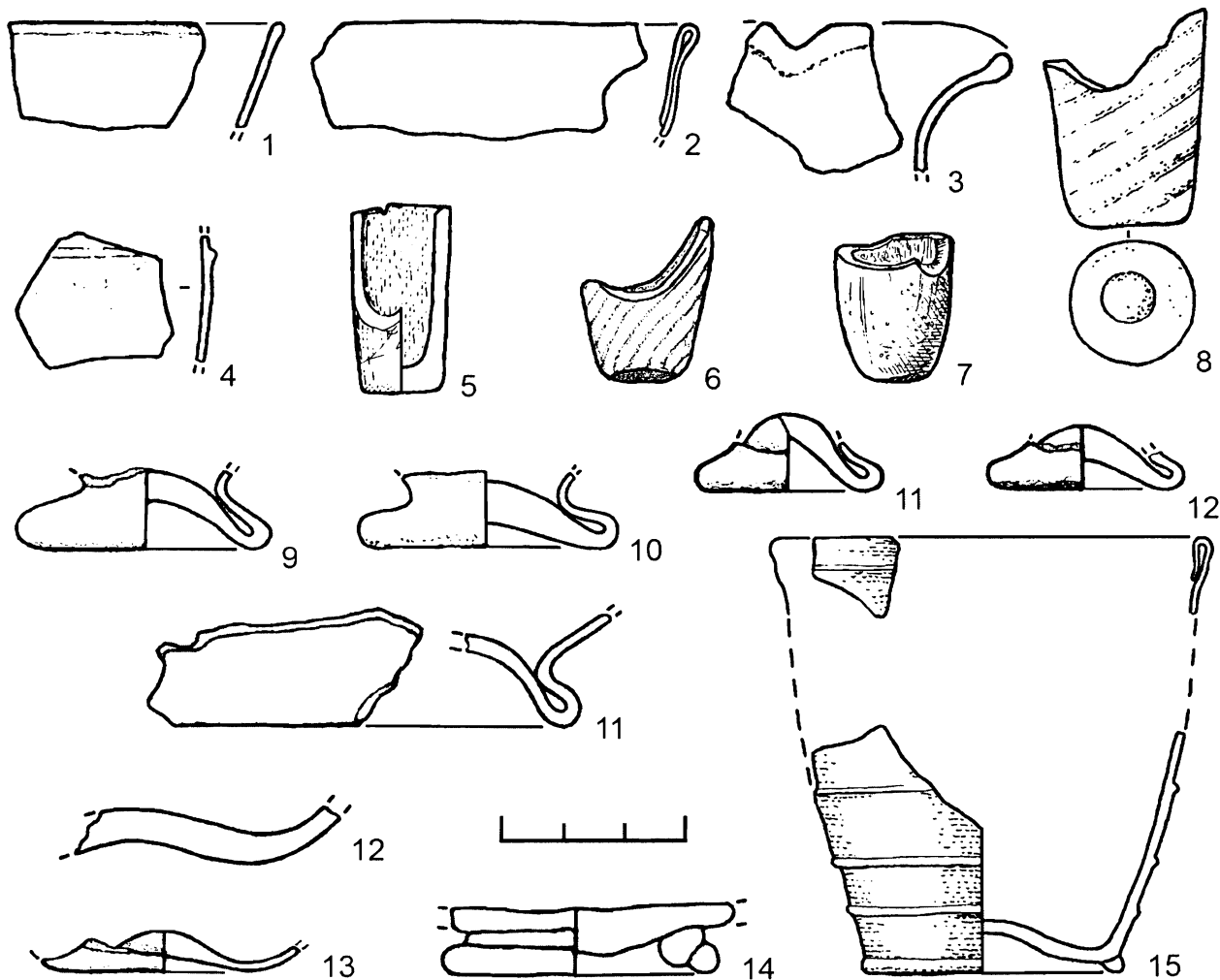

Рис. 2. Городище. Древнерусское стекло из раскопок Е. Н. Носова. 1 – НОЭ-85, РГ-117; 2, 3 – НОЭ-80, РГ-100; 4 – НОЭ-85, РГ-106; 5 – НОЭ-86, РГ-27; 6 – НОЭ-86, РГ-176; 7 – НОЭ-85, РГ-84; 8 – НОЭ-88, РГ-29; 9 – НОЭ-85, РГ-33; 10 – НОЭ-86, РГ-145; 11 – НОЭ-86, РГ-185; 12 – НОЭ-85, РГ-166; 13 – НОЭ-86, РГ-186; 14 – НОЭ-80, РГ-107; 15 – НОЭ-85, РГ-155; 16 – НОЭ-81, РГ-205; 17 – НОЭ-88, РГ-119, РГ-122

Fig. 2. Gorodishche. Ancient Russian glass from E. N. Nosov's excavations

Изучение химического состава проб стекла на основании количественного спектрального анализа, проведенного в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН³, показало его принадлежность к двум основным группам: поташно-свинцовому и зольному, сваренному на золе солончаковых растений.

Поташно-свинцовое стекло традиционно считается продуктом древнерусского производства (Безбородов, 1956; Щапова, 1972). Фрагменты сосу-

дов из стекла этого типа на памятнике составляют более 55%.

К изделиям древнерусского происхождения относятся: осколки 16 венчиков, один из которых имеет оттянутый слив (цв. ил. 4, 1, 2; рис. 2, 1–3); 26 донцев (типы 1, 2, 3 и 4-й по Ю. Л. Щаповой) (Щапова, 1963. С. 118. Рис. 5); 35 стенок сосудов из прозрачного бесцветного (8 экз.), желтоватого (51 экз.), зеленоватого (3 экз.), бирюзового (4 экз.) и фиолетового⁴ (3 экз.) стекла (рис. 3; 5; 6, 1, 2; 8, 1, 3–5). Их поверхность в большей или меньшей сте-

³ Анализы выполнены в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В. А. Галибиным и А. Н. Егорьковым (См.: Носов, Горюпова, Плохов, 2005. Приложение 3, а также статью А. Н. Егорькова в настоящем сборнике).

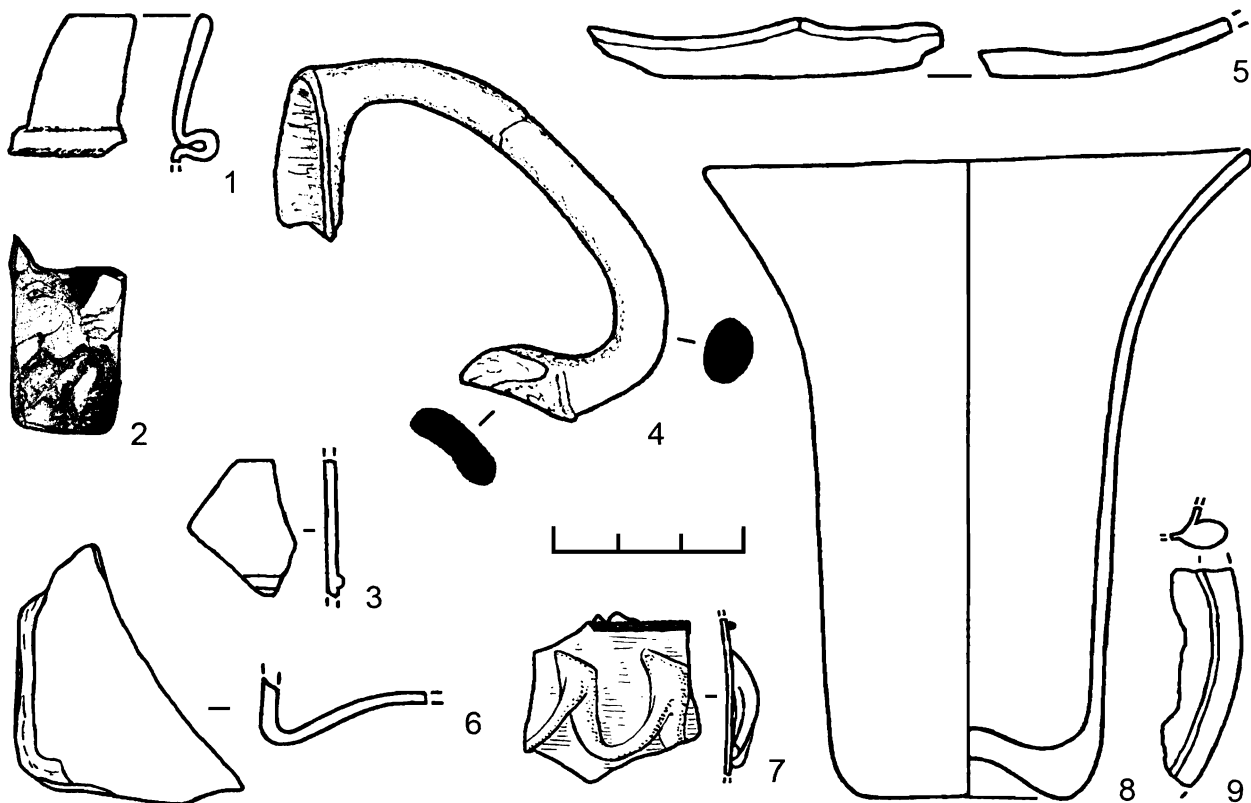

Рис. 3. Городище. Импортное стекло из раскопок Е. Н. Носова. 1 – НАО-75, РГ-141; 2 – НОЭ-85, РГ-152; 3 – НОЭ-88, РГ-125; 4 – НОЭ-83, РГ-220, НОЭ-89, РГ-81; 5 – НОЭ-85/86; 6 – НОЭ-88, РГ-20; 7 – НОЭ-87, РГ-62; 8 – НОЭ-81, РГ-111; 9 – НОЭ-88, РГ-87

Fig. 3. Gorodishche. Glass imports from E. N. Nosov's excavations

пени покрыта паутиной тонких трещин, часто иризована, а иногда стекло и крошится, что нередко можно наблюдать у древнерусских стекол сходного состава. Один обломок венчика и три фрагмента стенок украшены бесцветными выпуклыми накладными нитями (рис. 2, 4), а два других – зеленой и фиолетовой нитями соответственно (цв. ил. 4, 3). Один из обломков декорирован сине-зелеными полосками (цв. ил. 4, 4), а два – фиолетовыми.

Имеющийся в нашем распоряжении материал фрагментарен, что не дает возможность сделать графическую реконструкцию сосудов. Представление о формах найденной стеклянной посуды можно получить по находкам целых или лучше сохранившихся образцов, сделанным на других древнерусских памятниках. Двенадцать узких тяжелых донцов диаметром 1,1–1,9 см с гладкими или рифлеными стенками принадлежали откры-

тым воронкообразным сосудам (тип 2 и 3, по Ю. Л. Щаповой) (Щапова, 1963. С. 118. Рис. 5, 2–4) из прозрачного желтоватого (8 экз.), зеленоватого (3 экз.) и бирюзового (1 экз.) стекла (цв. ил. 4, 5–9; рис. 2, 5–8). Пять донцов найдено в заполнении первой большой постройки. В отечественной литературе традиционно считалось, что остродонные кубки использовались как сосуды для питья, но в последнее десятилетие исследователи пришли к заключению об использовании их в качестве ламп, вставляемых в хорос (Щапова, 1963. С. 123, 136; Щапова, 1972. С. 55; Древняя Русь, 1997. С. 31; Столярова, 1997. С. 102; Столярова, 2004. С. 344, 345; Мусин, 2004. С. 137–151; Валиулина, 2005. С. 52). Хотя осколки сосудов этого типа найдены в культурных напластованиях XI–XII вв. многих древнерусских городов, а также на Билярском городище Волжской Булгарии, но лампы этого

⁴ № 784-28. Здесь и далее номера лабораторных шифров образцов стеклянных сосудов, подвергнутых эмиссионно-спектральному анализу, выполненному А. Н. Егорьковым. См. таблицу № 1 в статье А. Н. Егорькова в настоящем сборнике, где приведено соотношение лабораторных шифров с номерами полевой описи.

типа были наиболее распространены в Новгороде, где, по мнению Ю. Л. Шаповой, они «более или менее равномерно распределены по всей исследованной части Неревского, Славенского и Людина конца» (Шапова, 1972. С. 55. Рис. 11, 1–3; Древняя Русь, 1997. С. 31, 33. Табл. 22, 1, 3–5; 23, 1–3, Валиулина, 2005. С. 51, 52, 119. Рис. 23). В Неревском раскопе эта форма составляет треть от всего числа находок сосудов. Фрагменты ламп встречаются в отложениях второй четверти XI–первой четверти XIII вв., причем основная масса находок датируется второй и третьей четвертью XII в. (Шапова, 1963. С. 122; Шапова, 1972. С. 42, 46, 55; Древняя Русь, 1997. С. 31).

Пять донцев с высоким выгнутым конусом из прозрачного желтоватого стекла принадлежали сосудам с полыми поддонами (рис. 2, 9–13). Диаметр донцев – 2,5, 2,7, 3,5 и 6⁵ см. Стаканы с поддонами стали изготавливаться на Руси со второй половины 30-х годов XII в. (рис. 6, 3–5). Это самая распространенная, особенно в южнорусских городах, форма посуды (Полубояринова, 1963. С. 234; Шапова, 1972. С. 37, 38, 58. Рис. 4, 1; 11, 16, 17; Шапова, 1974. С. 88; Древняя Русь, 1997. С. 32. Табл. 22, 18–22; 24, 3, 4, 5, 9, 15). По мнению Ю. Л. Шаповой, «эта форма определяла весь облик древнерусской посуды домонгольского времени» (Шапова, 1972. С. 58). Встречены подобные стаканы и на памятниках Волжской Булгарии (Полубояринова, 1988. С. 211. Рис. 90, 11; Валиулина, 2005. С. 30, 119. Рис. 6, 4). В Новгороде эти сосуды крайне редки. Они найдены здесь лишь в слоях второй половины XII–начала 80-х гг. XIII вв. (Шапова, 1963. С. 118, 119, 121; 1972. С. 42, 47, 58). Два донца, встреченные на Городище, украшены декоративными полосами фиолетового цвета (цв. ил. 4, 10, 11; рис. 2, 9, 10). Аналогичный по форме и декору экземпляр был найден и при раскопках Старой Рязани (Шапова, 1974. С. 88. Табл. 9).

Два обломка прозрачного, чуть желтоватого стекла являются частями сосудов с устойчивыми слабовыгнутыми донцами диаметром чуть больше 3 см (рис. 2, 15). У одного из них имеется рифление и оно украшено красноватыми полосами (рис. 1, 14). Есть еще фрагмент слабовыгнутого донца диаметром около 3,5 см с небольшим вертикальным рифлением, из бирюзового стекла (цв. ил. 4, 13). Эти днища, по-видимому, принадлежали «стакановидным сосудам» с коническим туловом (Полубояринова, 1963. С. 233. Рис. 1, 1; Шапова, 1972. Рис. 11, 11–14; Полубояринова, 1987, 165, 167.

Рис. 74, 7; Древняя Русь, 1997. Табл. 23, 9, 11–15). Обломки устойчивых бокалов с нешироким дном происходят из слоев конца XI–первой половины XIII в. многих древнерусских городов (Шапова, 1972. С. 32, 33, 36, 42, 46, 48, 52. Рис. 2, 2, 16; 3, 9; 5, 5; 8, 3, 4; 9, 1; 10, 2; Седова, 1978. С. 113. Рис. 34, 2; Столярова, 1997. С. 102, 103; Столярова, 2004. С. 345). Найдены они и на Билярском городище (Валиулина, 2005. С. 29, 30. Рис. 6, 3). По наблюдениям Ю. Л. Шаповой, этот тип древнерусской посуды за время своего бытования претерпевает определенные изменения. Ранние бокалы имеют сильно выгнутое, конусовидное дно, которое ко второй половине XII в. становится менее выделенным. В это же время появляются стаканы с рифлеными стенками (Шапова, 1972. С. 58). Именно к этой поздней группе можно отнести экземпляры, найденные на Городище.

Кроме осколков ламп и стаканов с небольшими донцами на памятнике встречены части двух сосудов с более широким основанием (около 5 см) (рис. 2, 14). Они были изготовлены из прозрачного желтоватого стекла. Донца вогнуты. Широкие донца на территории Древней Руси встречаются в слоях последней четверти XI–первой половины XIII в. (Шапова, 1972. С. 34, 42, 52, 55, 58. Рис. 3, 5; 5, 9; 9, 2). Судя по направлению прилегающих к дну стенок, форма сосудов могла быть цилиндрической или бочонкообразной (Шапова, 1972. С. 46, 47, 55. Рис. 7, 3, 4; 11, 4–10; Древняя Русь, 1997. С. 31. Табл. 23, 4–10, 16).

Одно днище из прозрачного желтоватого стекла, украшенное фиолетовым завитком, принадлежит сосуду на полом поддоне особой формы (цв. ил. 4, 12). Изделия с такими поддонами есть в материалах домонгольского времени на поселениях Новогрудка и Турова (Шапова, 1972. С. 50, 60. Рис. 8, 11, 12; 11, 20). Туровский экземпляр также имеет «в толще дна» фиолетовую полосу (Полубояринова, 1963. С. 234. Рис. 1, 3; 2, 11).

Три донца принадлежат сосудам из прозрачного бесцветного или слабо-желтоватого стекла на кольцевидных поддонах фиолетового или желтоватого цвета (цв. ил. 4, 15; рис. 2, 16, 17). Один экземпляр донца был обнаружен в нижней части заполнения третьей большой постройки. От этого сосуда найдены также обломки стенок и фрагмент венчика⁶, что позволило сделать его надежную графическую реконструкцию (рис. 2, 17). Изделие представляет собой стакан, стенки которого украшены фиолетовыми нитями. Важно отметить, что

⁵ № 784-30.

⁶ № 783-58.

этот сосуд, судя по керамике и вещам, залегающим в едином комплексе вместе с ним, датируется XIV–XV вв. Возможно, вопреки общепринятому мнению, производство посуды из поташно-свинцового стекла продолжилось на Руси и после татаро-монгольского нашествия. Об этом свидетельствуют и находки из раскопок в Тверском кремле (Егорьков, 2001. С. 138–148). Впрочем, детальный анализ состава позволяет также предполагать, что стакан был произведен в западноевропейской мастерской⁷.

Около 40% обломков городищенского посуды изготовлено из зольного стекла с преобладанием соединений натрия над соединениями калия. Такое стекло варилось на золе солончаковых растений в мастерских разных центров Восточного Средиземноморья, в том числе и в Византии в XI–XII вв. В настоящее время ученые не могут по химическому составу распознать изделия, выполненные мастерами различных восточно-средиземноморских регионов (Щанова, 1974. С. 81, 83, 87; Щанова, 1998. С. 91, 92).

На основании отмеченных различий в форме и декоре, среди изделий, выполненных из зольного стекла, можно выделить продукцию византийских и ближневосточных мастеров. К посуде, изготовленной в византийских мастерских, по-видимому, относятся обломки сосудов из молочно-белого непрозрачного стекла. В 1980 г. при разборке культурного слоя на раскопе в верхней части городищенского холма был встречен осколок такого стекла, на котором с большим искусством изображен хищный зверь (лев), догоняющий зайца (цв. ил. 5, 1). Фигуры выполнены золотом с последующей гравировкой.

К византийскому сосуду (или сосудам) относится около тридцати небольших обломков стенок молочно-белого непрозрачного стекла с росписью золотом и красной эмалью (цв. ил. 5, 2–9). В основном они зафиксированы при разборке заполнения первой большой постройки, описанной выше. В декоре некоторых осколков использованы розетки из точек, близкие к таким же фигурам, украшающим флаконы с Кипра и из Херсонеса (Джанноладян, 1967. Рис. 3; Колесникова, 1973. С. 250. Рис. 1, в). Невыразительность фрагментов не позволяет реконструировать форму этих сосудов. Возможно, они принадлежали чашам или флаконам с округлым туловом, аналогичным найденным в Новогрудке и Рязани (Гуревич, Джанно-

ладян, Малевская, 1968. Табл. III–VI; Щанова, 1974. С. 84. Рис. 1, 4).

К осколкам изделий византийского производства, видимо, относятся обломок венчика и шесть фрагментов стенок красно-фиолетового стекла⁸ (цв. ил. 5, 12, 13, 17, 18). Венчик украшен золотом, один из обломков стенки – золотом и белой эмалью. Еще два кусочка декорированы геометрическим орнаментом, выполненным золотом.

Византийское происхождение, скорее всего, имеют два фрагмента венчиков (один украшен золотом и желтой эмалью, а другой только золотом) (ср. Щанова, 1963. С. 118, 125. Рис. 4, 8; Щанова, 1998. С. 267. Рис. 45, 8) и четыре обломка стенок синего прозрачного стекла. Один из них расписан желтой эмалью, другой золотом, а третий – золотом, желтой и белой эмалью (цв. ил. 5, 10, 11, 14–16).

Другие изделия, изготовленные из стекла, сваренного на золе растений южных климатических зон, имеют ближневосточное, сирийское или египетское происхождение. Обломки таких сосудов встречены как в заполнении больших построек, так и в культурном слое Городища. К интереснейшим находкам относится осколок сосуда, происходящий из верхней части заполнения первой постройки, образовавшегося после разрушения сооружения, и составляющий единое целое с двумя другими фрагментами, встреченными при разборке культурного слоя (цв. ил. 5, 28). Центральное место в композиции росписи сосуда занимает человеческая фигура в верхней одежде красного цвета, имеющей прямой осевой разрез. В руках человек держит нечто изображенное белой эмалью, возможно, овцу. Лицо и руки выполнены золотом с последующей графической прорисовкой деталей. У человека большой нос, миндалевидные глаза под дугообразными бровями, округлый подбородок и небольшой рот. Волосы, выполненные коричневой эмалью, доходят до плеч. На голове имеется конический головной убор светло-синего цвета. Вокруг головы – нимб, исполненный золотом. Левее этой фигуры видны следы изображения, нарисованного белой эмалью – вероятно, головы животного. Свободное пространство над ней заполнено растительным орнаментом, выполненным золотом. Белой же эмалью оконтурены все детали росписи, нанесенные цветными эмалями. Над фигурой, отделенный двойной линией, располагается фриз, содержащий арабскую над-

⁷ См. статью А. Н. Егорькова «Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрикова городища» в настоящем сборнике – *Ред.*

⁸ № 784-36.

пись, исполненную золотом тонкими буквами по черком «насах»⁹. Видимо, к этому сосуду можно отнести еще один небольшой обломок, найденный в верхнем песчаном слое постройки (цв. ил. 5, 26). На нем уцелела часть изображения головы человека. Лицо выполнено золотом, по которому прорисован нос, глаз под изогнутой бровью, рот, и подбородок. Коричневой эмалью переданы волнистые волосы.

Наиболее серьезное исследование средневекового восточного стекла, расписанного золотом и цветными эмалями было осуществлено К. И. Ламмом (Lamm, 1929–1930; 1941). Изучив громадное количество материала, он разделил покрытое эмалями стекло согласно декору на три основные группы и назвал их по имени городов, в которых, по мнению ученого, располагались мастерские, выпустившие соответствующие изделия: города Ракка, Алеппо и Дамаск на территории современной Сирии.

Изображения людей представлены уже на сирийских изделиях, которые К. И. Ламм отнес к самой ранней «Раккской группе», но гораздо чаще они представлены на сосудах, изготовленных в Алеппо и Дамаске (Lamm, 1930. S. 245, 254; 1941. P. 59, 63, 68). Наряду с другими декоративными узорами фигуры людей разных размеров украшают поверхности бокалов и посуды других форм. Крупные изображения людей, обычно проработаны более детализировано, в манере напоминающей иллюстрации манускриптов того времени, тогда как изображения меньшего размера нарисованы менее искусно в традициях более ранней персидской керамики. К. И. Ламм предполагал, что большие фигуры были типичны для стекол расписанных в Алеппо, тогда как композиции с маленькими фигурами характерны для мастерских Дамаска (Lamm, 1941. P. 68). Фриз с надписями, выполненными золотыми неоконтурными буквами по черком «насах», по мнению исследователя, типичны для «Раккских» изделий (Lamm, 1930. S. 245; Lamm, 1941. P. 59; Гуревич, Джанполадян, Малевская, 1968. С. 12). Конические головные уборы, похожие на тот, который изображен на голове у человека с городищенского кубка, представлены на стеклах из города Ракка и ранних экземплярах «группы Алеппо», датируемых К. И. Ламмом второй четвертью XIII в. (Lamm, 1929. Taf. 96, 6; 112; 115, 2, 5, 6; Lamm, 1930. S. 275, 297, 298, 303, 304). Позднее в качестве мужского

головного убора, в основном, изображался тюрбан (Lamm, 1929. Taf. 120, 1, 6; 121, 1, 6, 7; 126, 5; 127, 3, 4, 5; 163, 1, 3, 9; Lamm, 1930. S. 313–315, 325, 329, 330, 376; Lamm, 1941. P. 65).

Необходимо отметить, что хронология и география производства украшенных золотом и эмалями сосудов, до настоящего времени является предметом ученых дискуссий (Wolf, 2004. S. 511–516). Однако несомненно, что человеческие фигуры представлены на сосудах, изготовленных главным образом в XIII столетии. В конце XIII–начале XIV вв. изображения людей постепенно исчезают из композиций украшающих исламское стекло (Carboni, 2001. P. 324, 341). В Новгороде осколки сосуда с человеческими фигурами найдены на уровне 10–12 ярусов Неревского раскопа, датируемых 1281–1340 гг. (Щанова, 1962. С. 232–234. Рис. 1; Щанова, 1963. С. 117, 129, 130. Рис. 4, 4, 7). В Смоленске фрагменты с изображением человека обнаружены в слое середины XIII в. (Асташова, 1998. С. 163). Обломки двух сирийских кубков были найдены в 2006 г. в Ярославле, в нижней части заполнения глубокого подклета, которое датируется домонгольским временем. На одном из фрагментов имеется изображение мужского лица¹⁰.

Фигуры людей можно увидеть на еще одном осколке сосуда с Рюрикова городища (цв. ил. 5, 24). Он был найден М. Д. Полуобяриновой в 1965 г. в шурфе № 4 на южном берегу Сиверсова канала (Полуобяринова, 1972. С. 222). На нем сохранились части изображений двух стоящих мужских фигур, разделенных желтой полосой, в подпоясанных поясами одеждах (туниках?), выполненных золотом и синей эмалью. Люди повернуты в пол-оборота навстречу друг другу. Руки согнуты в локтях и расположены на уровне пояса. Похожую композицию можно увидеть на фрагментах стакана из Двина (Джанполадян, 1974. С. 62. № 52). Видимо, на этих сосудах представлены христиане, изображение которых не является редкостью на поздних аюбидских и ранних мамлюкских изделиях из металла и стекла (Carboni, 2001. P. 336, 341; Wolf, 2004. S. 551, 552).

На одном небольшом обломке стенки сохранилась часть изображения зооморфного существа в зеленых одеждах (цв. ил. 5, 25; рис. 3, 2). Голова выполнена золотом, по которому гравировкой прорисован раскосый глаз под изогнутой бровью. Видно, что передняя часть головы существа вытянута вперед. Большое стоячее ухо исполнено ко-

⁹ К сожалению, фрагментарность сосуда не дала возможности восстановить содержание надписи. Благодарю за консультацию главного научного сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа д. и. н. А. А. Исаева.

¹⁰ Благодарю Н. Н. Фараджеву за любезно предоставленную информацию.

ричневой эмалью. У плеча видна часть лапы, нарисованной золотом. Им же оконтурены части, декорированные цветными эмальями. По-видимому, на данном фрагменте сосуда мы имеем изображение какого-то фантастического персонажа.

В 1981 г. был найден обломок сосуда из прозрачного бесцветного стекла с изображением рыбы, выполненной золотом с красным контуром (цв. ил. 5, 27). С. Карбони считает, что рыбы, возможно, были среди самых первых мотивов на средневековых ближневосточных стеклянных кубках, расписанных золотом и эмальями (*Carboni*, 2001. P. 329). Они относятся к одному из самых распространенных изображений животных (*Wolf*, 2004. S. 531). Особенно много рыб на сосудах, отнесенных К. И. Ламмом к дамасской группе (*Lamm*, 1929. Taf. 95, 15, 19, 20; 113, 10, 12, 16, 22, 23; 138, 1, 7; 142, 5, 7, 15, 16; 143, 14, 15, 17–24; 144, 1–4, 9, 16–20; 148, 17–21; 149, 10, 14–17; 151, 14, 16, 17; 153, 1–10; 157, 1–8, 1–13, 18; 164, 1, 2, 6; 166, 7, 8; 167, 1, 4, 7; *Lamm*, 1930. S. 245, 253, 254, 273, 300, 301, 343, 344, 349–351, 358, 359, 361, 362, 367, 378, 379, 381, 382). Стилизованные изображения этих животных могут быть расположены в ряды с регулярными интервалами или размещены бессистемно. В Новгороде фрагмент стенки сосуда с рисунком рыбы найден на уровне 11 яруса Неревского раскопа, датированном 1299–1313 гг. (*Щанова*, 1962. С. 234, 235. Рис. 1, 4). Осколки бокалов с таким мотивом из Твери встречены в строительном горизонте, датированном дендрохронологически 1364–1385 гг. (*Егорьков*, 2001. С. 145. Табл. 2. Рис. 1, 63, 76). В Херсонесе дома, хозяева которых владели кубками, украшенными изображениями золотых с красными контурами рыбок, погибли в пожаре конца XIII в. (*Колесникова*, 1973. С. 253, 254).

Значительное число осколков принадлежит сосуду или сосудам, чья основная часть была украшена шестилепестковыми розетками и кружочками, выше нее располагается фриз с надписью, а ниже – растительный узор (цв. ил. 6, 1–11). Значительная их часть встречена при разборе третьей большой постройки. Надпись и растительный орнамент исполнены золотом с красной окантовкой. Все части декора разделены поясами из пяти линий и нанесены на стекло золотом и белыми выпуклыми точками. Бордюры из белых точек отмечены на обломках сирийских стеклянных сосудов, найденных при раскопках в Турове и на городище Слободка. Находки относятся исследователями к XII–XIII вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 235, 238.

Рис. 2, 1, 8; *Полубояринова*, 1987. С. 165). Аналогии элементам декора этого кубка можно найти среди изделий мастеров из сирийского города Ракка, которые К. И. Ламм датирует второй четвертью XIII в. (*Lamm*, 1929. Taf. 91, 13, 15, 16; 92, 11; 93, 20; *Lamm*, 1930. S. 268, 269, 271).

К «ракским» стеклам можно отнести еще один обломок, имеющий плохо сохранившийся декор (цв. ил. 6, 17) (см.: *Lamm*, 1929. Taf. 90, 1; 93, 24; *Lamm*, 1930. S. 265, 271). На нем видна часть розетки, выполненной белыми точками и красной эмалью, дополнительно оконтуренной золотом. Внутреннее поле цветка заполнено мелкими выпуклыми синими точками. Ниже располагался растительный узор, исполненный красной эмалью с золотой обводкой. Близкую орнаментацию имеет кубок из Новогрудка, найденный в застройке верхнего горизонта поселения, датированного XII–70-ми гг. XIII в. (*Гуревич*, 1981. С. 71, 116. Рис. 55, 13; *Гуревич, Джанполадян, Малевская*, 1968. С. 12. Табл. VIII, IX). Похожий сосуд найден также в Маастрихте (Нидерланды) в отложениях под слоем пожара, датированного по письменным источникам 1268 г. (*Wolf*, 2004. S. 528, 575, 576. № 19).

К еще одному, но более позднему сосуду «ракской» группы, возможно, относится осколок, на котором уцелела часть фриза из арабских букв, выполненных золотом с красной обводкой на синем эмалевом фоне (цв. ил. 6, 18) (*Lamm*, 1930. S. 245; *Гуревич, Джанполадян, Малевская*, 1968. С. 13). Фриз ограничен линией из красной эмали. Ниже расположена зона, украшенная растительным узором, нарисованным золотом.

Сирийское происхождение имеют, скорее всего, и другие фрагментарно сохранившиеся венчики, стенки и донца бесцветного или чуть прозрачного желтоватого стекла. На части из них сохранилась роспись золотом и/или цветными эмальями (розовой, красной, коричневой, синей, зеленой и белой). Обломок венчика одного сосуда имеет двухстороннюю роспись (цв. ил. 6, 13). Узор с внешней стороны нанесен золотом и красной эмалью, ею же была покрыта и внутренняя поверхность. Изделия, украшенные изнутри цветными эмальями, К. И. Ламм относит к «группе Алеппо» (*Lamm*, 1930. S. 251). Один осколок венчика сосуда, выполненного из прозрачного стекла, имеет рельефный ободок-складку с наружной стороны стенки¹¹ (рис. 3, 1). Пять осколков стенок имеют арабскую надпись, выполненную золотом (цв. ил. 6, 19–21, 23, 24). Одна стенка украшена бесцветной

¹¹ № 784-26.

накладной нитью¹² (рис. 3, 3). Судя по профилировке венчиков, эти обломки принадлежали сосудам, имеющим форму расширяющегося кверху стакана. Аналогичные изделия встречены в ряде древнерусских городов, а также в Херсонесе (*Гуревич, Джанполадян, Малевская*, 1968. С. 12, 13. Табл. VIII, IX, XI, 4; *Щапова*, 1974. С. 83. Рис. 1, 2; *Столярова*, 1997. С. 104; *Столярова*, 2004. С. 347; *Асташова*, 1998. С. 163. Рис. 3, 1; *Лавыш*, 2003. С. 201–203; *Колесникова*, 1973. С. 251. Рис. 2). Единственное найденное донце получено «путем сплющивания о плоскость» (рис. 3, 5) (*Полубояринова*, 1988. С. 203. Рис. 88, 4). Возможно, оно принадлежало чашевидному сосуду с постепенно расширяющимися кверху стенками, подобному реконструируемому Н. Н. Бусятской (*Бусятская*, 1976. С. 53. Табл. VIII, 3).

Четыре обломка синего прозрачного стекла декорированы «перистым» узором, выполненным белой эмалью (цв. ил. 5, 19–22). Они принадлежат сосудам, которые также были изготовлены в мастерских Восточного Средиземноморья. Техника нанесения «перистого» орнамента, продолжая античные традиции, в XII–XIV вв. получила широкое распространение при изготовлении посуды как в византийских, так и в сирийско-египетских мастерских (*Кунина*, 1997. С. 27; *Гуревич, Джанполадян, Малевская*, 1968. С. 11. Табл. XII, 20; *Джанполадян*, 1974. С. 44, 68. № 113; *Джанполадян, Калантарян*, 1988. С. 13, 22. Табл. XXXIII; *Полубояринова*, 1988. С. 211. Рис. 94, 1, 2; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 105–109; *Jenkins*, 1986. P. 11, 45. № 2, 50). В Новгороде сосуды, украшенные аналогичным орнаментом, найдены в слоях 1116–1134 гг. (*Щапова*, 1963. С. 117, 120, 122. Рис. 4, 3; 7, 1; *Щапова*, 1998. С. 264, 266. Рис. 45, 1, 2). Наиболее крупный фрагмент¹³, найденный на Городище, судя по его профилировке, являлся частью крышки (цв. ил. 5, 19).

Судя по составу стекла, восточное происхождение имел сосуд из прозрачного сине-зеленого материала, от него сохранилась часть вогнутого четырехугольного в плане дна¹⁴ (рис. 3, 6). Большая бутылка из синего стекла с прямоугольным туловом была найдена при раскопках Новогрудка. Ф. Д. Гуревич отнесла ее к изделиям византийских мастеров (*Гуревич, Джанполадян, Малевская*, 1968. С. 15. Табл. XIII, 2; *Гуревич*, 1986. С. 74). Тот же

цвет и состав имеет высокая (6 см) тонкая вертикальная ручка¹⁵, найденная в культурном слое Рюрикова городища (цв. ил. 5, 23; рис. 3, 4). Прут ручки гладкий, овальный в поперечном сечении. По-видимому, место ее крепления – горло и верхняя часть тулова. находка ручки свидетельствует о наличии кувшинов среди средневековой стеклянной посуды поселения (*Валиулина*, 2005. С. 41).

К интересным находкам можно отнести практически целый бокал, выполненный из прозрачного бесцветного стекла, найденный при исследовании культурного слоя Городища в 1981 г. (рис. 3, 8). Он представляет собой сосуд высотой 85–87 мм, диаметром по венчику 70 мм, а по дну – 35 мм. По форме бокал очень близок сосудам ближневосточного происхождения. Его можно было бы отнести к типу В по С. Кенессону, хотя городищенский сосуд имеет меньшие размеры (*Wolf*, 2004. S. 514. Abb. 4, 4). Однако анализ химического состава стекла этого сосуда¹⁶ показал, что он изготовлен из стекла, сваренного на древесной золе, и имеет, видимо, западноевропейское происхождение.

В коллекции Городища имеется еще несколько редких находок стекла, являющихся типологически и по химическому составу импортом из Западной Европы. К таким изделиям относится прозрачный бесцветный сосуд, обломок которого встречен в заполнении второй большой постройки. Стенка сосуда украшена синей накладной нитью и накладной волной из бесцветного стекла (цв. ил. 4, 16; рис. 3, 7). Фрагменты аналогичных изделий найдены в двух раскопах г. Турку (Финляндия) и определены как обломки бокалов (*Hagren*, 2003. P. 226. Kuva 4; taulu 2, 2). Слой, где они были встречены, может быть датирован 1360–1410 гг. Подобные сосуды отмечены только на памятниках в регионе Балтийского моря. При разборке заполнения третьей большой постройки был зафиксирован мелкий обломок стенки из бесцветного прозрачного стекла украшенного накладной нитью такого же стекла¹⁷ (цв. ил. 4, 18), а в культурном слое памятника зафиксирован мелкий кусочек волнистой накладной нити из бесцветного стекла. Оба фрагмента, очевидно, принадлежали сосудам похожим на «балтийские» бокалы. Первые западноевропейские стеклянные сосуды в Новгороде обнаружены в слоях, отложившихся вскоре после монгольского нашествия.

¹² № 784-34.

¹³ № 784-31.

¹⁴ № 784-32.

¹⁵ № 784-29.

¹⁶ № 783-57.

¹⁷ № 784-35.

Они немногочисленны по сравнению с посудой из других центров производства и почти всегда связаны с богатыми усадьбами новгородских бояр (Рыбина, 2001. С. 245). Близкий городищенским фрагментам по цвету и технике осколок западноевропейского сосуда найден при исследовании 5/6 ярусов Неревского раскопа в Новгороде, датируемых 1396–1422 гг. (Щапова, 1963. С. 117, 129. Рис. 4, 5). По-видимому, западноевропейским сосудам принадлежали: стенка зеленоватого стекла, украшенная растительным узором, нанесенным желтой и красной эмалью¹⁸ (цв. ил. 4, 17); донце со-

суда с кольцевидным поддоном (диаметр около 8 см), изготовленного из прозрачного чуть зеленоватого стекла¹⁹ (рис. 3, 9); а также осколок кольцевидного поддона синего прозрачного стекла²⁰.

Таким образом, при исследовании Рюрикова городища собрана большая коллекция осколков средневековой стеклянной посуды, которая по богатству и разнообразию вполне сопоставима с материалами других крупных городских центров Древней Руси, что говорит о важной роли этого поселения и богатстве его материальной культуры в эпоху Средневековья.

¹⁸ № 784-27.

¹⁹ № 784-33.

²⁰ № 784-37.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМИССИОННО-СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАГМЕНТОВ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

Александр Н. Егорьков

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия.

EMISSION SPECTROSCOPY OF FRAGMENTS OF GLASS VESSELS FROM RYURIK GORODISHCHE

Alexander N. Yegor'kov

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *In the preceding paper the collection of glass fragments from Ryurik Gorodishche is considered. Here the technique and results of spectral analysis of 14 samples from that collection are discussed. The first group of the samples was of East-Mediterranean provenience with the glass founded using ash of salt-marsh plants as evidenced by the predominance of sodium over potassium and considerable contents of magnesium. The analysis has identified the colourising additives. The second group was that of ancient Russian glass. It was founded from three-component charge mixture which included potash, litharge and sand. One of the samples was stained with manganese. Investigated are the causes of fairly high contents of calcium in the glass traditionally considered as of ancient Russian production. The present author is of the opinion that the latter glass was West-European imports founded with the use of highly alkaline ash of continental plants. It was later replaced by the free-blown glass founded from low alkaline ash. That latter glass, also imported from West Europe, constituted the third group of the samples analysed.*

Из числа почти двух сотен фрагментов посудного стекла, составляющих коллекцию археологических находок на Рюриковом городище и рассмотренных в исследовании А. В. Плохова, представленном в настоящем сборнике, для более чем 70 образцов химический состав был определен ранее (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. Приложение 3). Нами же были проведены исследования еще 14 обломков стеклянных изделий. Анализ выполнен по методике, предложенной В. А. Галибиным (Галибин, 2001. С. 59). Содержание SiO_2 не определялось.

По химическому составу образцы можно разделить на 3 группы.

К *восточно-средиземноморской* группе относятся шесть образцов (№ 3, 6, 8, 9, 11, 13). Соотношение исследуемых образцов с лабораторными шифрами фрагментов стеклянных сосудов, подвергнутых эмиссионно-спектральному анализу и упоминаемых в статье А. В. Плохова, опубликованной в настоящем сборнике, представлено в таблице 1. Стекло образцов этой группы сварено с использованием золы солончаковых растений. Это следует из преобладания натрия над калий и заметному присутствию магния, что является отражением солевого состава морской воды, в которой среди катионов как раз и преобладают натрий и

магний. Сосуды, изготовленные из этого стекла, являются импортом из Северного Причерноморья или с Переднего Востока.

В двух бесцветных стеклах (№ 3, 11) колористические добавки отсутствуют. Остальные четыре стекла (№ 6, 8, 9, 13) окрашены разными способами – медью, кобальтом и марганцем. Медь, которая, даже в таких малых количествах, способна выступать как краситель, присутствует в трех образцах. Можно предполагать, что в одном случае (№ 8) она попала в стекло как примесь к кобальту, а в двух (№ 6, 9) – вероятно была использована как колористическая добавка.

В *древнерусскую* группу формально входят три образца (№ 2, 5, 7). Стекло двух последних образцов сварено из тройной шихты, включающей поташ, глет и песок. Одно из них окрашено марганцем. Стекла подобного состава традиционно рассматриваются как древнерусские. По своему составу стекло образца № 2 также соответствует древнерусскому поташно-свинцовому, в котором, как указывал В. А. Галибин, иногда наблюдается повышенное содержание кальция, попадающего в шихту в качестве случайной примеси к поташу (Галибин, 2001. С. 48). Однако его интерпретация не представляется однозначной. При рассмотрении химического состава посудного поташно-

свинцового стекла XIV в. из раскопок в Тверском кремле подробно разобраны причины повышенного содержания в нем кальция (Егорьков, 2001. С. 139, 140). Хотя взгляды В. А. Галибина и были подвергнуты критике, тем не менее мы не пришли к однозначному выводу по данному вопросу. Вместе с тем, можно увидеть еще одну, ускользающую от внимания отечественных исследователей, причину повышенного содержания кальция в калиево-свинцовом стекле, если допустить, что такое стекло сварено с использованием не поташа, а высокощелочной золы континентальных растений, в первую очередь бука. В таком случае мы имеем дело не с продуктом древнерусского стеклоделия, а с импортом из Западной Европы. Это предположение не является неожиданным: средневековые свинцовые стекла с повышенным содержанием калия и кальция бытовали, в частности, в Германии, причем они идентифицированы именно как стекла, сваренные на древесной золе (Wedepohl, Krueger, Hartmann, 1995. P. 73, 76. Tabl. 1).

Последнюю группу составляют образцы (№ 1, 4, 10, 12, 14), для которых предполагается *западно-европейское* происхождение. Один из них (№ 1) по высокому содержанию калия, низкому натрия и

умеренному кальция следует отнести к стеклу, сваренному на высокощелочной золе континентальных растений. Такое стекло производилось в средние века в Западной Европе, при этом преимущественно использовалась зола бука (Галибин, 2001. С. 84). Четыре остальных образца определенно относятся к гутному стеклу. Для него типично низкое содержание щелочей с преобладанием калия над натром наряду с высоким содержанием кальция. Сырьем для их производства служила зола континентальных растений. Три стекла бесцветны, а последнее (№ 14) окрашено в синий цвет кобальтом, причем в нем, в отличие от образца № 8, кобальт не присутствует в паре с медью, что свидетельствует об ином характере кобальтового сырья. Стекло этого типа более позднее, чем остальное подвергнутое анализу стекло. Оно появляется лишь в позднем средневековье, распространяясь во многих областях центральной Европы. Его появление стало следствием освоения более сложных технологий, позволяющих непосредственно использовать местное низкощелочное сырье (Галибин, 2001. С. 84). В Твери оно нам встретилось уже в слоях начала XIV в. (Егорьков, 2001. С. 143, 146, 148. Табл. 6, ан. 97).

Таблица 1

Результаты количественного анализа стекла Рюрика городского, %
Table 1. Results of quantitative analysis of glass from Rurik Gorodishche, %

№ п/п	Лабор. шифр	Год	№ по описи	Цвет стекла	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO	CoO	Sb ₂ O ₃	Ag ₂ O
1	783-57	1981	111	б/цв.	осн.	0,3	17	6,7	2,0	1,0	1,7	1,2	0,1	-	-	-	-	-	-
2	783-58	1988	119	б/цв.	осн.	0,05	14	4,2	0,3	0,5	0,3	-	0,1	25	-	-	-	-	-
3	784-26	1975	141	б/цв.	осн.	15	1,0	11	3,2	1,5	0,6	0,5	0,1	-	-	-	-	-	-
4	784-27	1977	п/м	зел	осн.	0,3	2,2	25	4,0	1,9	0,8	0,3	0,1	-	-	-	-	-	-
5	784-28	1983	105	фиол.		0,2	6,2	0,5	0,3	0,5	1,1	1,7	0,2	50	-	0,3	-	-	-
6	784-29	1983	220	син.-зел.	осн.	16	1,0	16	3,2	3,2	1,0	0,8	0,2	-	-	0,4	-	-	-
7	784-30	1986	186	б/цв.		0,2	4,1	1,1	0,4	0,4	0,3	-	0,09	62	-	-	-	-	-
8	784-31	1988	19	синий	осн.	16	1,2	19	4,2	4,2	1,2	0,6	0,2	0,5	-	0,5	0,06	-	-
9	784-32	1988	20	б/цв.	осн.	17	1,0	19	5,0	5,0	0,8	1,2	0,2	-	-	0,3	-	-	-
10	784-33	1988	87	б/цв.	осн.	1,0	6,2	24	4,8	3,0	0,4	1,2	0,3	-	-	-	-	-	-
11	784-34	1988	126	син.-зел.	осн.	17	1,6	15	5,7	3,0	0,5	0,3	0,1	-	-	-	-	-	-
12	784-35	1988	145	б/цв.	осн.	0,9	2,8	19	4,2	0,9	0,3	0,9	0,2	-	-	-	-	-	-
13	784-36	1989	57	вин.-красн.	осн.	16	1,0	15	4,5	5,4	1,1	2,0	0,3	-	-	0,7	-	-	-
14	784-37	1988	110	синий	осн.	0,2	2,0	22	2,8	1,4	0,4	0,4	0,1	-	-	-	0,02	-	-

ГУДЕБНЫЙ ОБИХОД НОВГОРОДСКОГО (РЮРИКОВА) ГОРОДИЩА

Владимир И. Поветкин

Новгородский центр музыкальных древностей. Великий Новгород. Россия

SOUND APPLIANCES FROM NOVGOROD (RYURIK) GORODISHCHE

Vladimir I. Povetkin

Novgorod Center for Music Antiquities. Veliky Novgorod. Russia

ABSTRACT: *Among the collection of finds from Gorodishche housed at the State Novgorodian United Museum-Preserve, the author has identified a number of objects which resuscitate the world of sounds at the medieval settlement of the 11th–15th century. Their discussion and typology are proposed in the present article. No prestigious string musical instruments nor membrane ones have as yet been found at Gorodishche. The sound appliances include necklets (grivnas) with pendants, noise-producing pendants-amulets, jingles (the typology of which is proposed on the basis of the technique of their manufacture effecting their sound), as well as wind instruments represented by bone, clay and metal whistles. The objects under consideration were used for sound accompaniment of various rituals of everyday life.*

В XI в. на Руси, согласно письменным упоминаниям, в княжеских палатах было в обычае играть на гусях и прочих музыкальных инструментах. Такие сообщения перекликаются с отдельными археологическими предметами, открытыми в Киеве, Старой Рязани, Серенске, Новгородке, Волковыске, Старой Руссе, Пскове, Торжке, Старой Ладоге, других древнерусских городах и поселениях. Но прежде всего они согласуются с многочисленными находками свидетельств духовых, струнных и иных музыкальных инструментов в старой части Великого Новгорода в слоях X–XV вв. Новгородские насельники, представители родовой знати, уже в первой половине X в. окружали себя первоклассными музыкантами, гудцами, которые играли на изысканно красивых и конструктивно самых сложных для своего времени инструментах – струнных смычковых, а также, как недавно выяснилось, духовых свистковых (Поветкин, 1995. С. 167; 2003а. С. 116. Табл. 2, 4). Значит, можно предполагать, что гудение бубнов, сопелей, гуслей, было привычным для знатных лиц в разных краях Руси, и в частности, в древней резиденции новгородских князей – на Городище, расположенном в истоке Волхова.

Заметим, наличие в каком-либо найденном вещевом комплексе предметов музыки (гудбы – по-славянски), обладающих известной самоценностью, способно пролить свет еще и на социальный уровень владельцев такого комплекса, на этнический состав местного населения, на его характерные занятия и даже миропонимание. С позиций

исследования музыкального или, говоря шире, звукопроизводящего инструментария собрание городищенских находок еще не рассматривалось. Не имеется сведений ни о количестве интересующих предметов, ни о способах их производства и сфере использования, ни даже о простом их разнообразии. Попытаемся положить начало такой работе.

Ближайшая задача – выявить в сложном и разновременном наборе вещей с Городища все, что прямо или опосредованно могло иметь отношение к миру музыки, или гудебному обиходу, простиравшемуся в трех основных сферах жизни – хозяйственно-бытовой, военной и собственно музыкальной. Представляется целесообразным проследить изменение типов звучащих приспособлений в широком временном диапазоне, вплоть до XX столетия, и посредством этого нагляднее увидеть то, что было свойственно древним обитателям «Холмгарда» или «Словенска», по предположению Е. Н. Носова с середины XI в. именуемого Городищем (Носов, 1990. С. 199).

Итак, высокое политическое положение Городища с его крепостными валами и княжескими палатами, дружинными воинами и простыми жителями – все предрасполагает найти здесь и соответствующие орудия музыки.

Однако исследователя ждет разочарование: ранее перечисленных свидетельств о так называемых благородных музыкальных инструментах, мастеровившихся из дерева, археологически в пределах Городища пока что не обнаружено. Как впро-

чем, не выявлено здесь и других в основе или полнотью деревянных звучащих приспособлений, скажем, колотушек сторожа. Одна из возможных причин тому – сохранность древесины на городищенской возвышенности не повсеместная, а лишь на небольшом ее участке – глинистом мысу (Носов, 1990. С. 12–13). Поэтому свод находок, относимых к числу звукопроизводящих, на Городище состоит из предметов металлических, костяных и глиняных.

В соответствии с понятием древней музыки, которая плавно выростала из простых бытовых явлений и вещей, будем учитывать не только предметы или инструменты собственно музыкальные, но и прочие приспособления, специально созданные для извлечения звука. Последние, заметим, могут обнаруживать себя в самых неожиданных местах и формах. Например, бронзовые шумящие привески в археологической науке рассматриваются как *украшения*, но с точки зрения музыкальной археологии – это *инструменты* обрядового звучащего мира. Или встречающиеся на средневековых памятниках бронзовые проволочные пружинки могли окаймлять балтское (латышское) виллайне – наплечное покрывало. Понятно, для одних исследователей такие пружинки есть свидетельство определенного типа *одежды*. Для других – это предмет *музыкального* мира, ибо виллайне, украшенное пружинками-привесками, во время танцев начинает позванивать, едва слышно, но тем очаровательнее и тем могущественнее его музыкальная власть. Подобные примеры свидетельствуют об ином музыкальном мышлении, народном празднично-обрядовом, отличном от того, которое культивировалось в западноевропейском аристократическом быту и привело к известным формам профессионального концертного музицирования. Именно с ориентацией на подобное концертное музицирование в дисциплине «Общая археология» была в свое время выделена тема «музыкальные инструменты». Мы же, преодолев порог между светским концертным и народным обрядовым музыкальными мышлениями, считаем вопрос музыки в истории человечества более сложным и широким. Привычная для археологов тема «музыкальные инструменты» по мере новых открытий, особенно при раскопках в Великом Новгороде и его округе, расширяет свое пространство и не случайно нашла свое место на тематике: «укра-

шения», «игрушки», «оружие», «снаряжение всадника» и так далее. Таковы особенности музыкальной археологии – нового направления в общих рамках российской археологии, о чем вкратце говорилось около десяти лет назад (Поветкин, 1997. С. 64–66). Подробнее вопрос о термине «музыкальная археология» в истории России был освещен в недавней статье А. М. Косых (Косых, 2004. С. 41–48).

Комплекс городищенских древностей, в котором предстоит выявить звучащие приспособления, не однороден. Важная его часть – это предметы, датированные при целенаправленных археологических исследованиях. Другая по-своему ценная часть – коллекция подъемных материалов, или случайных находок¹. Время бытования последних определимо путем сравнения с датированными городищенскими – более ранними, новгородскими – более поздними и иных мест находками. Немало вещей, собранных на Городище, к сожалению, не смогут войти в число изучаемых, так как они рассеялись в общем фонде случайных «новгородских» находок. Попытаемся распределить интересные свидетельства по основным четырем группам – *самозвучащим, мембранным, духовым и струнным*.

Самозвучащие. Эта группа начинается с кованых железных предметов IX–X вв., снабженных звучащими привесками.

Гривны шейные звончатые. Найдено не менее трех образцов. Один, лучше других сохранившийся, показывает, что они изготавливались из витого четырехгранного в сечении стержня с надетыми на него коваными звякающими колечками и «молоточком Тора» (рис. 1, 1–3). Возможно, к свидетельствам того же рода принадлежали отдельные молоточки Тора, как, например, один из них, найденный при раскопках в мысовой части Городища в 1995 г. (Носов, 1990. С. 140; Носов, Плохов, Янссон, 1996. С. 28).

Подвески-обручи звончатые. Устраивались сходным образом с предыдущими, снабжались тремя колечками. Найдено не менее двух образцов, один из которых обнаружен на Городище на северном берегу Сиверсова канала в слое первой половины X в. (рис. 1, 4–5). Отмечая наличие таких находок на древних поселениях и в могильниках Скандинавии, Е. Н. Носов склонен видеть в них, как и в гривнах с молоточками Тора, культовые предме-

¹ С искренней признательностью сообщаем, что большое число свидетельств звучащих приспособлений, поднятых на Городище, поступило в дар Новгородскому государственному объединенному музею-заповеднику и Центру музыкальных древностей от А. И. Зайцева, Ю. П. Конькова, Н. П. Пахомова, А. Ф. Петрова, В. Н. Суховарова, Е. В. и С. Е. Тороповых и других собирателей.

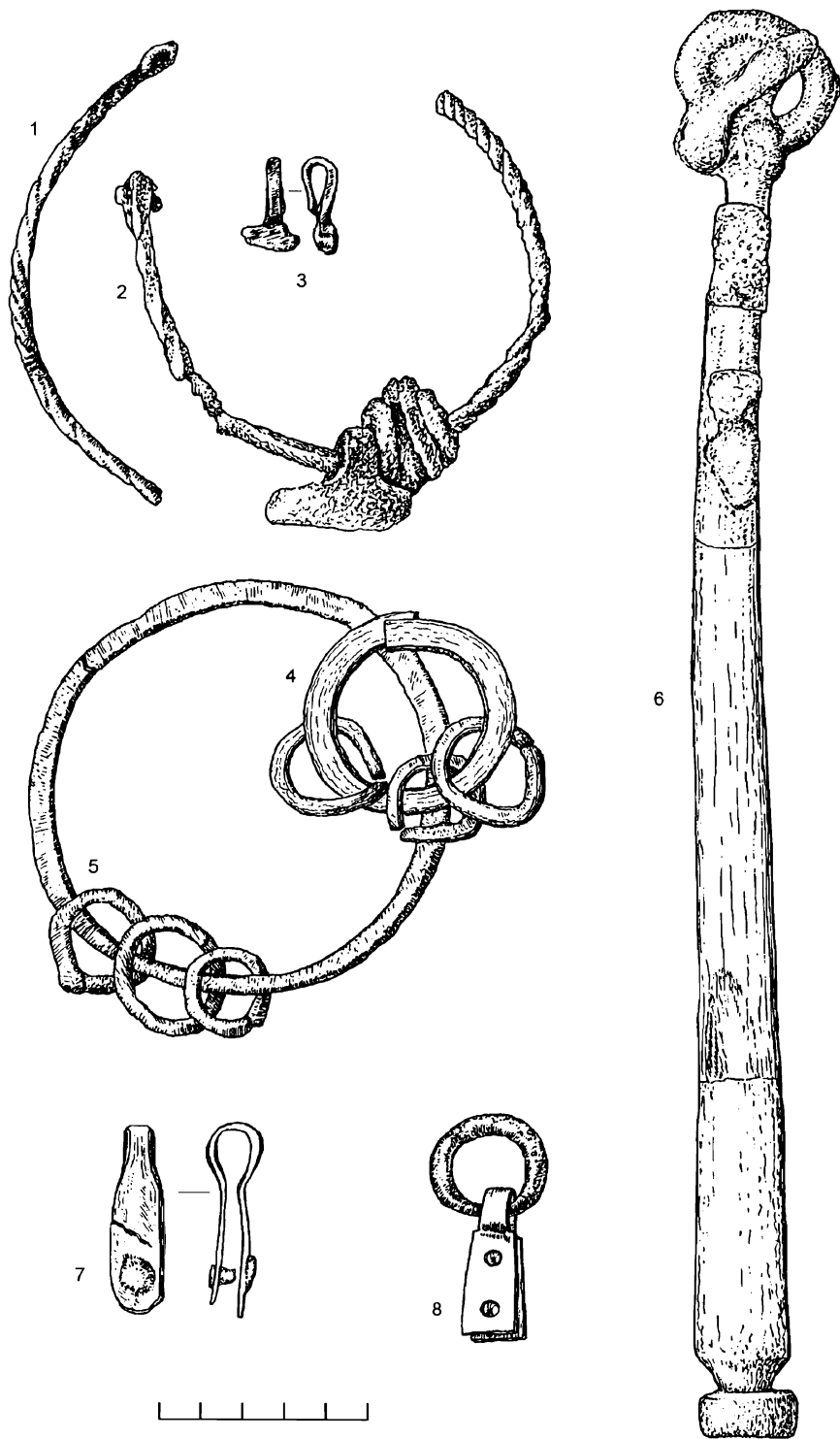

Рис. 1. 1-3 – гривны шейные звончатые, железо, IX-X вв. (НОЭ-1980-1983, РГ, центральный раскоп); 4-5 – подвески-обручи звончатые, железо, первая половина X в. (4 – НОЭ-1978, РГ-223, кв. 8, пл. 3; 5 – НОЭ-1985, РГ-53); 6-8 – плети звенящие, железо, латунь (?), дерево, IX-X вв. (6 – НОЭ-1999, РГ-360, кв. 39; 7 – НОЭ-1978, РГ-135, кв. 20, пл. 3; 8 – РГ-1967-1968, 5-7, НГОМЗ КП 18517 А89/7)

Fig. 1. 1-3 – jingling neck-rings, iron, 9th-10th century; 4-5 – jingling pendants-hoops, iron, first half of the 10th century; 6-8 – ringing scourges, iron, brass (?), wood, 9th-10th century

ты (Носов, 1990. С. 125–126). Будучи звучащими, добавим, они могли служить для отпугивания недобрых сил.

Плети звенящие. В 1999 г. при раскопках на северном берегу Сиверсова канала в слое IX–X вв. обнаружена кленовая рукоять (звучащее приспособление с частичным использованием дерева) с железными оковками и подвижным кольцом, на котором сквозь толстый слой коррозии угадываются обоймица для ременной плети и лировидные привески – «баранчики», «воркунцы» (рис. 1, б.) (Носов и др., 2000. С. 40). Это «звенящая», «шумящая» или, по определению А. Н. Кирпичникова, «звучащая» плеть, распространенная в IX–XI вв. от Юго-Восточного Приладожья до Смоленска (Кирпичников, 1973а. С. 73). На Городище выявлена также отдельная обоймица, входившая в состав подобной плети. Изготовленная полностью из железа, она была найдена на северном берегу Сиверсова канала в 1978 г. (рис. 1, 7). Возможно, для той же цели служила еще одна обоймица, латунная (?) с железными заклепками и железным кольцом; найдена Н. П. Пахомовым в 1968 г. в шурфе на южном берегу Сиверсова канала (рис. 1, 8). В Новгороде плети означенного типа как с металлической, так и деревянной рукоятью прослеживаются в слоях середины X–конца XI вв. Позванивая плетью, воин-всадник сообщал команду коню, одновременно металлическим звоном отгоняя дикого зверя. В такой роли плеть сравнима с бубенцами и колокольчиками.

Магическим значением обладали и бронзовые литые шумящие подвески, служившие, как считают специалисты, женским и детским поясным или нагрудным украшением, чаще в финно-угорском мире (Рябинин, 1981. С. 7, 30, 54–61; Седова, 1981. С. 23, 28, 31–34; Хвоцинская, 2004. С. 71–78).

Подвески-амулеты сложносоставные шумящие. Состояли из набора нанизанных на проволочном кольце взаимодействующих миниатюрных ложечек, копоушек, топоришков, ножей, ключей, бубенчиков, а также плоских прорезных привесок в виде птиц и коньков. Полных наборов на Городище не встречено, отмечаются лишь отдельные детали. Плоских зооморфных привесок выявлено шесть. Из них пять – случайные находки. Одна целая – это птица с тройным хохолком на голове (рис. 2, 1). Другая – обломок птицеобразной привески с хохолком в виде двух роговидных выступов (рис. 2, 2). Подобные привески, согласно типологии Е. А. Рябинина, составляют соответственно 3 вариант I типа и 1 вариант III типа. По инвентарю погребальных комплексов северо-западных районов Новгородской земли и по находке в Новгороде в

слоях 1130–1150-х гг. они датируются XII в. (Рябинин, 1981. С. 16. Табл. II, 9–10, 11–15). К тому же времени относится обломок птицеобразной привески с загнутым клювом – несерийная отливка I типа (рис. 2, 3). Еще одна плоская прорезная привеска, судя по ее обломку, похожа на четвероногого с опущенным хвостом конька (?) (несерийный образец). По частичному сходству с курганной находкой из Тихвинского уезда Новгородской губернии, а также с привеской-оленем из Залахтовского грунтового погребения, она может быть датирована X–XII веками (рис. 2, 4) (Рябинин, 1981. С. 108. Табл. XI, 12; Хвоцинская, 2004. С. 135, 203. Табл. XVII, 21). Пятая привеска-конек «общераспространенного» типа, или, по Е. А. Рябинину, 1 вариант XIV типа. Обычно такие коньки, если они украшены циркульным орнаментом, то датируются XI–первой половиной XII века. Наш образец не имеет украшений, что по аналогии с находками в Новгороде и в погребениях Новгородской земли характеризует его как предмет сравнительно поздний – XII–XIII веков (Рябинин, 1981. С. 29–30). Заметим, что в «копытцах» коньков нередко проделывались отверстия для крепления бубенчиков. У городищенского конька такие отверстия едва намечены, заплыли, значит, он мог входить только в комплект взаимодействующих привесок (рис. 2, 5). К означенному типу относится и привеска в виде собачки, шестая в данном списке, найденная при раскопках в центральной части Городища (рис. 2, 6) (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 58. Таб. 30, 15). Наконец, в такой же комплект могли входить случайно поднятые на Городище маленькие ложечки, известные в виде трех обломков (рис. 2, 7–9), и не менее двух копоушек (рис. 2, 10–11). Итого – не менее одиннадцати свидетельств. Находки «бронзовых подвесок-коньков» сезона раскопок 1997 г. (Носов и др., 1998. С. 23) рассмотреть пока что не представилось возможным.

Подвески-амулеты плоские с шумящими привесками. На Городище они представлены двумя экземплярами. Один – это поврежденная прорезная зооморфная подвеска с утраченными шумящими привесками (рис. 2, 12). Она подобна ажурным птицевидным образцам с «лапчатыми» привесками из Владимиро-Суздальской земли, где они и изготавливались. Е. А. Рябинин, относя их к IV типу, датирует ее второй половиной XII–первой половиной XIII вв. (Рябинин, 1981. С. 18. Таб. 4, 7–9). Второй – образец лапчатой привески, входившей в состав подвески данного типа, найден на южном берегу Сиверсова канала (рис. 2, 13).

1

2

3

4

5

6

7

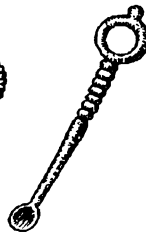
8

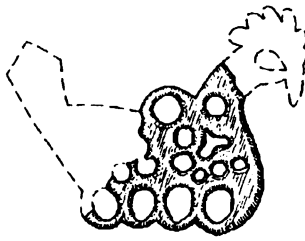
9

10

11

12

13

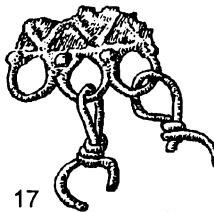
14

15

16

17

18

19

20

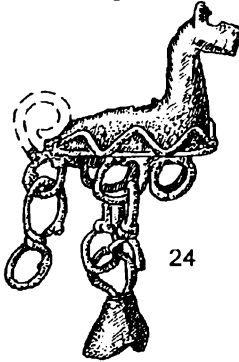
21

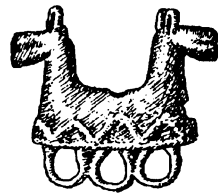
22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

42

43

44

41

Подвески-амулеты полые с шумящими привесками. Полых коньковых одно- или двуглавых подвесок, оформлявшихся взаимоударяющимися колокольчатыми и бубенчатыми привесками, на Городище собрано не менее тридцати трех экземпляров. Образец полый коньковой шумящей подвески – ее головка – впервые был найден М. И. Полянским во время раскопок на Городище в 1901 г. Среди открытых тогда вещей упоминается и колоколовидная привеска (Носов, 1990. С. 21). Впоследствии непосредственно подвесок, их мелких или крупных частей, было собрано еще не менее 12 экземпляров (рис. 2, 14–25), колокольчатых привесок – 9 (рис. 2, 26–34), бубенчатых – 7 (рис. 2, 35–41), отдельных восьмеркообразных звеньев цепочек – 3 экземпляра (рис. 2, 42–44). Значительное число подобных вещей в виде небольших обломков было поднято собирателями древностей на пашне и в разных концах Городища в 1960–1980-е гг. Выразительна найденная в 1963 г. Н. И. Кутузовым одноглавая коньковая подвеска с частично сохранившимися восьмеркообразными цепочками и одной бубенчатой привеской (рис. 2, 24). Образец двуглавой коньковой подвески был найден В. Н. Суховаровым в 1970-х гг. (рис. 2, 25). Отдельные звенья цепочек зафиксированы на Городище в 1980-е гг. во время плановых раскопок, руководимых Е. Н. Носовым (рис. 2, 43–44). Подобные подвески-амулеты – полые одно- или двуглавые коньки, уточки, а также игольники, пронизки появляются в Новгороде, как отмечает М. В. Седова, в XII в. и особенно распространяются в XIII–XIV вв. (Седова, 1981. С. 31–35). Изготавливались они способом литья по восковой модели с последующим разрушением глиняной формы. При подготовке из выплавляемой модели всегда использовались восковые жгутики (провощенные нити) (Рындина, 1963. С. 244).

Бубенчики. Коллекция городищенских бубенчиков представлена различными типами литых из

бронзы и тисненых медных образцов. Одни из них, прежде всего из числа литых, могли использоваться в конской упряжи – воинской и свадебной, другие, как показывают материалы курганных захоронений, входили в комплекты шумящих привесок к женской одежде (чаще финно-угорской). Тисненые тонкостенные бубенчики нередко использовались в качестве пуговиц. Например, в окрестностях Поддоря в Новгородской губернии в XIX в. был популярен сарафан с «глухарями» – тиснеными пуговками-бубенцами (Русский народный костюм, 1989. С. 64–65. Ил. 50–51).

Среди найденных на Городище бубенчиков наиболее древние – литые с механической доработкой. После такой доработки бывает трудно понять: по двум формам отливался бубенчик или же по одной. Тем не менее, согласно визуальному анализу городищенских образцов, некоторые из них не случайно выходят за рамки типологии новгородских бубенчиков. Так, в 1977 г. при раскопках на северном берегу Сиверсова канала в слое IX–X вв. был найден бронзовый бубенчик «овальный в сечении со щелевидной прорезью и рельефным пояском в середине» (рис. 3, 1) (Носов, 1990. С. 77–78). На первый взгляд, он сходен с типом бубенчиков, отмечаемых в Новгороде в слоях XII–XIII вв. Однако по расположению его ушка и прорези не в единой вертикальной плоскости, а в двух плоскостях почти крест-накрест, можно уверенно говорить, что способом изготовления он отличен от новгородских бубенцов. Особенности этого способа представляются так. Бубенчик отливался с использованием двух глиняных несимметричных форм – верхнего полушария с выступающим ушком и нижнего гладкого. Здесь предполагаются именно глиняные, разрушающиеся в культурном слое формы, поскольку каменных, более крепких форм, предназначенных для литья бубенчиков, пока не найдено. В освобожденной от формы отливке, в нижнем ее полушарии пропиливался щель.

Рис. 2. 1–44 – подвески-амулеты: 1–11 – сложносоставные шумящие, бронза, X–XIII вв. (1 – РГ, п. м., 1966 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/15; 2 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 35043/446; 3 – РГ, п. м., начало 1970-х гг., В. И. Поветкин, НЦМД; 4 – РГ, п. м., 1977 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/728; 5 – РГ, п. м., 2002 г., А. Н. Сметанин, НЦМД; 6 – НОЭ-1984–1989, РГ, центральный раскоп; 7–10 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 18518 А90/14, 113, 133, 138; 11 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 25402 А26/768); 12–13 – плоские с шумящими привесками, бронза, XII–XIII вв. (12 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 25402 А26/137; 13 – РГ, п. м., 1977 г., НГМ НВ 21142/353); 14–44 – полые с шумящими привесками, бронза, XII–XIV вв. (14–17 – РГ, п. м., 1978 г., НГОМЗ НВ 21142/293, 296, 297, 350; 18–20 – РГ, п. м., 1968 г., НГОМЗ КП 18518 А90/54, 103, 201; 21–22 – РГ, п. м., 1970 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/698, два экз.; 23 – РГ, п. м., 1970 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/695; 24 – РГ, п. м., 1963 г., Н. И. Кутузов, НИАМ 15320; 25 – РГ, п. м., 1976 г., В. Н. Суховаров, НЦМД; 26–27 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД; 28–32 – РГ, п. м., НГОМЗ НВ 21142/290, 333, 336, 337, 352; 33 – РГ, п. м., Н. П. Пахомов, НГОМЗ НВ 21142/310; 34 – РГ, п. м., 1968 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 18518 А90/56; 35–39 – РГ, п. м., НГОМЗ НВ 21142/289, 295, 332, 334, 335; 40 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 18518 А90/140; 41 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 3543/437; 42 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД; 43 – РГ-1-1983, гл. 247–267, кв. 3, № 133; 44 – РГ-1-1983, гл. 267–287, кв. 4, № 163).

Fig. 2. 1–44 – pendants-amulets: 1–11 – of complicated composition, rattling, bronze, 10th–13th century; 12–13 – flat with rattling appendages, bronze, 12th–13th century; 14–44 – hollow, with rattling appendages, bronze, 12th–14th

В верхнем полушарии, в ушке после отжига кузнечным способом пробивалось конусное отверстие (ушко соответствующим образом погнуто). Затем, чтобы убрать «облой», то есть неровности отливки, и чтобы на стыке отчасти смещенных полушарий сделать рельефную опояску, вся поверхность бубенчика обрабатывалась напильником. Данными технологическими особенностями оправдывается его древность и несходство с известными вариантами новгородских бубенцов. В противном случае его можно было бы включить в группу бубенчиков с одинарной прорезью, отливавшихся по двум симметричным – левой и правой – разъемным глиняным формам, и, значит, датировать по новгородским образцам XII–XIII веков. Или же, наоборот, период бытования означенных новгородских бубенцов пришлось бы неоправданно увеличить – от IX до XIII века. Этим примером мы хотим подчеркнуть важность учета технологии производства бубенчиков при их классификации и датировке типов.

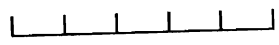
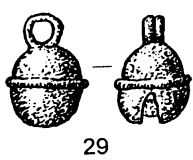
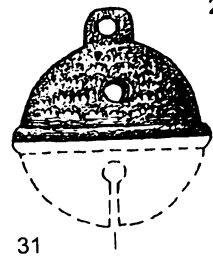
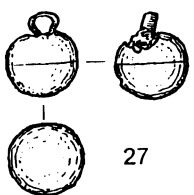
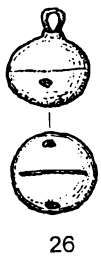
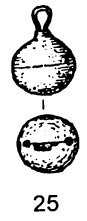
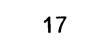
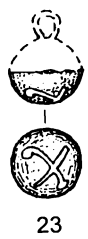
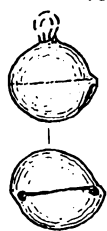
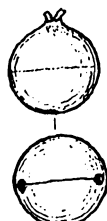
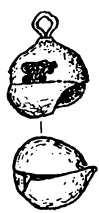
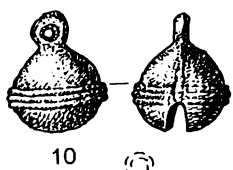
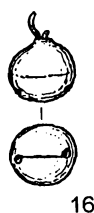
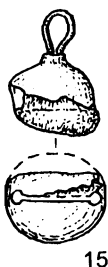
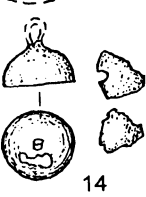
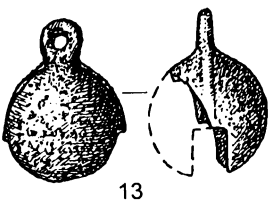
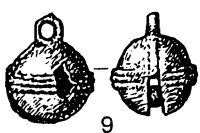
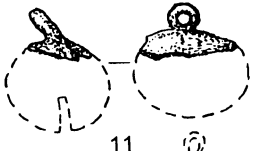
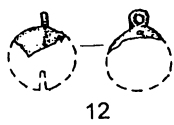
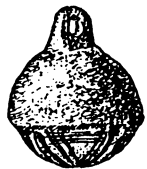
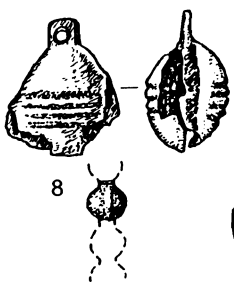
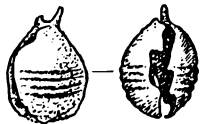
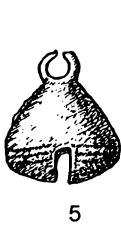
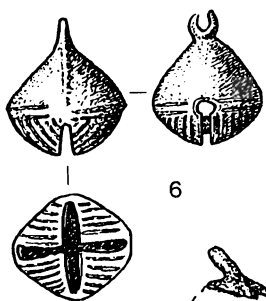
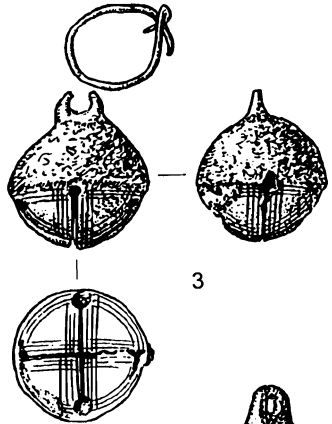
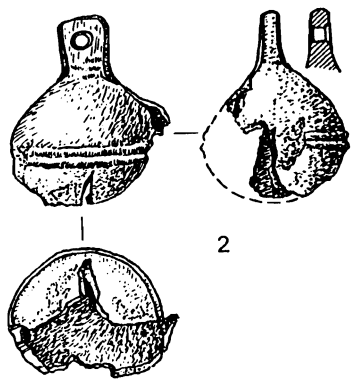
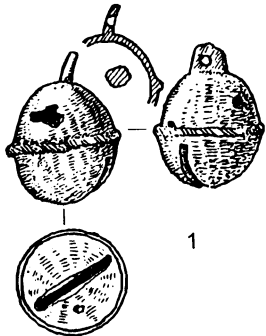
Следовательно, рассмотренный городищенский бубенчик, пусть пока что единственный в своем роде, относится к технологической традиции, или группе, которая не отмечается в Новгороде. Эта группа предварительно может быть поименована как – бубенчики, литые по верхней и нижней (несимметричным) формам с механической доработкой. Внутри группы определяется тип – *округлые продольнопрорезные с одинарной опояской*.

Вне новгородского типологического деления оказывается и поднятый на Городище крупный округлых форм литой крестопорезной бубенчик с двумя рельефными опоясками и высоким ушком (рис. 3, 2). Его можно считать вариантом крестопорезных шаровидных или округлых с тонкой насечкой на лепестках и с удлинненным ушком бубенчиков, например, из курганных захоронений X–XI вв. близ д. Боково Маревского р-на Новгородской обл. (Боково, кург. 35, погр. 1; кург. 42, погр. 1) (Пронин, Мильков, 1978. С. 30–31). Сравнимые бубенчики разнятся внешним оформлением, украшениями, но способ литья у них, похоже, был общим. Они отливались, вероятно, по восковой модели с последующим разрушением единичной глиняной формы. Однако малое количество образцов и заглаженная их поверхность не позволяют сделать твердых выводов. Поэтому рассмотренный второй городищенский бубенец можно осторожно причислить к технологической группе с предварительным рабочим названием – бубенчики литые с механической доработкой (где не случайно использован нейтральный термин – литые). В группе определяется тип – *округлые крестопорезные*, и соответствующий вариант – *с двойной опояской*.

К числу древних и нехарактерных для новгородских раскопок принадлежит также бубенчик, поднятый в 1979 г. на южном берегу Сиверсова канала. Дробина внутри его не прослушивается, она, очевидно, утрачена, но уцелело проволоочное

Рис. 3. 1–31 – бубенчики: 1 – литые по верхней и нижней формам округлые продольнопрорезные, бронза, IX–X вв. (1 – НАО-1977, РГ-59, кв. 8, пл. 4); 2 – литые с механической доработкой округлые крестопорезные с двойной опояской, бронза, X–XI вв. (2 – РГ, п. м., 1968 г., НГОМЗ НВ 21142/351); 3–4 – двухчастнолитые с механической доработкой округлые крестопорезные, бронза, X–XI вв. (3 – РГ, п. м., 1979 г., НГОМЗ НВ 21142 1-973/359; 4 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД); 5–6 – двухчастнолитые граненые крестопорезные, бронза, X–XII вв. (5 – РГ, п. м., 1974 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/98; 6 – РГ, п. м., 2004 г., А. Н. Сметанин, НЦМД); 7–13 – двухчастнолитые округлые продольнопрорезные, бронза, XI–XIII вв. (7 – НОЭ-1980, РГ-II-55, кв. 3, гл. 0–1 м; 8 – НОЭ-1984, РГ-124, кв. 145, гл. 0,4–0,6 м; 9 – РГ, п. м., 1968 г., НГОМЗ КП 18518 А90/166; 10 – РГ, п. м., 2002 г., А. Н. Сметанин, НЦМД; 11 – РГ, п. м., НГОМЗ НВ 21142/292; 12 – РГ, п. м., 1968 г., НГМ НВ 21142/331; 13 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД); 14–27 – тисненые паяные разнопрорезные, медь, XI–начало XIV вв. (14 – НОЭ-1981, РГ-61, кв. 46, гл. 0,3–0,5 м; 15 – НОЭ-1982, РГ-173, кв. 87, гл. 0,4–0,6 м; 16 – НОЭ-1982, РГ-140, кв. 87, гл. 0,14–0,4 м; 17 – НОЭ-1982, РГ-141, кв. 87, гл. 0,14–0,4 м; 18 – НОЭ-1986, РГ-66, кв. 179, гл. 1–1,2 м; 19 – НОЭ-1987, РГ-96, кв. 165, разб. зап. ком.; 20 – НОЭ-1989, РГ-92, кв. 239, гл. 2–2,2 м; 21 – НОЭ-1989, РГ-93, кв. 242, гл. 2–2,2 м; 22 – НОЭ-1984, РГ-176, кв. 138, гл. 0,6–0,8 м; 23 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД; 24 – РГ, п. м., НГОМЗ НВ 21142/291; 25 – РГ, п. м., НГОМЗ КП 25402 А26/140; 26 – РГ, п. м., 1961 г., НИАМ 18037; 27 – РГ, п. м., 1982 г., НГОМЗ КП 35043/207); 28–30 – цельнолитые (единочастнолитые) со жгутиком-опояской продольнопрорезные, бронза, конец XIII–конец XIV вв. (28 – НОЭ-1985, РГ-89, кв. 178, гл. 0,6–0,8 м; 29 – НОЭ-1984–1989 гг., центральный раскоп; 30 – РГ, п. м., 1976 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/311); 31 – раздельнолитые паяные, бронза, XIV–XIX вв. (31 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД).

Fig. 3. 1–31 – jingles: 1 – cast using an upper and lower moulds, rounded, with longitudinal slits, bronze, 9th–10th century; 2 – cast with subsequent mechanical finishing, rounded, with cross-like slits and double encircling bands, bronze, 10th–11th century; 3–4 – composed of two parts cast with subsequent mechanical finishing, rounded, with cross-like slits, bronze, 10th–11th century; 5–6 – composed of two cast parts, with cross-like slits, bronze, 10th–12th century; 7–13 – composed of two cast parts, with longitudinal slits, bronze, 11th–13th century; 14–27 – stamped soldered with slits of different kind, copper, 11th – early 14th century; 28–30 – integrally cast with encircling flagellum and longitudinal slits, bronze, late 13th – late 14th century; 31 – composed of separate cast and soldered parts, bronze, 14th–19th century.

кольцо, с помощью которого бубенчик мог крепиться к конской сбруе. Это сильно коррозированный литой из золотистой бронзы экземпляр. Условно определим его как шаровидный, или округлый, крестопорезной бубенчик. После отливки он подвергался механической обработке, в особенности в нижней части, где крест накрест делались два пропила. Кроме того, по краям его четырех нижних лепестков сохранились следы некогда мастерски исполненной тонкой состоящей из трех, а иногда и четырех параллельных линий пересекающейся в уголках насечки (рис. 3, 3). Указанными технологическими операциями, шаровидными формами, крупными размерами и характером украшающих насечек он отличен от хорошо известных крестопорезных грушевидных, или граненых, бубенчиков, находимых в новгородских слоях от середины X до середины XII вв. (Седова, 1981. С. 156). Он отчасти сопоставим разве что с нестандартным новгородским шаровидным крестопорезным бубенчиком из слоя второй половины XII в. (Нер. – 21-1707–1708, яма, № 20), а также с округлыми крестопорезными бубенчиками из курганов X–начала XI веков на реке Оять (Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 43. Рис. 13, 2; 17, б); для этих образцов характерна все та же тонкая насечка пусть не тройной, но двойной линией по краям четырех лепестков.

Чрезвычайно важен второй такой же бубенчик, найденный А. И. Зайцевым на Городище в северо-восточной части пашни (рис. 3, 4). Это образец с утраченным одним лепестком, и поэтому внутри отчетливо виден облой, литейный шов между левой и правой половинками. Значит, обе вещи принадлежат к технологической традиции бубенчиков двухчастнолитых с механической доработкой, типовая особенность – *округлые крестопорезные*. Строго говоря, именно таких образцов, кроме как на Городище, нигде пока что не отмечено. Но по способу литья они составляют общую группу с новгородскими двухчастнолитыми бубенцами, являя собой, по-видимому, более ранние их варианты.

Другие разновидности древних городищенских бубенчиков вполне подобны тем, что встречаются в новгородских слоях. Соответственно разделим их на типы и варианты внутри трех основных археологически прослеживаемых в Новгороде технологически групп, или производственных традиций (Поветкин, в печати).

Бубенчики двухчастнолитые (литые по двум симметричным половинам разъемной формы). Одни из них – 1-А: *граненые (грушевидные) крестопорезные* – середины X–XII вв., с активным

преобладанием в XI в. (Седова, 1981. С. 156). Два крупных образца случайно подняты на Городище (рис. 3, 5–6). Другие – 1-Б: *округлые продольнопрорезные*, то есть с одинарной щелевидной прорезью. Их найдено не менее семи экземпляров. Как и в Новгороде, среди таких бубенчиков различимы образцы с вдавленными опоясками – тремя и четырьмя (например, два обнаружены на центральном раскопе неподалеку от церкви Благовещенья – рис. 3, 7–8), и образцы с выступающими опоясками (три – рис. 3, 9–10). Оба варианта бытовали в период последней четверти XI–второй половины XIII вв., преобладали от середины XII до второй половины XIII в. Вероятно, к этому же времени относятся еще три обломка случайно найденных на Городище двухчастнолитых бубенчиков. Два из них маловыразительны (рис. 3, 11–12). У третьего, наполовину сохранившегося, нет опоясок, его тулово гладкое, что также соответствует одному из вариантов округлых продольнопрорезных бубенцов, но его исключительное свойство – очень широкая прорезь (рис. 3, 13). Таких в Новгороде не встречалось.

Бубенчики тисненные (паяные из верхнего и нижнего тисненных полушарий) – 2-А: *шаровидные разносторонние*. Отмечаются с XI до начала XIV вв., время их активного бытования – от первой половины XII до середины XIII вв. Большинство, вероятно, использовалось в качестве пуговиц или прищипок к одежде. Можно говорить о девяти экземплярах, найденных во время раскопок в центральной части Городища в 1980–1989 гг. (рис. 3, 14–22). Кроме того, не менее пяти бубенчиков вошли в фонд случайных находок (рис. 3, 23–27). Среди этих в общей сложности четырнадцати образцов преобладают бубенчики с одинарной долевой прорезью, снабженной в окончаниях «глазками» (рис. 3, 14–18, 20–21, 25). Единичные образцы: с прорезью без глазков (рис. 3, 19, 24); с прорезью и парой боковых глазков (рис. 3, 26); с крестовидной прорезью и глазками в ее окончаниях – двумя (рис. 3, 22) и четырьмя (рис. 3, 22); и вообще без прорезей (рис. 3, 27). При этом некоторые образцы, хотя оформлены прорезями, но почему-то не снабжены дробинкой (рис. 3, 16, 19). Такие бубенчики, быть может, использовались как взаимударяющиеся, например, в кистях праздничных поясов или в подоле ризы священника. И, напротив, в образце, не имеющем никаких прорезей, громыхает дробина (рис. 3, 27). Перечисленное разнообразие тисненных бубенчиков не случайно располагается в одной технологической и хронологической группе. Показателен комплекс с таким же и даже большим разнообразием тисненных бу-

бенчиков из ювелирной мастерской, открытой в Людином конце Новгорода в слоях 50–80-х гг. XII в. (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 129–135).

Бубенчики цельнолитые, или одиночнолитые (литые по восковой модели с потерей одиночной, или цельной, глиняной формы) – 3-А: со жгутиком-опояской продольнопрорезные. Способ их производства в существенных деталях совпадает с изготовлением полых шумящих подвесок. Добавились лишь операции, диктуемые формой полого с дробинной бубенца (Поветкин, 2004. С. 81–83. Табл. 1, 5–6, 10). При раскопках в центральной части Городища найдено два таких бубенчика. Один в виде обломка, сильно обгоревший, распадается на части (НОЭ-85, РГ-89, кв. 178, гл. от –0,6 м до –0,8 м; рис. 3, 28). Другой целый, нагляднее показывающий, что при изготовлении его выплавляемой модели, в частности для устройства опояски и ушка, использовался восковой жгутик (рис. 3, 29). Еще один, третий бубенчик со жгутиком-опояской, был найден Н. П. Пахомовым на территории Городища в 1976 г. Это необычно маленький образец с конусной верхней половинкой (рис. 3, 30). В Новгороде, согласно последним данным, бубенчики рассмотренного типа представлены единичными находками в слоях конца XIII–начала XIV вв., но активно бытовали в период от середины до конца XIV в., что особенно наглядно демонстрируют десять (!) их образцов с Никитинского раскопа в Плотноком конце (Поветкин, 2004. С. 81–84. Табл. 1, 10).

К особой разновидности бубенчиков относится найденный А. И. Зайцевым на Городище в 1980-х гг. Это верхнее полушарие бронзового сравнительно крупного экземпляра, тулово которого снабжено двумя сквозными отверстиями, глазками, выступающей в основании полуопояской и сплошь украшено рельефным своеобразным кружевом (рис. 3, 31). Отсутствующее нижнее полушарие, надо полагать, было снабжено соответствующей полуопояской, украшено рельефным кружевом и имело или одинарную, или крестовидную, или шестиконечную прорезь. Способ производства такого бубенчика явно отличался от представленных выше. Его особенность в том, что каждое полушарие в отдельности изготавливалось не тиснением, а посредством литья, затем обе части бубенчика с вложенной внутрь дробинной паялись. После пайки в месте соединения полушарий и полуопоясок образовывалась полная рельефная опояска. В ушке сверлилось отверстие. Бубенчики, производившиеся по данной технологии, появились сравнительно поздно. Особенно широко они использовались в XIX в., составляя с колоколь-

чиками комплекты звенящих «подгарков», «колоколен» для праздничной конской упряжи. Самый ранний образец такого рода (нижнее полушарие небольшого бубенца с пропиленной крестовидной прорезью) был лишь однажды найден в Новгороде на Никитинском раскопе в слое XIV в., куда, как считает Е. А. Рыбина, он мог попасть из более поздних напластований (Поветкин, 2004. С. 81. Табл. 1, 8). Словом, для датировки городищенского образца требуются дополнительные сведения. Технологическую группу таких бубенчиков можно условно обозначить как бубенчики раздельнолитые паяные с механической доработкой.

Не менее трех экземпляров городищенских бубенчиков, собранных в 1995 г. и упомянутых в опубликованных отчетах как «бронзовые бубенчики» (Носов, 1990. С. 140; Носов, Плохов, Янссон, 1996. С. 31), остаются пока что вне анализа.

О дробинах. Ими чаще являлись бронзовые выплески, а в одном бубенце – шарик литой по двухчастной форме (рис. 3, 8).

Погремушки глиняные. Всегда обожженные. На Городище отмечены двумя типами. Ранний тип – XI–середина XIII вв. – *яйцевидные*, глазурованные, узорчатые, так называемые писанки, с шариком внутри и одним наружным (как правило в тупом конце) отверстием. Образец с некоторым повреждением эмалевой росписи был найден на центральном раскопе в 1983 г. (рис. 4, 1). Встречаются и обломки: один – в 1965 г. в шурфе № 1 на южном берегу Сиверсова канала (рис. 4, 2) (Полубояринова, 1972. С. 218), другой – в 1997 г. при раскопках на северном берегу (Носов и др., 1998. С. 23). Следов их местного изготовления, ни в Новгороде, ни на Городище не выявлено. Они привозились, вероятно, из Киева или Белгорода, где, как отмечал Б. А. Рыбаков, найдены свидетельства их производства (Рыбаков, 1948. С. 362). Встречаются в детских захоронениях. Составляя предмет детской забавы, они одновременно могли иметь отношение к каким-то древним обрядам, возможно, к празднику Пасхи. Более поздние варианты яйцевидных погремушек, без узорной росписи, изготавливались, вероятно, уже вне Киева или Белгорода. Бытовали они, судя по псковским находкам, и в XIII–XVI вв. Такова городищенская погремушка, поднятая в северо-восточной части пашни. Белоглиняная, с прочерченными редкими долевыми полосами и покрытая бледно-зеленой однотонной глазурью, она не была снабжена отверстием (рис. 4, 3). Среди ее обломков, ныне склеенных, по рассказу А. И. Зайцева, когда-то имелся шарик из темно-серой глины, обожженный, диаметром около 9 мм (к сожалению, утрачен).

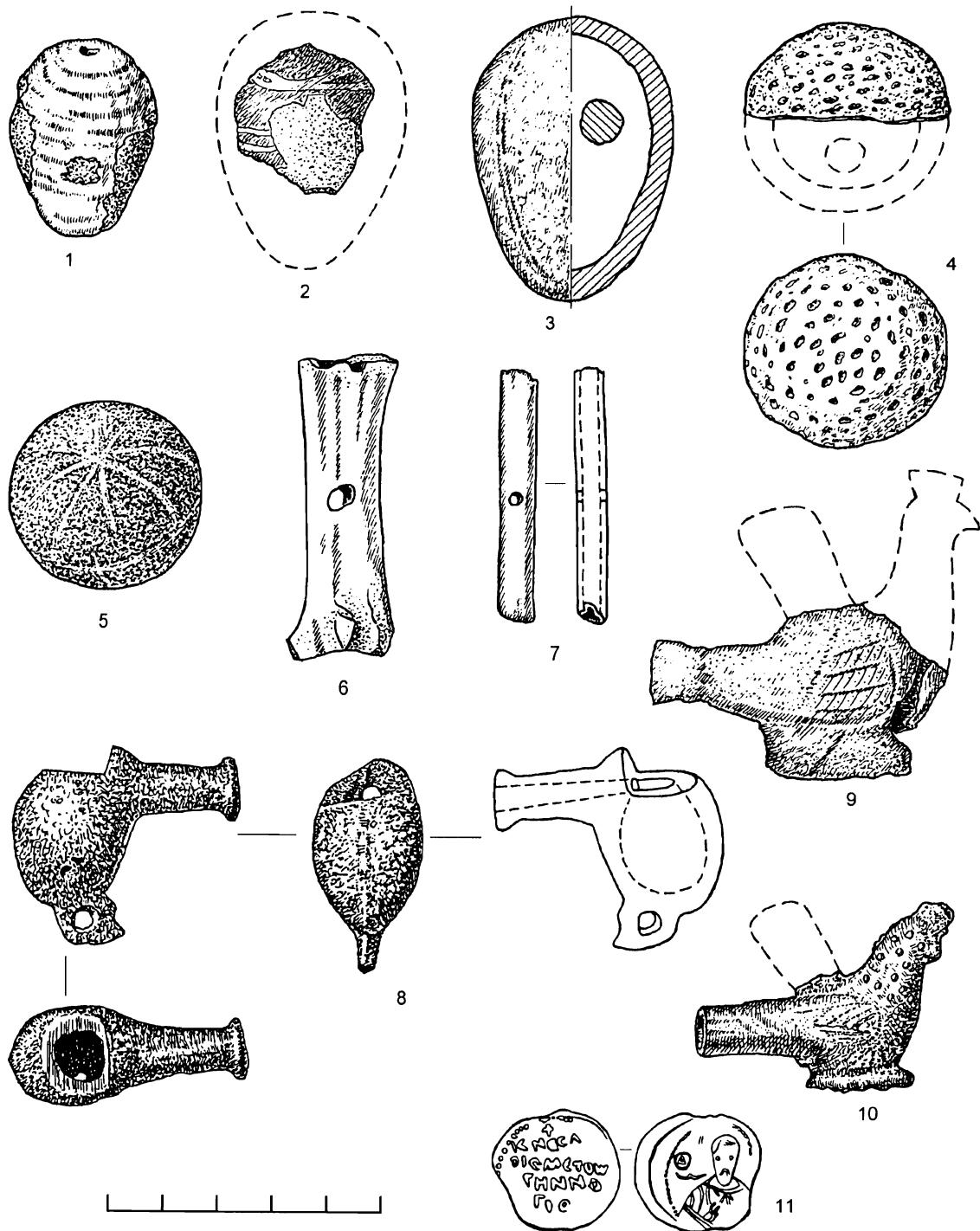

Рис. 4. 1-5 – погремушки: 1-3 – яйцевидные (писанки), глина (1-2 – XI–середина XIII в.: 1 – РГ-1-1983, кв. 4, гл. 127-147, № 26; 2 – НАО-1965, РГ, раскоп I, пл. 1, 8-2; 3 – глина, XIII–XVI в.: РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД); 4-5 – шаровидные, глина, XV в. (4 – РГ, п. м., 1967 г., НГОМЗ КП 18518 А90/196; 5 – РГ, п. м., 1980 г., А. И. Зайцев, НЦМД); 6-7 – брunchалки, кость, X-XI вв. (6 – НОЭ-1987, РГ-6, кв. 189, зачистка материка; 7 – РГ-1969, Ш-1, пл. 8, кв. 1, № 3); 8 – свисток корабельный, бронза, IX-XVI, предпочтительно XIII-XV вв. (8 – РГ, п. м., 1979 г., НЦМД); 9-10 – петушок-свистулька, олово, XIX-XX вв. (9 – РГ, п. м., 1966 г., НГОМЗ КП 18110; 10 – РГ, п. м., начало 1980-х гг., А. И. Зайцев, НЦМД); 11 – печать Святослава Ольговича (?), свинец, XII в. (11 – РГ, п. м., 1997 г., А. Н. Сметанин, НГОМЗ)

Fig. 4. 1-5 – rattles: 1-3 – egg-shaped (*pisankas*), clay (1-2 – 11th – mid-13th century; 3 – 13th-16th century; 4-5 – globular, clay, 14th century; 6-7 – buzzing instruments (*brunchalkas*), bone, 10th-11th century; 8 – ship whistle, bronze, 9th-16th century, probably 13th-15th century; 9-10 – cockerel-whistle, tin, 19th-20th century; 11 – Svyatoslav Ol'govich's seal (?), lead, 12th century

Другой тип погремушек, детских потешек – *шаровидные*, с шариком внутри и одним или несколькими отверстиями, а нередко и вовсе без таковых. На Городище обнаружены две погремушки именно без отверстий, обе неглазурованные. По новгородским образцам они примерно датируются XV в. Одна, испещренная мелкими ямочками, «рябая», слепленная из светло-охристой глины, сохранилась в виде половинки (рис. 4, 4). Другая – целая, из светло-серой глины, с громающим внутри шариком, украшена тонкими вдавленными дорожками (рис. 4, 5).

Духовые.

«*Костяной свисток*». Первое сведение такого рода было упомянуто в отчете о раскопках, проведенных Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерихом в 1910 г. на северном берегу Сиверсова канала (Носов, 1990. С. 22). Что это была за находка – представить трудно.

Брунчалка. Иногда костяным свистком археологи ошибочно именовали брунчалку (иначе – буркалило или гудалка) – трубчатую косточку с одним, реже двумя поперечными отверстиями для нитки. При вращении взад-вперед она гудела. В поздней традиции – это детская игрушка. В древности ею мог пользоваться волхв, кудесник, произносивший заклинательные слова и извлекавший разные оттенки голосов духов природы. В Новгороде подобные вещи известны начиная с XI в. Изготавливали их, как правило, из «казанка» (задней метаподии) поросенка. Такой образец был обнаружен в центральной части Городища при зачистке материка (рис. 4, 6). Изредка встречаются и иные брунчалки, например, сделанные из птичьей папоротковой косточки с открытыми концами (Поветкин, 1988. С. 187–191; 1994. С. 135–136. Табл. 1, 4). О таковых сообщал В. И. Даль (Даль, 1955. Т. 1. С. 143). «Трубчатая кость со сквозным поперечным отверстием» была найдена Н. П. Пахомовым в 1969 г. при раскопках на южном берегу Сиверсова канала в слое «не позднее X века» (Носов, 1990. С. 33). Предполагаем, что это была брунчалка, грубовато изготовленная из папоротковой птичьей косточки. Отверстие в ней проделано посередине – для равновесия, необходимого при раскручивании и получении звука (рис. 4, 7). Шведский исследователь профессор И. Янссон, однако, соотносит последнее изделие с костяными игольниками, которые встречаются в древних скандинавских женских захоронениях. На это можно возразить, что у известных нам костяных трубчатых игольников отверстия, причем

очень маленькие, расположены не посередине, а сбоку, как, например, у городищенского игольника первой половины X в. (НАО-77, РГ-129, кв. 10, пл. 9, сруб), опубликованного в работе Е. Н. Носова (Носов, 1990. С. 73. Рис. 28, 6). Вместе с тем, мы оставляем за собой право на более детальное изучение данного вопроса

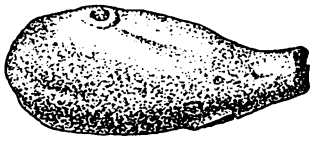
Свистульки глиняные. Сопутствовали гончарному промыслу. Изготавливались из различных глин с последующим обжигом. С одного конца снабжены свистковым устройством, состоящим из вдувного отверстия, дульца, и звукообразующего окошка. На тулове имеют, как правило, два игровых отверстия. В исключительно редких случаях бывают более чем с двумя отверстиями, но иногда с одним или вовсе без таковых. Найдены как подъемный материал в разных концах Городища. По различию форм предварительно делятся на следующие группы.

Свистульки-капли. Вылеплены из глины белых, охристых, серых, вплоть до темно- и черно-дымчатых оттенков, без росписи и глазури. В Новгороде составляют характерный тип. Единично в виде обломков начинают отмечаться в слоях XII в. (Гайдуков, 1992. С. 88. Рис. 47, 1)², активно бытуют в XIV–XV вв., обнаруживаются и в напластованиях XVI столетия. В Старой Руссе есть образцы XIII–XIV вв. (СР-1968, VIII – 9-22, № 163; СР-1971, XII – 9-5, № 15). На Городище, по нашим сведениям, найдены две таких свистульки. Одна – из числа характерных для данного типа (рис. 5, 1). У другой – кроме обычной пары игровых отверстий имеется третье, маленькое, что является исключением из правила (рис. 5, 2).

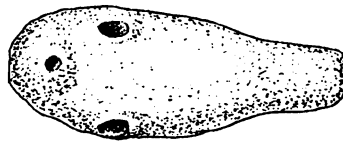
Свистульки-чудовери. Обычно крупные, с длинной изогнутой шеей и головой, напоминающей в уцелевших образцах конскую или драконью (но, как правило, голова отбита). Одни, преобладающие, делались без признаков лап, другие – лапистые. Некоторые украшены росписью – крупными коричневыми или красноохристыми полосами, пятнами. На Городище найдено четыре экземпляра: три из них белоглиняные, а один сделан из глины светло-охристого оттенка (рис. 5, 3–6). В новгородских слоях отмечаются со второй половины XIV в. (Гайдуков, 1992. С. 88. Рис. 47, 2), но особенно часто встречаются в XV–XVI вв.

Свистульки-коники. Белоглиняные – на Городище выявлено четыре образца. Один – с остатками желтоохристого покрытия (рис. 5, 7), три образца с глазурью желтых оттенков (рис. 5, 8–10). В Новгороде прослеживаются в слоях второй по-

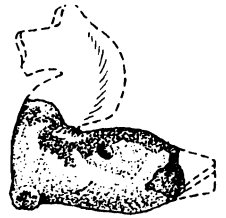
² В этой работе найденный фрагмент свистульки был предположительно назван обломком погремушки.

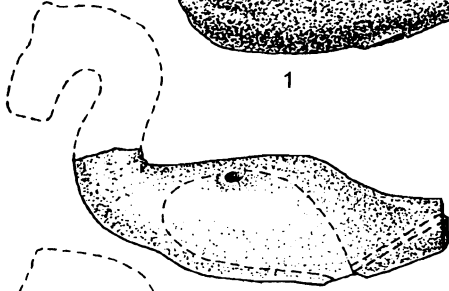
1

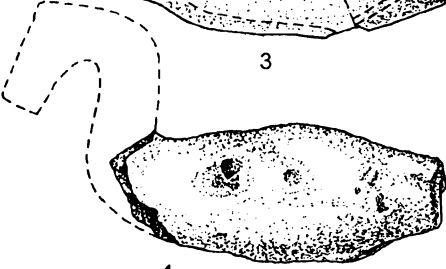
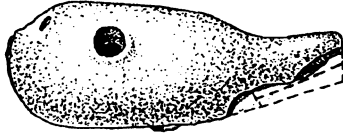
2

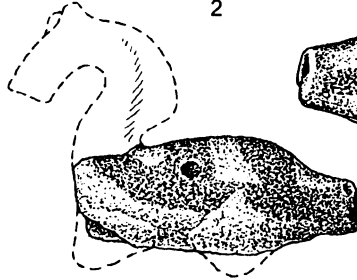
7

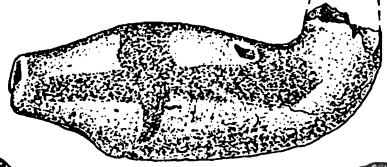
3

4

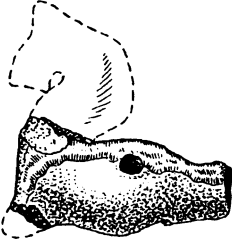
6

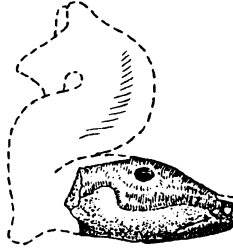
5

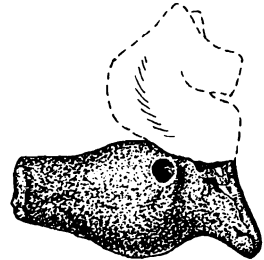
8

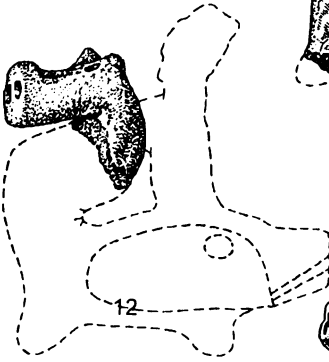
9

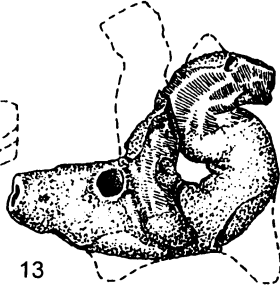
10

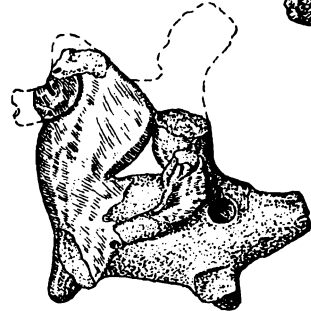
11

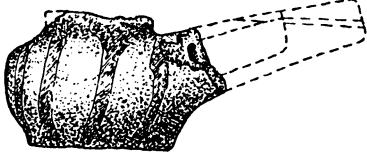
12

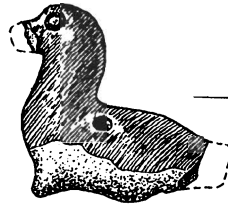
13

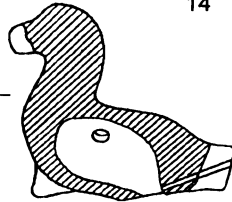
14

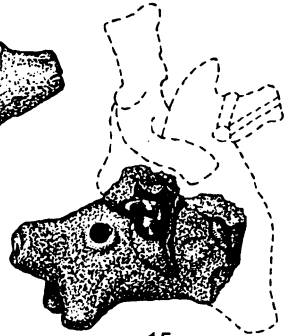
17

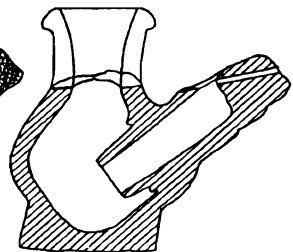
16

18

15

ловины XIV–XV вв. Красноглиняные (с глазурью бурых и других оттенков) – на Городище найден один обломок с отличающимся от белоглиняных образцов ремесленным почерком, вероятно, более поздний (рис. 5, 11).

Свистульки-всадники. Белоглиняные – нередко с желтоватой и желто-зеленоватой глазурью, схожи с белоглиняными свистульками-кониками, одновременно содержат в себе некоторые ремесленно-изобразительные черты свистулек-чудозверей. Предположительно датируются XV–XVI вв. Городищенских образцов, среди которых нет ни одного целого, известно три (рис. 5, 12–14). В Новгороде или других местах таких находок не отмечено. Целые образцы помогли бы уточнить датировку типа. Красноглиняные – с темно-бурой глазурью, стилистически отличаются от предыдущих, «кургузые», вероятно, единовременны с красноглиняными свистульками-кониками. На Городище найден один маловыразительный обломок (рис. 5, 15). Образцы менее поврежденные встречены в верхних техногенных слоях Новгорода и Старой Ладogi. Как показывает староладогская находка, конская голова снабжена ремнями узды, а, главное, на плечах у всадника (к сожалению, с отбитой головой) вылеплены эполеты. В России эполеты появились в 1763 г. (*Российский историко-бытовой словарь*, 1999. С. 519). Значит, данный тип свистульки, – а с ним, вероятно, и красноглиняные коники, – возник не ранее указанной даты.

Свистульки-уточки – из светло-охристой глины с зеленоватой и коричнево-рыжей глазурью, с двумя лапками. Глазки-кружочки – печатные. Таков удовлетворительно сохранившийся один городищенский образец (рис. 5, 16). Подобные игрушки из раскопок Коломенского Кремля относятся к XVI–XVII вв. (*Дайн*, 1981. Ил. 15), а найденные во Пскове (П – 2002, Покр. – III, пл. 16, кв. 39; Покр. – XI, пл. 11, кв. 62) и Суздале (*Глиня-*

ные игрушки, 2002. С. 33–34) датируются XVIII в. Обломок такой свистульки был найден и в Новгороде – на Ильинском раскопе в 1965 г. (Ил. – V, № 2/308/295, НГМ НВ 22692, пр. к А 137/292).

Свистульки-соловьи – в виде сосуда с носиком-свистком. В сосуд наливалось немного воды, затем из него извлекались «соловьиные» трели. С Городища происходят две находки. Одна имеет форму кубышки, слеплена из белесой глины и расписана красной охрой (рис. 5, 17). Другая в виде крыночки, сделана из светло-охристой глины с коричневой и зеленой глазурью, горлышко отбито (рис. 5, 18). Удивительно, но словно тою же рукой вылепленная, причем почти целая, чуть меньшая по величине свистулька-соловей обнаружена при раскопках в Коломне под Москвой, где датирована второй половиной XVII–первой половиной XVIII вв. (*Черкасов*, 2004. С. 318–319. Рис. 9, 4). Обе они, вероятнее всего, изготовлены в одной мастерской, местонахождение которой установить пока что не представляется возможным. Но заметим: того же рода свидетельства в виде носика-свистка, отвалившегося от крыночки, найдены еще и во Пскове (три экземпляра) среди вещей второй половины XVIII века (П – 2000, Бог. – XVI, пл. 31, кв. 31; П – 2002, Покр. – III, пл. 14, кв. 50; П – 2002, Покр. – VIII, пл. 11, кв. 68). Между тем в Новгороде свистулек данного типа пока что не обнаружено.

Общее число выявленных городищенских глиняных свистулек составляет не менее восемнадцати экземпляров. В поздней традиции это предметы детской забавы. Но так ли было в древности? Представляется, что наиболее древний и характерный для Новгорода и его округа тип *свистульки-капли* мог использоваться как сигнальный в хозяйственном или военном быту. Одна из таких свистулек, найденная в Новгороде на Неревском раскопе (Нер., 1953 г., № 3157, НЦМД), снабжена ушком

Рис. 5. 1–18 – свистульки: 1–2 – свистульки-капли, глина, XII–XVI вв. (1 – РГ, п. м. 1970-х гг., В. Н. Суховаров, НЦМД; 2 – РГ, п. м., 1970–1982 гг., НГОМЗ КП 35043/223); 3–6 – свистульки-чудозвери, глина, вторая половина XIV–XVI вв. (3–4 – РГ, п. м. 1970-х гг., 2 экз., В. Н. Суховаров, НЦМД; 5 – РГ, п. м., 1980-х гг., А. И. Зайцев, НЦМД; 6 – РГ, п. м., 1978 г., пашня, НГОМЗ КП 35043/490); 7–11 – свистульки-коники (7–10 – белоглиняные, XIV–XV вв.: 7 – РГ, п. м. 1970-х гг., В. Н. Суховаров, НЦМД; 8 – РГ, п. м., 1967 г., пашня, НГОМЗ КП 18111; 9 – РГ, п. м., 1978 г., пашня, НГОМЗ КП 35043/491; 10 – РГ, п. м. 1970-х гг., В. Н. Суховаров, НЦМД; 11 – красноглиняная, XVIII в.: РГ, п. м., 1976 г., пашня, В. И. Поветкин, НЦМД); 12–15 – свистульки-всадники (12–14 – белоглиняные, XV–XVI вв.: 12 – РГ, п. м., 1980-х гг., А. Ф. Петров, НЦМД; 13 – РГ, п. м. 1970-х гг., В. Н. Суховаров, НЦМД; 14 – РГ, п. м., 2002 г., С. Е. Торопов, НЦМД; 15 – красноглиняная, XVIII в.: РГ, п. м., 2002 г., О. Н. Клименко, НЦМД); 16 – свистульки-уточки, глина, XVIII в. (16 – РГ, п. м., 1967 г., Н. П. Пахомов, НГОМЗ КП 25402 А26/211); 17–18 – свистульки-соловьи, глина, вторая половина XVII–XVIII вв. (17 – РГ, п. м., 1977 г., пашня, НГОМЗ КП 35043/464; 18 – РГ, п. м. 1970-х гг., В. Н. Суховаров, НЦМД).

Fig. 5. 1–18 – whistles: 1–2 – drop-shaped whistles, clay, 12th–16th century; 3–6 – whistles in the form of fantastic animals, second half of the 14th–16th century; 7–11 – whistles-horses (7–10 – white clay, 14th–15th century, 11 – red clay, 18th century; 12–15 – whistles-riders (12–14 – white clay, 15th–16th century; 15 – red clay, 18th century; 16 – whistles-ducks, clay, 18th century; 17–18 – whistles-nightingales, clay, second half of the 17th–18th century).

для подвешивания. Значит, можно предполагать, что владелец этой свистульки по каким-то серьезным причинам держал ее при себе и в нужный момент подавал сигнал.

Корабельный свисток бронзовый. В Новгородском Центре музыкальных древностей хранится литой бронзовый с ушком для подвешивания свисток. Это корабельный, или морской, свисток, найденный любителями древности в конце 1970-х гг. на территории Городища (рис. 4, 8). Его можно датировать древнерусским периодом, основываясь на том, что в Новгороде на Добрынином раскопе подобный сигнальный инструмент, сделанный из лосяного рога, оказался в слое XIII в. (Трояновский, 2000. С. 20; Поветкин, 2000. С. 170–172. Табл. 3, 1–2). Корабельный бронзовый свисток, очень схожий с городищенским, был недавно выявлен в Старой Ладоге с вещами конца XV–третьей четверти XVI вв. (Кирпичников, Сорокин, 2002. С. 153. Рис. 13, 2). Конструктивно такие же боцманские свистки, иногда художественно украшенные, использовались в средневековой Западной Европе. Редкостным свидетельством является изображение на сицилийском стеганом одеяле конца XIV в. На нем в сценах из жизни Тристрама дважды показан кормщик, который корабельным свистком подает сигналы команде гребцов (Lawson, 1986. V. I. P. 134. Fig. 3).

Петушок-свистулька оловянный. От такого изделия на северном берегу Сиверсова канала в 1966 г. был найден обломок, вторично использованный, вероятно, в качестве рыболовного грузила (рис. 4, 9). Распознать в нем некогда звучавшее приспособление, полуо фигурку голубя, курочки, петушка или иной птицы, помогли лучше сохранившиеся образцы, найденные в Новгороде на берегах Волхова, а также еще один городищенский образец, найденный А. И. Зайцевым в начале 1980-х гг. на пашне (рис. 4, 10). В хвостовой трубчатой его части, куда вдвухался воздух, имелся когда-то пищик – устройство с одинарным бьющим стальным язычком. Из инструмента извлекался писклявый кукарекающий голос, или как у кукушки, в интервале малой терции. Это была детская потешка, которая в XIX в. могла именоваться, по воспоминаниям И. С. Шмелева – «оловянный петушок-свистулька» или «свистуля, пискулька, пищалка, пищик» согласно словарю В. И. Даля (Шмелев, 1997. С. 187; Даль, 1955. Т. III. С. 114. Т. IV. С. 151). Как «поющий голубь» потешка была известна и в XX в.

Итак, типы найденных на Городище древних звучащих приспособлений распределились по группам:

Самозвучащие.

1. **Гривна шейная звончатая**, с привесками-кольцами и «молоточком Тора», железо, IX–X вв. – не менее 3 экз.;

2. **Подвеска-обруч звончатая**, с привесками-кольцами, железо, IX–X вв. – не менее 2 экз.;

3. **Плеть звенящая**, с привесками-баранчиками, железо (рукоять кленовая), IX–XI вв. – 3 экз.;

4. **Подвеска-амулет шумящая: сложносоставная**, бронза, X–XIII вв. – 11 экз.; *плоская*, бронза, конец XI–XII и вторая половина XII–XIII вв. – 2 экз.; *полая*, бронза, XII–XIV вв. – 33 экз.; итого – не менее 46 экз.;

5. **Бубенчик: литой по верхней и нижней формам округлый продольнопрорезной**, бронза, IX–X вв. – 1 экз.; *литой с механической доработкой округлый крестопрорезной с двойной опояской*, бронза, X–XI вв. – 1 экз.; *двухчастнолитой с механической доработкой округлый крестопрорезной*, бронза, X–XI вв. – 2 экз.; *двухчастнолитой граненый крестопрорезной*, бронза, X–XII вв. – 2 экз.; *двухчастнолитой округлый продольнопрорезной*, бронза, XI–XIII вв. – 7 экз.; *тисненый паяный разнопрорезной*, медь, XI–начало XIV вв. – 14 экз.; *цельнолитой (единочастнолитой) со жгутиком-опояской продольнопрорезной*, бронза, конец XIII–конец XIV вв. – 3 экз.; *раздельнолитой паяный*, бронза, XIV–XIX вв. – 1 экз.; итого – не менее 31 экз.;

6. **Погремушка: яйцевидная**, глина, XI–сер. XIII вв. – 3 экз., XIII–XVI вв. – 1 экз.; *шаровидная*, глина, XV в. – 2 экз.; итого – 6 экз.

Духовые.

1. **Брунчалка**, кость, X–XI вв. – 2 экз.;

2. **«Свисток» (?)**, кость, без паспорта – 1 экз.;

3. **Свистулька глиняная: свистулька-капля**, XII–XVI вв. – 2 экз.; *свистулька-чудозверь*, в. п. XIV–XVI вв. – 4 экз.; *свистулька-коник*, белоглиняная, XIV–XV вв. – 4 экз., красноглиняная, XVIII в. – 1 экз.; *свистулька-всадник*, белоглиняная, XV–XVI вв. – 3 экз., красноглиняная, вторая половина XVIII в. – 1 экз.; *свистулька-уточка*, XVIII в. – 1 экз.; *свистулька-соловей*, вторая половина XVII–первая половина XVIII вв. – 2 экз.; итого – не менее 18 экз.;

4. **Свисток корабельный**, бронза, IX–XVI вв., предпочтительно XIII–XV вв. – 1 экз.

5. **Петушок-свистулька** (пищик) оловянный, XIX–XX вв. – 2 экз.

Как видим, звучащие приспособления, открытые на Городище, распределились не в четырех, а всего лишь в двух группах. Маловероятно, чтобы здесь в древности не были известны, скажем, бубны – из группы мембранных, которые представляются необходимыми в обиходе дружинни-

ков. По-видимому, такие детали из комплекта бубна, как, например, его деревянные колотушки, столь характерные для новгородских раскопок, на Городище еще ждут своего открытия.

Маловероятно и то, чтобы на Городище в княжеском дворце в древности не звучали струнные инструменты – гудки или гусли. Возможно, свидетельства таковых еще будут найдены при раскопках, как это произошло в Новгороде. Но не исключено и то, что здесь свидетельства струнных инструментов не будут похожи на новгородские. Причиной тому – преобладающий скандинавский состав обитателей раннего Городища. Для скандинавов в VIII–X вв. и вплоть до середины XIII в. был характерен иной, нежели у славян, струнный музыкальный инструмент, а именно – шестиструнная щипковая (или бряцающая) лира. Ее обязательной деталью являлась костяная или, реже, бронзовая, а чаще всего янтарная кобылка – подставка под струны. Именно деталь из янтаря VIII–IX вв., думается, не случайно была найдена на месте бывшей крепости в Любше близ Старой Ладогги, где в целом, судя по характеру ладожских древностей, в полиэтничном составе населения было немало скандинавов. Один из пришлых воинов играл на западно- или северо-европейской шестиструнной лире (Поветкин, 2002. С. 75–77. Рис. 1, 12).

Понятно, не одними инструментальными головами полнился мир музыки древних обитателей Городища. Звучали еще и песни обрядовой народной традиции, многие из которых не нуждались в инструментальном сопровождении. Такие песни не записывались, и обнаружить сведения о них в виде материальных остатков почти невозможно. Со временем к ним присоединились церковные песнопения и колокольный звон. С несколько большей вероятностью могут встретиться документы, свидетельствующие о церковном певческом искусстве, запечатлевавшемся письменно. Кстати, раннее такое свидетельство в Новгороде – открытая в 2000 г. Новгородская Псалтырь – росеница официального крещения Руси. Записанные на ее восковых страницах псалмы по прочтении полагалось петь (Янин, Зализняк, 2001а, 2001б; Поветкин, 2003б. С. 4–5). На Городище в 1997 г. было обнаружено своеобразное свидетельство, которое может быть сопоставлено с подобной практикой. Мы имеем в виду свинцовую печать, вероятно, принадлежавшую князю Святославу Ольговичу (1136–1138, 1138–1141 гг.), именем которого, по устно высказанному предположению академика РАН В. Л. Янина, может быть продолжен перечень древних новгородских мастеров-пев-

цев, творцов церковных песнопений – Кирика, Стефана, Моисея. На одной стороне печати погрудно изображен святой (Николай?) в святительских ризах, на другой – греческая надпись, которая предположительно может быть прочитана как: ΚΝΕΣ ΛΟΓΟΘΕΤΟΞ ΓΟΜΝΟΓ (ΡΑΦΞ) (Янин, Гайдуков, 1998б. С. 341. Рис. 8) (рис. 5, 11).

Итак, обзор городищенских древностей, произведенный нами в сопоставлении с материалами новгородского и других археологических комплексов, ознаменовался неожиданно впечатляющими результатами. Расширился типологический ряд древних звукоизвлекающих приспособлений. В группу самозвучащих инструментов впервые включены железные – *гривны шейные звончатые* и *подвески-обручи звончатые*, а также бронзовые – *подвески-амулеты сложносоставные шумящие*. Особое внимание уделено бубенчикам. Увеличился не только их типологический ряд, но на конкретных образцах, пусть пока единичных, выявляются такие технологии производства бубенчиков, которые не отмечались в материалах Новгорода. Становится понятным, что у каждой производственной традиции был свой временной период. Следуя одна за другой, такие традиции выстраиваются в закономерной очередности. Если на примерах новгородских бубенцов их изначально можно было выявить лишь две, а потом три, то сейчас, едва выйдя за хронологические и территориальные пределы Новгорода, их обнаруживается уже шесть. По крайней мере, имеются основания ставить о них вопрос и учитывать вероятность их существования. Две из них, ранние, IX–X и X–XI вв., выявлены в материале, найденном на Городище. Далее здесь же прослеживаются три основных способа производства бубенчиков, соответствующие новгородским традициям периода X–XIV вв. Наконец, последняя из обсуждаемых здесь традиций изготовления бубенцов, относящаяся к XIV–XIX вв., до сих пор представлена единичной находкой, происходящей из самого Новгорода. Однако теперь ее существование подтверждено и городищенской находкой. Коль скоро Городище можно рассматривать как одно из возможных предшественников Новгорода, то оно вполне может являться базой для создания расширенного варианта типологии новгородских бубенчиков.

С Городища происходит не менее восемнадцати образцов глиняных свистул. Это полученные от собирателей старины случайные находки. Но сопоставленные с датированными новгородскими и из других мест подобными свидетельствами, они позволили впервые для Новгорода и его округа положить начало их классификации. Выявлено

семь типов свистулек, некоторые из которых подразделяются на варианты. Следуя во времени один за другим, они по-своему знаменуют вехи истории примерно от XIV до XIX вв. Некоторые из них, в частности, *свистульки-соловьи* не встречены пока что в Новгороде. Зато они находят абсолютное сходство с предметами из весьма далекой Коломны, а также сопоставляются с псковскими древностями. Кстати, открытые в Пскове загадочные «глиняные свистки» благодаря городищенским и коломенским лучше сохранившимся свистулкам-соловьям наконец-то получили верное определение.

В ближайшем конструктивном родстве с глиняными свистулками оказывается древний бронзовый корабельный свисток. Случайно найденный в 1970-х гг. на Городище, недатированный, он впоследствии способствовал распознаванию подобной изготовленной из лосиного рога находки XIII в. на Добрынином раскопе в Новгороде. Оба свидетельства чрезвычайно важны для понимания обстановки на средневековых гребных и парусных судах. В свою очередь оба эти свидетельства, надо полагать, сослужили добрую службу для уверенной атрибуции корабельного свистка, выявленно-

го в древностях Старой Ладogi. В целом же все они обнаруживают конструктивное сходство с западноевропейскими боцманскими свистками, история которых уводит к более ранним временам.

В ряду открытых на Городище приспособлений из группы духовых – поздние детские потешки – оловянные петушки-свистульки снабжены не отмечавшимся прежде звукообразовательным устройством – одинарным бьющим язычком. Факт, указывающий на позднегородские влияния в условиях простого селения, каковое осталось от некогда могущественного княжеского градообразующего центра.

Одна из городищенских свинцовых печатей может свидетельствовать о необычной деятельности князя, создававшего церковные гимны. Данный документ в сочетании с другими находками говорит о разных музыкальных традициях, – местных и заморских, – уживавшихся в сложном звучащем мире древнего Городища. Рассматривая городищенский комплекс как самостоятельное целое, мы в то же время понимаем его как неотъемлемую часть большой истории Великого Новгорода – не только древнего стольного города-государства, но и первой музыкальной столицы России.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ И ТИМЕРЕВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ СКВОЗЬ ДАННЫЕ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Валерий Н. Седых

Государственный университет. Санкт-Петербург. Россия

RYURIK GORODISHCHE AND TIMEROVO: THEIR COMMON AND PECULIAR ACCORDING TO THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE

Valery N. Sedykh

State University. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *In this paper a comparative analysis of the material of Gorodishche and Timerovo near Yaroslavl is proposed. Their excavations were started almost simultaneously in 1970s. These proto-urban centres were once called open trade and manufacturing settlements which were the cradle of many cultural and political processes in ancient Russia. The advances in their studies are on the whole comparable. Although the two settlements arose practically synchronously in the mid-9th century, Timerovo is not mentioned in any written sources. Possibly though, its region is described in some writings of the Arabian authors. Nevertheless, in Timerovo a complete archaeological complex is represented including not only the settlement-site but also the burial ground unknown at Gorodishche. While a defensive bank has been found at Gorodishche, in Timerovo a very strong encircling stockade has been uncovered. The two sites are similar in the Scandinavian component of their material culture, however the foreign-trade activities reflected in the hoards discovered seem to have been more considerable in Timerovo. In addition, the two sites are paralleled by finds of eggshell fibulae which are fairly uncommon in trade and administrative centres. Furthermore, in both cases, certain parts of men's costume rare even in Scandinavia have been uncovered. Similarity has been recorded also in the type of house construction at these settlements. As to the differences, noteworthy is the greater orientation of Timerovo to the oriental trade.*

Семидесятые годы XX столетия – время возобновления археологических исследований известных памятников начальной поры русской истории, как непосредственно на них, так и в их окрестностях. Именно в этот период начинаются планомерные работы в Старой Ладогe, как на Земляном городище (Рябинин, 1974. С. 29), так в каменной крепости и на посаде (Кирпичников, 1973б. С. 17–18; 2003. С. 36–45; Петренко и др., 1973. С. 35–36; Средневековая Ладoga, 1985); на Сарском (Леонтьев, 1973. С. 73; 1996) и Рюриковом (Носов, 1976. С. 31–32; 1990) городищах; открывается поселение близ одного из ярославских могильников – Тимеревского (Дубов, 1973. С. 63; 1982); в Гнездове проводятся параллельные раскопки курганов и поселений, первые широкие исследования которых были осуществлены И. И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1968. С. 43–44; 1969. С. 66–67; Авдусин, 1971. С. 78–79; Авдусин, Асташова, Пушкина, 1972. С. 100–101; Пушкина, 2001. С. 4–11). В этот период

формируется и обсуждается концепция «восточно-европейских вигов» – открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП). К числу последних относятся археологические памятники, расположенные вблизи древнейших русских городов, – Рюриково и Сарское городища, Гнездово, Тимерево, Шестовицы и др. (Jankuhn, 1971; Булкин, Лебедев, 1974. С. 11–17). Ряд общих специфических признаков выделяет их из числа синхронных памятников, и дает основания считать их протогородскими центрами¹.

Археологические данные свидетельствуют, что указанные протогорода либо предшествуют древнерусским городам, либо сосуществуют с ними на начальных этапах истории последних. В ряде случаев есть основания считать протогородские центры упомянутыми в летописи городами IX в. – Гнездово и Рюриково городище – Смоленском и Новгородом соответственно (Алексеев, 1980. С. 135–154; Носов, 1990. С. 170–205). Соотноше-

¹ В литературе существует несколько терминов, отражающих суть рассматриваемого явления, – «протогородские центры», «предгородские центры», «эмбрион города», «вики», «прибрежные торговые фактории» и др.

нию таких раннегородских центров и собственно городов посвящены специальные работы (*Ляпушкин*, 1971. С. 33–37; *Носов*, 1990; *Смоленск и Гнездово*, 1991; *Андрощук*, 1995. С. 118–120). Сравнительный анализ некоторых протогородских центров Руси и Скандинавии также получил свое отражение в научной литературе (*Булкин, Дубов*, 1978. С. 16–20; *Седых*, 1997. С. 142–144; *Янссон*, 1999. С. 18–38). Большинство из перечисленных выше памятников, кроме того, рассматривается в контексте активно дискутируемой проблемы «переноса города» (*Мавродин*, 1971. С. 51–52; *Петрухин, Пушкина*, 1979. С. 100–112; *Дубов*, 1983. С. 70–82).

Определенного интереса заслуживает сравнение материалов Рюрикова городища и Тимерева. Оба центра были связаны с транзитными военноторговыми коммуникациями Восточной Европы, пережили расцвет в X столетии, очевидно, в середине века, и уступили место раннефеодальным городским образованиям – Новгороду и Ярославлю. При этом в материалах этих памятников есть черты как сходства, так и различия.

Материалы раскопок обоих памятников активно привлекаются при рассмотрении проблем освоения лесной полосы Восточной Европы славянским населением, образования древнерусского города, участия в этих процессах местного финноугорского и пришлого населения из Фенноскандии, роли этих центров в международной торговле и в становлении государственности и народности на территории Северной Руси. Следует отметить, что в некоторых случаях материалы Рюрикова городища сравниваются с материалами Тимеревского археологического комплекса в целом, то есть с материалами из могильника и поселения, что оговаривается особо.

Степень исследованности памятников вполне сопоставима, учитывая разницу в мощности культурных отложений и отсутствие погребальных древностей в структуре комплекса Рюрикова городища: Городище планомерно исследуется около тридцати лет, а раскопки Тимеревского селища велись в течение двенадцати сезонов.

Исторические данные. Начиная с 1103 г., сведения о Городище как резиденции новгородских князей и важнейшем центре политической жизни Новгорода периодически появляются на страницах летописей и русских хронографов вплоть до XVIII столетия. Возможно, именно Рюриково городище скрывается в этих поздних памятниках под наименованием *Словенска*. В историко-краеведческой литературе с начала XIX в. Городище именуется Рюриково городище.

Сведений о раннесредневековом поселении под Ярославлем в отечественных письменных источниках нет. В недошедших до нас источниках, согласно В. Н. Татищеву, указывается дата – 1010 г., которая принята сейчас как официально-условная дата основания города Ярославля (*Дубов*, 1982. С. 77). Сам город впервые упоминается лишь в 1071 г. в связи с восстанием смердов в Ростово-Суздальской земле, начальным пунктом движения которых назван Ярославль. Вместе с тем, предпринятое И. В. Дубовым исследование корреляции археологических данных с восточными (арабскими) письменными источниками дало возможность обоснованно утверждать, что в районах Северо-Восточной Руси (район Ростова Великого, Ярославля, Переславля-Залесского) вполне могла располагаться загадочная Артания – Арса IX–X вв., одним из центров которой в то время было нынешнее Тимерево (*Новосельцев*, 1965. С. 419; *Дубов*, 1982. С. 104–123; *Мачинский*, 1982. С. 22).

Археологические данные. В начале скажем несколько слов о структуре комплексов. В Тимереве присутствуют почти все виды характерных для Древней Руси археологических памятников – селище, курганный могильник в пятьсот документированных насыпей с различными вариантами обряда, три крупных клада арабских монет IX в. На Городище под Новгородом в состав комплекса входит укрепленное поселение и три клада монет IX–X вв. Здесь необходимо отметить, что, по оценкам исследователей, площадь поселений в IX столетии была приблизительно одинаковой: 1–1,2 га на Городище, где она была ограничена «древним рвом и, вероятно, валом» (*Носов*, 1990. С. 12, 152–153) и 1 га в Тимерево, где она была огорожена мощным тыном, прослеженным на протяжении нескольких десятков метров (*Дубов*, 1982. С. 165, 185–186).

Оба памятника возникли в IX в.: середина столетия – дата возникновения Городища, третья четверть (60-е гг.) IX в. – Тимерева (*Носов*, 1990. С. 148; *Седых*, 1998. С. 22–23). И в том, и в другом случаях эти даты основываются на хронологии монетных кладов. Но если на Городище клады («кладыки», по Е. Н. Носову – В. С.) содержат лишь по несколько экземпляров монет или их обломков, то в Тимерево они исчисляются тысячами, что, на мой взгляд, находит свое объяснение. Возникновение обоих центров можно связать с активизацией деятельности скандинавов в Восточной Европе в этот период времени.

Присутствие скандинавов на обоих памятниках хорошо документировано находками изделий северного круга древностей. Это: многочисленные

предметы вооружения, прежде всего ланцетовидные наконечники стрел; бутероли ножен мечей с изображением хищной птицы; детали поясных наборов; разнообразные украшения; предметы быта – костяные составные орнаментированные односторонние гребни, в том числе, возможно, изготовленные на месте; ножи; так называемые футляры для фитиля; торговый инвентарь и др. Особо следует отметить находки дисков-грузил от вертикального ткацкого станка, исчисляемые на памятниках десятками (Носов, 1990. С. 110, 132–133; Дубов, 1982. С. 124–187. Рис. 18). Принадлежность данной категории находок к предметам рассматриваемого круга древностей несомненна (Седых, 1995. С. 56–61).

Сближают памятники и находки гривен и их фрагментов с привесками в виде молоточков Тора, как свидетельство непосредственного проживания выходцев с севера на поселениях (Дубов, 1982. Рис. 28, 12; Носов, 1990. С. 125. Рис. 46; Седых, 2001а. Рис. 8). И на Городище, и в Тимерево обнаружены предметы с руническими надписями. На Городище это две рунические подвески с заклипаниями и шиферное пряслице с руноподобными знаками (Носов, 1990. Рис. 47 и 63), в Тимерево – рунические граффити на монетах двух кладов, в том числе надпись «боги» (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991; Мельникова, 2001. С. 126–129).

Среди предметов, так или иначе связанных с культурой Балтийского региона, укажу на находки в материалах обоих памятников шашек и оковок игральные деревянные доски (например, курганы № 100 и 277 Тимерева), бронзовых слитков и глиняных формочек, томаров и многого другого. Оба центра связывают многочисленные находки бус – стеклянных, каменных (горный хрусталь, сердолик, реже аметист) и янтарных. По количеству найденных стеклянных бус Тимерево, безусловно, значительно уступает Городищу, что, только отчасти, может объясняться применяемой в 1970-е гг. методикой раскопок без промывки или просеивания.

Рюриково городище и Тимерево сближают редкие даже для торгово-ремесленных и военно-административных центров категории находок. Это, прежде всего, предметы североευропейского происхождения, в частности, женские фибулы. В материалах памятников обнаружены равноплечные фибулы (тип 58 по Я. Петерсену), датированные в Бирке и в Западной Швеции, главным образом, в пределах IX в. (Янссон, 1999. С. 24). В Тимерево такая фибула обнаружена в комплексе кургана № 75 (кремация на стороне, IX в.), на Городище –

в культурном слое и подъемном материале памятника (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 79; Носов, 1990. С. 121, 159). Достаточно редки для территории Руси находки скорлупообразных фибул (тип 37, вариант 11 по Я. Петерсену). На Городище такая фибула была найдена в заполнении комплекса № 52 центрального раскопа, датированного второй половиной IX в. (Носов, 1990. С. 107, 159). В Тимерево фибулы этого типа были встречены в количестве пяти экземпляров в комплексах курганов № 53, 95 и раскопок 1990 г., датированных этим же временем (Седых, 1998. С. 23; 2001а. Рис. 4).

В шести комплексах Тимеревского могильника (курганы № 79, 83, 85, 245-II, 269 и 277) и в слое поселения известны находки кольцевидных фибул с длинными иглами или их фрагментов (Фехнер, 1963а. С. 83; Фехнер, Недошивина, 1987. С. 79; Дубов, 1982. Рис. 40, 15), которые аналогичны найденным на Городище, в том числе и в сезоне 2005 г. (Янссон, 1999. С. 27–28; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. Табл. 29, 10).

Редкими даже для территории Скандинавии являются находки бронзовых крючков – деталей мужского скандинавского костюма со стилизованными изображениями звериной морды или птицы, при помощи которых крепились подвязки. Пара таких крючков в виде птиц была найдена в комплексе второй половины X в. кургана № 383 Тимерева, где было зафиксировано трупосоужение на месте сооружения кургана на кострище треугольной формы (Фехнер, 1963б. Рис. 7, 3). На Городище известно уже несколько экземпляров таких изделий, которые, очевидно, могли использоваться в каком-то ином качестве (Носов, 1990. С. 160–162; Янссон, 1999. С. 29–30; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. Табл. 29, 6).

Еще одной редкой находкой в раннегородских центрах является бронзовая накладка, очевидно, от конской сбруи, украшенная орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды, обнаруженная на Центральном раскопе Городища (Носов, 1990. Рис. 48, 2). Близкие накладки были найдены как на Тимеревском поселении (Дубов, 1982. Рис. 13, 13), так и в комплексе распаханного кургана некрополя (Дубов, 1982. Рис. 6, 9).

И, наконец, в материалах Городища встречены фрагменты лепной посуды формы, характерной для Скандинавии эпохи викингов (Носов, Янссон, 1997. С. 54; Янссон, 1999. С. 37; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 80. Табл. 58, 3–5). Отличительной особенностью выявленных на древнерусских материалах скандинавских керамических сосудов является загнутый внутрь округлый венчик. Эти

сосуды соответствуют группе керамики местного производства (*einheimische Keramik*), найденной на территории Швеции (тип А IV, по Д. Селлинг). Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 г. Этим же временем эта керамика датируется на территории Древней Руси, где она крайне немногочисленна. Сосуды этого типа обнаружены в Тимерево, Гнездово, Старой Ладоге, на Сарском городище, в курганах юго-восточного Приладожья и Переяславского Ополя (Седых, 2001б).

Из городищенских находок, характеризующих иной этнокультурный регион, отмечу костяную орнаментированную рукоять для шильев (Носов и др., 2001. С. 11). Этот так называемый «походный вариант» рукоятей, который мог быть использован в условиях охоты или военного предприятия, известен в материалах Прикамья и других финно-угорских территорий. В Тимерево роговая рукоять Т-образной формы со сквозным отверстием входит в выделенный своеобразный «прикамский комплекс» памятника, состоящий из костяных односторонних фигурных орнаментированных гребней с высокой спинкой, орнаментированных копоушек (уховерток), кресал с бронзовыми ажурными рукоятями и своеобразной по форме, орнаментации и технологии изготовления керамики (Седых, Макарова, 2001. С. 98).

Из других черт сходства необходимо указать традиции домостроительства, зафиксированные при раскопках обоих памятников. Жилые дома, очевидно, были представлены наземными срубными постройками с углубленными частями. В Тимерево интерпретация остатков построек весьма затруднена состоянием сохранности деревянных конструкций и слоя в целом. Можно предполагать

наличие отдельных усадеб – гнезд построек различного назначения – на памятниках в ранний период. Сходство в застройке городищенского холма и Тимеревского селища отмечал Е. Н. Носов в своей монографии (Носов, 1990. С. 114).

Независимо от первоначальных целей основателей Тимерева, в нем получили развитие ремесла и торговля, и его связь с Волжско-Балтийским путем несомненна. Об этом свидетельствуют находки предметов импорта и роскоши из Византии, Скандинавии и стран Востока. Наряду с этнической неоднородностью, на обоих памятниках фиксируются резкие социальные различия. Специальное исследование Н. Г. Недошивиной показало, что «военная традиция и социальный состав населения Тимерева оставался в целом неизменным на протяжении X–начала XI вв.» – более 10% в нем составляла воинская прослойка (Недошивина, 1991. С. 174). Аналогичную картину дают и материалы Городища. В этом отношении важны находки золота на обоих памятниках в комплексах X столетия. В Тимерево, кроме массивного перстня из комплекса кургана № 100, по весу равного византийской номизме, в комплексах могильника и поселения известны золотая фольга, тончайшие золотые нити, иногда представляющие собой орнамент в виде сложной плетенки и пр., аналогичные обнаруженным на северном берегу Сиверсова канала (Носов, 1990. С. 80). Эти находки являются свидетельством высокого социального уровня части населения рассматриваемых центров.

В целом, историко-информационные возможности Рюрикова городища и Тимерева далеко не исчерпаны. Следует ожидать новых открытий и находок, причем, как мне представляется, не только в поле, но и в музейных собраниях.

КАМЕННЫЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМОЧКИ В КОЛЛЕКЦИИ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И СТЕАТИТОВЫЕ НАХОДКИ НА РУСИ

*Наталья В. Хвоцинская**

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

SMALL STEATITE MOULDS FROM THE COLLECTION FROM RYURIK GORODISHCHE AND OTHER STEATITE FINDS IN RUS

Natalya V. Khvoshchinskaya

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *This paper is a publication of three small moulds made from soapstone or steatite and their analysis within the context of the North-European manufacturing tradition. The mineral concerned – dense aggregate talc, comes from the territory of Norway. It is extremely soft and suitable for working. It was used in particular for manufacturing round-bottomed vessels, spindle-whorls and moulds. Objects made from the mineral in ancient Russia are found mostly in large trade centres – Ladoga, Gnezdovo and Kiev. Two of the moulds uncovered at Gorodishche were intended for casting ingots of nonferrous metals. In Hedeby moulds of this type are fairly common finds. The third mould was used for casting lugs for small jewellery. The three finds all are dated probably to the second half of the 9th or to the 10th century.*

Достаточно редкими находками на территории Древней Руси являются изделия из «жировика», или «мыльного камня». На эту категорию древнерусских предметов обратила внимание норвежская исследовательница А. Стальсберг. По ее мнению, «вещи, изготовленные из жировика, происходят с территории нынешней Норвегии и крайнего юго-запада Швеции» (Стальсберг, 2003. С. 118). По опубликованным данным она смогла учесть на территории Древней Руси девять находок из жировика – шесть из Старой Ладogi, и по одной из Киева, Гнездова и Рюрикова городища. Однако, их количество, несомненно, больше. По крайней мере, в настоящее время на Рюриковом городище известно уже три литейные формочки, которые, согласно определению специалистов-геологов, изготовлены из данного материала. С другой стороны, нельзя не отметить, что А. Стальсберг причислила к предметам, изготовленным из этой породы, литейную формочку из Старой Ладogi, предназначенную для отливки слитков, которая в специальной работе А. Н. Кирпичникова и Н. В. Енисовой определяется как изделие из слюдястого сланца (Кирпичников, Енисова, 2004. С. 290). В данном случае это не вина скандинавской исследовательницы. Для установления реаль-

ного числа изделий на территории Древней Руси необходимы целенаправленные изыскания в музеях и точное естественно-научное определение пород камня, из которых изготовлены различные древние предметы.

«Мыльный камень» (жировик или стеатит) относится к числу разновидностей минерала талька и имеет серую, зеленоватую или бурую окраску. В свежедобытом виде он мягок, легко режется, затем затвердевает и приобретает огнеупорные свойства. В североевропейском регионе месторождения жировика встречаются на протяжении всего Балтийского геологического щита – на территории Карелии, Финляндии, Швеции и Норвегии. Правда считается, что в эпоху викингов стеатит добывался не везде. Основным местом разработки данного минерала в это время называют южную Норвегию, в частности район Осло-фьорда (Херрман, 1986. С. 108). По данным скандинавских исследователей стеатит вырубался прямо из скал, и первичная грубая обработка изделия проводилась на месте. Места добычи стеатита в древности легко опознаются по кучам отходов (Vikings, 2000. P. 52; Розсдаль, 2001. С. 93). Кроме этого, стеатит добывался и обрабатывался в Восточном Средиземноморье, где преимущественно использовался

* Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук РАН в рамках программы «Русская культура в мировой истории».

в мелкой художественной пластике (*Мусин, Петров*, 2006. С. 10–13)¹.

На территории Скандинавии вещи из «мыльного камня» известны уже накануне нашей эры. Особенно популярен данный природный материал был в эпоху викингов. Из жировика изготавливались сосуды, лампы, литейные формы, грузила для рыболовных сетей и для примитивных вертикальных ткацких станков. Именно из жировика вырезались декоративные детали убранства средневековых церквей (*Стальсберг*, 2003. С. 117). Этот необычно мягкий камень очень ценился. В случае поломки посуда ремонтировалась, а из кусков разбитых котлов или сосудов изготавливались различные грузики, а часто и литейные формы. В южных районах Древней Руси аналогом северного жировика был шифер, точно такой же мягкий природный материал (*Павленко*, 2004. С. 215–218).

Следует отметить, что предметы из «мыльного камня» на территории Древней Руси в основном сосредоточены в крупных административно-ремесленных центрах, расположенных на магистральных торговых речных путях Восточной Европы. Это – Ладога, Рюриково городище, Гнездово и Киев (*Пушкина*, 1981. С. 288; *Булкин, Зоценко*, 1990. С. 123; *Путь из варяг в греки*, 1996. С. 72. № 553; *Бессарабова*, 2001. С. 119–125). Не всегда они происходят из слоя, часто это случайные находки. Тем не менее, по своему характеру, они относятся к эпохе викингов и, как правило, датируются IX–X вв. Среди находок на территории Древней Руси можно отметить округлодонные сосуды (Ладога, Гнездово, Киев), пряслица (Ладога, Гнездово, Киев) и литейные формы (Рюриково городище).

Мисковидные сосуды и котлы с округлым дном широко известны в Скандинавии и за ее пределами в Западной Европе. Считается, что основным районом производства этих изделий была Норвегия (*Skolsvold*, 1961). Обычно, это были сосуды (до 25–30 см диаметром) с одной ручкой или котлы, которые подвешивались над огнем с помощью железной дужки. Сосуды из стеатита довольно долго сохраняют тепло после снятия с огня. Гнездовская и ладожская находки принадлежат к этой категории сосудов (их диаметры соответственно составляют около 24 см и 33 см) (*Пушкина*, 1981. С. 288; *Бессарабова*, 2001. С. 119–125). Сосуды под венчиком имели отверстия для крепления железной дужки. Однотипность мисок предполагает, что они поступили на Русь из одного центра. По сведениям А. Стальсберг, полученным ею от И. И. Мовчана,

в Киеве найден точно такой же по размерам совершенно целый сосуд, до настоящего времени не опубликованный (*Стальсберг*, 2003. С. 118). В статье В. А. Булкина и В. Н. Зоценко упоминается об обломках стеатитового котла, найденных в Киеве, без какого-либо уточнения (*Булкин, Зоценко*, 1990. С. 123). В данном случае не ясно, идет ли речь о той же находке, или это уже другой сосуд. Й. Херрман отмечал, что в Скиригссале (Норвегия) существовал один из крупнейших «сборных пунктов для вывоза изделий из жировика» и, в частности, котлов с железными дужками. Оттуда они поступали в Данию, Германию, Польшу, на Готланд, в Среднюю Швецию (*Херрман*, 1986. С. 108, 109, рис. 44). Вероятно, вместе с выходцами из Средней Швеции, которые, судя по находкам, чаще всего бывали на Руси, котлы и попали сюда. Для лесной зоны Восточной Европы и пунктов, расположенных на пути «из варяг в греки» (Ладога, Рюриково городище, Гнездово), такой вывод вполне закономерен и наиболее логичен. Однако, рассматривая этот вопрос не надо забывать, что изделия из тальковых пород, в частности котлы, попадали в Волжскую Болгарию из Средней Азии еще в домонгольское время (*Полубояринова*, 2004. С. 316–323). Учитывая широкие связи Древней Руси и Волжской Болгарии, о чем свидетельствуют многочисленные предметы восточного импорта, следует быть крайне осторожным с определением источника стеатитовых изделий. К примеру, это касается обломка каменного котла из Владимира, найденного в слое XII–XIII вв., среднеазиатское происхождение которого не вызывает сомнений (*Родина*, 1997. С. 149). Вообще-то, как отмечают исследователи, каменные котлы были прочными и могли служить долго.

Не будем специально останавливаться на пряслицах, которые довольно подробно рассмотрены в работе З. Д. Бессарабовой (*Бессарабова*, 2001. С. 123–125. Рис. 2). Отметим лишь, что ладожские пряслица имели либо шайбовидную, либо полу-сферическую формы. Легкие грузики из стеатита использовались при прядении тонких нитей (*Бессарабова*, 2001. С. 124).

В свою очередь литейные формочки из мыльного камня были найдены только на Рюриковом городище. Две из них происходят из подъемного материала, а одна – из культурного слоя. Камни, использованные для изготовления литейных форм, найденных на Городище, отличались по цвету и фактуре. Две формы визуально имеют одинаковую структуру и темно-серый, почти черный цвет.

¹ Смотри статьи А. Е. Мусина «Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) городище 2005 г.: вопросы интерпретации» и А. Нерсесян «Стеатитовая икона Божьей Матери из частного собрания в Париже» в настоящем сборнике – *Ред.*

Видимо, они поступили из одного места и определенно служили для одной цели, а именно для отливки слитков цветного металла. Третья форма, предназначенная для изготовления деталей подвесок, имеет коричневую или бурую окраску. Камень, из которого она была сделана, несомненно, происходил из другого месторождения, нежели камни, использованные для первых двух форм.

Одна из формочек, предназначенная для отливок слитков из цветного металла, представляет собой плитку несколько неправильной прямоугольной формы ($6 \times 3,7 \times 2,1$ см)², на широких плоскостях которой были вырезаны негативные углубления для отливки четырех слитков прямоугольной формы разных размеров ($5 \times 1 \times 0,8$ см; $3,1 \times 0,5 \times 0,5$ см; $3,1 \times 0,7 \times 0,9$ см и $4,4 \times 0,8 \times 1$ см), а также одного слитка полушаровидной формы (диам. 1,2 см, глуб. 0,75 см). Кроме того, негативы для двух других слитков полушаровидной формы (диам. 1,4 и 1,2 см, глуб. 0,7 см) были вырезаны на обеих длинных боковых сторонах плитки (рис. 1, 1). Среди негативов прямоугольной формы с особой тщательностью сделан только самый большой. Он имел трапециевидное сечение, плоское дно и, практически, вертикальные стенки. Остальные негативы были вырезаны более небрежно с плавным, выпуклым дном. Одно из круглых боковых углублений перебивало самое маленькое, так что для полноценных слитков могли использоваться только три прямоугольных и два круглых негатива. Отметим также, что вырезанные с противоположных плоских сторон плитки прямоугольные негативы, в одном случае так близко подходили друг к другу, что между ними образовалась трещинка. Поражает, насколько максимально экономно использована поверхность камня. Кроме того, помимо отчетливых негативов на плитке имелись различные углубления неясного назначения (например, клиновидное на одной из боковых граней и прямоугольное на краю плоской стороны) и выщербины.

Вторая формочка из жиролика для отливки слитков была значительно больших размеров. Сохранилась только ее часть, имеющая неправильную форму ($7,5 \times 6,1 \times 3,67$ см). В настоящее время трудно определить размер утраченного фрагмента. Форма предназначалась для отливки четырех слитков, негативы которых были вырезаны на двух плоских сторонах камня и на одной боковой (рис. 1, 2). Поскольку мы не знаем реальной длины слитков, то приводим только их ширину и глубину негатива (соответственно, толщину слитков): самый большой слиток на плоской стороне в самой

широкой части – $2,7 \times 2,1$ см; слиток на боковой стороне – $0,9 \times 0,75$ см; и два слитка на второй плоской стороне – $0,8 \times 0,68$ см и $1,3 \times 0,75$ см. Все слитки имели трапециевидное сечение.

Плитки из жиролика для отливки слитков из цветного металла достаточно широко использовались в Северной Европе в эпоху викингов. Эти материалы подробно исследованы и опубликованы в работе А. Н. Кирпичникова и Н. В. Енисовой (Кирпичников, Енисова, 2004. С. 290–296). Отметим лишь, что скандинавские исследователи при изучении памятников, где подобного рода формочки являлись массовым материалом (например, в Хедебю – 234 экз., из них 67 целых), выделяют среди них формочки, которые вырезались из кусков ранее использовавшихся уже изделий, так называемые «вторичные формочки» (Resi, 1979. P. 64–67). Сравнивая формочку с Рюрикова городища с целыми формами для отливки только слитков из Старой Ладого (из слюдяного сланца и глины), имеющими обычно правильные очертания, можно предполагать, что она являлась таким же вторичным изделием. По крайней мере, не понятно назначение клиновидного выреза и срезанного края. Это могли быть следы от первоначальной обработки камня. Что касается круглых углублений, то в них можно было отливать «фишки» правильной полушаровидной формы, которые вполне могли использоваться в качестве заготовок сырья для ювелирного производства.

Саму идею хранения и транспортирования цветного металла в слитках большинство исследователей связывают с северо-европейской металлургической традицией (Кирпичников, Енисова, 2004. С. 295). Надо сказать, что слитки из цветного металла на памятниках Восточной Европы встречаются значительно чаще, чем формочки для их изготовления. Целые слитки и их обломки были найдены в Старой Ладого (Давидан, 1980. С. 62, 65. Табл. 2, 1–4, 6, 7, 10), на Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 128. Рис. 50, 1, 3, 4, 7–11), в Гнездове и Тимереве (Кирпичников, Енисова, 2004. С. 295), на поселении Крутик (Голубева, Кочуркина, 1991. С. 69. Рис. 34, 2). Можно также упомянуть клад на городище Выжегша, основу которого составляли 16 оловянисто-свинцовых слитков (14 целых, 1 обрубок и 1 деформированный) (Леонтьев, 1996. С. 205–207). Слитки из бронзы зафиксированы и на Рюриковом городище (Носов, 1990. С. 92).

Третья формочка из жиролика, в отличие от уже нами описанных литейных форм, предназначалась для отливки ушек к мелким украшениям (рис. 1, 3). Она представляет собой одну из створок

² Размеры во всех случаях даются в следующем порядке: длина × ширина × толщина (или глубина).

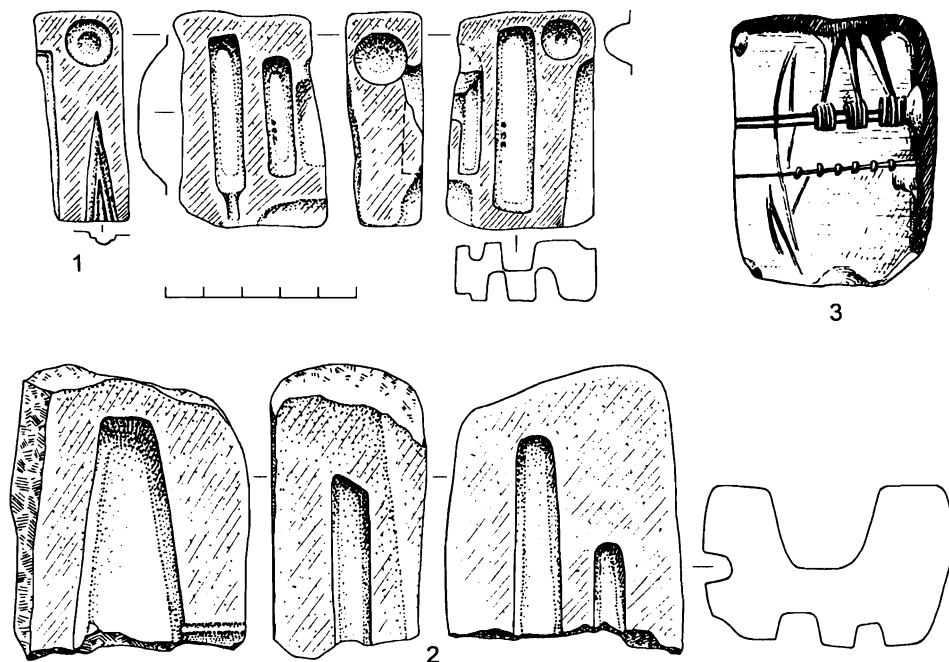

Рис. 1. Литейные формы из мыльного камня с Рюрикова городища:

1, 2 – для отливки слитков цветного металла, 3 – для отливки ушек к подвескам

Fig. 1. Soapstone moulds from Ryurik Gorodishche: 1, 2 – for casting ingots of nonferrous metal; 3 – for casting loops for pendants

двусторонней разъемной многоразовой формы. Как убедительно показала О. А. Щеглова, такого рода формы использовались для «изготовления мелких, в основном, плоских пластинчатых или ажурных нашивных украшений простых геометрических форм из низкотемпературных свинцово-оловянных сплавов» (Щеглова, 2002. С. 134, 135). На одной части формы вырезались негативы самих изделий с орнаментом на лицевой стороне, а на другой наносились ямки для ушек этих изделий. Чтобы сформировать отверстие в ушках по центру через ямки вырезался канал, в который во время литья украшения вставлялась проволока из тугоплавкого материала. Насколько можно судить, на Городище была найдена именно «обратная сторона» литейной формы. На одной стороне в ней вырезаны негативы простых ушек, через которые проходит канал, но к ним нет литников, так что этими негативами невозможно было пользоваться; на другой стороне вырезаны три параллельных негатива для изготовления рифленых ушек. Через них проходят два канала для проволоки и к ним подведены литники. Подобные рифленые ушки широко использовались при изготовлении различных круглых и зооморфных подвесок, а

также лунниц (Успенская, 1967. С. 107. Рис. 18, 1, 3; Седова, 1981. С. 25. Рис. 6, 3, 11).

Находки из стеатита, обнаруженные на Рюриковом городище, вполне вписываются в общий контекст материальной культуры этого памятника периода IX–X вв. Как неоднократно отмечалось в литературе, достаточно значительную часть находок этого времени составляют вещи скандинавского происхождения, причем некоторые из них неоспоримо свидетельствуют о пребывании здесь княжеской дружины, в состав которой входили скандинавы (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 30). Кроме того, в последнее время получены факты, свидетельствующие о том, что часть вещей скандинавского облика изготавливалась непосредственно в городищенских мастерских. Это подтверждают и рассмотренные нами две стеатитовые формочки для отливки слитков, что само по себе является североевропейской бронзолитейной традицией. Однако подчеркнем, что фактура минералов, использованных для изготовления форм, как мы уже отмечали, была различна. Это говорит о том, что при их изготовлении были использованы камни из разных месторождений, идентификация которых требует специальных изысканий.

NOVGORODICA

О НАЧАЛЕ НОВГОРОДА*

Валентин Л. Янин

Государственный университет. Москва. Россия

THE ORIGINS OF NOVGOROD

Valentin L. Yanin

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *This paper is intended as a chapter in a future book and has been kindly afforded by the author to be published in our collection. It has been established that the historical peculiarity of Novgorod is the strong positions of the communal elements, which built their relations with the prince on the basis of the «ryad» treatment long before 1136. That practice was provided by the domination of the local aristocracy in collection of state revenues which their representatives conducted in the name of the Prince in local parishes as early as the 10th century. This is suggested by finds of wooden cylindrical seals which were used to close bags with fur tribute directly in the boyards' estates. This peculiarity of the political system in Novgorod differed fundamentally from the relations in southern Rus where the rule of the princes was a result of the conquest, the taxes being collected by their administration during special visits called polyudyas. The Slavic colonization of the North-West occurred in two waves coming from the territory of the western Slavs: the first under the name of the Krivichi took place in the 6th–7th century having left the culture of long barrows. The second wave concerned with the Sloveni took place in the 8th–9th century and left the culture of sopkas. The western origins of the Novgorod Slavs are known from birchbark documents their language lacking the second palatalization and by the archaeological evidence. The archaism of the linguistic and material culture of the Novgorodians owed to the «Baltic belt» which separated them from the Slavic world elsewhere. The Slavic-Norman interaction and the «invitation of the Varangians» resulted in the establishment of the system of political power which had existed until 1478. Novgorod arose in the first half of the 10th century as an agglomeration of settlements of prestige under the control of Gorodishche of the princes in the situation of political vacuum after the retreat of the princely dynasty southward. Princess Olga's reforms of 947 gave a new impetus to the development of the city. The introduction of Christianity to Rus brought here the Byzantine culture and script as confirmed by archaeological finds, in particular, by the discovery in 2000 of the earliest Russian book – wooden cera (wax-covered tablet) with the texts of psalms 75, 76 and 65.*

Традиционные представления о раннем Новгороде, прочно утвердившиеся в научной литературе XIX–середины XX вв., могут быть сведены к следующему положению. Население северо-западных областей Восточной Европы сформировалось в конце I тысячелетия н. э. главным образом за счет притока славян с юга, из Среднего Поднепровья, а сам Новгород возник в IX столетии как форпост Киевского государства на его северных рубежах (Рыбаков, 1964; 1993). Экономический рост Новгорода в IX–начале XII вв. привел к торжеству в нем сепаратистских тенденций, к борьбе за политическую независимость, что в 1136 г. позволило боярству Новгорода в результате успешного восстания лишиться князя верховной власти и создать боярскую республику во главе с избирае-

мым на вече посадником (Греков, 1929. С. 13–21). В дальнейшем институты республиканской власти прогрессировали, усиливая своеобразие Новгорода, возникшее, таким образом, в первой половине XII в.

Изложенному представлению соответствовали и лингвистические концепции, постулировавшие наличие языкового единообразия на всей территории расселения восточных славян в раннюю эпоху и возникновение областных диалектов лишь в период удельной раздробленности, то есть начиная с того же XII столетия.

Между тем в последние десятилетия наука постепенно накапливала факты, свидетельствующие о существовании исторического своеобразия Новгорода задолго до решающих преобразований

* Данный текст является частью готовящейся к публикации книги с рабочим названием «Очерки по истории средневекового Новгорода».

1136 г. Уже в 80-е годы XI в. рядом с княжеской властью в Новгороде конституируется представительный орган боярства – посадничество. Еще в X в. способы сбора государственных доходов в Новгородской земле резко отличались от тех, которые употреблялись на юге Руси. Там князь с дружиной осуществлял дважды в году цикл полюдь; а на Северо-Западе утвердилась система погостов, сама многочисленность которых требовала участия значительного аппарата сборщиков. Материалы монетных кладов IX–X вв. демонстрируют существенные различия денежного обращения на севере и на юге, а примерно с конца X в. – существование двух денежных систем.

Принципиальное значение имеет также следующее обстоятельство. Было установлено, что крупная частная собственность на землю – основа экономического могущества новгородских бояр – возникает не ранее рубежа XI–XII вв. Однако успехи антикняжеской борьбы боярства очевидны уже в тот период, когда боярской вотчины в Новгороде не было. Хотя история боярских усадеб в результате археологических раскопок изучена на протяжении X–XV вв., характеристики таких усадеб не обнаруживают никаких существенных изменений, которые можно было бы связать с возникновением вотчины. И в XII–XV вв., и в X–XI вв. боярская усадьба в ее поразительно стабильных границах является центром ремесла и переработки продуктов сельского хозяйства. Ремесло на этих усадьбах обеспечивалось сырьем преимущественно импортного происхождения, поступавшим за счет торговли продуктами сельского хозяйства, охоты и рыбного промысла. Это значит, что само новгородское боярство с самого начала и составляло аппарат сборщиков государственного дохода, чем ранняя система административного управления в Новгородской земле кардинально отличалась от той, которая свойственна южно-русским землям (Янин, 2001). Ориентация на международную торговлю стала причиной возникновения в Новгороде в начале XII в. торговой фактории готландцев – Готского двора, а в 1192 г. – немецкой торговой фактории – Немецкого двора.

Все эти черты своеобразия нуждаются в осмыслении и объяснении. Вполне естественно ожидать, что мы обретем их с помощью «заговоривших» материалов новгородской археологии – прежде всего, многих сотен берестяных грамот, которые своими текстами как бы «озвучили» молчаливый до их находки мир материальных остатков древнего быта средневековых усадеб.

Обширные пространства российского Северо-Запада, изобилующие лесами, озерами, болотами, на протяжении длительного периода (со времен неолита и бронзового века) были заселены племенами угро-финской языковой группы. Начиная с VI–VII вв. сюда началось проникновение славянских племен, которое не привело к столкновению с аборигенным населением. По наблюдениям языковедов, древнейшие восточнославянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят к VII в.

Славянское расселение на Северо-Западе привело к созданию двух обширных регионов – культуры длинных курганов и культуры сопок. Территория распространения длинных курганов включает в себя бассейн реки Великой и Псковского озера, верховья рек Плюссы и Западной Двины, а также верховья реки Луги, среднее течение Мсты и левые притоки Мологи. Что касается сопок, то они известны главным образом в бассейне озера Ильмень с впадающими в него реками Шелонь, Ловать, Пола и Мста.

Исследователи обратили внимание на существенную разницу в ландшафтных характеристиках этих двух регионов. Область длинных курганов ныне изобилует сосновыми лесами, возникшими на месте смешанных сосново-дубовых лесов. Такое изменение растительного покрова явилось результатом хозяйственной деятельности населения, базирующейся на подсечном земледелии. Что касается поселений и погребений культуры сопок, то они тяготеют к районам распространения еловых и широколиственных лесов, произрастающих на наиболее удобных для пашенного парового земледелия почвах.

Этим характеристикам отвечает и разная система поселений на территориях обеих культур. В зоне длинных курганов поселения не остаются подолгу на одном месте, перемещаясь ко вновь подготовленному подсекой хозяйственному участку, тогда как в зоне сопок они отличаются заметной стабильностью.

Разница в хозяйственных характеристиках обеих славянских культур отражает хронологию их проникновения на территорию российского Северо-Запада. Культура псковско-новгородских длинных курганов прослеживается археологами с VI–VII вв. Согласно исследованиям В. В. Седова, славяне, оставившие эту культуру, продвинулись сюда из областей, входивших в бассейны рек Вислы и Одера. В процессе своего движения через земли балтов они заимствовали от них некоторые элементы культуры. Осев сначала в регионе Псковского озера и реки Великой, славяне затем начали

распространение на восток, в обход Ильменя и волховского бассейна, низменное положение которого в VI–VII вв. не соответствовало условиям нормального хозяйствования (Седов, 1988. С. 7–21; Носов, 1988. С. 21–38; 1999. С. 157–170; 2005. С. 7–32).

В третьей четверти I тысячелетия иные группы славян, для которых оказалась характерна культура сопок и пашенное земледелие, проникли на русский Северо-Запад и расселились в бассейнах озер Ильменя и Чудского. Надо полагать, что исходные пункты этого проникновения находились также в регионе западного славянства, о чем свидетельствуют особенности древненовгородского диалекта, выявленные А. А. Зализняком. Главная особенность этого диалекта состоит в отсутствии второй палатализации задненебных, свидетельствующая о том, что обе группы славян Северо-Запада в VI–VIII вв. находились в изоляции от всех остальных славянских этносов, которые процесс второй палатализации пережили. Барьером изоляции, вероятно, служил «балтский пояс», охватывающий с юга освоенные славянами земли Северо-Запада. Сумма особенностей древненовгородского диалекта находит ближайшие аналоги в западнославянских диалектах (прежде всего – в лехитском). Это наблюдение подтверждается материалами археологии. От древнего южнорусского (киевского) диалекта новгородский отличается более чем двадцатью признаками (Зализняк, 2004).

Наличие двух славянских культур и их территориальная привязка позволяют утверждать, что носители культуры длинных курганов называли себя *кривичами*, а носители культуры сопок – *словенами*. Бесконфликтность их расселения на землях аборигенов – финно-угров – объясняется разными господствующими системами хозяйствования – земледелия и скотоводства у славян, и охоты и рыбной ловли у местного населения – которые стали основой взаимной заинтересованности друг в друге этнических групп, занимавших несовпадающие экологические ниши.

Важной особенностью северо-западного региона являлось его положение на пересечении главных торговых дорог, одна из которых соединяла Восток и Запад (Азию и Европу) («Волжский путь»), а другая – Юг и Север («Путь из Варяг в Греки»). В пределах этого региона оба пути имели разветвления. «Путь из Варяг в Греки» с верховьев Волги поворачивал на север через Ильмень и Волхов, и на запад – через Западную Двину. Те же маршруты имел на его северном участке и «Волжский путь». Важнейшим узлом обоих путей было озеро Ильмень и верховья Волхова, где торговые дороги

сливались воедино. Для современного исследователя элементом, маркирующим оба пути, являются многочисленные монетные клады, древнейшие из которых состоят из серебряных дирхемов, чеканенных в основном в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Самый ранний из этих кладов зафиксирован близ Старой Ладogi и по младшей монете датирован 786 г. (Марков, 1910. С. 140. № 24). Следует особо отметить, что древнейшие клады арабских монет в Западной Европе, пересекавших территорию русского Северо-Запада, и открытые там на рубеже VIII–IX вв. и в первой четверти IX в., концентрируются не на Готланде и в материковой Швеции, а на южном – славянском – побережье Балтики.

Ключевое значение пересечения важнейших торговых путей у истока Волхова наглядно демонстрируется высокой концентрацией на этой территории населенных пунктов конца I тысячелетия (Носов, 1991. С. 5–37).

Бытование арабской монеты в регионах новгородских словен и кривичей (а также и остальных земель восточных славян) не ограничивается транзитной ролью этих территорий. Оседание здесь восточного серебра сопровождается созданием собственной денежно-весовой системы на основе дирхема, получившего на славянской почве имя «куна».

Это обстоятельство демонстрирует важное направление хозяйственной деятельности местного населения, которое, таким образом, не только занималось земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, но и было активно вовлечено в международный торговый обмен.

Главным событием ранней истории славянского Северо-Запада стало временное подчинение его власти скандинавов. К середине IX в. летописи относят княжение в Киеве Кия и его братьев. Позднейший рассказ новгородской летописи, записанный впервые не ранее XI в. (то есть спустя два столетия после описываемого события), сообщает: «Въ времена же Киева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словене, и Кривици и Меря; Словенъ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а Чюдь своимъ родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверицы; а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенъ и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы; и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити» (НПЛ, 1950. С. 106).

Следует остановиться на некоторых «подтекстах» этого рассказа. Еще в середине IX в. словене, кривичи и аборигенные финно-угорские племена

не были объединены («каждо своимъ родомъ вла- дяше»). Их объединение было достигнуто в процессе восстания против притеснителей-варягов, обложивших все местное население подушной данью. Победа над варягами вернула власть местному населению, которое стало «города ставить». Вряд ли под последним действием нужно понимать сооружение неких значительных племенных центров. Речь здесь идет о создании укреплений в наиболее уязвимых возможными врагами пунктах – предприятия более чем естественное после пережитых от варягов притеснений.

Далее в том же летописном рассказе сообщается: «И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межю ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣль нами и рядиль ны по праву». Идоша за море к Варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да пойдѣте к намъ княжить и владеть нами». Изъбрашася 3 брата с роды своими. И пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другии сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ; а третей в Изборскѣ, имя ему Труворъ. И от тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ словетъ Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска. По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия власть единъ Рюрик, обою брату власть, и нача владѣти единъ» (НПЛ, 1950. С. 106–107). Летописи относят призвание Рюрика с братьями к 859 или 862 году.

На протяжении длительного времени рассказ о призвании варяжского князя признавался в российской историографии антипатриотическим мифом. Между тем истинность самого факта вокняжения на Северо-Западе варяжского князя подтвердилась раскопками Е. Н. Носова на Городище (в 3 км к югу от Новгорода), где вплоть до конца XV в. находилась резиденция новгородских князей. Ее формирование началось именно в середине IX в., так как сумма находок этого времени наглядно демонстрирует и элитарность комплекса, и наличие в нем преобладающего норманнского элемента. Присутствие здесь воинов-варягов засвидетельствовано находками боевого оружия и культовых скандинавских предметов (Носов, 1990).

Сомнительным представляется лишь существование «братьев Рюрика». Давно уже обращено внимание на то, что «имена» братьев могут быть переведены как «верная дружина» (Трувор) и «свой род» (Синеус). Тем более, что, например, отдаленность Белоозера от Новгорода весьма зна-

чительна, а подчинение Новгороду более близкой в направлении Белоозера территории происходило только в середине X в., когда княгиня Ольга устанавливала погосты на Мсте. В Изборске принято демонстрировать каменный крест, стоящий якобы на могиле Трувора, в полном забвении того, что Трувор, если и жил, то за полтора столетия до утверждения в Восточной Европе христианства. Наиболее существенно то, что ни в Изборске, ни в Белоозере археологические раскопки каких-либо следов пребывания скандинавов в IX в. не обнаружили.

По версии Ипатьевской летописи, отразившей представления ладожан начала XII в., изначально варяги «придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе, и срубиша город Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозе Рюрикъ..., по двою же лѣту оумре Синеоусъ и брат его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю шдин, и пришед к Ильмерю и сруби город над Волховом и прозваша и Новѣгород, и сѣде ту княжя» (ПСРЛ, 1908. Т. II. С. 14). Эта версия послужила основой нынешней легенде о Старой Ладоге как «первой русской столице».

Здесь снова сочетаются реальность и миф. Вполне вероятно продолжительная остановка Рюрика в Ладоге, поскольку быстрому продвижению к Ильменю как узлу торговых путей препятствовали волховские пороги. К их преодолению следовало обстоятельно подготовиться, в частности, решить вопрос о замене морских кораблей на плоскодонные, оценить уровень весеннего подъема воды на порогах, или предпочесть сухопутную дорогу в обход. Такая вынужденная остановка отнюдь не превращает ее место в столицу.

Мифическим представляется утверждение об основании Рюриком «города над Волховом» и наречении его Новгородом. Коль скоро на территории собственно Новгорода нет никаких напластований IX в., очевидно, что речь идет о сооружении укреплений в резиденции на Городище, которая также является «городом над Волховом». Столь же легендарным представляется утверждение Новгородской IV летописи об основании Новгорода старейшиной Гостомыслом еще до призвания Рюрика (ПСРЛ, 1915. Т. IV. Ч. I. С. 3).

Существенной проблемой оказывается выяснение того региона Скандинавии, в который было направлено за князем посольство кривичей, словен и аборигенных племен. Было бы по меньшей мере странным, если бы «третьейскому судью» это посольство искало среди тех варягов, которые незадолго до того были притеснителями местного населения, изгнавшего их. Между тем скандинавский мир достаточно обширен и разнообразен. Он

включал в себя не только Швецию и Норвегию, но и Данию, и Британию, и Фрисландию. Летописный рассказ о выборе места призвания князя так недвусмысленно трактует это событие: «Идоша за море къ Варягомъ к Руси. Сице бо ся зваху тѣ варязи суть (РА – Русь. – *Ред.*), яко се друзии зъвуться Свие, друзии же Оурмане, Анъглыне, друзии Гъте, тако и си» (ПСРЛ, 1926. Т. I. С. 19; ПВЛ, 1996. С. 13). Те варяги, которые были призваны в бассейн Ильменя и Волхова, не были ни шведами (Свеями), ни германцами (Урманями), ни британцами (Англянами), ни готландцами (Готами); они называли себя Русью. Позднейшая легенда сообщает о том, что Гостомысл отправил это посольство в Мальборк, город в Восточной Пруссии на южном берегу Балтики (ПСРЛ, 2003. Т. XL. С. 26), что ведет к отождествлению новгородского Рюрика с Рюриком Ютландским. Приглашение князя из Ютландии или Фрисландии представляется весьма логичным, коль скоро оба массива славянского переселения на русский Северо-Запад ведут свое происхождение из регионов, примыкающих к южному балтийскому побережью.

Вполне легендарной представляется версия Ипатьевской летописи о величине владений Рюрика, который якобы в числе «волостей», розданных «мужам своим», числил Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром (ПСРЛ, 1908. Т. II. С. 14). Надо полагать, что эта якобы подвластная Рюрику территория искусственно сконструирована из земель, занятых не только кривичами и новгородскими словенами, но и всеми известными позднему летописцу «кривичскими» и «чудскими» (угрофинскими) племенами – в том числе и теми, которые не входили в союз, пригласивший Рюрика на княжение.

В 879 г. Рюрик умер, передав княжение Олегу – своему родственнику («от рода ему суша»), отдав ему на руки своего сына Игоря, «бѣ бо дѣтескъ велми». Следует еще раз напомнить, что к этому моменту на территории собственно будущего Новгорода какой-либо застройки еще не существовало. В процессе исследования культурного слоя на этой территории были выявлены участки наибольшей древности, но ни на одном из них напластований ранее X в. нет.

Одной из наиболее значительных проблем в изучении новгородской государственности является вопрос о времени возникновения тех ограничений княжеской власти, которые зафиксированы в позднейших условиях приглашения князя в Новгород. Они известны по самым ранним из дошедших до нас договоров Новгорода с князьями. Эти тексты датируются началом 60-х гг. XIII в. (более

ранние соглашения не сохранились), и в них делаются ссылки на предшествующие dokonчания (ГВНП, 1949. С. 9–13. № 1–3).

Наиболее существенное ограничение состоит в запрещении приглашаемому князю и его людям собирать государственные доходы на новгородских землях. Это право принадлежит только самим новгородцам, которые из собранных сумм выплачивают князю так называемый «дар», то есть вознаграждение за исполнение его обязанностей.

В ходе раскопок Новгорода в слоях конца X–первой четверти XII вв. неоднократно обнаруживались деревянные «замки» для гарантированного сохранения содержимого мешков с собранными в виде пушнины государственными доходами. Эти устройства представляют собой обрезок березового или ольхового ствола с двумя взаимно пересекающимися каналами и на поверхности содержат надписи, указывающие принадлежность содержимого в мешке князю или самим сборщикам налогов, которым согласно древнейшему законодательному кодексу – «Русской правде» – полагался определенный процент собранного. Через горловину мешка продевалась веревка или ремешок, концы которого с двух сторон вводились в продольный канал и завязывались узлом. Потом узел убирался внутрь, в поперечный канал вводилась расклиненная деревянная пробка, а в ее узкий конец забивался клин, в результате чего она становилась неизвлекаемой. Украсть что либо из запертого таким образом мешка или произвести замену мехов на менее ценные можно было – либо разрезав мешок, либо разломав замок, либо разрезав веревку. В любом случае кража была бы сразу обнаружена (Янин, 2001. С. 31–57).

В качестве примера познакомимся с некоторыми надписями на таких «замках». Один из них, обнаруженный в слое конца X в., содержит следующий текст: «Мецьницъ мѣхъ въ Тихъм[ен]гѣ пол[чет]ъвърь[та]» (Мешок мечника в Тихменге, три с половиной).

Мечник, по «Русской правде», – сборщик государственных доходов в определенном регионе. Тихменга – река, впадающая в озеро Лаче на границе новгородских и белозерских владений, и примыкающий к ней район. «Три с половиной» (вероятно, гривны) – сумма содержимого мешка, причитающаяся мечнику (Янин, 2001. С. 95. № 6). На «замке», найденном в слое конца XI в., имеется надпись: «Оустье Вагы мецьницъ мѣхъ 3 гри[вны]». Река Вага – левый приток Северной Двины; в ее устье расположен пункт Усть Вага (Янин, 2001. С. 99–100. № 19).

Всего найдено больше 50 таких «замков» и всякий раз – на городских усадьбах самих новгородцев. В ряде случаев подобные находки сопровождались берестяными грамотами, адресованными тем же лицам, чьи имена были написаны на этих «замках», и сообщающих о деталях собирания доходов. Например, на двух «замках» фигурирует имя Хотен, в одном случае он назван мечником (Янин, 2001. С. 98. № 15; С. 100–101. № 21)¹. На той же усадьбе Людина конца, где найдены эти предметы, обнаружена берестяная грамота № 902 с таким текстом: «ѡт Домагости къ Хотѣноу. Ъзскѣ роздрублили полъ пѣта десѣте гривнѣ. Да ѡзъ ти тоу сѣжоу, а Вѣлчиноу си посьли моужь инъ» (От Домагостя к Хотену. В Езске разверстали сорок пять гривен. Да я-то тут сижу, а в Волчино пошли другого человека) (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004. С. 94–95, № 902). Домагость – помощник Хотена (его «отрок» – судебный исполнитель). Он послан Хотеном для сбора пошлин в два податных округа – в Езск и на Волчину. Езск (современное село Еськи) расположен на реке Мологе в 25 км ниже современного города Бежецка и хорошо известен в источниках как пункт сбора пошлин. Волчина – река, берущая начало неподалеку от Вышнего Волочка, текущая с запада на восток и впадающая в Мологу близ Езска. Разверстав следующие с Езска 45 гривен по налогоплательщикам, Домагость в ожидании сбора этих сумм застрял в Езске надолго, о чем и извещает Хотена, рекомендуя ему послать на Волчину другого сборщика.

Древнейший известный сегодня в Новгороде такой «замок» датируется концом X в., однако подобные находки в слоях X в. польского Волина и ирландского Дублина (Янин, 2001. С. 44, 62–64) позволяют заключить, что сам обычай применения таких устройств имеет норманнское происхождение, а ограничение княжеской власти в столь важной области как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета восходит, скорее всего, к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен.

Если это так, становятся понятными причины ухода из Новгорода в 882 г., всего через три года после смерти Рюрика, его преемника Олега с сыном Рюрика – Игорем: «Поиде Олег поимъ вои свои многы Варягы, Чюдь, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи, и прия город... и посади в нем мужь свои» (ПВЛ, 1996. С. 14; ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 22–23). Нарушив договор о пожизненном княжении, Олег отправляется на юг для завоевания Смолен-

ска, а затем Киева. Его власть в Киеве основывается не на договоре, а на праве завоевателя. Там он не ограничен в своей деятельности, лично во главе дружины собирая доходы с подвластных ему земель (так называемое «полюдь», подробно описанное Константином Багрянородным).

Только завоевание Киева впервые в российской истории создало столичный центр в современном понимании (не местонахождение княжеского престола – «стола», а главный город государства, сосредоточившего в себе множество «столов»). Общеизвестны слова Олега, сказанные им о Киеве: «Се буди мати городом Русским» (Это будет мать русским городам). «Мать городам» – калька греческого МНТНР ПОЛІС (метрополия, главный город).

Вокняжившись в Киеве, Олег установил дань, которую должны платить словене, кривичи и меря варягам «от Новгорода 300 гривен (по другой летописной версии: 3000 гривен) на лето мира деля, еже до смерти Ярослава даяше Варягом» (ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 24).

Уход Олега и Игоря на юг создает на Северо-Западе Руси политический вакуум. Князя, нарушившего договор, нет. Вместо него на Городище остается его безымянная дружина, вероятно – с княжеским наместником во главе. Но в это время нет еще и Новгорода. Как уже отмечено выше, раскопки в разных его районах не обнаружили культурных напластований IX в. Однако активное заселение места будущего Новгорода в 3 км от княжеской резиденции начинается именно на рубеже IX–X вв. Этот процесс совпадает с процессом запустения многих населенных пунктов в его округе. Надо полагать, что оба указанных процесса взаимосвязаны и вызваны тем самым политическим вакуумом, побудившим родоплеменную аристократию словен, кривичей и чуди к заселению территории на месте будущего Новгорода.

Раскопками выявлена картина состояния этой территории в первой половине X в. Это еще не город, а три поселка родовой аристократии, разделенные пустопорожними пространствами. Вокруг центральных усадеб поселков расположены пашни и сады, пересеченные грунтовыми дорогами. Сами названия поселков, ставших в дальнейшем основой административно-территориального деления Новгорода (его *концов*), говорят об их принадлежности главным компонентам союза племен Северо-Запада: *Славенский* (то есть славянский; его называли также *Славно* или *Холм* – отсюда, вероятно, скандинавское имя Новгорода

¹ Хотен так же упомянут в граффито Софийского собора рубежа XI–XII вв. (Медынцева, 1978. С. 101. № 148).

«Холмгард), *Неревский* (от названия финно-угорского племени «нором», иначе «нерева»; ср. р. Нарва), *Людин* (от славянского «люди»; вероятно, это поселок кривичей). В более позднее время Новгород делился на пять концов, но два из них – *Плотницкий* и *Загородский* конституируются не ранее XII–XIII вв.

Преобразование этой рыхлой догородской структуры в город произошло в середине X в. В 947 г. киевская княгиня Ольга, упорядочивая административную систему государства, пришла на север и организовала походы, в результате которых были подавлены и присоединены конкурентные приильменскому региону обильно заселенные районы по течению рек Мсты и Луги: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамяня и мѣста и повосты» (ПВЛ, 1996. С. 29; ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 60).

Податная система Новгорода и объем государственных доходов значительно увеличились, в результате чего в городе началось мощение улиц, возникли системы благоустройства, уличная усадебная застройка и т. д. Раскопки на территории древнейших ядер застройки показали, что самая ранняя мостовая Великой улицы Неревского конца датирована 953 г.; самая ранняя мостовая Михайловой улицы Славенского конца сооружена в 974 г. В Людином конце система мощеных улиц формируется начиная с середины X в. Однако главная улица этого конца – Пробойная – получила свой древнейший настил примерно в 30-х гг. X в., и это вполне закономерно: она была главной дорогой («Русским путем»), ведущей на юг. Со второй половины X в. закономерно употребление термина «Новгород», поскольку именно тогда возникает общественный центр этого преобразования – *Детинец* (кремль), который поначалу и назывался «Новым городом» по отношению к трем старым поселкам-городкам и, возможно, по отношению к Городищу. Надо полагать, что тогда же формируется общегородской Торг на правом берегу Волхова, напротив Детинца. Возможно, тогда же строится Великий мост, соединивший обе стороны города.

Преображенный город обрел притягательную силу для общерусского княжеского дома. В 970–980-х гг. за право княжить в нем борются сыновья киевского князя Святослава Игоревича – Владимир и Ярополк, посылающие в него своих наместников. В конечном счете, победа остается за Владимиром, при котором (когда он был уже киевским князем) вслед за Киевом Новгород около 990 г. принимает христианство, а вместе с ним по-

лучает от Владимира в князя его сына Ярослава, прозванного впоследствии «Мудрым». Летописные рассказы о христианизации Новгорода, записанные спустя сто лет и еще много позже, различны и содержат немало легендарных подробностей. И тем не менее самая поздняя версия, извлеченная В. Н. Татищевым из несохранившейся Иоакимовской летописи, находит себе существенные археологические подтверждения. Согласно этому рассказу, крещение новгородцев присланными из Киева Добрыней (дядей Владимира Святославича) и Путятой и свержение идола Перуна вызвало активное противодействие части населения, принявшее ожесточенные формы на Софийской стороне, где разгрому и сожжению были подвергнуты прибрежные кварталы Неревского и Людина концов. Приведенная в рассказе поговорка «Добрыня крестил мечем, а Путята огнем» подтвердилась раскопками этих кварталов, выявившими следы мощного пожарища. В Неревском конце под слоем пожарища обнаружены два больших клада серебряных дирхемов, владельцы которых уже не имели возможности вернуться за своими сбережениями. Тот же рассказ сообщает о наличии в Неревском конце общины ранних христиан с церковью Преображения Господня. Именно эта община была объектом нападения противников крещения, которые сожгли сам храм. Следует отметить, что и в последующее время возобновленная Преображенская церковь находилась в районе этого пожарища, а в слоях, предшествующих разорению, при раскопках обнаружено несколько нательных крестов, подтверждающих существование в Новгороде общины ранних христиан до официального крещения города (Янин, 1984. С. 40–56).

В конце X в. в Новгороде построены первые после крещения храмы – деревянный собор св. Софии и церковь свв. Иоакима и Анны, посвящение которой связано с именем первого новгородского епископа – Иоакима. Тогда же началась активная просветительская деятельность Церкви. Выдающимся археологическим открытием 2000 г. стало обнаружение древнейшей славянской датированной книги, сохранившейся в напластованиях самого начала XI в. На деревянных навошенных дощечках (*цере*) были записаны 75-й и 76-й псалмы Асафа, а след за ними обрывок 65-го псалма Давида (по нумерации, принятой в православной традиции). Как показало исследование, «Новгородская псалтырь» была пособием при обучении грамоте первых новгородских христиан. Учитель записывал тексты псалмов, давал их списывать ученикам, стирал, а затем записывал следующие

тексты. До нас дошло это пособие, утерянное сразу после того, как были стерты начальные строки 65-го псалма и предшествующие ему тексты, а на освободившемся месте написаны 75-й и 76-й псалмы. Цера оказалась в земле в первой четверти XI в., но она сохранила следы длительного употребления (неоднократная чинка, потертость и т. д.), свидетельствующие о том, что она была пособием при обучении уже первого поколения крещеных новгородцев (*Янин, Зализняк, 2001б. С. 202–209*).

Обратить особое внимание на эту находку следует и потому, что летопись именно с инициативой Ярослава Мудрого связывает начало широкого просвещения новгородцев, сообщив под 1030 г., что он «прииде к Новугороду, събрав от старост и поповых детеи 300 учити книгам» (ПСРЛ, 1851. Т. V. С. 136). Заметим также, что 30–50-ми гг. XI в. датируются самые ранние найденные в Новгороде берестяные грамоты. Именно тогда кто-то из самых первых «научившихся книгам» новгородцев сообразил, что снять для письма лист бересты с березового ствола проще и дешевле, чем приобрести драгоценный пергамен или изготовить деревянную навощенную «церу». Не исключено, что определенную роль в выборе для письма березо-

вой коры сыграл опыт письма на деревянных замках (образцы такого письма сохранились на нескольких замках с неснятой с них берестой).

Ко времени новгородского княжения Ярослава относится важное новшество в товарно-денежном хозяйстве. В связи с сокращением ввоза арабского монетного серебра, вызванного истощением восточных рудников, русские князья осуществляют попытку чеканить собственную монету на базе скопившегося на Руси драгоценного металла. В Киеве золотые и серебряные монеты чеканит Владимир Святославич, а после его смерти Святополк, но уже только серебряные. В Новгороде осуществлен выпуск серебряных монет с изображением св. Георгия (небесного покровителя князя Ярослава Владимировича) на лицевой стороне, а на оборотной с изображением княжеского знака Ярослава и надписью «Ярославле сребро». Истощение запасов серебра воспрепятствовало продолжению этой древнерусской монетной чеканки (*Сотникова, 1983. С. 196–203*). Такова, вкратце, история становления Великого Новгорода в качестве одного из самых замечательных феноменов российской истории, в сложении которого важнейшую роль сыграло поселение на Новгородском (Рюриковом) городище.

НОВГОРОД И ЛАДОГА В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ*

Алексей А. Гиппиус

Институт славяноведения РАН. Москва. Россия

NOVGOROD AND LADOGA IN THE «TALE OF BYGONE YEARS»

Alexey A. Gippius

Institute of Slavic Studies. Moscow. Russia

ABSTRACT: *The Russian Primary Chronicle (Povest' vremennykh let) in its variants and copies has retained two versions of the tradition about the coming of the Varangian princes to Rus. According to one, Rurik was first enthroned in Ladoga and only two years later, after the death of his brothers Sineus and Truvor, he came to Lake Ilmen and founded Novgorod. The other legend tells us that Novgorod was Rurik's residence from the beginning. This paper is an attempt to elucidate which of the versions, viz. that of Ladoga or of Novgorod, is the original one. In the most recent works the «Ladoga version» is claimed to be the primary one since it is attested by the majority of the manuscripts. The author, however, demonstrates that this widespread opinion is based on an oversimplified conception of the interrelations between the principal copies of the Povest'. That conception does not take into account the contaminated character of the text of the Radziwill Chronicle. The acknowledgement of the fact of that contamination speaks in favour of A. A. Shakhmatov's conclusion that the primary version for the Povest' was the «Novgorodian» one. The latter obviously goes back to the Kievan Base Compilation of the 1090s reflected in the First Novgorod Chronicle younger recension, whereas the «Ladoga version» first appeared in the so-called «third redaction» of the Povest' of 1118. Shakhmatov's hypothesis about the «third redaction» is accepted here with a few corrections enabling to define more precisely the circumstances under which the «Ladoga tradition» about Rurik was included into the Primary Chronicle.*

Как известно, Начальная летопись в дошедших до нас ее вариантах и списках сохранила два различных предания о приходе на Русь варяжских князей. Согласно одному, читаемому в большинстве списков Повести временных лет (Ипатьевском – И, Хлебниковском – Х, Радзивилловском – Р, Московско-Академическом – А; за исключением Лаврентьевского – Л и сгоревшего Троицкого – Тр), Рюрик сначала сел княжить в Ладоге и лишь спустя два года, после смерти Синеуса и Трувора, двинулся вверх по Волхову и, придя к Ильменю, основал Новгород. Согласно другому, в наиболее чистой форме представленному в списках младшего извода Новгородской первой летописи, резиденцией Рюрика с самого начала был Новгород. Вопрос, какой из двух вариантов – «ладожский» или «новгородский» – является первоначальным, дискутируется в русской исторической науке, начиная с В. Н. Татищева и по настоящее время. Одной из последних публикаций на эту тему является статья Д. А. Мачинского (Мачинский, 2002. С. 5–37), рассматривающая вопрос в контексте

проблемы «первой столицы Руси». По мнению автора, текстологические доказательства первоначальности «ладожской» версии столь же неоспоримы, как и археологические свидетельства большей древности Ладоги по сравнению с Новгородом. Соответственно, новгородский вариант рассказа о Рюрике рассматривается Д. А. Мачинским как тенденциозное сокращение полной и исторически достоверной ладожской версии. Указав на серьезную ошибку академического издания ПВЛ 1950 г., приписавшего чтение «Рюрик сѣде в Новѣгородѣ» спискам Тр и А (в действительности в первом, как и в Л, название города было пропущено, а во втором, как и в Р, называется Ладога) (ПВЛ, 1950. Ч. 1. С. 18. Ч. 2. С. 184. Примеч. 53. С. 244–245; ПВЛ, 1996. С. 13, 131. Примеч. 41. С. 404–405. – *Ред.*), Д. А. Мачинский резюмирует: «Все древние и авторитетные списки ПВЛ, сохранившие полный вариант «Сказания о призвании», единогласно свидетельствуют о приоритете Ладоги, двукратно упомянутой в качестве резиденции Рюрика. В двух списках (Л, Т) текст «Сказания»

* Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект: «Раннее древнерусское летописание в контексте европейской культурной традиции»).

сокращен и приближен к варианту новгородского летописания за счет неумелого изъятия двукратного упоминания Ладоги, но даже в них нет имени Новгорода, как первой резиденции Рюрика» (*Мачинский*, 2002. С. 15). Текстологическая первичность «ладожской» версии «Сказания» представляется Д. А. Мачинскому вытекающей из этих фактов с такой однозначностью, что предпочтение, отдаваемое в исторической литературе «новгородскому» варианту, исследователь может объяснить лишь предвзятостью официозной российской историографии («от Карамзина до Кучкина»), не желающей считаться с ролью Ладоги как древнейшей столицы Руси.

В ряды представителей этого официоза следовало бы записать и А. А. Шахматова, поскольку текстологическое обоснование первоначальности «новгородского» варианта «Сказания» принадлежит именно ему. Согласно А. А. Шахматову, этот вариант, восходящий к Начальному своду 1093–1095 гг., отраженному НПЛ, был унаследован от этого свода первой и второй редакциями ПВЛ, а в созданной в 1118 г. третьей редакции Новгород был заменен на Ладогу¹. Парадоксальным образом ни Начальный свод, ни третья редакция ПВЛ, ни даже имя А. А. Шахматова в статье Д. А. Мачинского не упоминаются. Отсутствуют в списке литературы и другие важнейшие работы по истории начального летописания: внимание автора ограничено в основном публикациями летописей и историческими исследованиями. Такое игнорирование собственно текстологической литературы предмета, по-видимому, неслучайно: соотношение вариантов кажется Д. А. Мачинскому столь очевидным, что обращаться к этой литературе вроде бы и незачем – надо лишь непредвзято смотреть на общедоступные данные, которые говорят сами за себя.

Впрочем, проявив большой историографический педантизм, Д. А. Мачинский лишь утвердился бы в своей точке зрения. Дело в том, что гипотеза А. А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ 1118 г. в настоящее время отвергается большинством авторов, специально занимающихся текстологией начального летописания. В известной работе 1967 г. Л. Мюллер, последовательно разобрав доводы А. А. Шахматова в пользу существования этой редакции, признал их несостоятельными

ми и предложил значительно более простую схему соотношения основных списков ПВЛ, альтернативную «шахматовской», в которой дополнительное «звено» в виде третьей редакции, отсутствует (*Müller*, 1967. S. 171–186; *Мюллер*, 2000). Эта точка зрения была поддержана и развита О. В. Твороговым (*Творогов*, 1997. С. 203–209) и А. Тимберлейком (*Timberlake*, 2001. С. 219–238). Ее разделяют и авторы двух появившихся в последнее время реконструкций первоначального текста ПВЛ: А. С. Бугославский (труд которого, подготовленный в 1930-х гг. и долгое время считавшийся утраченным, теперь опубликован Ю. А. Артамоновым – *Бугославский*, 2006) и Д. Островский (*Островский*, 2003). Контрдоводов, которые бы защитили «третью редакцию» от этой критики, никем до сих пор приведено не было; таким образом, на сегодняшний день отказ от этой части шахматовского построения является последним словом текстологической науки, произнесенным к тому же на удивление консолидированно. Применительно к рассматриваемому сюжету этот новый консенсус выражается безапелляционной формулировкой Л. Мюллера: «текстологически ладожский вариант стоит вне всяких сомнений» (*Мюллер*, 2000. С. 174).

Цель настоящей работы состоит, однако, не в том, чтобы подкрепить мнение Д. А. Мачинского указанием на его полное соответствие выводам новейшей текстологии. Наша задача совершенно противоположна. Мы беремся утверждать, что сами эти выводы обладают лишь видимостью доказательности; что обвинительный приговор, вынесенный гипотезе А. А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ, ошибочен, а представление о первичности «ладожского» варианта рассказа о Рюрике является иллюзией, вызванной недооценкой реальной сложности рукописной истории ПВЛ. Правильное решение вопроса было, по нашему глубокому убеждению, предложено А. А. Шахматовым.

Сказанное не означает, что мы готовы полностью разделить гипотезу А. А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ. Как и другие построения ученого в области истории начального летописания, эта гипотеза не свободна от противоречий и нуждается в существенной корректировке. Однако исходные наблюдения, на которых она ба-

¹ Напомним, что согласно схеме Шахматова, в том виде, в каком она изложена им в книге «Повесть временных лет» (*Шахматов*, 1916; переизд. в: *Шахматов*, 2003), первая редакция ПВЛ, которой предшествовал киевский Начальный свод 1093–1095 гг., была составлена Нестором в 1111 г. и до нас не дошла. Вторая редакция, составленная Сильвестром в 1116 г., сохранилась в списках лаврентьевской группы (ЛТРА), но не в первоначальном виде, а со следами вторичного влияния со стороны третьей редакции. Эта последняя была составлена на основе второй редакции в 1118 г. и читается в списках ипатьевской группы (ИХ).

зируется, представляются, вопреки критике этой гипотезы, сохраняющими силу.

Полное обоснование нашей позиции содержится в находящейся в печати специальной работе о редакциях ПВЛ (Гунтуус, 2007). В настоящей статье я остановлюсь на тех звеньях аргументации Шахматова и его оппонентов, которые непосредственно связаны с проблемой «Ладога и Новгород». Начнем с главного: так ли действительно текстологически бесспорен ладожский вариант? Сколь бы внушительным не казалось присутствие его в четырех из шести полных списков ПВЛ, факт этот сам по себе ни о чем не говорит. Текстологическая реконструкция – не демократические выборы, исход которых определяется простым большинством голосов; здесь все зависит от генеалогии списков, их положения в стемме. В нашем случае попарное восхождение к общим протографам списков Л и Т, Р и А, И и Х позволяет уверенно абстрагироваться от существования шести списков и рассматривать соотношение трех протографических сводов: ЛТ, РА и ИХ; в первом из них название первоначальной резиденции Рюрика было опущено, тогда как в двух других в этом качестве присутствовала Ладога.

Дальнейшие выкладки Л. Мюллера, О. В. Творогова, А. С. Бугославского, Д. Островского и других авторов, действующих в рамках «строго текстологического» подхода, определяются опять же отнюдь не численным «перевесом» ладожского варианта, а тем общепризнанным фактом, что своды ЛТ и РА в свою очередь восходят к общему протографу ЛТРА, представлявшему собой Владимирский летописный свод второй половины или конца XII в. Что же касается свода ИХ, то он отражает независимую от ЛТРА ветвь летописания, восходящую к киевскому летописному своду, созданному в 1200 г. или около этого времени (см.: Лурье, 1985. С. 190–205).

Такое соотношение списков диктует прозрачную текстологическую логику, которой все названные авторы руководствуются в выборе первоначальных чтений. Согласно этой логике, то, что интересующее нас чтение засвидетельствовано в двух независимых ветвях традиции – Л(Т)РА и ИХ – является надежным показателем его первоначальности. Это означает, что в группе Л(Т)РА первоначальными признаются те чтения, которые находят поддержку в ИХ, а вторичными – те, которые такой поддержки не имеют. В частности, для разночтений вида $РА \neq Л(Т) = ИХ$ первоначальным признается чтение ЛТИХ, а для разночтений вида $Л(Т) \neq РА = ИХ$ – чтение РАИХ. Интересую-

щий нас случай принадлежит ко второй категории.

Эта текстологическая механика столь обескураживающе проста, что возникает вопрос: неужели она не была ясна А. А. Шахматову, которого новейшая критика текста ПВЛ, как школьника, отчитывает за незнание элементарных правил? Отвечаем: разумеется, была; но Шахматову также было ясно и другое: что во множестве случаев эти правила очевидным образом не работают, заставляя признавать первоначальными чтения, которые никак не могут быть признаны таковыми. Подавляющее большинство таких случаев составляют разночтения структуры $Л(Т) \neq РА = ИХ$, в которых чтение Л(Т), должствующее быть вторичным, подтверждается между тем сопоставлением с использованными в ПВЛ источниками (Хроникой Георгия Амартола, Златоуструем и др.), обнаруживается в НПЛ (генеалогически не связанной с Лаврентьевской летописью, о чем см. ниже) или же в силу других причин может быть признано первоначальным. Единственно возможное объяснение этому состоит в том, что мы имеем дело с явлением *контаминации*, связывающей РА с ИХ.

Именно так и понимал дело А. А. Шахматов, писавший о связи Радзивилловской летописи (РА) с Ипатьевской (ИХ): «Общие чтения обеих этих летописей настолько характерны и настолько резко отличаются их от других летописей, что не остается сомнения в их общем источнике» (Шахматов, 1938. С. 62). Наличие таких чтений А. А. Шахматов объяснял использованием в Радзивилловской летописи, помимо владимирского источника типа Лаврентьевской, также южнорусского (перемыславского) свода, содержавшего текст ПВЛ в редакции, близкой Ипатьевской летописи (Шахматов, 1938. С. 53–55; Шахматов, 1940. С. 15). С некоторыми оговорками, такое объяснение было принято и М. Д. Приселковым (Приселков, 1996. С. 133–134, 166), Д. С. Лихачевым (Лихачев, 1950. Ч. 2. С. 245), и другими исследователями шахматовской школы.

Причину, из-за которой контаминированный характер текста ПВЛ в Радзивилловской летописи оказался проигнорирован новейшей текстологией, несложно понять. В схеме А. А. Шахматова контаминация, связывающая ИХ с РА, теряется среди множества подобных ей вторичных связей между списками; контаминированным, по Шахматову, текст ПВЛ является во всех ее списках – в одной в большей, в других в меньшей степени. Это, по существу, делает невозможной строго генеалогическую, основанную на стемме рукописей, рекон-

струкцию архетипического текста, сообщая реконструкции самого А. А. Шахматова известную эклектичность, за которую его неоднократно критиковали.

Реакцией на эту особенность шахматовского метода и стал «строго текстологический» подход к восстановлению первоначального текста ПВЛ, которого придерживаются в своих реконструкциях С. А. Бугославский (*Бугославский*, 1941. С. 7–37; *Бугославский*, 2006), Л. Мюллер (*Мюллер*, 2000) и Д. Островский (*Островский*, 2003). При довольно существенном расхождении между стеммами С. А. Бугославского и Л. Мюллера их объединяет исключение каких бы то ни было форм перекрестного взаимодействия между ветвями традиции; реконструкция Д. Островского признает наличие контаминации в Хлебниковском и, отчасти, Лаврентьевском списке, но не в Радзивилловской летописи.

Полное отрицание роли контаминации в становлении текста основных списков ПВЛ нужно признать такой же крайностью, как и преувеличение этой роли А. А. Шахматовым. Реальная картина соотношения списков была, вероятно, значительно более простой, чем ее представлял А. А. Шахматов, но далеко не столь элементарной, какой ее рисуют стеммы Л. Мюллера и С. А. Бугославского. В частности, если нет особых оснований предполагать контаминированный характер списков Л и И, то в РА он, на наш взгляд, не может вызывать сомнений.

Значение контаминации РА~ИХ для критики текста ПВЛ подробно обосновано в моей рецензии на реконструкцию Л. Мюллера (*Гиппиус*, 2002. Р. 63–126). В той же работе высказан ряд соображений о характере данной контаминации. Предварительные наблюдения показывают, что общие ошибки, пропуски и вторичные чтения РА/ИХ образуют в тексте ПВЛ более или менее компактные группы, причем в соответствующих текстах как правило отсутствуют общие ошибки списков Л(Т)РА. По-видимому, составитель РА, работая с двумя источниками – типа ИХ и типа ЛТ, периодически переключался с одного на другой. Отметим, что там, где он использовал источник «ипатьевского» типа, общие чтения ЛТ (а при отсутствии текста Т – индивидуальные чтения Л) являются текстологически равноправными с общими чтениями РА и ИХ. К числу таких «ипатьевских» фрагментов РА относится все лишнее дат

Введение ПВЛ и начало ее датированной части, включая и статью 6370 г.²

На гетерогенность текста ПВЛ в РА указал в своей рецензии на книгу Л. Мюллера и А. В. Назаренко (*Назаренко*, 2003. С. 128–139). Факт контаминации отмечает и Т. Вилкул в рецензии на издание Д. Островского (*Вилкул*, 2004. Р. 171–203). Наконец, отвечая на критику рецензентов, наличие контаминации в РА признал и Л. Мюллер, соответствующим образом скорректировав свою стемму (*Мюллер*, 2006. Р. 401–436). В результате, за последние несколько лет баланс мнений по данному вопросу решительно изменился.

Признание контаминированного характера текста ПВЛ в РА и высокая вероятность того, что в статье 6370 г. РА восходит к архетипу, общему для нее с ИХ, а не с ЛТ, лишает «ладожскую» версию какого бы то ни было текстологического приоритета. С собственно генеалогической точки зрения, оставаясь в рамках пяти основных списков ПВЛ, эту версию нужно признать абсолютно равноправной с версией ЛТ. Посмотрим теперь, что же представляет собой эта последняя.

В Лаврентьевской летописи, как известно, название города, в котором сначала садится княжить Рюрик, пропущено, здесь читается: «и придоша, старѣишии Рюрикъ, а другии Синеусь...»); такой же пропуск имелся и в Троицкой летописи, где слова «съде Новѣгородъ» были, согласно свидетельству Карамзина, вставлены позднее (*Приселков*, 2002. С. 58). Л. Мюллер полагает, что в протографе Л и Т было пропущено название Ладоги: «Не предполагаемый составитель гипотетической редакции 1118 г. изменил «Новгород» на «Ладога», но писец общего протографа рукописей Л и Т (t) пропустил упоминание Ладоги в летописной статье 862 г. Очевидно, ему казалось странным, что Рюрик сначала сидел в не имевшей в его (писца) время значения Ладоге; может быть, он хотел удостовериться и поэтому оставил в рукописи пропуск» (*Мюллер*, 2000. С. 174). С таким объяснением можно было бы согласиться, если бы все различие между версиями РАИХ и ЛТ заключалось в отсутствии в последней названия первой резиденции Рюрика. Между тем в ней отсутствует и упоминание об уходе Рюрика к Ильменю и основании им Новгорода, из чего следует, что здесь излагается не ладожский, а новгородский вариант сюжета – тот же, что и в НПЛ младшего извода.

² Первые надежные свидетельства переключения писца РА на копирование его владимирского источника, то есть первые бесспорные ошибки и искажения, общие для списков Л(Т)РА, обнаруживаются в статье 6400 (898) г. (см.: *Гиппиус*, 2002. С. 85–87, 121).

Теоретически, это сходство может объясняться: 1) использованием в НПЛ текста ПВЛ типа ЛТ; 2) независимым восхождением НПЛ и ЛТ к общему источнику; 3) вторичным влиянием НПЛ на ЛТ; 4) вторичным влиянием ЛТ на НПЛ. Из этих четырех вариантов объяснения первые два предпочтительны как более экономичные; иначе говоря, при наличии данных, свидетельствующих в пользу одного из этих двух вариантов, два других оказываются излишними.

В пользу первого варианта могло бы говорить наличие заведомо вторичных чтений, общих для НПЛ и ЛТ, однако таковые отсутствуют. Точно также нет и заведомо вторичных чтений, которые бы объединяли НПЛ с ИХ; по этой причине неприемлемой является позиция С. А. Бугославского (*Бугославский*, 1941. С. 33), относившего «новгородский извод» ПВЛ к ее «ипатьевской» ветви (см. критику этого положения в (*Timberlake*, 2001. С. 214–215; *Гунтуус*, 2002. С. 120)). Между тем, имеется несколько случаев, в которых НПЛ сохраняет первоначальные чтения, одинаковым образом искаженные во всех полных списках ПВЛ, из чего следует, что Повесть использовала текст Начальной летописи, более древний, чем архетип этих списков (см.: *Гунтуус*, 2002. С. 71–72)). Этот вывод, к которому приводит анализ соотношения текстов на уровне отдельных разночтений, идеально согласуется с фундаментальной гипотезой А. А. Шахматова, согласно которой в своей части до 6523 г. младший извод НПЛ отражает предшествовавший ПВЛ киевский Начальный свод 1090-х гг.

Независимость НПЛ от общего архетипа ИХ и ЛТ означает, что в случаях расхождения между ИХ и ЛТ первичным следует считать вариант, поддерживаемый НПЛ. В нашем случае таковым является новгородский вариант рассказа о Рюрике, общий для НПЛ и ЛТ. Выше мы констатировали, что контаминация в РА делает этот вариант текстологически равноправным с ладожским в рамках шести полных списков ПВЛ. Совпадение ЛТ с НПЛ дает все основания считать этот вариант первоначальным. Очевидно, как и предполагал А. А. Шахматов, новгородская версия была унаследована ПВЛ от Начального свода 1090-х годов (текст которого отражает НПЛ), тогда как ладожская представляет собой результат редактуры, произведенной в протографе «ипатьевской» группы и отраженной также и Радзивилловской летописью вследствие ее контаминированного характера.

О вторичности «ладожской» версии говорит и следующее обстоятельство, последовательно не замечаемое сторонниками ее первоначальности.

Версия эта находится в очевидном противоречии с общим для всех списков и потому бесспорно первоначальным указанием вводной части ПВЛ на основание города расселившимися в Приильменье словенами («Словѣни же съдоша ѡколо езера Илмеря [и] прозвашася своимъ иманемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ» (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 5)). Однако с этим указанием хорошо согласуется «новгородский» вариант «Сказания о призывании варягов», в котором приглашенные князья приходят в уже существующий Новгород. Последнее обстоятельство кажется нелогичным Д. А. Мачинскому: «как будто Новгород уже существовал до того, как словене и прочие, изгнав варягов, стали «города ставити»? (*Мачинский*, 2002. С. 21)). Но что поделывать, если начальному летописцу дело представлялось именно так?

Но как же быть в таком случае с исторической достоверностью и убедительностью ладожской версии? Не противоречит ли ей утверждение о первичности новгородского варианта? Нисколько. Во-первых, степень этой исторической убедительности не стоит преувеличивать. Одно дело – бесспорное археологическое старшинство Ладоги, и совсем другое – хронология и последовательность прихода на Русь варяжских князей, какой она описывается в летописи. Двухлетний интервал, отделяющий в Ипатьевской летописи основание Новгорода от вокняжения в Ладоге, не следует понимать буквально – в лучшем случае он может рассматриваться как условная проекция в письменном нарративе исторической памяти о большей древности Ладоги по сравнению с Новгородом. Впрочем, даже приняв ладожский вариант за правду, видеть в исторической достоверности свидетельство текстологической первичности этого варианта нет оснований. Достоверность – не слишком надежное подспорье в определении относительной древности вариантов письменного предания об отдаленном прошлом. Наивно было бы думать, что редактирование Начальной летописи заключалось лишь в тенденциозном искажении изначально достоверных рассказов. Зачем отказывать древнему историку в способности уточнить на основе открывшихся ему новых источников картину прошлого, написанную его предшественниками? Многие, хотя, конечно, далеко не все дополнения и изменения, внесенные в текст Начального свода составителем ПВЛ, носят именно такой характер. Так, извлеченные им из княжеского архива тексты договоров с греками сообщили сведениям ПВЛ об отношениях Руси с Византией качественно новый уровень достоверности. Аналогичным образом, и факт первоначального пребывания

Рюрика в Ладоге, оставшийся неизвестным составителю Начального свода и его предшественникам, мог в начале XII в. сохраняться в местном предании, которое, по А. А. Шахматову (к чему мы еще вернемся), и было использовано составителем «третьей редакции» ПВЛ. Представляется, что совершенно прав М. Б. Свердлов (*Свердлов*, 2000. С. 23–27), видящий в новгородской и ладожской версиях сюжета отражение сосуществовавших на Руси в XI–начале XII в. разных форм памяти о Рюрике: обобщенной, отливающейся в фольклорных стереотипах, и более конкретной и исторически достоверной, опирающейся на местную традицию.

Альтернативу этому взгляду составляет точка зрения Л. Мюллера, видящего в двух конкурирующих вариантах рассказа о Рюрике отражение исторического соперничества Ладоги и Новгорода: коль скоро верх в нем одерживает Новгород, новгородский вариант должен был, по мысли исследователя, прийти на смену ладожскому, а не наоборот. Сходным образом рассуждает и Д. А. Мачинский, рассматривающий новгородскую версию как плод тенденциозного сокращения, произведенного новгородским летописцем (предтечей «Карамзина и Кучкина») из нежелания признавать Ладогу в качестве «первой столицы». Однако, к середине 1110-х гг., когда, самое раннее, могла бы быть произведена предполагаемая редакция, не было уже никакого резона возвышать Новгород за счет умираления исторических судеб его северного пригорода: историческая конкуренция (если она, как таковая, вообще когда-либо имела место) давно уже отошла в прошлое. В новгородском летописании XII–XIII вв. не видно и тени ревности в отношении Ладоги, всегда упоминаемой как надежный форпост Новгорода на самом опасном северном направлении.

Между тем, замена первоначального новгородского варианта на ладожский находит в рамках шахматовской гипотезы о «третьей редакции» ПВЛ логичное и исторически конкретное объяснение. С ладожской версией рассказа о Рюрике А. А. Шахматов сопоставлял два пассажа в статьях 6604 (1096) и 6622 (1114) гг., в которых летописец, говоря от первого лица, сообщает о чудесных явлениях, наблюдавшихся в северных землях, и сопровождает свидетельства очевидцев собственным комментарием, основанным на литературных источниках: «Откровении Мефодия Патарского» в первом случае и Хронографе во втором. В статье 6604 г. упоминается разговор с новгородцем Гюрятой Роговичем, состоявшийся «преже сихъ 4-ми лѣты», то есть, очевидно, за четыре года до

момента работы летописца. В статье 6622 г. летописец, в связи со строительством в этом году крепости в Ладоге, упоминает о своей поездке в Ладогу и пересказывает слышанные им от ладожан удивительные истории. Согласно А. А. Шахматову, сведения о пребывании Рюрика в Ладоге были получены летописцем в ходе той же поездки и вместе с другими рассказами вошли в составленную четыре года спустя, в 1118 г., «третью редакцию» ПВЛ.

Вопреки критике, которой это изящное построение было подвергнуто Л. Мюллером (*Müller*, 1967. S. 171–186), оно, как я демонстрирую в одной из своих работ (*Гунтуус*, 2007), в целом удовлетворительно объясняет соотношение текстов. Признание факта контаминации в РА, по существу, лишает критику шахматовской гипотезы о «третьей редакции» ПВЛ ее главного довода; с другой стороны принятие одного из аргументов, выдвинутых против «третьей редакции» Л. Мюллером, позволяет, модифицировав эту гипотезу, существенно ее укрепить.

Реконструируя «третью редакцию» ПВЛ, А. А. Шахматов исходил из того, что первая и вторая редакция заканчивались статьей 6618 г., в которой обрывается текст ПВЛ в летописях лаврентьевской группы. Соответственно, отсутствующее в списках ЛРА продолжение этой статьи и весь текст летописных статей 6619–6625 гг. А. А. Шахматов считал появившимися в «третьей редакции», отраженной Ипатьевской летописью. Между тем, как справедливо заметил Л. Мюллер, «не только возможно, но и в высшей степени вероятно, что редакция Сильвестра, не останавливаясь на внезапном конце списков Л, Р, А, была продолжена вплоть до 1115 г. или 1116 г.» (поскольку «не очень вероятно, чтобы летописец оборвал изложение пятью годами ранее момента завершения своего труда») (*Мюллер*, 2000. С. 166).

Адаптируя шахматовскую гипотезу к этому весьма вероятному допущению, нужно предположить, что ладожские фрагменты статьи 6622 г. были дополнениями к первоначальному тексту статьи, то есть имеют ту же природу, что и дополнительные по отношению к лаврентьевскому тексту ПВЛ сообщения Ипатьевской летописи за вторую половину XI–начало XII в., относимые А. А. Шахматовым к «третьей редакции» (перечень этих дополнений см. (*Шахматов*, 2003. С. 552)). В таком случае характер соотношения сильвестровского текста и «постсильвестровской» редакции оказывается однородным на протяжении всей заключительной части ПВЛ. Анализ текста ПВЛ на данном отрезке подтверждает это предпо-

ложение. Особенно показателен в этом плане следующий пассаж статьи 6621 г.:

«В се же лѣто поя Володимеръ за с(ы)на своего Романа Володаревну м(ѣ)с(я)ца сентября въ 1 на десять день. В се же лѣто Мьстиславъ заложил ц(е)рк(о)вь камяну с(вя)т(о)го Николы на княжѣ дворѣ оу торговища Новѣгородѣ. Того же лѣта посади с(ы)на своего Ярополка в Переяславль» (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 276).

Отсутствие подлежащего во фразе «Того же лѣта посади с(ы)на своего Ярополка Переяславль» заставляет понимать текст таким образом, что это Мстислав (о котором речь в предыдущей фразе) направил своего сына (!) Ярополка в Переяславль, хотя сделал это, естественно, Владимир Мономах. Этот сбой можно объяснить лишь тем, что известие о Мстиславе представляет собой вставку в первоначальный текст статьи, сообщавшей только о действиях Владимира: в таком случае отсутствие подлежащего во втором известии было естественным. Поскольку, однако, по тематике и структуре вставленное известие аналогично сообщениям о строительных акциях Мстислава в статье 6622 г. («В се же лѣто Мьстиславъ заложил Новѣгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога каменемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при княжѣ Мьстиславѣ» (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 277)), редакторским дополнением необходимо признать и эти последние, а следовательно, и примыкающий к записи о строительстве ладожской крепости рассказ о поездке летописца в Ладогу.

Таким образом, и «ладожская» версия рассказа о Рюрике, и «ладожские» фрагменты статьи

6622 г. независимым образом обнаруживают свою непервоначальность в составе ПВЛ, что делает более чем вероятным принадлежность их к одному текстовому пласту. Этот пласт, к которому относятся и дополнительные сообщения Ипатьевской летописи за 6584–6618 гг., есть все основания отождествлять с шахматовской «третьей редакцией» ПВЛ. Предлагаемая в нашей работе (Гиппиус, 2007) трактовка этой редакции в ряде моментов расходится с шахматовской: в частности, я считаю данную редакцию второй, а не третьей, и датирую ее 1117, а не 1118 г.; однако само существование «постсилъвестровской» редактуры, отразившейся преимущественно в Ипатьевской летописи³, вряд ли может быть поставлено под сомнение. Подтверждается и предположение А. А. Шахматова о создании этой редакции в окружении Мстислава Владимировича: с характером вставок в статьях 6623 и 6624 гг., связанных с Мстиславом, как нельзя лучше согласуется тот факт, что ряд ипатьевских «дополнений» за вторую половину XI в. открывается сообщением о рождении старшего сына Мономаха (под 6584 г.).

Не менее важным для понимания социокультурного контекста «ладожской» версии рассказа о Рюрике является указание составителем редакции 1117 г. имен его непосредственных информантов: новгородца Гюряты Роговича (в статье 6604 г.) и ладожского посадника Павла (под 6622 г.: «сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожкѣи и вси Ладожане» (ПСРЛ, 1998. Т. II. С. 277)). Согласно гипотезе А. А. Молчанова (Молчанов, 1999. С. 80–84), дополнительно аргументированной в работах (Гиппиус, 2001б. С. 59–65; Гиппиус, 2006а.

³ К редакции 1117 г. я, вслед за А. А. Шахматовым, возвожу и отдельные фрагменты, общие для ипатьевской и лаврентьевской групп, в первую очередь – изложение разговора с Гюрятой Роговичем под 1096 г. и продолжающий его подробный рассказ о борьбе Олега Святославича с Изяславом и Мстиславом Владимировичами. Проникновение этих текстов в летописи лаврентьевской группы, которое А. А. Шахматов относил к XIV в., я объясняю результатом взаимодействия древних экземпляров ПВЛ, имевшего место сразу после появления редакции 1117 г. Согласно нашей реконструкции, после того, как на основе рукописи Сильвестра 1116 г. был, по заказу Мстислава Владимировича, составлен новый, отредактированный «княжеский» экземпляр ПВЛ, некоторые наиболее значительные из его добавлений, сконцентрированные в заключительной части летописи, были, путем замены и вставки листов и тетрадей, перенесены в рукопись Сильвестра.

С этим «обновлением» кодекса Сильвестра следует, на мой взгляд, связывать и уже упоминавшийся пропуск названия первой резиденции Рюрика в Лаврентьевской и Троицкой летописях. Поскольку РА в данном рассказе следует за своим «ипатьевским» источником, этот пропуск ничто не мешает возводить к общему прототипу ЛТРА, владимирскому летописному своду второй половины XII в., а через него – к рукописи Сильвестра. «Обновляя» на основе редакции 1117 г. свой кодекс, выдубицкий игумен мог пожелать внести исправление и в рассказ о Рюрике. Однако, начав это делать и уже стерев название Новгорода, он должен был заметить, что простой заменой одного названия на другое задача не решалась: новая версия существенно расходилась как с прежним рассказом, так и с дальнейшим изложением. Сильвестр мог заметить и то, что следовавшее далее в «княжеском» экземпляре сообщение об основании Рюриком Новгорода вступало в противоречие со свидетельством об основании Новгорода словенями. Поэтому он просто бросил начатую правку, оставив в рукописи пробел.

Настаивать на такой реконструкции, конечно, затруднительно ввиду невозможности ее верифицировать. Однако заметим, что альтернативное объяснение данного пропуска, исходящее из первичности «ладожского» варианта, выглядит куда менее правдоподобным. Если допустить, подобно Д. А. Мачинскому, что составитель прототипа ЛТ правил свой оригинал, ориентируясь на новгородскую традицию, он сделал совершенно непонятным, что же помешало ему реализовать свой тенденциозный замысел до конца, назвав «первой столицей» не Ладогу, а Новгород?

Р. 93–109), Гюрята Рогович, отождествляемый с новгородским посадником начала XII в., был потомком знатного скандинава Регнвальда Ульсона, родственника жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшего вместе с нею в Русь и получившего в «ярлство» Ладогу. По правдоподобию предположению А. Е. Мусина (Мусин, 2002б. С. 82–92), потомки Регнвальда по традиции сохраняли за собой ладожское посадничество по крайней мере до середины XIII в., что делает вероятной принадлежность к вышеназванному роду и посадника Павла. Возвышению этого клана в княжение Мстислава Владимировича способствовал брак последнего с шведской принцессой Кристиной, которая, как показал Ф. Б. Успенский, принадлежала к числу скандинавских потомков того же

Регнвальда Ульсона (Успенский, 2004а. С. 187–189; Литвина и Успенский, 2006. С. 355–367). Ввиду этих родственных связей Гюрята, Павел и их сородичи не могли не быть носителями элитарного кланового самосознания, в котором историческая связь с Ладогой должна была играть основополагающую роль. Сохранение (или появление?) именно в этой среде предания о ладожском княжении Рюрика выглядит поэтому глубоко закономерным: вполне возможно, что сведения, полученные летописцем в Ладоге, все же несли в себе определенную тенденцию, отражая не столько аутентичную местную традицию, сколько клановые исторические амбиции «ладожан» как генеалогически обособленной части новгородского (в широком смысле) боярства.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ РАННЕГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Валентина М. Горюнова

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

THE APPEARANCE OF THE PRODUCTION OF WHEEL-MADE POTTERY IN NORTH-WESTERN RUS

Valentina M. Goryunova

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *In this paper are discussed the features of the initial stage of the wheel-made pottery manufacture in early urban centres of North-Western Rus and the northern Baltic area (Kaupang, Birka, Loddekoping) in the second half of the 9th – first half of the 10th century. Along with the general trends, comparative analysis revealed a varying intensity of their manifestation in the two regions. The first evidence for use of potter's wheels by local craftsmen both in Sweden and in Rus was related to the influence of West-Slavic imports. The main difference however is the fact that in Birka the local production of ware of the Friesland type has been recognized from the mid-10th century, while in North-West Russian centres, along with imitations of West-Slavic imports, during the same period was used a type uncharacteristic of the West-Slavic territory pots with S-shaped profile which later came to be the main items among the mass products of ancient Russian potters.*

Настоящая статья посвящена некоторым категориям древнерусской керамики, которая в технологическом отношении занимает промежуточное место в эволюционном ряду между лепной и раннегончарной посудой. У рассматриваемой категории сосудов лишь венчик и верхняя наружная часть заглажены с помощью круга. Она украшена так называемой «путаной» многорядной волной. Орнамент, нанесенный гребенкой, нерегулярен, волны находят друг на друга и переплетаются. Все перечисленные признаки соответствуют второй стадии процесса, который А. А. Бобринский называл «развитием функций гончарного круга» (РФК-2) (Бобринский, 1978. С. 37–51). Уникальность данной керамики состоит в том, что она выделяется как достаточно компактная группа среди материалов лишь двух раннегородских центров Северо-Западной Руси: Рюрикова городища, где она составляет выделенную в свое время нами «первую группу раннегончарной керамики», и Старой Ладogi (Фонды Государственного Эрмитажа, раскопки В. И. Равдоникаса, горизонт Д, жилища 2,3; рис. 2). Время бытования этой группы ограничено

первой половиной I тыс. н. э. (Носов, Горюнова, Плохов, 20005. С. 84, 94, 109, 113, 119)¹.

Первая группа раннегончарной керамики Рюрикова городища включает в себя три формы: 1) горшки с туловом, имеющим выпуклость в своей верхней трети, и вертикальным коротким венчиком, край которого имеет горизонтальный срез (рис. 1, 4, 6–9), 2) сосуды без явно выделенного венчика с плавным биконическим изломом в верхней трети тулова (рис. 1, 2) и 3) горшки слабопрофилированных форм со слегка отогнутым наружу или вообще не выделенным венчиком (рис. 1, 1, 3, 5). Горшки с вертикальным венчиком преобладают среди рассматриваемой группы керамики. В Старой Ладогe набор форм данной группы отличается от набора Рюрикова городища прежде всего тем, что здесь присутствуют сосуды с S-видной профилировкой. Большинство таких сосудов имеет приземистые пропорции, конусовидную нижнюю и широко раскрытую верхнюю часть. Край венчика у таких горшков либо утончен, либо имеет срез (рис. 2)². Этот вид сосудов в материалах Старой Ладogi составляет приблизительно 50% всей посу-

¹ Следует сразу оговориться, что несмотря на то, что в своих публикациях я неоднократно называла эту группу «переходной» между посудой лепной и раннегончарной, «переходность» ее определяется лишь технологическим уровнем производства (РФК-2). Доказательств ее связи с дальнейшим развитием функций гончарного круга ранее не приводилось.

² В качестве варианта S-видной формы рассматриваются сосуды, отличающиеся более крупными размерами, чем обычная посуда. Пропорции у таких горшков выгннутые, диаметр венчика значительно уступает по размерам высоте сосуда (Носов, Горюнова, Плохов, 20005. Табл. 128, 4; 132, 4).

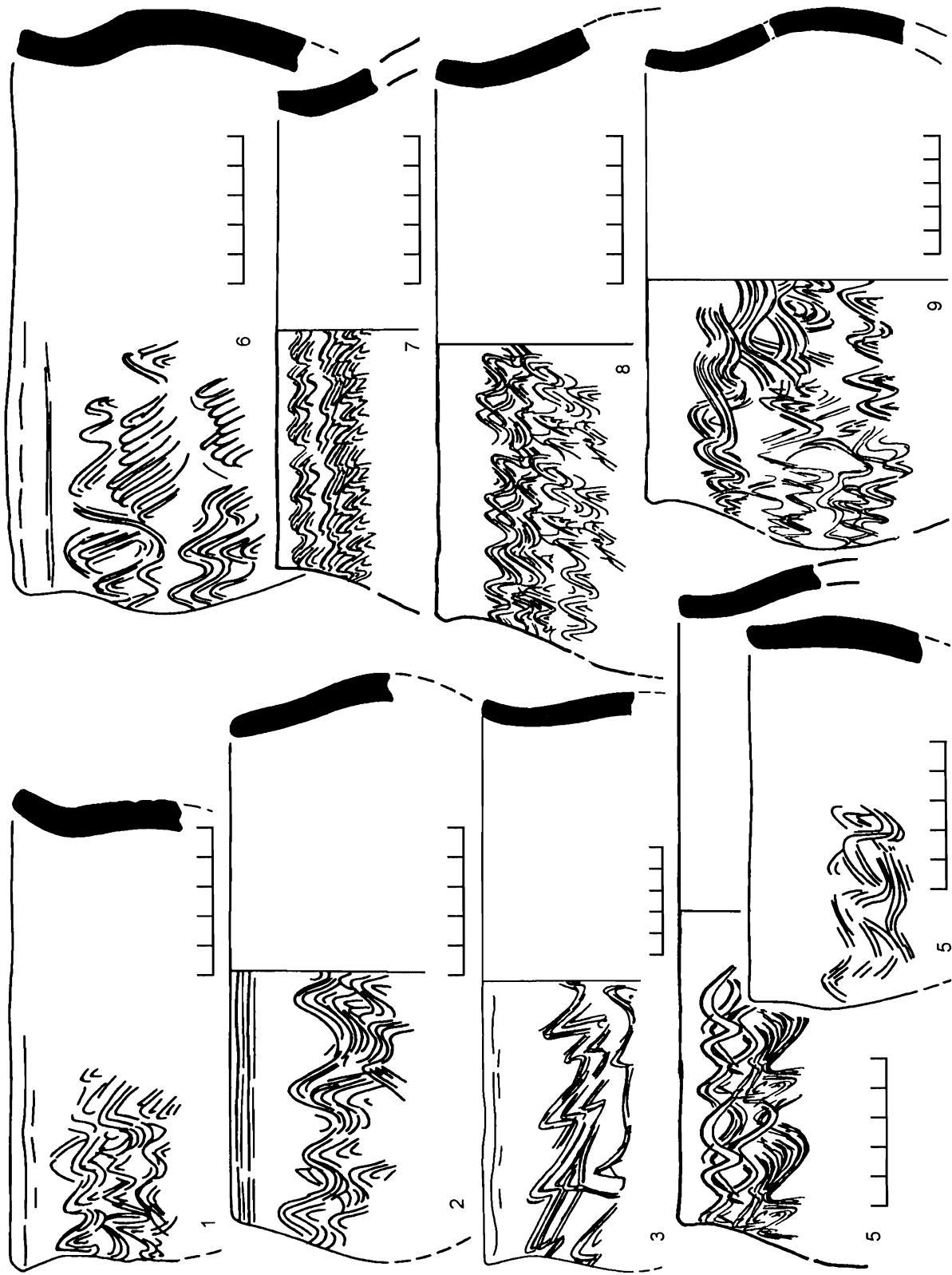

Рис. 1. Руриково городище. Первая группа раннегончарной керамики (РФК-2)

Fig. 1. Ruruk Gorodishche. First ceramic group of early wheel-made pottery

ды, украшенной «путаной» волной. На Рюриковом городище для сосудов первой группы такая форма не характерна. Нет на Городище и другой староладожской формы – горшков с легким ребром на середине высоты или в верхней трети тулова, с коротким отогнутым наружу венчиком с прямым срезом, украшенным по краю многорядной мелкозубчатой волной. Такая же орнаментация нанесена на плече и тулове этих сосудов (рис. 5, 4, 6)³. Однако в коллекции Старой Ладogi отсутствуют горшки без выделенного венчика с плавным биконическим изломом в верхней трети. Таким образом, общими для двух раннегородских центров являются всего две формы: горшки с вертикальным коротким венчиком и слабо профилированные сосуды с невыделенным или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 1, 4–9; 2, 2, 3, 8).

В одной из своих ранних работ я предположила, что большая часть из вышеописанных сосудов эволюционно связана с формами местных лепных горшков. Они представлены S-видными сосудами, горшками с вертикальным венчиком, посудой с ребром в верхней трети тулова и отогнутым наружу венчиком, а также керамикой без выделенного венчика с плавным биконическим изломом в верхней трети объема. При этом я отмечала, что три формы посуды с «путаной» волной: 1) с вертикальным венчиком, с ребром в верхней трети тулова, а также 2) с невыделенным венчиком и 3) с плавным изломом в верхней трети имеют многочисленные аналогии в северной Польше и на севере Германии среди менкендорфской посуды (середины IX–X вв.). Я считала, что эта общность имела спонтанный характер. Параллели же объяснялись существованием общих исходных лепных форм (Горюнова, 1982. С. 43–45). Однако последнее предположение не получило своего подтверждения в материалах западнославянских памятников. Необходимо отметить, что в качестве прототипов примитивной круговой посуды с «путаной» волной можно предложить лишь очень ограниченное число экземпляров лепных сосудов не только самого Рюрикова городища, но и других памятников Северо-Запада: Изборска, Камно, Старой Ладogi (Горюнова, 1982. С. 40. Рис. 1, 9; 1994. С. 68, 69. Рис. 3, 8, 9). Эти сосуды, как правило, единичны, они не составляют отчетливых серий и типологических рядов среди лепной керамики. Горшки, которые являются типичными для комплексов Северо-Западной Руси, весьма условно могут быть названы их аналогиями.

Гораздо более близкие и более многочисленные аналогии всем формам первой группы раннегончарной керамики Рюрикова городища, а также горшкам с вертикальным венчиком и слабо профилированным сосудам с невыделенным венчиком из Старой Ладogi можно найти в северной Польше и на севере Германии среди посуды середины IX – X вв. (рис. 4, 3, 4, 6) (Dymaczewska, 1970. Рис. 10, 8; 13, 18; 20, 14; Schuldt, 1981. Taf. 15, d; 51, b, d; 42, i, l, m; 45, b; 55, n, q, t и др.; Łosiński, 1972. S. 71, 77, 80, 86. Рис. 19, b; 23, a; 25, c, e; 29, a). Что же касается горшков с легким ребром на середине высоты или в верхней трети тулова, с коротким отогнутым наружу венчиком с прямым срезом, украшенным по краю многорядной мелкозубчатой волной, которые найдены в Старой Ладoge, то данная группа керамики лишь отдаленно напоминает некоторые лепные сосуды с ребром в верхней трети тулова из группы так называемого «ладожского» типа. По своей профилировке, как и большинство вышеописанных форм, они более близки сосудам северной Польши и Германии (рис. 5). Принципиальное отличие – по своему облику эти горшки, как, впрочем, и вся староладожская посуда с «путаной» волной, более грубы, что связано с составом глиняного теста из жирных глин с более крупными примесями. Не исключено, что характер орнаментации на рассматриваемых сосудах возник под влиянием некоторых небрежно украшенных фельдбергских сосудов (ср.: Brather, 1996. Taf. 15, 18; Taf. 22, 8; Taf. 25, 2, 6; Taf. 26, 22). Но если на фельдбергской керамике такая небрежность была исключением и возникала в результате случайного сбоя при вращении гончарного круга, то на староладожской и городищенской посуде небрежность и переплетения орнаментальных волн были обусловлены низкой технологической ступенью применяемого поворотного устройства.

Приведенные аналогии свидетельствуют о том, что большая часть сосудов украшенных «путаной» волной возникла, скорее всего, под комплексным воздействием фельдбергских и менкендорфских сосудов. Некоторые из них (рис. 1, 5, 6; 2, 2, 3) следует считать репликами, не всегда полностью повторяющими профилировку импортных образцов, или гибридами, возникшими под их влиянием, что связано с выделенным нами вторым уровнем западнославянского влияния на развитие керамического производства Северо-Западной Руси в первой половине X в. Напомним, что этот уровень характеризуется возникновением кера-

³ Данная форма горшков Старой Ладogi по уровню технологии изготовления (РФК-2) помещена в разряд первой группы раннегончарной керамики. Переплетения волн на данных сосудах не наблюдается.

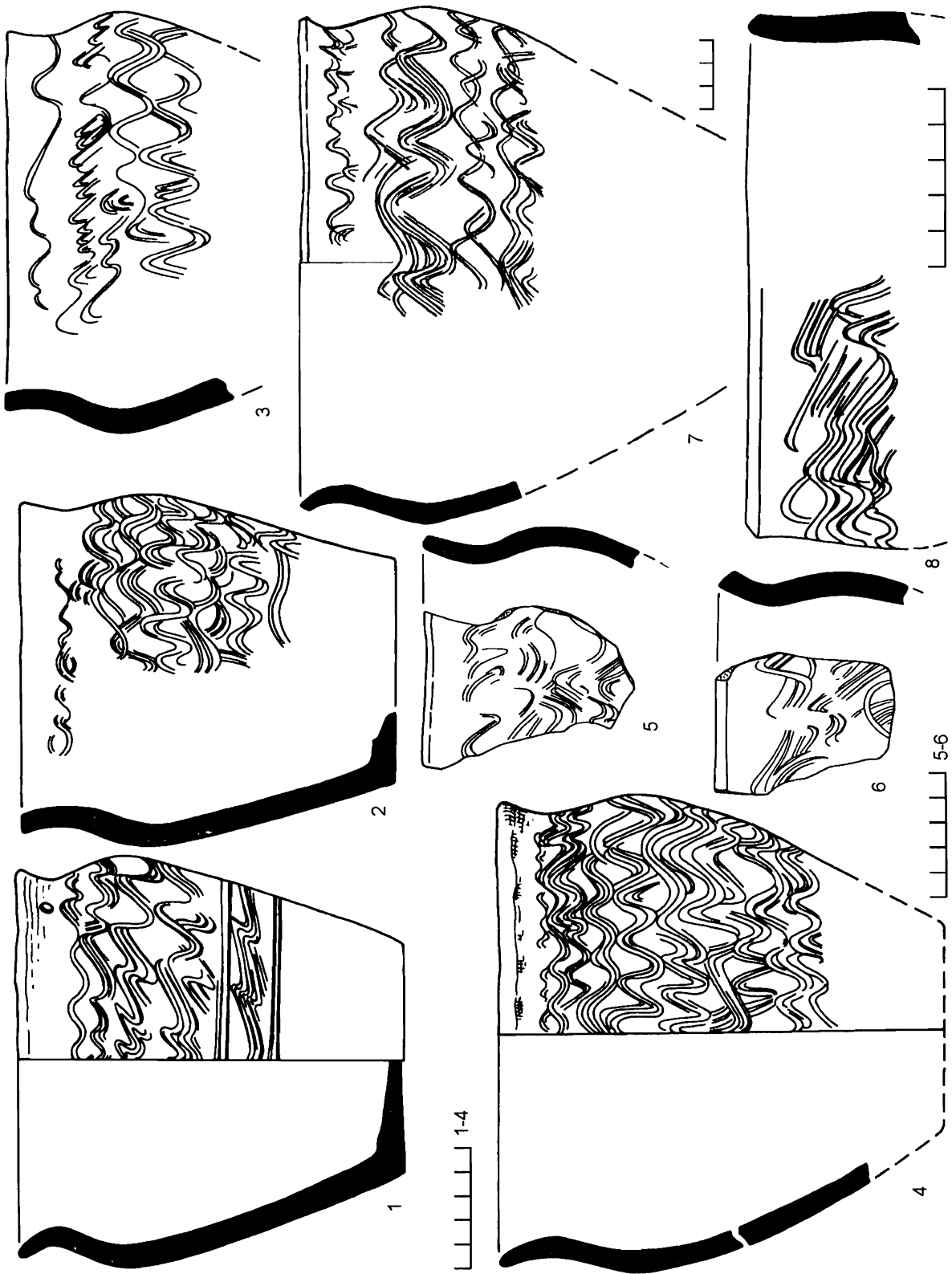

Рис. 2. Старая Ладога. Первая группа раннегончарной керамики (РФК-2)
 Fig. 2. Old Ladoga. First ceramic group of early wheel-made pottery

мических реплик и подражаний, тогда как первый уровень связан с проникновением на исследуемую территорию отдельных образцов импортной посуды (Горюнова, 2007. С. 66–71). Керамические импорты непосредственно из Фельдберга и Менкендорфа прослеживаются на материалах Рюрикова городища и Гнездилова (район Суздаля) в виде единичных экземпляров в период начала 20–начала 50-х годов X в. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 94–95, 248. Табл. 76; Горюнова, Лапшин, 2004. С. 56, 67–68)⁴. На Рюриковом городище, в культурных напластованиях того же времени, встречаются и отдельные фрагменты стенок сосудов с ярко выраженным западнославянским орнаментом (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, С. 94, 241, 248. Табл. 69, 2, 4, 5, 6; Табл. 76).

В силу малочисленности коллекций раннегончарной посуды, происходящей с памятников Северо-Западной Руси первой половины X в., в нашем распоряжении нет полного набора импортов соответствующих всем известным формам посуды с «путаной» волной. Все же возможно предположить, что такой набор существовал, и местные мастера были хорошо знакомы с кругом менкендорфских и фельдбергских форм. Если бы здесь работали приезжие мастера, то воспроизведение исходных образцов Менкендорфа и Фельдберга было бы более точным. Степень искажения определялась бы только особенностями местных глин и грубостью местных примесей⁵. В пользу производства данной группы керамики местными, древнерусскими мастерами свидетельствуют и особенности орнаментации: «путаная» волна не встречается на менкендорфских сосудах, найденных на основной территории их распространения. Лишь на редких экземплярах фельдбергской керамической группы можно проследить небрежное нанесение орнамента, которое приводило к переплетению многорядных волн, на что мы указывали выше. Эта редкость, безусловно, определялась более высокой скоростью вращения гончарного круга: редкие сбои в его вращении и приводили к небрежности в орнаментации. Но главное отличие

этих сосудов состоит в том, что местные мастера покрывали их «путаной» волной не менее, чем на две трети высоты. Для западнославянских горшков группы Фельдберг такое покрытие было не правилом, а исключением. На менкендорфской посуде орнаментация ниже плеча вообще не прослеживается.

Самым весомым аргументом в пользу создания первой группы раннегончарной керамики с «путанной» волной местными мастерами говорит преобладание среди ее форм S-видных сосудов, которые мало характерны для комплекса западнославянского происхождения. В типологической схеме, созданной Э. Шульдтом в 1981 г. для менкендорфской керамики оказываются характерными S-видные горшки (форма 3), но они морфологически не соответствуют староладожским формам сосудов. У менкендорфских сосудов наибольшее расширение тулова хотя и совпадает с его верхней третью, но оформлено оно чаще всего изломом или даже резко выраженным ребром (Schuldt, 1981. S. 17, 19. Abb. 5. Taf. 28, e). В противном случае это либо совершенно иная категория сосудов, представленная мисками (Schuldt, 1981. Taf. 32, b, c), либо сосуды имеют иные пропорции (Schuldt, 1981. Taf. 34, a). У староладожских S-видных форм с «путанной» волной нет морфологического соответствия с экземплярами, происходящими из коллекций, собранных на польских памятниках (Łosiński, Rogosz, 1986, S. 32. Ris. 4, IX, XIV–XVI). Близкие им по профилировке сосуды на западнославянских памятниках южного побережья Балтики встречаются крайне редко как исключения⁶.

Безусловно, горшки с «путаной» волной представляют собой попытку перехода от лепной техники к производству посуды на примитивном гончарном круге, но эта попытка так и не получила своего дальнейшего развития. Такая керамика не связана с трансформацией форм подобной посуды в технически более развитые S-видные горшки второй группы типа I-A и I-A-1, согласно предложенной нами классификации Рюрикова городи-

⁴ Подробнее методику выделения уровней западнославянского влияния на развитие керамического производства Северо-Западной Руси я характеризую в другой работе (Горюнова, 2007. С. 45). Там же говорится и об относительной условности этого термина. Эта условность связана с тем, что петрографический анализ природных глин и керамического теста нами не проводился. Если посуда и сделана из местных глин, но при этом во всех деталях точно повторяет западнославянские образцы, то следует предполагать, что ее изготовление не обошлось без участия западнославянских мастеров.

⁵ Именно такая особенность инноваций прослеживается на территории Швеции в X в., где внедрение раннегончарного круга в среду ручного керамического производства было связано с переселением западнославянских гончаров (об этом далее).

⁶ Так, среди материалов Гросс Радена можно указать всего три фрагмента сосудов с профилировкой, близкой S-видным сосудам Старой Ладого с широко раскрытым горлом, диаметр которого превышает диаметр дна почти в два раза (см.: Schuldt, 1981. S. 122, 131. Taf. 42, ee, dd; Taf. 51, s). При этом надо учесть, что этот памятник имеет одну из самых богатых керамических коллекций IX–X вв., к тому же наиболее полно опубликованную.

ща, которые возможно отнести к уровням РФК-2/ РФК-3 или РФК-3. Они то и составили начало типологического ряда раннегончарной керамики не только второй половины X в., но и всего последующего времени. Это произошло, во-первых, потому, что наряду с переходной группой, украшенной «путаной» волной, в быту уже использовались S-видные сосуды более высокого технологического уровня, соответствующего РФК-2/3 или РФК-3 (рис. 3). Во-вторых, присутствие таких горшков на Рюриковом городище зафиксировано в более ранних отложениях культурного слоя (*Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 113, Табл. 76; 127, 5, 6, 8; 128, 5*). Стоит предположить, что они, как и менкендорфские и фельдбергские сосуды, послужили образцом для подражания местным мастерам при создании примитивной гончарной керамики, украшенной «путаной» волной (ср. пропорции сосудов на рис. 2, 1, 2 и рис. 3, 6, 7; а также на рис. 2, 4, 7 и рис. 3, 1, 2).

Таким образом, сосуды S-видной профилировки, украшенные «путаной» волной, так же, как и остальные формы данной группы раннегончарной керамики северо-запада, суть результат проявления влияния раннегончарной посуды, правленной не на поворотном столике, а на ручном гончарном круге (рис. 3). Если большая часть форм такой посуды, украшенной «путаной» волной (горшки с вертикальным, коротким венчиком и слабопрофилированные сосуды с невыделенным или слегка отогнутым наружу венчиком, сосуды без выделенного венчика с плавным биконическим изломом в верхней трети тулова), а также горшки с легким ребром на середине высоты или в верхней трети, с коротким отогнутым наружу венчиком с прямым срезом, как было сказано выше, возникли, скорее всего, под комплексным воздействием фельдбергских и менкендорфских сосудов, то в отношении S-видных форм западнославянское влияние отнюдь не столь очевидно. С. В. Белецкий считает, что на материалах Пскова возможно проследить непрерывную линию развития от лепных форм к раннегончарным, признавая, таким образом, местную линию развития раннегончарных S-видных сосудов (*Белецкий, 1981. С. 55. Рис. 1, б*). На мой взгляд, данное утверждение небесспорно, так как материал ограничен единичными фрагментами и происходит из переотложенных слоев. Не исключено, что в Пскове, так же как и в Старой Ладоге, мы имеем дело с параллельным существованием форм разных технологических уровней – РФК-2 и РФК-2/3-РФК-3.

Появление S-видных горшков в комплексе лепной посуды северо-западных древнерусских ран-

негородских центров в начале X в., скорее всего, связано с инновационными процессами в области технологии керамического производства. Определить истоки данного явления в настоящее время затруднительно в силу ограниченности материала. Для первой половины X в. мы пока располагаем единичными экземплярами полного профиля той формы, о которой идет речь (S-видный горшок уровня РФК-2/3 или РФК-3). Некоторые экземпляры этой посуды (рис. 3, 4, 5) имеют профилировку, которая свойственна отдельным вариантам посуды южнорусских земель Правобережья Днепра и юго-запада древней Руси (*Малеvская-Малеvич, 2005. С. 32, 127, 140–141. Рис. 8, 5; 57, 2, 5*). Но в отличие от южнорусской посуды, большая часть S-видных горшков Северо-Западной Руси имеет призмистые пропорции (рис. 3, 1, 6, 7), а на некоторых из этих сосудов прослеживаются орнаментальные мотивы, несвойственные южным регионам (рис. 3, 1, 2, 5).

Для решения проблемы происхождения истоков технологических инноваций в гончарном производстве большое значение принадлежит анализу керамического материала по методике А. А. Бобринского, особенно той ее части, которая касается выявления способов конструирования начинов. В отношении материалов Городка на Ловати мне уже приходилось высказывать сомнения о местном возникновении раннегончарного круга. Главной причиной такого сомнения были разные способы конструирования начинов для лепных и раннегончарных сосудов данного памятника. Для первой категории сосудов это был донно-емкостный, а для второй – донный монолитный способ (*Горюнова, 1994. С. 70–72. Рис. 4, 5*). В Новгороде для раннегончарной посуды также применялся донный начин в двух его вариантах: монолитный и монолитный емкостный (*Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 97–98*). И хотя, как нам казалось, наблюдения Г. П. Смирновой позволяют предположить наличие донного монолитного начина для некоторых лепных сосудов Новгорода (*Смирнова, 1976. С. 3*), все же полной уверенности в том, что лепная посуда конструировалась здесь так же, как и раннегончарная, у нас нет. Чтобы прийти к исчерпывающим выводам, касающимся связи раннегончарной посуды уровня РФК-2/3 и РФК-3 с лепными формами и формами уровня РФК-2 (группа посуды, украшенная «путаной» волной), следует провести комплексный анализ материала нескольких памятников не только Северо-Запада, но тех регионов, где предполагается вести поиски предшественников S-видного горшка более высо-

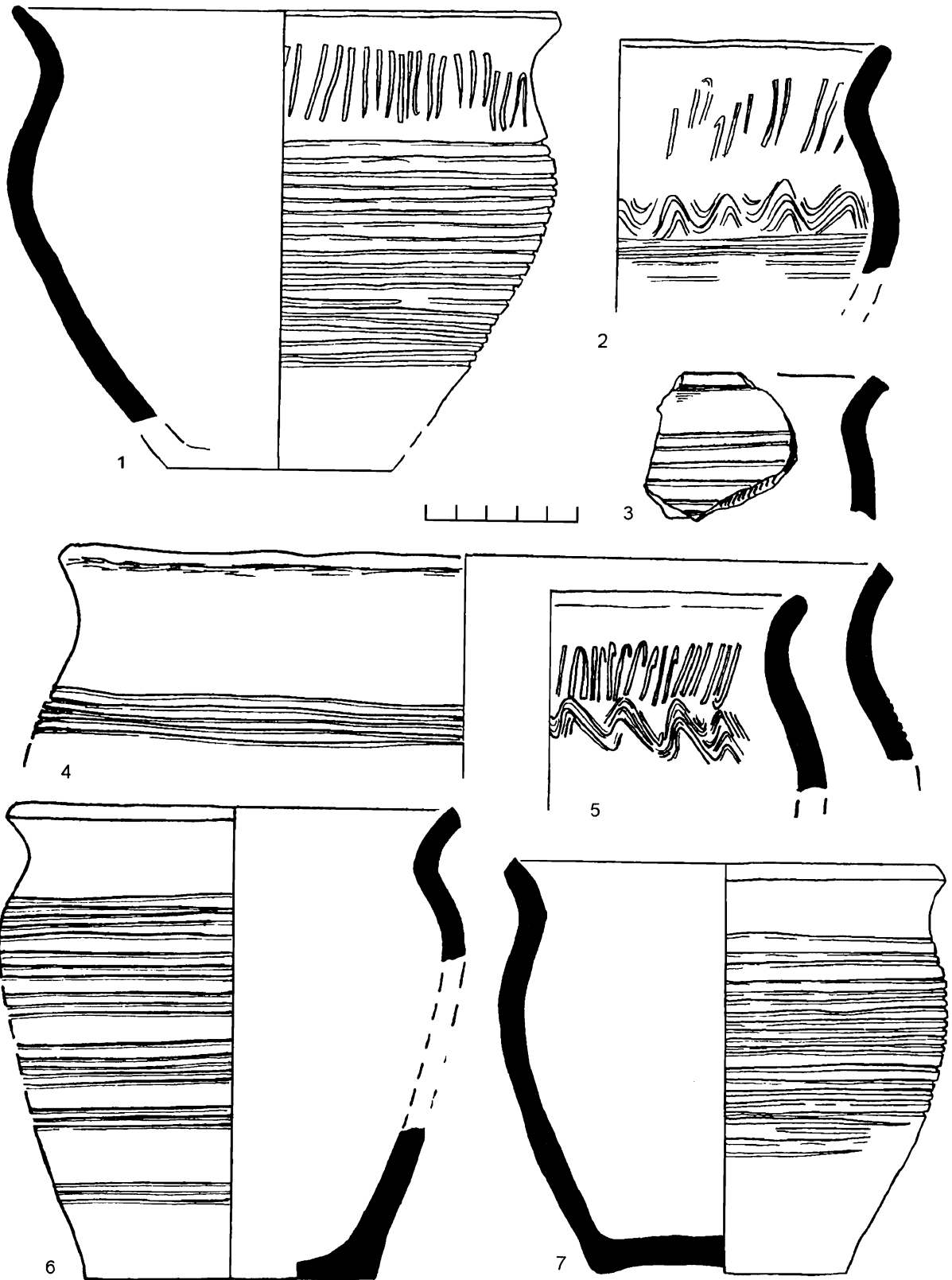

Рис. 3. Раннегончарная керамика (РФК-2/РФК-3, РФК-3). 1-5, 7 - Рюриково городище; 6 - Старая Ладога
 Fig. 3. Early wheel-made pottery. 1-5, 7 - Rurik Gorodishche; 6 - Old Ladoga

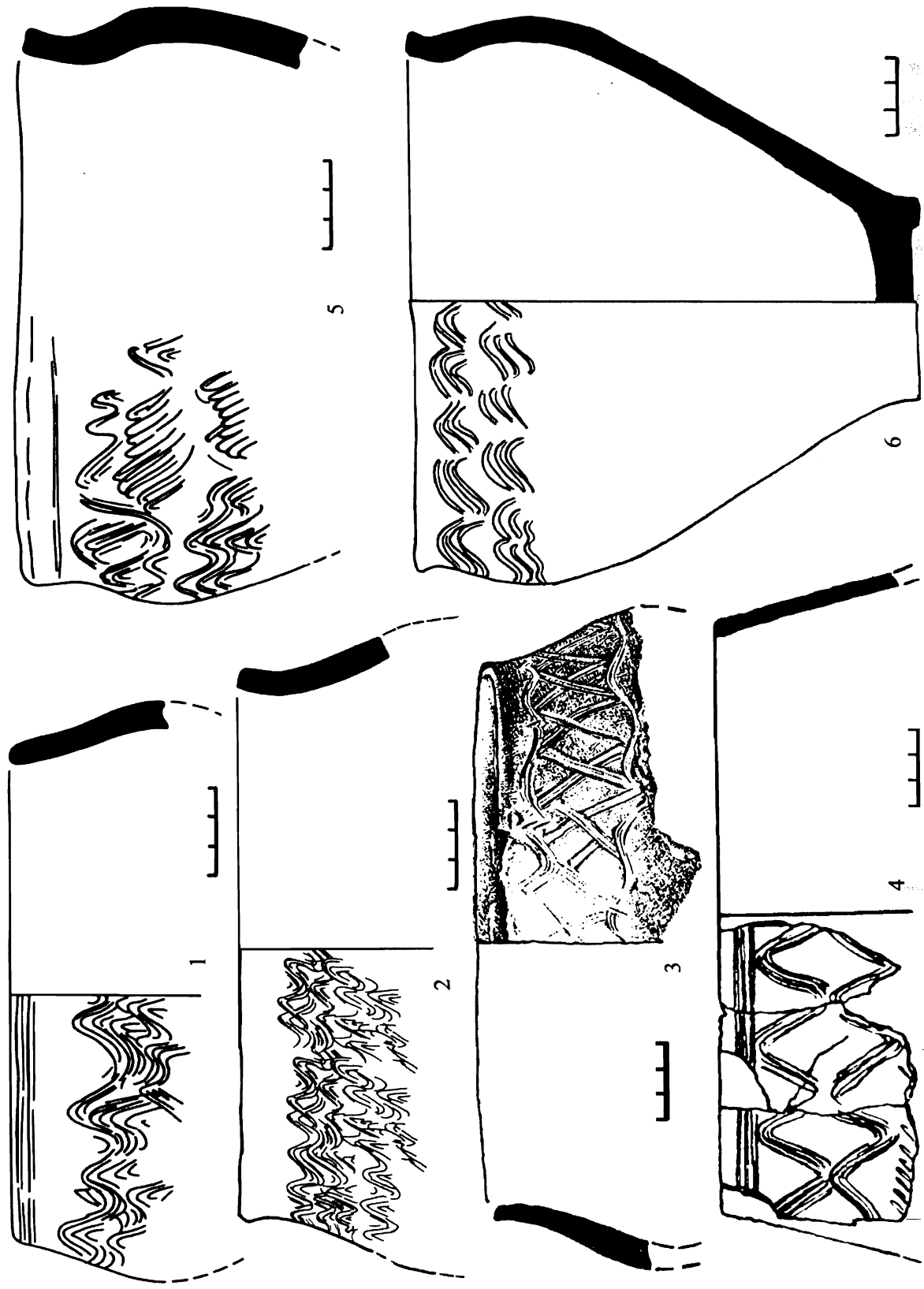

Рис. 4. Раннегончарная керамика. 1, 2, 5 – Рюриково городище; 3 – Гросс-Раден (Германия); 4 – Колобжег; 6 – Голаншч (Польша)
 Fig. 4. Early wheel-made pottery. 1, 2, 5 – Rurik Gorodishche; 3 – Gross-Raden (Germany); 4 – Kołobrzeg; 6 – Gotaccz (Poland)

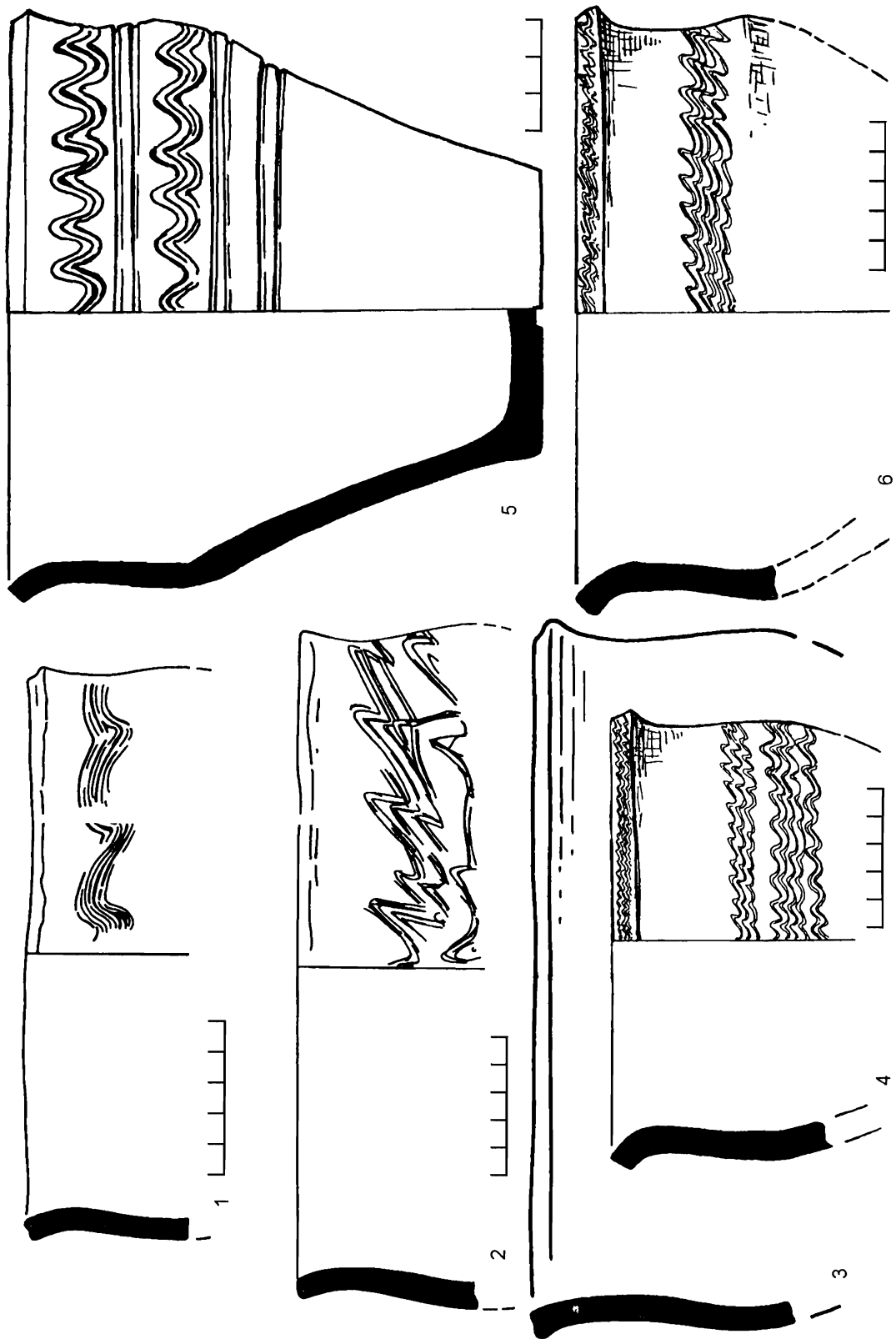

Рис. 5. Раннегончарная керамика. 1 – Лозино (Польша); 2 – Рюриково городище; 3 – Потенгово (Польша); 4, 6 – Старая Ладога; 5 – Колобжег (Польша)
 Fig. 5. Early wheel-made pottery. 1 – Josino (Poland); 2 – Rurik's Gorodishche; 3 – Pot'Nngovo (Poland); 4, 6 – Old Ladoga; 5 – Kołobrzeg (Poland)

ких уровней развития гончарного круга, руководствуясь методикой А. А. Бобринского.

В этой связи небезынтересно сравнить результаты наблюдений за аналогичными процессами внедрения чужеродной западнославянской продукции в среду ручного керамического производства северной Балтики. Из всех западнославянских импортов наиболее ранними являются сосуды фельдбергского типа, большая часть которых сосредоточена в погребениях и на поселении Бирки («Schwarze Erde») (рис. 6, 2). Они попадали в культурную среду, лишенную каких-либо признаков применения гончарного круга. В Бирке эти сосуды часто встречаются в погребениях, которые не имеют датирующих вещей (*Arbman*, 1940. Taf. 234, 4; 235, 4; № 33, 213, 420). Комплексы погребений № 456 и № 326, которые имеют датирующий инвентарь, в основном представленный бусами и гребнями типов А-2 и В1-2 по К. Амброзиани, позволяют отнести самое раннее пребывание керамики типа Фельдберг в Бирке ко второй половине IX в. (*Ambrosiani*, 1984. S. 164, 170), а самое позднее время бытования – к первой половине X в., что явствует из типа погребального сооружения (камерная могила № 1081) и овальной фибулы типа JP-51-B (*Jansson*, 1985. S. 177–186). Особый статус Бирки как политического и торгового центра способствовал постоянному притоку сюда западнославянской раннегончарной посуды. В конце IX в. и на протяжении всего X в. на смену фельдбергскому типу здесь приходят сосуды менкендорфского (погребения № 79-А, 91, 445, 598: *Arbman*, 1940. Taf. 229, 2; 236, 1–3), гросс-раденского (погребения №№ 606, 824, 917, 1139: *Arbman*, 1940. Taf. 229, 1; 237, 4, 7; 250, 2) и фрезендорфского типов (погребения № 394, 404 492, 599: *Arbman*, 1940. Taf. 230, 1–3; 231, 1, 4).

Из всех вышеперечисленных погребений датировать можно лишь три комплекса. Погребение № 599 с фрезендорфской керамикой может быть датировано по находке в нем овальных и равноплечной фибул второй половиной IX в.⁷ Погребение № 917 с гросс-раденским сосудом и гребнем типа В1: 2 по К. Амброзиани также могло существовать во второй половине IX в., но более вероятно его датировка X в. (*Ambrosiani*, 1984. S. 171–172). Погребение № 917 с большим сосудом для хранения зерна гросс-раденского типа относится к первой половине X в., поскольку здесь найдена фибулы типа JP-42 (*Jansson*, 1985. S. 177–186). К X в. принадлежит и детское погребение № 91 с менкен-

дорфским сосудом и колокольчиком с крестообразной прорезью (*Gräslund*, 1984. S. 122).

В керамической коллекции поселения Бирки («Schwarze Erde») достаточно заметное место занимает не только фельдбергская посуда (рис. 6, 2; *Selling*, 1955. Taf. 14, 1; 16, 2; 21, 2, 11; 27, 3; 29, 5, 10), но и другие западнославянские формы (рис. 6, 3; *Selling*, 1955. Taf. 9, 7; 17, 1–4). На других поселениях Северной Балтики фельдбергские сосуды представлены ничтожно малым числом незначительных фрагментов. Так обстоит дело в Леддечепинге, Хельго и Сендбю (Швеция) (*Brather*, 1996. Taf. 39). В Эхус-Трансваль (Швеция) (рис. 6, 4, 5) встречаются фельдбергско-менкендорфские гибридные формы, сформировавшиеся на западнославянской территории в районе Хафеля – Шпрее, где они преобладают над типичными фельдбергскими сосудами (*Grebe*, 1976. S. 7–54; *Brather*, 1996. Taf. 5, 2, 5, 12). Такие сосуды можно сопоставить с некоторыми менкендорфскими формами, например, из Гросс-Радена (*Schuldt*, 1981. Taf. 27, f; 42, z, aa; 44, c; 45, p; 55, p). К такому же гибриднему типу можно отнести и сосуд из сожжения в ладье под курганом № 911 могильника Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 236, 7).

Присутствие в Бирке значительного числа западнославянской керамики и, прежде всего, сосудов типа Фельдберг, сказалось в первую очередь на облике лепной посуды местных форм. На кумпфах – приземистых баночных сосудах с загнутыми внутрь венчиками (погребения № 195, 404: *Arbman*, 1940. Taf. 248, 1, 2), баночных сосудах (погребение № 99: *Arbman*, 1940. Taf. 251, 1; «Schwarze Erde» – *Selling*, 1955. Taf. 22, 2) и выпуклобоких S-видных горшках (погребение № 308: *Arbman*, 1940. Taf. 250, 6), бытовавших на территории Швеции еще с эпохи переселения народов, в это время появляется волнистый, нередко многорядный, орнамент (рис. 7, 3, 4; 8, 1; 10, 3). Найденные в этих комплексах баночный горшок может быть датирован по монетным находкам второй половиной IX в., кумпфы – X в. благодаря находке гребня типа В-2 по К. Амброзиани в погребении № 195 (*Ambrosiani*, 1984. S. 169–170), выпуклобокий S-видный горшок из погребения № 308 – также X в., поскольку он найден вместе с гривной с молоточками Тора (*Selling*, 1955. S. 187; *Ström*, 1984. S. 135).

Появляется западнославянская орнаментация и на сосудах, близких по характеру своей профилировки к керамике типа длинных курганов (рис. 7, 1, 2; 8, 2, 4; погребения № 111b, 214, 306A, 322-?, 376B: *Arbman*, 1940. Taf. 24, 1–5). Время бы-

⁷ Благодарю профессора И. Янссона за любезную устную консультацию.

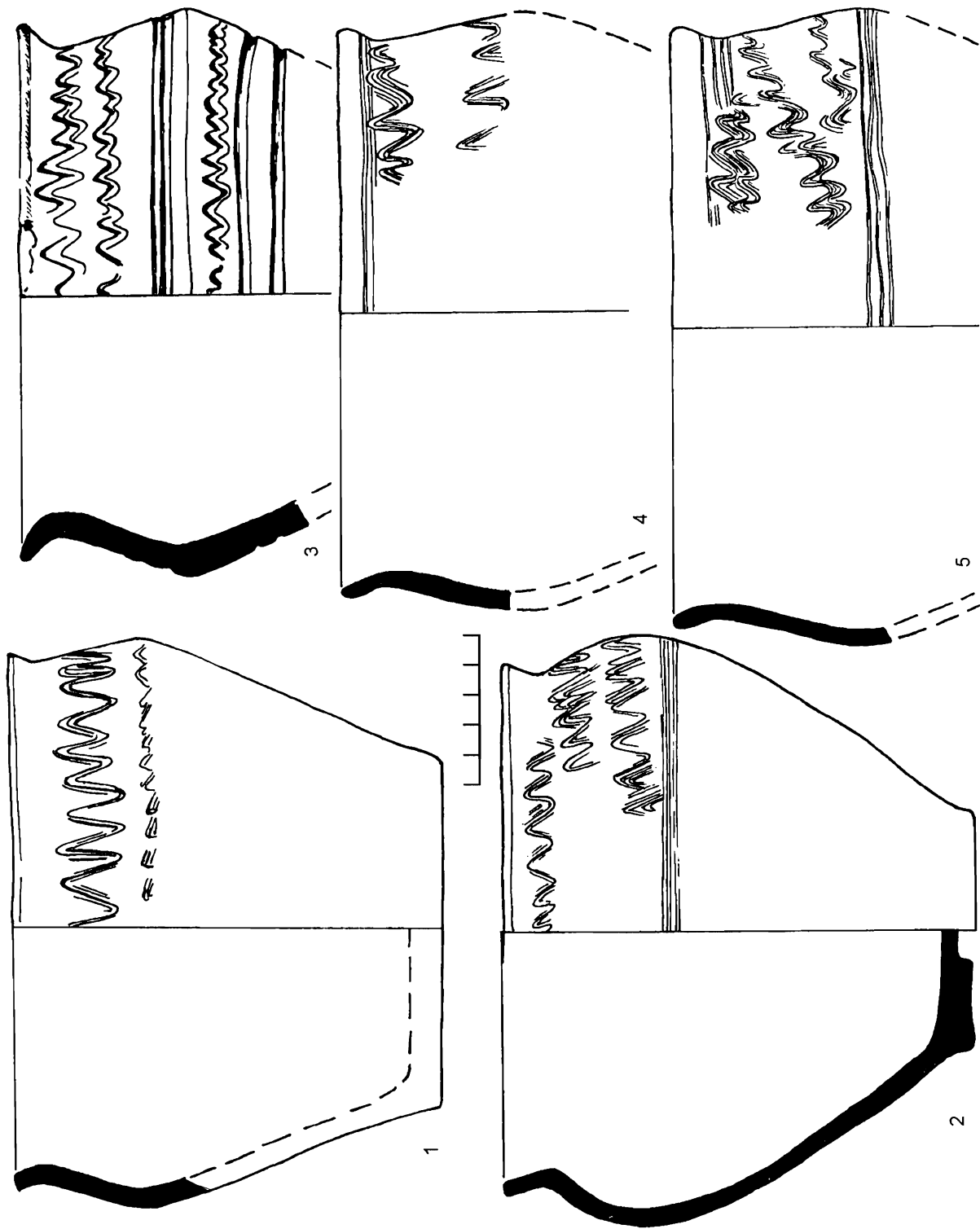

Рис. 6. Раннегончарная керамика. 1 – Бирка, погребение № 104; 2-3 – «Schwarzte Erde»; 4-5 – Эхус-Трансвалль (Швеция)
 Fig. 6. Early wheel-made pottery. 1 – Birka: grave 104; 2-3 – «Schwarzte Erde»; 4-5 – Ehus-Transval (Sweden)

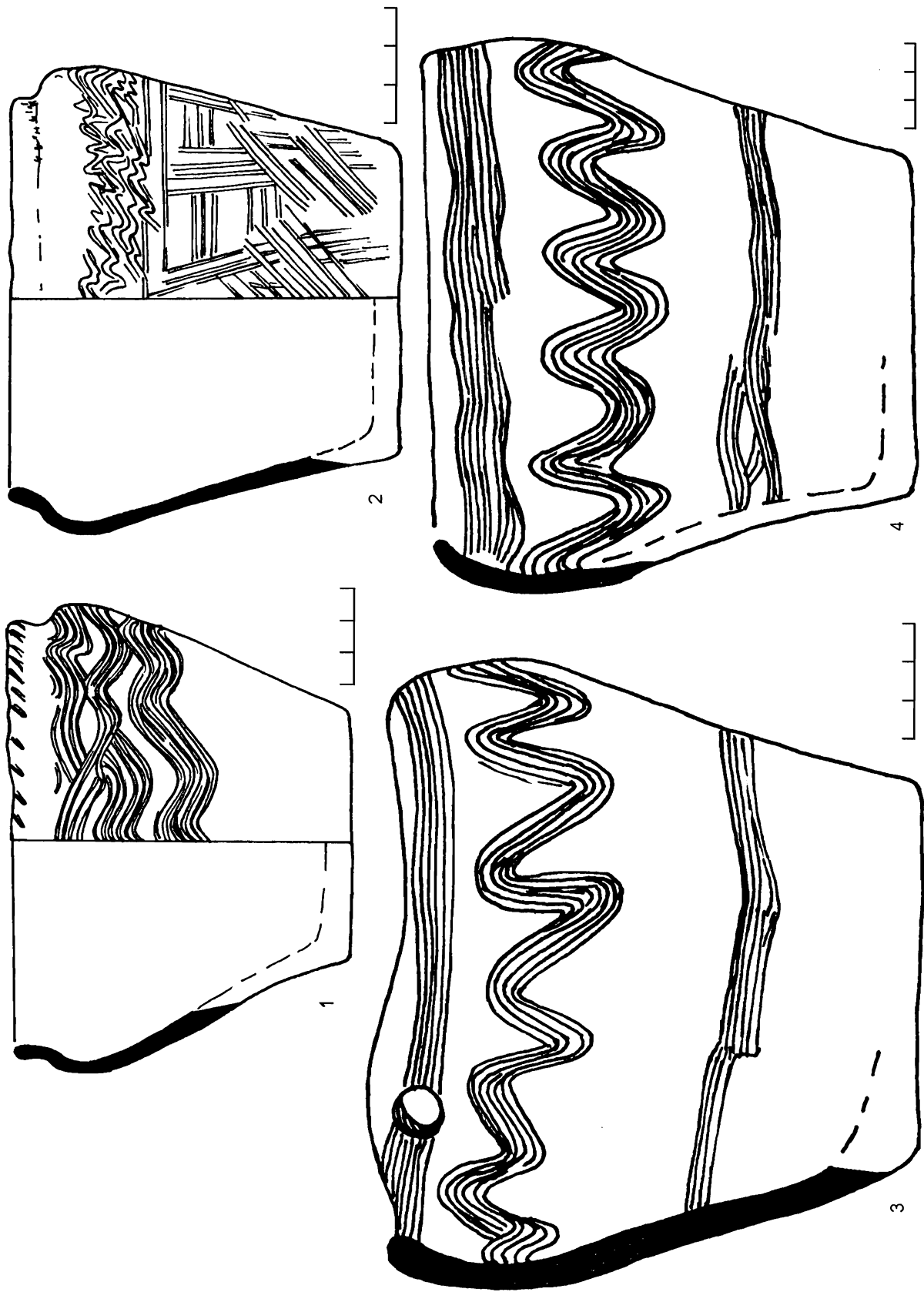

Рис. 7. Раннегончарная керамика. 1 – Бирка: погребение № 306а; 2 – там же, погребение № 322(?); там же, погребение № 404; 4 – там же, погребение № 195

Fig. 7. Early wheel-made pottery. 1 – Birka: grave 306; 2 – grave 322; 3 – grave 404; 4 – grave 195

тования подобных сосудов – X в., а точнее, вторая половина X в., определяется по комплексам погребения № 214 (две овальных скорлупообразных фибулы типа JP-37 – с IX в.; гребни типа В1: 2 и В3 – X в.), а также погребения № 306А, благодаря овальной фибуле типа JP-51 X в. и бусам типа Е-081 и Е-090, встречающимся на протяжении 950–980 гг. (*Jansson*, 1985. С. 204; *Calmer*, 1977. Р. 77, 224; *Ambrosiani*, 1984. С. 169–170). Дополнительные основания для датировки дает тот факт, что погребение № 306А перекрыло погребение № 306В с дирхемами 939/940 гг. Список найденных в Бирке лепных сосудов, украшенных западнославянской волной, можно продолжить. Такая керамика встречается в погребениях №№ 411, 639, 888, 1139 (*Arbman*, 1940. Taf. 242, 1, 4; 249, 10; 250, 1, 4; 252, 12) (рис. 6). Подобное копирование волнистой орнаментации можно проследить и на провинциальных памятниках рядовых могильников Средней Швеции (рис. 8, 3; *Selling*, 1955. Taf. 47, 8; 46, 2).

Итак, процесс копирования и переноса волнистой орнаментации, а в одном случае и типичной менкендорфской городчатой орнаментации (см.: рис. 7, 2) с западнославянской посуды на местную лепную достиг своего пика в X в. Такое подражание приемам орнаментации более высокотехнологичных образцов – закономерное явление, которое прослеживается в разное время на разных территориях при внедрении высокотехнологичной продукции в производственную среду более низкого технологического уровня. Например, подобные процессы мы можем проследить и на поселении Каупанг (Вестфолл, Норвегия).

Время функционирования этого поселения укладывается в пределы одного столетия (IX в.). Основу керамической коллекции Каупанга составляют типичные местные северо-норвежские и общегерманские формы лепной посуды – баночные кумпфообразные и округлобокие приземистые с коротким отогнутым наружу венчиком горшки (*Hougen*, 1993. Pl. 11–14, 16–19). Наряду с амфороподобными гончарными сосудами бадорфского типа рейнского происхождения, которые на север Европы поступали во второй половине IX в. (*Hougen*, 1993. Pl. 2–5), значительная часть импорта принадлежит посуде фельдбергского и раннего фрезендорфского типа (*Hougen*, 1993. Pl. 10, 15, 5). При этом так же как и в Бирке, мы можем на-

блюдать перенос линейно-волнистой орнаментации фельдбергских сосудов на лепную посуду типично местной профилировки. В качестве примера можно привести горшок из кургана X в. могильника Северный Каупанг (рис. 10, 1 – реконструкция по фото). Сосуд ручной работы по технологии изготовления и профилировке является типично местным (ср.: рис. 10, 1 и 10, 2, 3; см. также: *Hougen*, 1993. Pl. 10; 15, 5), но венчик, все тулово и даже дно у него покрыты волнисто-линейным орнаментом, типичным для славянской посуды (*Россия–Норвегия...*, 2004. С. 290. № 46. С4425, а–b, фото)⁸.

Такое явление, сочетающее разнородные профилировку и орнаментацию, на памятниках Северной Руси практически не прослеживается. Известны всего несколько лепных сосудов, на которых были нанесены зигзагообразные орнаменты – корявое подобие волнистой орнаментики раннегончарных сосудов (*Носов, Горюнова, Плехов*, 2005. Табл. 52, 2). В Гнездилово, в отличие от Старой Ладogi и Рюрикова городища, присутствие фельдбергских и менкендорфских форм не вызвало подражаний⁹. На памятнике прослежен всего один случай применения волнистой орнаментации при изготовлении лепной посуды. Лепной горшок с пальцевыми вдавлениями под краем венчика, украшенный грубой нерегулярной волной, нанесенной палочкой в три ряда, найден в материковой яме, заполнение которой датировано находкой гребня и раннегончарного сосуда второй половиной X в. (*Лапшин*, 1989. С. 67. Рис. 1, 13; *Горюнова, Лапшин*, 2004. С. 56, 68).

Такая ситуация объясняется, на наш взгляд, достаточно просто. Объемы поступления импортной керамики на Север и на Восток были совершенно не сопоставимы. В первой половине X в. на Руси сосуды западнославянского происхождения были крайне редким явлением. В тоже время, эти редкие формы стимулировали процесс создания реплик и копий, достаточно близких к западнославянским образцам. Этот процесс был настолько интенсивным, что привел к созданию хронологически значимой группы посуды, которая, существуя лишь короткий промежуток времени, в какой-то мере удовлетворила растущую потребность в технически более совершенной посуде.

⁸ Авторы публикации, основываясь лишь на орнаментации, считают данный сосуд западнославянским. Такое определение вызывает сомнения. Во-первых, не учтена технология изготовления (он лепной), во-вторых, его профилировка совершенно не свойственна западнославянским формам.

⁹ Правда, отсутствие подражательных форм второй стадии развития гончарного круга можно объяснить и фрагментарностью керамической коллекции.

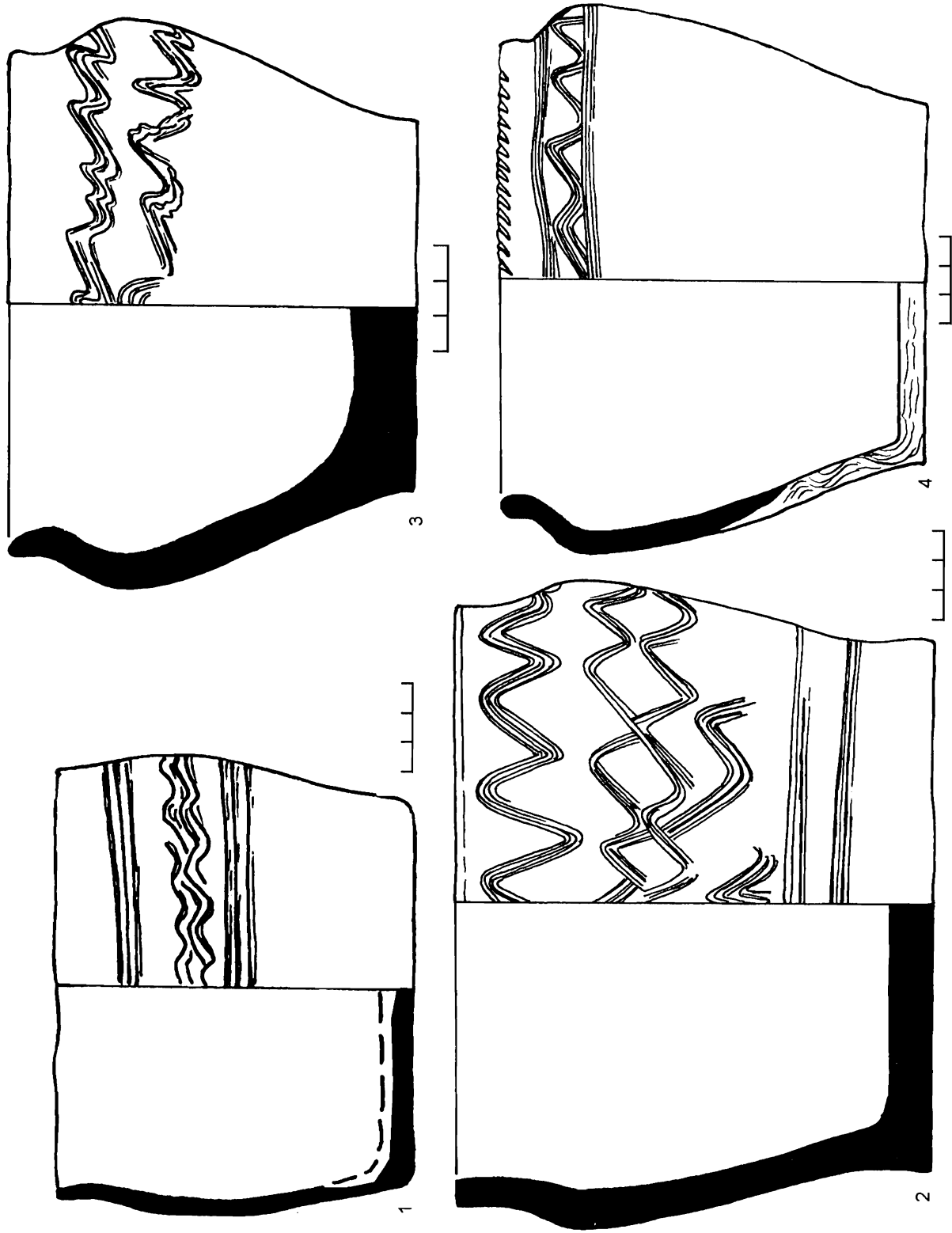

Рис. 8. Раннегончарная керамика. 1 – Бирка: погребение № 99; 2 – там же, погребение № 376В; 3 – Ромфартуна (Швеция); 4 – Бирка, погребение № 111 В

Fig. 8. Early wheel-made pottery. 1 – Birka: grave 99; 2 – grave 376В; 3 – Romfartuna (Sweden); 4 – Birka grave 111 В

В отличие от Старой Ладogi и Рюрикова городища в Бирке не возникло цельной, компактной группы подобных сосудов. Воздействие привозной раннегончарной посуды на производство лепной керамики наиболее ярко проявилось, пожалуй, только в переносе на местные лепные сосуды фельдбергской (волнистой) и, реже, менкендорфской (городчатой) орнаментации.

Несмотря на более раннее (IX в.) появление керамики типа Фельдберг в Скандинавии, реплики и подражания привозным западнославянским формам в Бирке возникали достаточно редко. Реакция на появление раннегончарной посуды в виде местных подражаний проявилась здесь с большим запозданием, практически, в то же время, что и на Руси, в X в. К этому разряду керамики можно отнести не более семи форм из всей обширной раннегончарной коллекции этого памятника. Это два сосуда из погребений № 612 и 617 (*Arbman*, 1940. Taf. 235, 3; 254, 2). Исследователи обычно помещают их в разряд фельдбергской керамики, отмечая при этом, что они не имеют классической профилировки (*Brather*, 1996. S. 147; Tabl. 38, 4). Дело, однако, заключается не только в профилировке. Эти сосуды изготовлены из грубого теста, имеют несколько искаженные пропорции, неявно выраженную «путаную» орнаментацию (рис. 9, 3, 4). Если погребение № 617 не содержало датирующих вещей (*Arbman*, 1943. S. 203), то погребение № 612 хорошо датируется X в. как по находке так называемой *Bugelfibeln* (*Arhenius*, 1984. S. 43–44), так и по самому типу погребения (Д-1 по Г. С. Лебедеву: *Лебедев*, 1977. С. 29). Из двух фрагментов керамики, которые происходят из разных погребений – № 1138 и № 64, исследователями был реконструирован сосуд, представляющий собой искаженную копию горшка типа Фельдберг, украшенного нехарактерным для этого типа городчатым орнаментом (рис. 9, 1; *Arbman*, 1940. Taf. 253, 7, 8). Одно из этих погребений совершено по обряду трупосожжения и содержит большое количество бус разных периодов X в. – от 895–915 гг. до 960–980 гг. (типы В-316, В-324: *Calmer*, 1977. P. 77, 221–222). Скорее всего, этот горшок относился к более раннему, разрушенному погребению. В погребении № 74 с бедным инвентарем, не поддающимся датировке, присутствует сосуд, который можно лишь с большой натяжкой назвать искаженным горшком фельдбергского типа. Он, скорее всего, представляет собой продукт творчества местного мастера, пытавшегося создать лепное подражание керамике типа Фельдберг и украсить его волнистым орнаментом (ср.: *Arbman*, 1940. Taf. 236, 4; 240, 5). Наконец, среди керамического материала

поселения Бирки выделяется не более трех фрагментов сосудов, которые можно считать копиями менкендорфской посуды (рис. 9, 2, 5; *Selling*, 1955. Taf. 22, 1–3).

Обращает на себя внимание большая близость, если не полное соответствие, рассмотренной выше посуды из Бирки староладожским и городищенским формам керамики, украшенной «путаной» волной (ср.: рис. 1, 2 и рис. 9, 2–5). Отметим, что фрагменты сосудов из «Schwarze Erde» также украшены «путаной» волной. И в Бирке и на Руси подобная керамика бытовала в пределах X в. Если учесть, что в Бирке подражания западнославянским образцам встречаются крайне редко, и такие подражания весьма близки подобной группе посуды из Старой Ладogi и Рюрикова городища, то вполне правомерно связывать их происхождение с этими поселенческими центрами Северо-Западной Руси. Реальность данного предположения подтверждается присутствием в Бирке керамики «ладожского» типа, которая в первой половине X в. составляла основу керамического комплекса как Рюрикова городища, так и Старой Ладogi (*Плохов*, 2002. С. 144–159).

Изучение разломов фрагментированных придонных частей раннегончарных и лепных сосудов Бирки и некоторых других памятников Средней Швеции позволило нам сделать предварительные заключения по поводу способов их конструирования. Так, для местной лепной посуды самых различных типов (кумпфы, банки; погребение № 906 могильника Бирка: *Arbman*, 1940. Taf. 285, 8; горшки типа длинных курганов; погребение № 744 того же могильника: *Arbman*, 1940. Taf. 285, 9) характерен донно-емкостный начин, иногда сопровождавшийся сильной выколоткой (рис. 8, 4). На привозной раннегончарной посуде фельдбергского (погребения № 456, 33: *Arbman*, 1940. Taf. 288, 8, 10), фрезендорфского (погребения № 404, 394: *Arbman*, 1940. Taf. 256, 8, 10) типов, а также у S-видных горшков (погребения № 86,735: *Arbman*, 1940. Taf. 189, 6, 10) прослежен донный начин. Особо следует отметить, что сосуд, полностью аналогичный староладожским и городищенским формам с вертикальным венчиком и украшенный «путаной» волной, лепили с донным начином (рис. 9, 3). Такой же начин применялся и при лепке менкендорфско-фельдбергского «гибридного» сосуда, найденного в погребении № 911 (*Arbman*, 1940. Taf. 236, 7). Следовательно, даже в случае искажения исходных форм сохранялся «материнский» прием начальной стадии конструирования горшка.

Таким образом, картина в распределении разных видов начина на материалах Бирки в полной

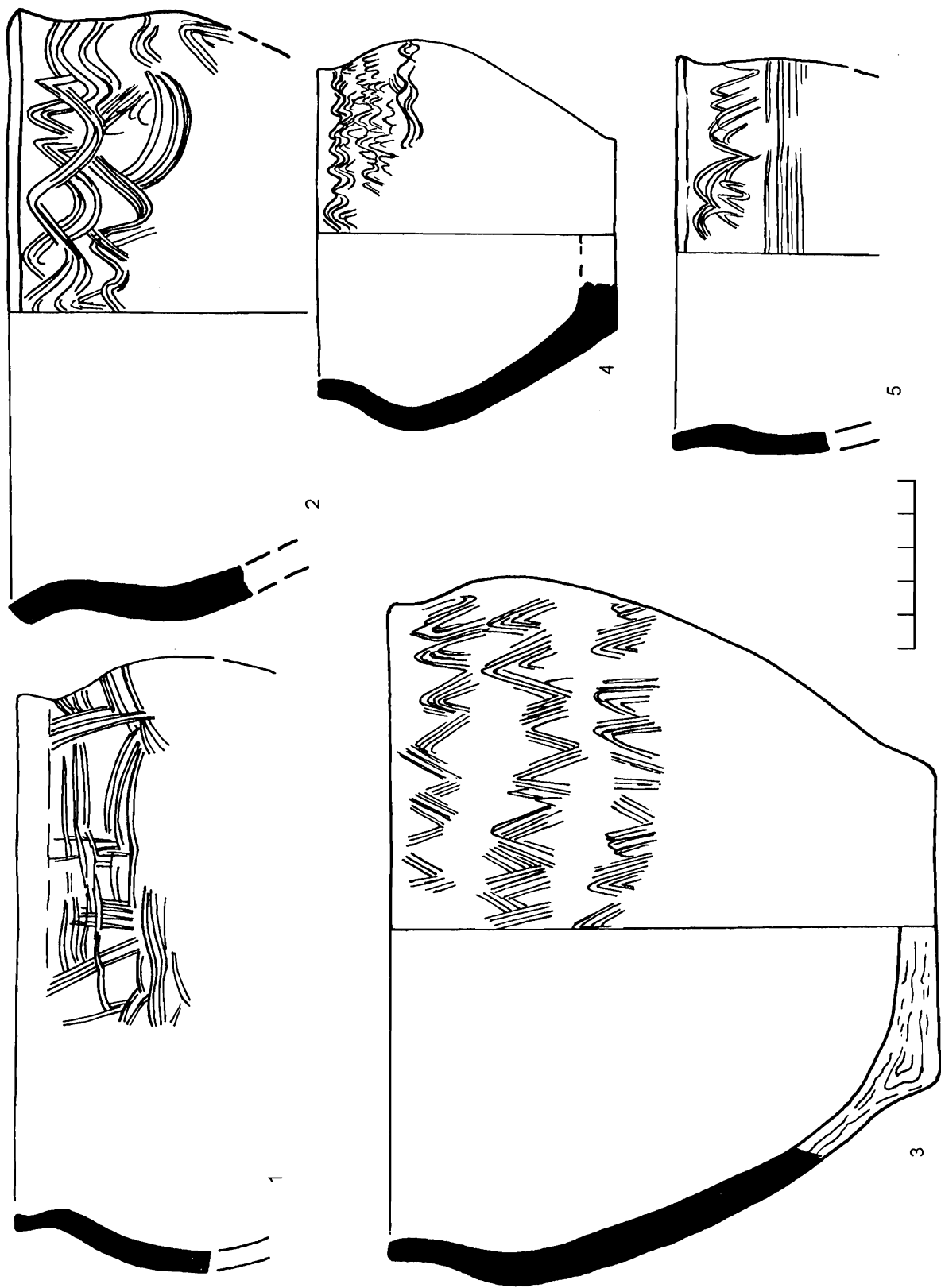

Рис. 9. Раннегончарная керамика. 1 – Бирка: погребения № 1138 и № 64; 2, 5 – «Schwarze Erde»; 3 – Бирка, погребение № 612; 4 – там же, погребение № 617.
 Fig. 9. Early wheel-made pottery. 1 – Birka: grave 1138 and 64; 2, 5 – «Schwarze Erde»; 3 – Birka:grave 612; 4 – grave 617

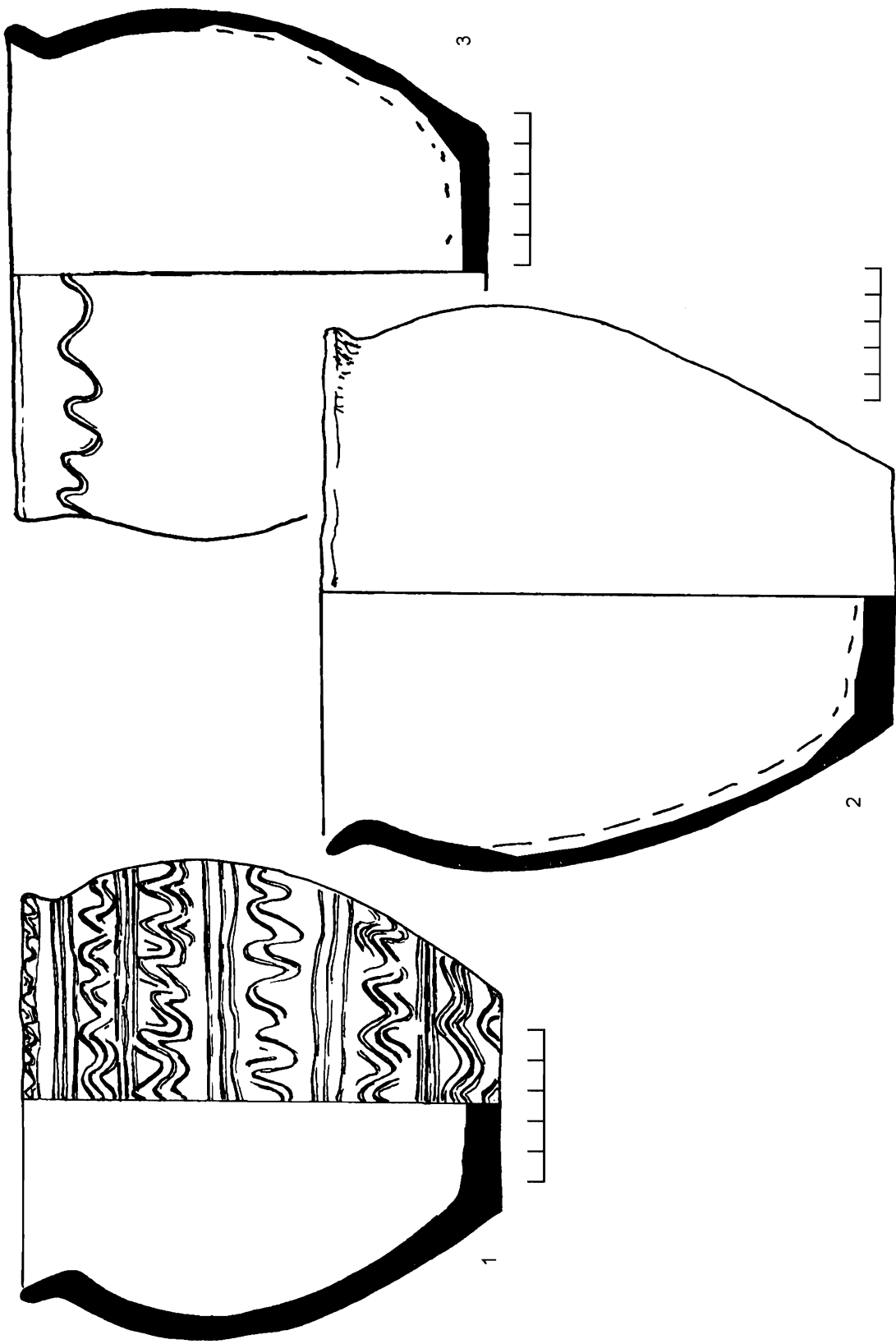

Рис. 10. Раннегончарная керамика. 1 – Кауланг; 2 – Бирка; погребение № 908; 3 – там же, погребение № 308.
 Fig. 10. Early wheel-made pottery. 1 – Birka, grave 908; 2 – Birka, grave 908; 3 – grave 308

мере совпадает с тем, что можно наблюдать на примере материалов Городка на Ловати: донно-емкостный начин характерен для лепной посуды и донный монолитный начин – для раннегончарных сосудов. Не исключено, что при проведении более полного исследования материалов Бирки и погребальных комплексов местных общин, с привлечением, например, аналогий среди финских и прибалтийских лепных сосудов, картина усложнится, и число приемов конструирования начинов увеличится. Но очевидно, что первая попытка применения методики А. А. Бобринского к изучению северной керамики дала обнадеживающий результат.

Гораздо более информативными оказались исследования минералогического состава глиняного теста, которое применялось для изготовления различных групп керамической посуды, найденной на поселении и в погребениях могильника Бирки (*Hulthen*, 1984. S. 256, 261. Tab. 33). Две рецептуры глиняной массы оказались связаны с привозной посудой типа Фельдберг (погребения № 33, 456, 366: *Selling*, 1955. Taf. 28, 1, 2; 27, 2; «Schwarze Erde» – *Selling*, 1955. Taf. 21, 9, 11; 29, 5, 8). Существовали и рецептуры глиняного теста, которые применялись мастерами вне основного поселенческого центра для лепки сосудов местных форм (погребения № 308, 404: *Selling*, 1955. Taf. 51, 4; 53, 1). И, наконец, был выделен тип глиняного теста, который использовали мастера, работавшие в Бирке или в непосредственной близости от нее. Самое примечательное, что из такого теста, без искажений, свойственных неопытным мастерам, были изготовлены менкендорфский (рис. 6, 1; погребение № 104; *Selling*, 1955. Taf. 10, 6) и фрезендорфские (погребение № 492; *Selling*, 1955. Taf. 15, 2, 3; 58, 7) сосуды. Учитывая выводы шведской исследовательницы, можно утверждать, что в Бирке работали именно приезжие гончары, которые могли, не искажая, как это было в случае с сосудами из погребений № 104 и № 492, воспроизводить типологически точный западнославянский образец посуды. Данный факт свидетельствует о начале профессионального гончарного производства керамики в Бирке. Комплексы погребений позволяют установить время этого события – не позже середины X в., поскольку погребение № 104 по совокупности материала (красные пастовые бусы, гребень типа B1: 3 по К. Амброзиани) датируется X в. (*Ambrosiani*, 1984. S. 165, 170), а фрезендорфский сосуд был найден в заполнении могильной ямы с труположением, которое датируется

по набору бус второй половиной X в. (тип E-002 или E-021: *Calmer*, 1977. P. 77, 223; Colour Pl. III). Наблюдения за особенностями техники конструирования сосудов и минералогические исследования позволяют получить совершенно объективные критерии для выделения различных по своему происхождению групп керамики в таких сложных в социально-экономическом плане образованиях, каковыми были раннегородские торгово-ремесленные поселения.

Сравнительный анализ начального этапа становления гончарного производства в раннегородских центрах Северо-Западной Руси и северной Балтики (Каупанг, Бирка, Леддечпинг) во второй половине IX–первой половине X в. выявили наряду с общими закономерностями разную степень развития исследуемого явления в этих регионах.

Первое общее явление – для скандинавских стран поступление сосудов типа Фельдберг отмечено во второй половине IX–начале X вв. В раннегородских центрах древней Руси они появляются только в первой половине X в. Керамика менкендорфской группы на обеих территориях появляется синхронно – в X в. Первые попытки использования гончарного круга и в Швеции и на Руси были связаны с воздействием именно этих двух западнославянских форм. Однако поток западнославянской керамики в Бирку значительно превосходит импорт на восток.

Второе общее явление – под влиянием привозных высокотехнических образцов возникают копии, реплики импортных форм. Такое явление выражено в материалах Рюрикова городища и Старой Ладogi, на севере Балтики – очень слабо. Случаи создания реплик и копий на территории Скандинавии крайне редки и прослежены только в Бирке. Объясняется это тем, что количество ввозимой раннегончарной продукции, видимо, удовлетворяло потребности в ее использовании¹⁰. К тому же, в Бирке определенно работали приезжие мастера, принадлежавшие к западнославянской традиции, которые без искажений воспроизводили привозные раннегончарные формы.

Третье общее явление – на местной лепной посуде появляется линейно-волнистый и городчатый орнамент, характерный для импортной керамики. Эта особенность в гораздо большей степени прослеживается на материалах Бирки, причем не только на местной, но и на привозной лепной посуде. На памятниках Северной Руси подобные

¹⁰ Не исключено, что большая часть подобных копий поступала в Бирку вместе с керамикой «ладожского» типа.

явления крайне редки и ограничены единичными сосудами.

Главное отличие между двумя изучаемыми регионами заключается в том, что в Бирке, начиная с середины X в., фиксируется производство фрезендорфской посуды из глиняного теста местной рецептуры. При этом точность воспроизведения типологических особенностей западнославянских образцов была достаточно высока. На основе керамики типа Фрезендорф здесь в дальнейшем были разработаны новые группы сосудов, которые и составили массовую керамическую продукцию Средней и Южной Швеции в XI–XII вв.

В центрах Северо-Западной Руси с начала X в. наряду с подражаниями западнославянским импор-

там использовалась не характерная для западнославянской территории форма – горшки S-видной профилировки, особенности которой в дальнейшем составили основу массовой продукции древнерусских гончаров. Решить проблему генезиса данной формы посуды, без накопления новых материалов пока не представляется возможным. Велика вероятность того, что появление горшков S-видной профилировки было связано с инновациями технологического процесса. Определение истоков гончарного производства данной формы сосудов предполагает дальнейшее исследование керамического материала в соответствии с методикой, разработанной А. А. Бобринским.

НОВГОРОДСКИЕ СОПКИ И БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ СРЕДНЕЙ ШВЕЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Иван И. Еремеев

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

COMPARATIVE STUDIES OF THE NOVGOROD SOPKAS AND LARGE BURIAL MOUNDS IN CENTRAL SWEDEN

Ivan I. Yermeev

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *This paper is concerned with problems of the genesis and evolution of the Novgorod sopkas (burial mounds of rounded conical shape), their ethnic belonging and the ideology of their funerary rite. The author denies the sopka's affinity to large kurgans of the Moshchinskaya culture, those of the Pskov long burial mounds, as well as to the «large kurgans of princely retinues» in Rus of the 10th–11th century. Sopkas had a complicate architecture and served for practising diverse heathen rites instead of solely the funerary cult. These kurgans stood amidst open landscapes incorporated into the dwelling space in contrast to the mounds of the culture of long burial mounds. As concerns the social belonging of sopkas the most likely hypothesis is that about their relation to the Slavic elite which arose as a result of the decomposition of the commune. Here it is proposed to regard the genesis of sopkas within the common European context as connected with the development of the idea of «large burial mounds» as a commemorative structure. This paper proposes in addition a comparative classification and chronology of large burial mounds in central Sweden. Comparison of sopkas with the latter kurgans, especially those in the provinces of Uppland, Södermanland and Västmanland, allows us to trace the possible influence of the Scandinavian tradition of making high mounds, in particular the «ting barrows», which initially were unrelated with the funerary rites. In Rus of the 9th century, such burial mounds may have been used as social and sacral markers of the territory. This is however a hypothesis which needs its archaeological confirmation.*

*«В верховьях Луги и в низовьях Ловати имеется
хорошее количество норманских сопок»*

*А. А. Спицын. Археология в темах
начальной русской истории //
Сборник статей по русской истории,
посв. С. Ф. Платонову.
Петербург. 1922. С. 7.*

Несмотря на многолетние дискуссии, исследователи до настоящего времени не выработали общепринятого взгляда на новгородские сопки. Неясными остаются их отличия от других групп раннесредневековых больших курганов Восточной Европы. По-прежнему загадочны происхождение и значение этого необычного для славянских культур языческого обряда.

Для уточнения того, что мы понимаем под термином «сопка», целесообразно провести ряд «отсеивающих» источниковедческих процедур. Археология фиксирует в лесной зоне Восточной Европы три эпохи в строительстве курганов высотой 2–10 м и диаметром 20–40 м. Впервые они по-

являются в Эпоху переселения народов в мощинской культуре и культуре псковских длинных курганов (далее – КПДК). Мощинская культура, как известно, прекратила свое существование, не дожив до ранних этапов древнерусской истории. В ареале КПДК обычай продолжал сохраняться до конца I тыс. н. э. Курганы КПДК выделяются своеобразной ландшафтной и топографической приуроченностью. Как правило, их можно встретить в местах нежилых – в борах, вдоль лесных троп и дорог, вдали от синхронных поселений и водоемов. Композиционные принципы, положенные в основу таких «архитектурных ансамблей», подразумевали, надо полагать, определенное отчуж-

дение пространства, отводимого мертвым, от жилого ландшафта.

В середине–второй половине X в. на Руси появляются так называемые «дружинные» большие курганы (Петрухин, 1998. С. 362). Эта традиция, нашедшая воплощение в могильниках Гнездова, Киева, Чернигова, Тимерева, вероятно, не имеет прямого отношения ни к КПДК, ни к сопкам как явлениям сельской культуры. Иногда в сельских древнерусских некрополях встречаются могильные холмы с трупоположениями XI–XII в., отличающиеся значительными размерами (но, как правило, не выше 3 м). Такие погребальные конструкции явно ведут свою родословную от «дружинных» курганов X в.

Отсеяв курганные древности мощинской культуры, насыпи в сосновых борах (характерная черта КПДК), «дружинные» курганы X в. и немногочисленные высокие древнерусские насыпи с трупоположениями XI–XII в., мы остаемся перед обширной группой больших курганов последней четверти I тыс. н. э. Они-то и носят традиционно название «новгородские сопки». По берегам рек и озер они рассеяны на пространствах Верхнего Поволжья, Новгородчины, Псковщины и Смоленщины, и, отчасти, Северной Белоруссии (рис. 1). Все эти большие насыпи различаются по строению, но представляют, видимо, воплощение одной идеи, лишь по-разному проявившейся в региональном культурно-историческом контексте. Отметим, что название «новгородские сопки» не вполне отражает их географию и является в некотором роде данью историографической традиции, связавшей с большими курганами племя словен новгородских, обитавших, по летописным сообщениям, «около озера Ильмень».

Первым признаком, сближающим эти памятники, является «размытость» погребальных функций и следы сложных, как правило, многократных языческих ритуалов. Наконец, объединяет их особая, только им свойственная, доминирующая топографическая позиция в открытом аграрном ландшафте. Присущая всем погребальным насыпям этого типа особенность заключается в том, что они были помещены в жилое повседневное пространство. Смысл такого обдуманно спроектированного и активного вторжения большого кургана в культурный ландшафт можно реконструировать по-разному. Но именно в наличии этого замысла, собственно, и заключается отличие сопки от кур-

гана более ранней и более поздней эпох. Связь сопки с реками подчеркивалась всеми исследователями, начиная с З. Ходаковского. При этом реки рассматривались преимущественно как «речные пути», но не как элемент микроландшафта (Спицын, 1922; Равдоникас, 1924; Чернягин, 1941. С. 96). Скорее всего, близость сопки к воде обусловлена не столько некоей связью, существовавшей в сознании древнего населения между сопкой и влагой как мифологическим рубежом или дорогой, сколько стремлением древних «архитекторов» поместить сооружение в открытый ландшафт. Естественно, в лесной зоне (по крайней мере, в холмисто-моренном рельефе, который активно осваивали создатели сопки) очищенные от леса земли лежали главным образом близ водоемов. Водная поверхность в совокупности с поймами и прибрежными пахотными участками давала необходимое свободное пространство для зрительного восприятия монументального рукотворного холма.

Археологические находки не позволяют усомниться в том, что основным этносом, проживавшим на поселениях, близ которых высятся сопки, были славяне. Характерно, что большие курганы были совершенно чужды культуре славян до их прихода на Ильмень, Западную Двину и Верхнюю Волгу. Проблема могильных памятников эпохи освоения летописными славянами Северо-Запада России решается в историографии в пользу существования здесь грунтовых могильников (пока что в массе своей не выявленных), подобных тем, которые известны в пражской культуре¹.

Какое же культурное явление положило в таком случае начало столь необычному для славянского мира феномену, как сопки?

Большие курганы мощинской культуры имеют некоторые общие черты с крупными насыпями последней четверти I тыс. н. э. Однако, от самых ранних сопки мощинские курганы отделяет существенный хронологический разрыв (Носов, 1974. С. 232–233). Поэтому сейчас уже нельзя считать перспективной попытку связать с ними происхождение сопки (Третьяков, 1966. С. 284–285; Артамонов, 1990. С. 281). Более интересно предположение И. В. Ислановой о возможной роли мощинских курганов в появлении больших насыпей в КПДК на юго-восточной ее периферии. Предположение базируется на мощинских элементах в керамическом комплексе населения Молого-Мстинского междуречья третьей четверти I тыс. н. э., свиде-

¹ Некрополь такого типа, датирующийся VI–VIII вв., исследован в Удомельском Поозерье (Исланова, 1997. С. 50–55). Аналогичный грунтовый могильник известен и в Старой Ладогe (Орлов, 1941; 1960).

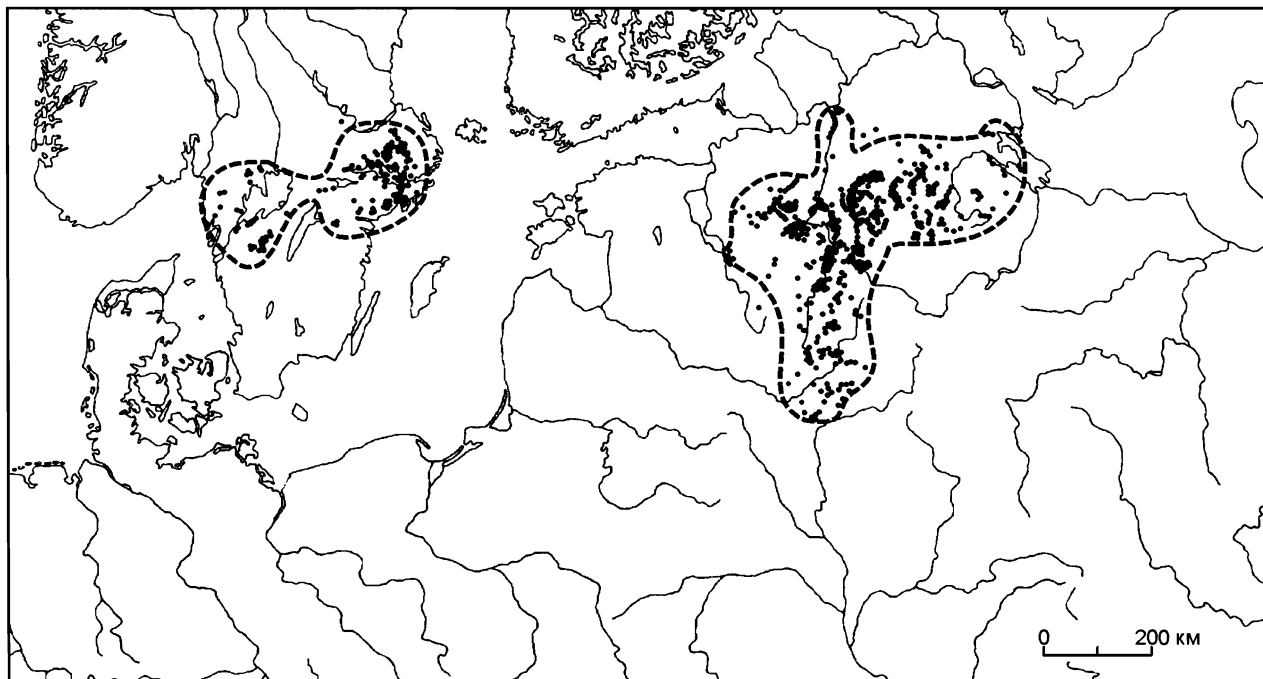

Рис. 1 Основной ареал сопок и большие курганы Средней Швеции

Fig. 1. The main area of *sopkas* and the large burial mounds in Sweden

тельствующих о каких-то культурных импульсах из Окского бассейна. Могли ли крупные насыпи КПДК третьей четверти I тыс. н. э. стать прообразами сопок? Исчерпывающего ответа на этот вопрос в настоящее время быть не может. Скорее всего, если КПДК и сыграла роль в сложении новой обрядности, то ее роль не была ведущей. Большие курганы в борах, в отличие от сопок, кажется, не имеют каменных конструкций, они, как правило, значительно меньше сопок по размерам, хотя бывают и исключения. Главное же – их топография принципиально отлична от топографии сопок. Местные истоки традиции возведения сопок на Северо-Западе сомнительны.

Проблема сопок тесно связана в историографии с изучением структуры восточнославянского общества. Существуют две противостоящие друг другу концепции, уходящие корнями в 1930-е гг. Первая, начало которой положил П. Н. Третьяков и впоследствии развил В. В. Седов, рассматривает сопки как родовые усыпальницы сельских общин (Седов, 1970б. С. 32; 1999. С. 160). Вторая концепция впервые была высказана В. С. Пономаревым. Появление сопок было связано им с выделением в восточнославянской среде «родовых старейшин, племенных князей и их дружинников» (Пономарев, 1938). В настоящее время данную позицию разделяют Е. Н. Носов (Носов, 1992. С. 11; 1994. С. 3–4)

и В. Я. Конецкий (Конецкий, 1994а. С. 55), в научных построениях которых распространение сопок жестко связано с положением о распаде в IX–X вв. в восточнославянской среде родоплеменных отношений и о выделении в сельских общинах социальных групп, «для которых возведение сопок стало важным элементом утверждения своего престижа и могущества» (Носов, 1992. С. 11; 1994. С. 3–4).

К выводу о высоком социальном статусе погребенных исследователей привела малочисленность захоронений в сопках в сочетании с трудоемкостью их возведения (Конецкий, 1989. С. 142; 1994а. С. 55). Однако, для соответствующей трактовки сопок необходимы дополнительные аргументы, которых явно недостаточно. В сопках в качестве «основных» погребений встречаются детские и женские захоронения, кости животных (см., например, Конецкий, 1994б. С. 141). Инвентарь захоронений, как правило, скромнен и обычно не позволяет уверенно говорить о родовитости и богатстве покойников. Несомненно, в руках племенной верхушки Северной Руси в IX–X вв. сосредоточились значительные сокровища. Основой их послужила восточная торговля, походы первых князей на Византию не могли не сыграть своей роли в обогащении родовой знати. Но ни престижных ювелирных изделий, ни дорогого вооружения в сопках мы, за редким исключением, не знаем. Это

особенно заметно при сравнении сопки и северо-европейских больших курганов. На фоне известных древнерусских «дружинных» древностей X–начала XI вв., связь которых с процессом выделения общественной элиты несомненна, сопки не дают веских оснований для аналогичных выводов. Древнерусское общество IX–X вв. на государственном и племенном уровне, несомненно, было достаточно сложно стратифицировано. Но сопки были явлением сельской жизни, а насколько далеко зашло социальное расслоение рядовых сельских общин Северо-Запада в VIII–IX вв.? Тезис о такой глубокой социальной стратификации нередко служит объектом критики (Фроянов, 1992. С. 33; Кальмер, 1999. С. 154; Кузьмин, 1999. С. 95).

Едва ли назначение сопки станет окончательно понятно прежде, чем будут исследованы могильники основной массы славянского сельского населения VII–X вв., до сих пор широко не выявленные. Вместе с тем становится все более ясно, что вопрос о происхождении сопки затруднительно решить на материалах только лишь Российского Северо-Запада. Начиная с эпохи бронзы, идея большого кургана периодически возникала у различных народов Европы. Сопки являются одним из этапов развития этой идеи, и изучение их как изолированного явления кажется сейчас малоперспективным. Рассмотрение феномена сопки в общеевропейском контексте могло бы существенно приблизить решение проблемы.

В наши дни по-прежнему часто звучит версия о привнесении традиции в Восточную Европу норманнами. У истоков этой концепции стоит А. А. Спицын (Спицын, 1899а. С. 309; 1899б. С. 142, 149; 1922. С. 7, 8). Многие исследователи сходятся на том, что обычай сооружения больших курганов был занесен скандинавами в полиэтническое сообщество Поволховья в VIII в., или, что более вероятно, в IX в. Отсюда он распространился по всему Северо-Западу уже в славянской среде (Конечкий, 1989. С. 148–149; Носов, 1992. С. 11). Несомненно, что при такой постановке вопроса важной задачей должно стать сравнительное изучение скандинавских больших курганов и восточноевропейских сопки.

Большие курганы в центральной части Швеции образуют два крупных скопления. Часть памятников тяготеет к западной части полуострова, обращенной к Норвегии. Вторая группа лежит на востоке, в области озера Меларен в провинциях Уппланд, Седерманланд и Вестманланд (рис. 1, 2). Для нас особенно важно изучение больших курганов в этих провинциях, поскольку именно их обитатели в конце Вендельского времени и в Эпоху

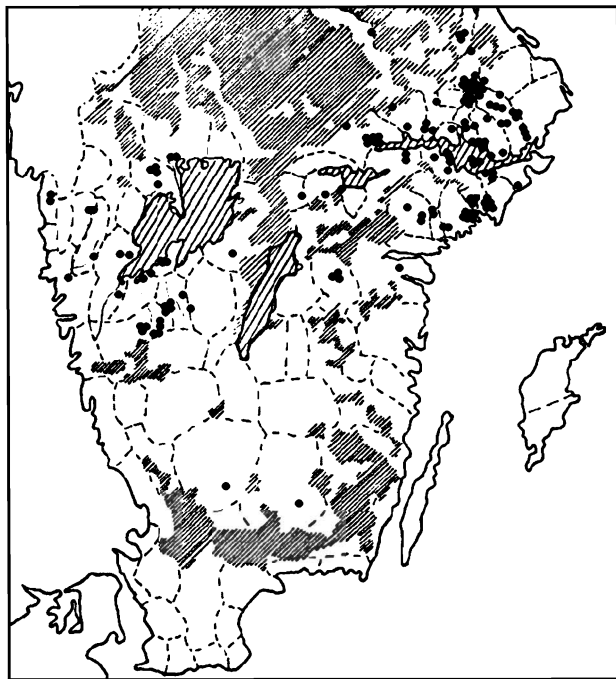

Рис. 2. Распространение больших курганов в Средней и Южной Швеции (Heynstrand, 1989)

Fig. 2. Distribution of large burial mounds throughout central and southern Sweden

викингов имели наиболее тесные контакты с восточными областями Балтийского региона.

Сложность сравнительного исследования сопки и шведских больших курганов заключается в том, что раскопки последних проводились редко и научных работ по этой теме немного. Единственное капитальное монографическое исследование вышло еще до Второй мировой войны (Lindqvist, 1936). С начала XX в. увидели свет несколько публикаций, посвященных отдельным памятникам (Almgren, 1905; Schnittger, 1912; Arne, 1924; Schnell, 1928; Ekholm, 1931; Rydh, 1936; Hansson, 1938; Einerstam, 1940; Nerman, 1961; Svensson, 1983; Arrhenius, 1990; Bratt, 1999; Palm, 2001, 2002). Вышел также ряд работ по исторической географии центральной Швеции, в которых большие курганы рассматриваются как элементы богатых усадеб, занимавших ключевые позиции в системе расселения (Hyenstrand, 1981; Wijkander, 1983; Ambrosiani, 1985). Наиболее детально изучены на сегодняшний день знаменитые королевские погребения Старой Уппсалы (Lindqvist, 1936; Duczko, 1996), хотя сами курганные насыпи над этими погребениями, фрагментарно раскопанные в XIX в., еще таят немало загадок. Обобщающих работ по крупногабаритным насыпям со времен С. Линдквиста написано немного, и они носят обзорный харак-

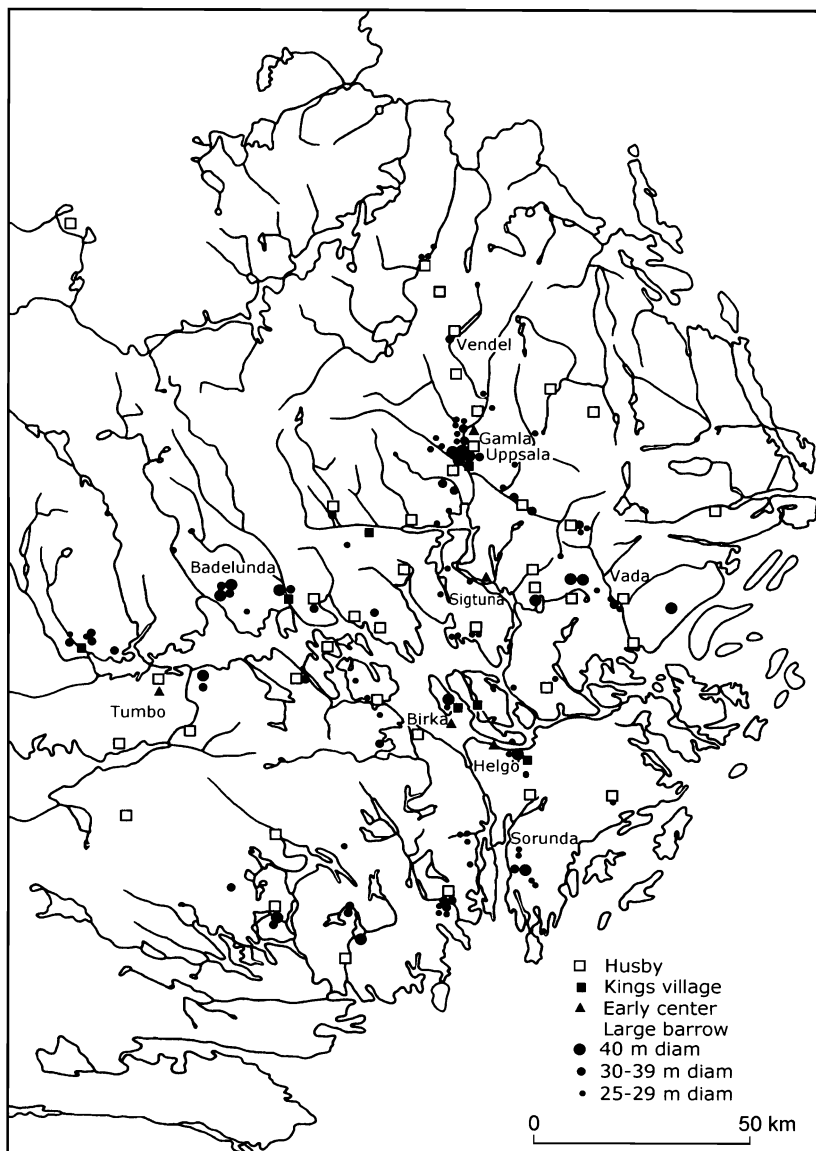

Рис. 3 Большие курганы в окрестностях озера Меларен (Heynstrand, 1981).

Fig. 3. Large burial mounds in the surroundings of Lake Mälaren.

тер (Svensson, 1983; Müller-Wille, 1992; Silver, 1996; Bratt, 1996). Значительная информация сосредоточена в полевых отчетах. Часть их издана, некоторые хранятся в архивах и музейных собраниях.

О плотности распространения больших курганов в области оз. Меларен дают представление несколько опубликованных археологических карт. Единственная сводная карта по Средней Швеции, которую составил О. Хюенстранд, учитывает только курганы диаметром более 25 м (Heynstrand, 1981) (рис. 3). Список и карту «королевских» курганов в Уппланде опубликовал К. Силвер (Silver, 1996). Наиболее полная информация о больших курганах (диаметром свыше 20 м) бассейна оз. Меларен содержится в каталоге К. Свенссона (Svensson, 1983).

Необходимо уточнить термин «большой курган» применительно к Средней Швеции. Под этим понятием мы подразумеваем курган, отличающийся внушительными размерами и рассчитанный на зрительное восприятие со значительной дистанции от нескольких сот метров до нескольких километров. Возможность такого восприятия обеспечивалась помещением насыпи в доминирующие точки рельефа среди открытых пространств пахотных полей. Большой курган становился, таким образом, элементом сельскохозяйственного ландшафта. Высота и диаметр насыпи зависели от статуса погребенного и физических возможностей населения округа, возводившей курган, а также от особенностей рельефа местности. Для создания

насыпи, доминирующей над обширными пашнями Уппсальской равнины или Восточного Вестманланда, требовалось сооружение 6–10 метровой громады. Но значительная часть населения Средней Швеции в I тыс. н. э. была привязана к клочкам пахотной земли в узких долинах, зажатых между водоемом и скальными массивами. В подобном ландшафте достигнуть аналогичного зрительного эффекта можно было гораздо более скромными средствами при условии удачного выбора участка рельефа. В этом случае даже сравнительно скромная насыпь диаметром 15 м и высотой 2–3 м, господствующая над расчищенными от леса наделами, могла производить внушительное впечатление. Указанные размеры мы и будем считать минимальными при подборе материалов по большим курганам Меларского региона.

Общее количество больших курганов в Меларском регионе, фигурирующее в публикациях, составляет 255 насыпей (диаметром 20 м и более) (Swensson, 1983. P. 26; Bratt, 1996. P. 25). С учетом курганов диаметром 15–20 м и высотой не менее 2 м это количество значительно возрастает. Как показывают результаты раскопок, до Эпохи переселения народов большие курганы в Средней Швеции насыпались редко. Северная граница основного ареала скандинавских больших курганов Эпохи бронзы проходит по южным провинциям Швеции (Hyenstrand, 1979. P. 305). Большие курганы, относящиеся к Римскому времени, известны, наоборот, в северных провинциях – Медельпад (Selling, 1985. P. 137–140) и Хельсингланд (Leidgren, 1992. P. 42, 43, 84–87), и пока не выявлены в окрестностях оз. Меларен (кроме тех нескольких случаев, когда в раннем средневековье невысокие курганы Римского времени использовались как подножия для больших насыпей) (Arrhenius, 1990; Zachrisson, 1994). Невозможно, разумеется, полностью исключить вероятность существования среди нераскопанных насыпей Меларского региона некоторого количества памятников Эпохи бронзы (таких, как курган в Хога, № 12)² и Римского времени, но мы можем быть уверены, что абсолютное большинство больших курганов на интересующей нас территории насыпано в конце V–X вв. н. э. Много это или мало по сравнению с сопками Восточной Европы? Учитывая стабильность шведской системы расселения, следует признать, что цифра достаточно велика. К концу X в. плотность распространения больших курганов в Средней

Швеции и в Новгородской земле была примерно соизмерима. Точные сопоставления затруднены тем, что ввиду подвижности населения на востоке, обусловленной экстенсивным земледелием и разного рода историческими катаклизмами, сложно оценить количество больших курганов, «функционировавших» в каждый определенный отрезок времени. Что же касается Швеции – вряд ли можно сомневаться, что большинство больших курганов, высившихся на родовых кладбищах в IX–X вв., в том числе и могильные холмы, возведенные в VI в., продолжали выполнять свои функции, воплощая власть и могущество местных правителей и знати и символизируя права наследственных земельных владений. Имена погребенных, конечно же, передавались из поколения в поколение столетиями вплоть до появления церковных кладбищ и прекращения функционирования родовых могильников.

Всего в Меларском регионе, по данным П. Братта, исследован 41 большой курган (от 15 до 67 м в диаметре) (Bratt, 1996. P. 17). Карту памятников исследователь пока не опубликовал. Для данного обзора мы составили карту, включив в нее 35 курганов, информация о которых имеется в публикациях (табл. 1; цв. ил. 7)³. Как нетрудно заметить, они группируются в основном в наиболее богатых равнинных земледельческих областях. Большие курганы изначально возникают в Средней Швеции как погребения представителей социальной верхушки общества. Как правило, курган возводился для одного захоронения. Анализ погребального инвентаря, связь больших курганов с известными по письменным источникам и данным топонимики королевскими владениями и усадьбами знати – все это не оставляет сомнения в социальном значении обряда, выраженного в принципе «чем знатнее человек, тем больше и богаче его курган». Знатность «могильного жителя» отражалась не только в размерах кургана, но и в богатстве заупокойных даров. Ряд элементов погребального набора в престижных захоронениях является поразительно устойчивым на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. К их числу относятся гребни, игральные шашки, привозные стеклянные кубки, железные заклепки от ларцов и каких-то массивных изделий – ладей, повозок, сундуков или, возможно, парадных сидений. Техника сооружения больших курганов Средней Швеции на протяжении указанного времени мало меняется. Как

² Номера курганов, упоминаемые в тексте, соответствуют порядковым номерам в таблице 1.

³ В карту включен также пункт в северо-восточной части провинции Смоланд. Здесь, близ балтийского побережья, находится один из самых восточных могильников с большими курганами за пределами Меларского региона – Гуннерстад (№ 35).

правило, на уровне погребенной почвы располагалась каменная кладка, перекрывавшая погребение, совершенное по обряду сожжения. По размерам каменное «ядро» кургана колебалось от небольшой вымостки до огромной груды, занимавшей большую часть объема насыпи. В некоторых случаях под курганом находились несколько каменных кладок.

Большие курганы Средней Швеции делятся исследователями на несколько групп.

1. Огромные «королевские» курганы по 40 и более метров в диаметре. Таковы, например, курганы Старой Уппсалы (№ 7–9), насыпь в Асхусбю в Упланде (не раскапывалась). На территории Средней Швеции подобных насыпей известно всего 14 (Swensson, 1983. P. 26). Самым грандиозным является «Курган Анунда» в Вестманланде (№ 22), имеющий высоту около 11 м.

2. Более скромные курганы, диаметр которых колеблется между 15 и 40 м, а высота составляет 2–5 м. Среди них встречаются монументальные сооружения, производящие не менее сильное впечатление, чем курганы Старой Уппсалы. В некоторых случаях они копируют композиционные приемы, использованные при постройке уппсальских курганов. Так выглядят, в частности, могильные холмы в Вадабю (цв. ил. 8, 2) (Nerman, 1960; Ambrosiani, 1985). Больших курганов этой группы в Средней Швеции очень много – плотность их распространения вполне сопоставима с плотностью сопок в областях Северо-Западной России.

3. Уплотненные курганы большого диаметра. В литературе они получили название «курганы тинга». В некоторых случаях их вершина оформлена в виде специально утрамбованной широкой площадки. Такие насыпи входят в архитектурные ансамбли королевских усадеб в Старой Уппсале и Форнсигтуне. Иногда при округлой вершине они имеют очень пологие склоны – таковы насыпи в Останбро и «Курган короля Харальда» в Вестманланде (Nerman, 1963. Fig. 4, 5). «Курганы тинга» играли важную роль в общественной жизни, будучи связаны с общинными собраниями, судебными разбирательствами и языческим культом. Достаточно хорошо прослеживается связь этих сооружений с королевскими усадьбами (Damell, 1991, 1993). Возведение таких курганов не всегда предполагало совершение погребений, хотя в качестве «курганов тинга» могли, видимо, использоваться и могильные насыпи.

Композиционные приемы едины для всех трех групп памятников. Большие насыпи редко строились на ровной поверхности долин. Исключение составляют некоторые курганы Вестманланда, на-

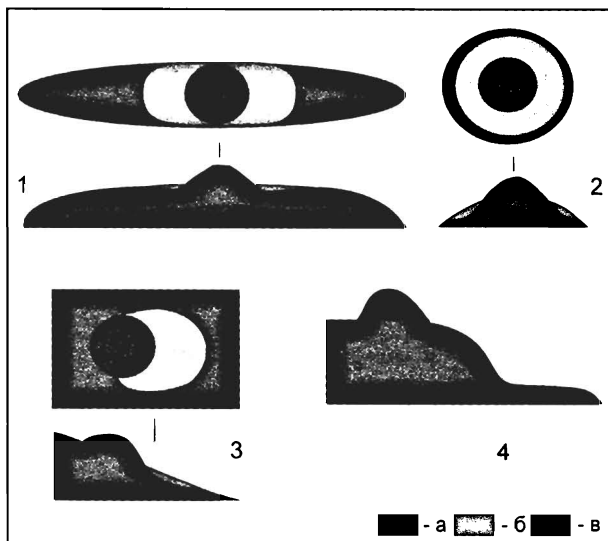

Рис. 4. Композиционные приемы размещения больших курганов в рельефе. Условные обозначения: а – природная возвышенность; б – массив грунта, выбираемый при сооружении насыпи; в – курганная насыпь

Fig. 4. Compositional designs of arranging large burial mounds in the relief.

Notations: a – natural elevation; б – mass of ground dug out during construction of the mound; в – mound

пример «Курган Анунда» (№ 22). Выделяются следующие основные приемы:

1. Насыпи на озовой или моренной гряде, возведенные с подрезкой ее склонов и гребня. Самым ярким примером такого архитектурного решения являются курганы Старой Уппсалы (№ 7–10). Реже для возведения кургана использовались выходы гранитной скалы (рис. 4, 1). Так размещены, в частности, уже упоминавшиеся выше, большие курганы в Вадабю (цв. ил. 8, 2).

2. Насыпи на округлой природной возвышенности с подрезанными склонами (рис. 4, 2). Из исследованных раскопками сооружений, примером является курган в Кумла (№ 29).

3. Насыпи на пологом склоне, рассчитанные на восприятие снизу, с воды или из долины. При таком приеме часто применялась эскарпировка склона, но это не всегда можно установить без раскопок. Это, пожалуй, наиболее многочисленная группа курганов (цв. ил. 8; рис. 4, 3).

4. Насыпи на краю ровных платообразных возвышенностей (рис. 4, 4). Этот тип курганов, столь широко известный в Восточной Европе, в Средней Швеции встречается нечасто в силу природных особенностей региона – из-за отсутствия речных террас.

Отчасти подобное размещение курганов диктовалось практическими целями – вынести могильник за пределы остродефицитных в Средней

Швеции долинных пахотных угодий. Но основной смысл был явно иным. Необходимо было придать большому кургану как можно большую монументальность, максимально используя для этого рельеф местности. Трудно проследить какую-то упорядоченность в размещении больших курганов относительно поселений. Известны насыпи, расположенные почти вплотную к постройкам, иногда они отстоят от поселения на расстоянии нескольких сотен метров.

В некоторых случаях для создания большого кургана использовались более древние погребальные холмы. Дважды в основании насыпей Эпохи викингов были обнаружены курганы Римского времени (*Zachrisson*, 1994. P. 228, 229). При сооружении в X в. верхней части большого кургана в Брунбю (№ 24) в качестве подножия был использован курган Вендельского времени (*Hansson*, 1938). В этих случаях можно предположить, что создателям позднего кургана были достоверно известны персонажи, которым принадлежали первоначальные погребения. Более сложная ситуация с курганом Эпохи бронзы в Хога (№ 12), в котором была обнаружена фибула Вендельского времени и наконечник стрелы, возможно, из разрушенного перекопами впускного погребения (*Almgren*, 1905. P. 37, 38).

Нужно отметить, что композиционные принципы размещения на местности больших курганов Швеции и новгородских сопки при всей несхожести ландшафтов Скандинавии и Русского Северо-Запада совершенно идентичны, чего, например, нельзя сказать про скандинавские курганы и большие насыпи КПДК. Иными словами, человек, прибывший откуда-нибудь из северной части Седерманланда в Поволховье или на Среднюю Ловать в элементах сакрального ландшафта видел немало знакомых черт.

Хронология больших насыпей еще нуждается в существенных уточнениях. Определенную динамику можно проследить в соотношении вышеупомянутых трех групп больших курганов. Представление о ней дают таблицы, составленные П. Браттом (рис. 5). Величественные «королевские курганы» сооружались, видимо, только в конце Эпохи переселения народов (курганы Старой Уппсалы) и, возможно, в Вендельское время. Тогда же возведена большая часть монументальных насыпей меньших размеров. Хронология уплощенных «курганов тинга» не вполне ясна. К ранней Эпохе викин-

гов относится, возможно, «Курган Ингьяльда» в Седерманланде (№ 26). «Курганы тинга» в Старой Уппсале (№ 11) и Форнсигтуне (№ 6) исследовались раскопками, но не дали находок для датировки. На основании их положения относительно близлежащих усадеб и могильников они могут быть датированы второй половиной I тыс. н. э.

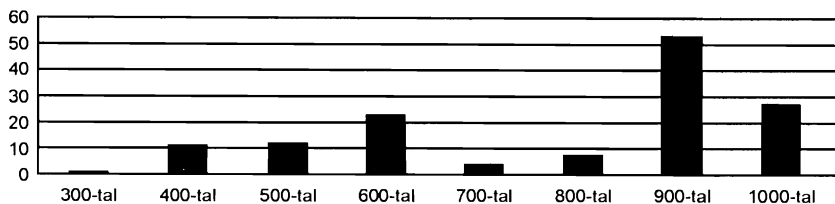
Для российских исследователей в первую очередь представляют интерес большие курганы девятого столетия – эпохи «варяжской дани» и Рюрика. Именно в этот период, как можно было бы предположить, в Восточной Европе впервые сложились условия для заимствования норманнской практики захоронения представителей социальной элиты в больших курганах. Однако анализ археологического материала приводит к выводу, что в IX в. этот обычай в самой Средней Швеции почти теряется. Так, по данным П. Братта, на это время приходится всего два раскопанных кургана диаметром от 20 до 67 м. К сожалению, публикуя свои диаграммы, П. Братт не снабдил их списком памятников, что не позволяет проверить его хронологические выкладки. Мы попробовали составить такой список по материалам публикаций (табл. 1). В результате получены сходные данные, хотя материал был сгруппирован иначе – вместе с насыпями максимальных размеров рассматривались курганы диаметром 15–20 м и высотой 1,5–2 м. При этом использованный нами подход делает еще заметнее упадок традиции, приходящийся на IX в.⁴ Таким образом, на первый взгляд, с позиций «норманнской» теории ситуация парадоксальна – в эпоху призвания варягов на Русь шведы почти перестали хоронить свою знать в больших курганах.

В X в. в Средней Швеции наступает некоторый ренессанс в курганной языческой обрядности (рис. 5; табл. 1). Можно перечислить не менее шести исследованных крупных насыпей этого времени. Наиболее массивная из них – курган «Скопинтулл» на Адельсе в королевской усадьбе, лежащей напротив Бирки (№ 1). Впрочем, его размеры достаточно скромны по сравнению с классическими «королевскими» курганами. Диаметр насыпи всего 22 м, высота – 3 м. Остальные монументальные курганы этой эпохи имеют диаметр 15–20 м и высоту около 2 м, то есть примерно соответствуют размерам «Скопинтулла» и уступают по размерам своим прообразам Вендельского времени⁵.

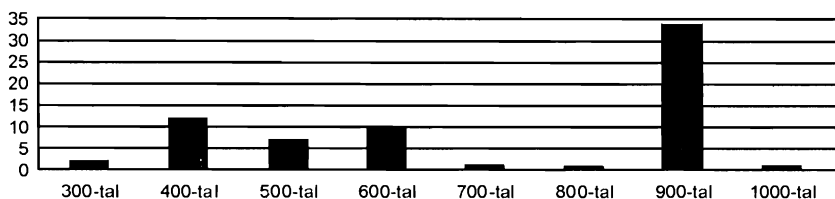
⁴ Материалы единичных курганов, предполагаемая датировка которых захватывает IX в., требуют дополнительных исследований. Это относится в первую очередь к «Кургану Ингьяльда» (№ 26) (*Lindqvist*, 1936. P. 234) и к кургану в Кумла (№ 29), датировка которого приводится авторами раскопок без публикации находок (*Drotz, Ekman*, 1995. P. 163).

⁵ Существует смелая гипотеза П. Братта о поздней (X в.) дате знаменитого «Кургана Анунда» в Вестманланде (*Bratt*, 2004), однако, небольшие археологические раскопки не подтвердили это предположение.

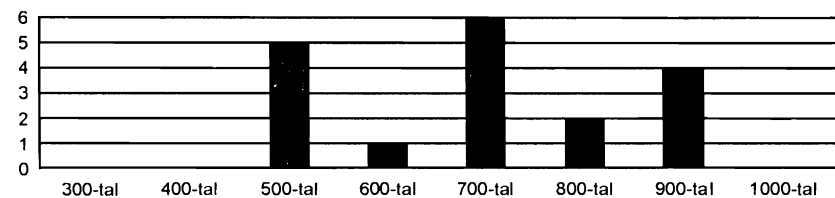
3-9 m | D

10-19 m | D

20-67 m | D

3-67 m | D

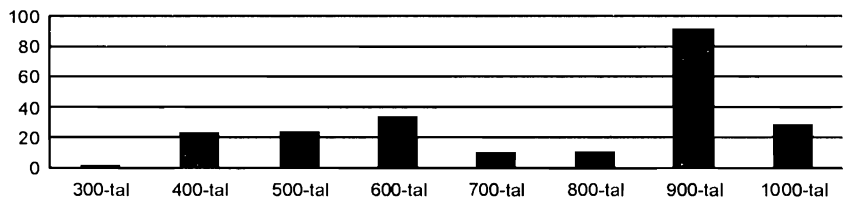

Рис. 5. Район озера Меларен. Распределение курганов различного диаметра по хронологической шкале (Bratt, 1996).

Fig. 5. The region of Lake Mälaren. Distribution of burial mounds with different diameters within the chronological scale.

Что, в конечном итоге, изучение больших курганов Швеции дает для понимания аналогичного восточноевропейского феномена? Черты скандинавской культуры, а то и погребения самих варягов, без труда угадываются в древнерусских «дружинных» курганах X в. Распространение последних по времени соответствует максимуму скандинавской экспансии на Восток и последнему пику в развитии обычая возведения больших курганов в самой Средней Швеции. Здесь важно отметить, что в этот период в Восточной Европе на возведение курганов тратилось значительно больше труда и средств, чем в Скандинавии. До сих пор в Средней Швеции не исследован ни один курган X в., способный сравниться по размерам с крупнейшими курганами Гнездова или с большим кур-

ганом в ур. Плакун в Старой Ладоге после его окончательного оформления в первой половине X в. Что-то подобное, такую же «гиперболизацию» обряда мы вправе предположить и для более раннего времени - в отношении сопки. Но когда же тогда в Восточной Европе появляются первые, возведенные скандинавами, большие курганы и как они выглядели? Ведь ни одного достоверно скандинавского погребения в большом кургане до X в. (или, по крайней мере, до рубежа IX/X вв.) в Восточной Европе нет. Захоронения с отдельными северными вещами в сопках не могут быть поставлены в один ряд с богатейшими погребениями шведской родовой элиты у себя на родине (с оружием, ладьей, игральными наборами и т. д.).

Ситуация с большими курганами в Средней Швеции предполагает возможность двух подходов к проблеме возникновения сопки. Первый заключается в отказе от «норманнской» версии и в возвращении к попыткам найти истоки обряда в Восточной Европе. Если же оставаться на «норманнских» позициях, то придется допустить предположение о том, что скандинавами в Восточную Европу был принесен, собственно, не погребальный обряд, а только лишь традиция строительства больших курганов. Существовали ли у норманнов в VIII–IX вв. большие насыпи, не предназначавшиеся для захоронений знати? Видимо, да. К таким сооружениям относятся «курганы тинга». Не могли ли они послужить прообразами первых сопки?

Любой большой курган в Средней Швеции является элементом аграрного ландшафта, и одна из его важнейших функций – монументальное подтверждение наследственного родового владения определенной территорией. Вероятно, и на востоке мы должны искать такие курганы не в ареале далеких походов викингов, а в тех регионах, где, возможно, имела место сельская колонизация. Таким регионом (при несомненной первичности роли торговли) является Нижнее Поволховье. Пока более-менее уверенно мы можем говорить только об одном большом кургане Старой Ладоги, связанном с норманнами – это курган в составе скандинавского могильника в ур. Плакун, раскопанный Е. Н. Носовым. Как установлено автором раскопок, изначально он выглядел как платформа высотой 1,7–2,6 м и размерами 15–16×29 м с плоской вершиной (рис. 6, 9)⁶. В таком виде курган просуществовал какое-то время, поскольку на его вершине сформировался дерновый слой, прослеживающийся в профиле насыпи в виде прослойки гумусированной глины (Носов, 1985. С. 148). Древнейшая часть большого плакунского кургана насыпана, судя по находке в погребении № 1 гребня типа 1а по О. И. Давидан (рис. 6, 2), не позднее IX–начала X в. (Носов, 1985. С. 154). Три захоронения связаны с первоначальным курганом. Остатки погребения № 2 и № 3 были зафиксированы в виде россыпи на его поверхности. Погребение № 1, совершенное при возведении кургана (или впущен-

ное в него?), по составу инвентаря (всего лишь один гребень) мало соответствует представлениям о скандинаве, для которого мог быть насыпан столь значительный по размерам погребальный курган. Оно стоит в одном ряду с почти безынвентарными погребениями № 2 и № 3.

У исследователей, как правило, не возникало сомнений в связи плакунского большого кургана с поселением на Земляном городище. Однако, заслуживает внимания присутствие в насыпи кургана фрагментов лепной гладкостенной средневековой керамики (в том числе фрагментов реберчатого сосуда «ладожского типа») и ладейных заклепок, не связанных с погребениями (Носов, 1985. С. 150) (рис. 6, 4–8). В коллекции Государственного Эрмитажа среди фрагментов сосудов из первоначальной насыпи лежит обломок небольшого ювелирного тигля (СЭ-73/СП-11). Последнее обстоятельство окончательно убеждает в том, что один из древнейших курганов Плакунского могильника был частично насыпан из культурного слоя. Об этом же говорит и тот факт, что некоторые черепки окатаны, то есть, видимо, находились какое-то время в культурном слое (СЭ-73/СП-5). Как показал Е. Н. Носов, грунт для насыпи брался неподалеку – на той же плакунской террасе. Поскольку при раскопках основной части могильника средневековый культурный слой под курганами прослежен не был (как и под самой плакунской сопкой), то локализовать поселение следует в южной части террасы (рис. 6, 1), видимо, к югу от большого кургана – там, где в момент постройки насыпи находился карьер (Носов, 1985. С. 148).

Не исключено, что в IX в. на Плакуне существовал комплекс, достаточно обычный для Скандинавии – небольшое поселение с маломощным культурным слоем (усадебный?), с возвышавшимся на ее краю курганом для общинных собраний и жертвоприношений. В своем первоначальном виде курган внешне действительно очень напоминает шведские «курганы тинга» за тем исключением, что у него отсутствует каменное ядро. Впрочем, на плакунской террасе, сложенной аллювиальной глиной, валунного материала для этого было бы недостаточно. Добавим, что в Швеции изученные

⁶ Анализируя стратиграфию насыпи, нужно учитывать то, что под ее давлением поверхность плакунской террасы просела, образовав углубление, принятое при раскопках за естественную впадину (Носов, 1985. С. 148). Это первое впечатление неудивительно – больше нигде на Руси такое явление неизвестно. Под сопками, насыпавшимися на коренном берегу, материк, естественно, не проседал. Плакунский большой курган едва ли не единственный в Древней Руси, сооруженный на переувлажненной аллювиальной глине пойменной террасы. Но в средневековой Скандинавии такое время от времени случалось, и подобного рода депрессии под большими курганами там известны (самый знаменитый пример – курган в Осеберге). Поэтому напластования первоначальной плакунской насыпи оказались сильно смещены. Но ее уплощенная форма сомнений не вызывает.

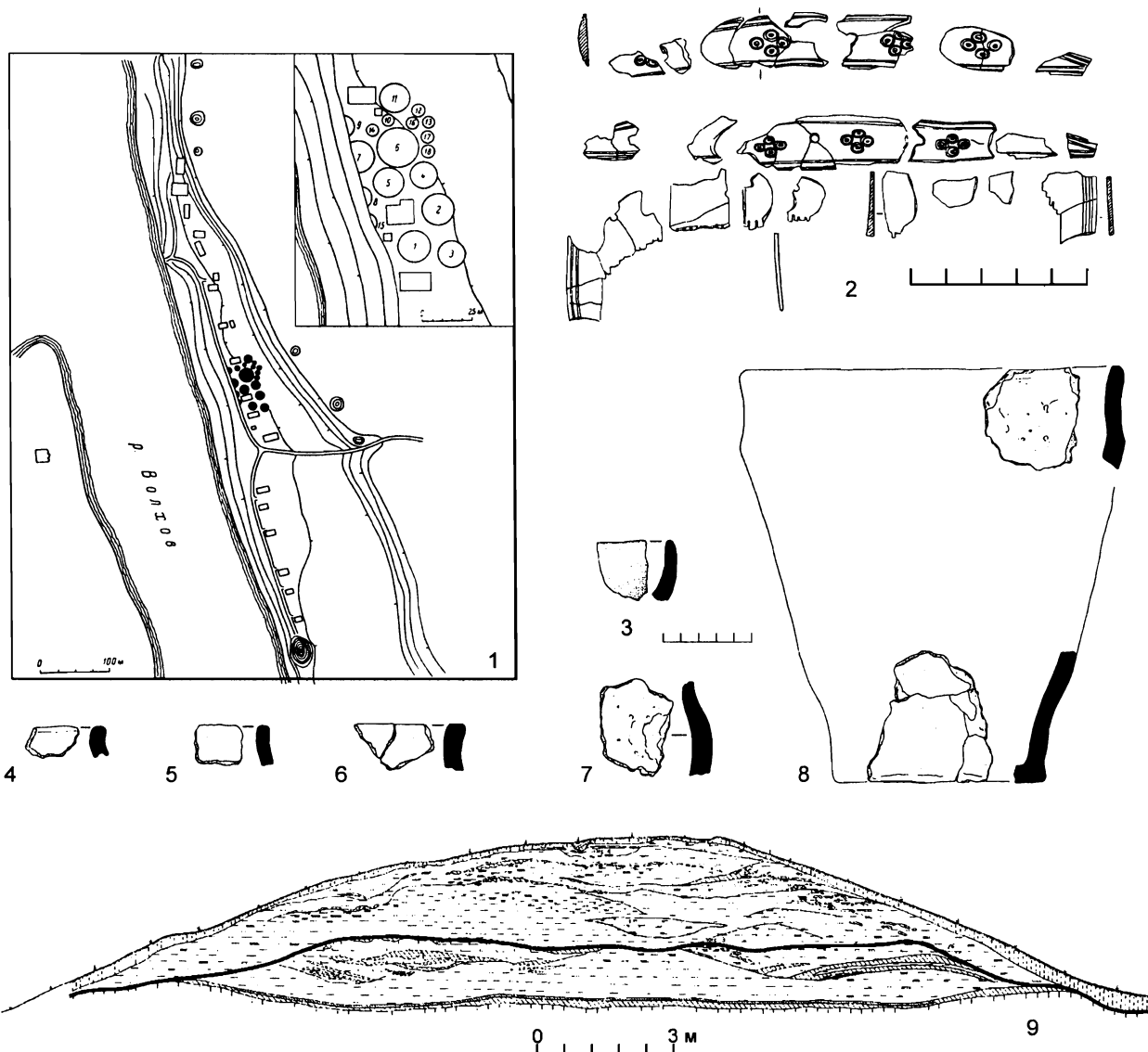

Рис. 6. Большой курган могильника Плакун. 1 – ситуационный план (Назаренко, 1985); 2 – гребень из погребения № 1; 3–8 – находки из грунта первоначальной насыпи: 3 – фрагмент керамического тигля; 4–8 – лепная керамика; 9 – разрез по линии север–юг (Носов, 1985) с реконструкцией первоначальной насыпи кургана (выделено жирной линией)

Fig. 6. Large kurgan at the burial ground of Plakun. 1 – situational plan; 2 – comb from burial no. 1; 3–8 – finds from the filling of the primary mound: 3 – fragmentary ceramic crucible, 4–8 – handmade pottery; 9 – north–south section and proposed reconstruction of the primary mound

«курганы тинга» располагаются рядом с усадьбами⁷.

Значительная часть сопок как в Поволховье, так и на более южных территориях на начальном этапе представляла собой плоский курган-платформу. В таком виде он мог оставаться довольно

длительное время, прежде чем после одной или двух досыпок приобретал окончательную форму. Как правило, это происходило достаточно быстро – на протяжении нескольких поколений. Мы почти не знаем в ареале сопок плоских платформ, не перекрытых впоследствии иногда по два–три

⁷ Вплотную к усадьбе стоит «курган тинга» в Форнсигтуне. Аналогичный курган в Старой Уппсале – ближайший к постройкам королевской резиденции.

раза конической или полусферической высокой насыпью. Одно из исключений – остатки громадного плоского кургана IX–начала X в. (диаметром 40 м и высотой 2 м), исследованные автором в Смоленском Подвинье в 1999–2000 гг. у д. Горяне Велижского района (рис. 7, 1, 3). Явно инородный в местном контексте IX в. (он был насыпан на развалинах сожженного поселения), этот курган вполне может быть поставлен в связь с появлением на Западной Двине выходцев из Северной Руси или Скандинавии (Еремеев, 2001; в печати).

Но вернемся к досыпанным многоярусным сопкам. Кажется маловероятным, чтобы столь сложный инженерный замысел возник у восточноевропейского населения сразу. Возможно, какое-то недолгое время традиция сопок в очагах ее возникновения была связана именно с насыпкой курганов-платформ. То, что мы знаем так мало недосыпанных сопок, может говорить о том, что система расселения в IX в. была достаточно стабильной, и в результате быстро распространившегося обычая совершения захоронений в священных холмах с возведением новых и новых ярусов почти все первоначальные насыпи оказались досыпаны. Что именно дало толчок этой моде, отражающей какие-то аспекты уже сугубо восточноевропейской культурной специфики, предположить пока сложно. Однако, курганы-платформы насыпались на Руси и позже – в десятом столетии. Примером их служат некоторые большие насыпи гнездовского могильника (рис. 7, 2).

Итак, гипотеза, которую можно высказать пока только в предварительной форме, заключается в том, что изначальной традицией, связанной с крупногабаритными насыпями и занесенной скандинавами в Восточную Европу, было сооружение уплощенных культовых курганов для общинных собраний. Вспомним, что обряд возведения крупных погребальных насыпей в VIII–IX вв. в Средней Швеции явно идет на спад. Возможно, изначальный импульс «культуре сопок» дали «курганы тинга», возводимые в процессе колонизации новых земель и в ходе распространения власти мелких конунгов на захватываемых землях. Подобная ситуация может объяснить и отсутствие в больших восточноевропейских курганах IX в. богатых скандинавских захоронений. «Курганы тинга» возводились не для захоронений, а для упорядочения социальных и территориальных отношений внутри формирующейся новой системы расселения. Не исключено, что находки человеческих останков в таких курганах (как, например, малоинвентарные погребения в плакунской насыпи) могут быть че-

ловческими жертвами. В таком случае заимствование славянами «общинных курганов» было обусловлено не столько социальным расслоением, сколько потребностями организации сакрального и хозяйственного пространства на новой осваиваемой земле и необходимостью закрепления участков ее за отдельными родами или территориальными группировками. Ведь, как мы знаем, появление варягов на Северо-Западе Руси в середине VIII в. ненамного запоздало относительно прихода сюда славян, и в IX–X вв. славянская колонизация продолжалась. Такое предположение согласуется с выводом, звучащим в работах отечественных археологов, – на начальной стадии возведения сопки часто выступают более как языческие святилища, нежели как могильники (Фролов, 1994. С. 47; Исланова, 1997. С. 110).

При подобном подходе к проблеме, нас не должно смущать то, что момент рождения культуры сопок совпадает с упадком погребальной курганной традиции в самой Швеции. «Курганы тинга» – объекты, функционирующие столетиями. Несомненно, в Скандинавии подобные курганы, насыпанные в Вендельское время и в Эпоху переселения народов, продолжали играть свою роль и в раннюю Эпоху викингов. Возведение нового «кургана тинга» – могло быть связано либо с освоением новых земель, либо с распространением на новые территории королевской власти. Система королевских усадеб сложилась в Средней Швеции еще в Вендельское время (Ambrosiani, 1985. P. 109; Damell, 1993. P. 46), а возможности внутренней земледельческой колонизации на этой территории были к Эпохе викингов уже в значительной степени исчерпаны, в чем, собственно, исследователи видят одну из причин скандинавской экспансии. Но на осваиваемых пространствах Восточной Европы необходимость в новых сооружениях такого рода могла возникнуть вновь.

Речь, разумеется, не идет о том, чтобы видеть во всех платформах в основаниях сопок варяжские «курганы тинга». Далека была и «норманист» А. А. Спицын от варяжской интерпретации всех больших курганов, приписывая их в своей массе делу рук «новгородцев», то есть славян (Спицын, 1899б. С. 309). Речь может идти о небольшом количестве памятников в тех ключевых точках восточноевропейского пространства, где скандинавы появились наиболее рано. Высказываемое нами предположение может быть проверено археологическими раскопками. Особо интересной задачей на этом пути представляется поиск поселения на плакунской террасе в Старой Ладогге.

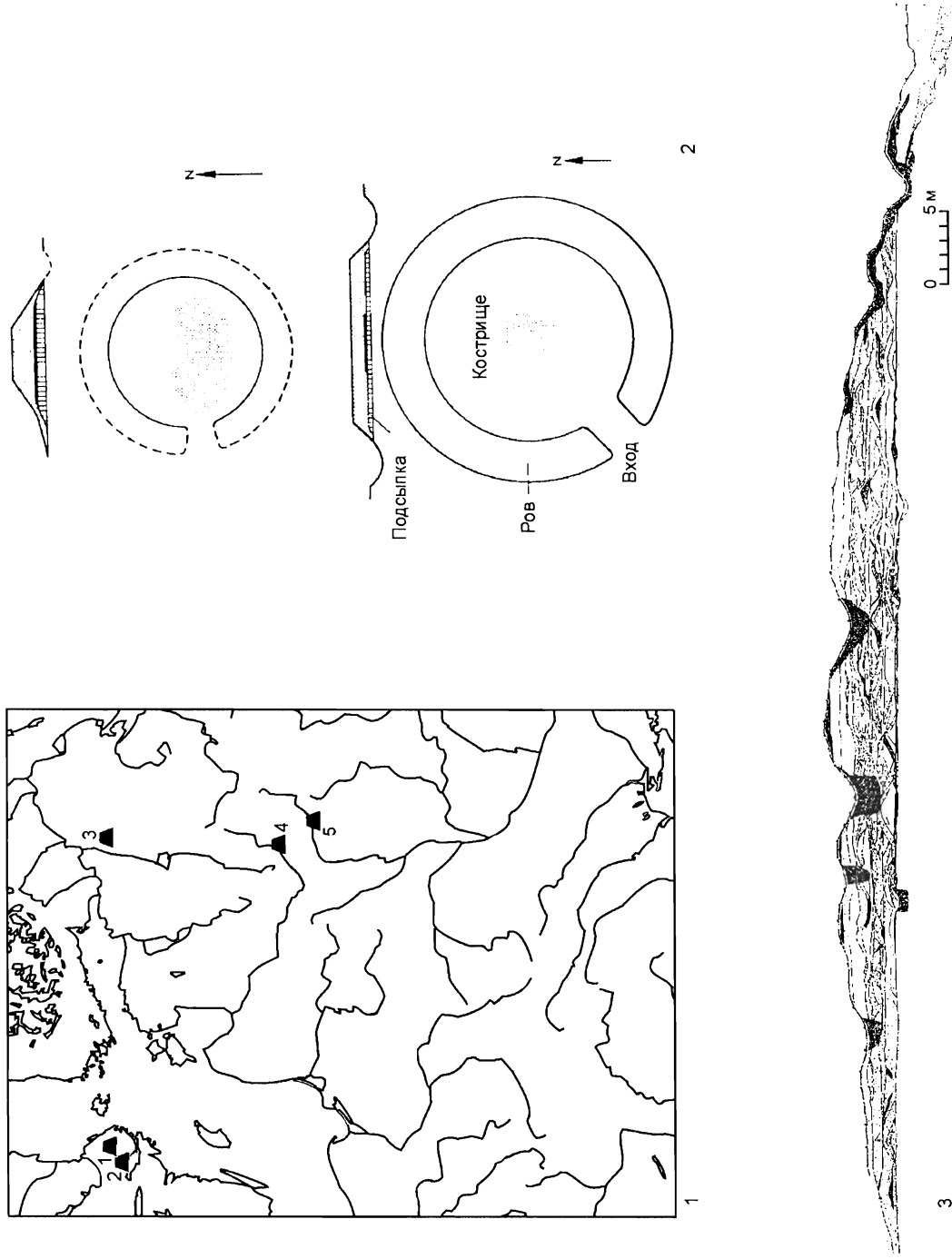

Рис. 7. Большие курганы-платформы, исследованные раскопками в Средней Швеции и Восточной Европе. 1 – расположение курганов на водных магистралях: 1 – Старая Уппсала, 2 – Форнсигтуна, 3 – урочище Плакун, Ленинградская область, 4 – Горяне, 5 – Гнездо, Смоленская область; 2 – большие курганы могильника Гнездо (по Вас. А. Булкину). 3 – разрез большого кургана у деревни Горяне, Смоленская область

Fig. 7. Large burial mounds-platforms excavated in central Sweden and Eastern Europe. 1 – arrangement of the barrows along water routes: 1 – Gamla Uppsala, 2 – Fornsigstuna, 3 – urochische of Plakun, Leningrad oblast, 4 – Goryane, 5 – Gnezdovo, Smolensk oblast; 2 – large kurgans of the cemetery of Gnezdovo; 3 – section of a large kurgan near vil. Goryane, Smolensk oblast

Большие курганы Средней Швеции, исследованные раскопками*
Table 1. Excavated large burial mounds in Central Sweden

№	Провинция	Приход, топоним, номер RAA, номер или название кургана ⁹	Диаметр кургана, м	Высота кургана, м	Время возведения кургана Дата по ¹⁴ С	Примечание	Год раскопок	Основная литература
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Uppland	Adelsö sn., RAA 48 Skopinntull	22	3	900-е гг. н. э.		1917	Rydh, 1936; Ambrosiani, 1985; Sten, Vretemark, 1988
2	Uppland	Eds sn., Antuna RAA 66 A1, A6	17	1,7–2,0	900-е гг. н. э., не ранее 917/918 г. н. э.		1991	Andersson, 1993; 2004
3	Uppland	Börje sn., Broby A1	20	1,8	600-е гг. н. э.		1930	Lindqvist, 1936; Arrhenius, 1978
4	Uppland	Börje sn., Broby A2	20	?	600-е гг. н. э.		1931	Lindqvist, 1936
5	Uppland	Sollentuna sn., Hersby RAA 45/47	20	3	600-е гг. н. э.		1905	Arne, 1919; Lindqvist, 1936
6	Uppland	Håtuna sn., Fornsigstuna RAA 39 Tingshögen	26	3	400–900-е гг. н. э. ¹⁰	Погребение не обнаружено	1984–1986	Fornsigstuna, 1991; Damell, 1991; Hammar, 1999
7	Uppland	Gamla Uppsala, RAA 123 Östhög	75×55 ¹¹	9	500-е–начало 600-х гг. н. э.		1846–1847	Lindqvist, 1936, 1945; Duczko, 1996
8	Uppland	Gamla Uppsala, RAA 123 Västhöг	67×51 ¹²	10,5	500-е гг. н. э.		1874	Lindqvist, 1936, 1945; Sten, Vretemark, 1988; Duczko, 1996
9	Uppland	Gamla Uppsala, RAA 123 Mellanhögen	75×50 ¹³	7	500-е гг. н. э. (?)	Погребение не исследовалось	1847, 1925	Lindqvist, 1936, 1945; Duczko, 1996
10	Uppland	Gamla Uppsala, RAA 123 Gullhögen ¹⁴	34	2–3	600–700-е гг. н. э. (?)		1846	Lindqvist, 1936

* Нумерация памятников в таблице соответствует шв. ил. 7.

⁹ Номер RAA – номер археологического объекта в учетной системе Королевского Управления древностей (Riksantikvarieämbetet).

¹⁰ Дата дана по времени существования поселения.

¹¹ Размеры по Duczko, 1996.

¹² Размеры по Duczko, 1996.

¹³ Размеры по Duczko, 1996.

¹⁴ Небольшая коллекция находок, датированная Вендельским временем, из раскопок В. Е. Хильдебранда, хранящаяся в Государственном историческом музее в Стокгольме (SHM 1411), предположительно соотносена И. Янссоном с одной из больших насыпей к югу от «королевских курганов». Данная точка зрения была высказана И. Янссоном в докладе на научной конференции в Перми в 2003 г. Приводимые в таблице сведения о размерах насыпи получены при нашем осмотре в 2005 г. Вопрос о принадлежности находок большому кургану нельзя пока считать окончательно решенным.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
11	Uppland	Gamla Uppsala, RAÅ 123 Tingshögen	30×20	3-5	500-е гг. н. э. (?)	Валунное ядро кургана не исследовалось, погребение не обнаружено	1988	<i>Lindqvist, 1936; Christiansson, Noddahl, 1989</i>
12	Uppland	Bondkyrka sn., Håga, RAÅ 356 Kung Björns Hög	44	7	Эпоха бронзы; 700-е гг. н. э.	В верхней части насыпи вне контекста найден наконечник стрелы и скорлупообразная фибула (впускное погребение?)	1902	<i>Almgren, 1905; Arwidsson, 1942</i>
13	Uppland	Vendel sn., Husby, RAÅ 1 Ottarshögen	37	6	Конец 400-х-500-е гг. н. э.; не ранее 476-477 гг. н. э.		1914, 1916	<i>Lindqvist, 1936; Karlsson, б. д.; Sten, Vretemark, 1988</i>
14	Uppland	Husby-Långhundra sn. RAÅ 30 Gullhögen			Римское время, Эпоха викингов	Курган сооружен в два приема		<i>Zachrisson, 1994</i>
15	Uppland	Sollentuna sn., Håggvik, RAÅ 81 A1	17	2-2,2	600-е гг. н. э. 1310±70 BP 1455±70 BP 1485±65 BP		1994, 1995	<i>Andersson, Lidström-Holmberg, 1998</i>
16	Uppland	Adelö sn., Ortnaknös, Björkö RAÅ 111	21	2,7	Римское время, Эпоха викингов (?)	Курган сооружен в два приема. Позднее погребение разрушено	1976	<i>Arrhenius, 1990; Zachrisson, 1994</i>
17	Uppland	Spånga sn., Rinkeby RAÅ 178 A5	15	2	600-750-е гг. н. э.		1967	<i>Sten, Vretemark, 1988; Bituw, 1992</i>
18	Uppland	Låssa sn., Rösating RAÅ 23	22	2,5	700-900-е гг. н. э. 1135±80 BP ¹⁵	Погребение не исследовалось	1981, 1982	<i>Damell, 1985; Bratt, Andersson, 2000</i>
19	Uppland	Uppsala-Näs sn., Staby RAÅ 25 A10	23	5	600-е гг. н. э.		1921	<i>Ekholm, 1931; Lindqvist, 1936.</i>
20	Uppland	Orkestra sn., Vaxtuna RAÅ30 Köhögen	36	7	500-600-е гг. н. э. (?)		1724	<i>Arne, 1924, Lindqvist, 1936, Nerman, 1960</i>
21	Uppland	Kalmar sn., Viby RAÅ 33 A1	20	3,5	800-е гг. н. э.		1976	<i>Svensson, 1983; Sten, Vretemark, 1988</i>
22	Västmanland	Badelunda sn., Långby, RAÅ 431, Anundshögen	63-64	10,5-11	1 тыс. н. э. 1905±60 BP 1775±80 BP 1690±60 BP	Погребение не исследовалось	1998	<i>Lindqvist, 1936, 1957; Bratt, 1999, 2004</i>
23	Västmanland	Badelunda sn., Tibble, RAÅ 432	22	1,7	540-630-е гг. н. э.			<i>Nerman, 1963; Arrhenius, 1971; Bratt, 1999</i>
24	Södermanland	Gullhögen (A158) Brännkyrka sn., Brunnby	14,5-17,5	2	600-е гг. н. э. 900-е гг. н. э.	Курган сооружен в два приема	1937	<i>Hansson, 1938</i>

¹⁵ Дата получена для «церемониальной дороги», ведущей к кургану, и перекрытой полой курганной насыпи (*Damell, 1985. P. 183*).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
25	Södermanland	Sorunda sn., Hoxla RAÅ 201	10-15 ¹⁶	2,4	500-600-е гг. н. э.		1960	Sten, Vretemark, 1988; Waller, 1996
26	Södermanland	Vansö sn., Husby Ingjaldshögen RAÅ 59	39×35	2	700-е-около 800-го г. н. э.		1919	Lindqvist, 1936; Sten, Vretemark, 1988
27	Södermanland	Österhanninge sn., Karleby RAÅ 1 A15	16	1,3-1,5	600-700-е гг. н. э.		1972	Bennett, 1985
28	Södermanland	Österhanninge sn., Karleby RAÅ 1 A22	18	1,2	900-е гг. н. э.		1972	Bennett, 1985; Sten, Vretemark, 1988
29	Södermanland	Härads sn., Kumla RAÅ 15 A12	12-18	1,2-2	800-е гг. н. э. (?)		1992	Drotz, Ekman, 1995
30	Södermanland	Öfverjärna sn., Linga RAÅ 54 A1	19	3-3,6	900-е гг. н. э.		1910-1911	Schnittger, 1912
31	Södermanland	Öfverjärna sn., Linga RAÅ 54 A 3	17×12	2	900-е гг. н. э.		1910-1911	Schnittger, 1912
32	Södermanland	Botkyrka sn., Norsborg RAÅ A10	46×39	6	650-700-е гг. н. э.		1939	Einerstam, 1940; Nerman, 1961; Ambrosiani, 1985
33	Södermanland	Trosa-Vagnerad sn., Södra Husby RAÅ 177 A1	22	0,7 ¹⁷	600-е гг. н. э.		1959	Säråvik, 1962; Ambrosiani, 1985
34	Södermanland	Trosa-Vagnerad sn., Södra Husby RAÅ 177 A3	18	2	600-е гг. н. э.		1959	Säråvik, 1962; Ambrosiani, 1985
35	Småland	Gamleby sn., Gunnerstad RAÅ 61 A1	22	2,25	600-е гг. н. э.		1957	Sten, Vretemark, 1988; Palm, 2001, 2002

¹⁶ Точные размеры не представлялось возможным выяснить, так как курган был поврежден по краям пахотой.

¹⁷ Верхняя часть насыпи разрушена (Säråvik, 1962. P. 45). Первоначальная высота ее неизвестна.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н. э. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Владимир Я. Конецкий

Новгородский Государственный университет. Великий Новгород. Россия

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN NORTH-WESTERN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1ST MILLENNIUM AD: THE RESULTS AND PROSPECTS OF THE STUDIES

Vladimir Ya. Konetskiy

Novgorod State University. Veliky Novgorod. Russia

ABSTRACT: *The Slavic colonization of North-Western Russia which was taking place in the second half of the 1st millennium AD came to be the key period in the history of this region. It has resulted in the assimilation of the aboriginal Finno-Ugrian population by the Slavs and the formation of a group homogeneous in its culture and dialect by the beginning of the 2nd millennium. That was the group mentioned in chronicles as the «Novgorodians». The history of archaeological studies of sites of the period under consideration goes back hundred years but until now there is no unanimity among the researchers as to the ethnocultural belonging of the sites.*

During recent decades the cultural processes of the 2nd half of the 1st millennium AD were characterized in terms of the hypothesis of «two waves» of the Slavic colonization. Those waves occurring at different times were associated with two archaeological cultures: the «culture of long kurgans» and the «culture of sopkas». In 1980s–1990s, however, a number of sites preceding genetically to both of the cultures were revealed and partly excavated. This fact cast doubt on the Slavic attribution of the «culture of long kurgans» allowing us to propose a new hypothesis of «two cultural traditions» which may account for the total aggregate of facts more comprehensively and adequately.

Вторая половина I тыс. н. э. является принципиально важным периодом для понимания ранней истории такого региона как Северо-Запад России. Основой сложных культурно-исторических, этнических и социально-политических процессов, происходивших в этот период, стала славянская колонизация данной территории, в ходе которой произошла ассимиляция местного, финно-угорского в своей основе, населения. Это привело к формированию здесь на рубеже I–II тыс. н. э. единой в культурном и диалектном отношении древнерусской общности, называемой в летописи – *новгородцами* (Хабургаев, 1979. С. 115). Славянский демографический потенциал в условиях динамичного экономического развития определил, в конечном счете, возникновение в историческом ядре региона – Приильменье – одного из главных центров древнерусской государственности – Новгорода.

Хотя история и содержание этих процессов всегда вызывали широкий научный и общественный интерес, многие их аспекты до сих пор являются дискуссионными. Это связано не только с состоя-

нием источниковой базы, но и в значительной мере с существованием в наши дни ряда взаимоисключающих гипотез. Эти различные точки зрения, связанные с именами авторитетных исследователей, отразили в момент своего возникновения современное им состояние источников, и, в определенной мере, общественно-политический контекст, и продолжают поныне влиять на продолжающееся исследование проблемы.

Целью данной работы является рассмотрение некоторых проблемных моментов в изучении древностей второй половины I тыс. н. э. Северо-Запада России и попытка обозначить контуры новой модели этнокультурного развития региона в рассматриваемый период. При самом общем взгляде на славяно-русскую археологию Северо-Запада в ее развитии можно выделить ряд этапов. Естественно, границы между ними в отдельных случаях являются размытыми. Однако в качестве точки отсчета естественно принять появление новых подходов и гипотез, которые становились определяющими для дальнейшего развития науки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-46104a/3).

Первый этап охватывает временной отрезок с конца XIX в. по 30-е годы XX в. Его основным содержанием было накопление фактического материала. Научная деятельность в этот период была, прежде всего, связана с именем А. А. Спицына – безусловного корифея славяно-русской археологии. Ему принадлежит заслуга выделения двух групп погребальных памятников Северо-Запада второй половины I тыс. н. э.: сопок и курганов разных форм (длинных и полусферических). В различные периоды своей научной деятельности А. А. Спицын по-разному оценивал этническую принадлежность этих памятников. Для длинных курганов оценки колебались между признанием их либо кривичскими, либо неславянскими (финно-угорскими или балтскими) памятниками. Однако позднее А. А. Спицын склонился к признанию их древнейшими археологическими свидетельствами присутствия славян на Северо-Западе. Время появления длинных курганов определялось им VI–VII вв. В отношении сопок А. А. Спицын полагал, что этот тип погребальных сооружений был первоначально занесен на Русь скандинавами и впоследствии заимствован славянским населением Приильменя (*Спицын*, 1899а. С. 142–155; 1899б. С. 30; 1903. С. 196–202). В конце 1920-х гг. А. А. Спицын писал, что сопки являются славянскими памятниками, и предполагал их генетическую связь с более древними насыпями разных форм. Что же касается исходной территории славянской миграции, то в данном вопросе А. А. Спицын на протяжении основного периода своего творчества опирался на свидетельство летописей, утверждавших южное происхождение большинства славянских племен. Однако в последние годы своей жизни он допускал и западное происхождение славян на территории будущей Новгородской земли. Хотя в 30-е гг. XX в. данная точка зрения в целом оставалась маргинальной, но все же она получила некоторое отражение в работах как советских, так и эмигрантских русских исследователей. Так как какая-либо археологическая аргументация в ее пользу не приводилась, то очевидно, что появление этой гипотезы было связано с некоторыми работами языковедов (*Петровский*, 1922. С. 356–389).

Второй этап развития славяно-русской археологии Северо-Запада начался в середине 1930-х гг., и был связан с утверждением в науке марксистских методологических принципов и схем. В частности, это выразилось в господстве «теории стадиальности», выросшей на базе «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Согласно этой теории, появление новых этносов рассматривалось как результат со-

циальных трансформаций населения, что в принципе отрицало роль миграций в древней истории или сводило их значение к минимуму. Параллельно действовал фактор и иного порядка, связанный с нарастанием с середины 30-х гг. националистических тенденций, также требовавших признания, если не исконности славянского населения на коренных русских территориях, то его очень раннего появления. Таким образом, сам вопрос о славянской колонизации Северо-Запада практически снимался с повестки дня. Крах теории стадиальности, произошедший после выхода известной работы И. В. Сталина, положил конец крайностям автохтонизма, хотя «национальная доминанта» еще продолжала влиять на общую атмосферу в науке.

В 1950-е гг. проблема славянской колонизации Северо-Запада, как и ранее, рассматривается в рамках гипотез славянского этногенеза, согласно которым ключевым этапом в становлении этой этнической общности на территории Восточной Европы считалась зарубинецкая культура, бытовавшая на рубеже эр в Среднем Поднепровье. Распространение в первые века н. э. на северных территориях вплоть до Верхнего Поволжья отдельных восходящих к ней элементов расценивалось как свидетельство славянизации коренного населения. Эталонным раннеславянским памятником лесной зоны продолжает считаться городище Березняки, датируемое III–V вв., хотя славянская принадлежность дьяковской культуры в целом уже начинает ставиться под сомнение (*Третьяков*, 1953а. С. 19). Дата появления на Северо-Западе памятников, традиционно связываемых со славянской колонизацией – сопок и длинных курганов, в это время остается искусственно заниженной: она не выходит за рамки первой половины I тыс. н. э. (*Третьяков*, 1953б. С. 18; *Тараканова*, 1953. С. 191–211; 1954. С. 106–107).

Важной точкой отсчета для формирования новых подходов к данному вопросу стали материалы, полученные при раскопках Старой Ладogi экспедицией В. И. Равдоникаса. По своему объему полученные данные не имели себе равных на фоне материалов с других поселений, считавшихся раннеславянскими. Ладожские материалы стали восприниматься как эталон ранней славянской культуры лесной зоны Восточной Европы, особенно после исключения дьяковских древностей из числа славянских. Ранние напластования Старой Ладogi были датированы VII в. Наличие среди ладожских находок предметов, имеющих верхнеднепровские аналогии, позволило говорить о древнейших обитателях поселения как о кривичах (*Равдо-*

никас, 1945. С. 41; 1950. С. 36–38). Появление славян южнее Приильменя, в частности – в верховьях Западной Двины и Ловати, было датировано Я. В. Станкевич V–VI вв., то есть временем более ранним, чем – в Ладого (*Станкевич*, 1960. С. 150).

Ситуация начинает существенно меняться в конце 1950-х гг., в период идеологической «оттепели». В новых условиях раннеславянская проблематика заметно теряет политическую актуальность, что сделало возможным переоценку существующих представлений. Прежде всего, это выразилось в изменении этнической атрибуции древностей Верхнего Поднепровья, которые исследователи стали соотносить с балтами. Такая оценка подкреплялась выводами лингвистов и некоторых археологов (*Моора*, 1958. С. 27). Данный подход был полностью воспринят практически всеми отечественными славистами. Признание наличия «балтского барьера» естественно повлияло и на подходы к решению проблемы славянизации новгородско-псковского региона. Здесь были возможны альтернативные решения, которые и были реализованы различными исследователями.

Достаточно взвешенную позицию, по сравнению с традиционными взглядами, занял П. Н. Третьяков, который дифференцировал древности Поднепровья середины–третьей четверти I тыс. н. э. на две зоны: южную – славянскую и северную – балтскую. Продвижение славян на север шло, по его мнению, в обход «островов» балтского населения. По поводу формирования ильменских словен П. Н. Третьяков высказал мысль, что данная группировка образовалась за счет выходцев из Верхнего Поднепровья, «причем в освоении северных земель в VI–VIII вв. большую роль сыграли не только отдаленные потомки зарубинецких племен, но и верхднепровское население, относящееся по происхождению к восточным балтам и ставшее славянским (древнерусским) в результате ассимиляции его славянами». При этом характерные археологические памятники ильменских славян – сопки, связывались своим происхождением с верхднепровскими большими курганами (*Третьяков*, 1966. С. 230–240, 254–293). В отношении кривичей позиция П. Н. Третьякова была иной – здесь он счел возможным принять вывод В. В. Седова о западном происхождении населения, оставившего длинные курганы (*Третьяков*, 1966. С. 283).

В. В. Седов полностью отверг южный, в широком смысле среднеднепровский, путь миграции славян на Северо-Запад, предпочтя ему западнославянскую гипотезу, что имело опору в предшествующей историографии. При этом он последовательно отстаивал идею о приходе с запада не

только кривичей, но и словен новгородских. Более того, по его мнению, славянизация Подвинья и Смоленского Поднепровья происходила за счет продвижения населения с Псковщины, то есть направление миграции изменилось здесь на противоположное по сравнению с принятым ранее (*Седов*, 1960. С. 53–59; 1970а. С. 105–109; 1970б. С. 29–33).

Отмеченные различия во взглядах П. Н. Третьякова и В. В. Седова не являлись принципиальными. В конечном счете, здесь более явственно выступают общие черты, свойственные данному периоду в целом. Они сводятся к признанию длинных курганов и сопок славянскими памятниками региона, традиционно связываемыми с кривичами и словенами. Появление и тех, и других относилось к середине I тыс. н. э. Таким образом, этнический процесс, в изображении этих авторов, предстает как мгновенная смена декораций, поскольку вопрос о предшествующих и синхронных памятниках местного дославянского населения фактически не стоит.

Начало формирования следующего, третьего, этапа относится к 60-м годам XX в. Появление новых идей, возникших на волне «оттепели», было в известной степени реакцией на стереотипы официальной науки. Это привело к разрушению «славянской парадигмы» в отношении памятников второй половины I тыс. н. э. Новый подход, в весьма радикальной форме, был изложен И. И. Ляпушкиным. Согласно его взглядам, ни сопки, ни длинные курганы не могут быть признаны специфическими погребальными памятниками славянских летописных племен: первые – словен ильменских, вторые – кривичей, даже если допустить, что они в какой-то своей части оказались памятниками славянской культуры. Однако достаточных данных для обоснования этого положения, как казалось самому И. И. Ляпушкину, на тот момент не было. При этом если в отношении сопок еще допускалась их разнородность, требующая дальнейшего изучения и классификации, то вывод о славянской принадлежности длинных курганов был безоговорочным. В качестве бесспорно славянских древностей лесной зоны Восточной Европы И. И. Ляпушкин предложил рассматривать невысокие курганы, содержащие остатки кремаций, аналогичные, по его мнению, памятникам на условно славянских территориях, датированным им в основном IX в. Он считал, что о курганах VIII в. можно говорить лишь предположительно (*Ляпушкин*, 1968. С. 20–22).

Мнение И. И. Ляпушкина имело достаточно широкий научный резонанс. Во второй половине

60–начале 70-х гг. появляется ряд региональных работ, авторы которых оценивали как длинные, так и связанные с ними полусферические курганы, как неславянские (*Мальм, Фехнер*, 1969. С. 186–188; *Лаул*, 1971. С. 319–329). В зависимости от территорий они признавались либо финно-угорскими, либо балтскими. В отношении сопок его позиция была гораздо более сдержанной. Здесь лишь присутствовал усилившийся акцент на связи части этих курганных насыпей со скандинавами (*Тухтина*, 1968. С. 188–193), о чем, впрочем, писал в свое время и сам И. И. Ляпушкин.

Наиболее последовательным сторонником идей И. И. Ляпушкина применительно к рассматриваемому региону стал Г. С. Лебедев, развивший и расширивший их положения в ряде своих работ. Он попытался выделить общую культурную подоснову формирования длинных курганов и сопок, поскольку древнейшие из этих памятников, по его мнению, представлялись ему близкими по вещевому набору. В данной связи Г. С. Лебедев писал о существовании «предкурганной культуры», соответствующей позднедьяковскому этапу на данной территории. Эта «предкурганная культура», блокированная с юга балтской днепро-двинской культурой, а с востока – финно-угорской дьяковской культурой, безусловно, не могла быть связана со славянами. По его мнению, она должна была соответствовать чуди, упоминаемой Иорданом в его «*Getica*», то есть финно-угорскому, возможно, с балтийскими элементами, населению. Отражением же славянской колонизации Г. С. Лебедев считал, вслед за И. И. Ляпушкиным, появление полусферических курганов (*Лебедев*, 1977. С. 46). Однако, вскоре стало очевидно, что никакого особого пласта полусферических курганов с трупосожжениями не существует, а все учтенные в данной связи памятники принадлежат культуре длинных курганов (*Носов*, 1981. С. 42–56). Это обстоятельство стимулировало интерес к материалам поселений. Именно здесь стали искать следы древнейшего присутствия славян на Северо-Западе. Важная попытка продвинуться в этом направлении была сделана Р. С. Минасяном, который выделил комплекс хозяйственных и бытовых признаков, характерных только для базировавшейся на пашенном земледелии славянской культуры. Данный комплекс складывается на бесспорно славянских территориях Юго-Восточной и Восточной Европы, а затем постепенно распространяется в лесной зоне. На северных территориях Древнерусского государства он появляется «где-то во второй половине VIII в. или в IX в.» (*Минасян*, 1982. С. 26–27). Поскольку объем археологических

материалов с раннеславянских поселений на территории будущей Новгородской земли в тот период был весьма невелик, то привязка указанного комплекса к конкретным археологическим культурам Северо-Запада была тогда невозможной. Тем не менее, восприятие процесса славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы как земледельческой колонизации, впервые принесшей на эти территории пашенное земледелие, и оценка типов хозяйства как этнодифференцирующих, имели большое значение для дальнейшего развития научных взглядов.

Важнейшей тенденцией в развитии славяно-русской археологии Северо-Запада в конце 70–начале 80-х гг. следует считать стремление к аналитической дифференциации древностей, характерных для сопочной и длинно-курганной погребальных традиций. Отсутствие в регионе других явно выраженных групп древностей второй половины I тыс. н. э., равно противостоящих как сопкам, так и насыпям культуры длинных курганов, делало возможным описание этнокультурных процессов лишь в рамках взаимодействия групп населения, оставивших эти памятники. Параллельно, в этот период формируется представление о сопках и длинных курганах не просто как о погребальных памятниках близкородственных племен – словен и кривичей, но и как о компонентах двух вполне определенных археологических культур. Они были охарактеризованы как лишь частично совпадающие во времени и пространстве и заметно отличающиеся по основным характеристикам: погребальному обряду, типу жилищ, керамике, набору бытовых предметов и женским украшениям (*Носов*, 1982. С. 64–65). Для оценки этих культур все более важное значение приобретало осознание различия в системах хозяйства их носителей. Исходя из ландшафтно-почвенных характеристик территорий, на которых располагались эти памятники и откуда происходили соответствующие археологические находки, экономика населения культуры длинных курганов была реконструирована как базирующаяся с эпохи раннего железного века на традиционных для лесной зоны животноводстве и подсежном земледелии, а для носителей культуры сопок – на пашенном земледелии (*Долуханов, Носов*, 1985. С. 21–23; *Конечкий*, 1984. С. 12–13). Таким образом, именно с сопочной общностью стало возможным соотношение хозяйственно-бытового комплекса, выделенного Р. С. Минасяном.

Констатация существенных различий между культурами сопок и длинных курганов позволила некоторым исследователям оценивать их как разнотничные, тем более, что культура длинных

курганов ранее рядом авторов была признана не-славянской. Тем не менее, большее распространение получила компромиссная гипотеза «двух волн». На ее формирование оказал влияние целый ряд факторов. Поскольку славянская принадлежность культуры сопки признавалась большинством исследователей, и были очевидны культурные, хронологические и территориальные различия обеих групп древностей, то главной составляющей этой гипотезы стало доказательство наличия славянского компонента в культуре длинных курганов. В данной связи, решающее значение имело определение места культуры длинных курганов среди синхронных смежных культур и выявление ее генетических корней.

В 70-е гг. белорусские археологи начинают активно разрабатывать идею о культурной близости населения, оставившего ранние длинные курганы на территории Северной Белоруссии, с носителями Тушемлинско-Банцеровской культуры (*Загорюльский*, 1977. С. 75–77; *Перхавко*, 1978. С. 10–11, 19). Распространение данных выводов на всю культуру длинных курганов было предпринято рядом исследователей города на Неве и, прежде всего, – Р. С. Минасяном. Важным аргументом, обосновывавшим связь длинных курганов псковско-новгородской группы с более южными древностями, в построениях Р. С. Минасяна явилось признание наличия плотной заселенности территории Верхнего Подвинья в раннем железном веке при почти полном отсутствии археологических памятников в более северных районах. Таким образом, длинные курганы на основной территории своего распространения оказались лишенными местных корней, и население, соорудившее их, расценивалось, в основном, как пришлое (*Минасян*, 1979. С. 180–184). О близости керамики типа Тушемли-Банцеровщины и длинных курганов писал в те годы С. В. Белецкий, в целом, разделявший взгляды Р. С. Минасяна (*Белецкий*, 1979. С. 10). Определенную сложность в признании генетической связи указанных культурных групп, вызывала их очевидная синхронность. Эту проблему исследователи списывали на недостаточную изученность данных культур.

Разработка гипотезы об интерпретации древностей Северо-Запада и Верхнего Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э. как единого или близкого культурного блока, допускала его различную этническую интерпретацию. Хотя в 70-е гг. исследователи, касавшиеся данной проблемы, обычно решали ее в рамках балтской парадигмы, ситуация постепенно начинала меняться. Наиболее решительный шаг в переоценке господствовавших в тот

период представлений был сделан Е. Н. Носовым. Признавая близость культур псковско-новгородских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины при невозможности отнесения первой к балтам, он вернулся к общей славянской атрибуции этих памятников. Такой взгляд на этническую природу древностей третьей четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья и, опосредованно, более северных территорий, в определенном смысле вошел в предложенную рядом ленинградских исследователей новую схему славянского этногенеза, согласно которой его древнейший этап был связан с лесной зоной Восточной Европы. При этом культуры раннего железного века, ранее расценивавшиеся как балтские, стали трактоваться в качестве «балто-славянских или праславянских». С учетом всех этих предположений и фактов, гипотеза «двух волн» окончательно была сформулирована Е. Н. Носовым в следующем виде: «Если рассматривать носителей культуры сопки и длинных курганов в рамках славянского этногенеза, то можно поставить вопрос о ранней волне славянского этногенеза, приведшей в сложном процессе взаимодействия с различными группами балтского и финно-угорского населения к формированию культуры длинных курганов, характеризующейся достаточно разнородными элементами материальной культуры, и о более поздней, несколько иной по составу, волне славянской колонизации, связанной, в конечном итоге, с населением соорудившим сопки» (*Носов*, 1981. С. 56; 1982. С. 65).

В то же время, несмотря на существенные культурные различия, вне территории, где произошло наложение обеих культур, например в Южном Причудье, носителям культуры длинных курганов приписывалась та же историческая роль, что и «сопочникам». «Такие городские центры Северной Руси как Псков и Изборск, – писал Е. Н. Носов, – во многом сформировались на основе северной группы длинных курганов» (*Носов*, 1982. С. 77–78). Что же касается происхождения двух потоков славянской колонизации, то тогда Е. Н. Носов допускал, впрочем, как и многие авторы, их различные истоки, связывая появление будущих носителей культуры сопки с западнославянскими территориями. На это в сильной степени повлияли выводы лингвистов, анализировавших язык новгородских берестяных грамот (*Зализняк*, 1986. С. 218).

Очевидные и существенные различия между культурами сопки и длинных курганов в 80-е гг. были учтены и В. В. Седовым, который так же писал, что «расселение славянских группировок, положивших начало формированию кривичей и сло-

вен, осуществлялось не одновременно и, может быть, разными путями. Очевидно, первой в будущем северо-западном регионе Руси поселилась в VI в. (а может быть и в V в.) славянская группировка, оставившая длинные курганы. Расселение славян, соорудивших в Приильменье сопки, было следующим миграционным потоком, датировка которого затруднительна, но, скорее всего, определяется VII в.» (Седов, 1982. С. 66). Что касается путей прихода славян на Северо-Запад, то В. В. Седов продолжал отстаивать традиционный для него западнославянский вариант. Выступая ранее резко против связи Тушемлинско-Банцеровской культуры со славянами, теперь он несколько смягчил свою позицию, указывая на инфильтрацию славян в балтскую среду, и приводя конкретные элементы культуры (домостроительство, некоторые типы бытовых и хозяйственных вещей), обычно атрибутируемые как славянские. Однако сколько-нибудь заметная генетическая связь между культурой длинных курганов и древностями Верхнего Поднепровья им по-прежнему отрицалась (Седов, 1982. С. 39–40).

В 70–90-е гг. наряду с изучением славянских миграций большое внимание уделялось проблеме происхождения приписываемых славянам погребальных памятников. В предшествующий период их появление рассматривалось в прямой связи с предполагаемыми миграционными потоками. Поэтому актуальным представлялся поиск прототипов обеих групп изучаемых древностей – длинных курганов и сопок. Для первых в качестве прототипа различными исследователями были названы предполагаемые удлиненные насыпи в Понеманье, для вторых – либо большие курганы Верхнего Поднепровья, либо курганы балтов. Впоследствии, когда вышеупомянутая гипотеза о происхождении длинных курганов не подтвердилась, В. В. Седов сформулировал важный в методологическом отношении принцип: «нельзя смешивать вопрос о происхождении кривичей с вопросом о происхождении длинных курганов» (Седов, 1974. С. 9–10, 31). Рассматривая местные истоки формирования данной обрядности, он видел прототипы длинных курганов в естественных всхолмлениях. Конкретизируя выводы о местных истоках этих памятников, М. Аун и Е. Н. Носов попытались доказать эволюцию обряда от погребальных площадок, окруженных ровиками, к обычным насыпям (Аун, 1980. С. 99; Носов, 1984. С. 11–17). Эти выводы были приняты и В. В. Седовым (Седов, 1982. С. 53). Оценка погребальных площадок как всеобщей, хронологически наиболее ранней, стадии в развитии погребального обряда была оспорена

Е. Р. Михайловой. Она показала, что все элементы погребальной обрядности культуры длинных курганов существуют одновременно. Погребальные площадки, окруженные ровиками, являлись начальной стадией сооружения практически любого кургана. В дальнейшем большинство площадок было перекрыто насыпями, и лишь немногие в силу конкретных причин были оставлены в первоначальном виде (Михайлова, 1993. С. 70–78).

В последние десятилетия мысли исследователей вновь обратились к поиску внешних источников формирования курганной традиции в культуре длинных курганов. Истоки ее видятся в культуре восточно-литовских курганов. Распространение идеи сооружения курганных насыпей связывается с небольшими военизированными полиэтничными группами населения, вторгшимися с территории Литвы. Их пребывание маркируется находками оружия, элементов поясной гарнитуры центрально-европейского происхождения и иных импортов (Бажан, Каргопольцев, 1986. С. 200; Лопатин, Фурасев, 1994. С. 148; Казанский, 1999. С. 404–419).

Доказательством того, что появление курганного обряда связано именно с этим культурным и демографическим импульсом, является территориальное распределение В-образных рифленых пряжек. Анализ карты их распространения показывает, что их ближайшее к Северо-Западу крупное скопление находится в бассейне р. Неман. При этом они ни разу не были встречены в Верхнем Поднепровье, где в VI–VII вв. курганный обряд так и не возник (Седов, 1994. С. 130. Рис. 2).

Погребальные насыпи культуры длинных курганов несут в себе и следы местной традиции. Возможно, что появление длинных и квадратных в плане насыпей произошло под влиянием идеи «домиков мертвых». Много таких памятников за последние годы было исследовано на северо-востоке ареала длинных курганов в бассейне среднего течения р. Мологи. Эти «домики мертвых» реконструируются как невысокие прямоугольные срубы, внутри которых могли содержаться остатки многочисленных кремаций (Башенькин, 1995. С. 9–14). Присутствие среди памятников культуры длинных курганов насыпей подпрямоугольных форм с зафиксированными в ряде случаев следами деревянной обноски делают это предположение вполне реалистичным (Конечкий, 1977. С. 222–223; Фурасев, 2001. С. 17). Необходимо в целом отметить, что вся территория рассматриваемой культуры, включая наиболее смешанный в культурном отношении район междуречья Западной Двины, Ловати и Великой, входила в раннем железном

веке в зону распространения сетчатой керамики, чья финно-угорская принадлежность не вызывает сомнений.

В отношении культуры сопки в науке также наметился процесс хронологической и культурной дифференциации ее погребальной и поселенческой составляющих. Возникшее на рубеже 70–80-х гг. и в значительной мере сохранившееся поныне традиционное понимание данной археологической общности фактически совпадает с понятием «культура населения, соорудившего сопки». Таким образом, основанием для такого определения является сам сопочный обряд, хотя часть исследователей и дополняет этот признак наличием керамики ладожского типа. Поэтому, в условиях слабой изученности поселений, определение хронологических рамок культуры соотносится исключительно с хронологией самого сопочного обряда. К сожалению, плохая сохранность и малочисленность погребального инвентаря, при широком хронологическом бытовании большинства типов, долгое время затрудняли объективное решение данной проблемы. Так, В. В. Седов в монографии 1970 г. датировал сопки VII–IX вв., однако в работе 1982 г. он же писал, что «основная масса относится к VIII–XI вв.», допуская и более раннее их бытование (Седов, 1970б. С. 27–28; 1982. С. 64). После проведения исследований, предпринятых В. П. Петренко в окрестностях Ладоги (Петренко, 1985. С. 143, 146; Петренко, 1994. С. 90), а также рядом археологов в других районах, стало ясно, что сопки в своем большинстве сооружались в X в., а отчасти в начале XI в. (Носов, 1981. С. 54). Что же касается VIII в., то эту дату, которая ныне ставится под сомнение, можно обсуждать лишь для двух насыпей в окрестностях Ладоги (Кузьмин, 1997а. С. 109). Таким образом, за пределами ладожской округи, которая в настоящее время признается местом формирования сопочной традиции, эти насыпи датируются IX–X или просто X в.

Изменилась и социокультурная интерпретация сопки. Согласно их традиционной трактовке, господствовавшей в 50–70-е гг., сопки признавались памятниками, связанными с родовыми традициями, то есть общими усыпальницами, в которых были похоронены все члены соответствующих коллективов. В данной связи В. В. Седов писал, что «общее количество захоронений в сопках исчисляется десятками» (Седов, 1982. С. 63). Проведенные на современном методическом уровне раскопки 70–80-е гг. показали полную несостоятельность подобных представлений, вновь продемонстрировав уже давно отмечавшийся факт крайней немногочисленности погребений в сопках (Чер-

нягин, 1941. С. 96). Это несоответствие количества погребений и огромной трудоемкости сооружения подобных насыпей заставило на новом уровне вернуться к идее об элитарном статусе лиц, похороненных в сопках (Конецкий, 1993. С. 11). При этом вновь приобрела актуальность точка зрения А. А. Спицына, к которой позднее присоединились некоторые исследователи, об участии скандинавской традиции в формировании сопочного обряда.

Таким образом, в настоящее время наиболее непротиворечивой представляется гипотеза, согласно которой формирование сопки происходит в славяно-скандинавской среде Ладоги – месте длительных и интенсивных культурных контактов этих этнических групп. Здесь широко развернулись процессы формирования нового социального слоя Северной Руси. Возникнув в Ладоге, сопки в дальнейшем распространяются на территории Приильменя как сакрально-погребальные памятники славянской элиты, возглавлявшей местные общины. Массовое распространение этого явления относится к середине IX–X в., то есть к эпохе первых русских князей, когда происходит существенная интенсификация культурных и информационных потоков.

Взгляд на сопки как на памятники, привнесенные извне, элитарные и не связанные с исходной славянской традицией, неизбежно повлек за собой вывод о существовании на Северо-Западе досопочного этапа славянской культуры (Мачинский, 1986. С. 33). Его наличие допускалось и на основе анализа поселенческих древностей. Долгое время наиболее ранним, твердо датированным местом присутствия славян в регионе считалась Ладога, возникшая в середине VIII в. Однако, существенная географическая оторванность Ладожского микрорегиона от основного массива памятников культуры сопки, наряду с отсутствием в окрестностях Ладоги значительного массива почв, пригодных для раннего земледельческого освоения, привели к тому, что многие исследователи стали рассматривать эту территорию как место вторичного славянского освоения, в отличие от зоны плотного первоначального славянского расселения в центральном Приильменье.

Вопреки ожиданиям, впервые славянские памятники третьей четверти I тыс. н. э., то есть относящиеся к доладожскому периоду, были обнаружены и исследованы И. В. Ислановой на восточной окраине будущей Новгородской земли в районе оз. Удомля. Раскопки селища и могильника Юрьевская Горка позволили представить облик культуры, относящейся к эпохе древнейшего сла-

вянского расселения на Северо-Западе. Материалы этих памятников указывают на их связь с древностями пражской культуры. Это прослеживается по керамическому комплексу, в котором значительный процент составляют сосуды стройных пропорций, по высоким биконическим пряслицам, отчасти и по домостроительству, а также по характеру погребального памятника – грунтовому могильнику с погребениями по обряду кремации. Вместе с тем, прослеживается генетическая связь и с более поздними славянскими древностями культуры сопок. Это проявляется, прежде всего, в керамическом комплексе, в состав которого на памятнике Юрьевская Горка входят, среди прочего, и сосуды протореберчатых форм. На их основе происходит формирование керамики ладожского типа, ставшей впоследствии самым характерным элементом культуры сопок (Исланова, 1997. С. 21–55).

Памятники «удомельского типа» находятся в микрорегионах, где известны и сопочные древности. И те, и другие приурочены к одинаковым ландшафтам, что является не только определенным аргументом в пользу преемственности, но и свидетельствует об одинаковом типе хозяйства у обеих групп населения. Кроме Юрьевской Горки, ряд памятников «предсопочной культуры» был открыт И. В. Ислановой в ходе разведочных работ и небольших раскопок на значительной территории от Удомельского Поозерья до верховьев Волги (селище Ряд 3 на оз. Удомля, городище и селище Казихино на Мсте, селище Леонтьево на оз. Мстино, городище Осечен на верхней Волге в районе Ржева) (Исланова, 1997. С. 55; 2002. С. 90; Исланова, Мерецкий, 1997. С. 12–19).

Позднее материалы третьей четверти I тыс. н. э. были обнаружены на селище Прость под Новгородом. К сожалению, полная характеристика данного памятника пока невозможна из-за отсутствия публикации материалов раскопок. Однако среди материалов опубликованного раннего комплекса имеется и керамика стройных пропорций, и, вопреки утверждению авторов полевых исследований (Носов, Плохов, 2002. С. 173), реберчатые формы, связанные с формированием керамики «ладожского типа». Керамика «стройных пропорций» присутствует и в слоях третьей четверти I тыс. н. э. Псковского городища (Белецкий, 1996. С. 57). Она же доминирует и в ранних напластованиях Изборска (Белецкий, 1996. С. 24–25), возникшего на рубеже VII–VIII вв. (Седов, 1985. С. 119).

За последние годы в ладожской округе также исследован памятник, связанный с древнейшим славянским освоением этого района – городище Любша. Нижняя дата напластований, связанных с

приходом сюда славян может быть определена как конец VII–первая половина VIII вв. (Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 196–203). В небольшой подборке керамики с этого памятника, опубликованной ранее В. П. Петренко и Т. Б. Шитовой, представлены S-видные венчики, принадлежащие сосудам стройных пропорций, при отсутствии явных реберчатых форм, что, по-видимому, до некоторой степени свидетельствует о специфике керамического комплекса Любши по сравнению с Ладогой (Петренко, Шитова, 1985. С. 186. Рис. 3, 16–21).

Кроме керамики стройных пропорций важным свидетельством славянской миграции на Северо-Запад в третьей четверти I тыс. н. э. являются украшения из свинцово-оловянистых сплавов и, особенно, формочки для их отливки. Как считает О. А. Щеглова, традиция изготовления этих украшений «была заимствована в Подунавье и в VI в. была усвоена населением Нижнего Подунавья, Поднестровья и Побужья». Появление на Северо-Западе массового количества этих предметов объясняется тем, «что новая традиция была перенесена в новый район достаточно активной миграцией населения». По мнению исследовательницы, все типы и разновидности представленных здесь украшений относятся к категориям, распространенным в третьей четверти I тыс. н. э. на раннеславянских памятниках пражской, пеньковской и колочинской культур. Пути движения мигрирующих групп, согласно О. А. Щегловой, проходили через Верхнее Поднепровье (Щеглова, 2002. С. 137, 145–147). Среди памятников Северо-Запада, возникших в третьей четверти I тыс. н. э., эти украшения встречены на востоке и юго-востоке региона (Юрьевская Горка, Подол III, Осечен), на севере (Любша) и на западе (Псков, Камно, Изборск). Особенно выделяется городище Камно, возникшее в начале VIII в. (Плоткин, 1974. С. 16), где представлена обширная серия типов вещей, имеющих непосредственные южные аналогии (Щеглова, 2002. С. 146–147).

Таким образом, ареал славянских памятников, появляющихся в конце третьей четверти I тыс. н. э., охватывает практически весь Северо-Запад. Однако, представить истинные масштабы этого явления в настоящее время невозможно. Это связано с трудностью поиска рядовых селищ этого времени, не маркированных внешне хорошо заметными погребальными памятниками. Выявление напластований соответствующего периода на многослойных памятниках затруднено редкостью датированных находок. В любом случае, теперь стало ясно, что славянское расселение на Северо-Западе являлось достаточно длительным процессом, а не

сжатым во времени в границах эпохи распространения сопок, как это представлялось раньше.

Удревнение даты появления на Северо-Западе «достоверных» славян снижает убедительность гипотезы «двух волн», поскольку стадии формирования соответствующих культурных групп, существенно различающихся по своему характеру, оказываются разделенными лишь незначительным хронологическим промежутком. Приходится констатировать, что открытия И. В. Ислановой еще не получили должного признания среди исследователей древнейшего этапа славянской истории региона, что, по-видимому, связано с доминированием локальных подходов к данной теме. В современной историографии по данному вопросу стоит отметить лишь высказывание В. В. Седова: «Безусловно, следует согласиться с И. В. Ислановой в том, что культура сопок сформировалась на месте, в Ильменском бассейне и ее ядром было славянское население, оставившее памятники третьей четверти I тыс. н. э. типа удомельских, возникших в тех же ландшафтных местностях, что и сопки» (Седов, 1995. С. 246).

Археологические открытия и наблюдения последних лет позволили поставить вопрос о населении, генетически предшествовавшем не только носителям культуры сопок, но и длинных курганов. В данной связи несомненный интерес представляет выделяемый в последние годы Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым пласт древности III–V вв. н. э., определяемый ими как «памятники типа Заозерья» или, в последних работах, «типа Заозерья–Узмени». Появление их связывается с экспансией киевской культуры на север, на территории Днепро-Двинского междуречья и верховий рек Ловати и Великой. Как определяет суть данного явления Н. В. Лопатин, «общее содержание памятников «типа Заозерья–Узмень» – сочетание в разных пропорциях традиций киевской и днепро-двинской культур» (Лопатин, 2004. С. 151). Индикатором данных памятников Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев считают керамику с расчесами, связываемую ими как раз с киевской культурой (Лопатин, Фурасьев, 1994. С. 136–142). По мнению авторов, древности «типа Заозерья» являются общей основой формирования культур Тушемли–Банцеровщины и длинных курганов. Данное утверждение выведено ими на основе анализа керамических комплексов, в которых присутствуют слабопрофилированные баночные и открытые тюльпановидные формы. Для подтверждения вывода привлекается и вещевой комплекс: ножи с прямыми спинками и с плавными уступами при переходе от черешка к спинке, серпы без выделен-

ной пятки, бритвы, стамескообразные орудия (стрелы-срезни или пластинчатые кресала?), биконические пряслица с широкими отверстиями и лошенной или заглаженной поверхностью и т. д. Как отмечают Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, во второй четверти I тыс. н. э. эти предметы наиболее типичны для киевской культуры. Зоной формирования культуры длинных курганов эти авторы считают территорию Верхнего Подвинья с прилегающими к ней с севера районами Псковщины, где курганный обряд накладывается на памятники «типа Заозерья–Узмени». Предполагается, что отсюда культура длинных курганов в уже сложившемся виде к рубежу V–VI вв. распространяется вплоть до Мологи и Полужья (Лопатин, Фурасьев, 1994. С. 136–142).

Данные выводы гораздо более убедительно объясняют сходство тушемлинско-банцеровской культуры и культуры длинных курганов, нежели построения исследователей, которые пытаются выводить вторую культуру из первой. Тем не менее, предлагаемая схема также вызывает серьезные возражения. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, так же как и их предшественники, исходят из предположения, что культура длинных курганов распространяется на практически незаселенной территории, т. е., что ее демографический потенциал складывается за счет внешней миграции. Это предположение не соответствует действительности. В последние годы при проведении целенаправленных обследований в Восточном Приильменье выявлен целый ряд памятников раннего железного века, представленных, прежде всего, селищами. Подготовленные в настоящее время к публикации материалы раскопок комплекса памятников у д. Заозерье под Окуловкой в бассейне среднего течения Мсты достаточно хорошо характеризуют облик местных древностей. Особенно результативными были работы по исследованию памятников первой половины I тыс. н. э. в восточной части ареала культуры длинных курганов – в бассейне среднего течения Мологи и верховьях Мсты, проведенные, соответственно, А. Н. Башенькиным и И. В. Ислановой (Башенькин, 1999. С. 84; Исланова, 2006. С. 17–22). Характер этих древностей позволяет поставить вопрос о существовании общей культурной подосновы в процессе формирования обществ, оставивших культуру длинных курганов на всей основной территории ее распространения, по крайней мере, к востоку от линии Волхов–Ловать, а не только в весьма узкой зоне памятников «типа Заозерья–Узмени», как это видится авторам гипотезы – Н. В. Лопатину и А. Г. Фурасьеву. При этом сло-

жение данной общности проходило в несколько этапов за счет культурно-демографических импульсов из Среднего и Верхнего Поднепровья.

Первый культурный импульс, отмеченный около рубежа эр, связан с продвижением отдельных групп носителей днепро-двинской культуры далеко на север: в Приильменье и Поволховье. Данное явление впервые было отмечено еще С. Н. Орловым (Орлов, 1984. С. 83–84). В последние годы к этой теме обратился Б. С. Короткевич, который пришел к достаточно радикальным выводам. «Представляется, – пишет он, – что собственно ранний железный век Приильмения теснейшим образом связан с верхнедвинскими древностями первых всков н. э.» (Короткевич, 2004. С. 16).

Следующий по времени импульс, относящийся так же к первым векам н. э., маркируется распространением на Северо-Западе профилированной керамики с отогнутым венчиком, орнаментированной защипами, штампом или нарезкой, определяемой обычно как «керамика типа среднего слоя Тушемли». Зона ее распространения охватывает пространство от Пскова на западе до р. Мологи на востоке. Вероятно, в это же время распространяются и грузики «дьякова типа», ареал бытования которых в северо-восточном направлении также достигает среднего течения р. Мологи.

Еще один этап данного процесса может быть связан со временем существования уже неоднократно упомянутых памятников «типа Заозерья–Узмени». Однако, основной предложенный критерий идентификации этих памятников – наличие керамики с расчесами – явно недостаточен. Для памятников этой культурной группы доля керамики с расчесами в общем составе керамического комплекса порой ничтожно мала. Так, для одного из эпонимных памятников этой группы – селища Узмень – из коллекции керамики, насчитывающей почти шесть тысяч фрагментов, данная орнаментация отмечена лишь в одном случае, да и то, скорее, здесь мы имеем дело не с «расчесным» орнаментом, а с его имитацией, выполненной не обломком гребня, а одинарным острием. Таким образом, расчесную керамику нельзя считать повсеместным компонентом данных комплексов, особенно по мере удаления от Верхнего Поднепровья и Подвинья.

Вся сложность проблемы заключается в том, что основной керамический и вещевой комплексы в рассматриваемых древностях близки таковым в культуре длинных курганов. Поэтому вычленение соответствующих напластований и комплексов на многослойных памятниках затруднительно. Вместе с тем, не подлежит сомнению широкое распро-

странение данного пласта древностей в период появления обычая сооружать погребальные насыпи. Касаясь данной темы применительно к памятникам Средней Мологи, А. Н. Башенькин и М. Г. Васенина справедливо отмечают, что «постзарубинецкий импульс достиг и этого региона. Есть основания предполагать, – пишут они, – явление здесь нового (балтского? славяно-балтского?) населения в IV–V вв. н. э., еще до времени формирования культуры длинных курганов» (Башенькин, Васенина, 2004. С. 25).

Итак, проблема сходства и различия культуры длинных курганов и тушемлинско-банцеровской культуры ныне выглядит следующим образом. На протяжении первой половины I тыс. н. э., а, может быть, и с несколько более раннего времени, на территории Северо-Запада фиксируется ряд культурно-демографических импульсов. Поскольку их исходная территория – Верхнее и Среднее Поднепровье, это послужило причиной появления целого ряда близких или идентичных элементов в культуре обоих регионов. Однако о культурном тождестве говорить не приходится. Территория будущей культуры длинных курганов вписывается в зону распространения сетчатой керамики, финно-угорская принадлежность которой не вызывает сомнений. Особенно важно совпадение их ареалов в Верхнем Подвинье, расцениваемом Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым как ареал сложения культуры длинных курганов. Фактическое единство культурной основы на всей ее территории лишает данный район приписываемой ему уникальности. Поскольку ареал этих древностей гораздо шире, чем территория распространения памятников «типа Заозерья–Узмени», как она представляется упомянутым авторам, то, возможно, имеет смысл вернуться к термину «предкурганная культура», предложенному в свое время Г. С. Лебедевым, но с несколько иным акцентом. В связи с культурой длинных курганов этот термин подчеркивает существование единой культурно-хронологической подосновы.

Формирование культурного сходства на обширной территории лесной зоны Восточной Европы от Поднепровья до Мологи в рамках первой половины I тыс. н. э. если и не полностью снимает вопрос о культурной славянской принадлежности длинных курганов, то заставляет еще больше усомниться в возможности такого решения. Появление славян на этой территории в столь ранний период исторически невероятно. Поэтому нельзя согласиться с Н. В. Лопатиным, который, считая памятники «типа Заозерья–Узмени» раннеславянскими, в одной из последних работ выводит из них

не только культуру длинных курганов, но и предсопочную культуру (Лопатин, 2005. С. 338–340). В основе его построений лежит признание киевской культуры безусловно, славянской. Данная оценка прямо и однозначно распространяется на памятники «типа Заозерья–Узмени», а через них и на все культуры третьей четверти I тыс. н. э. на территории Верхнего Поднепровья и Северо-Запада. Однако эта гипотеза вызывает ряд решительных возражений. В методологическом отношении она базируется на признании тождества культурного и этнического процессов, хотя их соотношение должно рассматриваться конкретно в каждом отдельном случае. К тому же, не может быть и речи о культурном тождестве киевской культуры и памятников «типа Заозерья–Узмени». Влияние киевской культуры является весьма опосредованным, что особенно отчетливо просматривается по материалам комплекса памятников Узмень. В конечном счете, сам же Н. В. Лопатин отмечает, что в формировании рассматриваемого типа памятников приняли участие и носители днепро-двинской культуры, в составе которой прослеживаются не только балтский, но и финно-угорский компонент (Шадыро, 1992. С. 49–50). Хотя киевская культура, по-видимому, и имела отношение к славянскому этногенезу, что, впрочем, оспаривается некоторыми исследователями (Седов, 1994. С. 282; Мачинский, Кулешов, 2004. С. 42–45), она в любом случае не отражает магистрального пути этого процесса. Он был связан, прежде всего, с корчакской культурой, чьи памятники появляются в Белорусском Полесье уже в V в. (Вергей, 1997. С. 28–38). Вопрос о характере связей между корчакской и киевской культурами, во многом, остается нерешенным. Поэтому нельзя считать обоснованным предположение Н. В. Лопатина, что «в истории славянской колонизации Северо-Запада Русской равнины отчетливо прослеживается лишь одна крупная миграция, имевшая место в середине I тысячелетия н. э.» (Лопатин, 2005. С. 338–340), связанная по происхождению с киевской культурой. Традиционный для большинства исследователей поиск истоков данного явления в древностях корчакской культуры, подтверждающийся выявлением на Северо-Западе «предсопочных» памятников, представляется гораздо более перспективным путем решения вопроса.

Очерченный круг фактов и идей, характеризующий современное состояние изучения славянской колонизации Северо-Запада и связанных с ней этнокультурных процессов, позволяет подвести некоторые итоги и наметить актуальные на-

правления в дальнейшем изучении данной проблемы. Открытие древностей, предшествующих культурам сопок и длинных курганов дает основание говорить о существовании на Северо-Западе в I тыс. н. э. двух культурных традиций. Первая из них восходит к древностям, близким позднедьяковским, она восприняла ряд верхне- и среднеднепровских импульсов, и привела к сложению общности, определяемой как предкурганная. В конце V–VI вв. она воспринимает курганный обряд, который был привнесен сюда, очевидно, с территории Восточной Литвы. Синтез пришлых и местных погребальных традиций привел к сложению оригинальных форм погребальных сооружений и знаменовал собой завершение формирования культуры длинных курганов. В целом, данная общность предстает на фоне смежных культур лесной зоны Восточной Европы как местное явление. Ее культурные синхронные связи затрагивают, прежде всего, дьяковские, верхнеднепровские и прибалтийские древности. Само распространение курганного обряда, изначально чуждого славянской культуре, не может являться аргументом в пользу наличия в ней славянского элемента.

Ритм развития культуры длинных курганов был неравномерным. В VI–VII вв. она переживает резкий демографический подъем, а затем следует длительное угасание, вызванное как внутренними, так и внешними факторами. Случаи перерастания ее в древнерусскую культуру на Северо-Западе крайне немногочисленны (Конечный, 2003. С. 208–209). Следует согласиться с С. Л. Кузьминым и Е. Р. Михайловой, отметившими, что данная общность «не породила поселений или их агломераций, непосредственно перерастающих в локальные древнерусские центры, отождествляемые с погостами, и, очевидно, не составила демографической основы Новгородской земли» (Кузьмин, Михайлова, 1997. С. 138–139).

Другая культурная традиция не имеет столь глубоких корней в регионе. Она проявляется в рамках третьей четверти I тыс. н. э. – очевидно, во второй половине этого периода, и связана с предсопочной культурой. Культурные связи стоящей за ней общности свидетельствуют, что истоком этой традиции послужили древности юга лесной и лесостепной зоны, и особенно корчакской культуры. Такие связи прослеживаются на массовом археологическом материале (керамика, глиняные пряслица, украшения из свинцово-оловянистого сплава), их можно заметить при исследовании иных категорий изделий, в том числе из черного и цветных металлов. На них указывают некоторые особенности погребального обряда и типа хозяй-

ства, реконструируемого на основе археологических и историко-ландшафтных данных. В Северо-Западной Белоруссии зафиксированы «промежуточные» памятники, отразившие продвижение этих культурных импульсов и стоящего за ним населения. В тоже время на Северо-Западе памятники предсочной культуры охватывают территорию от Удомельского Поозерья до Изборска.

После середины VIII в., то есть в начале последней четверти I тыс. н. э., облик предсочной культуры несколько видоизменяется, что связано со становлением международных торговых путей и возникновением торгово-ремесленных поселений, прежде всего Ладоги. В результате этого на памятниках Северо-Запада появляется ряд новых типов бытовых предметов и украшений, прежде всего бусы. Распространение сопочного обряда знаменует собой сложение особой локальной культуры, чье население и оставило эти погребальные памятники. Эта культура в типологическом плане справедливо определяемая как преддревнерусская стала основой культуры населения Северо-Запада XI–XII вв. Последняя, оставаясь в основе своей славянской, испытала ряд инноваций, а также

включила в себя различные субстратные элементы.

Изложенная выше схема очерчивает контуры новой гипотезы, верификация которой может стать началом нового этапа в археологическом изучении истории региона в I тыс. н. э. В отличие от широко распространенной ныне гипотезы «двух волн» славянской колонизации предлагаемая археологическая версия истории, которая может быть обозначена как гипотеза «двух культурных традиций», непротиворечивым образом охватывает всю совокупность имеющихся фактов и открывает перспективы исследования уже намечившихся конкретных актуальных проблем. Безусловно, отдельные ее звенья еще требуют уточнения и доказательства на основе фактического материала. Прежде всего, это касается периода второй–третьей четвертей I тыс. н. э., связанного со временем существования предкурганной и предсочной культур. Но в целом эта гипотеза представляется весьма продуктивной и в целом адекватно отображающей этнокультурные и социально-политические процессы, происходившие на территории Восточной Европы в конце I–начале II тысячелетия н. э.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО ЛИТЬЯ БАЛКАНО-ДУНАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ

Анна А. Пескова*

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

PRIVATE DEVOTIONAL OBJECTS OF THE BALKAN-DANUBIAN TRADITION IN ANCIENT NOVGOROD

Anna A. Peskova

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *Studies of two reliquary crosses from excavations in Veliky Novgorod (Troitsky Excavation X) have shown that the first belongs to one of the oldest types of original ancient Bulgarian crosses widespread in the second half of the 10th and first half of the 11th century predominantly within the region of the Lower Danube. The second cross was probably an abortive attempt of imitation of another Lower-Danubian type which is known at present only in few examples. The author accentuates her attention on the existence of a widespread tradition of wearing underclothes crosses with a crucifix (of various types) as early as the second half of the 10th and first half of the 11th century in the Lower Danube region. This tradition is confirmed by archaeological finds. The conclusion drawn is that exactly from the Lower Danube this tradition spread to Rus. It is suggested that the reliquary crosses considered were among the prototypes of the underclothes crosses with a «rough representation of the crucifix» both of the first and the second type.*

Среди крестов-реликвариев, обнаруженных в процессе раскопок на территории древнего Новгорода, особенное внимание привлекают два креста, отлитые из медных сплавов, отличающиеся как от древнерусских, так и от общеизвестных византийских энколпионов. Обе находки происходят с Троицкого X раскопа – из слоев, датированных в одном случае 20-ми гг.–концом XI в. (*Янин и др.*, 1994. С. 38; *Кожина*, 2003. С. 45. Кат. I. 1/3 – Табл. 5), в другом – 60-ми годами XIII в. (*Кожина*, 2003. С. 45. Кат. I. 1/2 – Табл. 3).

Несмотря на более, чем двухсотлетнюю разницу во времени их выпадения в культурный слой, бросаются в глаза такие общие существенные признаки, как нетрадиционное размещение изображения Распятия на оборотной створке, а Богоматери – на лицевой, и окаймление наружной стороны створок невысоким рельефным бортиком, что несвойственно массовым типам византийских энколпионов¹. Оба креста прямоконечные, их литые изображения выполнены в невысоком рельефе.

Первый из рассматриваемых энколпионов был обнаружен в 1993 г. (рис. 1, 2). Он имеет небольшие размеры: 4,3×2,7×0,5 см (в закрытом виде). На нижнем конце обеих створок проделаны сквозные отверстия разного диаметра. На лицевой створке, судя по иконографическим признакам, помещено изображение Богоматери Оранты в рост. Над ее головой композиция из трех растительных элементов (колосьев? деревьев?), образующих своеобразную корону. Такой же растительный элемент присутствует около правой руки Богоматери. На аналогичный элемент, симметрично расположенный у левой руки Божией Матери, мастеру не хватило места из-за получившейся несоразмерно большой ладони. На голове Богоматери вместо мафория, ниспадающего обычно на плечи и грудь и образующего перекрещивающиеся спереди складки, здесь условно показан, очевидно, плат, концы которого завязаны под подбородком. Так, по-видимому, переосмыслено и частично переоформлено не совсем понятное мастеру одеяние Богоматери, нижнюю часть которого он выполнил в пол-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук РАН в рамках программы «Русская культура в мировой истории».

¹ Лицевая и оборотная створки различаются здесь не по характеру сделанных на них изображений, а по конструктивным особенностям, связанным с наличием на концах створки по одной или по две петли, служащих для надежного запечатывания реликвария.

ном соответствии с изображениями Богоматери на широко известных византийских рельефных энколпионах, декорировав, однако, крупную ко- сую складку в своеобразной манере.

На оборотной створке помещено изображение Распятия: Христос изображен препоясанным, с косо расходящимися от колен фалдами, со склоненной к правому плечу головой, окруженной крестчатым нимбом, с изображенными прямо руками и ногами, на которых обозначены стигматы. На запястьях видны поперечные линии, очевидно намекающие на то, что руки Христа были привязаны ко кресту. В изображении торса резко подчеркнуты мышцы плечевого отдела. Крестное древо намечено только возглавием с изображениями солнца и луны над ним и еле видимым подножием. Под руками Христа крупная надпись IC XC, выполненная углубленными линиями и отлитая, видимо, вместе с крестом.

Отличительными иконографическими особенностями крестов-реликвариев рассматриваемого типа являются: 1) чрезвычайно редкое для меднолитых ставрографических памятников византийского круга изображение распятого Христа препоясанным; 2) единственное в своем роде изображение Богоматери в типе оранты с трехчастной «коронай» над головой.

Вторая особенность является для исследователей пока еще не до конца разгаданной. Эту трехчастную композицию одни ученые толкуют как стилизованное изображение святых, другие – как своеобразную корону. На новгородском кресте, как ни на каком другом, отчетливо видно, что об изображении святых над головой Богоматери не может быть речи, а композиция в целом действительно воспринимается как корона над головой Богоматери-«Царицы». Прямых аналогий ни в металлопластике, ни в живописи, ни в миниатюре пока не найдено. В подтверждение возможности такого толкования необычной иконографии исследователи, как правило, ссылаются на наблюдения

Н. П. Кондакова о том, что сами наименования Богоматери как «Царицы мира», «Владычицы небесной» появляются и получают широкое признание уже на рубеже V и VI столетий; они запечатлены в деяниях VI Вселенского собора и в трудах отцов Церкви и получили отражение в искусстве VI–VII столетий, о чем свидетельствует образ Богоматери «Царицы» в алтаре церкви Santa Maria

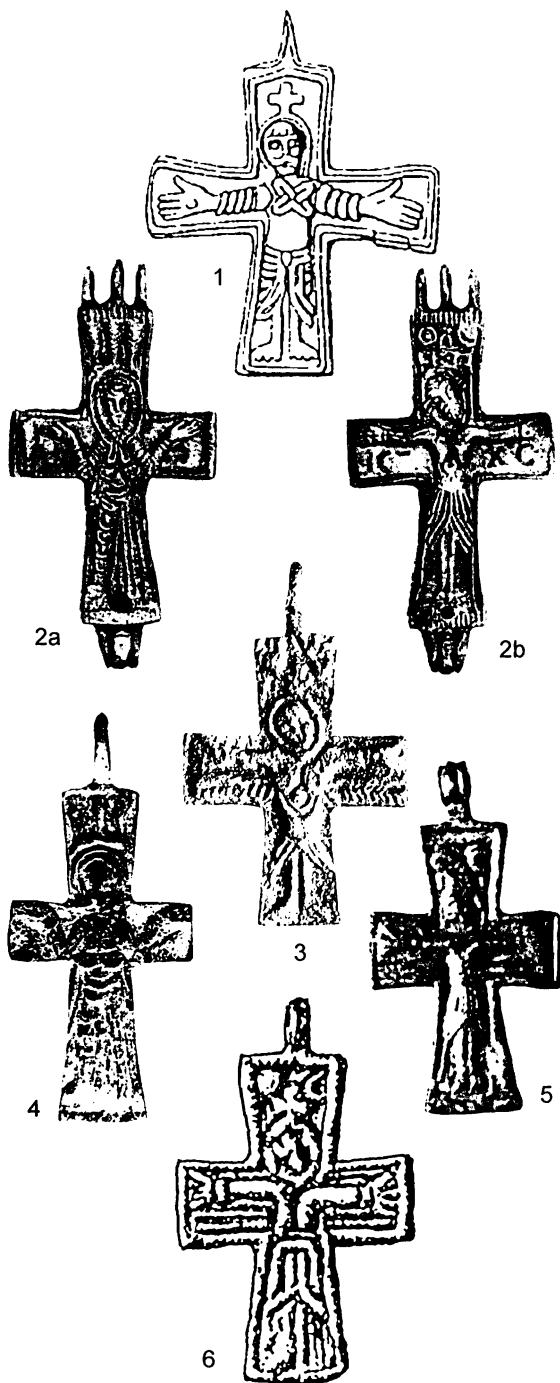

Рис. 1. Крест-реликварий (2) и кресты-тельники с Распятием (1, 3–6) из раскопок в Великом Новгороде, Добрудже и Сербии: 1 – Великий Новгород, Лубяницкий раскоп (Мусин, 2002. Рис. 63, 7); 2 – Великий Новгород, Троицкий X раскоп (Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 3. № 1. 1/2); 3 – Боletin, Сербия (Ерцегович Павлович, 1986. Таб. V, 1); 4 – София, Национальная художественная галерея (Вълчева, 1981. Обр. 12); 5 – Гарвэн (Диногетия) (Barnea, 1967. Fig. 191, 6); 6 – Руйно (Атапасов, 1992а. № 31).

Fig. 1. Reliquary cross (2) and cross-pendants with a crucifix (1, 3–6) from excavations in Veliky Novgorod, Dobruja and Serbia: 1 – Veliky Novgorod, Lubyantsky site; 2 – Veliky Novgorod, Troitsky X site; 3 – Boletin, Serbia; 4 – Sofia, National Gallery of Arts; 5 – Harven (Dinogetia); 6 – Ruino.

Antiqua в Риме (Кондаков, 1914. С. 266–267. Рис. 180). Образ Богоматери «Царицы», перешедший «затем в средневековое западное искусство», в византийском искусстве долгое время оставался неизвестным (Кондаков, 1914. С. 277). Известные в настоящее время восточно-христианские иконы с образом Богоматери, увенчанной короной, относятся только к концу XIV в. (Попов, 1973. С. 354). Отсюда следуют две возможности: либо образ Богоматери, дошедший до нас благодаря древнеболгарским крестам-реликвариям, является копией существовавшей, но несохранившейся византийской иконы Богоматери-«Царицы», либо вся композиция является плодом творчества мастера, создавшего новый тип изображения на кресте.

Растительные элементы, составляющие «короноу», более всего похожи на гравированные изображения деревьев (кипарисов), которые часто сопутствуют изображению Богоматери на широко распространенных во всем византийском мире гравированных крестах-реликвариях («Распятие – Богоматерь Оранта» = «тип Лингби» по Й. Стекеру – *Staecker*, 1999. Р. 160–164, 562–563. Karte 31). На этих крестах кипарисы обычно размещены на боковых ветвях креста под руками Богоматери, аналогично тому, как они расположены на новгородском кресте и ему подобных экземплярах (*Pitarakis*, 2006. № 261–262, 264, 276, 280, 284, 285, 287, 294 и др.). Ряд болгарских археологических находок крестов этого типа датируется по сопутствующим византийским монетам концом X–первой половиной XI вв. (*Дончева-Петкова*, 1992. С. 52–60. Табл. I; 2006. С. 128–130). Не позднее первой половины XI в. датируется и прекращение жизни на тех поселениях, где были сделаны такие находки (*Дончева-Петкова*, 2006. С. 128–130). Таким образом, синхронность бытования этих двух типов крестов, а также частичное использование одинаковых элементов при построении композиции позволяет предполагать влияние иконографии крестов с гравированным изображением Распятия и Богоматери Оранты на формирование иконографии рельефных крестов рассматриваемого типа. В том и другом случае кипарисы одинаково фланкируют центральное изображение Богоматери. В то же время

использование тех же элементов (кипарисов) в трехчастной композиции над головой Богоматери заставляет усомниться в том, что это корона. Отдельно изображаемые на византийских крестах стилизованные деревья обычно трактуются как символы Святой земли. Помещенные вместе над головой Богоматери три таких символа невольно наводят на мысль о триединстве Бога. Это предположение требует дальнейшего развития в рамках отдельной статьи. Здесь же важно лишь обозначить его, поскольку оно дает нам возможность рассматривать появление необычного иконографического типа Богоматери непосредственно в русле восточно-христианской традиции, параллельно с интересной и очень яркой гипотезой Ю. Валева (*Валева*, 1981. С. 82–83)².

Аналогичных крестов-реликвариев сегодня известно более 30 экземпляров, представленных как целыми, так и отдельными створками, а также – более десяти крестов-тельников, отлитых по их подобию, то есть по оттискам в глине как лицевых, так и оборотных створок. Перечень всех этих находок дан в соответствующем приложении, помещенном в конце статьи. Происходят они, главным образом, с территории правобережья нижнего Дуная (Добруджа) – из раскопок памятников Первого Болгарского царства, в том числе из таких крупных центров, как Плиска, Преслав, Дрестр (летописный Доростол) (рис. 2). Единичные находки сделаны на территории Македонии и Сербии и, возможно, в Греции при раскопках в Коринфе³. К единичным относится и находка аналогичного креста в Карачаево-Черкессии на Северном Кавказе (створка с изображением Богоматери или крест-тельник, отлитый по образцу такой створки)⁴ (рис. 3, 3). На территории Древней Руси такие находки сделаны в Новгороде и Чернигове. Итак, большая часть этих находок локализуется именно в Добрудже на поселениях, прекративших свое существование в конце X–начале XI вв., в частности, вследствие печенежских нашествий (*Дончева-Петкова*, 1992. С. 51–52). Таковы поселения у сел Царь Асен близ Силистры, Руйно, Ветрен и др. Дата гибели этих поселений опреде-

² Ю. Валева сопоставляет крест с изображением Богоматери Оранты с трехчастной короной (Национальная художественная галерея в Софии, дат. X в.) и бронзовую пластину из античных слоев Абритуса/Разграда (Болгария) с рельефным изображением богини в позе оранты, увенчанной трехчастной короной, составленной из снопов (?), и с христианским символом – рыбой перед грудью (о пластине см.: *Kazarov*, 1924. S. 192–193. Fig. 9, 10). Развивается мысль о сложном процессе идейно-образного наложения христианских и языческих элементов в культовой пластике Средиземноморья.

³ Краткое описание и нечеткое изображение (только одной стороны) креста из Коринфа не дает полной уверенности в том, что он относится к рассматриваемому иконографическому типу (*Corinth*, 1952. P. 258. № 2066. Pl. 110).

⁴ Из сборов 60–70-х гг. XX в. Искренне благодарю В. Н. Кузнецова и С. Н. Малахова, приславших мне фотографии крестов из этой коллекции.

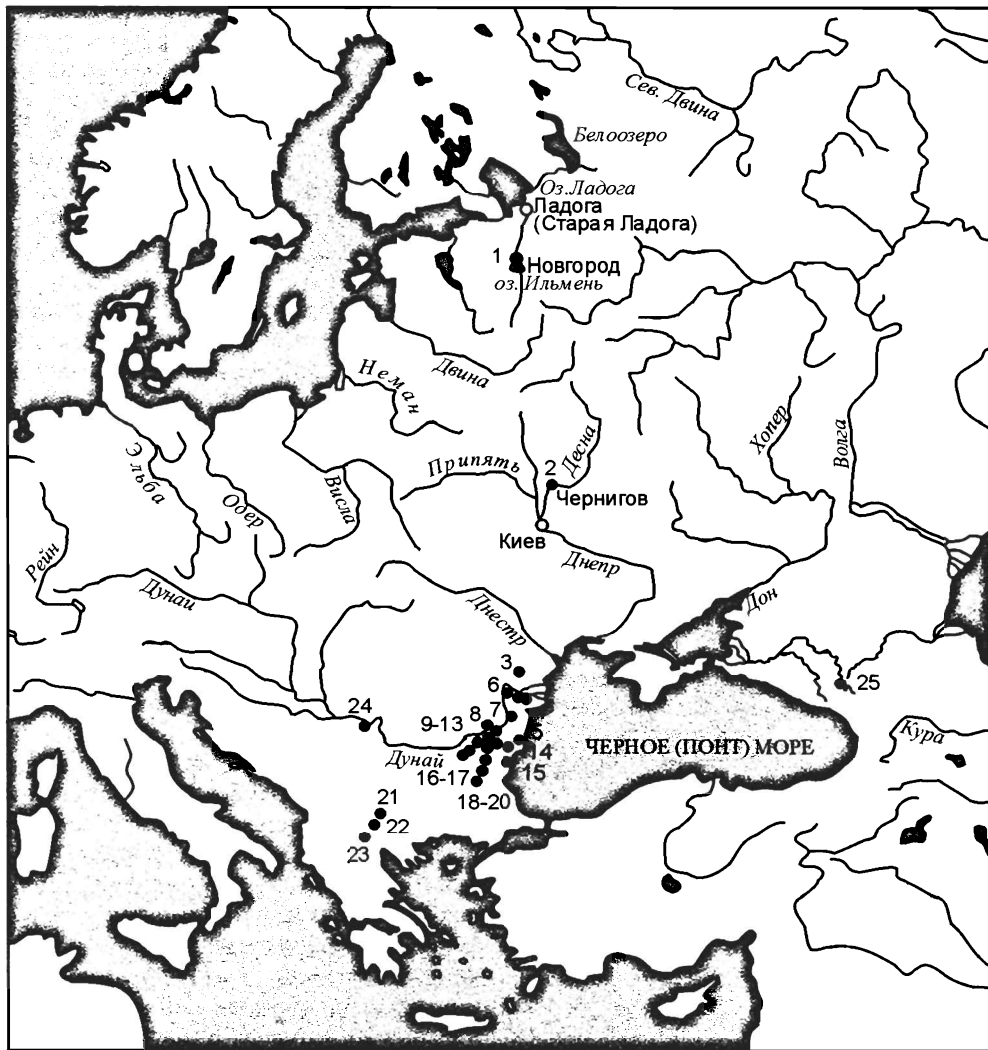

Рис. 2. Карта находок крестов-реликвариев и крестов-тельников, отлитых по их образцу, с изображениями Распятия и Богоматери Оранты с трехчастной «коронай»: 1 – Великий Новгород; 2 – Чернигов; 3 – Ханска; 4 – Нуферу (Переяславец); 5 – Исакча; 6 – Гарвэн (Диногетия); 7 – Капидава; 8 – Пекуюл луй Соаре; 9 – Силистра (Доростол); 10 – Ветрен; 11 – Руйно; 12 – Средище; 13 – Царь Асен; 14 – Дуранкулак; 15 – Игнатиево; 16 – Плиска; 17 – Шумен; 18 – Преслав; 19 – Разград; 20 – Стырмен; 21 – Мородвис; 22 – Демир-Капья; 23 – Прилеп; 24 – Больетин; 25 – Карачаево-Черкессия (п. Шестая шахта)

Fig. 2. Map of finds of reliquary crosses and underclothes crosses cast on the model of the former with representations of the Crucifix and the Madonna Orant wearing a three-part «crown»: 1 – Veliky Novgorod; 2 – Chernigov; 3 – Hanska; 4 – Nuferu (Pereyaslavets); 5 – Isakcha; 6 – Harven (Dinogetia); 7 – Kapidava; 8 – Pecuiul lui Soare; 9 – Silistra (Durostorum); 10 – Vetren; 11 – Ruino; 12 – Sredishche; 13 – Tsar Asen; 14 – Durankulak; 15 – Ignatievo; 16 – Pliska; 17 – Shumen; 18 – Preslav; 19 – Razgrad; 20 – Styrmen; 21 – Morodvis; 22 – Demir-Kapya; 23 – Prilep; 24 – Boletin; 25 – Karachay-Cherkessia (v. Shestaya Shakhta)

Рис. 3. Створки крестов-реликвариев и крест-тельник с изображением Богоматери Оранты с трехчастной короной: 1 – Силистра (Доростол) (Силистра, 2005. С. 13); 2 – Разград (Радославова, 2002); 3 – Карачаево-Черкессия (п. Шестая шахта) (фото А. Н. Жигайлова); 4 – частная коллекция

Fig. 3. Folds of reliquary crosses and an cross-pendant with a representation of the Madonna Orant wearing a three-part crown: 1 – Silistra (Durostorum); 2 – Razgrad; 3 – Karachay-Cherkessia (v. Shestaya Shakhta); 4 – private collection

ляется их исследователями по присутствию византийских монет конца X–начала XI вв. в верхнем слое, как правило, со следами пожара. Среди поселений есть и такие, жизнь на которых прекратилась в конце X в. (селище на «Големия остров» у с. Дуранкулак, Толбухинский окр.; у с. Нова Черна, Силистренский окр.) (Дончева-Петкова, 1992. С. 52). Такая локализация исследуемых энколпионов позволяет уверенно связывать возникновение данного типа крестов-реликвариев с одним из художественно-ремесленных центров Первого Болгарского царства и датировать его временем не позднее конца X в.

Большинство древнеболгарских находок интересующих нас крестов-реликвариев имеют стандартное размещение изображений на створках: на лицевой – Распятие, на оборотной – Богоматерь Оранта. Немногочисленные исключения из их числа локализируются пока только на нижнем Дунае (Нуфэру (Переяславец)⁵, Исакча, Руйно, Царь Асен), таковы же кресты из Чернигова и из частной коллекции в России. Отметим, что в крепости Царь Асен были найдены одна створка со стандартным размещением петель (изображение Богоматери на оборотной створке) и одна створка нестандартного облика (на оборотной створке помещено изображение Распятия) (Атанасов, Йотов, 1990. С. № 11 и № 14). Г. Атанасов высказал предположение, что перенос изображения Христа на оборотную створку может быть связан с усилением культа Богоматери в Византии в XI в. (Атанасов, 1992а. С. 39). Однако, локальное и спорадическое проявление этой тенденции, по-видимому, указывает на иные причины, не связанные с официальным культом.

Таким образом, новгородский энколпион не является абсолютным исключением из правила, но входит вместе с крестом из Чернигова и с коллекционным экземпляром (из частной коллекции в России) в небольшую группу крестов этого типа, имеющих особенности в размещении изображений на створках. По-видимому, в период сложения этой новой отрасли художественного ремесла в нижнем Подунавье еще не существовало жесткой регламентации в размещении изображений Распятия и Богоматери на створках энколпионов. На это указывают единичные находки в нижнем Подунавье крестов-реликвариев X–XI вв. с нестандартным размещением изображений, относящиеся к иным иконографическим типам, обнаруженные в Исакче, Капидаве, Варне, а также в крепостях у сел Царь Асен и Руйно (Mănușu-Adameșteanu, 1984. P. 378. № 4. Pl. III/3; Петровић, 2001. С. 271. № 446; Дончева-Петкова, 1983. С. 120. Табл. III, 4; Пескова, 2004. С. 157–183. Рис. 5–6). Изредка встречаются они и на памятниках того же времени в среднем Подунавье (Пескова, 2004. Рис. 6). Об этом же свидетельствует и древнеболгарский крест-реликварий иного типа, составленный из двух створок с одинаковыми изображениями Богоматери Оранты (Атанасов, Йотов, 1990. Табл. VI. № 13) (рис. 4, 1).

Важно отметить, что у большей части древнеболгарских крестов-реликвариев рассматриваемого типа створки снаружи окаймлены невысоким рельефным бортиком, для византийских крестов

⁵ Относительно локализации летописного Переяславца смотри: Перхавко, 1988; Перхавко, 1999.

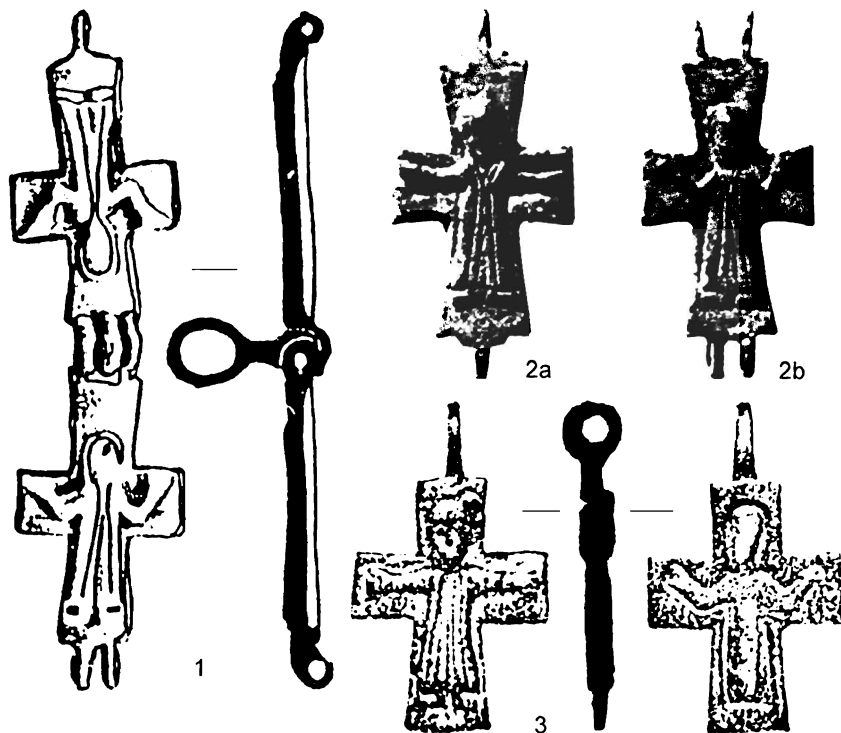

Рис. 4. Древнеболгарские кресты-реликварии (1 и 2) и крест-тельник (3 – двусторонний), отлитый по их образцу: 1 – Царь Асен (Атанасов, Йотов, 1990. Табл. VI, 13); 2 – Одырцы (Дончева-Петкова, 1992); 3 – Царь Асен (Атанасов, Йотов, 1990. Табл. II, IV, № 8)

Fig. 4. Ancient Bulgarian reliquary crosses (1 and 2) and cross-pendant (3 – two-sided) cast on their model: 1, 3 – Tsar Asen; 2 – Odyrzy

нехарактерным (рис. 1, 2; 3, 2). Редкие древнеболгарские кресты этой группы, не имеющие таких бортиков, в стилистическом и иконографическом отношении ближе широко распространенным византийским рельефным крестам и в передаче одеяния Богородицы, выполненном в полном соответствии с традицией (рис. 3, 1).

Исключительность новгородского креста-реликвария состоит в присутствии на створке с изображением Распятого надписи ИС ХС. Все другие опубликованные энколпионы этого типа не имеют надписей⁶. Следовательно, новгородский экземпляр, несмотря на очень четкий рельеф, является вторичной отливкой. Надпись могла появиться только благодаря изготовлению новой восковой модели, созданной на основе оттиснутого в глине образца хорошей сохранности.

Как уже упоминалось выше, на нижнем Дунае одновременно с крестами-реликвариями были дос-

таточно широко распространены и кресты-тельники, изготовлявшиеся по типу той или иной створки энколпионов малых размеров. Образцами служили как энколпионы рассматриваемого типа (рис. 1, 2–5), так и другие, близкие им по размеру (3,2–3,7×2,1–2,7 см) и составу изображений (Распятой – Богородица Оранта) (рис. 4, 2–3). Распятой Христос в колобии и с прямо поставленной головой изображен на них очень схематично, как и Богородица с воздетыми в молении руками. Они изображены в однотипных длинных, расширяющихся к низу одеяниях, для них характерна одинаковая постановка головы и положение стоп, развернутых в стороны. Основное отличие, особенно важное при отсутствии сопроводительных надписей, состоит в положении рук. Этот тип энколпионов признается сейчас самым ранним, появляющимся, возможно, в конце IX в. и одним из самых распространенных среди древнеболгарских энкол-

⁶ Исключение составляет крест-тельник, отлитый, по-видимому, по образцу креста-реликвария (створки с Богородицей), из собрания Варненского музея (Дончева-Петкова, 1983. С. 115–116. Табл. I, 6). Но на нем, как отмечено в публикации, сопроводительная надпись выполнена гравировкой, а значит, может быть вторичной.

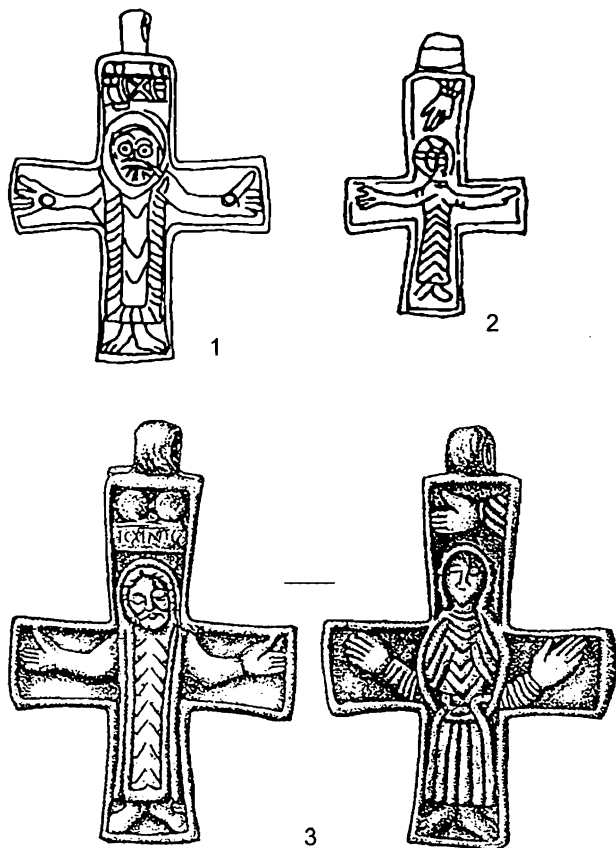

Рис. 5. Кресты с односторонним (1) и двусторонними (2–3) изображениями, выполненные по образцам крестов-реликвариев (Молодин, 2003. Рис. 5, 6): 1 – Миккульчице (Великая Моравия, серебро); 2 – Угерске-Градиште (Великая Моравия, свинец); 3 – Майнц (Германия)

Fig. 5. Oneside (1) and doubleside (2–3) crosses made according to reliquary crosses: 1 – Mikulčice (silver cross); 2 – Ugerske-Gradište (lead cross); 3 – Mainz

пионов: на 1992 г. учтено свыше 40 экз. (Дончева-Петкова, 1992. С. 61–62. Табл. III, 1, 2).

В связи с этим нельзя не коснуться вопроса о крестах с так называемым «грубым изображением Распятия» (рис. 1, 1), которые также бытовали в нижнем и среднем Подунавье параллельно с крестами-тельниками, сделанными по образцу энколпионов⁷. Происхождение их принято связывать с великоморавской традицией. Однако, хрестоматийный серебряный крест с Распятием из Миккульчиц (IX в.) (рис. 5, 1), к которому обычно возводятся кресты с «грубым изображением Распятия», является таким же единичным европейским подражанием энколпионам сиро-палестинской

традиции (с определенными отклонениями от нее), как, впрочем, и другой великоморавский крест из Угерске-Градиште (с традиционной надписью на обороте $\Phi\Theta\text{C}$ и $Z\Theta\text{H}$), изготовленный из свинцово-оловянистого сплава (рис. 5, 2), а также крест с двусторонними изображениями из Майнца (Молодин, 2003. Рис. 4–6) (рис. 5, 3). Они заметно отличаются не только от крестов с «грубым изображением Распятия», но и между собой. Объясняется это, прежде всего, тем, что моравские мастера ориентировались на случайные привозные ближневосточные образцы и перерабатывали их с учетом местных традиций. Самые ранние болгарские кресты-тельники, тоже с сиро-палестинской в своей основе, но несколько видоизмененной иконографией Распятия, были копиями створок местных древнеболгарских энколпионов, изготовление которых исследователи относят ко времени сразу после 870 г., то есть к начальному этапу христианизации в Первом Болгарском царстве. Одной из самых ранних и самых выразительных по археологическому контексту является находка такого энколпиона в Преславе – в погребении, совершенном по обряду «неполного» (?) трупосожжения, поскольку он был обнаружен в урне с пережженными человеческими костями, поверх которых был положен череп (Дончева-Петкова, 1992. С. 62). Временем не позднее 60-х гг. X в. датируется аналогичный крест, найденный на поселении у с. Нова Черна Силистренского окр., гибель которого исследователи связывают с дунайскими походами Святослава (Дончева-Петкова, 1992. С. 62).

Рамками X в., как уже отмечалось, ограничивается и время появления нового типа древнеболгарских крестов-реликвариев, к которому относится и рассматриваемый нами новгородский энколпион, а значит и крестов, отлившихся по их подобию. Именно с этим типом энколпионов, его копированием и дальнейшей творческой переработкой в культовую металлопластику Балкано-Дунайского региона широко входит новый иконографический тип Распятия, где Христос изображен в набедренной повязке. Этот иконографический тип существует параллельно с традиционным и все еще преобладающим сиро-палестинским иконографическим типом Распятия. Современные болгарские исследователи выделяют для этого времени не менее пяти типов крестов-реликвариев, представленных многими десятками экземпляров. И только один из этих типов, к которому относится и новгородский энколпион, несет на себе новый иконографический тип Распятия, как и

⁷ О современном состоянии дискуссии по этому вопросу см. в монографии А. Е. Мусина (2002. С. 152–170).

новый тип крестов-тельников, отлитых по образцу таких энколпионов.

Синхронное появление очень близких этим реликвариям в иконографическом отношении крестов с так называемым «грубым изображением Распятия» также находится, по-видимому, в тесной связи с древнеболгарской традицией (ср. рис. 1, 1 и рис. 1, 2). По сравнению с территорией древней Руси и скандинавского Севера на нижнем Дунае крестов с «грубым изображением Распятия» обнаружено немного. Здесь известны находки в Диногееции (*Barnea*, 1967. Fig. 191, 8; 192, 15), Силистре (Доростоле) (*Атанасов*, 1992. Обр. 2, 21) и Исакче (*Vasiliu*, 1984. Pl. VIII, 22). Однако эти кресты в регионе, по-видимому, были хорошо известны и воспринимались как свои, судя по одному из таких крестов в Диногееции, соединенному в единую конструкцию с крестом местного типа (*Barnea*, 1967. Fig. 192).

Развитие этой традиции, возникшей в эпоху Первого Болгарского царства, прослеживается и в оформлении крестов начала XI в., таких как бронзовый процессионный крест с гравированным изображением Распятия из Силистры (Доростола) и золотой крест-реликварий из Диногееции с литым рельефным изображением Распятия, украшенный сканными узорами (*Атанасов*, 1991. С. 88–91, обр. 2, 2; *Barnea*, 1967. P. 365. Fig. 194).

Второй новгородский крест-реликварий обнаружен на Троицком X раскопе (пласт 3, кв. 1042, № 90 – ярус 12) в слое 60-х гг. XIII в. (*Кожина*, 2003. С. 45. Кат. I. 1/2 – табл. 3). Его размеры: 5,3×3,6 см (рис. 6, 2).

На лицевой створке представлены рельефные изображения Богоматери Оранты в рост и трех неизвестных святых погрудно. Рельефы грубые и нечеткие, на нижнем конце изображение вовсе не читается вследствие дефекта отливки. Поза и одеяние Богоматери следуют иконографии широко распространенных рельефных византийских энколпионов, но выполнены в упрощенной и огрубленной манере.

На оборотной створке изображение Распятия, которое едва прочитывается. Над головой Распятого четырехконечный крест, под его прямыми руками оплечные изображения предстоящих. Длинное одеяние Христа похоже не на колобий, а на одеяние Богоматери, для которого характерны перекрещивающиеся на груди складки мафория. Торс Христа передан немного скругленными линиями, несколько искажающими очертания его фигуры. Лотки створок мелкие, со сквозными неровными отверстиями, образовавшимися в про-

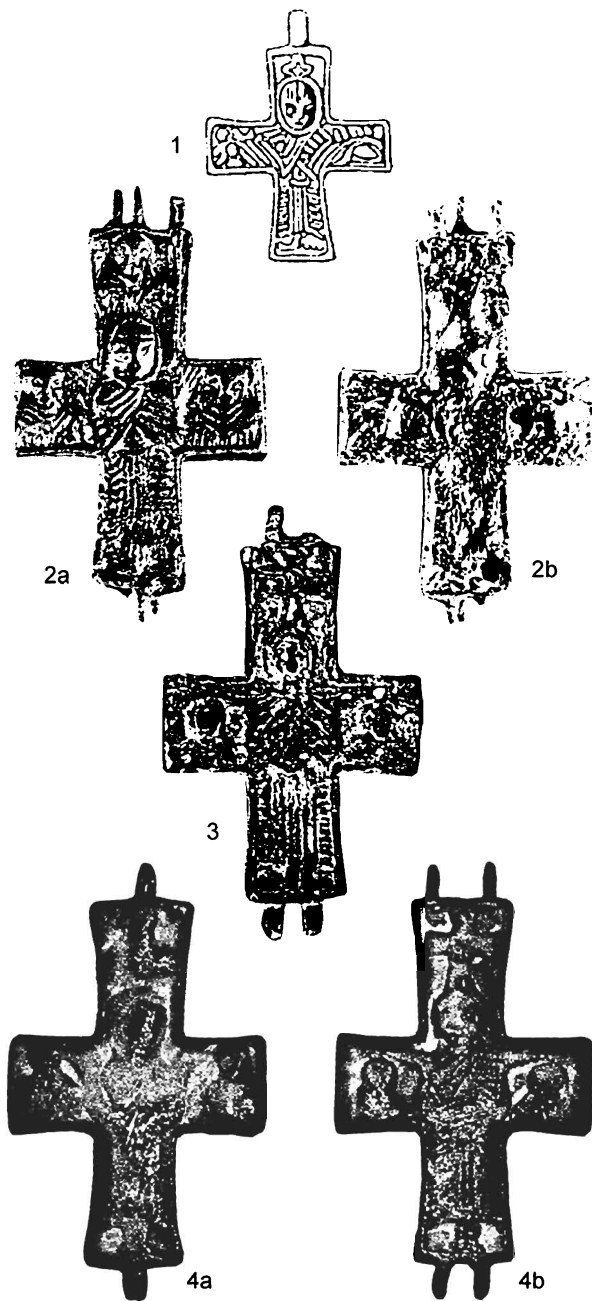

Рис. 6. Крест-тельник «с грубым изображением Распятия» второго типа (1) и кресты-реликварии балкано-дунайского облика (2–4): 1 – Великий Новгород, Неревский раскоп (*Мусин*, 2002. Рис. 63, 3); 2 – Великий Новгород, Троицкий X раскоп (*Корзухина, Пескова*, 2003. Табл. 3. № 1. 1/2); 3 – Киев, собрание Национального музея истории Украины (фото НМИУ); 4 – Черниговский исторический музей им. В. В. Тарновского (фото Л. Ф. Сытой)

Fig. 6. Cross-pendant with so-called «rough representation of the Crucifixion» of the II type (1) and reliquary crosses of the Balkan-Danubian type (2–4): 1 – Veliky Novgorod, Nerevsky site; 2 – Veliky Novgorod, Troitsky X site; 3 – National Museum of History of Ukraine, Kiev; 4 – Chernigov Historical Museum

цессе литья. В целом крест производит впечатлительные бракованные отливки.

Прямых аналогий этому кресту-реликвию среди археологических материалов нет. Есть два сопоставимых экземпляра неизвестного происхождения. Один из них находится в собрании киевского Национального музея истории Украины и представлен оборотной створкой, которая несет на себе изображение Распятия (рис. 6, 3). Другой – целый энколпион тоже с нестандартным размещением петель – в Черниговском историческом музее им. В. В. Тарновского (рис. 6, 4). Все три экземпляра – новгородский, киевский и черниговский – отличаются очень плохим качеством отливки.

Сопоставление их с крестами-реликвариями византийского круга показало, что прототипом для этой модели мог послужить один из типов энколпионов, широко распространенных в балкано-дунайских землях в X–XI вв. Он представляет собой несколько видоизмененный и упрощенный вариант «классических» византийских энколпионов. У таких крестов-реликвариев на створке с Распятием изображены не два, а четыре святых на концах креста; в очень редких случаях три или два святых и крест, как, например, в Исакче (*Gudea, Cosma*, 1998. Pl. VI, 3a). Створка с Богородицею по составу изображений не отличается от «классических»; на обеих створках периферийные изображения святых не обрамлены в медальоны (тип IA по: *Gudea, Cosma*, 1998). В настоящее время балкано-дунайское происхождение этого варианта рельефных крестов-реликвариев можно считать общепризнанным (*Дончева-Петкова*, 1983. С. 117; *Аманасов*, 1992б. С. 251; *Gudea, Cosma*, 1998. Р. 295–296).

Новгородская лицевая створка с Богородицею во всем подобна створкам балкано-дунайского типа, только немного укорочена за счет отсутствия изображения святого на нижнем конце. На оборотной створке внизу также отсутствует изображение святого, вверху над головой Христа оно заменено большим четырехконечным крестом. Центральное изображение распятого Христа заметно отличается не только от балкано-дунайских, но и любых других известных иконографических типов Распятия. Возможно, что мастер, создавший этот гибрид, имел в качестве образца всего одну створку – с изображением Богородицы и святых, и поэтому вынужденно и весьма неудачно моделировал сторону с Распятием на основе единственной створки с Богородицею, лишь немного подправив

отгиск. Возможно также, что образцом послужила створка, подобная найденной в Исакче – с нестандартным размещением петель (*Mănușcu-Adaveșteanu*, 1984. P. 378. Nr. 4. Pl. III/3; *Gudea, Cosma*, 1998. P. 295. Pl. III/1), что могло определить и нестандартное размещение петель новгородского энколпиона.

Новгородской оборотной створке с Распятием по необычной иконографии креста над головой Спасителя близки лицевая створка крестов-реликвариев из раскопок в Одырци (Болгария)⁸ (рис. 7, 2a), экземпляры из собрания Национального музея истории Украины в Киеве (инв. № в 4626/259) (рис. 7, 1) и из Ватиканского музея (*Treasures...*, 2001. P. 147. № 39; *Pitarakis*, 2006. P. 231–232. № 150, 155; *King*, 1928. P. 200. Pl. XXVIII/12). Эти кресты также имеют все признаки балкано-дунайского варианта и одну индивидуальную иконографическую особенность – наклон головы Христа к левому плечу. Болгарская находка из Одырци позволяет говорить о появлении этих редких крестов не позднее первой половины XI в.

Однако, при сходстве формы и размеров, а также значительной степени иконографической близости, новгородский энколпион отличается от широко распространенных балкано-дунайских крестов наличием невысокого рельефного бортика, окаймляющего обе створки (хотя и среди них встречаются отдельные экземпляры с бортиками, как, например, оборотная створка из Херсонеса – *Залесская*, 1988. Рис. 5). Этот же признак сближает оба новгородских энколпиона с крестами-тельниками, отлитыми по образцу одного из этих типов, и, наконец, с крестами с так называемым «грубым изображением Распятия».

Сопоставление новгородского энколпиона и подобных ему музейных экземпляров из Киева и Чернигова с крестами с «грубым изображением Распятия» второго типа (рис. 6, 1) обнаруживает очень близкое сходство в изображении одеяния распятого Христа, столь напоминающего одеяние Богородицы. Совпадает и прямая постановка головы Христа. Древнейшие новгородские кресты этого типа датируются последней четвертью X в. (между 972 и 989 гг.) (*Седова*, 1981. С. 49. Рис. 13, 2, 4). Исследуемый новгородский энколпион, напомним, обнаружен в слое, датированном 60-ми гг. XIII в. Судя по характеру мелких лотков створок, он вполне мог быть отлит именно в это время, но по более древней модели. На это указывает близость его к названным крестам конца X в. с их не-

⁸ При публикации креста из Одырци Л. Дончева-Петкова приводит в качестве аналогии еще один неопубликованный крест из Поленики (Polenica), хранящийся в музее г. Тырговиште (*Treasures...*, 2001. P. 147. № 39).

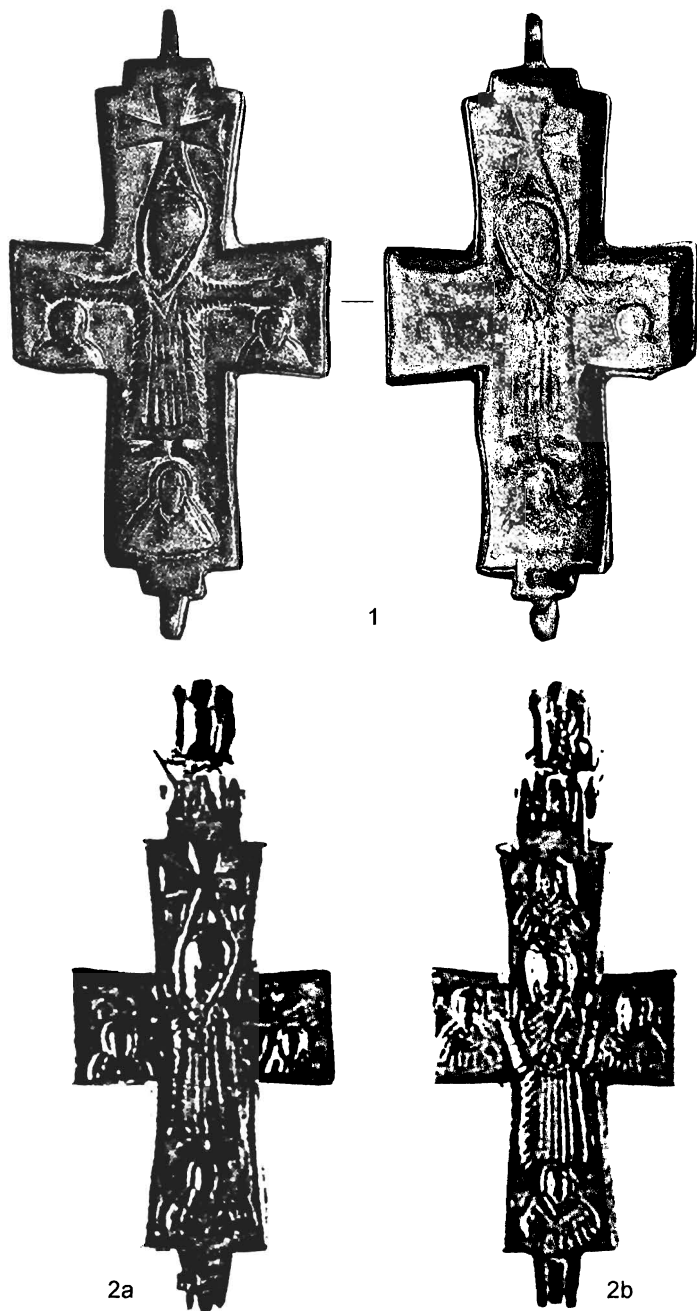

Рис. 7. Кресты-реликварии Балкано-Дунайского региона: 1 – Киев, собрание Национального музея истории Украины (фото НМИУ), лицевая створка снаружи и изнутри; 2 – Одырцы (*Pitarakis*, 2006. no. 155).

Fig. 7. Reliquary crosses of Balkan-Danube region: 1 – National Museum of History of Ukraine, Kiev; 2 – Odyrtsy.

обычной иконографией, а также общие технические особенности и общий круг аналогий, происходящих из Балкано-Дунайского региона. Это позволяет предположить, что кресты с «грубым изображением Распятия» второго типа и явно неудавшиеся отливки трех энколпионов имеют общее – древнерусское, а возможно и непосредственно новгородское, происхождение. Появление этих моделей, по-видимому, связано с освоением и творческой переработкой балкано-дунайских

образцов культового литья древними новгородцами в начале XI в.

Новгородские находки крестов нижнедунайского происхождения в одном случае и нижнедунайского облика – в другом, интересные сами по себе, имеют большое значение для понимания истоков и путей формирования древнерусской культовой металлопластики. Вместе с другими, пока немногочисленными, памятниками, такими как древнейшие на Руси кресты-реликварии из

Старой Ладogi (Пескова, 2004) и из курганного захоронения в округе летописного Плеснеска (Ливох, 2006), они указывают на Нижнее Подунавье второй половины X–первой половины XI вв. как на место, откуда поступали на Русь первые христианские предметы личного благочестия⁹. Более того, только здесь в это время существовала фик-

сируемая археологически устойчивая традиция ношения крестов-гельников с Распятием, которая, по-видимому, и стала импульсом к созданию крестов с так называемым «грубым изображением Распятия», крестов, приобретших на разных отрезках длинного пути «из грек...» свои особен-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень находок крестов-реликвариев «Распятие (Христос препоясанный) – Богоматерь Оранта с трехчастной короной»

Болгария

1. Дуранкулак, Толбухинский округ. Поселение на «Големия остров». Целый крест-реликварий (Дончева-Петкова, 1983. С. 115–116).
2. Плиска. Дворцовый центр. Целый крест-реликварий (Станчев, 1960. С. 62, обр. ЗБ/2; Ваклинов, 1977. С. 219).
3. Плиска. Западная крепостная стена, северный сектор, в слое X–XI вв., раскопки Т. Балабанова. Обратная створка (Дончева-Петкова, 1983. С. 115–116).
4. Преслав, «м. Селище», раскопки К. Константинова. Целый крест-реликварий (Дончева-Петкова, 1983. С. 115).
5. Преслав, раскопки монументальной постройки IX–X вв. в Дворцовом центре. Обратная створка с Богоматерью, фрагментированная (Витлянов, 2004. С. 41. 98. Фиг. 18, 5. Кат. № 373).
6. Разград (Абритуc). Раскопки в крепости. Обратная створка с Богоматерью (Радославова, 2002. Фото на обложке) (рис. 3, 2).
7. Руино, округ Дулово. Раскопки в крепости Картал–кале. Обратная створка с Богоматерью (Атанасов, 1992а. С. 39, 46. Табл. IV, 37).
8. Руино, округ Дулово. Раскопки в крепости Картал–кале. Обратная створка с Распятием (Атанасов, 1992а. С. 39, 46. Табл. IV, 34).
9. Силистра (Дрестр/Доростол). Раскопки в крепости, помещение № 4 у северной стены крепости. Обратная створка с Богоматерью, фрагментированная (Атанасов, 1992б. С. 253, 265. Обр. 2, 31. Кат. № 31).
10. Силистра (Дрестр/Доростол). Раскопки в крепости. Обратная створка с Богоматерью (Силистра, 2005. С. 13) (рис. 3, 1).
11. Средище, округ Силистренский. Раскопки в крепости. Целый крест-реликварий (Атанасов, Йотов, 1990. С. 88. Примеч. 39).
12. Стырмен, округ Русенский, Болгария. Обратная створка с Распятием (Стырмен..., 1980. С. 124. Рис. 34/453).
13. Царь Асен, Силистренский округ. Средневековая крепость. Обратная створка с Распятием (Атанасов, Йотов, 1990. С. 87, 89. Табл. V, VI, № 14) (рис. 4, 1).

14. Царь Асен, Силистренский округ. Средневековая крепость. Обратная створка с Богоматерью (Атанасов, Йотов, 1990. С. 86, 88. Табл. II, IV, № 11).
15. Шумен, крепость. Раскопки В. Антоновой. Обратная створка (Дончева-Петкова, 1983. С. 116; Антонова, 1984. С. 46–47. Табл. I, 6).
- 16–19. Силистра, музей¹⁰: инв. № III-1500; № III-1697; № III-1858; № III-1894 (Атанасов, 1992а. С. 39, 46).
20. София, Национальный археологический музей, без №, место находки неизвестно. Обратная створка (Дончева-Петкова, 1983. С. 115–116).

Сербия, Македония, Греция

1. Демир Капья, Македония. Крепость Просек. Целый крест-реликварий (иконография лицевой створки с Распятием нестандартная) (Алексова, 1966. Pl. XXI. № 281; Pitarakis, 2006. P. 234. № 163).
2. Коринф, Греция. (Включен в группу предположительно). Целый крест-реликварий со священными вложениями (Corinth, 1952. P. 258. Pl. 110. Кат. № 2066).
3. Мородвис («Церквиште»), Македония. Погребение № 50. Обратная створка с Богоматерью (Петровић, 2001. С. 168. Кат. № 199).
4. Прилеп, Македония. Национальный музей, инв. № 855. Целый крест-реликварий с оглавием (Културно богатство Прилепа, 1976. С. 51. Кат. № 104).
5. Белград, Сербия. Национальный музей, инв. № 479/1064 (из костела «Мала Врбица»). Обратная створка с Богоматерью (Марјановић-Вујовић, 1987. С. 40. Кат. № 32; Петровић, 2001. С. 135. Кат. № 92).
6. Белград, Сербия. Национальный музей, инв. № 472/1069. Обратная створка с Богоматерью (Марјановић-Вујовић, 1987. С. 39–40. Кат. № 41; Петровић, 2001. С. 145. Кат. № 130).

Румыния, Молдова

1. Исацка (Новиодунум), округ Тулча, Румыния. Раскопки Г. Мэнуку-Адамештяну. Обратная створка с Богоматерью; рельефы оплывшие, трехчастная корона не читается (Мэнуку-Адамештеану, Полл, 2006. С. 143–145; Мэнуку-Адамештеану, Полл, в печати. Рис. 1, 3).

⁹ Случайные находки створок крестов-реликвариев балкано-дунайского облика происходят также из Ржищева в Киевской области и с территории древнего Белоозера (Корзухина, Пескова, 2003. Кат. № I. 1/10. Табл. 3; Захаров, 2004. Рис. 45, 6). Крест с односторонним изображением Распятия и 4 святых, отлитый по образцу лицевой створки такого типа крестов-реликвариев, обнаружен в кургане № 2 у д. Денисковичи Жлобинского района Могилевской обл., датируется второй половиной XI в. (Башков, 2004. С. 147–148. Рис. 1, 2).

¹⁰ Неопубликованные кресты-реликварии, «с коронованной Богородицей», хранящиеся в Силистренском музее, по сведениям Г. Атанасова (Атанасов, 1992. С. 39, 46. Примеч. 122).

2. Нуфэру (Переяславец?), округ Тулча, Румыния. Целый крест-реликварий (лицевая створка с Богоматерью фрагментирована – утрачен нижний конец) (*Mănușu-Adameșteanu*, 1984. P. 379. Pl. III, 4; *Gudea, Cosma*, 1998. P. 278, 298. Pl. VIII, 1 a, b).

3. Ханска, район Яловень, Молдова. Средневековое поселение. Обратная створка с Богоматерью (*Хышку*, 1978. С. 470. Рис. на с. 469; *Postica*, 1995. Fig. 11; *Петровић*, 2001. С. 398. Кат. № 806).

Россия, Украина

1. Великий Новгород, 1993 г., Троицкий Х раскоп – из слоев, датированных 20-ми гг.–концом XI в. Целый крест-реликварий (*Яши и др.*, 1994. С. 38; *Кожина*, 2003. С. 45. Кат. I. 1/3 – Табл. 5).

2. Чернигов, частная коллекция. Из сборов на месте строительства речного порта, уничтожившего культурный слой на подоле древнего Чернигова.

Целый крест-реликварий; на лицевой створке Богоматерь, на оборотной – Распятие; рельефы сильно стерты; обломаны верхняя петля лицевой створки и одна из верхних петель оборотной; поверхность обеих створок покрыта мелкими и частыми кавернами (пузырчатая), 4,2×2,6 см (*Веремейчик, Руденок*, 2004. С. 14)¹¹.

3. Частная коллекция. Целый крест-реликварий с оглавием; на лицевой створке Богоматерь, на оборотной – Распятие; рельефы сильно стерты (Интернет-публикация: <http://www.raritet.lgb.ru/uploads/417.jpg>).

Кресты-тельники, отлитые по образцу крестов-реликвариев «Распятие (Христос препоясанный) – Богоматерь Оранта с трехчастной короной»

Сербия, Болгария, Румыния

1. Болетин, Сербия. Средневековый некрополь, погребение 89 (женское). Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Ерцеговић-Павловић*, 1986. Таб. 5, 1; *Петровић*, 2001. С. 111. № 20) (рис. 1, 3).

2. Ветрен, Силистренский округ, Болгария. Средневековая крепость «Кале». Крест литой двусторонний: на одной стороне рельефное изображение Богоматери Оранты с трехчастной короной, на другой – гравированное изображение Распятия с нестандартной иконографией (*Атанасов, Йорданов*, 1994. С. 26, 27, 57. Табл. VI, 67).

3. Гарвен (Диногоция), Румыния. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Varnea*, 1967. P. 357. Fig. 191, 5).

4. Гарвен (Диногоция), Румыния. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Varnea*, 1967. P. 357. Fig. 191, 6; *Vatasianu*, 1959. P. 172. Fig. 149) (рис. 1, 5).

5. Гарвен (Диногоция), Румыния. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Varnea*, 1967. P. 357. Fig. 192, 1).

6. Игнатиево, Варненский округ, Болгария. Случайная находка. Крест-тельник односторонний с изображением Богоматери; на боковых концах под руками Богоматери углубленные сопроводительные надписи МР ΘΥ (*Дочева-Петкова*, 1983. С. 115–116. Табл. I, 6).

7. Капидава, округ Хиршова, Румыния. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Varnea*, 1981. P. 155–156. Pl. III, 27).

8. Пекуюл луй Соаре, округ Констанца, Румыния. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Diaconu, Baraschi*, 1977. P. 127, 132. Fig. 102, 2).

9. Руйно, округ Дулово, Болгария. Раскопки в крепости Картал-кале. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Атанасов*, 1992а. С. 39, 45, Табл. IV, 29) (рис. 1, 6).

10. Руйно, округ Дулово, Болгария. Раскопки в крепости Картал-кале. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Атанасов*, 1992а. С. 39, 46. Табл. IV, 31).

11. София, Национальная художественная галерея, инв. № НХГ – I-791. Крест-тельник односторонний с изображением Богоматери (*Вълева*, 1981. С. 81–83, обр. 12; *Петровић* 2001. С. 264. Кат. № 430) (рис. 1, 4).

Германия

1. Фрайзинг, Бавария (Freising, Bayern), Епархиальный музей, DMF, D 2000–194а. Крест-тельник односторонний с изображением Распятия (*Kreuz und Kruzifix*, 2005. S. 173–174. Кат. Nr. II. 4.5).

Северный Кавказ

1. Шестая шахта, Карачаево-Черкессия, Россия. Случайная находка (сведения получены от В. Н. Кузнецова и С. Н. Малахова) (рис. 3, 3).

¹¹ Благодарю Е. М. Веремейчик и В. Я. Руденка, ознакомивших меня с неопубликованными еще материалами.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ СКАНДИНАВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК НА ТРОИЦКОМ РАСКОПЕ: ТОПОГРАФИЯ*

Любовь В. Покровская

Государственный университет. Москва. Россия

THE TOPOGRAPHY OF METAL FINDS OF SCANDINAVIAN PROVENIENCE FROM THE TROITSKY EXCAVATION

Lubov V. Pokrovskaya

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *This paper is an analysis of regularities of the distribution of objects of Scandinavian provenance which emerge as a kind of ethnic markers within the area of the Lyudin End in Veliky Novgorod of the medieval period. Despite their inconsiderable amount they outnumber the corresponding collection from the Nerevsky Excavation. This paper presents not only their publication but also a discussion of the archaeological context they come from. Concerned are «Thor's hammers», neck-rings, chapes, a fragment of eggshell fibula – a total of 24 objects of the 10th-11th century. Some of these are possibly connected with central Sweden. The appearance of Scandinavian objects here was accompanied by those of the common Baltic types. Against the general background distinguished is the chronologically compact assemblage from Estate V which probably was the political centre of Novgorod during the early Middle Ages.*

Малочисленность скандинавских предметов в Новгороде – общеизвестный факт. Об этом писала М. В. Седова в своей монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.)», изданной более 20 лет назад в 1981 г. Более подробно скандинавские предметы, найденные при раскопках в Новгороде рассмотрены Е. А. Рыбиной в статье «Скандинавские предметы из раскопок в Новгороде», вышедшей в 2003 году в сборнике «Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): проблемы культуры и культурного наследия».

Е. А. Рыбиной было отмечено десять скандинавских предметов на Неревском, Троицком и Ильинском раскопах. Пять из них было найдено на Троицком раскопе, четыре – на Неревском. В настоящее время на Троицком раскопе найдено еще четыре металлических предмета скандинавского происхождения, то есть их стало гораздо больше, чем на Неревском, который до сих пор превышает Троицкий по размерам. Следует отметить, что на Троицком раскопе в слоях второй половины X–XI вв. только украшений из цветных металлов найдено более 100 экз. Поэтому, вывод Е. А. Рыбиной о том, что «малое количество скан-

динавских находок в составе огромной вещевой коллекции, собранной за годы раскопок в Новгороде, говорит, по-моему, об исключительном характере каждой такой находки на территории города» (Рыбина, 2003. С. 61), правомерен и сейчас.

Е. А. Рыбина отмечает, что в слоях X–XI вв. среди новгородских находок довольно много предметов, распространенных в странах Балтийского региона вообще. Эти предметы, а также и другие факты свидетельствуют о том, что Новгород «своим происхождением и дальнейшим развитием был связан с этим регионом» (Рыбина, 2003. С. 63). Целью моей работы является: во-первых, представить новые находки с Троицкого раскопа, во-вторых, показать их в комплексе с другими вещами, прежде всего ювелирными украшениями, происходящими с тех же усадеб, на которых были найдены скандинавские предметы.

В настоящее время на Троицком раскопе известно девять скандинавских предметов: две привески в виде молоточка Тора, гривна с такой же привеской, крученая гривна, ладьевидная привеска, привеска с янтарной бусиной, обломок скорлупообразной фибулы и два наконечника ножен. Почти все предметы найдены на усадьбах, расположен-

* Работа осуществлена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 04-01-00024а).

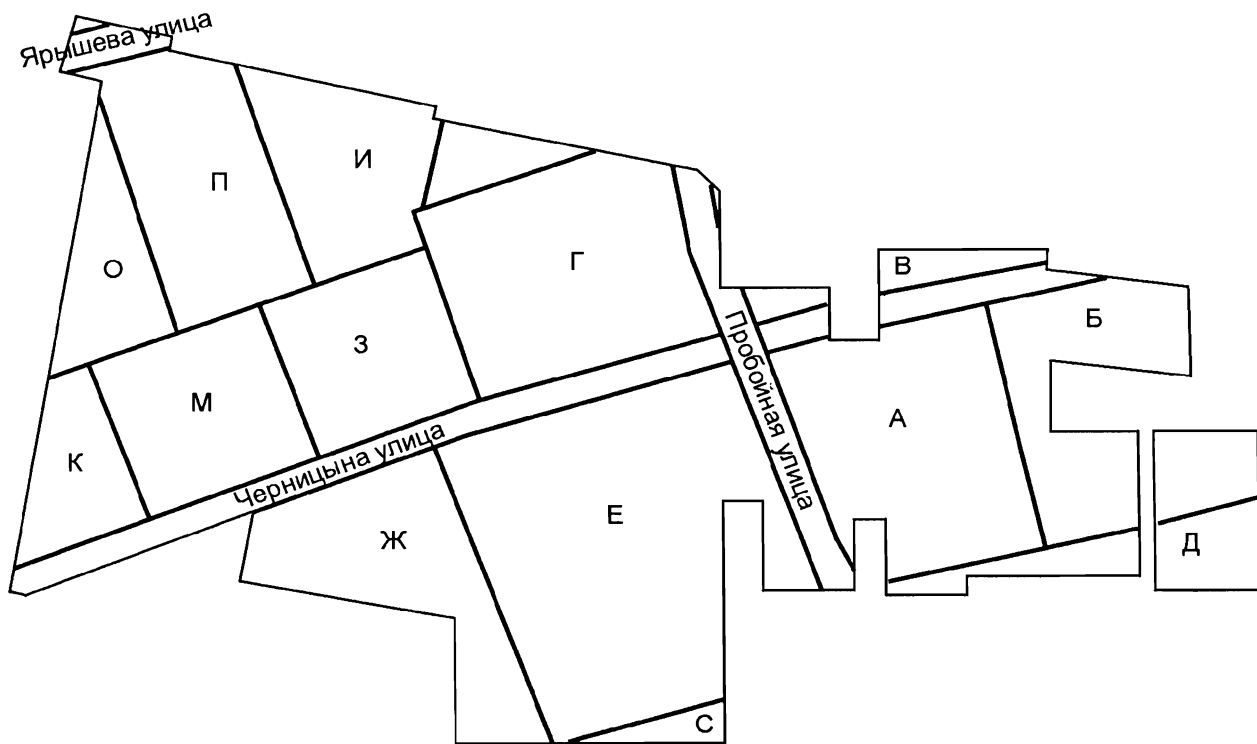

Рис. 1. Схема расположения усадеб Троицкого раскопа

Fig. 1. Scheme of the locations of estates at the Troitsky site

ных к западу от Пробойной улицы. Один предмет (наконечник ножен) найден на усадьбе А, расположенной к востоку от Пробойной улицы на ее перекрестке с Черницыной (рис. 1).

На усадьбе Г известны два предмета (привеска в виде молоточка Тора (рис. 2, 4) и ладьевидная); на усадьбе И – один предмет (привеска с янтарной бусиной). Больше всего скандинавских предметов на усадьбе Е: привеска в виде молоточка Тора, гривна с такой же привеской, крученая гривна и обломок скорлупообразной фибулы (рис. 2, 7). Отмечу, что скорлупообразная фибула и гривна найдены у частоколов вблизи соседних усадеб. Их отнесение к усадьбе Е обусловлено тем, что они могли попасть на соседние усадьбы при строительстве частоккола. Об этом свидетельствует, на мой взгляд, то, что фибула была найдена в поврежденном виде и в слое XI в., то есть позднее бытования фибул этого типа в Скандинавии (X в.) (*Рыбина*, 2003. С. 60).

Известно, что заселение этой части Людина конца происходило, видимо во второй трети X в., а наиболее ранние слои находятся на усадьбах, расположенных на перекрестке Черницыной и

Пробойной улиц¹. Усадьба И, раскопанная частично, расположена у Ярышевой улицы, и вещевой комплекс этой усадьбы в раннее время гораздо беднее, чем на других усадьбах. Здесь, в слоях X–XI вв. найдено всего 12 предметов. Причем большая часть из них может быть отнесена к самому концу XI в. В самых ранних слоях, относящихся к X в., на этой усадьбе найдено всего три украшения: узкомассивный браслет, узкорогая лунница и плетеный перстень. Скандинавские предметы, найденные на этой усадьбе, не составляют единого комплекса, ни топографически, ни хронологически. Так, привеска с янтарной бусиной найдена в слое конца XI в., наконечник ножен – в слое середины XI в. Оба предмета располагались у разных частоколов, отделяющих усадьбу И от усадьбы Р и З.

На территории, вероятно, принадлежащей в раннем периоде, усадьбе Г найдено 23 ювелирных украшения. Как и на усадьбе И, большинство из них относятся к слою второй половины XI в. На этой усадьбе найдено два скандинавских предмета (привеска в виде молоточка Тора и ладьевидная привеска). Среди других предметов здесь выявля-

¹ Выражаю свою признательность О. А. Тарабардиной за помощь в уточнении хронологии Троицкого раскопа.

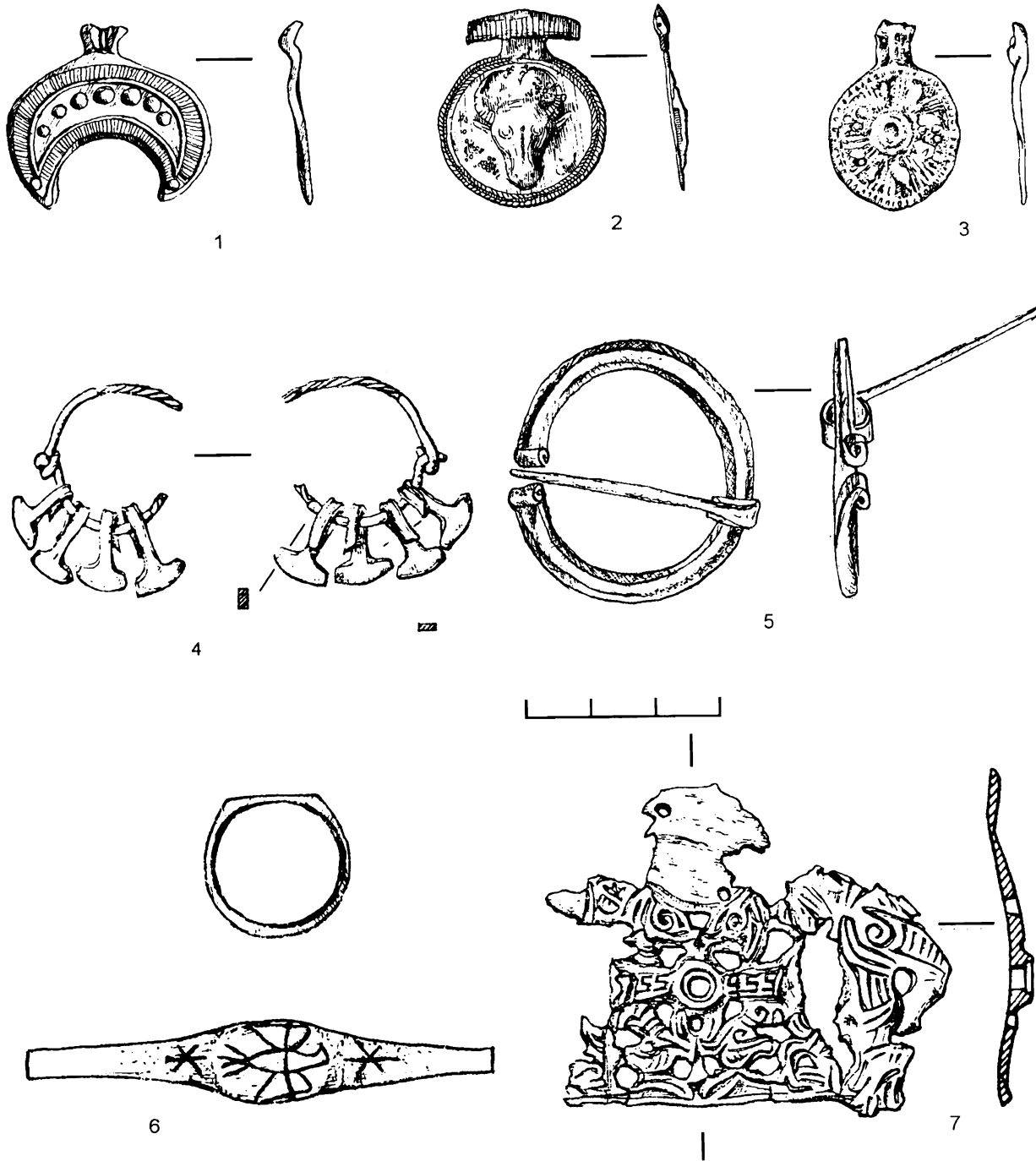

Рис. 2. 1 – Привеска-лунница, пл. 27, кв. 418; 2 – круглая привеска с изображением быка, пл. 22, кв. 1396; 3 – круглая привеска, пл. 22, кв. 643; 4 – привеска «молоточки Тора», пл. 23, кв. 654; 5 – подковообразная фибула, пл. 22, кв. 555; 6 – перстень, пл. 18, кв. 629; 7 – скорлупообразная фибула, пл. 19, кв. 602

Fig. 2. 1 – Lunulate pendant; 2 – Globular pendant with representation of a bull; 3 – Globular pendant; 4 – Pendant in form of «Thor's hammers»; 5 – Horseshoe-shaped fibula; 6 – Seal-ring; 7 – Eggshell fibula

ется комплекс украшений прибалтийского происхождения: пластинчатая привеска-уточка, два узкомассивных браслета и звериноголовый браслет, фибулы со спиральнозагнутыми головками, гранчатая фибула с орнаментом на дуге.

Надо отметить, что в Новгороде были широко распространены подковообразные фибулы различных типов. Причем, обращает на себя внимание тот факт, что на новгородских усадьбах присутствуют не только те типы фибул, которые встречаются на территории древней Руси, в контактных зонах славянского и финно-угорского расселения (например, фибулы со спиральнозагнутыми головками), но и фибулы, характерные для балтских и финно-угорских племен (например, фибулы с гранчатыми, конусовидными, зооморфными, макровидными головками и др.).

Узкомассивные браслеты представляют собой несомкнутые литые браслеты со слегка закругленными концами, в сечении они имеют форму овала, сегмента или треугольника. Такие браслеты обычно украшены по всей поверхности четким рельефным орнаментом, состоящим из косых решеток, перемежающихся косыми крестами. Их широкое распространение в Юго-Восточной Прибалтике позволяет предположить, что именно оттуда они попадают в северо-западные районы Новгородской земли (Левашиова, 1967. С. 242; Седова, 1981. С. 103).

Звериноголовые браслеты – характерное украшение балтских племен (Седова, 1981. С. 112). Известны они и у прибалтийско-финских племен, в частности, у эстов, где считаются привозными (Финно-угры и балты, 1987. С. 19). Из Прибалтики они распространяются на земли, заселенные финно-уграми и славянами (Левашиова, 1967. С. 241; Седова, 1981. С. 112).

Привеска-уточка относится по классификации Е. А. Рябина ко II типу (Рябинин, 1981. С. 16–17) и представляет собой птицу со сложенными крыльями, на тулове одна прорезь, ноги соединены перемычкой, клюв широкий и прямой, хвост вытянут и заканчивается ромбом, петля для привешивания также ромбовидная. По тулову расположен орнамент в виде насечек. Найдена она в слое конца XI в. Подобная привеска на территории древней Руси найдена и в курганном могильнике у д. Залахтовье. Однако Е. А. Рябинин выделяет ее в отдельный тип в связи с широким распространением подобных подвесок за пределами древней Руси. Он отмечает, что основной район их концентрации зафиксирован на территории Латвии. Возможно, одним из центров производства таких амулетов было городище Даугмале. Думаю, что мож-

но говорить о едином комплексе украшений раннего периода на этой территории, в котором явно ощущается прибалтийский компонент.

То же самое можно сказать и об усадьбе А, с территории которой происходит наконечник ножен. Здесь в слоях X–XI вв. найдено 18 предметов ювелирного производства, среди которых: пластинчатый конек-амулет, булавка с крестовидной головкой, фибулы со спиральнозагнутыми концами, булавка с кольцом, продетым через шарообразную головку.

Булавки с крестовидными головками имеют округлые плоские, коромыслообразные лопасти, орнаментированные концентрическими окружностями и выпуклыми полушариями посередине. Такие булавки известны среди древностей Литвы и получают широкое распространение в Эстонии, где считаются этноопределяющим украшением эстов (Финно-угры и балты, 1987. С. 19).

Пластинчатый конек-амулет представляет собой двухголовую непрорезную привеску с ушками, оформленную в виде колечек, через одно из которых продета цепочка. В центре тулова расположено отверстие для привешивания. Амулет найден в слое начала–середины XI в. Аналогичная привеска происходит из ливского могильника (Tonisson, 1974. Abb. 29, 4).

Больше всего находок в этот период на усадьбе Е. Здесь, как и на других усадьбах, расположенных на перекрестке Черницной и Пробойной улиц, в вещевой коллекции прослеживается выразительный балтский компонент. Скандинавские предметы на усадьбе Е (привеска в виде молоточка Тора, гривна с такой же привеской и крученая гривна), за исключением скорлупообразной фибулы, составляют хронологически компактную группу самого раннего периода существования этой усадьбы.

Всего в слоях второй половины X–XI вв. на этой усадьбе найдено 52 украшения, изготовленных из цветных металлов, при этом большинство предметов относится к слою XI в (36 экз.). Ко второй половине X в., кроме предметов скандинавского происхождения, относится еще 13 предметов: три перстня (два из них – широкосерединые с завязанными концами), два браслета (дротовый с суживающимися концами и крученый), привеска-лунница (рис. 2, 1), две круглые привески (рис. 2, 3), и пять подковообразных фибул (рис. 2, 5).

Среди украшений наибольший интерес представляет монетовидная привеска с изображением быка (рис. 2, 2). Каменная литейная форма с аналогичным изображением была найдена на городище Даугмале (Латвия). Н. В. Хвошинская, иссле-

дуга подобные привески, приходит к выводу о том, что они включались в костюм балтов и финноугров и могли изготавливаться на Даугмальском городище (*Хвоцинская*, 2000. С. 246–253). Кроме того подобные привески известны в Белоозере (*Захаров*, 2004. С. 46, рис. 263, 28), могильнике Нефедьево и Кемских курганах. Еще одна круглая привеска с изображением быка была найдена в Новгороде на Никитинском раскопе в слоях позднего времени.

Браслетообразное височное кольцо с завязанными концами, одна подковообразная фибула со спиральнозагнутыми головками и пластинчатый перстень с изображением птицы (рис. 2, б) найдены в слое рубежа X–XI вв. М. В. Седова считает, что появление украшений с изображением птицы с распростертыми крыльями, связано с византийским влиянием (*Седова*, 1981. С. 37, 137. Рис. 50, 13).

Количество ювелирных украшений в XI в. на усадьбе Е возрастает за счет увеличения количества перстней разных типов (14 экз.) и привесок, среди которых – три пластинчатых конька-амулета, три ложки-амулета и три круглых привески. Кроме того, к слоям XI в. относятся три браслета и две подковообразные фибулы.

Надо отметить, что количественный состав вещевой коллекции X в. на всех Троицких усадьбах, в том числе и на усадьбе Е, значительно уступает количеству находок в более позднее время. Одной из причин этого является то, что освоение территории, изученной в процессе археологических исследований в Людином конце, произошло не ранее второй трети X в. Поэтому, на мой взгляд, находки на усадьбе Е сразу четырех скандинавских предметов в качестве компактной хронологической группы самого раннего периода существования этой усадьбы можно считать неординарным явлением. В то же время, рядом с Новгородом расположено Рюриково городище, на котором и для этого и для более раннего периода зафиксировано огромное, по сравнению с Новгородом, ко-

личество скандинавских предметов. Здесь скандинавские черты прослеживаются и в одежде, и в воинской атрибутике, и в религиозном культе. Надо отметить, что на усадьбе Е в слоях X–XI вв. довольно много предметов вооружения (особенно стрел – 30 экз.), но среди них, только четыре можно отнести к скандинавским. В составе же вещевой коллекции усадьбы Е нет ни скандинавских женских украшений, ни деталей мужской одежды, практически нет предметов вооружения. Среди скандинавских предметов, найденных в Людином конце, четыре относятся к группе, связанной с культом и магией. Причем три из них расположены на усадьбе Е. Подобные найденным на этой усадьбе частично перекрученные гривны с молоточками Тора имеют ограниченный район распространения в Скандинавии. Эти предметы свидетельствуют об интенсивных и непосредственных связях между провинциями около озера Меларен в Центральной Швеции и Русью (*Янссон*, 1999. С. 34).

Значение и уникальность усадьбы Е отмечались неоднократно. Ее размеры превышают размеры соседних усадеб более чем в два раза, и они не менялись в течение всего существования усадьбы. В середине XII в. на усадьбе Е был организован смесной суд; в конце XI в. на эту усадьбу стекались доходы от сборов государственной дани (*Янин*, 2001). Об этом свидетельствуют находки «цилиндров», или деревянных замков на мешки с данью. В слое начала XI в. здесь была найдена цера и берестяная икона с изображением святой Варвары. Владельцы усадьбы скорее всего принадлежали к социальным верхам древнерусского общества, сформированным в том числе и из скандинавов, и способным в результате разносторонних контактов аккумулировать разнообразные культурные импульсы. Именно этим и объясняется появление здесь компактной хронологической группы скандинавских предметов.

СЛАВЕНСКАЯ РЕЛЬ

Александр Н. Сорокин

Государственный университет. Москва. Россия

SLAVENSKAYA REL'

Alexander N. Sorokin

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *In this paper, records about the remains of the forestry in the territory of Novgorod are considered and their localization is proposed. Having been founded in the forest zone, the town quickly wiped out the trees within its territory and nearby. In the documents however, the term of rel' is mentioned beginning from the 12th century, in particular the rel' of the Yuryev Monastery. Most commonly rel' is understood as a prolonged elevation in the river flood-lands which provided stores of hay. However in certain cases it may have been an area specially paled around, which sometimes comprised forest plantations. Thus from the Slavenskaya Rel', mentioned presumably as early as 1460, stocks of timber for building a church were brought. Probably that rel' was a reserved oaken or pine forest on the site where the Gosudarev Sad or the Sovereign's Plantation arose after 1570 as recorded in the pistsovaya kniga (cadastre) of 1631. Furthermore, it is exactly the latter rel' that is possibly depicted on the icon of Our Lady of the Sign of the 17th century. This fact allows us to localize the Slavenskaya Rel' in Novgorod between the Slavnya Street and the Volkhov River somewhere opposite the Nutnaya Street.*

Древний Новгород возник в лесной зоне Восточной Европы. В засушливые годы по свидетельству летописцев от горевших лесов «в Новгороде бысть помрачение на многы дни и нощи» (1384 г.), от дыма «земля и леса горяху, и дым мног велик, иногда друга не видети» (1430 г.), «быша дымове превелици и мрак, яко солнечнаго сияния на облаци не видети от дымнаго помрачения, а во граде велика нужда бысть от смраду дымнаго» (1533 г.) (НПЛ, 1950. С. 380, 416; ПСРЛ, 1925. Т. IV. С. 341, 433; 1929. Т. IV. С. 551). В летописном сообщении под 1447 г. лес указан в ближайшей округе Новгорода: «Того же лета, генваря 3, бысть облак тученосен и с дождем, и паде вкупе пшеница и рожь и жито на поле и на леси от града за 5 верст и дале от Волховца и до Мсте реки на 15 верст...» (ПСРЛ, 1925. Т. IV. С. 443). В XV в. Гильбер де Ланнуа в своем описании Новгорода отметил, что город «расположен на большой равнине, окруженной большими лесами» (Строков, Богусевич, 1939. С. 10). В 1565 г. «много летело из леса в Новгород курянов» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 161). На плане ближайших окрестностей Новгорода, составленном Н. Н. Муравьевым по данным генерального межевания последней четверти XVIII в., вокруг города показаны обширные леса (Янин, 1999. Рис. 29). Однако в самом Новгороде практически не осталось реликтовых лесных массивов. По археологическим данным в древнейших Неревском и Людинском концах, заселенных с X в., усадьбы располага-

лись, плотно примыкая друг ко другу. В таких условиях не может быть и речи о каких-либо естественных зеленых насаждениях. Не случайно, археологические свидетельства о них крайне малочисленны. Только на Неревском раскопе в предматериковых слоях усадеб А, Е и Д были зафиксированы дубовые пни с корневой системой (Засурцев, 1963. С. 86; Сорокин, 1995. С. 21). Сведения письменных источников о зеленых насаждениях в Новгороде также крайне малочисленны: в летописной записи под 1469 г. сообщается о посадке тополей («начаша тополци садити») на Славковой улице; в 1470 г. «на Федорове улици ис тополя воды капало много от верха и с сучья» (ПСРЛ, 1925. Т. IV. С. 446); в купчей, составленной 24 февраля 1591 г., местоположение огородных полосок «в Прусском заполье за городом» определено «под тополем» (Баранов, 2001. С. 135. № 35).

В данной связи особый интерес представляют сведения Новгородской четвертой и Софийской летописей о местности, называвшейся «рель в Славнее». «Славном» в древнем Новгороде называли Славенский конец, его южную оконечность с церквами св. пророка Ильи и свв. апп. Петра и Павла, а также Большую улицу, которая вела от Торга к Городищу. На Славенской рели во время морского поветрия, случившегося осенью 7041 (1533) г., заготовляли древесину для строительства церкви во имя святого евангелиста Марка: «...месяца ноября 8 день, на Собор архангила Михаила,

внуде сам боголюбивый архиепископ Макарии в соборную церковь святую Софию, со игумены и со всеми священники и со дьяконы всего града, нача молебная свершати от 2 часа дни, а всему народу градскому повеле *лес имать на рли во Славне* церковь рубити (вариант «*на рле в Славней*». – А. С.); народи же с радостию *начаша овии лес совлачити, инии же рубити*, и прочии церкви ставити...» (ПСРЛ, 1929. Т. IV. С. 550–551; 1853. Т. VI. С. 290; 1841. Т. III. С. 199, 249). То, что Славенская рель не дровяной склад, а участок лесистой местности, доказывается также летописным известием, в котором описывается стихийное бедствие 7060 (1552) г.: «...бысть буря силна, велми дождь велик... да бурею же *весь лес из Славна* выдрало, прибило к великому мосту в Новегороди» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 156–157). Близкое по содержанию летописное свидетельство, но без упоминания о Славенской рели относится к 6968 (1460) г.: «Того же лета, июля, буря страшна была: лес ломило и хоромы рвало» (ПСРЛ, 1925. Т. IV. С. 455, 464, 493). Таким образом, можно предположить, что Славенская рель представляла собой местность вблизи Волхова, поросшую деревьями, причем в таком количестве, которого хватало для постройки церкви.

Кроме Славенской рели, в Новгороде известна еще одна релка, называвшаяся «Крюк». Она упоминаемая в летописном сообщении под 7036 (1528) г., повествующем о строительстве мельницы на Волхове «неким хитрецом от Псковские страны»: «Он же обрете место на Софейской стороне, идеже баня стоит *на рельке*; а ту рельку *преже* *изначала звали Крюк*, а на ней *преже* жили нарочитые дворяне владычня двора. И начаша от той *рельки* делати срубы великие, и вести вверх по реце ко владычню двору в берегу, и топити те срубы камением велицем на дно Волхова, чтобы ему отняти часть у Волхова, куда быстринам водным течи...» (ПСРЛ, 1853. Т. VI. С. 286). Очевидно, именно релка «Крюк» фигурирует в сообщениях новгородского хронографа XVII в. под 7161 (1653) и 7181 (1673) гг. (Тихомиров, 1979. С. 295, 319).

В жалованной грамоте первой половины XII в., данной Изяславом Мстиславичем Пантелеймонову монастырю, описано местоположение нескольких пригородных релей: «...от Добрыне улицы Мячином вверх подле *рель* да налево в Великий ручей, ручьем вверх подли *княжюю рель* до Юрьевского межника, что крест стоит под межником; от Юрьевского межника логом подле *Юрьевскую рель*...» (Семенов, 1959б. С. 247; Амвросий, 1813. С. 454–455; Корецкий, 1955. С. 204–207). По всей вероятности, одна из этих релей упоминается в жалованной грамоте новгородского князя XII в. Всеволода Мстиславича Юрьевскому монастырю:

«Се аз князь великий Всеволод дал еси святому Георгию *рель от Волхова по крст*...» (Амвросий, 1813. С. 734; Срезневский, 1860. С. 354; ГВНП, 1949. С. 140. № 79). Крест, «что на рли» у Юрьева монастыря, продолжал стоять еще в начале XVII в., о чем свидетельствует опись Новгорода 1617 г. (Янин, 1984. С. 88). О Юрьевской рели говорится в летописной записи под 7080 (1572) г.: «...поехал владыка Новгородской Леонид к Москве, *Юрьевскою релью*...» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 169). В 6824 (1316) г. некий «Данилко Писцов убиен бысть *на рли* от своего холопа» (НПЛ, 1950. С. 337, 95; ПСРЛ, 1915. Т. IV. С. 256; 1917. Т. IV. С. 242; 1889. Т. XVI. С. 61).

Одно из наиболее распространенных толкований рели – «выпуклая, возвышенная полоса, гребень, гривка, гряда... сухой непоемный хребет среди пойм; идущая грядою полоса, чем-нибудь отличная от прочего»; рель «встарь значило не поемный луг, а напротив, возвышенность среди поймы», травяной остров посредине болота, который не затопляло «даже в разлив» (Даль, 1982. Т. IV. С. 91). С другой стороны, под релями понимали заливные луга (Даль, 1982. Т. IV. С. 91; Передольский, 1898. С. 327; Янин, 1977. С. 71). Это подтверждается летописными свидетельствами: 6759 (1251) г. – «наидоша дождеве велице и съняша *вси рли* и обилья и сена...» (НПЛ, 1950. С. 304–305, 80; ПСРЛ, 1915. Т. IV. С. 230; 1917. Т. IV. С. 220); 6911 (1403) г. – «Бысть в весне вода суха, и *рли* *вси* *сухы* *быша*» (ПСРЛ, 1889. Т. XVI. С. 147; 1925. Т. IV. С. 394; 1841. Т. III. С. 134). В летописной записи под 1554 г. синонимом «релей» выступают «поля»: «В лето 7062, весне, воды прибыльные не было ничего на полах» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 157).

Из писцовых книг Новгородской земли XVI в. следует, что на релях заготавливали сено: «пожня на Волхове на Онтоновской рли... да пожня на той же рле... на обеих семдесят куч», «пожня на Кирилловской рли подле великого князя пожни и промеж Волховца и Лешовня, а ставитца сена десять куч», «релка в Глушвице подле церковную пожню Михалитцкого монастыря, а по другую сторону до Вяжитцкие пожни», «пожня Кузминская Еремеева релка», «две рли подле Драчева болота», «пожня на Чайцыне рли в болоте промеж Михайловскую пожни [с] Сковоротки и Лятцкие пожни монастырские, пятнатцать куч», «релка в Драчеве болоте, шездесят куч» (Писцовые книги..., 1999. С. 318, 323, 354–355, 361, 369, 373).

Еще одно значение релей, сохранившееся в новгородском говоре, это – «наносная, наволочная гряда в воде, вдоль берега, но в расстоянии от него, так что между релью и берегом стоит вода» (Даль, 1982. Т. IV. С. 91). Такого объяснения «ре-

ли» придерживался В. С. Передольский: «...крестьянство знает также «релку», как небольшой островок, низменный, едва возвышающийся из воды реки, или озера, нанесенный течением и укрепивший» (*Передольский*, 1898. С. 327).

В княжеском «Уставе о мостех», составленном между 1265 и 1267 гг. (*Янин*, 1977. С. 116), некие «рили» распределены между новгородскими сотнями – «трои риле», «двои риле» (НПЛ, 1950. С. 507, 636; ПСРЛ, 1889. Т. XVI. С. 304). По мнению В. С. Передольского, под ними следует понимать «устои» Великого моста (*Передольский*, 1898. С. 327). Близкое по смыслу значение «рели» имеется в словаре В. Даля: «...рель, козлы, леса с прогоном... Кладка через речку на релях, на козлах. ...Вода на Волхове поднялась до мостовых релей, стар. до перил, или до верху козел» (*Даль*, 1982. Т. IV. С. 91).

Ни одно из приведенных выше толкований не может быть принято для объяснения того, чем на самом деле являлась Славенская рельь. Это – не луговая грядка, не заливной луг, не намытый течением островок и не конструкция деревянного моста. В данной связи следует напомнить еще об одном значении «рели», зафиксированном в словаре В. Даля – «высокие перила, поручни, ограда, обнос на столбах» (*Даль*, 1982. Т. IV. С. 91). То есть под Славенской рельью можно понимать обнесенный оградой земельный участок с росшими на нем деревьями. В. С. Передольский предположил, что именно Славенская рельь изображена к югу от Ярославова дворища, Михайловской и Благовещенской церковью на плане Новгорода, помещенном на Знаменской иконе рубежа XVI–XVIII вв., происходящей из Знаменского собора на Торговой стороне: «Перекресток Мало-Николаевской, или старинной Славной, и нынешней Нутной улицей служит для крестьян ближайших деревень, промышляющих по зимам легковым извозничеством, стоянку и известен между ними под именем релки. ...В соответственном этому перекрестку месте Знаменского изображения означено круглое, огороженное пространство, засаженное деревьями... эта возвышенная в настоящее время местность сохраняет в народном говоре название, соответствующее понятию о низменном, едва выступающем из воды, острове... Славенская рельь сохранила это имя до наших дней в народном говоре потому, конечно, что она была местностью выдающеюся, общеизвестною – с отдаленнейших веков, как живое урочище, оставшееся незастроенным... Занимая место среди дворов богатых обывателей Славна и иноземных торговых, Рля была общественным садом с глубокой древности...» (*Передольский*, 1898. С. 327–328; см.: *Янин*, 1999. С. 40. Рис. 9, 10, 11).

Однако прямое соотнесение Славенской рели с иконописным изображением поросшего деревьями участка вряд ли правомерно. В документе, датированном 1693 г., то есть тем же временем, что и Знаменская икона, ему соответствует нечто другое: «А на Торговой стороне по Славенской проезжей большей улице розсажен великих государей сад; а по мере того саду по Большой Славенской улицы от двора посацкого человека Васьки Колохова до двора ж посацкого человека Ивашка Прокофьева Рыбника 138 сажен с полусаженью, а позади двора посацкого человека Тимошки Агеева того ж саду 53 сажени, а в другую сторону от Славенской улицы к городской стене в одном конце подле двора Ивашка Рыбника 43 сажени, да посередки против того саду ворот 59 сажен. А в том саду яблонь и груш и вишен старых и молодых 3409 дерев» (*Воробьев*, 1961. С. 242). Наличие ворот «посередки против того саду» подразумевает существование ограды. Именно такая ситуация – ограда с воротами по центру восточного фасада, обращенного в сторону Славной улицы – и отражена на иконе. Следует также отметить совпадение датировок Знаменской иконы и письменного источника (*Янин*, 1999. С. 40–43). Таким образом, описание Государева сада соответствует графическому изображению огороженного участка с деревьями на Знаменской иконе.

И все-таки есть основания предполагать наличие связи между Славенской рельью XVI в. и Славенским Государевым садом конца XVII в. Прежде всего, не случайно, что именно эта местность вплоть до XIX в. продолжала сохраняться в памяти новгородцев как «релка». Однако еще остается некоторое сомнение, вызванное утверждением А. И. Семенова о локализации Государева сада конца XVI столетия в юго-восточной части Славенского конца между Славной и Загородной улицами: «Из значительной и разбросанной территории, обрабатываемой на государя и названной в ЛК (памятного превышающей размер прежней площади в 14 гектаров, отведенной под Большой Государев двор), наиболее цельным и большим участком был огород на сорока дворовых местах на Киро-Иванской улице (между Славенской и Загородной улицами). Надо полагать, что здесь и помещался Славенский сад. Возможно, что к нему были добавлены береговые участки Варезской и Павловой улиц, отведенные под Большой Государев двор, а также и береговая часть Киро-Иванской улицы. На пунктирном плане первой половины XVIII века нет участков Варезской, Павловой и Киро-Иванской улиц, лежащих между Славенской улицей и Волховом. Исчезновение выходов

трех соседних улиц на Волхов можно объяснить (кроме пожара) только занятием этой территории под нежилое использование. Кроме садов и огородов здесь ничего другого назвать нельзя» (Семенов, 1959а. С. 65).

Чтобы решить вопрос о местоположении Славенского сада необходимо обратиться к истории Государева двора в районе Ярослава дворища. К московским князьям оно перешло после утраты Новгородом своей независимости. Однако топоним «государев двор» впервые фигурирует в летописном сообщении только под 7076 (1568) г., когда «начали здати на государеве дворе церковь каменную Рождество Христово да полату каменную противу тое же церкви» (ПСРЛ, 1963. Т. XXVIII. С. 163). В данном тексте речь идет не о том Государевом дворе, что располагался на Никитиной улице, так как вблизи него не было Рождественской церкви (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 168, 170–171; НЛ, 1879. С. 113). В то же время по описям Новгорода начала XVII в. известно о церкви Рождества Христова в Арсеневом монастыре, основанном к югу от Ярослава дворища (Янин, 1984. С. 77, 329).

13 марта 7078 (1570) г. «на пятой недели великого поста, за две недели Христова дни, после государева розгрому, в Великом Новгороде, на Торговой стороне, от Волхова все дворы очистили, нарядили площадию, а ставити на том месте двор государев» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 163, 162). Это летописное известие подтверждается ремарками Писцовой книги по Новгороду конца XVI в., согласно которым «под государеву меру Большого Двора» в 78-м году (1570 г.) было отведено, по подсчетам А. И. Семенова, 235 дворов и 6 дворовых мест на Железной, Отцовской, Михайловой, Славенской, Витковой, Нутной, Варежской, Павловой и Киро-Иванской улицах (Майков, 1911. С. 234, 236, 245, 254, 272; Греков, 1912. С. 13, 22, 39; Семенов, 1959а. С. 64–65). Расположение Государева двора в районе Ярослава дворища подтверждается летописным известием 7080 (1572) г. о строительстве колокольни рядом с церковью Жен Мироносиц «на Дворищи... у двора государьскаго» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 173; НЛ, 1879. С. 118). В 7088 (1580) г. в первое воскресенье Петрова поста «двор государев на Ярославле дворище» сгорел от удара молнии (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 263; НЛ, 1879. С. 347). Вскоре после пожара началось его восстановление. В новгородских лавочных книгах 1583 г. он уже назван «новым государским двором» и вместе с ним впервые упомянут сад в связи с тем, что из мона-

стырского сада Иоанна Богослова на Витке «иное деревье взяли к государьскому к новому двору в государьской сад» (Бахрушин, 1930. С. 116). В сметах Новгородского Дворцового приказа начала XVII в. прямо говорится, что «в Новгороде в дворцовом приказе государев Славенской сад один» (Гневушев, 1911. С. 135).

Местоположение сада может быть установлено по росписи 1631 г., содержащей вариант устройства нового острога на Торговой стороне, южная сторона которого должна была пройти по Нутной улице: «А от Нутнянской башни с валу поворотить Нутнянскою улицею до церкви Филипа апостола, а от тое церкви от Филипа апостола тою ж Нутнянскою улицею через Славенскою улицу к реке к Волхову мимо митрополича сына боярского Михайлова двора Матвеева через *государев сад* по реку по Волхов против мельницы, что была мельница на реке на Волхове...» (Янин, 1986. С. 34). Таким образом, Государев сад первой трети XVII в. может быть локализован между Славной улицей и Волховом, напротив Нутной улицы. Опись укреплений острога на Торговой стороне 1626 г. позволяет определить северную и южную границы сада: они проходили соответственно по Ильинской и Михайловой улицам, имевшим проезд к Волхову через ворота в острожной стене; расстояние между ними вдоль стен острога равнялось 193 сажням, причем, судя по всему, это пространство не имело усадебной застройки (Янин, 1986. С. 22). Именно здесь между Славной улицей на востоке, берегом Волхова на западе, Ильинским переулком на юге и безымянным проездом на севере (на плане 1762 г. – Михайловский переулок) в экспликации плана Новгорода 1746 г. под № 62 значится «Государев сад» (Воробьев, 1959. С. 79, вклейка; Янин, 1999. С. 105. Рис. 26).

Источники позволяют установить, что выращивали в Славенском саду. В 7127 (1619) г. в Новгород из Москвы был прислан сытник Григорий Дуров с поручением «переписать в Государевых садах (по всей вероятности, имелись в виду сады в Коростыни и Славенском конце. – А. С.) всякие яблока, груши и сливы и вишни, а переписав велено отдать, а собрав прислати к Государю к Москве с ним же Григорьем на подводах или водою в судне тысь сь с 6 или з 10 ябл^{ок} *наливу* и *скруту* и *бели* и *розни*» (Гневушев, 1911. С. 135). По данным на конец XVII столетия в Славенском саду росли 4309 яблонь, груш и вишен (Воробьев, 1961. С. 242). Благодаря списку дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду, в котором описывается яблочное слетье¹,

¹ Слетье – то «что лето дает, осб. плоды, овощи, подспорье хлебу. Вообще урожай чему избыток, обилие» (Даль, 1982. Т. IV. С. 229).

собранное в Славенском саду в 1621 г. и отправленное в Москву ко двору Михаила Федоровича, перечислены некоторые сорта яблонь: «3 яблока *любских* больших, 50 ябл *бели* средних, 400 ябл *квасу* лутчего. А болши того в Славенском саду лутчих ябл добрых не было, был в нынешнем во 129-м году яблокам нерод. А которые яблоки худые и падалица остались, и те яблоки проданы, а денег за них взято 5 рублей 20 алтын» (Янин, 1984. С. 253). Кроме столовых фруктов и приготовления кваса, слетье из государевых садов перерабатывали для создания зимних припасов: в 1619 г. было «велено зделати в Великом Новгороде про Государев столовой обиход 10 тазов яблочных в творилах да из вишень 10 тазов больших да 30 труб пастил приказных, а яблока и ягоды вишни велено взять из *государевых садов*, а патоку и масло конопляное и котлы и корыта и творила и доски и сита и решота и дрова и иное посудье, какое будет к тому делу понадобтца, велено взять у торговых людей» (Гневушев, 1911. С. 135, 137).

Славенским садом заведовал садовник, находившийся на царском жалованьи: в 7127 г. его «оклад» был рассчитан «по окладу 116-го году» и составлял «пол 3 рубли», а в 7129 г. – «пол 2 рубля» (Гневушев, 1911. С. 134–135; Янин, 1984. С. 253, 268, 275). В писцовых и лавочных книгах конца XVI в. имеются сведения о «государевых садовниках», как сказано в источниках, «пахавших на государев обиход» в различных местах Новгорода. Возможно, они также привлекались к работам в Славенском саду. А. И. Семенов ограничился упоминанием только двух государевых садовников (Семенов, 1959а. С. 65). На самом деле, их было значительно больше, причем кто-то жил в Славенском конце, а иные в других районах Новгорода. Это, например, Гаврилко (Гаврила) Игнатъев (Бахрушин, 1930. С. 110–111, 113–114, 187; Майков, 1911. С. 217), Микита (Микитка, Микифор) Кирилов (Бахрушин, 1930. С. 88, 186, 200), Иван (Ивашко) Григорьев Рык (Бахрушин, 1930. С. 113; Майков, 1911. С. 273), Мишук Нос (Бахрушин, 1930. С. 110; Майков, 1911. С. 122), Микифор Кирилов (Бахрушин, 1930. С. 186), Онтонко (Онтон) Павлов (Бахрушин, 1930. С. 112, 156, 170, 176; Майков, 1911. С. 23, 274), Патракейко Яковлев (Бахрушин, 1930. С. 185, 187), Петруша Яковлев (Бахрушин, 1930. С. 120), Тарас (Тараско, Торас) Григорьев (Бахрушин, 1930. С. 105, 111, 133, 153–154, 157, 167, 169, 172, 182, 186, 190–191, 196, 200; Майков, 1911. С. 128–129), Третьяк (Третьячок) Калинин (Бахрушин, 1930. С. 169, 189; Майков, 1911. С. 257; Греков, 1912. С. 28), Ульянко Игнатъев (Бахрушин 1930.

С. 118), Федка (Фетько, Федор, Федыко) Яковлев (Бахрушин, 1930. С. 88, 113, 185–188, 190, 200).

Прямые данные о происхождении лесного массива в прибрежной части Славенского конца отсутствуют. Возможно, изначально Славенская рель представляла собой заповедный дубовый или сосновый бор. Может быть, прибрежный участок к югу от Ярославова дворища в середине XV столетия в одно время с Федоровой и Славковой улицами засадили тополями и огородили, почему он и получил свое название – «Рель». В результате вырубки деревьев при строительстве обydенной церкви св. Марка и бури 1552 г. зеленым насаждениям Славенской рели, видимо, был нанесен серьезный ущерб. Возможно, после этого ее территорию полностью или частично захватили под жилую застройку, по всей вероятности, жители ближайших Михайловой, Славенской, Витковой, Нутной, Варежской, Павловой и Киро-Иванской улиц. Косвенным подтверждением этого является летописное сообщение о пожаре, случившемся в воскресенье 28 ноября 1568 г., когда «на Варецкой улице, в берегу двор сгорел» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 162). Однако дворы на Славенской рели просуществовали сравнительно недолго, так как их снесли в связи со строительством Государева двора. Поблизости от него, там, где располагался лесной участок, некогда обнесенный оградой, был разбит Государев сад. То, что он появился именно в этом месте не случайно. На материалах Неревского раскопа, где были открыты остатки небольшого яблоневого сада, просуществовавшего короткое время, стало очевидным, что культурный слой городских усадеб не соответствовал условиям для выращивания фруктовых деревьев (Сорокин, 1995. С. 20–21). На примере этого сада П. И. Засурцев сделал важное наблюдение, имеющее принципиальное значение. По его мнению, в древнейших районах исторической застройки «садов не было и не могло быть»: «Почва здесь включала слишком большое количество навоза, щепы и вообще неперегнившего дерева, так что культурным растениям нeгде было зацепиться. ...Остатки сада, раскопанные на усадьбе К, показывают, чего стоило развести такой сад на усадьбе, где существовала многовековая застройка. По-видимому, сады в Новгороде занимали более возвышенные места, холмы, которые застраивались обычно в последнюю очередь и на которых благодаря этому культурный слой почти отсутствует» (Засурцев, 1967. С. 114–115). Поэтому логично предположить, что для Государева сада был избран участок, ранее уже занятый растительностью с подходящей для этого почвой, то есть бывшая Славенская рель.

**МСТИСЛАВ И ХРИСТИНА:
НОВГОРОДСКО-ШВЕДСКИЕ СВЯЗИ XI–НАЧАЛА XII ВВ.**

Федор Б. Успенский

Институт славяноведения. Москва. Россия

**MSTISLAV AND CHRISTHNE: THE NOVGOROD-SWEDEN CONNECTIONS
IN THE 11th–EARLY 12th CENTURY**

Fedor B. Uspenskiy

Institute of Slavic Studies. Moscow. Russia

ABSTRACT: *The subject of this study is the Russian-Swedish dynastic union – the marriage of the Novgorodian prince Mstislav the Great (son of Vladimir Monomakh and Gype, daughter of the English king Harold II) and Princess Christine, daughter of the Swedish king Ingi the Old. From the time when great-grandfather of Princess Christine, the famous jarl in Gautland Rögnvaldr Úlfsson departed for Rus where he and his sons obtained Ladoga into their ownership, that kin was divided into two branches – the Swedish and the Novgorod-Ladoga one. Christine belonged to the Swedish branch of the family which succeeded in taking the throne. That was the period when fairly many figures, to whom she was a close relative, were acting in the political life of Novgorod. The marriage with the Novgorodian prince Mstislav thus turned to be both an inter-dynastical affair and at the same time an «interior» – particularly Novgorodian one. This article is concerned with the entire complex of evidence on the residence time of Princess Christine in Novgorod – written documents, the information of sphragistics and works of fine arts.*

Связи русской княжеской династии со Скандинавией в X–XII вв. настолько тесны, многочисленны и разнообразны, что невозможно представить себе жизнь Руси того времени без взаимодействия со скандинавским миром. Но даже и на этом фоне особое место принадлежит отношениям Рюриковичей с правителями Швеции, отношениям свойства, кровного родства и политических союзов.

Не касаясь начальной истории династии, обратимся к одному из самых знаменательных матримонидальных союзов XI в., к браку Ярослава Мудрого и шведской принцессы Ингигерд. Действительно, все наследники Ярослава – а именно они определяли политическое лицо государства на протяжении многих столетий – были «детьми единой матери», Ингигерд.

Обстоятельства этого брака достаточно подробно изучены, однако отнюдь не все детали с ним связанные ясны и бесспорны, и – что не менее важно – не все разнообразные следствия этого союза

определены и прослежены. Так, остается, например, спорной самая датировка брака Ярослава и Ингигерд. Большинство историков согласны в том, что этот брак имел место в 1019 г., однако и сегодня время от времени высказываются вполне весомые возражения, оспаривающие эту исследовательскую реконструкцию¹.

При этом установлен ряд фактов, который теперь, как кажется, ни у кого не вызывает сомнений. Ингигерд была законной дочерью Олава Шетконунга и Эстрид. Она была связана узами родства со всеми правящими домами Скандинавии. С норвежскими конунгами это родство было более отдаленным, тогда как с датскими правителями – очевидным и непосредственным. Олав Шетконунг, ее отец, был первым христианским королем Швеции. Он крестил часть своей страны и, соответственно, не могла не принять крещение и его дочь².

¹ О датировке брака Ярослава и Ингигерд см.: Назаренко, 2001. С. 492–496, с обзором литературы. В последнее время свои сомнения относительно принятой исследователями датировки (1019 г.) высказывал А. Поппэ (письмо к автору этих строк от 29 ноября 2004 г.).

² Ср. свидетельство Адама Бременского (70-е гг. XI в.): *Preterea duos fertur idem rex habuisse filios, quos una cum uxore et populo iussit ambos baptizari* «Кроме того говорят, что этот король имел двоих сыновей, которых он повелел крестить вместе со своей женой и народом» (*Adam Bremensis*, 1977. Lib. II. Cap. LVIII. P. 119). Перевод В. В. Рыбакова.

На Руси жена Ярослава Мудрого упоминается под христианским именем *Ирина*³. Здесь для историка возникает уже некоторая неясность. Имя это было весьма популярно в Византии, особенно в семье императора, поэтому естественнее было бы связывать его появление у Ингигерд с Русью, а не со Швецией. Однако коль скоро Ингигерд приехала на Русь христианкой, возникает вопрос, при каких обстоятельствах и с какой целью ей могло быть дано новое имя. Напомним, что дело происходит в первой трети XI в., задолго до разделения церковью, когда никаких установлений, предписывающих перекрещивать и переименовывать шведскую принцессу, попросту не могло быть⁴.

В западноевропейских источниках упоминается только одно ее имя – *Ингигерд*, языческое по своему происхождению⁵. В Скандинавии это могло означать как то, что оно было ее единственным именем, несмотря на крещение (примеры подобного рода известны), так и то, что у нее было второе, крестильное, имя, не фиксируемое в западноевропейских текстах. В пользу второй версии, казалось бы, говорит тот факт, что у родного брата Ингигерд имени было два – династическое *Энунд* и христианское *Якоб*⁶. Однако мы склоняемся к тому, что Ингигерд – независимо от наличия или отсутствия у нее крестильного имени в Швеции – получила имя *Ирина* на Руси, при заключении бра-

ка с Ярославом Мудрым, причем смена имени никак не была связана с принадлежностью принцессы к Церкви латинского обряда.

Подробности брака Ингигерд и Ярослава известны нам только по скандинавским источникам, в частности по сагам. Напомним, что первоначально Ингигерд была невестой Олава Харальдссона, короля Норвегии. Рассказывается, что устройству этого брака немало способствовал ярл Западного Гаутланда, Регнвальд Ульвссон, однако отец выдал ее за конунга Гардарики Ярицлейва. Ингигерд согласилась уехать на Русь при условии, что туда с ней отправится и ее родич, ярл Регнвальд, впавший в немилость у короля Швеции. Это условие было выполнено, и на Руси ярл, согласно сагам, получил во владение Альдейгьюборг-Ладогу, которой после его смерти правили его потомки.

В сагах всячески подчеркивается значительность той роли, которая была отведена Регнвальду в жизни Ярослава и Ингигерд. Что касается степени его родства с Ингигерд, то оно не вполне поддается уточнению. В некоторых источниках говорится, что мать Олава Шетконунга, Сигрид Гордая, была сестрой Ульва, отца ярла Регнвальда; иными словами, Регнвальд и Олав были двоюродными братьями (см. таблицу в конце работы)⁷. Однако эти генеалогические сведения не вполне

³ Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», обращаясь к покойному князю Владимиру Святому, упоминает и его сноху (то есть жену сына, Ярослава Георгия): «...виждь и блговерную сноху твою Ерину» (*Молдовац*, 1984. С. 98). См. также: *Uspenskij*, 2001, с указанием литературы.

⁴ Любопытен вопрос, какая святая считалась на Руси небесной покровительницей княгини. Ярослав, как известно, основывает монастырь в честь св. Георгия Победоносца, своего патронального святого, и в честь св. Ирины, но какой именно из святых, носивших это имя, не говорится. Наиболее известной была, бесспорно, вмч. Ирина, которая была исключительно популярна в Константинополе и при этом ее деятельность и мученичество, возможно, имели непосредственное отношение к славянскому миру, к Македонии, Фракии, Сербии. С точки зрения ее «сходства» с русской княгиней существенна следующая деталь ее жизни: она носила имя *Пенелопия* и лишь со времени крещения апостолом Тимофеем стала зваться *Ириной*. Подобное переименование для первых веков христианства было относительной редкостью, оно стало сравнительно регулярным лишь несколько столетий спустя во многих странах поздней христианизации. Не исключено, что случай Пенелопии-Ирины мог служить для новообращенных династий своего рода образцом.

Существовали, однако, и другие святые с этим именем. В частности, с началом XI в. связано прославление византийской императрицы Ирины, участвовавшей в восстановлении иконопочитания, правда, в сохранившихся русских месяцесловах ее упоминаний не обнаруживается. Вполне возможно, что сама княгиня чтит всех своих святых тезок одновременно, как это было принято в ту эпоху (см. подробнее: *Литвина, Успенский*, 2002. С. 36–109; *Литвина, Успенский*, 2003а. С. 206–225).

⁵ В отдельных работах иногда можно встретить уверенное указание на то, что еще до своего замужества Ингигерд носила два имени – родовое, *Ингигерд*, и крестильное, *Маргарета* (см., например: *Veckman*, 1922. Р. 166). Об ошибочности этих данных см. подробно: *Назаренко*, 2001. С. 496; *Успенский*, 2002а. С. 60–61.

⁶ О выборе имен для Энунда Якоба см. подробнее: Успенский 2001. С. 57–68.

⁷ Существует текст, где Олав и Регнвальд называются именно так напрямую. Это – «Сага об Олаве Трюггвасоне» по «Книге с Плоского Острова»: *Ullfr fadir Rognualldz uar brodir Sigridar hinnar storradu, uoru þeir syskina synir Olafr konungr sanski ok Rognualldr jarll* «Ульв, отец Регнвальда, был братом Сигрид Гордой. Их дети, конунг Олав Шведский и ярл Регнвальд, были двоюродными братьями» (*Flatoyarbók*, 1860–1868. Bd 1. Р. 415).

В другой саге из той же «Книги с Плоского Острова» – в знаменитой «Пряди об Эймунде» – ярл Регнвальд Ульвссон и Ингигерд названы двоюродным братом и сестрой, точнее, «детьми сестер» (*systrabörn*) (*Flatoyarbók*, 1860–1868. Bd 2. Р. 134). Насколько эти данные предпочтительнее версии о том, что ярл Регнвальд был двоюродным дядей (а не двоюродным братом) Ингигерд, сказать весьма трудно: сведений о матери Регнвальда не сохранилось вовсе, тогда как о матери Ингигерд, Эстрид, известно только, что она была славянкой (ободриткой или вендкой) (*Adam Bremensis*, 1977. Р. 99; *Olafs saga*, 1982. Р. 104). Впрочем, Снорри Стурлусон в «Круге Земном» считает славянку не жену, а наложницу Олава Шетконунга по имени Элла; этническую же принадлежность матери Ингигерд он никак не оговаривает (см. подробнее: *Успенский*, 2001. С. 60–61).

достоверны⁸. Ограничимся лишь констатацией того, что принцесса Ингигерд, согласно сагам, считала ярла Регнвальда своим родичем, и он, бесспорно, был одним из самых знатных людей в Скандинавии. Помимо прочего, об этом свидетельствует и тот факт, что, оказавшись на Руси, ярл не потерял связи и с неудачливым женихом Ингигерд, королем Норвегии Олавом Святым, которому, по-видимому, случилось гостить у Регнвальда в Ладоге.

В русских летописях сам ярл Регнвальд никак не фигурирует, однако здесь присутствуют многочисленные упоминания представителей знатного новгородского клана Роговичей-Гюрятиничей, одним из главных родовых имен которого было имя *Рог(волод)*, надежно возводимое к скандинавскому *Ragnvaldr*. Как убедительно показал А. А. Молчанов, это и были потомки знаменитого Регнвальда Ульвссона, оставшиеся на Руси⁹.

Память об особом положении русской ветви рода ярла Регнвальда сохранялась на протяжении столетий. Можно утверждать, что Рюриковичи считали их родовитость сопоставимой со своей собственной. Во всяком случае, сохранились сведения о том, что по крайней мере две представительницы этого новгородского клана в течение XII в. сделались княжескими женами. Речь идет о браках князей Мстислава Юрьевича с дочерью Петра Михалковича в 1155 г. (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 346) и Мстислава Ростиславича Безокого с дочерью Якуна Мирославича в 1176 г. (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 35, 224). Однако есть основания полагать, что двумя этими тезками «список» русских князей по имени *Мстислав*, нашедших себе жен среди потомков ярла Регнвальда, не исчерпывается.

Первым в этом ряду может быть назван старший родич обоих упомянутых *Мстиславов* – Мстислав Великий, сын Владимира Мономаха. Как известно, вторым браком этот князь был женат на

новгородке (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 21, 205). Она была дочерью посадника Дмитрия Завидовича и принадлежала к новгородскому клану, не менее могущественному, чем потомки ярла Регнвальда. Что же касается первой жены Мстислава Великого, от которой произошло большинство его детей, то в исследованиях о ней прежде всего говорится, что она была шведской принцессой.

Таким образом, браки Ярослава Мудрого и его правнука, Мстислава Великого, обладают несомненным сходством. Однако их жены, будучи обе дочерьми шведских правителей, если и состояли в кровном родстве, то весьма и весьма отдаленном: род Рюриковичей сохранил свою власть над Русью, тогда как на шведском престоле династия за это время уже успела смениться.

Кристина – а именно так звали первую жену Мстислава Великого – и ее отец, король Инги Старый, не были прямыми потомками древних Инглингов. Родоначальником их династии был некий Стейнкель, о котором в одних источниках говорится, что он был то ли пасынком, то ли дальним родичем последнего представителя древней династии, а в других источниках сказано, что он состоял с Инглингами в свойстве – был женат то ли на дочери, то ли на сестре кого-то из прежних шведских королей¹⁰. Так или иначе, сыном конунга Стейнкель не был, хотя специально отмечается знатность его рода. Что же мы знаем о его отце, родном деде Инги Старого и прадеде Кристины?

В большинстве скандинавских источников Стейнкель упоминается как конунг Швеции, а о его родителях ничего не говорится. При этом замечательным образом, в целом ряде текстов подчеркивается его особая связь с Западным Гаутландом¹¹. Так, в частности, в списке правителей Швеции, входящем в состав закона западных гаутов, отмечается, что именно этот конунг «любил западных гаутов больше всех людей, что были в его

⁸ Эта неясность связана с противоречивыми сведениями о происхождении Сигрид Гордой. См. подробнее с указанием литературы: *Успенский*, 2002а. С. 26–27, 50. Примеч. 6.

⁹ См. подробнее: *Молчанов* 1997а; 1997б. Плодотворная гипотеза А. А. Молчанова получила свое интересное развитие в работах А. А. Гиппиуса: *Гиппиус*, 2001; 2003. В указанных работах выявляются родственные связи между различными представителями новгородских и ладожских потомков Регнвальда Ульвссона, живших во второй половине XI–начале XIII в. При этом А. А. Молчанов и А. А. Гиппиус исходят из менее правдоподобных генеалогических сведений «Пряди об Эймунде», согласно которым ярл Регнвальд был двоюродным братом Ингигерд (см. примеч. № 7 в нашей работе); другие же версии родства между ярлом и шведской принцессой в данных работах не рассматриваются. Дальнейшая разработка этой гипотезы продолжилась в трудах А. Е. Мусина: *Мусин*, 2002б. С. 89–92.

¹⁰ О Стейнкеле см. подробнее: *Успенский*, 2002б; 2004в; 2005. С. 251–263.

¹¹ Полезный и подробный обзор таких свидетельств см. в работе: *Казанский, Мачинский*, 1996. С. 63–65. Отметим, что относительно происхождения Стейнкеля и его потомков от ярла Регнвальда Ульвссона мы стоим на позициях весьма сходных с теми, что высказываются в данной работе. Однако ее авторы допускают ряд неточностей относительно скандинавского и русского материала. Для нас наиболее досадно здесь смешение двух браков Мстислава Великого, а также неточный пересказ Адама Бременского, касающийся родства Стейнкеля с Инглингами; в частности, шведский король Эмунд Старый перепутан со своим братом и предшественником на престоле. Энундом Якобом. Кроме того, мы едва ли можем согласиться с главным утверждением авторов о христианизации Швеции из Ладogi, а тем более о сознательном замалчивании этого факта в источниках XIII в.

государстве» (Hann ælskæði wæstgötæ umfram allæ þe mæn i hans ríki waru) (*Ur vár áldsta bok*, 1912. P. 30–31). Стоит заметить, что подобное выражение является формульным как для скандинавских, так и для русских средневековых текстов. Обычно оно фигурирует в качестве похвалы правителю, сохраняющему предпочтение к своим исконным землям по сравнению с землями приобретенными¹².

Таким образом, по косвенным данным есть все основания предполагать, что Стейнкель был выходцем из Западного Гаутланда или, во всяком случае, распалагал там какими-либо властными привилегиями до того, как он стал конунгом всей Швеции.

Существует, наконец, единственный источник, где имя отца Стейнкеля названо напрямую. В «Саге о Хервер» сказано, что им был Регнвальд Старый (*Hervarar saga*, 1956. P. 70). Если мы вспомним, что интересующий нас Регнвальд Ульвссон до своего отъезда на Русь с Ингигерд был никем иным, как ярлом Западного Гаутланда, то предположение (не раз высказывавшееся историками еще в XIX в.)¹³ о том, что именно он и был отцом Стейнкеля, оказывается более чем правдоподобным.

Как же в таком случае могли развиваться события в первой половине XI в.? Можно предположить, что у ярла Регнвальда Ульвссона дети были, по меньшей мере, от двух женщин, ведь в «Саге о Хервер» говорится, что матерью Стейнкеля была Астрид, дочь Ньяля Косого, сына Финна из Халогаланда. Из других же саг известен рассказ о сватовстве и женитьбе Регнвальда на Ингибьерг, се-

стре норвежского короля Олава Трюггвасона (*Flateyrbók*, 1860–1868. Bd 1. P. 415, 469)¹⁴. Строго говоря, статус двух этих матримониальных союзов достаточно неоднозначен. Дело в том, что, если верить саге, то Регнвальд становится христианином именно ради того, чтобы получить в жены сестру конунга. Это означает, что до этого момента, будучи язычником, ярл мог иметь нескольких жен и наложниц. В ту переходную эпоху брак с христианкой далеко не всегда означал отказ от прежних семейных отношений. Не исключал он и появление новых наложниц и детей от них. Статус таких детей, которые с точки зрения церкви были незаконными, в Скандинавии в ту пору на деле целиком и полностью определялся волей отца, а отчасти и происхождением матери. Во всяком случае, родившиеся от таких союзов сыновья несомненно могли наследовать и власть, и земли.

У Стейнкеля, таким образом, были все возможности наследовать своему отцу, независимо от того, родился ли он до брака Регнвальда с Ингибьерг или после него¹⁵. Можно предположить, что когда ярл Регнвальд навлек на себя гнев Олава Шетконунга, он предпочел уехать на Русь, но изгнание – если это было изгнанием – стало относительно почетным, ведь он сопровождал дочь шведского конунга, и едва ли ее отец в подобной ситуации стремился отнять прежние владения у этого рода. В сложившейся ситуации Регнвальд мог передать ярлство остававшемуся в Швеции Стейнкелю¹⁶. Новую же семью Регнвальд перевез на Русь¹⁷. Известно, что в этом браке с Ингибьерг

¹² В Скандинавии эта формула встречается в текстах, принадлежавших к самым разным жанрам. Она представлена во многих довольно разнообразных вариантах (см. подробнее: Успенский, 2004б. С. 39–54). Укажем лишь один пример из «Саги о Храфнкеле, годи Фрейра», повествующей о событиях в дохристианской Исландии. В Исландии годи Храфнкель обладал властью над одной из долин, однако он пытался завладеть и соседней, Ледниковой долиной. При этом, как сказано в саге, когда ему это удалось, он стал «мягок и ласков со своими людьми, но строг и непримирим с людьми из Ледниковой Долины» (hann var líng ok blíðr við sína menn, en stríðr ok stírólyndr við Jökulsdalament) (*Hrafnkels saga Freysgoða*, 1950. P. 99; *Исландские саги*, Т. 2. 1999. С. 180).

При этом соответствующим образом трансформированные варианты такой формулы могли выражать и негативную оценку действий правителя, как это происходит, например, в знаменитом летописном эпизоде с князем Святославом Игоревичем. Согласно летописи, князь явным образом предпочел завоеванный им Переяславец наследственному Киеву и заслужил упрек киевлян: «ты княже чюжея земли нищиши и блюдеши а своея ся охавивъ» (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 67). См. подробнее: *Литвина*, в печати.

¹³ Ср., например: Соловьев, 1988. Т. 1–2. С. 206, 506. Обзор историографии вопроса см.: *Казанский, Мачинский*, 1996. С. 62–67.

¹⁴ В качестве жены ярла Регнвальда Ингибьерг неоднократно упоминается у скальда Сигвата Тордарсона и в «Круге Земном» Снорри Стурлусона.

¹⁵ Необходимо отметить, что мать Стейнкеля лишь немногим уступала в знатности сестре Олава Трюггвасона. Ее отец, Ньяль Финнссон, по женской линии вел свой род от Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии. Дочь конунга Харальда (кстати, также звавшаяся Ингибьерг) приходилась Ньялю родной бабкой, а его дедом был ярл Хальвдан (*Flateyrbók*, 1860–1868. Bd 1. P. 41).

¹⁶ В «Саге о Хервер» говорится: Steinkell var fyrst jarl i Svíþjóð, en eftir dauða Eymundar konungs tóku Svíar hann til konungs (*Hervarar saga*, 1956. P. 70). Традиционно эту фразу понимают как «Стейнкель был *первый* ярл в Свитьод, но после смерти конунга Эймунда шведы избрали в конунги» (см., например: *Казанский, Мачинский*, 1996. С. 62), хотя фраза явно требует совершенно иного прочтения: «Стейнкель *сначала* был ярлом в Свитьод, но после смерти конунга Эймунда шведы избрали в конунги».

¹⁷ Для его жены-христианки Русь едва ли была полностью чуждым миром, ведь ее брат, Олав Трюггвасон, дедство и юность провел именно здесь, при дворе Владимира Святого, отца Ярослава Мудрого.

у него было по крайней мере два сына, Ульв и Эйлив. Жизнь их оказалась связанной с новой родиной, и от них-то и произошел ладожско-новгородский клан потомков Регнвальда¹⁸.

Таким образом, родословное древо Регнвальда Ульвссона как бы разделилось на две ветви – шведскую и ладожско-новгородскую (см. генеалогическую таблицу в конце работы). Замечательно, что имя *Регнвальд* стало родовым для обеих этих ветвей. В частности, единственный сын Инги Старого получил это языческое по происхождению имя, которое резко контрастировало с христианскими именами его сестер (*Маргарета, Кристина, Катарина*)¹⁹.

Итак, к моменту приезда на Русь Кристины/Христины, шведской правнучки Регнвальда Ульвссона, в Новгороде жили и действовали его многочисленные правнуки. Насколько памятна и актуальна была в то время эта связь для самих потомков ярла? В этом отношении чрезвычайно существенно, какое положение пророчилось Мстиславу Владимировичу – жениху шведской принцессы Кристины – к моменту его брака. В Киеве Мстислав княжил сравнительно недолго и гораздо позднее, при этом почти всю свою жизнь он был связан с Новгородом, а своими старшими и младшими современниками, близкими и отдаленными потомками, в первую же очередь самими новгородцами, он воспринимался как князь по преимуществу новгородский²⁰.

Мстислав был первенцем своего отца, знаменитого Владимира Мономаха. Не исключено, что отец и дед Мстислава (Всеволод Ярославич) уже к моменту его рождения помышляли о киевском княжении, а к концу XI в. сложился обычай, что старший сын киевского князя занимал новгородский стол. Во всяком случае, совсем юным Мсти-

слав Владимирович оказывается на новгородском столе и к моменту женитьбы в 1095/96 г. занимает его уже в течение достаточно длительного времени. Весьма любопытно в этой связи, что Владимир Мономах в своем «Поучении», написанном в ту пору, когда его сын Мстислав был уже вполне взрослым человеком и имел, по-видимому, собственных детей, упоминает о нем следующим образом: «...детя ся роди старшее новгородское» (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 247).

Не исключено, что Владимир Мономах, устраивая брак своего сына, в определенном смысле уподоблял его великому предку, Ярославу Владимировичу Мудрому, который в свое время также женился на шведской принцессе, еще будучи новгородским князем²¹.

При этом не стоит забывать и о совершенно особом положении, которое в ту эпоху Новгород занимал среди других русских городов, о том, насколько важна была для сидящего там князя поддержка знатных новгородских родов и насколько тесно судьбы представителей этих семей, – посадников, тысяцких, княжеских воевод, дядек, свойственников и кровных родственников – были тесно переплетены с судьбами самих Рюриковичей. Выходцы из новгородского боярства могли играть важную роль и далеко за пределами самого Новгорода²², однако особенно важна была их поддержка для того князя, который собирался надолго удержаться в их родном городе.

О том, что Мстислав отнюдь не пренебрегал этой поддержкой, свидетельствует, например, его второй брак с дочерью посадника Дмитрия Завидовича. Во времена же первого брака в ближайшем окружении Мстислава оказывается не кто иной, как Добрыня Рагуилович, княжеский воевода, будущий новгородский посадник и, по всей ви-

¹⁸ Ср.: *Снорри Стурлусон*, 1980. С. 235.

¹⁹ О судьбе же родового имени *Регнвальд* / *Рог* (волод) / *Рагуи* в новгородской ветви потомков Регнвальда Ульвссона подробнее см.: *Гунтуис*, 2003. С. 144–154.

²⁰ В этом отношении показателен летописный эпизод, когда новгородцы, принимая к себе князя Изяслава, сына Мстислава Великого, приветствуют его словами: «...ты наш князь, ты наш Володимир, ты наш Мстислав» (ПСРЛ, 1908. Т. II. С. 370). По-видимому, отождествление с Мстиславом Великим и его отцом, Владимиром Мономахом, а тем более родство с ними, воспринималось как своеобразный залог легитимности прав на новгородское княжение.

Ср. также реакцию новгородцев на попытку прислать им в князя сына Святополка Изяславича вместо Мстислава Великого: «и реша Новгородци Стополку се мы княже прислани к тебе и ркли ны тако не хотим Стополка ни сна его аще ли 2 главе иметь снь твои то пошли и [а] сего <Мстислава. — Ф. У.> ны даль Всеволодъ а вскормили есмы собе князь» (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 276; сообщение под 1102 г.).

²¹ Следует отметить, что Владимир Мономах особенно подчеркивал свою связь с дедом, Ярославом Мудрым, – в «Поучении» он отмечает, что именно дед дал ему имя. Не менее существенна для него и связь с прадедом, Владимиром Святым, в честь которого он был назван как мирским именем *Владимир*, так и крестильным именем *Василий*.

²² Достаточно упомянуть, например, что новгородский посадник Мирослав Гюрятинич, принадлежавший, по-видимому, к роду ярла Регнвальда, отправляется, согласно летописи, мирить киевлян с черниговцами в 1136 г. (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 28), а другой представитель этого рода – Рагуил Добрынич (тысяцкий князя Владимира Мачешича, сына Мстислава Великого от второго брака) – в Киеве везет тело убитого киевлянами князя Игоря Ольговича в церковь св. Михаила, в так называемую «новгородскую божицу» (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 318; под 1147 г.; ср.: *Гунтуис*, 2003. С. 152).

димости, правнук интересующего нас Регнвальда Ульвссона (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 238)²³. Если все наше построение в целом верно, то шведская принцесса, молодая жена князя, приходилась новгородскому воеводе троюродной сестрой.

Значение этого родства – как это часто бывает – было двунаправленным. С одной стороны, им, возможно, объясняется близость к князю именно Добрыни Рагуиловича. С другой стороны, не исключено, что оно каким-то образом упрощало сватовство Мстислава и, в той или иной степени, определяло самый выбор невесты. В определенном смысле брак Мстислава Великого и Кристины оказывался одновременно и династическим и «внутренним», собственно новгородским делом.

Кристина была совсем не чужой для новгородской знати и, видимо, отчасти поэтому занимала в Новгороде особое положение, отличное от положения большинства княгинь. «Новгородская первая летопись» содержит несколько необычное упоминание о ее смерти. Такого рода известие само по себе не редкость, однако, как правило, в этом случае сообщается лишь о том, чьей женой была преставившаяся княгиня. Именно так и выглядят сообщения о смерти Кристины в «Лаврентьевской» и «Ипатьевской» летописях: «преставися княгиня Мстиславля» под 1122 г. (ПСРЛ, 2003. Т. I. С. 292; 1908. Т. II. С. 284). Новгородское же свидетельство содержит личное имя княгини: «преставися Мстиславля Христина» (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 21, 205). На фоне общей для летописных источников скупости данных об именах жен и дочерей Рюриковичей домонгольский порыв этот факт представляется достаточно примечательным.

Помимо всего прочего, благодаря новгородскому сообщению мы знаем ту русифицированную форму, которую обрело имя шведской принцессы в Новгороде. Существенно, что эта форма полностью совпадает с той, с помощью которой на Руси передавались имена соответствующих греческих святых. Иными словами, скандинавский облик имени (Kristin) был безошибочно отождествлен с именем святой, чтимой в Константинополе и на Руси. Кто же из святых тезок Христин мыслился в качестве небесной покровительницы княгини на ее новой родине?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос относительно прост. В самом деле, восточная церковь в разное время почитала четырех святых с этим именем. Лишь две из них – св. Христина Тирская и

св. Христина Персидская – упоминаются в сохранившихся ранних славянских месяцесловах, что же касается месяцесловов собственно русских, то здесь существует памятник, показания которого должны в первую очередь приниматься в расчет при определении патрональной святой супруги Мстислава.

Речь идет о знаменитом Мстиславовом Евангелии, месяцеслов которого, как кажется, не мог не содержать имени небесной покровительницы княгини. Действительно, мы обнаруживаем здесь св. Христину, и притом только одну – св. Христину Тирскую (†300), едва ли не самую популярную из святых мучениц с этим именем. Память ее праздновалась 24 июля/6 августа, в один день с памятью первых русских святых из рода Рюриковичей, свв. Бориса и Глеба. В Константинополе существовал отдельный храм, посвященный этой святой. По-видимому, ее память специально отмечалась также и в константинопольском храме мч. Трифона, «близь Ирины старой и новой», то есть рядом с той церковью великомученицы Ирины, о которой речь шла выше. В древнем греческом кондаке св. Христине есть упоминание о раке с ее мошамы, дарующей исцеление (*Сергий*, 1997. Т. 3. С. 283).

Таким образом, почти не вызывает сомнений, что покровительницей новгородской княгини была св. Христина Тирская, однако, как кажется, ограничиться одним этим утверждением в данном случае невозможно. Дело в том, что существуют два обломка булл с изображением женщины в короне и с нимбом на одной стороне и греческой надписью «святая Христина» на другой. Еще Н. П. Лихачев, а вслед за ним В. Л. Янин, высказали предположение о том, что эта печать принадлежала первой жене Мстислава Великого (*Янин*, 1970. Т. I. С. 33).

Само по себе существование собственной печати у новгородской княгини – факт не менее примечательный, чем упоминание о ней в летописи. Как известно, женских печатей домонгольской поры найдено несоизмеримо меньше, чем мужских. При этом общее число находок достаточно велико для того, чтобы утверждать, что оно в определенной мере соответствует действительному состоянию княжеского делопроизводства в конце XI – XII вв. Иными словами, многие княгини или не имели печати, или пользовались ими достаточно редко.

Существенно, однако, что В. Л. Янин, не сомневаясь в принадлежности этих новгородских

²³ Отождествление Добрыни Рагуиловича и новгородского посадника Добрыни принадлежит А. А. Гиппиусу: *Гиппиус*, 2003. С. 152.

находок, отметил то обстоятельство, что святая изображена на печатях с явными атрибутами царской власти. Между тем, ни св. Христина Тирская, ни какая-либо из ее святых тезок не были царицами. В то же время образцы подобной иконографии св. Христины на Руси известны именно в новгородской традиции: таким же образом, то есть в короне, изображена эта святая в росписи Спасо-Нередицкой церкви конца XII в. Откуда же взялась эта корона в изображении святой, или, формулируя этот вопрос несколько иначе, кто изображен в короне на печати и фреске?

Как справедливо отметил В. Л. Янин, едва ли можно думать, что на печати и уж тем более на фреске изображена не св. Христина, а сама княгиня – Кристина, дочь Инги Старого. Однако появление у святой атрибутов власти может объясняться не просто использованием в Новгороде некоего особого, «неправильного» иконографического образца, но и перенесением на святую мученицу некоторых атрибутов нареченной в ее честь княгини. В определенном смысле, образ святой на печати и образ самой княгини сливаются²⁴.

Весьма вероятно, почитание св. Христины в Новгороде поддерживалось на протяжении всего XII в. именно благодаря культуре этой святой, заложенному Мстиславом и его первой женой²⁵. Любопытно также, не могла ли княгиня Кристина почитаться как местная святая в Новгороде? Ведь мы располагаем вполне определенными свидетельствами о существовании местного культа ее мужа, князя Мстислава Владимировича²⁶.

Как кажется, судьбы детей Мстислава Великого и Кристины в той или иной степени несли на себе отпечаток новгородского родства их матери. В этом отношении показательна не только фигура их старшего сына Всеволода, многие годы княжившего в Новгороде и оказавшегося в довольно

сложных и не всегда мирных отношениях с противостоящими новгородскими кланами. Не менее интересны и судьбы дочерей Мстислава и Кристины.

По крайней мере, три из них носили имена, этимологически связанные с германским миром: *Рогнеда* (*Ragnheiðr*), *Маль(м)фрид* (*Mal(m)fridr*), *Ингибьберг* (*Ingibjörg*). Однако у всех этих имен ко времени появления наследниц Мстислава на свет уже существовала своя собственно русская история.

Рогнедой, как известно, звали одну из жен Владимира Святого, мать Ярослава Мудрого, но – что для нас более существенно – оно традиционно воспринималось как «однокоренное» с мужским именем *Регнвальд* / *Рогволод*. Рогнеда была прапрабабкой Мстислава Великого. *Регнвальд* / *Рог(во-лод)* / *Рагуил* было родовым именем как для шведской, так и для русской ветви родни Кристины. Таким образом, в имени русской княжны, Рогнеды Мстиславны, соединялись антропонимические традиции отцовского и материнского рода.

Имя *Маль(м)фрид* также встречается в русском княжеском именовании времен Владимира Святого. В Скандинавии же оно получило распространение только с той поры, когда Маль(м)фрид Мстиславна вышла замуж за конунга Норвегии Сигурда Крестonosца. Показательно, что единственная дочь, родившаяся в этом браке, получила имя *Кристина*, в честь бабки с материнской стороны.

Имя еще одной Мстиславны, *Ингибьберг*, также было не чуждо как роду ее отца, так и роду ее матери. Оно воспроизводило одну из основ имени *Ингигерд*, прабабки Мстислава Великого, и явным образом соотносилось с именем шведского конунга *Инги*, отца Кристины (*Литвина, Успенский, 2003б. С. 171–173*). Любопытно, однако, что имен-

²⁴ Как кажется, примеры подобного выделения княжеских патрональных святых с помощью особых знаков княжеского достоинства в русской иконографии известны. Так, С. И. Масленицын обратил внимание на то, что покровительница полоцкой княжны Параскевы Брячиславны, жены Александра Невского, изображена на свадебной иконе не в традиционном для св. Параскевы Пятницы мученическом одеянии, а в парадном княжеском облачении (*Масленицын, 1976. С. 236–239; Масленицын, 1977. С. 158–161*). Благодарим А. А. Гиппиуса за указание на эти работы.

²⁵ Сам по себе интересен вопрос о распространенности имени *Христина* в домонгольской Руси, в особенности, начиная со времен первого брака Мстислава Великого. Это имя фигурирует в новгородской берестяной грамоте, датированной серединой 20-х – серединой 50-х г. XII в. Грамота представляет заказ написание иконы (*Зализняк, 1995. С. 294. № 602*; ср. также грамоту № 560). Встречается оно в берестяных грамотах того же типа (церковное поминание и/или заказы на иконы) и позже, в середине XII – начале XIII в. (*Зализняк, 1995. № 522, 523, 554*). Из летописи мы знаем, что в 1195 г. в Новгороде скончалась игуменья Варваринского монастыря по имени Христина (ПСРЛ, 1841. Т. III. С. 42); надо полагать, это имя она приняла при постриге. Большую ценность в этом отношении представляет и надпись на знаменитом Суздальском амулете-змеевке, относящемся, скорее всего, к XII в. В этой надписи упомянуты некие Мария, Христина и Георгий. Данных для отождествления этих лиц с какими-либо представителями княжеской семьи, как и вообще с кем-либо из известных по другим источникам людей, в настоящее время недостаточно, хотя попытки такого рода идентификации исследователями предпринимались (см.: *Медведева, 2000. С. 189–200*, с обзором литературы). Целостный лингвистический анализ см.: *Гиппиус, Зализняк, 1998*.

²⁶ Память Мстислава (15 апреля), получившего в крещении имя *Федор*, присутствует, например, в сербских списках древнерусских Прологов.

но это имя носила прародительница новгородского клана потомков ярла Регнвальда. Напомним, что так звали его жену, сестру конунга Олава Трюггвасона, с которой Регнвальд приехал на Русь. Кристина не состояла с ней в кровном родстве, но весьма вероятно, что память об Ингибьерг, дочери Трюггви, была значима для новгородских родственников княгини, и это сыграло определенную роль в выборе имени для девочки.

Кроме всего прочего, скандинавские имена этих трех княжон (дочерей же у Мстислава было, по меньшей мере, семь), скорее всего, говорят о том, что этих девочек едва ли не с момента рождения прочили замуж в Скандинавию. Мы точно знаем, что в отношении двух княжон этим планам суждено было сбыться: если Маль(м)фрид Мстиславна оказалась сперва в Норвегии, а затем в Дании, то Ингибьерг Мстиславна вышла замуж за Кнута Лаварда, внука могущественного датского конунга Свейна Эстридссона. Немаловажно при этом, что из-за политических неурядиц в Дании

Ингибьерг пришлось, будучи замужней женщиной, на время вернуться к отцу на Русь. Там-то и появился на свет будущий конунг Дании Вальдемар Великий, а имя ему было дано в честь русского прадеда, Владимира Мономаха (*Успенский*, 2002а. С. 34–44; 2002в. С. 143–147).

Итак, в XI–XII вв. династия Рюриковичей была далеко не единственным из знатных родов, живших и действовавших на Руси, но обладавших при этом скандинавскими корнями. История этих семей очень рано встраивается в историю их новой родины, их имена, язык и обычаи не оставляют ни малейших сомнений в том, что они окончательно превращаются в русских правителей, в русскую аристократию. Тем не менее, скандинавские связи не только не забываются, но до определенной поры поддерживаются и обновляются, создавая сложную, многослойную систему родства и свойства, охватывающую весьма значительную часть Северной Европы.

MEDLÆVALIA

БАЛТИЙСКАЯ ИДЕЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ (О национальном стратегическом проекте 1702 года)

Михаил Ю. Данков
Петрозаводск. Россия

THE BALTIC IDEA OF RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY (The National Strategic Project of 1702)

Michel Yu. Dankov
Petrozavodsk. Russia

ABSTRACT: *The paper is devoted to studies of an important episode of the Northern War (1700–1721) between Russia and Sweden. Concerned is the 264 km march of a Russian 8.5 thousand corps from the White Sea to Lake Onega. The raid was planned in 1702 via the so-called «Osudareva doroga» (Sovereign's Road) specially constructed for 20 days through the forest and swamp area. The raid was intended to take the fortress of Noteburg on the Neva River where it flows out of Lake Ladoga. Peter the Great's idea on mastering the routes connecting the Baltic and White Sea was realized here. The distance was covered for eight days in the course of which a system of portages was used according to some researchers. Within the frame of the present project the route and history of the march have been studied under the direction of the author, inter alia with the employment of archaeological methods. The study has not confirmed the use of portages during the march.*

Европейское сообщество на рубеже XVIII столетия было потрясено рядом ожесточенных конфликтов. На фоне борьбы за испанское наследство (1701–1714), которую вела Франция против Англии, Голландских штатов, Бранденбурга и Португалии, выделяется война в Восточной Европе. Шведское королевство сражалось против России, Польши и Дании. Боевые действия разворачивались на Балтийском побережье, на берегах Вислы, в Силезии и Саксонии (*Реформы Петра*, 1937. С. 5). На русском военном театре армейским плацдармом в первые годы Северной войны (1700–1721) являлись земли Карелии, Ижоры и Приневья. Исстари эта «болотистая» земля выступала спорной территорией. Еще шведский король Густав II Адольф ее ценил как «чрезвычайное» пространство для безопасности Швеции. Сохранилась его ремарка 1617 г., относящаяся ко времени заключения Столбовского договора. «Русские опасные соседи... теперь навеки должны покинуть разбойничье гнездо..., враг без нашего позволения не сможет ни одного судна спустить в Балтийское море..., и Бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек» (*Брикнер*, 1881. С. XIII).

Очевидно, Россия вступила в войну, имея обоснованные надежды и весомые амбиции. Царь Петр Алексеевич в перспективе ожидал разделения шведской империи. Он мечтал о «приросте» реальной

береговой линии на Балтийском взморье за счет Ижорских и Карельских территорий. Молодой государь был уверен, что имеет моральное и юридическое право на возврат земель, которые ранее, до шведского протектората, находились под контролем российского правительства (*Андерсон*, 1997. С. 87).

С этой идеей, в начале августа 1702 г. Петр I решает на организацию «небывалой» армейской экспедиции от Вардегорского мыса на Белом море до Повенецкого рядка на Онежском озере. Авантюризм акции заключался в стремлении преодолеть в «боевом порядке» расстояние в 170 верст по ранее непроходимой, и даже некартированной местности. Государь задумал «скоро и скрытно» сухим путем, названным впоследствии «Осударевой дорогой», выйти к Онежскому озеру, а затем по р. Свирь двинуться в Ладогу, к шведской крепости Нотебург (Орешек с 1323 г.). Ведь еще ранее, он предвидел, «место тут zelo нужно: проток из Ладожского озера в море...» (*Письма и бумаги Петра Великого*, 1887. Т. I. С. 338). Безусловно, идея стратегического похода заключалась в стремлении взять под жесткий правительственный контроль земли Ингрии, утраченные в «смутное время». Кроме этого предполагалось прорваться и политически утвердиться на береговом пространстве Балтийского побережья (*Данков*, 2004а. С. 63).

Рис. 1. Войско петровского времени. Фрагмент гравюры П. Пикара. 1711 г.

Fig. 1. Army of the Peter period. Detail of engraving by P. Picart. 1711

По трассе «Осударевой дороги» Петр переместил пять батальонов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, элитную и наиболее подготовленную часть русской армии (рис. 1). В составе группировки находился весомый артиллерийский парк, заимствованный государем на Северной Двине (*Двинский росписной список...*, 1993. С. 169–178). В обозе также находилось «зелье, свинец и всякие пушечные припасы» (*Андреев*, 1929. С. 286). Одновременно маршрут преодолели первые лица государства – сподвижники, вельможи, «духовники» царя, и знатные иностранцы – всего более 4000 человек. Были и комнатные люди, знающие «солдатскую экзерцицию», фавориты петровских «кумпаний и марсовых потех».

Этот стремительный переход русской армии от Белого к Балтийскому морю в 1702 г., специалисты традиционно рассматривают лишь как образец воинского искусства и солдатского героизма. Однако на наш взгляд, «Осудареву дорогу», малоизвестный, но яркий эпизод Северной войны, имеет смысл интерпретировать в качестве старта по воплощению мечты Петра овладеть стратегическим пунктиром Ладога–Нева–Балтика. Идея реванша,

возврата Ижорских и Карельских земель, отторгнутых Шведским королевством от России, слилась в национальной программе с мыслью об исторической справедливости. Шведские захватчики не только владели исконными и привлекательными землями «отчичь и дедичь», но по емкой метафоре царя «...задернули занавес и со всем светом коммуникацию пресекли» (*Устрялов*, 1859. Т. VI. С. 47). Это обстоятельство заставило Петра в начале XVIII столетия решиться на грандиозный общегосударственный проект. По большому счету, миссия заключалась в перемещении вектора внешней политики России к западным рубежам.

В этом контексте предлагается оценить уникальное по историческому значению и энергозатратам предприятие, связанное с транспортировкой армии и боярского синклита по карельской тайге к Балтийскому взморью. Неудача в розыгрыше Константинопольской карты, проигрыш в 1700 г. под Нарвой, диктовали российской элите развернуть новый политический сценарий. Скорее всего, военное столкновение России со Швецией в начале XVIII столетия, следует рассматривать не только в стремлении приумножить новые государ-

ственные земли, но и в необходимости в целом стабилизировать геополитическую ситуацию на Европейском Севере.

Очевидно, строительство в лесах Карелии летом 1702 г. таинственной 264 км трассы, и последующее преодоление русской армией маршрута через водораздел Белого и Балтийского морей, является одной из составляющих этого плана. Эти события также являлись реальной предпосылкой возникновения имперского Санкт-Петербурга. Возведение и поход по царской дороге через «пустыни непроходимые..., где люди яко зверие дикие живут», до сих пор вызывает удивление и дискуссии у современных исследователей. Один из парадоксов государева тракта – немыслимая быстрота строительства. Путь, благодаря «стараниям» гвардейцев М. Щепотева, И. Муханова, А. Головкина и М. Волкова, с тысячью подневольных «посацких» и «монастырских» людей, был обустроен менее чем за 20 суток (РГАДА. Ф. 181. Д. 328. Л. 76 об.). Скорость возведения лесной дороги диктовалась «скрытостью начинания», а также общей стратегической обстановкой на предполагаемом театре боевых действий в Приневье и в Южном Приладожье. Также поражают сроки похода армии в составе 8,5 тыс. человек (*Новиков*, 1783. С. 104–111; *Письма и бумаги Петра Великого*, 1889. Т. II. С. 78–81). Царская свита и войска с архангельской артиллерией и провиантом преодолели сухопутный участок от берега Белого моря до Повенецкого рядка, на северной оконечности Онежского озера, всего за семь ходовых дней.

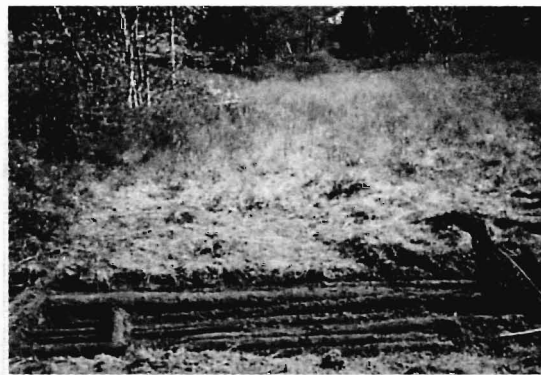

Рис. 2. Фрагмент полотна гати. НИЭ «Осударева дорога» 1999 г.

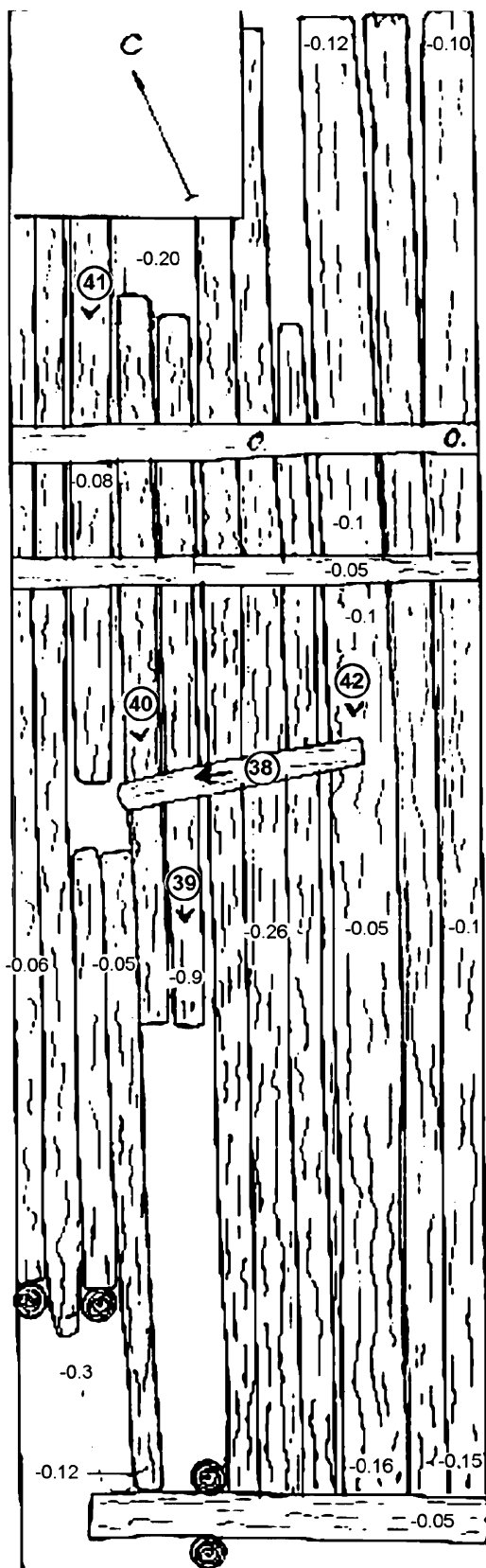
Fig. 2. Fragment of the log-path groundwork. Research Expedition «Osudareva doroga», 1999

Традиционно считается, что своеобразие стратегического проекта связано с организацией предполагаемого волока по «мостовой настилке» двух морских судов, построенных в 1702 г. «на Соломболе» под присмотром иноземца И. Э. Избранта (*Беспярых*, 1997. С. 45–48; *Кротов*, 1999. С. 209–212; *Ларионов*, 1999. С. 221–227; *Дуров*, 2003. С. 181–194). Этот «мифологический взгляд» куль-

Рис. 3. Придорожный тур. Щепотева гора. НИЭ «Осударева дорога» 1995 г.

Fig. 3. Roadside gabion. Mt Shchepoteva Gora. Research Expedition «Osudareva doroga», 1995

тивировался на протяжении трех столетий. Однако сама идея волока крупных судов из одного конца страны в другой, малопонятна, и основана лишь на поздних летописных источниках и текстах народных преданий (Новиков, 1783. С. 96–97; Криничная, 1991. С. 195, 203, 209).

Следует признать, что архивные данные, иконография, эпистолярные источники, и выводы, полученные в ходе реализации исследовательского проекта «Осударева дорога» (г. Петрозаводск), легендарную транспортировку фрегатов не подтверждают (Данков, 1997. С. 80; 2003. С. 174–179; 2004б. С. 121–133) (рис. 2–4).

Между тем, благодаря стремительности карельского похода, 11 октября 1702 г. Петр I одержал как военачальник первую викторию над шведами. В истоке Невы на Ладожском озере, на «аккорд» пала неприятельская цитадель Нотебург, тут же получившая имя Шлиссельбург. Идея «достать по льду Орешек» была рождена Петром в Новгороде, примерно за год до реальной атаки (Письма и бумаги Петра Великого, 1889. Т. II. С. 4).

Новый этап военной компании относится к январю 1703 г. К боевой линии Шлиссельбург–Балтика на подводах из Москвы выступил полк Чамберса, туда же выдвинулся по северному берегу Невы корпус Б. П. Шереметьева (Сорокин, 2001. С. 83). В начале мая сдался Ниеншанц (русское название Канцы), центр международной торговли в устье р. Охты. Город переименовали в Шлотбург, но вскоре по царскому указу укрепления были скрыты (Беснятых, 1991. С. 80). Спустя некоторое время, благодаря стараниям участников рейда по «Осударевой дороге», на острове Люст Елант (Заячьем острове) в мае–августе 1703 г., возводится земляная крепость «Петрополь», получившая через некоторое время название Петропавловской (Анисимов, 2003. С. 12–13). Уже осенью на валах цитадели было смонтировано 300 пушек (Канн, 1957. С. 28). В июне 1703 г. там же лейб-гвардия царя закладывает церковь во имя свв. апп. Петра и Павла.

Мы впервые обращаем внимание на то, что бастионы укрепрайона, образованного на острове между Невой и современной Кронверкской протокой получили имена «героев» «Осударевой дороги» (Нарышкина, Трубецкого, Зотова, Головина, Меншикова). Также следует отметить, что кре-

Рис. 4. Чертеж гатевых конструкций у Вардегорского мыса. НИЭ «Осударева дорога». 1999 г.

Fig. 4. Design of log-path structures near Cape Vardegorsky. Research Expedition «Osudareva doroga», 1999.

Рис. 5. Ижорская дорога в конце XVII столетия. С офорта Гетериса.

Fig. 5. The Izhora road in the late 17th century. From an etching by Geteris

пость возводилась по проекту французского полевого инженера Гаспара Ламбера де Гэрена, участвовавшего в 1702 г. в петровском рейде от Белого моря к Балтике (Данков, 2000. С. 32–43; Ласковский, 1861. С. 122).

Цитадель имела шесть бастионов, на западе ее ограждал кронверк с наружными верками, а на противоположной стороне – обустроенный рavelин (Божерянов, 1903. С. 62). Любопытно что к строительству каменных стен крепости строители приступили лишь 30 мая 1706 г. (Беспятых, 1991. С. 81). Избранная местность была благоприятна для устройства базы военно-морского флота. Но по многим формальным градообразующим признакам район не подходил для имперского центра. Не случайно Д. Дидро считал, что столица государства у границы подобна сердцу на кончике пальца: во-первых затруднено кровообращение, а во-вторых, незначительная рана может привести к гибели (Божерянов, 1903. С. 61). Этим объясняется, что в начальные годы «балтийского становления» энергия царя скорее, направлялась на фортификацию и сооружение порта с верфью и адмиралтейством. Строительство города «столичного ранга» в тот момент гораздо менее интересовало Петра (Семенцов, 2004. Ч. 2. С. 52).

Тем не менее, уже вскоре Петербург превращается в «европейскую факторию» с «уникальным пространственным масштабом». Газета «Ведомости», подцензурная царю, публикует известие от июля 1703 г.: «...Его царское величество недалече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары... туда же приходили» (Ведомости..., 1903. Вып. 1. С. 73–74). А чуть позже, в письме к А. Д. Меншикову, датированному 28 сентября 1704 г., Петр уверенно называет

Петербург «столицей» (Письма и бумаги Петра Великого, 1893. Т. III. С. 161–162). Так же существенно то обстоятельство, что город строится по образцу Амстердама и противопоставляется боярской Москве. В тоже время, к Невским просторам постепенно переносятся сакральные образы бывшей столицы и Новгорода, древнего центра Северной Руси. В перенесении в Петербург мошей св. блгв. князя Александра Невского в 1724 г., по мнению некоторых исследователей, прослеживается новгородская традиция почитания патрональных святых. Однако сквозь «римский след» Петропавловского собора по-прежнему «просвечивала символика Москвы, как третьего Рима» (Теребихин, 1998. С. 248). После кончины монарха, Петропавловский храм окончательно заменил некрополь столичного Архангельского собора, реально превратившись в усыпальницу русских государей (Лотман, Успенский, 1982. С. 242).

Эпоха вступления России на европейский путь развития требовала новой, западной среды обитания, отражающей активное приобщение к европейским ценностям. В совокупности эта политика, безусловно, символизировала «обустройство» государства нового, прозападного типа (Вендина, 2003. С. 73). Пожалуй, этим объясняется «подтягивание» заводской и мануфактурной базы к Балтийской периферии. Начинается активное строительство Олонецкой судостроительной верфи на реке Свирь, создавшей регулярный военно-морской флот страны. На берегу Онежского озера динамично возводится Шуйский (Петровский) завод, одно из крупнейших металлургических предприятий России.

Таким образом, в результате карельского рейда армии Петра Великого по «Осударевой дороге»

и первых внушительных военных побед над шведами, общенациональная картина на Русском Севере к 1703 г. существенно изменилась. Определился новый западный вектор развития страны. Россия обрела не только современный контур северо-западных границ, но и иную идеологическую концепцию роста. Под контроль правительства перешла значительная территория Ингерманландии, включая земли по южному побережью Финского залива, а также обширное пространство

Приневья и Юго-Западного Приладожья (рис. 5). Одновременно возродилась балтийская геополитическая идея, имеющая актуальность и в наши дни. Так с начала XVIII столетия, благодаря стратегической инициативе царя Петра I, Россия прочно утверждается на Балтийском взморье. Она заявляет о себе как о мощной морской и военной державе, с богатыми ресурсами, которая способна конкурировать с европейским миром.

ЗОЛОТО ВИКИНГОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Наталья В. Ениосова

Государственный университет. Москва. Россия

VIKINGS' GOLD FROM THE TERRITORY OF ANCIENT RUSSIA

Natalia V. Eniosova

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *The Viking Age is often regarded as 'Age of Silver' since silver dominated in the society and economy of the Viking period. Objects of gold were comparatively rare in Scandinavia, as well as in western and eastern countries where the northern influence was considerable. The aim of this paper is to present some initial results of the studies of distribution and use of gold in Rus during the 10th-mid-11th centuries. These studies comprised c. 50 Scandinavian and Slavic gold ornaments found in cultural layers, graves and hoards in a number of major towns of ancient Russia including Kiev, Chernigov, Polotsk, Suzdal and Gnezdovo.*

The corpus of Russian gold ornaments is rather monotonous. These are mainly plain penannular or annular arm-rings formed from rods of circular section or from several tapering rods twisted together. This fact suggests that such jewellery was regarded as a special kind of money which was convenient means of payment in large units. The weights of the gold arm-rings vary from 24 to 200 grams. Probably, they were used mainly for paying taxes, tributes, and also as prestigious gifts and signs of honour. Such a weight-money unit was possibly established to satisfy the needs of long-distance trade with Byzantium where currency was based on gold. Along with Kiev and Chernigov, gold arm-rings have been found also in Suzdal and Polotsk.

In contrast to the items described above, the gold ornaments from the early urban site of Gnezdovo are much more diverse. Most of the gold jewellery from Gnezdovo belongs to the same stylistic and technological circle as the so-called Terslev and Hiddensee ornaments. Finds of the gold items decorated in Terslev and Hiddensee styles, as well as metal-working evidence of their production, are concentrated primarily in south-western Scandinavia and Northern Germany. These ornaments are products of highly specialised goldsmiths who worked for the Danish kings during the middle and late 10th century. Despite the relative rarity of these objects of high status, they were widespread all over the Viking World – from Iceland to Russia.

Archaeological excavations at the settlement of Gnezdovo have yielded solid evidence of manufacturing jewellery here. Careful sieving and washing of cultural layers within the hill-fort and floodplain areas produced numerous finds of gold objects. No special tools associated with the filigree and granulation techniques have been uncovered in Gnezdovo. Nevertheless, we have grounds to assume that small-scale repairs were carried out at this particular site. It seems that even fairly small pieces of gold were utilised carefully re-melted for subsequent casting, hammering or gilding.

Эпоху викингов часто называют «веком серебра» из-за абсолютного преобладания этого металла в скандинавском обществе и экономике VIII–XI столетий. В отличие от серебра, изделия из золота редко встречаются как в Скандинавии, так и в странах Западной и Восточной Европы, где ощущалось значительное северное влияние. На территории Древней Руси найдено не более 50 украшений и их фрагментов, относящихся к позднему периоду викингов. Добавив к ним около 50 византийских номисм, один испанский динар, 11 злат-

ников Владимира и приблизительно пять слитков, происходящих с древнерусской территории, мы получим полный список находок из золота, датируемых серединой X–серединой XI вв. Большая их часть происходит из кладов и погребений, обнаруженных при раскопках Киева, Чернигова, Гнездова (Гнѣздово, согласно дореформенной орфографии – *Ред.*), Суздаля и Полоцка, меньшая относится к одиночным артефактам из культурного слоя древнерусских городов или к случайным находкам.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-07381а).

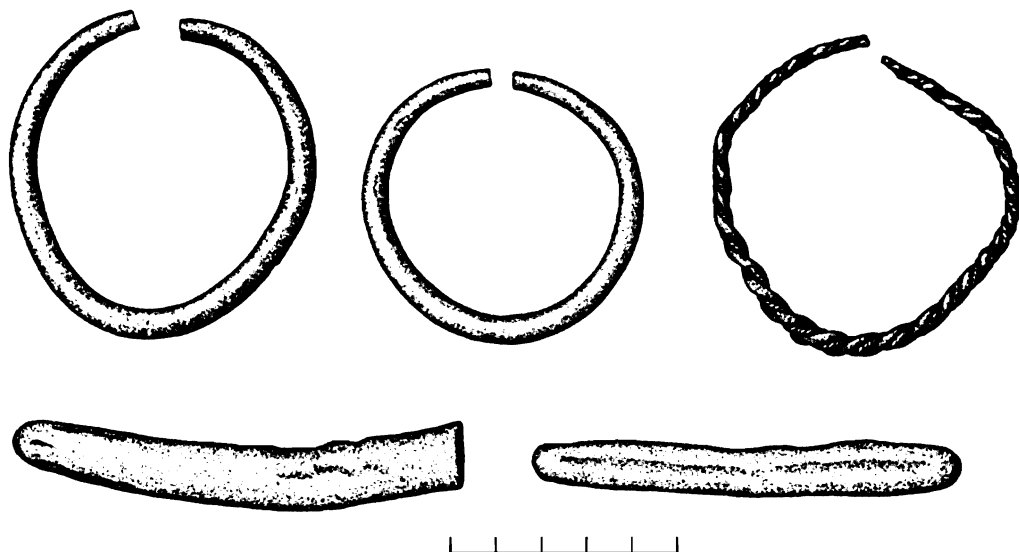

Рис. 1. Золотые браслеты и слитки из клада, обнаруженного на усадьбе Бродского в Киеве (Корзухина, 1954. С. 90. Табл. 10)

Fig. 1. Gold bracelets and ingots from the hoard found at Brodsky's estate in Kiev

Во всех перечисленных выше пунктах за исключением Гнездова, набор золотых украшений достаточно однообразен. Он включает главным образом браслеты из гладкого кованого дрота округлого или прямоугольного сечения, а также браслеты и гривны, витые из двух или более проволок, как разомкнутые, так и с завязанными концами (21 экз., рис. 1).

Золотые гривны и браслеты эпохи викингов исследователи связывают с социальными и религиозными ритуалами скандинавов. Золото играло особую роль в системе престижных даров. Сподвижники и дружинники знатных людей стремились получить от них подарки, в числе которых были бы браслеты и гривны. Наиболее ценный и редкий металл раннесредневековой Европы являлся материализованным воплощением могущества, счастья, удачи его обладателя (Гуревич, 1999. С. 234). Большая золотая гривна была возложена русским князем Борисом на его верного слугу – венгерского отрока Георгия. Он погиб, защищая своего патрона, и был обезглавлен убийцами, желавшими получить драгоценное украшение (ПВЛ, 1950. Ч. 1. С. 91).

Мелкие золотые предметы (бляшки, проволочка) были найдены во рту умерших, похороненных в курганном могильнике последней четверти X–первой половины XI вв. Подгорцы в окрестностях летописного Плеснеска на территории южных земель Древней Руси. В погребальном обряде они выполняли функцию «обола мертвых», заменяя,

вероятно, золотые византийские монеты (Ливох, 2006. С. 89–92).

О votивном характере некоторых золотых кладов и обнаруженных отдельно украшений свидетельствует, на наш взгляд, их приуроченность к водоемам. Среди них такие знаменитые сокровища, как Хидензее и Пенемюнде, а также самая массивная золотая гривна эпохи викингов, весом в 1,8 кг, найденная на поселении у озера Тиссе в Западной Зеландии. Как полагают, название озера связано с богом войны Тюрором (Hårdh, 1996. P. 132–134; Jørgensen, 2003. P. 183).

Считается также, что в эпоху викингов массивные золотые браслеты и гривны обращались в качестве платежного средства на Британских островах, в Скандинавии и на Руси (Назаренко, 2001. С. 146–147; Hårdh, 1996. P. 144–145). Об этом свидетельствуют их вес, приспособленный к скандинавской марке или русской гривне, а также высокая проба металла (83–99,9%) (Табл. 1).

На гладких браслетах, больше похожих на массивные слитки металла, часто встречаются насечки, сделанные продавцами или покупателями для определения «чистоты» золота (рис. 2). Они, безусловно, знали, что металл мягче при его высокой пробе. Кроме того, даже углубления, сделанные в его верхнем слое, позволяли отличить настоящий браслет или слиток от поддельного, обтянутого тонким золотым листом (Graham-Campbell, 1995. P. 33, 38).

Таблица 1

Вес и проба металла золотых браслетов с территории Древней Руси и Скандинавии по данным музейного пробирования (Милютин, 1993. С. 511; Седова, 1997. С. 89; Skovmand, 1942. P. 71; Zachrisson, 1992. P. 52–53)

Table 1. Weights and standards of the metal of gold bracelets from Rus and Scandinavia according to museum cupeling

Происхождение	Вес в граммах	Проба золота (%)
Чернигов	56,6	83
Чернигов	50,12	95
Киев	99,3	
Киев	108,6	
Суздаль	94	99,9
Суздаль	96	99,9
Суздаль	104	99,9
Полоцк	97,6	
Полоцк	98	
Полоцк	101,4	
Бирка (Швеция)	198,13	96
Бирка (Швеция)	196,57	96
Вестер Ведстед (Дания)	24,1	
Вестер Ведстед (Дания)	27,3	
Вестер Ведстед (Дания)	48,8	
Вестер Ведстед (Дания)	97,5	
Вестер Ведстед (Дания)	103,6	

Использование украшений в качестве платежного средства большого номинала на Руси, вероятно, было вызвано потребностями дальней торговли с Византийской империей, где золото было основой денежно-весовой системы. Византийская номисма или золотник – основная денежная единица, на которую ведется счет в договорах Игоря и Олега с греками (Назаренко, 2001. С. 30). После заключения каждого договора в 907, 911, 944 и 971 гг., определяющих условия торговли в Константинополе, поток византийских монет, поступающих на Русь, усиливался (Кропоткин, 1963. С. 13).

Золотые монеты, слитки и массивные украшения аккумулировались в великокняжеской сокровищнице. Не случайно, большая часть находок золотых браслетов, украшений и монет происходит из Киева, Чернигова и Полтавской губернии (Переяславское княжество)¹. Они принадлежат ко второй и третьей группе кладов по Г. Ф. Корзухиной. По мнению В. Н. Зоценко, драгоценные монеты и украшения в равной степени выполняли функцию «резервных» денег для будущих торговых сделок на рынках Константинополя, либо служили для уплаты торговых пошлин (Зоценко, 1991. С. 74, 77). Не исключено также, что золотые и серебряные гривны, равно как и другие украшения, слу-

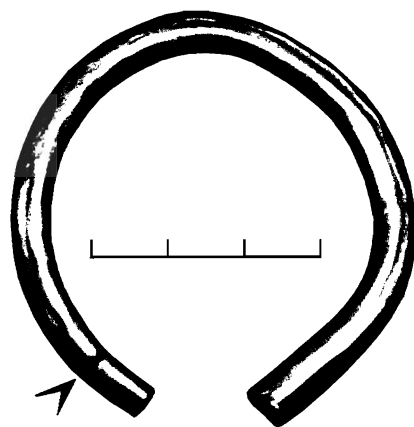

Рис. 2. Поперечная насечка – проба металла на золотом браслете из клада близ Елецкого монастыря в Чернигове (Корзухина, 1954. С. 92)

Fig. 2. Cross-cut notch – the metal standard on a gold bracelet from the hoard from the Yelets Monastery in Chernigov

жили знаками «удостоверения личности» послов при переговорах. Золотом наравне с оружием клялись при заключении договоров с греками первые русские князья (Каишанов, 1996. С. 22–26). В великокняжеских мастерских выпускали и первые рус-

¹ По сводке Г. Ф. Корзухиной кованые браслеты встречены в двух киевских кладах второй половины X в.: клад 1851 г. (№ 12) и клад 1913 г. с усадьбы Сикорского (№ 13). Браслеты и кольца происходят из четырех кладов третьей четверти XI в.: клад 1787 г. (№ 29) и 1899 г. с усадьбы Бродского в Киеве (№ 30), клад Елецкого монастыря в Чернигове (№ 35) и Великоселицкий клад 1903 г. в Полтавской губернии (№ 38) (Корзухина, 1954. С. 83, 90–93).

ские золотые монеты. По мнению М. П. Сотниковой, золотой чекан служил «для удовлетворения потребности в монете не столько по основному ее предназначению, сколько для «репрезентативного» использования – в качестве пожалований во время торжественных церемоний» (Сотникова, 1995. С. 238–239).

Помимо Южной Руси, клад второй четверти XI столетия, содержащий массивные золотые браслеты, обнаружен во время раскопок усадьбы в Суздале (Седова, 1997. С. 89–90). Короткий список кладов поздней эпохи викингов, содержащих массивные изделия из золота, завершают две находки из Полоцкой земли. Один из кладов был найден во время раскопок Полоцка и, безусловно, является частью сокровищ местной княжеской династии (Милютин, 1993. С. 511). Второй – Стражевичский клад, был зарыт в середине XI столетия близ древнего Лукомля. Он содержал, помимо многочисленных серебряных монет и изделий, золотой слиток и два свернутых в кольца обломка массивных браслетов круглого и четырехгранного сечений (Корзухина, 1954. С. 96–97).

Несмотря на высокую стоимость металла, украшения из Киева, Чернигова, Суздаля и Полоцка изготовлены с помощью простых операций. По мнению Г. Ф. Корзухиной, этот суровый мужской убор отличается «серьезной деловитостью, характерной для накопления ценностей». Она полагала, что киевские златокузнецы достигли вершин ювелирного ремесла только во второй половине XI в. в эпоху Ярославичей (Корзухина, 1954. С. 92–96). Исследовательница исключила из списка продукции киевских мастерских отдельные украшения женского убора конца X–середины XI столетий, найденные в могильниках и кладах Киева и Чернигова. Среди них выделяется небольшая группа золотых изделий, принадлежащих к различным производственным традициям.

Две случайно обнаруженные в Киеве лунницы (рис. 3), перстни из черниговского клада и височное кольцо из Коростеня стилистически и технологически принадлежат к кругу украшений, производимых на Волыни, инструменты для изготовления которых были найдены в могильнике Пересопница (Корзухина, 1954. С. 92; Сизова, 1991. С. 8; Звіздецький и др., 2004. С. 76. Рис. 16, 1). К славянским украшениям, распространенным весьма широко, относятся и проволочные височные кольца с заходящими концами, обнаруженные в

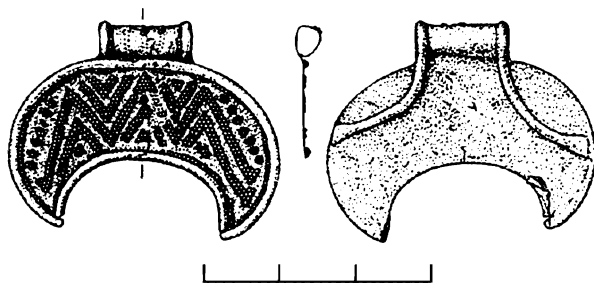

Рис. 3. Золотая подвеска-лунница.
Случайная находка из Киева

Fig. 3. Gold lunate pendant (*lunitsa*). Find from surface. Kiev

погребении № 123 Киевского некрополя. От прочих несложных в изготовлении изделий данного типа их отличает только металл – золото редко использовали в ювелирном производстве этой эпохи (Каргер, 1958. С. 208. Табл. XXVII).

В четырех киевских погребениях найдены украшения из рубчатой и гладкой проволоки, причем форма узла, скрепляющего их концы, характерна для украшений Скандинавии (Stenberger, 1958. P. 271; Hårdh, 1976. P. 48. Abb. 2). Рубчатая или бусинная проволока также является характерным признаком северного искусства зерни и скани (Duczko, 1985. P. 62). На трех из восьми колечек этого типа, происходящих с территории Киева, находились стеклянные и каменные бусины². В погребениях на территории Скандинавии проволочные колечки с напускными бусинами, как правило, подвешивались к шейному украшению. Так, в погребении Туна (Tuna, Alsike), обнаруженном в шведской провинции Уппланд, ожерелье из сердолика и горного хрусталя было дополнено 12-ю проволочными колечками с каменными и стеклянными бусинами (Stenberger, 1977. P. 425. Abb. 281). В киевских погребениях подобные украшения найдены около черепа, на пальцах рук и в составе ожерелья.

В отличие от относительно немногочисленных женских золотых украшений поздней эпохи викингов из Киева и Чернигова, драгоценный убор жительниц Гнездова представлен более разнообразными находками. Большинство из них происходят из разрушенного кургана, содержащего остатки трупосожжения второй половины X в., обнаруженного в ходе предвоенных раскопок на гнездовском центральном городище (Милонов, Андреев, 1940. С. 26–31). Не исключена возмож-

² Золотые колечки с напускными бусинами и без них найдены в камерных женских погребениях № 123, 124, 125 (Каргер, 1958. С. 208–209. Табл. XXVII–XXIX). Из последних находок (1999 г.) – богатое женское камерное погребение № 49 на территории Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, 2005. С. 289. Рис. 7, 3).

ность реинтерпретации этих находок как части клада.

Комплекс содержит круглые подвески с орнаментом, составленным из трех филигранных воллют, помещенных на гладкую основу из тонкого золотого листа. Меньшая из подвесок, украшенная только филигранной проволокой – самая простая. Две другие представлены практически идентичными экземплярами. Помимо бусинной проволоки на их поверхности помещены крупные шарики зерни на колечках (рис. 4, 1–3). На первый взгляд, подвески принадлежат к весьма распространенному типу северных украшений из золота из серебра. Однако согласно последней сводке филигранных украшений эпохи викингов, известно 69 круглых подвесок с тремя, четырьмя и пятью воллютами; 30 экз. имело по три воллюты. 29 из них сделаны из серебра, одна – из золота (Eilbracht, 1999. P. 179–187). Таким образом, помимо гнездовских экземпляров существует единственная золотая подвеска с тремя воллютами. Она найдена на Британских островах (Trehiddle) в Корнуолле (Eilbracht, 1999. P. 181, L13).

Еще более необычное изделие – подвеска прямоугольной формы, обнаруженная в том же погребении. В ее филигранном орнаменте сочетаются спирали и декоративные элементы в виде греческой буквы омега, образующие крест в центральной выпуклой части украшения (рис. 4, 4). Этот объект уникален по форме и орнаментации. Мотив «омега» является чрезвычайно редким для скандинавского прикладного искусства. Он встречается на ушке одной из серебряных подвесок с орнаментом в виде воллют из гнездовского клада 1993 г. (Пушкина, 1996. С. 177. Рис. IV, 4). Более ранние образцы золотых круглых подвесок с аналогичным мотивом происходят из норвежских кладов IX в. Хон (Hon) и Слеммедаль (Slemmedal) (Eilbracht, 1999. P. 192. Taf. 5, 81–83. Taf. 7, 104). Считается, что растительный орнамент, состоящий из филигранных спиралей, завитков и воллют, отражает различные импульсы, способствующие сложению северного искусства зерни и скани. Среди них исследователи видят как континентальные влияния империи франков, так и характерные черты англо-саксонского островного стиля (Duczko, 1985. P. 106–111). Учитывая раннюю дату норвежских кладов, можно предположить, что для X столетия мотив «омега» является архаичным.

Помимо подвесок, упомянутых выше, золотые изделия из погребения или клада на гнездовском

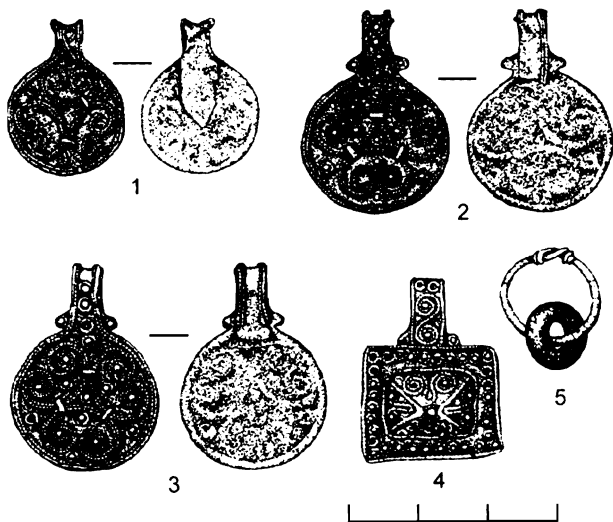

Рис. 4. Украшения из женского погребения или клада (?) из раскопок на Гнездовском городище в 1940 г. 1–3 – круглые подвески, выполненные в технике зерни и скани с орнаментом из 3-х воллют; 4 – прямоугольная подвеска с мотивом «омега»; 5 – колечко из рубчатой проволоки с завязанными концами и напускной бусиной

Fig. 4. Ornaments from a female burial or a hoard (?) excavated at the Gnezdovo fortified settlement in 1940. 1–3 – rounded pendants manufactured in the technique of filigree or pearled work and decorated with three volutes; 4 – rectangular pendant with an «omega» motif; 5 – a small ring from ribbed wire with tied up ends and a put-on bead

городище представлены подвеской-колечком из рубчатой проволоки с напускной бусиной (рис. 4, 5). Две золотые и пять серебряных подвесок этого типа обнаружены в гнездовских погребениях, на городище и селище³. И, наконец, из этого же погребения на городище происходит золотая византийская монета-подвеска императора Александра (912–913 гг.). Вторая номисма, чеканенная при императоре Феофиле (829–842 гг.), обнаружена в кургане № 47 (1950). Она также была превращена в украшение (Кропоткин, 1962. С. 28).

Список золотых находок из Гнездова на этом не исчерпывается. В богатом женском погребении Лесной группы (Л-23), совершенном по обряду кремации в середине X в., найдена круглая фибула, украшенная зернью и сканью в стиле Еллинг. (рис. 5, 1). Несмотря на большое разнообразие драгоценных украшений этого круга, сколько-нибудь близких параллелей гнездовскому экземпляру нет. Наиболее схожие серебряные украшения составляют небольшую группу: две из них найдены в

³ Золотые подвески происходят из кургана Поль-76, Гн-80 (гладкая проволока, синяя бусина) и раскопа ВС-10-Б, Гн-98 в восточной части селища (рубчатая проволока, бусина белого прозрачного стекла).

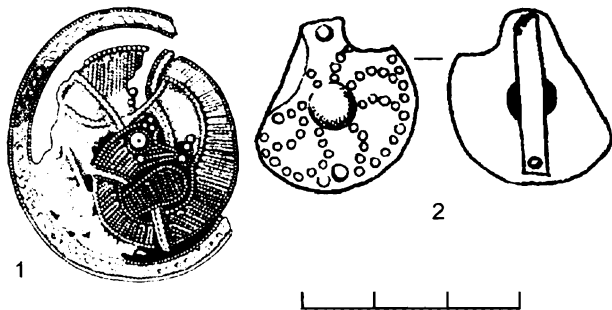

Рис. 5. Золотые украшения из сожжения сер. X в. Л-23 (Лесная группа Гнездовского могильника): 1 – круглая фибула с орнаментом в зверином стиле, выполненная в технике зерни и скани; 2 – щитообразный амулет

Fig. 5. Gold ornaments from a cremation of the mid-10th century. Л-23 (Forest group of Gnezdovo necropolis): 1 – Circular fibula decorated in the animal style and manufactured in the technique of filigree and perled work; 2 – Shield-like amulet

датских кладках (Vester Vested and Sejro), третья происходит из киевского погребения (Каргер, 1958. С. 205–206. Табл. XXVI, 2; Eilbracht, 1999. P. 222. Taf. 27, 316–317).

Большая часть золотых предметов, обнаруженных в Гнездове, по стилистическим и технологическим признакам может быть включена в тот же круг северных изделий, что и украшения, декорированные в стилях Терслев и Хидензее (Duczko, 1993. P. 185–189; Eilbracht, 1999. P. 133–147; Armbruster, 2002a. P. 87–178; 2002b. P. 223–231). Их находки, а также многочисленные свидетельства производства в виде инструментов, заготовок и отходов сконцентрированы преимущественно в Северной Германии и Юго-Западной Скандинавии. Считается, что они изготовлены высококлассными мастерами, работавшими на протяжении 50 лет при королевских дворах Харальда Синезубого и Свена Виллобородого. На сегодняшний день известно 326 украшений этого круга. Не более 40 из них выполнены из золота, остальные – из серебра (Duczko, 1995. P. 644–657; Eilbracht, 1999. P. 179–224). В отличие от широко распространенных изделий из бронзы, предназначенных для широких слоев населения, украшения из драгоценных металлов, особенно из золота, производили для людей, принадлежащих к высшему слою скандинавского общества. Несмотря на исключительную редкость, они распространены от Исландии до России. Некоторые изделия образуют небольшие однотипные серии со схожими орнаментальными мотивами. Техника тиснения основы для этих украшений с помощью выпуклой матрицы давала возможность получения стандартных заготовок. Однако применение сложных приемов зерни и филиграни каждый раз позволяло создавать

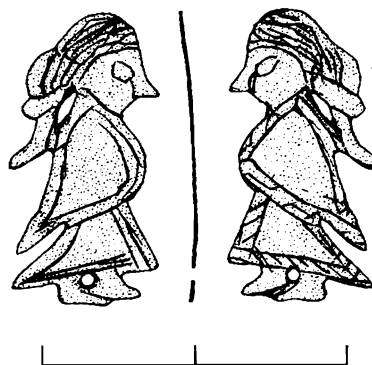

Рис. 6. Золотой амулет – изображение валькирии. Случайная находка в восточной части Гнездовского селища

Fig. 6. Gold amulet representing a Valkyrie. Find from surface. Eastern end of Gnezdovo settlement

единственное в своем роде произведение. Появление украшений столь высокого статуса в различных регионах Северной и Восточной Европы связывают с присутствием представителей южно-скандинавской знати. Не исключено, что осязатая концентрация редких драгоценных находок в Гнездове указывает на прямые контакты гнездовской элиты с членами датской правящей династии.

Гнездово занимает особое место по числу найденных здесь серебряных, бронзовых и железных предметов, связанных с культом и магией (Jansson, 1987. P. 781–782; Новикова, 1991. С. 175–199). Существуют также убедительные свидетельства производства многих типов скандинавских амулетов в гнездовских мастерских (Ениусова, 2001. С. 133–135). Среди миниатюрных молоточков, копий, мечей и других предметов, обычных как для Скандинавии, так и для Восточной Европы, особое место занимают два редких золотых амулета. Один – миниатюрное изображение щита с мотивом сегнерова колеса из того же женского погребения Л-23, что и круглая золотая фибула. На обороте щита приклепана золотая пластинка-скобка с петлей для подвешивания (рис. 5, 2).

Фигурка валькирии происходит из верхнего, поврежденного пахотой слоя гнездовского восточного селища (рис. 6). Этот тип скандинавских амулетов встречается значительно реже, чем модели щитов. Примечательно, что все женские фигурки, обнаруженные в Скандинавии и Древней Руси на Рюриковом городище отлиты из серебра или медного сплава вместе с петлей для подвешивания, расположенной на обороте (Носов, 1990. С. 126. Рис. 44: 2; Vierck, 2002. P. 28. Abb. 6). Золотая фигурка из Гнездова существенно отличается от остальных фигурок валькирий. Стиль изобразитель-

ния имеет больше общих черт с двухмерными рисунками на готландских камнях VIII–IX вв., например, с изображением на камне из Ардре (*Stenberg*, 1977. Р. 406. Abb. 270). Некоторое сходство прослеживается и с женской фигуркой, профиль которой помещен на тонкой тисненой золотой пластине с Борнхольма (*Sorte Muld*). Одиночные и парные изображения богов и людей на золотой фольге широко распространены на территории Скандинавии в VI–VII вв., однако традиция их производства, по мнению некоторых исследователей, доживает и до ранней эпохи викингов (*Watt*, 1998. Р. 174, 176. Fig. 4b). Гнездовская фигурка при несомненном иконографическом сходстве выполнена в другой технике. В отличие от фигурок с Борнхольма она не отгиснута с помощью выпуклой матрицы, а вырезана из тонкого листа драгоценного металла (0,8 мм) с помощью миниатюрного зубильца. Прическа изображенного персонажа и наряд проработаны острым ножом или шильцем с обеих сторон изображения. Вероятно, валькирия входила в связку амулетов, которые обычно состояли из моделей оружия, орудий, фигурок животных и людей. Такие связки миниатюр из листового серебра, а также отдельная фигурка серебряной валькирии, обнаружены во время раскопок центрального городища (*Лушкина*, 2001. С. 313–318). Этот факт, а также отсутствие параллелей в хронологически близком скандинавском материале, позволяют предположить, что золотая валь-

кирия произведена гнездовским ювелиром во второй половине X–начале XI столетий.

Благодаря ежегодным раскопкам гнездовского поселения на протяжении более 30 лет, мы получаем все больше свидетельств о работе с драгоценными металлами в мастерских на этом памятнике. Однако до сезона 2002 г. речь шла в основном о серебре. Полная промывка и просеивание культурного слоя увеличили число находок, связанных с обработкой золотых изделий на центральном городище и в пойменной части поселения. Прежде всего, это мелкий лом вышедших из употребления золотых изделий (рис. 7). Исключительно редкой является находка двух миниатюрных слитков весом 3,7 и 2,6 г (рис. 8).

Отсутствие инструментов, приспособленных для выполнения специфических операций, позволяет исключить украшения, выполненные в северо-европейской технике зерни и скани из круга продукции, выпускаемой местными ювелирами. Тем не менее, в Гнездове могли производить изделия из листового металла, выполнять ремонт драгоценных украшений из золота и наносить амальгамную позолоту на серебряные и бронзовые изделия.

Анализ химического состава гнездовского золота показал, что все образцы имеют высокую пробу, некоторые из них сделаны из очень чистого металла (Табл. 2).

Таблица 2

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа гнездовских находок из золота⁴

Table 2. Results of x-ray fluorescent analysis of gold finds from Gnezdovo

Образец	Au, %	Ag, %	Cu, %
Валькирия	96,41	2,55	1,4
Шарик (d – 0,8 mm)	76,01	23,99	
Шарик (d – 1,2 mm)	79,81	20,19	
Шарик (d – 0,5 mm)	99,5	0,5	
Заклепка	98,52	1,48	
Обломок подвески с волютами	95,85	2,13	2
Слиток (вес – 3,7 г)	98,42	1,58	
Слиток (вес – 2,6 г)	92,31	7,69	

О химическом составе золота эпохи викингов мы знаем немного. Помимо гнездовских образцов исследованы украшения и сырье из Хедебю, все предметы из клада Хидензее и одиночные находки на некоторых памятниках Швеции и Дании (*Oddy, Meyer*, 1986. Р. 172. Tabl. 11; *Pernicka*, 2002. Р. 199–200; *Armbruster, Eilbracht*, 2006. Р. 36). Высокое

качество металла характерно, в большей степени, для периода викингов, чем для предшествующих эпох Великого переселения народов и Венделя (сплавы содержат 45–75% золота) (*Oddy, Meyer*, 1986. Р. 157).

Все данные говорят о том, что ювелиры эпохи викингов использовали широкий спектр золотых

⁴ Анализы выполнены Р. А. Митояном в Рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ.

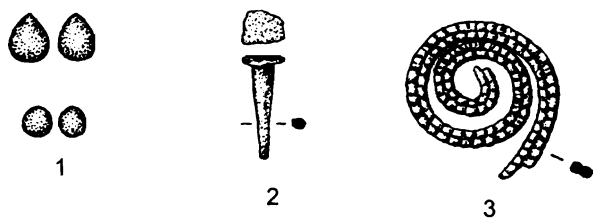

Рис. 7. Производственные отходы мастерской, обрабатывающей золото. Пойменная часть Гнездовского поселения: 1 – шарики золота; 2 – шпенок; 3 – деталь подвески с волутой

Fig. 7. Manufacturing waste from a goldsmith's workshop. Flood-land section of the Gnezdovo site: 1 – globules of gold; 2 – pin; 3 – part of a pendant with a volute

Рис. 8. Золотые слитки, обнаруженные на Центральном городище и в пойменной части Гнездовского селища.

Fig. 8. Gold ingots found at the Central fortified settlement and the flood-land section of Gnezdovo settlement.

сплавов (60–99%), однако нет никаких свидетельств о последовательном снижении пробы драгоценного металла с течением времени. О возможности контролировать качество золота свидетельствуют находки пробирных камней из Бирки, Хедебю и Винчестера (Moore, Oddy, 1985. P. 59–80; Armbruster, 2002a. P. 179. Abb. 41, 2).

Состав золота украшений из клада Хидензее демонстрирует большую чистоту и однородность, чем металл Хедебю. Вероятно, в первом случае можно говорить о работе одной мастерской, во втором – о разных мастерах и различных источниках получения благородного металла, включая переплавку изделий, вышедших из употребления. Золото обычно разбавляли серебром или медью для придания ему твердости. С помощью добавок этих металлов можно было изменять цвет золота от красного до желтовато-зеленого. Степень разбавления зависела от доступности металла в определенных регионах, а также от личной честности мастера или финансовых возможностей заказчика (Ogden, 1994. P. 161).

Принято считать, что византийские золотые монеты служили сырьем для производства укра-

шений поздней эпохи викингов (Oldeberg, 1966. P. 251). Однако на севере Европы встречаются только фолисы и милиарисии. Готланд является единственным местом, где обнаружены две византийские номисмы (Duczko, 1997. P. 293).

На территории Древней Руси в X–XI вв. севернее Полоцка и Суздаля находки из золота, включая монеты, встречаются крайне редко. Золотые византийские монеты, превращенные в подвески, найдены во Пскове (Константин VII и Роман II – 945–959 гг.)⁵, на Белоозере (Василий II и Константин VIII – 976–1025 гг.) и на селище Пужбол (Феофил – 829–842 гг.)⁶ в окрестностях Ростова Великого (Захаров, 2004. С. 122; Гурулева, 2002. С. 34–36). В Тимеревском могильнике (курган № 100) обнаружен массивный золотой пластинчатый перстень неправильной четырехугольной формы с точечным орнаментом по краям; золотое колечко-подвеска с напускной бусиной (Au – 95,87%, Ag – 3,37%, Cu – 0,75%) обнаружено в недавно открытом псковском женском скандинавском погребении второй половины X в. (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 82; Яковлева, 2004. С. 77–79). Этим же временем датируются находки отходов златокузнечного производства на Тимеревском поселении⁷ и Рюриковом городище: тонкие золотые нити, кусочки проволоки, листки золотой фольги и обломки украшений (Носов, 1990. С. 80).

Концентрация золотых вещей на юге Руси является результатом необычайно тесных связей Киева и Византии. По подсчетам В. Н. Зоценко, из 35 греческих золотых монет, обнаруженных в Южной Руси, 25 найдено в Киеве (Зоценко, 1991. С. 64–69). Из греческого металла высокой пробы (91–96%) были сделаны и златники Владимира, и массивные кованые браслеты (Сотникова, 1995. С. 172–175). В отличие от серебра, в золото на Руси практически не добавляли других металлов.

Высокий стандарт металла монет и украшений, произведенных в Киеве, хорошо согласуется с данными о химическом составе византийского монетного чекана. Императоры поддерживали высокую пробу золота в монетах (90–92%). Византийская номисма оставалась образцом стабильности до 30-х гг. XI в. (Metcalf, 1972. P. 384–389; Oddy, La Niece, 1986. P. 19–27; Morrisson, 1994. P. 3–47).

Несмотря на то, что в IX–XI вв. золото поступало в Византию из нескольких источников, глав-

⁵ Найдена в Довмонтовом городе во время раскопок С. В. Белецкого. Вес – 4,11, Au – 85%, Ag – 13%.

⁶ Доклад А. Е. Леонтьева на конференции «Сельская Русь в IX–XIV вв. От новых методов изучения к новому пониманию». г. Кириллов, 2005 г.

⁷ Доклад В. Н. Седых «Новгородское (Рюриково) городище и Тимерево: общее и особенное сквозь данные истории и археологии» на конференции «У истоков русской государственности». Великий Новгород, 2005 г. См. в настоящем сборнике его статью «Рюриково Городище и Тимерево: общее и особенное сквозь данные истории и археологии» – *Ред.*

ным из которых считается экспорт драгоценного металла из Халифата, в X в. вывоз золота был ограничен строгими правилами расходования металла в имперских монетных и ювелирных мастерских, о чем свидетельствует «Книга Эпарха» (Hendy, 1985. P. 251–255).

Вероятно, в эпоху викингов Скандинавия получала золото и серебро из различных источников. Нет никаких свидетельств того, что арабское или византийское золото достигало севера Европы, перемещаясь по тем же торговым путям, что и поток восточного серебра. Судя по распространению находок из золота, на север Руси оно поступало в малых количествах.

Можно предположить, что основными источниками золота в Скандинавии были вышедшие из

употребления изделия вендельского периода, золотой лом эпохи Великого переселения народов и «свежий» металл из золотоносных аллювиальных песков, небольшие порции которого промывали на Верхнем Рейне, Дунае, Мозеле и в реках Богемии (Oldeberg, 1966. P. 251; Ogdén, 1994. P. 156–161). Наиболее раннее упоминание об использовании рейнского золота в ювелирной практике мы находим в трактате Теофила, составленном между 1100 и 1140 гг. (Hawthorne, Smith, 1979. P. 120).

Подводя итог сказанному выше, правомерным представляется вывод, что в отличие от серебра – повседневного металла эпохи викингов, золото, являясь средством платежа, было все же в большей степени металлом престижа, выполняя репрезентативные и сакральные функции.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Анатолий Н. Кирпичников

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

STUDIES OF THE ARMAMENT OF MEDIEVAL RUS

Anatoliy N. Kirpichnikov

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *Scientific studies of arms began in Russia in 1808 with the find of Prince Yaroslav Vsevolodovich's armour and helmet on the site of the battle of Lipitsa. In the present paper, the stages of these studies are distinguished and the detriment is described which the society and science suffered from Stalin's repressions of 1930, in particular the arrest and execution of the prominent scholar V. Arendt, as well as from the forced introduction of Marxism into the science. Collections of trophies of the Russian army were then being annihilated. Some of them have been saved by the emigration. Only with the period of perestroika the progress of the history of arms was revived due to the atmosphere of liberty and the inflow of young scholars based on the interest of the society to its own history. The activities of seminars on the military archaeology started, some of them headed by the present author. This article pays special note to the contribution of the Institute of the History of Material Culture to the cause of the revival of the science under consideration and studies of arms of the ancient Russian period. The successes achieved include the results of the studies of stamped inscriptions (manufacturing stamps) on the blades of swords. In the author's opinion these results suggest production of swords of the Carolingian types in Rus, the fact being of special importance for the World science. The paper describes also the modern threats to the normal development of the science, viz. the ultra-nationalism and robber excavations. Considered are the general trends of the development of military science of overregional character which have been discovered on the basis of archaeological evidence.*

Начало русского оружиеведения имеет точную дату своего рождения – 1808 г. В этом году недалеко от Юрьева-Польского, там, где некогда происходила Липецкая битва, крестьянка А. Ларионова «находясь в кустарнике для щипания орехов, усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся». То были сложенные вместе шлем и кольчуга. Находки были сданы сельскому старосте, от него попали к священнику и в конце концов дошли до Александра I. По поручению царя, вещи изучил и в 1832 г. издал президент Академии художеств А. Н. Оленин; он же соотнес их с князем Ярославом Всеволодовичем, бросившим свои доспехи во время бегства с поля битвы в 1216 г. Эта атрибуция не устарела до сих пор и дала толчок к становлению тогда новой науки – исторического оружиеведения.

Изучение старинного вооружения в России представлено серьезными научными трудами. Правда, развивалась эта область знаний как бы волнообразно. Были взлеты в виде обилия ценной описательной фактографии и периоды безвременья и «простоя». Интеллектуальные и материальные потери затронули оружиеведение особенно в течение

большей части XX столетия. От недоедания в 1919 г. умер в Петрограде, уволенный из Эрмитажа европейски знаменитый оружиевед Э. Ленц, в 1937 г. расстреляли блестящего историка оружия В. Арндта.

В 1962 г. В. В. Арндт был посмертно реабилитирован. Доступным оказалось его «расстрельное дело». Теперь открылись новые подробности трагической судьбы этого ученого. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи сохранился исходный документ – донос. Он поражает примитивностью обвинений и почти прокурорским поиском «образа врага». Приведем лишь одну выдержку. Автор доноса, коллега Арндта по работе, пишет следующее: «нам был зачитан пункт приказа Наркома Оборонны о назначении начальником Артиллерийского управления комкора т. Кулика вместо комкора т. Ефимова. Узнал об этом и Арндт... Спустя четверть часа после получения этой новости подходит к моему служебному столу и, таинственно опустившись на стул, шепчет мне. „Как вы смотрите на все эти перемены? А я так думаю, что хороших, умных людей убирают с дороги, а назначают одних только“... При этом Арндт поднялся

со стула, вытянулся передо мной, руки по швам, и изобразил из себя такую дескать безропотно покорную, глуповатую фигуру, которая остается после насильственного удаления и уничтожения умных, дельных людей, фигуру, готовую слепо и безотчетно подчиняться теперешнему режиму. Эту последнюю выходку Арендта я оценил как наглую вылазку классового врага... антисоветски настроенного и вредно влияющего на те „интеллигентные круги“, в которых он пользуется авторитетом. Полагаю, что дальнейшее пребывание Арендта в наших рядах недопустимо, а его выходки, как политического врага нашей Родины должны повлечь за собой принятие, кроме того, и более решительных мер государственной безопасности». Донос был подан 7 июля 1937 г., арест последовал 2 октября и казнь – 14 декабря. Здесь нельзя не добавить, что начальник музея, ознакомившись с доносом, не побоялся сообщить «по инстанции», что «Арендт проявил себя как знающий, вполне лояльный специалист и во многом содействовал в работе по реконструкции музея, особенно экспозиционных работах, за что имел две благодарности музея и был премирован начальником Артиллерийского управления РККА (комкор Ефимов) в текущем году (то есть 1937 г.) месячным окладом». Эти положительные слова следствием учтены не были. Вернемся здесь к дальнейшему повествованию.

В 1920–1930 гг. фактически сошли на нет серьезные исследования старинного оружия. Беспощадно уничтожались многие памятники русской боевой славы – храмы, памятники воинам и полководцам, триумфальные ворота, памятные доски. В отношении военного наследия советская власть, если так можно выразиться, вела «стрельбу по своим». Приведу такие примеры. В период борьбы с космополитизмом из Артиллерийского исторического музея были сданы на переплавку редчайшие бронзовые иностранные орудия.

Глубокий знаток музейных собраний Государственного исторического музея и архивной письменности М. М. Денисова написала труд «Вооружение русской конницы XIV–XVII вв.». Но рукопись не увидела света, так как, по мнению рецензента, в ней «не было марксизма». «Бабушка русской артиллерии» (как ее называли) А. П. Лебедянская всю жизнь занималась деятельностью Пушкарского приказа XVII в. Свои наблюдения она изложила в нескольких томах по истории Артиллерийского музея, честно отметив многочисленные утраты музейных экспонатов вследствие идеологических чисток. Цитировались «акты о списа-

нии». Стоит ли говорить, что сочинения Александры Петровны остались не изданными.

На волне классовой ненависти были разгромлены музеи прославленных полков царской армии. Их экспонаты раздавались в реквизиторские кладовые Госфильма, костюмерные театров. Здесь встречались неожиданности. В 1936 г. в Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе поступило невиданное количество предметов русской военной старины, принадлежавших музеям лейб-гвардии Казачьего и Уланского полков. Эти вещи были чудом спасены в годы Октябрьского переворота, вывезены на Дон, затем через Стамбул в Париж, наконец, в Брюссель. Увидев это богатство, хранитель брюссельского Военного музея воскликнул: «Это ковчег боевых подвигов огромной страны». Только 1990-х гг. стало известно о существовании увезенных воинских раритетов. После долгих лет умолчания один из представителей русской эмиграции Н. Белявский по собственной инициативе приступил к описанию этой уцелевшей коллекции.

Многие военные события недавнего прошлого замалчивались или осуждались. Лишь в годы Великой Отечественной войны власти всенародно вспомнили о великих русских полководцах и их сражениях, но это было только частью поправленной исторической правды. Времена искажения и недооценки военного прошлого России ныне уходят в прошлое, преодолевается отставание исторического оружиеведения, что особенно наглядно выступало при сопоставлении с его состоянием в Центральной и Западной Европе. Огромные богатства, накопленные в наших музеях, в научном плане долгое время были слабо известны и лишь в последние десятилетия стали, хотя еще отрывочно и неравномерно, но систематически изучаться.

Положительным фактором исхода XX в. явился приток в оружиеведение молодых сил и расширение фронта исследований. В этом отношении выдвинулись Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск, ряд региональных центров. Учреждены и работают при Институте истории материальной культуры РАН и Государственном историческом музее семинары по военной археологии. Регулярно стали созываться военно-исторические конференции и симпозиумы, печатаются серьезные работы. По истории вооружения Древней Руси подготавливаются обобщающие диссертации. Назову лишь некоторых перспективных авторов: это аспиранты и соискатели К. Жуков, В. Шмелев, О. Двуреченский. Новым явлением нашего времени стало повсеместное создание военно-патриотических клубов и групп реконструкторов такти-

ки старинных боев и достоверно воссозданного вооружения и амуниции исторической России и ее соседей. Одним из лучших здесь признан военно-исторический клуб «Княжеская дружина» в Санкт-Петербурге (руководитель П. А. Васин). Клуб с успехом выступает в разных, в том числе, и зарубежных городах.

Вещественные, письменные, изобразительные источники военно-исторической науки поистине неисчерпаемы. Эти ценности сосредоточены в музеях, библиотеках, архивах, частных собраниях, частью обнаружены в публикациях. За исключением Оружейной палаты Московского кремля, редких уцелевших семейных и монастырских собраний, у нас почти не сохранились арсеналы крепостей и владельческих родов. Зато обильна находками военная археология. Одними из первых на исключительное богатство вооружения, относящегося к первым векам русской истории обратил внимание А. В. Арциховский в работе «Русское оружие XIII вв.», изданной в 1946 г., и Б. А. Рыбаков в книге «Ремесло древней Руси», опубликованной в 1948 г. В дальнейшем археологи-слависты подтвердили и развили эти наблюдения.

Масштабное изучение вооружения и снаряжения коня и всадника первых веков русской истории осуществлено Институтом истории материальной культуры РАН. Удалось собрать сведения, классифицировать, датировать, проследить распространение и использование свыше 8000 предметов военной техники IX–XV вв., происходящих примерно из 1300 погребений и 120 городов и поселений, расположенных на территории Древней Руси. Материал отбирался независимо от его социальной и этнической принадлежности. Его анализ с привлечением письменных и изобразительных источников позволил представить тактику боя, вооружение конницы и пехоты, судить об этапах развития военного дела и влияния на него восточных и западных соседей. Сопоставление комплексов с вооружением позволило определить, что для наиболее показательного в отношении количества погребений с оружием периода IX–XI вв. они составляли от 8 до 18% к общему числу захоронений. Это с большой долей вероятности определяет мобилизационные возможности тогдашнего общества. В то же время, погребения с вооружением, в плане его состава, далеко не полностью были адекватны реальному оснащению воина. К примеру, по обрядовым особенностям во многих случаях не требовалось наделять умершего шлемом, кольчужой, другими частями доспеха. Эти предметы, а также мечи, зачастую находились

лишь в богатых захоронениях, но это не означало их малочисленности в войске, как у конников, так и пехотинцев.

Результаты изучения древнерусского вооружения с учетом всей их многоплановости и трудоемкости, удалось в законченном виде полностью опубликовать в 1966–1976 гг. в серии «Свод археологических источников» и других изданиях. Эти публикации подытожили все накопленные военной археологией материалы и способствовали развитию последующих изысканий, а также, в определенной мере, ускорили создание клубов реконструкторов, предоставив их участникам надежные, достоверные данные.

Древнерусское вооружение в рамках IX–XV вв. исследовано опережающими темпами в максимальном для своего времени объеме. Появившиеся позже новые находки не отменили созданных классификаций оружия и конского снаряжения, однако, расширили и в чем-то уточнили источниковедческую базу исследований. Теперь мы знаем об эволюции боевых средств Руси эпохи раннего средневековья больше, чем для других периодов. В дальнейшем, конечно, эта неравномерность будет преодолена, хотя количество находок зрелого и позднего средневековья вряд ли значительно перекроет число уже зафиксированных более ранних.

Международным достижением отечественного оружейведения было фактически полное обоснование новооткрытой отрасли знания – клинковой эпиграфики. Здесь мы лидируем среди других европейских стран. К настоящему времени в музеях России, Украины, Белоруссии, а также Чехии, Польши, Норвегии, Швеции и Финляндии обследовано свыше 400 мечей IX–XIV вв. и на всех по большей части впервые выявлены ранее неизвестные надписи и знаки – в большинстве ремесленные клейма. Впервые на клинковом оружии X–начала XI вв. обнаружены русские надписи с именами ремесленников. Таковыми оказались Людота (или Людоша) и мастер, чье имя может быть прочитано как «Слав...», поскольку остальная часть надписи оказалась поврежденной. Речь идет о мечедельцах, работавших, скорее всего, в Киеве во второй половине X–начале XI вв. После Каролингской империи Русь явилась второй страной в Европе, где выпускались мечи, клейменные на своем языке.

В 2005 г. совместно с А. И. Саксой и Л. Томантея впервые изучены 25 целых карельских средневековых мечей и их деталей, находящихся в Национальном музее Финляндии. Здесь уместно подчеркнуть, что обследование восточно-европейского и конкретно древнерусского вооружения имеет интернациональное значение. Некоторые наши

находки воинского снаряжения оказываются более ранними, чем подобные экземпляры в других странах Европы (например, шпоры с колесиком). Воинские вещи из курганов Украины, относящиеся к XII–XIII вв., позволяют прояснить новые тенденции в развитии доспеха не только на Руси, но некоторых других европейских странах, где отсутствуют находки этого периода или их мало.

Возросший общественный и научный интерес к военным древностям, к сожалению, не обходится без издержек. Наряду с серьезными работами нередки безапелляционные, дилетантские, некомпетентные выступления, плагиат, некритические атрибуции, например, коса выдается за скрамасакс, а подлинный меч за позднюю реплику. В угоду модному нигилизму прямо или косвенно высказываются мнения о геополитически predeterminedенной военной несамостоятельности Руси и подчиненности развития ее боевой техники одним внешним влияниям со стороны норманнов, степных кочевников, монгол. В истории России воздействия Востока и Запада на ее культуру были весьма значимы, что, однако, не отменяло собственного, творчества и выработки национальных форм оружия. Этот процесс происходил в сложных условиях борьбы русских земель на два фронта, с западным и восточным противником. Учет при этом, что изучение военного дела эпохи средневековья может охватывать евразийское пространство, но окажется результативным лишь при условии преодоления националистических оценок и прямых или завуалированных русофобских рассуждений. Технический мир предстает как громадная, в то же время во многом единая лаборатория новаций и усовершенствований, которые осуществлялись отдельными центрами, чье местонахождение в ряде случаев еще требует разысканий.

Угрозой нормальному состоянию военной археологии, да и шире, сбережению всего отечественного культурного наследия, стало повсеместное безнаказанное разграбление т. н. черными археологами древних погребений и поселений с целью добычи археологических предметов, включая вооружение, и торговля ими. Обнаруженные варварскими раскопками, часто с помощью металлоискателей коллекции находок продаются и нередко уходят за рубеж. По оценкам специалистов, если не будет соответствующего антиклагоискательского законодательства, то лет через десять страна полностью лишится бесценного археологического наследия.

Вооружение – особая область материальной культуры, которой присущи свои, зачастую интернациональные особенности. К таковым относят-

ся: активный технический прогресс; постоянная выработка новинок, направленных к тому, чтобы увеличить наступательные и оборонительные способности воина; незнающая преград быстрота распространения и единство форм оружия и снаряжения на огромных территориях; восприимчивость к наднациональным техническим заимствованиям; стремление к организации высококвалифицированного индивидуального и коллективного военного ремесла с целью производства наиболее передовых и в то же время долговечных образцов оружия; большая ценность боевых средств и желание заполучить их в виде покупки, подарка или трофея; особое отношение к предметам военной техники как наделенным высшей магической и религиозной силой и в связи с этим существование обычая потомственного наследования и бережного хранения шлемов, мечей, щитов и другого вооружения, приношение воинских вещей как загробного дара язычниками и, в качестве пережитка, христианами; наделение боевой экипировки частной или государственной эмблематикой, а позже гербами; нередкая прямая или опосредованная связь имеющегося арсенала с властью и состоянием общества, позволявшая бедным слоям, особенно в экстремальных ситуациях пользоваться современным оружием. Всегда показательными являются количество и качество вооружения воина и войска, ибо это придавало уверенность в бою и положительно влияло на морально-психологическое состояние армии.

Прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения. Исследование вооружения важно для понимания его собственного развития, изменения и распространения его форм, тактического использования, установления типологии и хронологии, связи с состоянием и эволюцией армии. В равной мере должно рассматриваться и обратное воздействие военного дела и боевой техники на основные сферы общественной жизни: социальную, политическую и экономическую. Изучение оружия и военного дела позволяет судить не только о воинском оснащении индивидуального бойца, об экипировке родов войск и различных, входящих в его состав социальных групп, но и о жизнедеятельности и безопасности народа, возможностях кузнечного ремесла, развития торговли, особенно дальней, восприимчивости к изобретениям ближних и далеких соседей.

Боевое использование оружия и войны обостряют конкурентоспособность противников, влияют на международные отношения, убыстряют совершенствование и внедрение новой техники, побуж-

дают к внедрению новых материалов. Периоды эволюции сменялись скачкообразным развитием. «Переломными периодами» в истории древнерусского военного дела были, к примеру, IX–X вв., когда выдвинулась конница с ее тяжелым и легким снаряжением, XII–XIII вв., ознаменовавшиеся утяжелением экипировки воина и использованием профессионально подготовленных конных и пеших лучников и копейщиков, дополненных пехотой, XIV–XV вв., которые отмечены внедрением огнестрельного оружия и созданием общерусской межобластной армии.

В целом, изучение вооружения и военного дела средневековой Руси и ее соседей необычайно многозначно и плодотворно. Здесь открывается волнующая сфера борьбы, сражений, побед и поражений, предстают порой судьбоносные действия людей в отношении преданности своей стране «вождю и товарищам, ярко проявляется способность выстоять и проявить храбрость и героизм.

Международный опыт убеждает, что в общественном смысле военная археология опрокинула прежние ее «спокойные» академические оценки. Эта дисциплина вышла за пределы кабинетов ученых и коллекционеров и проникает в досуг и образование рядового человека. В Европе, особенно после Второй мировой войны, появились профильные общества, институты, музеи, множество специализированных, в том числе и периодических изданий. Изучением и рассмотрением старинного воинского снаряжения интересуется все больше людей, вовсе не специалистов. Здесь нельзя переступать порог дозволенности и путать государственную принадлежность памятников, которая существует в России, с частной коммерцией.

Оценивая военную археологию, мы видим, что перед нами крупное историческое явление, которому присущи бурные технические преобразования, острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неуязвимое мастерство оружейников – все это способно захватить огромную аудиторию. Обо всем этом шла речь на международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», которая по распоряжению Президента Российской Федерации впервые была проведена 29–31 марта 2005 г. в Санкт-Петербурге и ознаменовалась выступлениями более чем 145 участников. Для того, чтобы более действенными стали результаты конференции, были высказаны следующие предложения.

Они были обсуждены и приняты на заседании секции упомянутой конференции «Военное дело России и ее соседей в эпоху средневековья (IX–XVII вв.)», собравшей до 50 участников, из которых 20 выступали с докладами. Внесенные предложения имеют конкретный смысл и соответствуют задачам и целям конференции. Перейдем к их изложению.

1. С учетом позитивных результатов состоявшейся конференции было предложено проводить подобные мероприятия при совместной организации со стороны Министерства обороны и Российской Академии наук раз в два года.

2. Предлагалось образовать с паритетным участием Министерства обороны и РАН постоянно действующий международный комитет по научному изучению военного дела России и ее соседей. Такой комитет осуществлял бы на международном уровне научные проекты, подготавливал концепцию новых конференций и симпозиумов по актуальным вопросам военной и военно-исторической науки, планировал тематику научных работ, поддерживал контакты с представителями зарубежных стран.

3. К Правительству РФ была обращена просьба о поддержке, особенно финансовой, военно-исторических клубов и объединений по воссозданию старинного вооружения, тактики боя, реконструкции исторического фехтования, турниров и единоборств.

4. Было отмечено, что пришло время, когда стало необходимым, основываясь на исторической традиции, восстановить гвардейские части в системе Вооруженных сил России.

5. Была высказана инициатива по созданию общенародного и общероссийского памятника: Гражданам вечной России от благодарной Родины.

6. Предлагалась в рамках Минобороны организация в Санкт-Петербурге Международного военно-промышленного, экспозиционно-выставочного, научно-образовательного и торгово-коммерческого центра.

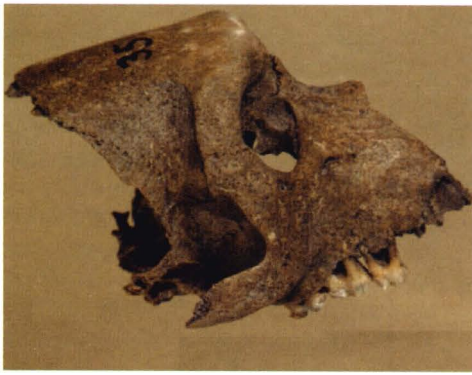
7. Было высказано пожелание к Правительству РФ по поводу скорейшего принятия законодательных мер против разграбления «черными археологами» историко-археологических памятников и по противодействию торговли найденными ценностями, в том числе и оружейными раритетами.

Удастся ли осуществить высказанные предложения, покажет будущее.

Ил. 1. К статье И. Ю. Анкудинова Городище. Деталь плана окрестностей Новгорода 1819 г. Масштаб 1:8400 (РГИА. Ф. 380. Оп. 16. Д. 1523. Л. 6)

Colour plate I. Gorodishche. Detail of the plan of surroundings of Novgorod in 1819. Scale 1:8400

1

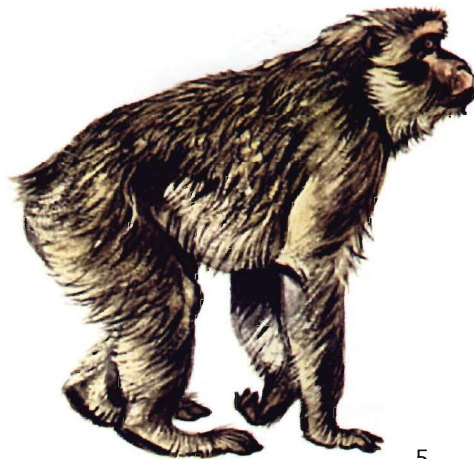
2

3

4

5

Ил. 2. К статье М. Брисбейна, М. Молтби, Э. Хамблтон, Е. Носова

1, 2 – Череп обезьяны *Macaca sylvanus* из раскопок на Рюриковом городище, рубеж XII–XIII вв., находка 2003 г. (фото Т. А. Ершовой); 3 – Изображение обезьян в Aberдинском bestiarii (около 1200 г.); 4–5 – Внешний вид обезьяны *Macaca sylvanus*

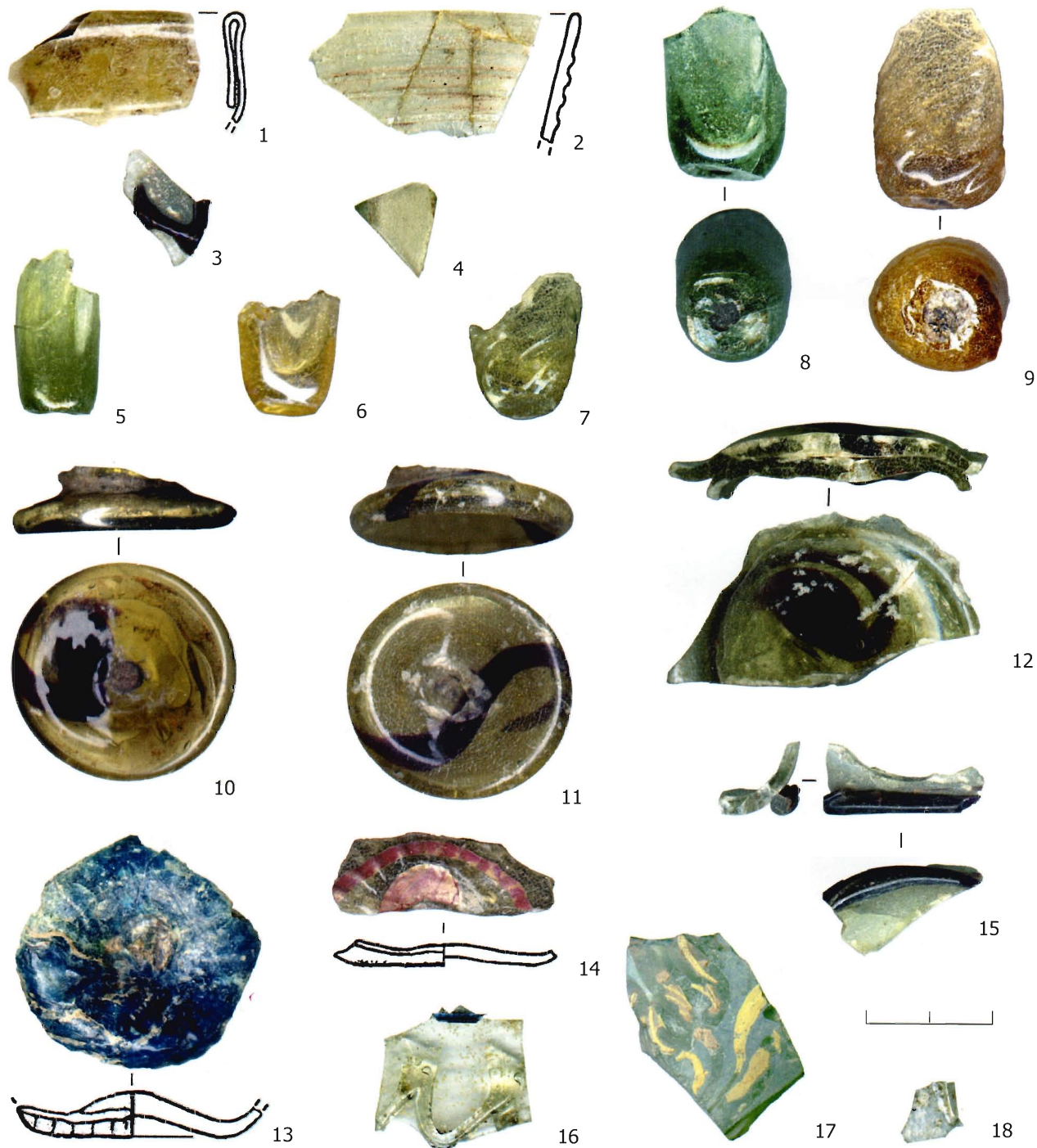
Colour plate 2. 1, 2 Skull of *Macaca sylvanus* from excavation of 2003 at Rurik Gorodishche. Turn of the 12th and 13th century (Photo by T.A. Ershova); 3 – Monkey in the medieval miniature. Aberdeen Bestiary, c. 1200; 4–5 – outward appearance of *Macaca sylvanus*

Ил. 3. К статьям А. Е. Мусина и А. Нерсесян

1 – фрагмент иконки из глинистого сланца с изображением конного воина, 1220-е гг., Новгородское (Рюриково) городище, 2005 г., фотография; 2 – стеатитовая икона Божией Матери «Киккотисса» в эмальерном окладе, частное собрание. Париж, XIII (?) – XIX вв.: *a* – общий вид; *b* – лицевая сторона оклада; *c* – резной стеатитовый образ; *d* – оборотная сторона оклада; *e* – подложка с выемкой из сосновой доски

Colour plate 3. 1 – Fragment of shale icon with representation of a mounted warrior, 1220s. Novgorod (Ryurik) Gorodishche, 2005. Photograph. 2 – Steatite icon of Our Lady «Kikkotissa» in enamel framework. Private collection. Paris. 13th (?) – 19th century: *a* – general view; *b* – face side of the framework; *c* – carved steatite image; *d* – rear side of the framework; *e* – substrate made from a pine board with a recess

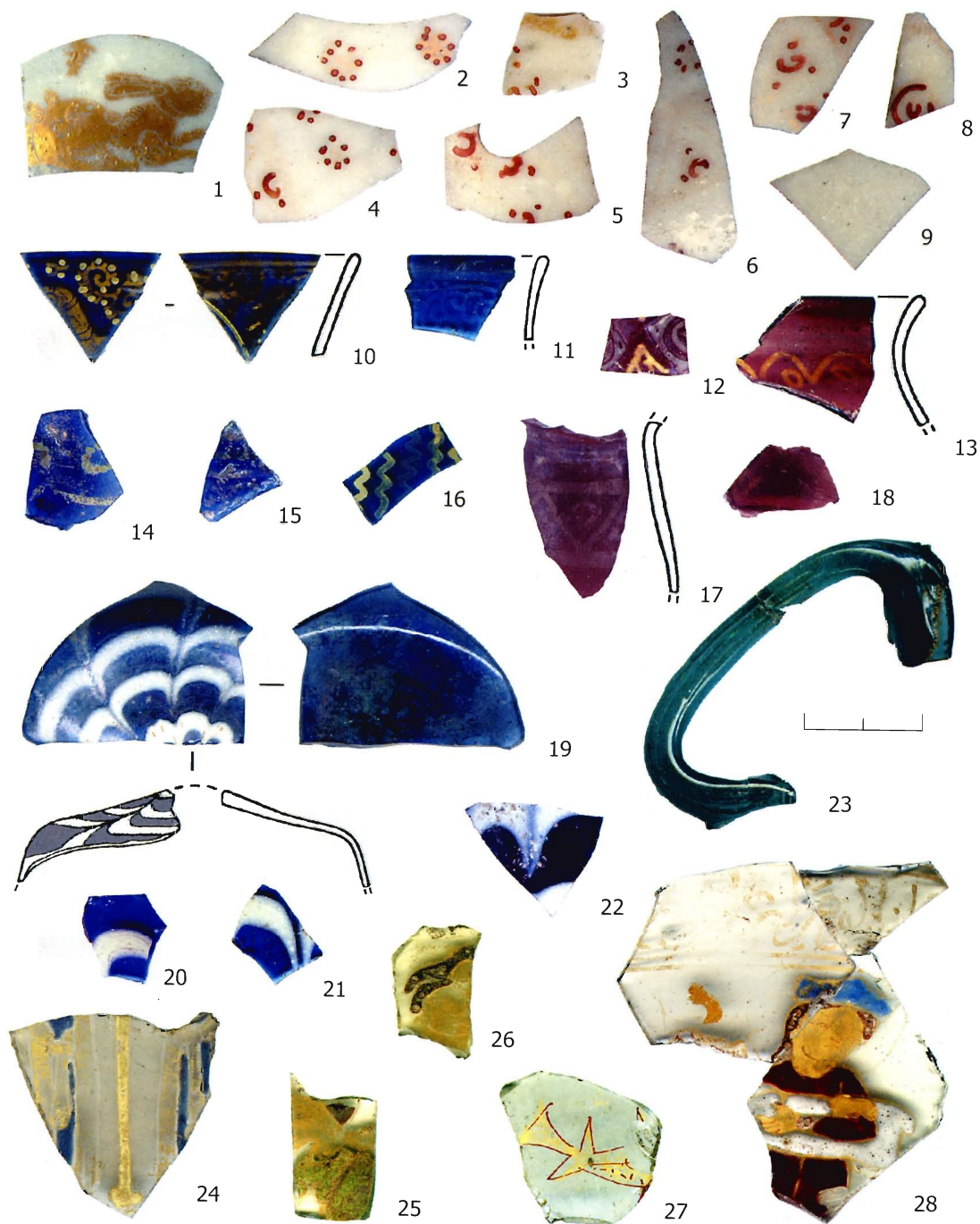

Илл. 4. К статье А. В. Плохова

Городище. Древнерусское и импортное стекло.

1 – НОЭ-88, РГ-116; 2 – НОЭ-86, РГ-98; 3 – НОЭ-85/86; 4 – НОЭ-86, РГ-60; 5 – НОЭ-86, РГ-27; 6 – НОЭ-85, РГ-84; 7 – НОЭ-86, РГ-176; 8 – НОЭ-87, РГ-133; 9 – НОЭ-88, РГ-29; 10 – НОЭ-86, РГ-145; 11 – НОЭ-85, РГ-33; 12 – НОЭ-86, РГ-172; 13 – НОЭ-85, РГ-176; 14 – НОЭ-85, РГ-123; 15 – НОЭ-87, РГ-151; 16 – НОЭ-87, РГ-62; 17 – 1977, п.м.; 18 – НОЭ-88, РГ-145

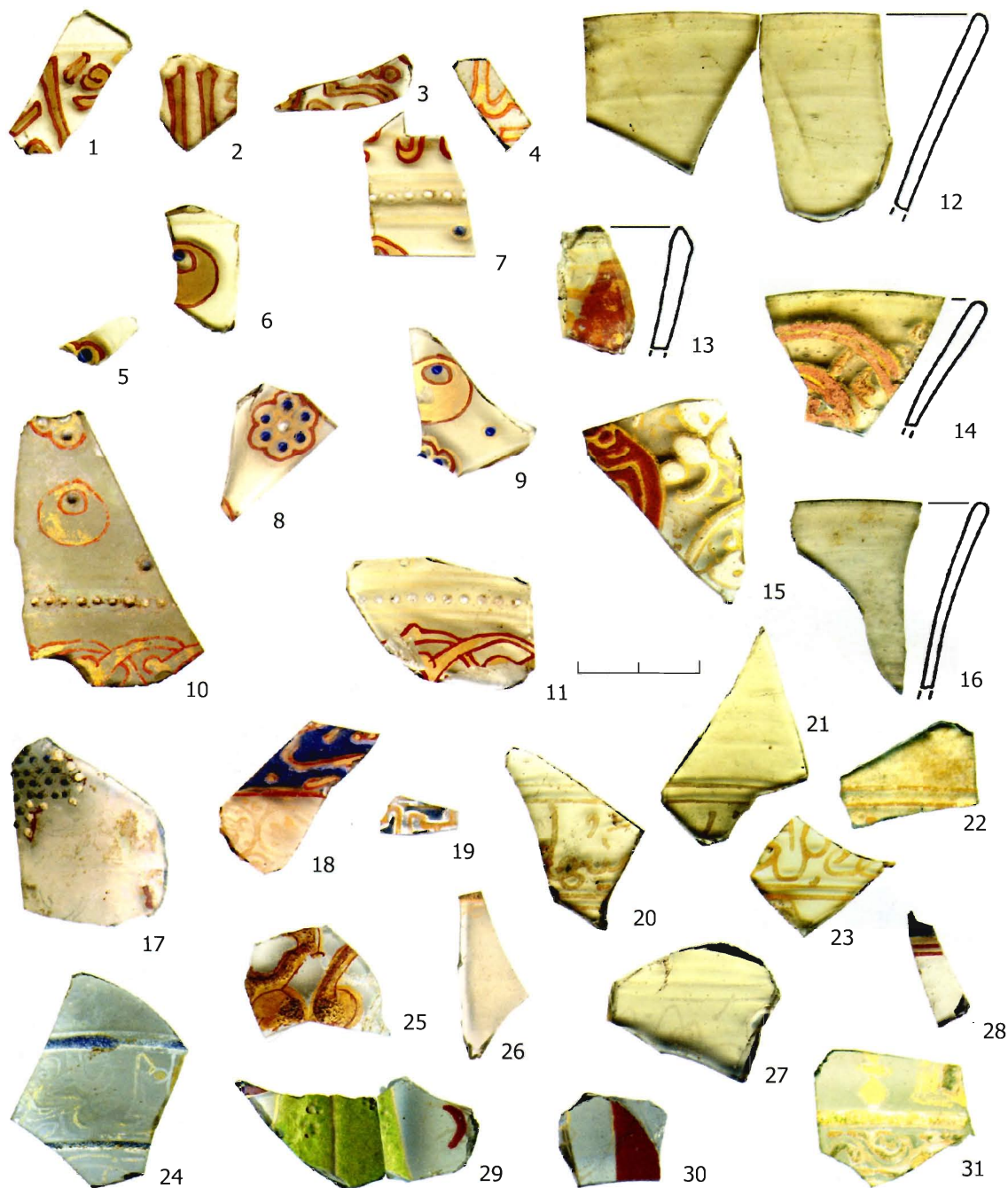
Colour plate 4. Gorodishche. Ancient Russian and imported glass

Ил. 5. Кстатъе А. В. Плохова

Городище. Импортное стекло. 1 – НОЭ-80, РГ-134; 2 – НОЭ-85, РГ-150; 3 – НОЭ-86, РГ-126; 4 – НОЭ-85, РГ-93; 5 – НОЭ-85, РГ-131; 6 – НОЭ-85, РГ-110; 7– НОЭ-85, РГ-85; 8, 9 –НОЭ-85, РГ-129; 10, 11 – п.м.; 12 – НОЭ-89, РГ-36; 13 – НОЭ-86, п.м.; 14 – НОЭ-84, РГ-11; 15 – НОЭ-84, РГ-41; 16 – 1974, п.м.; 17, 18 – НОЭ-86, РГ-128; 19 – НОЭ-88, РГ-19; 20 – 1974, п.м.; 21 – раскопки Н.П. Пахомова, 1967; 22 – НОЭ-89, РГ-48; 23 – НОЭ-83, РГ-220, НОЭ-89, РГ-81; 24 – раскопки М. Д. Полубояриновой, 1965; 25 – НОЭ-85, РГ-152; 26 – НОЭ-85, РГ-165; 27 – НОЭ-83, РГ-153; 28 – НОЭ-85, РГ-53, 137, НОЭ-86, РГ-75

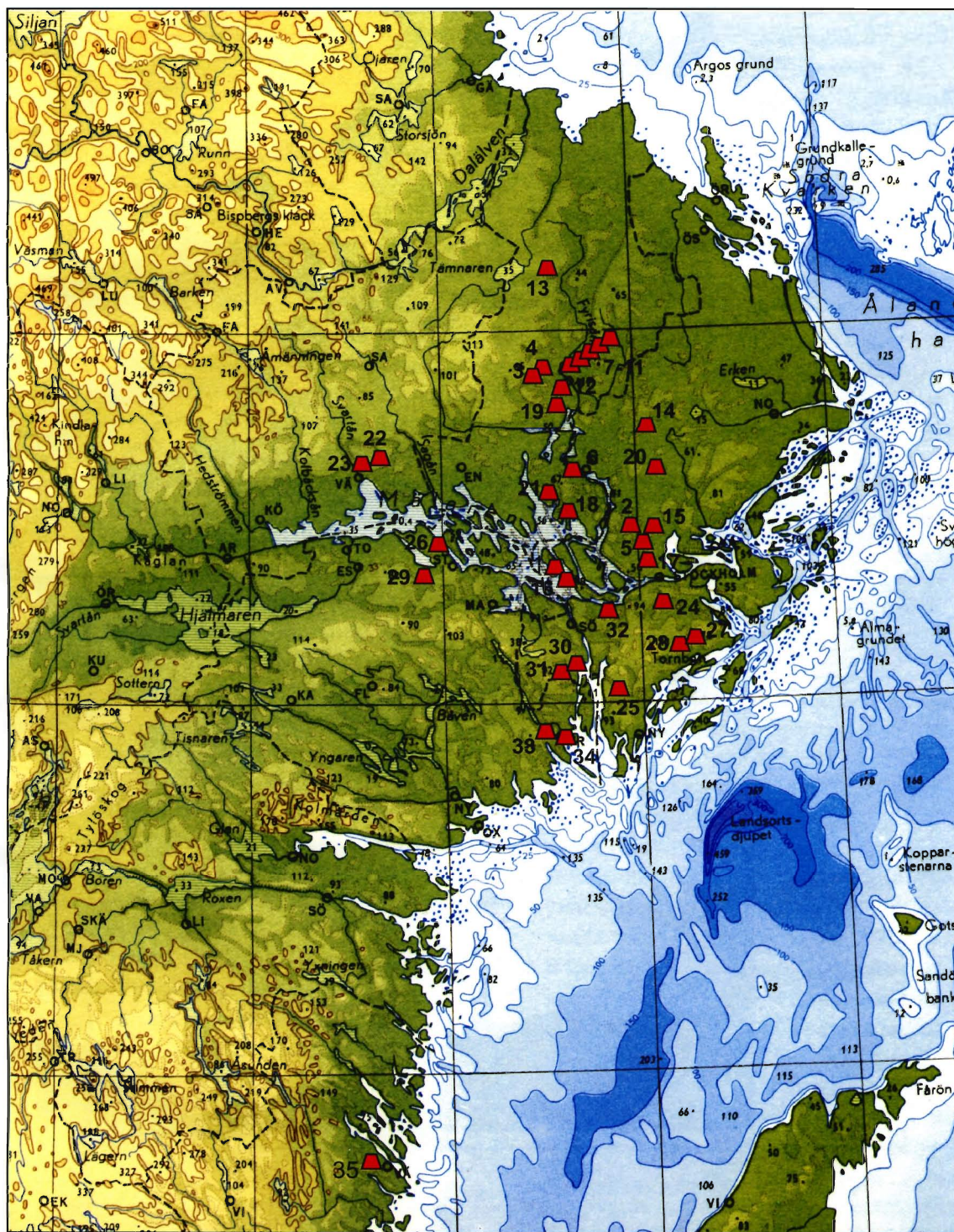
Colour plate 5. Gorodishche. Imported glass

Ил. 6. К статье А. В. Плохова

Городище. Импортное стекло. 1 – НОЭ-87, РГ-56; 2 – НОЭ-87, РГ-129; 3 – НОЭ-87, РГ-125; 4 – НОЭ-85, РГ-54; 5 – НОЭ-87, РГ-124; 6 – НОЭ-87, РГ-135; 7 – НОЭ-88, РГ-60; 8 – НОЭ-86, РГ-40; 9 – НОЭ-88, РГ-123; 10 – НОЭ-85, РГ-134; 11 – НОЭ-86, РГ-86; 12 – НОЭ-86, РГ-131; 13 – НОЭ-87, РГ-138; 14 – НОЭ-87, РГ-21; 15 – НОЭ-87, РГ-74; 16 – НОЭ-86, РГ-134; 17 – НОЭ-85, РГ-44; 18 – НОЭ-86, РГ-120; 19 – НОЭ-86, РГ-139; 20 – НОЭ-87, РГ-95; 21 – НОЭ-86, РГ-110; 22 – НОЭ-86, РГ-116; 23 – НОЭ-89, п.м.; 24 – раскопки М. В. Шорина, 1983; 25 – НОЭ-80, РГ-65; 26 – НОЭ-86, РГ-115; 27 – НОЭ-86, РГ-123; 28 – НОЭ-87, РГ-105; 29 – НОЭ-86, РГ-61, НОЭ-87 РГ-89; 30 – НОЭ-87, РГ-161; 31 – НОЭ-85, РГ-177

Colour plate 6. Gorodishche. Imported glass

Ил. 7. К статье И. И. Еремеева. Большие курганы Средней Швеции, исследованные раскопками. Указатель курганов в таблице № 1

Colour plate 7. Excavated large burial mounds in Central Sweden. For the index of the burial mounds see table 1

1

2

Ил. 8. К статье И. И. Еремеева

1 – Большой курган в Rölunda (Uppland, Häggeby sn.); 2 – Большие курганы в Vadaby (Uppland, Vada sn.)

Colour plate 8. 1 - Large burial mound in Rölunda (Uppland, Häggeby sn.); 2 - Large burial mounds in Vadaby (Uppland, Vada sn.)

СТЕАТИТОВАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ В ПАРИЖЕ

Анна Нерсисян

Centre national de la Recherche Scientifique. Париж. Франция

A STEATITE ICON OF OUR LADY FROM A PRIVATE COLLECTION IN PARIS

Anna Nersesyan

Centre national de la Recherche Scientifique. Paris. France

ABSTRACT: *This paper presents a publication of an icon of Our Lady «Kikkotisa» also known in Russia as the «Miluyushchaya» (Eleousa) or otherwise «It is truly meet» (Aksion estin) after a motet devoted to her. The icon here concerned was made from steatite in the 13th century somewhere in the Mediterranean region, possibly on Cyprus where the monastery was situated. The recension itself appeared in the 12th century. Hypothetically, the original icon was made from waxmastics (mixture of incense and beeswax). It may have come to Russia in the second half of the 17th century owing to active connections with the Greek Orthodox world. In 1688, Simon Ushakov created in Moscow a large icon of Our Lady «Kikkotisa». The icon under consideration is kept in a private collection in Paris. Sometime split, it was set into a wooden case and covered with a framework decorated with enamel and gems in the 19th century. It came to France with Russian emigrants. The author is grateful to the owner of the relic for her allowing us to study and publish it.*

Образ Богоматери с Младенцем, некогда вырезанный из мягкого камня-стеатита в Восточном Средиземноморье, нашел свой путь в Россию, перед тем как очутится вместе с другими семейными святынями на дорогах Европы. Ныне эта икона находится в Париже. Обычай покрывать иконы драгоценным окладом и украшать их камнями сложился достаточно рано, еще в византийскую эпоху (Стерлигова, 2000), но в данном случае существование эмальерного оклада было вызвано необходимостью. Маленький по размеру образ раскололся еще в древности. Но так как это повреждение не могло затронуть достоинство святыни, то ее владельцы решили вставить уцелевший средник в драгоценный оклад российской работы. Сам же образ был помещен в выемку, сделанную в сосновой дощечке, которую и накрыл оклад. Дощечка была подбита плотной, некогда богатой, тканью (цв. ил. 3, 2–б).

Образ выполнен из стеатита. В византийские времена, особенно тогда, когда слоновая кость почти перестала поступать в столицу, люди полюбили мягкий блеск и цвет этого камня (Мусин, Петров, 2006. С. 10–13). Вслед за Византией, произведения мелкой каменной пластики стали появляться и там, где не было месторождений стеатита. Здесь каменные иконки изготавливали из сланца и других пород, в частности, шифера, а мастера старались подражать царградским образцам (Пав-

ленко, 2004. С. 215–218). В столице стеатит использовался наряду со слоновой костью и, видимо, иногда обрабатывался в одних и тех же мастерских (Cutler, 1994. P. 67, 248). Однако, эта порода камня значительно мягче кости и, следовательно, его обработанная поверхность легко снашивается. Этот камень довольно хрупкий, что существенно ограничивает размеры изделий, не позволяя изготавливать значительные иконы. Во избежание поломки и трещин стеатитовые образки очень часто укрепляли рамкой или металлическим ободком. Разломы камня случались чаще всего вдоль рельефного изображения. Именно так произошло и с публикуемой ныне иконой, однако когда именно это произошло – неизвестно.

Несколько слов можно сказать о мастере и его мастерстве. Несмотря на то, что рельеф с годами несколько стерся, нельзя говорить о большой искусности этого резчика. Черты лица с толстыми губами и тяжелым подбородком несколько грубоваты. Трудно понять и логику изображения одеяния Богоматери: параллельные складки Ее хитона вроде соответствуют образу «Оранты», представленной во весь рост, однако складки узорчатого мафория на плече и голове плохо согласуются с остальными частями одежды. Сам Младенец тоже оказался укутан материнским мафорием. Судя по всему, это свидетельствует о ремесленнике, изготовившем икону, как о человеке, которому свойст-

венна легкость руки и отсутствие заранее продуманной концепции работы (цв. ил. 3, 4).

Оклад. Более поздний оклад состоит из серебряного листа, охватывающего дощечку со всех четырех сторон благодаря сделанным надрезам, которые позволяют избежать швов по углам (цв. ил. 3, 3, 6). Контур изображения вырезан, нимбы сделаны слегка выступающими. Эмаль нанесена на тонкий лист меди, прикрепленный к серебряной основе. Контур изображения, нимбы и стычки материала украшены серебряной нитью. После изготовления оклада, очевидно, было решено украсить его углы бирюзовыми вставками. Поскольку их гнезда было уже невозможно припаять к эмалевой поверхности, то в окладе были пробиты сквозные отверстия, повредившие эмаль. Эмалевый узор сочетает в себе три цвета: зеленый, белый и розовый, и предположительно датируется концом XVII в.

Размеры самого стеатитового образа: 6,7×4,9×0,7 см, сосновой дощечки, в которую он врезан: 9,1×6,8×0,85 см (цв. ил. 3, 5), а серебряного с эмалью оклада: 9,3×7×1 см. По своей стилистике, образ может быть датирован XIII в. Мастерскую определить затруднительно, поскольку месторождения стеатита и пункты его художественной обработки находились не только на островах греческого архипелага и на самом Кипре, но были широко распространены на Ближнем Востоке, в частности, в Сирии (*Геология...*, 1969; *Минеральные месторождения...*, 1984. Т. 2).

Иконографический тип. На нашей иконе Богородица, слегка наклонив голову вправо, держит возлежащего Младенца на правой руке, как держат совсем маленьких детей. Его левая рука лежит на левом колене, а правая свободно свисает. Богомладенец одет в хитон, а его бедра и колени обвиты плащом. Правой ногой Младенец опирается на левую руку Богородицы. Этот иконографический тип не восходит ни к Богородице «Одигитрия», ни к Богородице «Знамение», которые широко почитались на Руси в большом количестве списков и были связаны с чтимыми цареградскими иконами-прототипами. Но тот чтимый образ, который воспроизводит наша икона, почитался прежде всего на Кипре, в монастыре на горе Киккос. Такая удаленность от столицы не всегда позволяла местной художественной среде воспринимать и перерабатывать привходящие извне влияния, в частности, западноевропейские, которые проникли на восток вместе с крестоносцами. С расцветом Иерусалимского королевства западные влияния в искусстве Кипра станут еще ощутимее. На Руси икона этого извода, получившая в греческом православии имя

Божией Матери Киккской, чаще называлась «Достоинно есть» или «Милующая».

История иконы Богородицы Киккотиссы тесно связана с историей самого монастыря, которая, несмотря на обилие источников, хранит в себе немало загадок. Известно, что этот чудотворный образ был подарен императором Алексеем Комнином (1081–1118) Киккскому монастырю, который и был им учрежден в честь Богородицы. Икона была перенесена из столицы на остров неким «пустынником Исаей», и с тех пор там и хранилась. Однако еще до этого с уже чтимого образа был сделан список.

Монастырь неоднократно постигали беды в виде пожаров (в 1365, 1542, 1715 и 1813 гг.), он многократно перестраивался и был полностью разорен турками в 1821 г. Однако, по преданию икона чудесным образом уцелела. Подлинную историю иконы проследить не легко – первоначальная редакция летописи чудес от святой иконы – *Диегезиса*, сгорела в пожаре 1365 г., и лишь на основе личных воспоминаний монахов в 1422 г. была составлена новая (*Constantinides*, 2004).

Несмотря на меньшую известность, Киккская икона имеет не менее замечательную историю, чем Одигитрия. Предание гласит, что она является одним из трех образов, написанных св. ев. Лукой. Естественно, это не может служить основанием для какой-либо датировки, поскольку сама легенда появилась лишь во времена иконоборчества, став надежным аргументом в пользу иконопочитания. Вместе с тем, архаичность самого извода вроде бы не подлежит сомнению.

Русский паломник Василий Григорович-Барский, который побывал на Кипре в 1735 г., делится ценными сведениями об увиденной святыни: «...Слышится же, что яко на некоем необычном древе, и неписанна художством нынешних времен, но иным, неким воском и мастихою изображена (цит. по: *Кондаков*, 1915. С. 31). Известно, что техника письма воском имела античное происхождение, однако, судя по всему, вышла из иконописного обихода в течение VIII в., хотя иногда применялась вплоть до XV в. Здесь, к сожалению, мы вновь не обретаем никакой надежной почвы для датировок. Неизвестно также, когда именно была написана «икона-наместница», еще один образ, спрятанный в пещере близ монастыря на случай опасности (*Hackett*, 1901. P. 341).

В. Григорович-Барский пишет далее по поводу кипрской иконы: «...испытания известнаго несть, ибо вся покровленна есть серебром, кроме лица и единнаго на персех оконца, лобызания ради, лице же всегда есть покровленно катесмою драгоцен-

ною, и глаголет общий народ яко никогда же ни от кого не зрится... в время бездождия возносят верху гори и открывают лице, и чудотворит дождь шумен...» (цит. по: Кондаков, 1915. С. 31). Это свидетельство можно толковать по-разному. Здесь можно видеть указание на специальные средства защиты воскомастичной иконы по образцу античных времен, когда живопись воском на дереве предохранялась особыми створками от света и жары. Однако такой «музейный подход» не был характерен для позднего средневековья, да и в наше время ревность и благочестие «не по разуму» бывают опаснее для сохранности святыни, чем пыль веков. Впрочем, свидетельство паломника может говорить и о том, что материальное тело святыни сохранилось лишь частично и было скрыто от созерцания паломника, поскольку считалось, восприятие им благодати данного святого места не нуждается в непосредственном зрительном контакте. С традицией спорить сложно, поскольку они с историей говорят на разных языках. Времена меняются, но чудотворная икона, почитаемая в Кикском монастыре, остается по-прежнему недоступна – и паломникам, и исследователям, как если бы она была утрачена еще в древности. Запрет строг, а список бед, приключившихся с его нарушителями, достаточно длинен.

Несмотря на существующие проблемы, в целом мы способны представить себе иконографию Кикской иконы Матери Божией. Древнейшая икона, сопоставимая с Кикской Богородицей, хранится в монастыре св. Екатерины на Синае (*Mouriki*, 1991. Fig. 22). Предположительно, она была написана в эпоху основания монастыря, и исследователи полагают, что сохранившийся список передает все особенности оригинала. Следует заметить, что средневековое понятие «списка» все же не предусматривает факсимильное воспроизведение своего прототипа.

Владычица изображена сидящей на троне, с тихим, задумчивым выражением лица. Она придерживает играющего перед Ней Младенца левой рукой, а правой передает Ему свиток. Богомладенец ухватился левой рукой за мафорий Матери, оставляющий открытым часть ее головного платка. Экспрессивное движение детских ножек, общее расположение рук и свиток станут типичными чертами иконографического образа Киккотиссы. Однако этот ранний тронный извод так и не стал истоком значительного иконографического ряда. Зато появляется новый, поясной тип иконы, который станет прообразом всех последующих списков. Самый ранний из них датируется концом XII в.

Один из самых близких аналогов парижскому образу тоже хранится на Синае – это икона-складень конца XIII в. (*Weitzmann*, 1982. P. 227; *Синай...*, 2000. С. 44, 45. Рис. 8). Слева мы видим изображенным св. воина Прокопия, а на правой створке, размером 50,6×39,7 см представлена Богородица Киккотисса, образ которой весьма близок нашей иконе. Однако, в отличие от остальных известных списков, ноги полувозлезающего Младенца покрыты шитым хитонем. Свиток на иконе отсутствует. Поверх мафория Богородицы накинута драгоценный плат, шитый золотом и жемчугом, который смягчает строгий византийский стиль итальянским изяществом. *L. Hadermann-Misguisch* доказала, что в образ Богородицы Киккотиссы подобный плат был заимствован с изображений итальянских Мадонн XII в. (*Hadermann-Misguisch*, 1991. P. 197–204. Pls. 101–107).

Несмотря на то, что существует несколько икон, на которых глава Богородицы покрыта лишь мафорием, большинство списков сохраняют именно эту черту – в ряде случаев вполне возможно, что плат был дописан позднее. Отсутствие плата на публикуемой ныне стеатитовой иконе не кажется мне достаточным основанием, дабы отклонить родство этого образа с кипрским прообразом. Это можно объяснить как незначительными размерами изображения, так и степенью опытности мастера. Параллельное существование обоих Богородичных изводов наводит на мысль, что вариант без плата есть изначальное изображение Божией Матери, тогда как второй вариант, оказавшийся «принаряженным», воспроизводит конкретную икону Богородицы, почитаемую в монастыре.

Так же возможно предположить, что широкое распространение почитания позднего образа с платом было вызвано тем, что лик этой почитаемой иконы в монастыре до сих пор завешивается роскошно вышитой пеленой, которую и символизировал иконописный плат. Эта характерная черта извода впоследствии была заимствована и другими кипрскими иконам Богородицы, где Богородицу стали изображать накрытой платом Киккотиссы. Среди этих подражательных икон можно назвать и синайскую Галактотрофуссу (*Mouriki*, 1994. Fig. 30). Этим не ограничивалось влияние чтимого образа на иконографию: другие кипрские иконописцы охотно копировали характерную позу киккского Младенца.

В 1576 г. кипрскому мастеру, Иоанну Тумазосу, монастырским начальством был заказан серебряный оклад. Он закрыл собой нижнюю часть иконы, оставляя для созерцания ее лик. К тому же для

верхней части он и не требовался, поскольку та была закрыта пеленою. Очевидно, этот оклад, полностью соответствующий второму, поясному, типу иконы Божией Матери Киккотиссы, и описывает В. Григорович-Барский (Интернет-публикация – <http://www.kykkos-museum.cy.fig.20>). Однако, согласно устному сообщению L. Hadermann-Misguisch, подлинная икона по своим размерам значительно меньше оклада. Это позволяет предположить, что закрывающееся оконце, проделанное «на персеях» иконы, оказывается на месте десницы Богоматери, к которой и прикладывались многочисленные паломники.

Известно, что со временем слава монастыря и его благополучие возросли. Ряд фактов это подтверждает: в 1672 г. статус монастыря как ставропигиального был подтвержден, в 1751 г. в Венеции был напечатан *Diegesis* 1422 г.; с 1749 г. стали присылаться ежегодные пожертвования из России, и монастырь стал владеть землями на Волыни (*Hackett*, 1901. P. 338), которые становятся местом особого почитания Киккотиссы (*Попова*, 1998. С. 32–41). В 1756 г. освящается новый оклад для монастырской иконы, который тоже был заказан мастеру Иоанну Курмаросу. В монастырь жертвуются богатые дары, в том числе и из России, так, в музее обители хранится роскошный оклад Евангелия 1802 г. (Интернет-публикация – <http://www.kykkos-museum.cy.fig.22>).

В 1668 г. Симон Ушаков пишет большую икону Кикской Божьей Матери «Милующая» в обновленный храм свт. Григория Неокессарийского, в Москве. По своим размерам (130×76 см) икона могла занять место справа от царских врат, что и объясняло перемещение Младенца на левую сторону иконного поля. Но это было единственным новшеством. Иконописный извод в целом был со-

блюден, хотя и не без характерного для эпохи светского духа и колорита: розовый плат сливается на иконе с охровым мафорием, при этом и тот и другой имеют серо-голубую подкладку. Греческая надпись вязью гласит <MP ΘΥ Ελεοуса Κικκιωτισσα> (*Брюсова*, 1984. Рис. 16). Ни избранный образ, ни писавший его автор, ни выбранное время не кажутся случайными. Почитаемая греческая икона, художник – глава кремлевских иконописцев, годы, когда по велению патриарха Никона исправление русских богослужебных книг велось по греческим образцам с приведшим к расколу рвением. На этой «греческой» волне новый образ Богоматери вполне мог войти в русскую иконопись – это был своего рода культурный и политический акт, проявления которого была как икона Симона Ушакова, так и наша стеатитовая греческая иконка, получившая новую жизнь под новым русским окладом. В XVII в., как и в XIII в., резная стеатитовая пластика становится одним из существенных звеньев, связывающих средиземноморскую и русскую культуры (*Мусин, Петров*, 2006. С. 10–13)¹.

* * *

Автор благодарит владелицу святыни за предоставленную возможность познакомиться с образом и опубликовать его. При этом автор, «античник» по образованию, пользовалась добрыми советами Ю. А. Пятницкого в Государственном Эрмитаже и Г. С. Асланова в Париже. Им, а также Catherine Orliac (CNRS), которая определила породу дерева, послужившего материалом для изготовления дощечки для нашей иконы, автор выражает свою глубокую признательность.

¹ Смотри статью А. Е. Мусина «Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) городище 2005 г.: вопросы интерпретации» и Н. В. Хвоцинской «Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси» в настоящем сборнике – *Ред.*

СУВЕНИРЫ АУСТРВЕГ

Тамара А. Пушкина

Государственный университет. Москва. Россия

SOUVENIRS FROM AUSTRVEGR

Tamara A. Pushkina

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *A unique gilded pendant has been found at the settlement of Gnezdovo. This object was actually an oriental coin of 711–728 minted in Tabaristan. A number of pentagonal silver platelets were soldered onto the coin resulting in a lotus flower. The pendant is compared here with a wide circle of parallels from Rus, Volga Bulgaria and Hungary. The shape of the platelets which once served as belt mounts, as well as the ornamentation of the latter are typical for the Saltovo-Mayatskaya culture. However, the Scandinavians often made women's pendants from such mounts; similar objects were found in particular at the cemetery of Birka and in Vðsterutland. These ornaments are dated to the first half of the 10th century. The appearance of such fairly rare objects in the North hardly may be considered as a result of some trade operations. Quite a series of objects of a similar fate, including cornelian seals and gems, are discussed here. All these finds are assumed to have been peculiar souvenirs brought during the period by the Vikings from their military raids via the lands of the Khazar Khaganate.*

Несмотря на длительную историю полевых исследований, раскопки в Гнездове каждый год приносят новые интересные находки, иногда подталкивающие к попытке увидеть за этими предметами истории людей того времени. Недавно во время раскопок селища в переотложенном культурном слое была найдена подвеска необычной для этого памятника формы.

Украшение состоит из трех маленьких пятиугольных бляшек и восточной монеты. Бляшки, закрепленные на поверхности восточной монеты вплотную друг к другу, образуют фигуру в виде трилистника. Отлитые из серебра бляшки украшены изображением в виде трилистника и процветшего лотоса и несут следы позолоты. Вся композиция превращена в подвеску с помощью ушка, согнутого из узкой серебряной ленты, украшенной 3–4 продольными рельефными валиками. Ушко закреплено при помощи одного из шпеньков верхней бляшки (каждая бляшка имеет на тыльной стороне по три шпенька), пробившего край монеты. Обратную сторону подвески образует аверс серебряной восточной монеты, на котором хорошо видно мужское бородатое лицо, повернутое вправо. Пробившие монету шпеньки и последующая обрезка ее по контуру трилистника испортили

изображение и уничтожили некоторые его детали. Однако монета достаточно уверенно определяется как, чеканенная аббасидским наместником Табаристана в 93–110 г. хиджры (711–728 гг. н. э.) по типу драхм Хосрова II¹. Поверхность бляшек сильно потерта. Сама подвеска, видимо, долго была в употреблении – ушко перетерлось и украшение хозяйкой было потеряно (рис. 1, 1).

Новая находка заметно отличается от основной коллекции ременных бляшек Гнездова (Гнѣздово, согласно дореформенной орфографии. – *Ред.*), не находя в ней аналогий. Отдельные ременные бляшки или их наборы неоднократно находились в Гнездове. Коллекция этих предметов насчитывает сейчас более 900 экземпляров и характеризуется разнообразием форм, орнамента и способов их изготовления (*Eniosova, Murasheva, 1999*). Большинство бляшек является украшением пояса или уздечного набора, некоторая часть бляшек связана с отделкой поясных сумок. Авторы специальных исследований отмечают, что определить назначение ременных бляшек, найденных в трупосожжениях, трудно, так как для пояса и конской уздечки могли использовать одинаковые накладки (*Мальм, 1963. С. 64–69*). В Гнездове ременные бляшки входят в инвентарь более 60 курганов.

¹ Определение монеты произведено кандидатом исторических наук Н. М. Смирновой (ГМИИ им. А. С. Пушкина), за что приношу ей искреннюю благодарность.

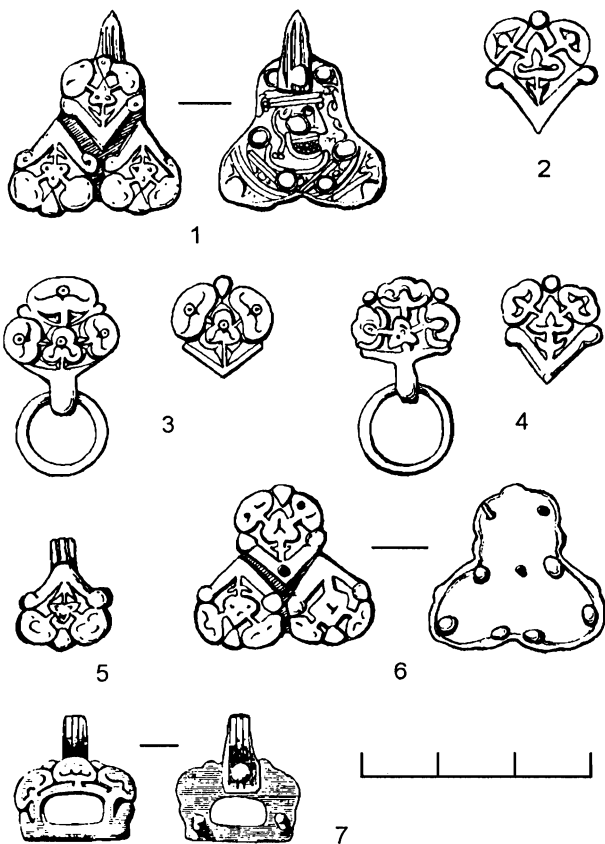

Рис. 1. Ременные бляшки и подвески. 1 – Гнездовское селище; 2, 4 – Лядинский могильник; 3 – Верхне-Салтовский могильник; 5, 7 – могильник Бирки, Швеция; 6 – Вестерётланд, Швеция. Рисунки А. С. Дементьевой

Fig. 1. Belt mounts and pendants: 1 – Gnezdovo; 2, 4 – Lyadinsky necropolis; 3 – Verkhne-Saltovo necropolis; 5, 7 – Birka, Sweden; 6 – Västerötland, Sweden. Drawings by A. S. Dement'eva

Большинство из этих находок является остатками поясных наборов, а в нескольких случаях можно предположить, что они входили в уздечные наборы. Использование ременной бляшки в качестве женского украшения не характерно для Гнездова. Подобные находки отмечены здесь в погребениях только дважды, всего в количестве четырех экземпляров. В обоих случаях они входили в состав ожерелья. К этим находкам можно добавить еще две из разрушенного культурного слоя Центрального городища и две бляшки из клада 1867 г. (Гуцин, 1936. Табл. III, 14). Оба названных погребения относятся к середине – второй половине X в.

Клад был датирован последней третью X в. (Гуцин, 1936. С. 53)².

Почти 90% гнездовских бляшек относятся к так называемому восточному типу, который хорошо известен по находкам из погребений конца IX – XI вв. на территории Древней Руси, Волжской Болгарии и Венгрии. Значительная часть древнерусских находок, вероятно, была изготовлена мастерами ремесленных центров Волжской Болгарии и Среднего Поднепровья, формирование художественных стилей которых происходило под влиянием исламского искусства и художественного ремесла Хазарии. Из обнаруженных в Гнездове ременных бляшек более 70% изготовлено в традициях черниговской и волжско-болгарской школ X в. (Мурашева, 2000. С. 95). В то же время среди ременной гарнитуры из Гнездова до сих пор трудно было назвать бляшки, имеющие прямые аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры или Хазарского каганата – исключением являются упомянутые выше находки с Центрального городища и из клада 1867 г.

Исследование поясной гарнитуры, характерной для населения салтово-маяцкой культуры показало, что в IX в. на территории Хазарского каганата распространился единый стиль художественного оформления и техники исполнения этих предметов. Собственно салтовские изделия этого времени, как правило, выполненные из серебра и зачастую покрытые позолотой, достаточно выразительны. Считается, что их ассортимент был связан с запросами воинской среды, и они могли производиться в мастерских, которые располагались в ставках военных предводителей (Фонякова, 1986. С. 45). Украшенные изображением лотоса, его бутона, нескольких цветков и побегов, поясные накладки наиболее часто встречаются в салтовских древностях, относимых к IX–началу X вв. и находимых на широкой территории от Дагестана до Левобережной Украины (Комар, 1999. С. 130).

Орнамент и форма бляшек, образующих лицевую сторону нашей необычной подвески, характерен для поясных наборов салтово-маяцкой культуры, особенно для памятников ее лесостепного варианта (Фонякова, 1986. С. 37–39, 44). Аналогичные по форме и орнаментации бляшки найдены в погребениях таких классических памятников IX–начала X вв., как Верхне-Салтовский и Дмитриевский могильники (Покровский, 1905. Табл. XXI,

² Новые находки серебряных сканно-зерненных украшений, а также состав денежно-вещевого клада, обнаруженного в Гнездове в 1993 г. и датированного 50-ми гг. X в., который близок по набору серебряных украшений кладу 1867 г., (Лушкина, 1996. С. 186), дают основание предположить, что комплекс 1867 г. может быть датирован третьей четвертью X в.

53; Плетнева, 1989. Рис. 36) (рис. 1, 3), а также в Агачкалинском могильнике IX – X вв. в Дагестане (Смирнов, 1951. С. 117). Находки таких же накладок, отдельных и в наборах, происходят с территории Среднего Поволжья, тесно связанного с Хазарским каганатом – они известны в нескольких погребениях IX в. Лядинского и Больше-Тиганского (VIII–первая половина IX вв.) могильников (Ястребов, 1893. Табл. VI, 5; Халикова, 1976. Рис. 11, 8–9) (рис. 1, 2, 4). Таким образом, по всем признакам нашу находку можно датировать довольно широко: IX–первой половиной X вв.

Дальнейшие поиски прямых аналогий гнездовской находке уводят нас далеко на север от лесостепных памятников. Отдельные поясные бляшки «восточного типа» появились на территории юго-западной Финляндии и Средней Швеции в раннем периоде эпохи викингов. К этому времени относятся редкие единичные находки ременных накладок, которые здесь были использованы в качестве нагрудных украшений (Arne, 1914. Fig. 232; Kivikoski, 1973. P. 813, 912; Jansson, 1988. P. 610). Бляшки, характерные для лесостепных памятников Восточной Европы и превращенные в женские украшения, найдены в нескольких провинциях Швеции в погребениях IX–X вв. и в кладах X в. (Jansson, 1986. P. 81–84, 89–90). Превратить поясные накладки в подвески оказалось очень просто. В качестве подвески могли использовать бляшки с отлитой вместе с ними петелькой, к которым в поясных наборах алаано-болгарских племен Восточной Европы прикреплялись дополнительные узкие ремешки. Именно такие бляшки-подвески известны в нескольких финских и шведских могильниках.

Большинство находок поясных бляшек, использованных не по прямому назначению, происходит из могильника Бирки. Здесь в 21 погребении найдены 55 серебряных позолоченных бляшек, украшавших женские ожерелья. Как правило, в ожерелье оказывается только одна бляшка-подвеска (12 погребений); в пяти погребениях оказалось по две бляшки, и в каждом из четырех оставшихся – 3, 6, 11 и 13 бляшек. Часть подвесок – это характерные для степных наборов поясные накладки, отлитые вместе с петелькой (Arbman, 1943. Taf. 95, 2, 3, 4; 96, 8; 96, 17, 18). В нескольких случаях в нагрудное украшение оказались превращены типичные поясные бляшки с длинной узкой прорезью вдоль нижнего края, к рамке которых дополнительно прикреплены пластинчатые петлюшки (Arbman, 1943. Taf. 96, 2a; 96, 3a).

К одним из наиболее ранних относятся превращенные в подвески бляшки из нескольких женских погребений Бирки, совершенных «около 800 года»

(Jansson, 1978. P. 398). Примерно треть подобных находок из Бирки – это поясные бляшки, украшенные характерным для салтовского прикладного искусства изображением трилистника или лотоса. Время изготовления большинства бляшек, вошедших в состав нагрудных украшений жительниц Бирки, на основании восточноевропейских аналогий может быть определено как первая половина X в., но в целом не позднее 40-х гг. этого столетия. Примечательно, что погребения с бляшками-подвесками не содержат монет младше 925 г. Отдельно прикрепленные петельки, превратившиеся поясные накладки в нагрудные женские украшения, очень характерны. Они согнуты из узких серебряных полосок с двумя–тремя рельефными продольными валиками и закреплены с помощью специальной миниатюрной заклепки или одного из шпеньков бляшки, расположенного на обратной ее стороне (Arbman, 1943. Taf. 95, 2; 96, 1, 2; 96, 3a, 7, 12) (рис. 1, 5, 7).

Подвески с ушками из серебряной узкой рубчатой пластины довольно характерны для Скандинавии и известны по материалам многих погребений и кладов – это щитообразные и крестовидные подвески, кресаловидные амулеты, монеты, превращенные в украшения. В знаменитом кладе из Ворбю, датируемом серединой X в. (после 937 г.), с помощью таких же рубчатых полосок в подвески было превращено и несколько восточных поясных бляшек сердцевидной и удлинненной формы (From Viking..., 1992. Fig. 6).

В свое время Т. Арне предположил, что поясные накладки так называемого восточного типа, и, в первую очередь, украшенные стилизованным изображением лотоса, имели хазарское происхождение, и проникли на территорию Скандинавии по Волжскому пути (Arne, 1914. P. 93, 96). По мнению И. Янссона, основная масса восточных поясных накладок, датированных X в., может происходить из стран Халифата, Хазарии, Волжской Болгарии или южных и юго-восточных районов Руси, для населения которых поясные наборы являлись обычной частью воинского снаряжения. Обратим внимание на происхождение и время наибольшего распространения поясной гарнитуры, происходящей из раскопок таких известных могильников, как Киевский, Гнездовский и Тимеревский. По наблюдениям В. В. Мурашевой, для этих некрополей, особенно для Тимеревского, характерно присутствие накладок, выполненных в традициях волжско-болгарских ремесленных центров второй половины X в. Мода же на наборные пояса в среде древнерусских дружинников распространяется, судя по всему, не ранее середины X в. (Мурашева,

2000. С. 84, 93. Табл. на стр. 95). Примечательно, что среди бляшек, составляющих эти пояса, нет экземпляров, украшенных в традициях скандинавского прикладного искусства.

Вслед за Т. Арне И. Янссон отмечает, что благодаря тесным связям между Русью и Скандинавией в течение среднего периода эпохи викингов (то есть в конце IX–второй половине X вв.) скандинавы усвоили восточную моду в одежде, включающую характерный поясной набор (*Jansson, 1987. P. 799*). Что понимается в данном случае под «тесными связями», и каким образом скандинавы получали возможность непосредственно познакомиться с элементами восточной культуры?

Как известно, скандинавы появились на Севере Руси в середине VIII в., а в IX в. их присутствие в Поволховье достаточно хорошо подтверждается материалами Старой Ладogi и Рюрикова городища и отдельными выразительными находками этого времени в районе Верхней Волги. Для X в. отмечается более широкое распространение скандинавских древностей, свидетельствующих о пребывании скандинавских дружинников, ремесленников и других категорий пришедшего с Севера населения на территории Древней Руси: многочисленные находки происходят с территории Верхнего и Среднего Поднепровья, районов Чудского озера, Приладожья, Волго-Окского междуречья (*Pushkina, 1997. P. 83–91*). Совершенно очевидно, что скандинавы входили во все социальные группы древнерусского общества (*Stalsberg, 1988. P. 466–467; Jansson, 1997. P. 9–63*). Больше всего возможностей познакомиться с восточным миром было у дружинников, значительную часть которых составляли выходцы из Скандинавии, известные арабским авторам под именем русов.

Судя по сообщениям арабских авторов IX–X вв., русы участвовали в военных кампаниях на стороне Хазарского каганата в период от второй половины IX по середину X вв. (*Минорский, 1963. С. 150*). Известно о нескольких так называемых каспийских походах русов. Первый из них, по сообщению табаристанского историка Ибн Исфандейра, которое подвергается сомнению (*Новосельцев, 1990. С. 243*), состоялся между 864 и 884 гг., когда русы прошли вдоль побережья Южного Прикаспия. В начале X в. русы предпринимают еще один или два похода – по этому поводу существуют некоторые разногласия среди исследователей.

Учитывая события, происходившие на Востоке Кавказа между 909 и 912 гг. (борьба хазар с мусульманскими государствами Закавказья), А. П. Новосельцев предположил, что был только один

поход русов, состоявшийся между 909 и 914 гг., который он был склонен связывать с выполнением Русью условий договора (или договоров), подписанного Олегом с Византией. Империя, как известно, имела враждебные отношения с арабскими правителями, расширявшими свое влияние на Кавказе. Эта тенденция беспокоила и Хазарию (*Новосельцев, 1990. С. 213*). Эту мысль поддержала И. Г. Коновалова, предположившая, что в 909 или 910 гг. русы были направлены из Киева для выполнения одного из пунктов договора с Византией или, что звучит достаточно интересно, это была личная инициатива норманнов, которым нечем было заняться после византийского похода (*Коновалова, 1999. С. 115*). Русам надо было как-то добраться из Поднепровья на Каспийское побережье, и путь их лежал через территорию салтовомаяцкой культуры и земли Хазарского каганата.

Как сообщал ал-Масуди, «...когда суда русов дошли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем [прося разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку и таким образом достигь Хазарского моря... с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив... [дошли до города Атиль] и пройдя мимо достигли устья, где река впадает в Хазарское море. Суда русов разбредлись по морю и свершили нападение на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтяную область (Апшерон) и на земли, лежащие по направлению к Азербайджану. ...Они рассылали отряды, которые грабили и жгли... Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними» (*Минорский, 1963. С. 199–200*). Можно только догадываться, что еще кроме арабского монетного серебра составило военную добычу возвращавшихся из похода русов.

Далее события развивались довольно драматично. Мусульмане Итиля и мусульмане, состоявшие в войске хазарского правителя, возмущенные действиями русов, разоривших поселения их единоверцев в Прикаспии, с молчаливого согласия кагана, (который вроде бы даже пытался предупредить русов), собрали войско и «спустились вниз по реке, ища встречи с ними (русами). Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда... Битва длилась 3 дня. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслись из них около 5000, которые на своих судах пошли к той стороне,

что ведет к стране Буртас (то есть к правому, западному берегу Волги. – *Т. II.*). Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами, другие попали к булгарам-мусульманам, которые также поубивали их. Всего убито было около 30 000» (*Минорский*, 1963. С. 200). Надо думать, что количество погибших русов сильно преувеличено арабским автором. Во всяком случае, какая-то часть уцелевших в этой битве русов, видимо, двинулась по домам. Куда? А. П. Новосельцев обратил внимание на следующие моменты в этой истории: во-первых, после разгрома под Итилем русы двигались по суше; во-вторых, они столкнулись с болгарами. Исследователь предположил, что оставшиеся в живых русы могли разделиться на два отряда: один двинулся на север вверх по Волге, чтобы пройти во «Внешнюю Русь», а другой – через хазарские владения на запад, в сторону Киева (*Новосельцев*, 1990. С. 244). Не думаю, что при этом русы обходили стороной поселения салтово-маяцкой культуры.

Определить характер происхождения предметов, необычных или чуждых для данной местной культуры, особенно, если они единичны, довольно трудно. Обычно их считают импортом и рассматривают как доказательство осуществления дальних торговых связей. Но такое объяснение приемлемо, на мой взгляд, по отношению к изделиям, представленным заметным количеством находок. Исключительная редкость описанных здесь находок позволяет предполагать какие-то исключительные причины, объясняющие их появление вдали от мест изготовления и правильного использования – они могли оказаться дарами, сувенирами или трофеями³. Рискну обратить внимание на своеобразную географию распространения некоторых редких для лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии конца IX–X вв. археологических находок, в том числе и бляшек хазарского происхождения.

Среди материалов древнерусских некрополей X–начала XI вв. практически нет поясных наборов, украшенных характерными серебряными салтовскими или хазарскими бляшками VIII–первой половины X в., но отмечены отдельные случаи превращения их в подвеску к ожерелью. Так, в киевском погребении № 124, совершенном не ранее середины X в., находилась серебряная бляшка удлиненной формы, снабженная ушком для подве-

шивания (*Каргер*, 1958. С. 210. Табл. XXVIII). В погребении № 459 Тимеревского могильника, которое датировано авторами раскопок концом X–началом XI вв., в составе ожерелья обнаружена трансформированная в подвеску полукруглая серебряная бляшка (*Фехнер, Недошивина*, 1987. С. 81. Рис. 7). Погребение первой половины X в. кургана № 1 Михайловского могильника содержало две круглых восточных бляшки, одна из которых превращена в украшение (*Мурашева*, 1999. С. 31. Рис. 11, 1). Видимо, это были отдельные, случайно попавшие в эти места, предметы. Кстати, в Михайловском погребении был найден и богато украшенный бляшками со скандинавским орнаментом уздечный набор (*Мурашева*, 1999. С. 26–29). Во всех этих случаях бляшки были превращены в украшения с помощью прикрепления стандартного ушка из рубчатой пластинки, что обычно для скандинавской ремесленной традиции и в предшествующий период, но не характерно для местной культуры.

Находки некоторых предметов, вырезанных из полудрагоценных камней, для территории Европы вообще являются уникальными. Так при раскопках Гнездовского селища была найдена сердоликовая прикладная печать – «ложный перстень», относящаяся к широко распространенным в VI–VII вв. в Закавказье и Южном Прикаспии геммам (*Вешнякова*, 1995. С. 68. Рис. 1) (рис. 2, 1). Подобная гемма того же времени найдена в одном из погребений периода викингов в Уппланде (Средняя Швеция), где она была использована в качестве бусины в составе ожерелья (sic! – *Т. II.*) (*Jansson*, 1988. P. 587. Abb. 11) (рис. 2, 2). Так же с территории Средней Швеции происходят три сердоликовых амулета в виде жука-скарабея, ближайшая аналогия которым известна среди материалов хазарского Агачкалинского могильника IX–X вв. (рис. 2, 3, 4). Два из них найдены на поселении Бирки, один – в погребении могильника Чепинг (*Jansson*, 1988. P. 588. Abb. 12). Интересно, что аналогичный амулет, исполненный более небрежно, был обнаружен в Старой Ладогге, но, к сожалению, вне археологического контекста (*Давидан*, 1988. С. 110–111. Рис. 1, 1).

Достаточно выразительными в этой связи, на мой взгляд, являются еще несколько находок. К ним относится бронзовая курильница с арабской надписью, лампа и несколько фрагментов бронзового светильника, вероятно, изготовлен-

³ О неразвитости торговли в IX–X вв., ограниченности и нерегулярности торговых связей Древней Руси в это время писал более 20 лет назад В. П. Даркевич, отметив, что отдельные вещи могут попасть на данную территории в качестве даров и даже трофеев (*Даркевич*, 1974).

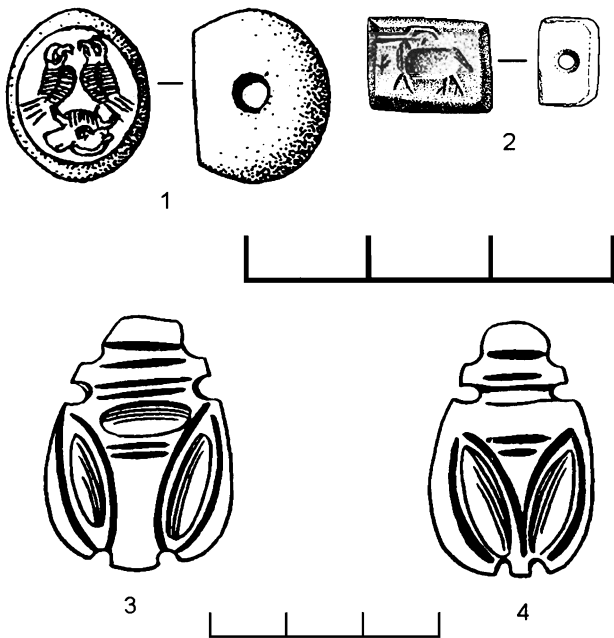

Рис. 2. Геммы и амулеты: 1 – Гнездовское селище; 2 – Уппланд, Швеция; 3 – поселение Бирка; 4 – Вестманланд, Швеция (Веинякова, 1995; Давидан, 1988)

Fig. 2. Gems and amulets: 1 – Gnezdovo settlement-site; 2 – Uppland, Sweden; 3 – the settlement of Birka; 4 – Västmanland, Sweden

ные в Ираке в IX в. и найденные в Западной Швеции (Jansson, 1988. P. 621–622. Abb. 31 A). Небольшая индийская бронзовая статуэтка VI в., изображающая Будду, происходит из Хельго (Jansson, 1988. P. 629. Abb. 34).

В одном из гнездовских курганов, раскопанном в 1874 г., был найден бронзовый светильник в виде женской головки. Форма и детали оформления этой оригинальной лампы указывают на ее вероятное персидское или хорасанское происхождение (Даркевич, 1976. С. 52; Сизов, 1902. С. 60–61. Табл. VIII, 4).

Г. С. Лебедев отметил четыре волны поступления восточного серебра на территорию Скандинавии в течение периода викингов, связав с ними появление восточных монет в инвентаре могильника Бирки. Эта динамика выпадения восточного серебра в общих чертах согласуется с наблюдениями нумизматов, но только объясняется ими по-иному. Три волны поступления арабских монет в Бирку из четырех Лебедев объяснял удачным возвращением викингов из восточных походов, в том числе и в Южный Прикаспий (Лебедев, 1985. С. 252–255). Понимая всю спорность такого заключения, думаю, что оно не является абсолютно

неверным. Вероятно, наиболее удачливые из участников военных походов везли с собой не только арабское монетное серебро.

Среди описанной выше небольшой группы украшений, входивших в состав ожерелий в Бирке, для нас особенно интересна одна находка – бляшка-подвеска из погребения № 184, относящегося к раннему периоду Бирки, который датируется в пределах IX–начала X вв. (Arbman, 1943. Taf. 96, 9) (рис. 1, 5). Эта серебряная позолоченная бляшка удивительно похожа на каждую из трех, образующих лицевую сторону гнездовской находки, и превращена в подвеску с помощью такого же ушка. Подвеска из Бирки некоторым образом связывает гнездовскую подвеску с находкой из Вестеретланда, опубликованной Т. Арне (Arne, 1914. P. 120. Fig. 114). Последняя состоит из трех точно таких же серебряных позолоченных маленьких бляшек пятиугольной формы, образующих аналогичную трилистную композицию. Ее отличают от гнездовской находки только две небольшие детали: закрепление бляшек не на монете, а на гладкой (?) пластине, тоже серебряной, и отсутствие ушка (рис. 1, 6).

Более 1000 лет назад оригинальная подвеска, найденная нами в Гнездове, сыграла роль своеобразного памятного медальона. Несомненно, что три серебряные поясные бляшки превратились в изящное украшение в Гнездове, и сделал это человек, который не представлял себе подвеску иначе, как только с рубчатым ушком. Некто очень остроумно и деликатно скрыл изображение бородастого мужчины, украшавшее аверс монеты – он расположил выразительный портрет на обратной стороне подвески, невидимой для посторонних глаз. Зато все могли заметить и любоваться ее оригинально декорированной лицевой стороной и изображением экзотических бутонов лотоса. Как уже говорилось, подвеску носили долго, в конце концов ушко перетерлось и дорогой подарок был потерян.

Другие четыре аналогичных бляшки, пока еще как фрагменты или детали наборного пояса, путешествовали далеко на север от этих мест. Одна из них превратилась в подвеску и в конечном итоге украсила последнее ожерелье одной из жительниц Бирки (погребение № 184). Три оставшиеся серебряные бляшки оказались в Вестеретланде. Какой-то умелец попытался превратить их в украшение, похожее на гнездовское, однако попытка почему-то оказалась незавершенной.

Удивительны внешнее сходство этих находок и близость контекста. Судя по стилю и манере исполнения, эти бляшки вышли из хазарских мас-

терских или мастерской не позже начала X в. Вид этих бляшек несколько необычен не только для Скандинавии, но и для Руси. Русь и степи Восточной Европы лежат далеко на Восток от Скандинавии, и никому не дано было знать, где и как

закончится его путешествие – все три украшения оказались (как и сердоликовые амулеты, сасанидские геммы или бронзовые лампы) своеобразными сувенирами участников военных походов, благополучно вернувшихся домой.

КАРЕЛЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Александр И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Россия

THE KARELIANS IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL TRADE IN THE EASTERN BALTIC REGION DURING THE MIDDLE AGES

Alexander I. Saksa

Institute for the History of Material Culture. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *This paper discusses the reasons of the active participation of the Karelian ethno-political formations in the process of the trans-European trade and some features of that process. Establishing of those trade connections goes back to the turn of the 1st and 2nd millennia AD. Afterwards they influenced considerably the development of the Karelian ethnos and culture. The most important direction of the trade was the northern one concerned with furs, the trading area comprising the land of the Lopars (Saami), the coasts of the Gulf of Bothnia and Norway. This allowed the Karelian communities to get access to the European market and obtain weapons and jewellery in exchange for furs. Among the finds there are also hoards of coins and various goods as well as single objects and pottery of ancient Russian provenience suggesting the existence of contacts with Rus, mainly with Novgorod. The proposed periodization of the trade is based archaeologically on the appearance of Karelian culture and social structures in the 13th–14th century.*

Карелы заслуженно еще в XIX в. считались торговым народом. Они и в более древние времена совершали продолжительные торговые поездки. Археологический материал и средневековые письменные источники целиком это подтверждают. Торговля и культурные связи с соседними территориями и народами существенным образом повлияли на формирование карельской культуры и на само существование карельского средневекового общества. Это стало возможным по ряду причин природного и географического характера, что нами ранее неоднократно подчеркивалось, как-то: выгодное в геополитическом плане положение, удобные водные пути, плодородные земли, возможности пушной охоты, наличие в реках и озерах ценных пород рыб и мест их нереста и другое. Карельский перешеек, начиная с каменного века, был областью взаимодействия различных культур. Позднее, уже в историческое время, территория Карельского перешейка стала пограничной и превратилась в предмет спора между Швецией и Новгородом до и даже после подписания Ореховского мира 1323 г., разделившего Карельскую землю на две части, новгородскую и шведскую.

В рассматриваемое нами время (последняя четверть I–первая половина II тыс. н. э.) с юга от карелы проживали словенз, ижора и приладож-

ская лопь. Эпизодически здесь появлялись скандинавы. С западной и северо-западной стороны существовали финские племена сумь и емь, с юго-востока – древние вепсы, а «за морем», на другом берегу Финского залива – эстонские, ижорские и водские племена. На севере находились обширные населенные лопарями области, к которым вели прямые водные пути (рис. 1). Эти пути хорошо известны по скандинавским источникам, в которых упоминаются и древние карелы и их земля «Кирия-лаланд».

В то время, когда карелы как этническая общность и их собственная «национальная» культура только формировались (VIII–XI вв.), эти области были зоной активной деятельности, в которой участвовали как внешние народы, как-то скандинавы, русь и западные финны (сумь), так и местные племена. Последние, проживавшие на путях международной торговли по Неве и Волхову, были в эпоху викингов вовлечены в эту деятельность, в первую очередь, как поставщики шкурок ценных животных и других промысловых товаров. Возникли международные торгово-ремесленные поселения (Старая Ладога и другие) и, в какой-то степени, подобные им центры «на местах» (Сясьское городище в Юго-Восточном Приладожье и городище Хямеенлинна в Северо-Западном Приладо-

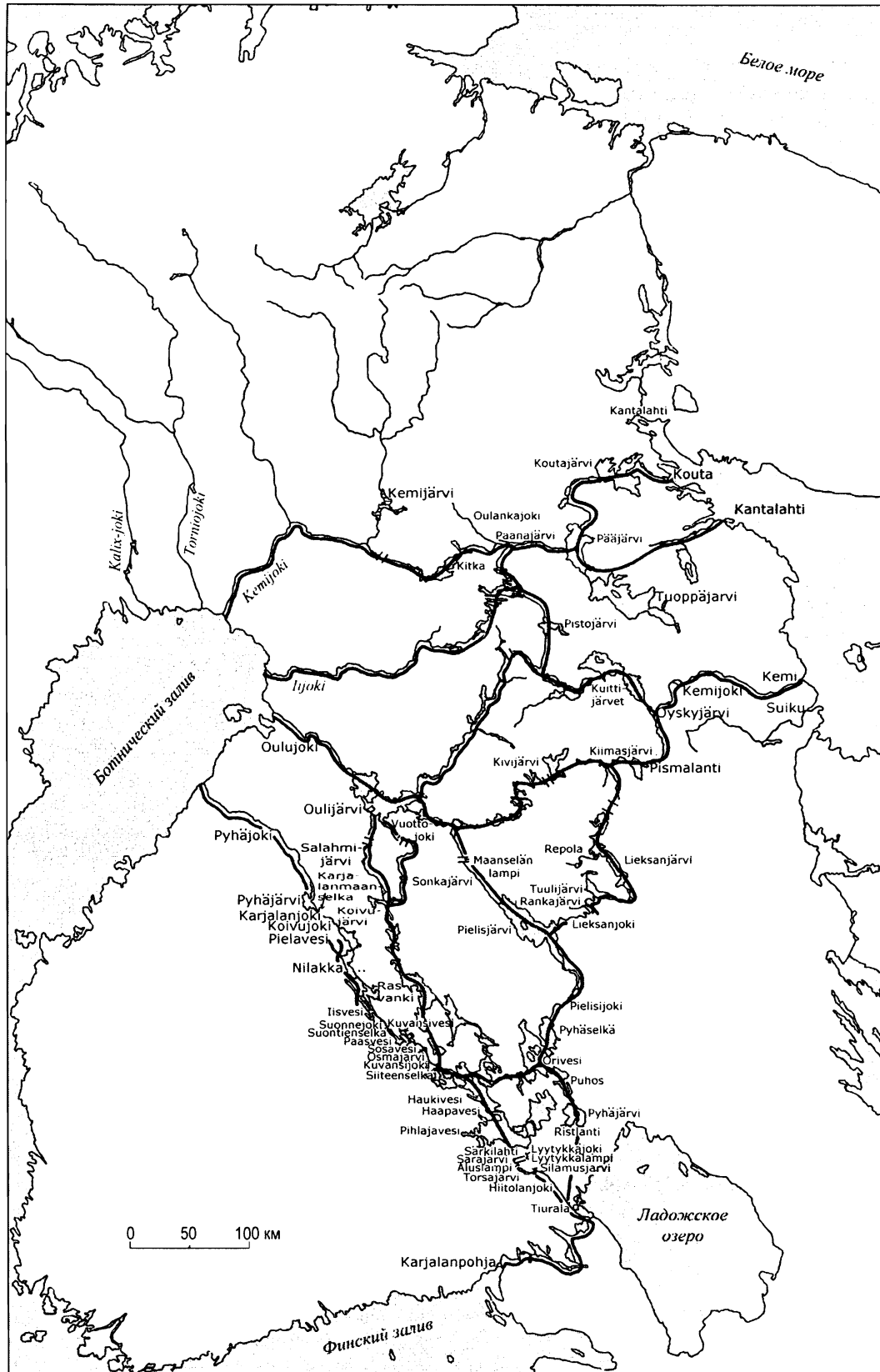

Рис. 1. Водные пути, ведущие из древней Карелии на Север (Julku, 1987. Кув. 15)

Fig. 1. Water routes from ancient Karelia to the North

же). Эта активная международная деятельность радикальным образом повлияла на социально-экономическое развитие прибалтийско-финских племен Приладожья. Возник целый социальный слой из непосредственно участвующих в международной торговле, посещающих центральные торговоремесленные поселения и поднявшихся на более высокий уровень отдельных представителей племен. В преимущественном положении оказалось население Юго-Восточного Приладожья (приладожская чуждь) и древние карелы на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье с проходящими по их территориям водными путями и находящимися здесь промысловыми угодьями. Следствием стало появление ценных украшений и предметов вооружения (все иноземного производства) в погребениях, восточного серебра в кладах и могилах.

С окончанием эпохи викингов и прекращением функционирования Восточного пути и связанной с ним международной торговли культура «курганного» населения Юго-Восточного Приладожья затухает, в то время, как у населения Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья «начинаются новые времена». Географическое положение с прямым выходом в Финский залив и далее в Балтийское море оказалось вкупе с такими факторами, как плодородные земли и другие природные ресурсы, решающим в начинавшемся расцвете древней Карелии.

Карелы на севере Финляндии. Важнейшим и традиционным направлением торгово-экономической деятельности карел было северное. О деятельности карел на Севере уже в эпоху викингов существуют свидетельства древнескандинавских источников (Бубрих, 1947. С. 17, 31; 1971. С. 17; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 99–132). Древнейшее упоминание о карелах (1170 г.) имеется в географической части написанной на латинском языке «Истории Норвегии» (*Historia Norvegiae*, 1880. Р. 74–75). В ней рассказывается о проживающих на юго-восток от Норвегии языческих племенах карел, квеннов, рогатых лапландцев и об обитателях обеих Биармий (*Julku*, 1986. Р. 81–86). В саге об Олаве Святом (начало XIII в.) в рассказе о поездке ярла Свейна под 1015 г. упоминается находящийся на востоке Кирьялаланд, откуда можно было попасть в Древнюю Русь. Кирьяланд упоминается также в сборнике саг «Красивая кожа» (около 1220 г.), в котором рассказывается о норвежских королях до 1177 г. включительно (*Fagrskinna*, 1902–1903. Р. 154). В известной саге Эгиля Скаллаграмссона рассказывается, в частности,

о столкновении квенского конунга Фаравида и предводителя норвежцев Торольфа Квелдунсона с карелами, которое произошло, когда квены совместно с норвежцами прошли через Финмаркен в землю карел (Карьялаланд), где и победили карел в сражении. Несколько позднее произошел еще один совместный с норвежцами зимний поход квеннов на карел (*Egils saga*, 1809. Р. 56–59, 68, 69; *Julku*, 1986. Р. 72–78). Написанная около 1200–1230-х гг., сага рассказывает о событиях конца IX–X вв. Походы Торольва в Финмаркен, Квенланд и Кирьяланд относят к 880-м гг. (*Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон*, 1990. С. 107–112). С другой стороны, речь может идти о переносе в саге более поздних событий во времена Харальда Прекрасноволосого (*Рыдзевская*, 1934. С. 512–513; *Antoni*, 1948. Р. 1–12; *Häme*, 1979. Р. 75–77; *Gallen*, 1984. Р. 252–253; *Julku*, 1986. Р. 76–77; *Пелля*, 1988. С. 81–85). Перечисленные выше сведения сопряжены с рядом исследовательских проблем. Все, занимающиеся рассмотрением саг исследователи, исходят из того, что упомянутые в источниках в связи с их пребыванием в Финмаркене и проживающие рядом с квенами и финнами (читай лопарями) карелы (*kirjalat*, *kirjalat*) пришли к устью Ботнического залива и в Финмаркен с Ладоги – места своего постоянного проживания. Считается очевидным, что древние карелы были единой этнической группой. Проблема же состоит в том, что на предполагаемой исходной территории карел собственно карельский археологический материал ранее XII в. не известен.

На наш взгляд, проблему можно попытаться разрешить другим способом, а именно используя сам этноним кирьялар (*kirjalat*). Что он мог значить для скандинавов в эпоху викингов и ранее средневековья? Нет сомнений, что Кирьялаланд была заметной и важной частью известной в то время скандинавам территории между Скандинавией и Древней Русью. Она располагалась рядом с Квенландом, Биармией и Финляндом. Туда можно было попасть морем (ярл Свейн) и по земле (Фаравид и норвежцы). Обращает на себя внимание повторяющееся в источниках известие, что карел застигали «на горе». В этой связи следует вспомнить толкование Бубрихом этнонима «кирьялар» как производное от балтийского слова «гирья, гарья» – гора, лес (Бубрих, 1947. С. 17, 31; 1971. С. 17). Карелы, следовательно, жили на горах. Наличие гор на Севере, на которых зажигались сигнальные костры, документируется сведениями в «Истории народов северных стран» Олауса Магнуса (*Olaus Magnus*, 1973. Р. 62–63). Или в

данном случае речь идет о карельских городищах на возвышенностях Линнауори? В этом случае за Кирьялаланд в узком смысле этого значения можно принять северо-западное побережье Ладожского озера, что согласуется с картой водных путей, ведущих из Северо-Западного Приладожья на север к Ботническому заливу и Белому морю (рис. 1). Другой вопрос – в какой степени здесь можно говорить о этнически «чистых» карелах. Возможно предположить, что на раннем этапе освоения северных территорий в этом процессе наряду с карелами участвовали и бывшие за пределами этого этноса люди. Речь могла идти о направленных из конкретных мест торговых поездках и сборе дани с лопарей в Финмаркене. Нет достаточных оснований полагать, что уже в это время у древних карел могла быть значительная группа среди постоянно проживающего на Севере населения (см. напр.: *Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон*, 1990. С. 102). Учитывая формы деятельности на этой территории норвежцев и кульфингов (*kulfingar*), и у карел для успешной торговой деятельности и сбора дани среди местного населения должны были быть хорошо снаряженные вооруженные отряды. Отдельной проблемой было сохранение собранных шкур. Это можно было осуществлять лишь на хорошо защищенных труднодоступных возвышенностях. В этом смысле заслуживает внимания упоминание Саги об Эгиле о том, что после победы над норвежцами и квенами карелы в качестве трофеев получили большое количество различных ценных мехов: горноста, бобра, соболя, куницы и других (*Egils saga*, 1809. Р. 56–59, 68–71; *Julku*, 1986. Р. 72–76; *Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон*, 1990. С. 107–112).

Освоение богатств Севера и его заселение могли происходить по той же модели, что и в самой Карелии в IX–X вв. (*Сакса*, 1989. С. 94–97; 1998. С. 20–25; 2001. С. 95–112; *Saksa*, 1998. Р. 203). На первом этапе в этом процессе участвовали прибывшие извне активные элементы, деятельность которых ограничивалась наиболее выгодными формами, а именно сбором дани и меновой торговлей с местным населением (рис. 2). Часть местного охотничьего населения оказывалась вовлеченной в эту деятельность. Затем возникают опорные пункты и очаги постоянных поселений. Часть принадлежащих пришельцам предметов – предметов вооружения, охоты и украшений – переходит в руки местного населения, после чего их и без того нечеткий этнический фон археологически практически не выявляется.

Карельская торговля пушниной и европейские рынки. Итак, карелы участвовали в качестве важных посредников в европейской пушной торговле еще во время до рождения собственно карельской культуры во второй половине XII–XIII вв. Также и территория Древней Карелии была уже известна как заселенная карелами область. На пушнину приобретались мечи, наконечники копий, топоры и украшения. Они были либо западноевропейские (оружие), либо скандинавские, западно-финские или общепалтийские (украшения). Из последних наиболее популярными были массивные ладьевидные бронзовые браслеты (*Nordman*, 1924. Р. 119–121. Fig. 97–100; *Kivikoski*, 1937. Р. 238–240; 1973. Р. 101–102. Abb. 736, 740). Во второй половине эпохи викингов увеличивается количество общепалтийских и западно-финских украшений среди археологических находок – общераспространенными становятся различные подковообразные фибулы, шейные гривны и равноплечные фибулы (*Kivikoski*, 1973. Р. 93–97, 99–100. Abb. 679, 690, 692, 696, 704, 705, 727, 728).

О торговле карел на европейских рынках, и, в частности, на новгородском направлении говорят монетные и вещевые клады XII в. По своему составу карельские монетные клады близки древнерусским. Это подтверждает, что Карелия была частью монетного обращения, характерного для Древней Руси. Монетное серебро поступало в Приладожскую Карелию с юга через Старую Ладогу и Новгород (*Nordman*, 1921. Р. 91–92; *Потин*, 1968. С. 16, 140–141, 149, 167; *Talvio*, 1979. Р. 17–18; 1980: 174; *Kirkinen*, 1994. Р. 30–35). С другой стороны, о связях с Западом свидетельствует материал клада из Хейнйоки–Ристсеппяля, содержащий исключительно европейские монеты, большей частью фризские (*Nordman*, 1942. Р. 288–293; *Talvio*, 1979. Р. 13–14, 16).

Расположенные на севере территории Внутренней и Северной Финляндии входили в зону стратегических интересов карел и в эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.). Их активность в Финмаркене в XIII–XIV вв. подтверждается уже разнообразными письменными источниками, в том числе договорами и переговорами между Новгородом и Норвегией об обложении данью лопарей на спорных территориях. Необходимость проведения переговоров была вызвана взаимными претензиями – жалобами новгородских представителей, обвинявших норвежцев в нападениях на финнов и карел, и утверждениями норвежских посланников о нанесении карелами ущерба финнам и норвежцам (*Kirkinen*, 1963. Р. 83; 1970. Р. 34–35; *Рыдзев-*

Рис. 2. Меновая торговля на Севере. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Fig. 2. Exchange trade in the North. From Olaus Magnus's book *Historia de gentibus septentrionalibus* (*History of the northern peoples*, 1555)

ская, 1970. С. 323–327; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 113–114). Переговоры завершились подписанием мира в 1252 г. (*Antiquites russes*, 1852. Т. II. Р. 493–494). Позднее, в 1326 г., договор был продлен (*Шаскольский*, 1945. С. 38–61; 1970. С. 63–71; Kirkinen, 1970. Р. 34; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 113–116). Сведения о военных походах карел в Северную Норвегию в 1270-е–начале 1300-х гг. содержатся и в исландских источниках (*Islandske Annaler*, 1888; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 116–119). Кирияланд упоминают также древнескандинавские географические сочинения XIII–начала XIV вв. (*Antiquites russes*, 1852. Т. II. Р. 447; Мельникова, 1986. С. 92–101; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 119–122).

Археологические следы пребывания карел обнаруживаются в Шведской Лапландии, где в материале лопарских жертвенных мест среди разнообразных украшений и их обломков найдено много вещей из Ладужской Карелии: овально-выпуклые и подковообразные фибулы, обломок бронзовой рукоятки ножа и др. (*Arne*, 1914. Fig. 59; *Serping*, 1956. Bild. 1).

В Северной Финляндии найдено около 200 отдельных вещей позднего железного века, а также семь монетных, вещевых и монетно-вещевых кладов (*Huurre*, 1983. Р. 327–328, 432; 1986. Р. 129; *Salmo*, 1948. Р. 37–39). Среди случайных находок господствуют подковообразные фибулы (около 30 экз.) всех популярных в X–XIII вв. типов (*Huurre*, 1983. Р. 350–358; 1986. Р. 134–146). Этнически определимыми являются лишь четыре скандинав-

ские скорлупообразные фибулы IX–X вв., четыре карельские овально-выпуклые фибулы и две западно-финские круглые выпуклые фибулы. Две зооморфные подвески и серебряное височное кольцо происходят из древнерусских областей.

Клады серебра представляют большой интерес с точки зрения изучения пушной торговли на Севере. Наиболее типичными для них предметами являются: подковообразные фибулы с плоскими головками и фибулы с тонкой плоской дугой; сплетенные из нескольких дросов шейные гривны; цепочки; плоские, в том числе, топоровидные подвески; круглые тонкие выпуклые фибулы. Такой набор серебряных предметов интересен еще и потому, что подобные изделия встречаются в кладах Эстонии, Карелии и Северо-Запада России. Следовательно, ценность этих предметов хорошо представляли во всех областях вокруг Балтийского моря. Также следует отметить, что вещи найдены только в составе кладов, и место их производства не выявлено. На Севере серебряные украшения были, по-видимому, в основном символами социального статуса. На этой территории, где основным богатством, объектом торговли и средством обмена были шкурки пушных животных и ценные породы рыб (рис. 3; 4), серебряные изделия не могли иметь того же значения, как в земледельческих районах, население которых лучше понимало их материальную ценность (*Сакса*, 1990. С. 83–88; *Saksa*, 1998. Р. 204; см. также *Olaus Magnus*, 1973. Р. 49–50). Наряду с кладами серебра об интенсивности пушной торговли в позднем железном веке и раннем средневековье говорит большое

Рис. 3. Пушная охота на Севере. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Fig. 3. Fur hunting in the North. From Olaus Magnus's book *Historia de gentibus septentrionalibus* (1555 г.)

количество находок наконечников копий, топоров и наконечников стрел, представляющих формы, имевшие большую популярность в Балтийском регионе. Оба найденных в Северной Финляндии меча являются западноевропейскими. Среди этих предметов вряд ли можно выделить привезенные именно карелами потому, что вероятно у карел было такое же снаряжение и набор товаров, как и у остальных участников пушной торговли. Можно предположить, что и формы украшений определялись более вкусами местных женщин, а не этническим происхождением торговца.

На основании анализа находок можно все же сделать вывод, что рассматриваемые северные пушные районы осваивались в эпоху викингов из различных центров. В данном случае важным для нас является констатация того, что эти районы и их ресурсы были важной составной частью европейской экономической системы раннего средневековья. Освоение Севера происходило не в форме обычной колонизации. Оно служило интересам европейской торговли, а в более позднее время – удовлетворению социально-экономических и политических потребностей зародившихся государств и их знати. В эпоху государственности на смену обменной торговли и грабительских походов пришли регулярный сбор налогов и межгосударственные соглашения о разделе территорий. Однако, как отмечают письменные источники, еще в XIII–XIV вв. имели место и грабительские походы.

Свидетельством пребывания карел в бассейнах рек Кемийоки и Торнионйоки являются указы-

вающие на Карелию топонимы (*Vahtola*, 1980. P. 559–560; 1986. P. 82–119). Наиболее известное свидетельство о поездках карел на Север – описание Ноусиа Рюсса пути из Кексгольма (Приозерска) на Ладоге к Ботническому заливу в Улеаборг (Оулу), Эстерботния, сделанное им в 1556 г. для фогта Або (Турку) Симо Туоманпойка, которое он изложил в своем отчете. По маршруту этого пути, в том числе и в Северной Карелии, в настоящее время найдено значительное количество находок вещей позднего железного века (*Lukkarinen*, 1917. P. 1–7; *Könönen, Kirkinen*, 1969. P. 37–41. Kuv. 15).

Карелы постоянно проживали в Эстерботнии, во всяком случае, уже начиная с XIV в., что видно из известия 1345 г. согласно которому епископ Або (Турку) Хемминг крестил проживающих в Торнио карел в католическую веру (*Гадзяцкий*, 1941. С. 174; *Kirkinen*, 1976. P. 29). 1365-м г. датируется известие о том, что «северные карелы» совершали торговые поездки не только в Улвила, Або и Стокгольм, что было им разрешено, но также в Ревель и другие запрещенные места (*Гадзяцкий*, 1941. С. 173). Интересы карел в Эстерботнии были приняты во внимание и при составлении Ореховского мирного договора. Это следует из того, что все четыре упомянутых в его тексте пограничных пункта между Саво и Эстерботнией находятся на водных путях, что должно было, по мнению финского историка Х. Киркинена, гарантировать карелам свободный и удобный путь с Карельского перешейка через внутренние области Финляндии до Эстерботнии (*Kirkinen*, 1976. P. 24–26).

Рис. 4. Ловля лосося на Севере. Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Fig. 4. Fishing of salmon in the North. From Olaus Magnus's book *Historia de gentibus septentrionalibus* (1555 г.)

Карелы во внутренних областях Финляндии. Уже сам факт того, что территория современной финской провинции Северная Карелия по Ореховскому мирному договору 1323 г. осталась за Новгородом, свидетельствует, что она входила в состав Новгородской карельской земли. К сожалению, в тексте договора ничего не говорится о жителях приграничных областей, а лишь о линии границы, использовании земель и вод, перебежчиках, безопасности торговцев на воде и на суше. Из этого документа и других источников XIV в., как, к примеру, мирного договора 1326 г. между Новгородом и Норвегией и древнерусских летописей, становится очевидным, что обширные северные области вплоть до Кольского полуострова были карельской промысловой зоной (Kirkinen, 1963. P. 83; 1970. P. 34–35; Saksa, 1998. P. 205). Договор 1256 г. Александра Невского с норвежцами был заключен после походов новгородцев и карел 1223 и 1226 гг. против Норвегии и по «старому миру». В берестяных новгородских грамотах XIV и начала XV вв. встречаются упоминания о карелах, которых послали на Каяно море (№ 286), но в случаях, когда упоминаются географические названия или деревни: Погоская, Кюлолаская и Кюрьская корила (№ 248) или проживающие в Лайдиколле, Калинитце и Куроле карелы (№ 278) (Арциховский, Борковский, 1963. С. 104, 112; Янин, 1975. С. 66–67), становится ясным, что они располагались в Приладожской Карелии. Кюлаский (или Кюлолацкий) и Кюрьский (или Кирьесский) погосты упоминаются в ряде древнерусских летописей, рассказывавших о походе 1395 г. шведов в Ка-

рельскую землю (*Материалы по истории Карелии*, 1941. С. 89). В ряде случаев близкие соответствия упомянутым в берестяных грамотах деревням находятся в переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. Отраженные в берестяных грамотах события во внутренних областях Карелии – это, главным образом, пограничные стычки между карелами и саволаксами (№ 248, 286, 249) (Арциховский, Борковский, 1963. С. 72–76, 113; Kirkinen, 1964. P. 141; 1976. P. 31–32). В них также упоминаются насилием отобранные товары и рыба, но в то же время отсутствуют известия о сожженных или разграбленных деревнях, продуктах сельского хозяйства, домашнем скоте. Создается впечатление, что в Северной Карелии в XIV в. еще не было постоянного деревенского расселения или, в всяком случае, не было деревень в области пограничья между Швецией и Новгородом. С другой стороны, пребывание здесь карел представляется постоянным явлением, хорошо прослеживаемым в источниках. Какие-то опорные или контрольные пункты должны были существовать, во всяком случае, после заключения мирного договора.

К началу XIV в. у карел помимо Эстерботнии (Похьянмаа) были уже серьезные позиции также и в Двинской Карелии. В это же время, принадлежавшие Новгороду северные части Саво и Карелии были заселены, по-видимому, редким лопарским населением и могли интересовать карел лишь с точки зрения сбора дани с лопарей и транзитного прохода к Ботническому заливу (в Эстерботнию) и Белому морю (Двинская Карелия и Кольский полуостров). Происходящие с этой тер-

ритории археологические материалы характеризуют ее как зону промысловой деятельности. К эпохе викингов в Северной Карелии относится восемь находок: три наконечника копий, четыре топора и одна круглая фибула. В Саво к этому же времени можно отнести 34 вещевые находки, из которых принадлежащими промысловым охотникам можно назвать 27 предметов. В это время в Саво появляются первые могильники. В эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.) в Саво в районе г. Миккели (Тууккала, Висулахти) возникает поселенческий центр, откуда и началось освоение близлежащих таежных территорий (Kirkinen, 1987. P. 83–89; Lehtosalo-Hilander, 1988. P. 190–224; Uino, 1997. P. 172–174; Saksa, 1998. P. 167–172, 206). В финской Южной Карелии еще один поселенческий центр возник в районе г. Лаппеенранта (Каускила). Здесь был исследован грунтовый могильник эпохи крестовых походов и раннего средневековья.

В Северной Карелии количество находок не увеличивается и в эпоху крестовых походов. Оттуда происходят лишь два топора карельского типа и две карельские овально-выпуклые фибулы. Северная Карелия, таким образом, в эпоху крестовых походов стала пограничной зоной между наступающим населением из Карелии с одной стороны и Саво с другой. Историки установили, что земледельческое население пришло в Северную Карелию из Ладожской Карелии (Гадзяцкий, 1941; Kuujo, 1958; Kirkinen, 1970; Saloheimo, 1971).

Начавшееся в позднем железном веке освоение карелами пушных ресурсов Севера, как мы выяснили, продолжилось в эпоху крестовых походов и в раннее средневековье. С укреплением позиций карел в Эстерботнии и Двинской Карелии масштабы сбора дани с лопарей и возможности пушной и меновой торговли увеличились. Роль карел в качестве посредников в европейской пушной торговле сохранилась и упрочилась.

Следует также иметь в виду, что по мере того, как карельское население на основной территории Карельского перешейка и Ладожской Карелии увеличивалось и развивалось экономически, в карельской торговле произошли структурные изменения. В XI в. на Балтике возникла благоприятная ситуация для развития торговли. Внешняя конъюнктура дала возможность карелам участвовать в торговле в масштабах всего Балтийского региона, активными участниками которой в XI–XII вв. были Готланд и Новгород. Именно этим временем (вторая половина XI в.) датируются все найденные в Карелии монетные клады, в которых в общей

сложности было около 1370 монет (Talvio, 1980. P. 5–16; Кочкуркина, 1981. С. 25–29). Изделия готландского ремесла – серебряные броши, филигранные бусы и плетеные цепочки – являются заметной частью карельской культуры эпохи крестовых походов (Nordman, 1924. P. 28–69) (рис. 5, 1–3). Они получили широкое распространение в Балтийском регионе (Nordman, 1924. P. 5–69). Подобные украшения изготавливались также в Киеве и других городах Древней Руси (Nordman, 1924. P. 19–27; 1945. P. 228; Седова, 1956. С. 233; Stenberger, 1958. P. 215, 218, 220–221; Antoniewicz, 1970. P. 50–56; Даркевич, Монгайт, 1978. Табл. XI–XIII, XIV–XVI). Предметами ганзейской торговли были и серебряные кольцевидные фибулы (Sarvas, 1971. P. 59–62). Из оружия практически все мечи, некоторые типы наконечников копий и топоров были западноевропейскими. У части найденных на Карельском перешейке вещей нет конкретной привязки, так как на рубеже эпохи викингов и крестовых походов они широко распространились по всей Северной Европе, Прибалтике и Древней Руси. Ткани также были предметом торговли.

Через посредство Новгорода и других центров Новгородской земли в Карелию распространилась керамика, называемая в Финляндии керамикой славянского типа. Состав медных сплавов украшений, изготовленных в Карелии, также как и технические приемы карельских ремесленников, соответствуют используемым новгородскими мастерами (Васильева, 1982. С. 185–188; Хомутова, 1982. С. 188–208). Такая продукция новгородских ювелиров, как бронзовые зооморфные подвески и бусы, была особенно популярна в среде прибалтийско-финских племен. Особо следует отметить височные кольца, лунницы и изделия с христианской символикой: крестики, энколпионы, иконки, подвески с изображением образа Матери Божией «Знамение» (Purhonen, 1998. P. 113, 115, 212–217. Kuv. 126, 127; Мусин, 2002а. С. 110–113, 117, 179–190, 209. Рис. 106, 124; Корзухина, Пескова, 2003) (рис. 6, 4). Часть платы, полученной за ценные меха, поступала в Карелию в виде серебряных монет и слитков или изделий из серебра. В новгородских берестяных грамотах полученные из Карелии товары оцениваются в рублях (например, № 249, датированная концом XIV в.) (Янин, Зализняк, 1986. С. 197). В составе клада на Тиверском городке было пять обрезков новгородских серебряных гривен (Talvio, 1980. P. 14–15. Kuv. 4). Серебряный медальон с изображением «процветшего креста» найден в кладе из дер. Кильпола в Хиттола, в кладе из Рауту – ромбоцитковое височное кольцо

Рис. 5. Предметы западноевропейского импорта из памятников древней Карельской земли:

1 - Тиверский клад серебряных изделий, XII в.; 2 - серебряные цепочки с подвесками (Суотниemi, пог. 3);

3-4 - серебряные броши, Готланд (мог. Кекомяки), XII-XIII вв.

Fig. 5. West-European imports from ancient sites in the Karelian land: 1 - Tiversk hoard of silver objects, 12th century;

2 - silver chains with pendants (Suotniemi, no 3); 3-4 - silver brooches from Gotland (Kekomäki), 12th-13th century

(рис. 6, 2) и привеска в виде серьги, а в кладе из Сортавала Рантуэ – многобусинное височное кольцо. Типичные для Новгорода и Новгородской земли пластинчатые браслеты с орнаментом «волчий зуб» и плетеные браслеты найдены в кладах Северной Финляндии, а также в Центральной и Северо-Западной Финляндии (Kivikoski, 1973. P. 135. Abb. 1081, 1083, 1084). В самом Новгороде и других центрах Новгородской земли (Орешек, Старая Ладога, Копорье) в свою очередь найдены карельские вещи. Есть они и в курганах Ижорского плато.

В новгородских берестяных грамотах в качестве карельских привозных товаров упоминаются меха куницы и белки, а также лосось (№ 259, 260, 278, 280, 403) (Янин, 1975. С. 135–142). Также можно упомянуть лошадей и мясо северных оленей (№ 266, 275).

Карелы в рассматриваемый период хорошо знали побережье Балтийского моря и Швеции, куда неоднократно совершали торговые поездки и военные набеги (Рыдзевская, 1978. С. 109, 111; Huurre, 1979. P. 222). В прямых контактах с карелами были заинтересованы и их западноевропейские

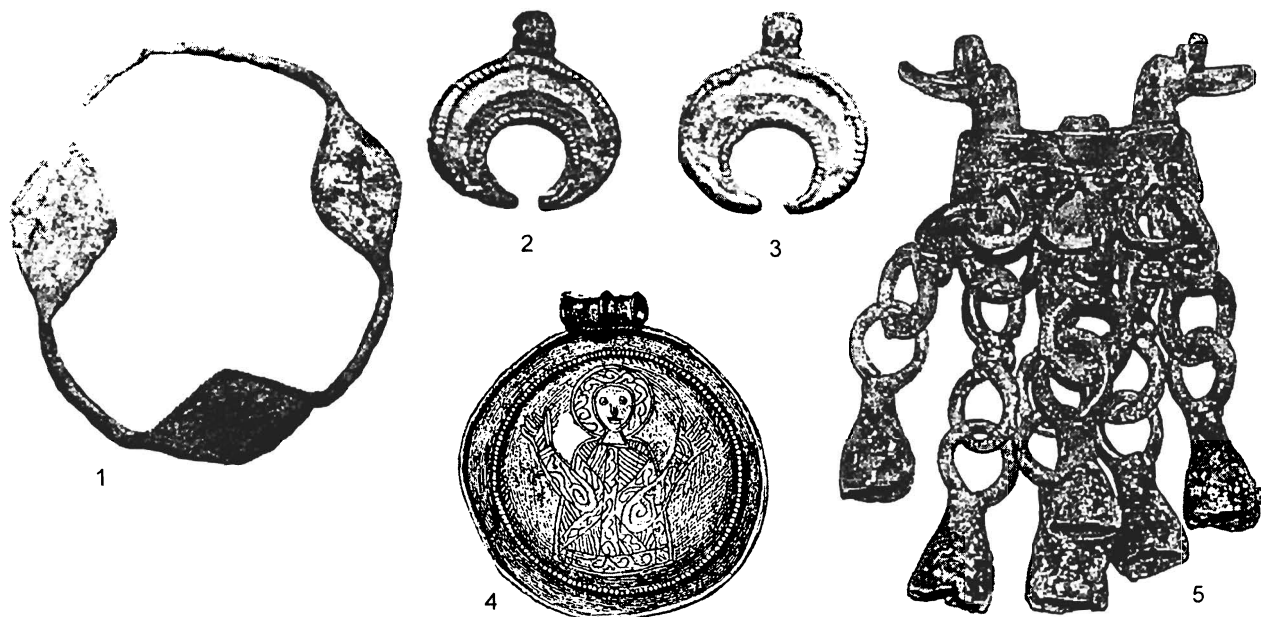

Рис. 6. Изделия продукции древнерусских мастеров из памятников древней Карельской земли: 1 – ромбошитковое височное кольцо; 2–3 – подвески-лунницы; 4 – серебряный медальон с образом Божией Матери «Знамение» (мог. Кекомаяки); 5 – зооморфная шумящая подвеска

Fig. 6. Products of ancient Russian craftsmen from sites in the Karelian land: 1 – temple ring with rhomboid plate; 2–3 – lunate pendants; 4 – silver medallion with the image of Our Lady of Sign (Kekom äki); 5 – zoomorphic rattling pendant

партнеры. О поездках в Карелию немецких и готландских купцов упоминается в мирных и торговых договорах Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262 и 1263 гг. и в проекте договора 1269 г., по которым Новгород не несет ответственности за то, что могло случиться с иноземными купцами в Кореле (ГВНП, 1949. С. 57, 59; Goetz, 1916. Р. 95; Kirkinen, 1963. Р. 85–87; Linna, 1989. Р. 86–87. № 67, 69). Карелия, следовательно, была одним из факторов международной торговли на Балтике и, находясь географически между Новгородом и странами Балтийского побережья, формировала своего рода один из углов этого треугольника. В этой системе Новгород был не только серьезной экономической силой, но и своеобразным посредником, поскольку многие иноземные товары и большая часть монетного серебра поступали в Приладожскую Карелию и далее вплоть до Северной Финляндии через Новгород (Потин, 1968. С. 16, 140–141, 149, 167; Nordman, 1921. Р. 91–92; Talvio, 1980. Р. 174).

Карелия, начиная с 1270-х гг., упоминается в древнерусских летописях как часть Новгородской земли, часть «волости новгородской». Начинается новый период, совпавший с изменением международной ситуации в восточной части Балтики, на

которую стали влиять новые факторы, прежде всего открытое противостояние между Новгородом и Швецией. В эту борьбу вмешалась папская курия, после чего борьба приняла характер противостояния Запада и Востока. Характерной практикой XIII в. стали папские буллы и письма шведского короля, в которых запрещалось пlyingшим к русским и к язычникам Карелии, Ижоры, Лопи и Води передавать им оружие, железо, продовольственные товары, корабельный лес и древесину, а также другие товары, которые можно использовать против христиан (булла папы Григория X от 09.01.1275 г. и письменное разрешение шведского короля Биргера от 04.03.1295 г. Любеку и другим участвующим в торговле на Балтике городам) (Linna, 1989. Р. 90, 109–110. № 75, № 116). Десять лет спустя после запретительной буллы 1275 г. готландцам разрешили торговать с карелами с тем условием, что они не будут провозить запрещенные товары (письмо короля Магнуса от 07.10.1285 г.) (Linna, 1989. Р. 99. № 96). Свобода торговли и обеспечение безопасности купцов опять стали важной темой в отношениях между Швецией и Новгородом.

Новым явлением в Карелии стало возникновение горючих центров, в которых концентриро-

вались торговля и ремесленная деятельность. Карелия все в большей степени вовлекается в рыночные отношения в Новгородской земле. Самобытность карельской культуры в городских условиях теряется. В слоях Корелы второй половины XIV в. большая часть находок представлена изделиями новгородского городского ремесла.

В итоге, мы имеем полное основание утверждать, что для карел на всех этапах их истории торговые и внешние связи в целом имели важное значение для развития их экономики и культуры. Население древней Карелии на своей традиционной территории на всем протяжении позднего железного века и эпохи крестовых походов имело возможность почти без препятствий и в выгодных природно-географических условиях развивать свое хозяйство и культуру. Еще в средневековье на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии возникало много новых деревень. Другими словами, археологический материал XIV в., как и переписные книги 1500 г. и XVI в. свидетельствуют, что местные природные ресурсы на территории древней Карелии не были исчерпаны до конца, и рост населения еще не достиг своего критического уровня.

Из письменных источников исторического времени известно, что после того, как Швеция завоевала западную часть Новгородской Карелии,

Новгород усилил свою административную власть в Карельской земле. В конце XIII–XIV вв. Новгород управлял Карелией и другими пограничными землями через князей, которые получали в наместничество целые области или их части, что означало усиление налогового гнета. Следствием было недовольство карел и карельские мятежи первой половины XIV в. В это же время, в 1330-е и 1340-е гг., как и на протяжении всего XIV в., Новгород и Швеция неоднократно оказывались в состоянии войны друг с другом. В 1396 г. шведы захватили два погоста в приладожской Карелии. О постоянных стычках и состоянии военной опасности говорит и тот факт, что многие городища Северо-Западного Приладожья, согласно последним исследованиям, были построены именно в это время.

Имеются, следовательно, все основания полагать, что не только постоянный рост населения на ограниченной территории вынуждал карел переселяться на север в Заднюю Карелию, но и изменившаяся политическая ситуация, угроза военных набегов и экономических притеснений. Судьба карел отныне зависела не от их собственных усилий, а от политики двух борющихся между собой средневековых государств.

ПЕРЕСТРОЙКА ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Константин Цукерман

École pratique des hautes études, Париж, Франция

(RE-)STRUCTURING EARLY RUSSIAN HISTORY

Constantin Zuckerman

École pratique des hautes études, Paris, France

ABSTRACT: *The dates provided by the Russian Primary Chronicle for the events of the second half of the ninth and the first half of the tenth century are widely recognized to be guesses by an early-twelfth-century compiler. Scholars admit that these dates cannot resist critical scrutiny, yet quote them nevertheless as a matter of tradition and convenience. The present survey summarizes a series of studies by the author (while adding some new arguments) which plead for a critical chronological scheme based on a careful re-examination of the Chronicle's textual structure as well as on a comprehensive re-reading of the non-Russian sources for the period. This exercise produces a series of dates which differ from the traditional chronology. The most significant and demonstrable changes consist in reducing the reign of Rjurik's son, Igor, from 912-945 to 941-945, and in delaying the arrival of Rjurik himself from 862 to the 890s. The chronological changes proposed suggest a different pattern for the events that led to the creation of the Russian state than commonly believed. Whatever its possible drawbacks, the new chronological scheme claims one distinct advantage over the old: every date proposed is backed by evidence and can be scrutinized, thus opening the way for criticism and improvement.*

В ряде статей, вышедших за последние годы на английском и французском языках, я предложил новый подход к проблемам хронологии событий эпохи становления древнейшей русской государственности. Отрывок из первой моей работы на эту тему был опубликован на русском языке, в более полном виде она появилась на украинском (Zuckerman, 1995. P. 237–270; Цукерман, 1996. С. 68–80; Цукерман, 2003а. С. 53–84). Сокращенный русский перевод еще одной статьи, а затем и ее полный вариант, так же вышли в свет в России и на Украине (Zuckerman, 2000а. P. 95–120; Цукерман, 2001. С. 55–70; Цукерман, 2003б. С. 76–99). Эти публикации послужили приглашением к дискуссии и вызвали ряд критических откликов, как в полемических статьях, так и в специальных исследованиях, посвященных древнерусской истории.

Я искренне благодарен редакциям изданий, опубликовавших мои переводные работы, за возможность ознакомить с ними тот круг читателей, которому они в первую очередь и адресованы, а участникам дискуссии за высказанные замечания. Однако приходится с сожалением констатировать, что дискуссии, собственно говоря, и не получилось. Спор шел о деталях, которые так или иначе оказались на периферии моих исследовательских построений или же касались столь общепринятых положений, что мне не пришлось в

голову обосновывать их дополнительно. Так, например для В. В. Седова, которому я обязан наиболее обстоятельным отзывом на мои работы, основным камнем преткновения явилось скандинавское происхождение руси и локализация Русского каганата в Руси северной. Однако оба эти положения неоднократно и убедительно были аргументированы, в том числе и российскими коллегами, в то время как собственная гипотеза этого исследователя, отождествляющая «Русь изначальную» с именьковской археологической культурой и соответственно помешающая каганат на средней Волге (Седов, 2003. С. 3–14), продолжает существовать в исторической науке достаточно изолированно. Не менее рискованной мне кажется попытка В. Я. Петрухина опровергнуть сам факт существования Русского каганата (Петрухин, 2001. С. 78–82). Честь «открытия» этого каганата принадлежит не мне, и вряд ли В. Я. Петрухину удастся отправить в небытие это политическое образование раннего средневековья.

Дискуссия также показала, что многие ее участники оказались лишь частично знакомы с моей аргументацией. В самом деле, значительный круг проблем, рассмотренный мною в единстве, оказался расточен по статьям, опубликованным в периодических изданиях, не всем и не всегда доступных. В связи с этим я хотел бы воспользоваться

случае и заострить внимание читателя в настоящей публикации на тех основных моментах, которые стали отправной точкой моего хронологического анализа начальной истории Руси (избегая, естественно, повторения уже проведенного мною источниковедческого анализа). Предлагаемый текст сохраняет стиль доклада, произнесенного мной на конференции 2005 г. в Великом Новгороде, в сборнике материалов которой он и выходит в свет. Необходимые ссылки на источники и научную литературу любознательный читатель найдет в моих уже опубликованных статьях – я не теряю надежду, что он обратится к ним непосредственно; здесь же я сосредоточу его внимание на недавних публикациях, реагируя попутно и на критику.

1. Хронология правления князя Игоря. В основе моих исторических построений лежит весьма консервативный подход к письменным источникам, представленным, в первую очередь, летописями. Я убежден, что, начиная с повествования об изгнании варягов и призвании Рюрика, летописный текст дает, в общем, достоверный обзор истории Руси, который не противоречит ни сведениям иностранных источников, ни данным археологии. Этот обзор восходит к древнейшему тексту, повествовавшему о начальных событиях русской истории, так называемому «Сказанию», о котором речь еще будет идти ниже. Противоречия, и весьма серьезные, возникают в историографии из-за того, что привнесенные поздним редактором в летописный текст абсолютные даты воспринимаются исследователем как часть изначального повествования. При этом очевидно, что летописная хронология неспособна дать ответ на поставленный летописцем вопрос «Откуда есть пошла русская земля». Начальная дата летописи, заимствованная из переводной греческой хроники, оказывается достаточно случайной и свидетельствует лишь о том, что никакими сведениями, приводящими из местной исторической памяти, о событиях, предшествовавших изгнанию варягов, летописец не обладал.

История правления князя Игоря в Новгородской первой летописи младшего извода, как известно, почти целиком состоит из долгой беседы, которую князь ведет со своей дружиной. Согласно статье 6430 (922) г. (НПЛ, 1950 С. 108), Олег почему-то сходит с исторической сцены после победоносного похода на Царьград, причем летопись приводит две версии о месте его смерти, в Ладоге или «за морем», а Игорь в Киеве начинает княжить самостоятельно, ведя войну с древлянами и уличами. В первый же год своего правления он

покоряет уличей, а после трехлетней осады овладевает и последним непокорным древлянским градом Пересечен. Однако всякий раз Игорь отдает дань с покоренных племен воеводе Свенельду, чем вызывает неудовольствие собственной дружины. Жалобы дружинников начинаются еще в летописной статье 6430 (922) г., прерываются фразой «Посем скажемъ въ перключившихся лѣтах сих» и завершаются после долгого ряда пустых погодных статей (6431–6447, 6449, 6451–6452 гг.) в 6453 (945) г. (НПЛ, 1950. С. 109–110). Нарекания дружины на то, что «мы нази», служат предлогом к дополнительным поборам с древлян, что вскоре приводит к гибели князя.

Повесть временных лет датирует вокняжение Игоря «по Олзѣ» 6421/913 г. (ПВЛ, 1996. С. 21), а первый поход на древлян и первую дань относит к 6422 (914) г. И в этом тексте многие годы остаются пустыми (6425–6427, 6429–6436, 6438–6441, 6443–6448 гг.), а другие оказываются заполнены статьями, главным образом заимствованными из т. н. Продолжателя Хроники Георгия Амартола (то есть из Хроники Симеона Магистра), которые отсутствуют в НПЛ (6428, 6437, 6442 гг.). Непрерывная череда событий начинается здесь лишь в 6449 (941) г. описанием двух походов Игоря на Царьград и текстом договора Руси с греками, а под 6453 (945) г. в ПВЛ появляется статья весьма сходная с той, что читается при той же дате в НПЛ. Развитие исторического сюжета в ПВЛ характеризуется явной нелепостью, ибо претензии Игоревой дружины к Свенельду и его отрокам, получившим «первую дань», приводятся без объяснения предшествующих событий. Главное же, остается необъяснимым, как дружинники Игоря после победоносного похода на Византию и получения богатых трофеев продолжают оставаться «нази».

Впрочем, не мне здесь доказывать, что текст ПВЛ является вторичным по отношению к тому, что читается в НПЛ. Общее соотношение между обоими текстами было, как известно, установлено А. А. Шахматовым, а интересующий нас отрывок был подробно разобран А. А. Гиппиусом (*Гиппиус*, 2001. С. 147–181), который опирался в своем исследовании на лингвистические критерии и не ставил себе цели постичь хронологию правления князя Игоря. Однако, он предложил реконструкцию исходного текста весьма близкую той, что в свое время предлагалась и мною в работе, с которой он не был знаком (*Zuckerman*, 1995. Р. 262–264). Основные положения А. А. Гиппиуса, дополненные и пересмотренные в ряде деталей, вошли в его докторскую диссертацию (*Гиппиус*, 2006б.

С. 24–26) и явились огромным шагом вперед в изучении текста первоначального «Сказания», о котором писалось неоднократно (в указанных работах читатель найдет библиографию вопроса), но которое считалось до неузнаваемости отредактированным позднейшими сводчиками и переписчиками. Оказалось, что это не так. Текст «Сказания» успешно поддается реконструкции в силу как лингвистических, так и текстологических критериев. Поскольку этот древнейший текст полностью ускользнул от внимания А. А. Шахматова, выделение его в составе летописи становится первостепенной задачей исследователей, а перестройка основ шахматовской схемы не может не повлечь за собой и существенных изменений в возникшей на ней надстройке.

Итак, прочтение летописного рассказа о княжении Игоря (после исчезновения Олега) как цельного текста не оставляет сомнения в том, что в представлении автора «Сказания» это правление было очень кратким: реконструкция внутренней хронологии рассказа отводит ему лишь три года и несколько месяцев. При желании можно верить, что автор «Сказания» был плохо осведомлен о реальном ходе событий или сознательно сжал событийную канву ради художественного эффекта, однако заданная им хронология, претерпевшая различные изменения в последующих редакциях, восстанавливается вполне однозначно. Если вычесть полученный срок правления Игоря из общепризнанной даты его гибели (зима 944/945 гг.), то начало его княжения приходится на лето 941 г.

Именно летом 941 г. состоялся неудачный поход Руси на Царьград, в результате которого Игорь, по словам Иоанна Цимисхия, лишь чудом спасся «с десятком лодок» (*Лев Диакон*, 1988. С. 57). Обстоятельства этого похода подробно описаны в анонимном письме из Каирской генизы (Кембриджский аноним), впервые опубликованном С. Шехтером в 1913 г. (*Schechter*, 1912/13. P. 182–219), а ныне хорошо доступном русскому читателю благодаря переводу нового критического издания (*Голб, Прицак*, 1997, 2003). Напомним, что в этом тексте в качестве верховного правителя (meleh) Руси, союзника, а затем противника византийского императора Романа Лакапина в 940–941 гг., фигурирует Helgu/Олег. После своего поражения от императорского флота Олег отходит к берегам Малой Азии и на Русь уже не возвращается, а захватывает город Бердаа (на территории современного Азербайджана), где через несколько лет и погибает. Как я давно подчеркивал, это новооткрытое известие несколько не шокировало А. А. Шахматова, который знал цену летописным

датам IX–первой половины X вв. (*Шахматов*, 1915. С. XXXII–XXXIII). Однако позднейшие исследователи обнаружили бескомпромиссную приверженность этим «условным датам», и хотя попытки опровергнуть подлинность письма отошли в прошлое – есть все основания полагать, что это послание было отправлено из Константинополя менее, чем через десятилетие после описываемых событий (*Zuckerman*, 2000б. P. 654–660) – этот текст до сих пор остается большим местом историографии Древней Руси.

Достаточно привести лишь два недавних примера. Так, ограничивая правление князя Игоря датами ПВЛ, В. Я. Петрухин предлагает видеть в Олеге «сравнительно автономного» черниговского князя, затмившего князя Игоря в глазах автора анонимного письма (*Петрухин*, 2000. С. 222–229). Идея В. Я. Петрухина о совместной «власти над Русью целого княжеского рода» противоречит, однако, не только летописной концепции политического строя Руси, но и представлениям близко знавших Русь византийцев, которые признавали ее единого верховного правителя (ср.: *Zuckerman*, 2000б. P. 671). Есть основания согласиться с А. А. Горским, который отвергает представление о Руси эпохи Игоря как о «конгломерате конунгов» (*Горский*, 1999. С. 43–52); но и для него упоминаемый в письме Каирской генизы Олег был лишь «одним из представителей правящего в Киеве княжеского рода», подчиненных князю Игорю. Такая гипотеза обязывает автора к неожиданной интерпретации употребленного в письме термина «meleh»: «мелех Руси» – это не более чем «князь русский», термин, который в древнерусском языке мог прилагаться к любому представителю правящей династии» (*Горский*, 2004. С. 71). Но поскольку автор интересующего нас послания пишет все же по-древнееврейски, то есть на языке, в котором этот термин обладает вполне определенным значением и прилагается лишь к верховным правителям конкретного общества, то получается, что он, этот древний автор, совершенно не разобрался в событиях, происшедших буквально у него на глазах.

Попытки переосмыслить и исправить данные анонимного послания из Каирской генизы могли бы иметь смысл и научный интерес, если бы эти данные вступали в конфликт со сведениями других полноценных источников. Однако, происходит обратное. Дата начала правления князя Игоря, вытекающая из внутренней логики «Сказания», удивительно точно совпадает со временем, когда князь Олег, согласно анонимному посланию, был вынужден отказаться от возвращения на

Русь. Оба этих текста, по разным причинам, могли бы содержать в себе информацию, не соответствующую исторической истине. Однако, когда два независимых источника взаимно подтверждают друг друга, это и есть то, что является истиной для историка. Что же противостоит этим показаниям? Лишь даты условные «как все летописные даты за IX–середины X вв., кроме тех, что опираются на хронологию византийских источников» (*Горский, 2004. С. 38*). Парадокс начального этапа древнерусской истории как раз и заключается в том, что ни один серьезный исследователь не станет отстаивать достоверность летописных дат правления Олега и Игоря. Достаточно вспомнить А. А. Шахматова, который отмечал, что летопись перенесла на время правления Игоря те события, которые следовало бы отнести к княжению Олега (*Шахматов, 2001а. С. 78, 79, 80; 2001б. С. 85, 86, 87; 2003. С. 229*), разделив таким образом общее время их власти «по-братски» и отведя каждому эпическое число годов – по тридцать лет и три года. Однако большинство исследователей использует эти условные даты, как если бы они имели серьезные исторические основания.

Согласные свидетельства текста «Сказания», лежащего в основе летописного предания, и информация практически современных событиям анонимного послания Каирской генизы – Кембриджского анонима как раз и позволяют нам перейти из области «условных» дат к датам, исторически обоснованным. Надежные даты правления князя Игоря, лето 941–начало 945 гг., лежат в основе моих дальнейших построений. В своей ранней статье я уже подчеркивал, что автор «Сказания», судя по всему, представлял себе Игоря как князя молодого и неопытного, а вовсе не умудренного тридцатью годами пребывания во власти (*Zuckerman, 1995. P. 263–264*). Нет смысла опровергать эту логику долетописного рассказа, как, впрочем, и представлять Русь в виде конгломерата правящих здесь конунгов или же создавать некоего нового Олега, представителя княжеской династии, превосходящего Игоря славою и властью, в котором сторонний наблюдатель мог увидеть верховного правителя Руси.

В этой связи я хотел бы привести еще одно свидетельство, которое, несмотря на свою общедоступность, редко комментировалось историками. Речь идет об описании похода Олега на Царьград в НПЛ младшего извода под 6430 (922) г. (НПЛ, 1950. С. 107–108). Собственно говоря, летопись упоминает два похода, поход Игоря и поход Олега, но описание первого из них восходит к первоначальной хронике Продолжателя Амартыла и этим

определяется как позднейшая вставка. Изначальный текст «Сказания» не содержал в себе хронографических выписок. Я полагаю, что этот текст восстанавливается, если из летописного текста НПЛ «вычесть» погодные статьи 6428–6429 гг. Оборванная на середине фраза, завершающая статью 6427 г., хорошо состыкуется с началом статьи 6430 г.: «По сих же паки временех...» ...«иде Олегъ на грѣкы и прииде к Цесарюграду». Согласно тексту НПЛ, первичность которого по отношению к версии ПВЛ трудно опровергнуть специально для данного пассажа, события разворачиваются по следующему сценарию: Игорь берет в жены Ольгу, от этого брака рождается Святослав, и лишь потом Олег идет походом на Византию. Как известно, в 945 г. Святослав был еще ребенком. Тем самым оказывается, что «Сказание» сохранило местную память о походе Руси на Царьград 941 г., превратившую за давностью лет поражение в победу. Предводитель похода ставит корабли на колеса и прибывает свой щит к «вратам Цареграда», но зовут его, как и в тексте Кембриджского анонима, Олег. Примечательно, что в обоих текстах сразу после похода Олег сходит с исторической сцены. Автор ПВЛ использовал этот поход Олега для сюжетного обрамления сфабрикованного им договора 907 г. (ср.: *Горский, 2005. С. 147–152*), чем нарушил последовательность рассказа и ввел в соблазн византинистов, которые уже давно и безрезультатно ищут в источниках хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее поход руси на Константинополь, приходившийся на время правления Льва VI Мудрого (886–912).

Периоду самостоятельного правления Игоря должна была предшествовать эпоха соправления, во время которой Олег, несомненно, сохраняя за собой всю полноту реальной власти, правил от имени молодого княжича. Память об Олеге как воеводе Игоря, воплощенную в тексте «Сказания», сохранили и поддерживали следующие Рюриковичи. Однако, как это правильно увидел автор ПВЛ, познакомившись с договором Руси и Византии 911 г., а вслед за ним видим и мы, изначально статус Олега был иным. Попав на Русь как один из спутников Рюрика или независимо от последнего, в договоре 911 г. он не признает над собой ни власти Игоря, быть может, к тому времени и не родившегося, ни власти Рюрика, быть может, еще и не умершего, выступая как совершенно самостоятельный правитель подчиненной ему части Руси. Но для того, чтобы расширить пределы этой власти, союз с отпрыском «законной», или как ныне принято говорить, «харизматической», династии был совершенно необходим.

Олег захватывает Киев именем Игоря и, со временем, распространяет свою власть и на Новгород. Однако происходит это значительно позже, чем принято ныне считать, опираясь на произвольные летописные даты: по моему мнению, захват Киева следует датировать временем никак не ранее конца 911 г. (договор с Византией составляет *terminus post quem* для заключения союза между Игорем и Олегом), вероятнее всего – концом этого десятилетия. Наилучшим индикатором даты подчинения Новгородских пределов власти Олега является само появление «нового города» на левом берегу Волхова, 930-е гг., если следовать результатам археологических исследований, которые относят начало относительно регулярной городской застройки на территории Людина конца к 930–940-м или, несколько шире, к 930–950-м гг. (Гайдуков, Дубровин, Тарабардина, 2001. С. 79–81; ср.: Янин, 2004. С. 11, 14, 71, 72, 76–77, 127–129). Старый династический укрепленный центр, располагавшийся на Рюриковом городище, мог пострадать при захвате, а главное, перейдя под руку князей Киевских, он потерял свое исконное назначение, перестав быть местом средоточения верховной власти.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание, что, уточняя время правления князя Игоря, я вовсе не склонен пересматривать сохраненное «Сказанием» предание о том, что Игорь был сыном Рюрика. Я предполагаю, что летописные даты правления Рюрика столь же произвольны, как и хронологические рамки, в которых оказались заключены его преемники. Для уточнения времени появления Рюрика мы можем, однако, опереться не только на общие соображения, вытекающие из пересмотренных мной дат княжений Олега и Игоря, но и на целый ряд дополнительных наблюдений.

II. Изгнание варягов и проблема Русского каганата. В летописной традиции, восходящей к начальному «Сказанию», изгнание варягов и последовавшее за тем призвание Рюрика служат фундаментом, на котором основывается современная летописцам княжеская династия, и, в более широком смысле, «земля Русская» как государственное образование. Эта схема, идущая из глубины веков, распадается в новейшей монографии по древнерусской истории. Об изгнании варягов там речи нет вовсе, а Рюрик Новгородский отождествляется с Рориком Ютландским (что, на мой взгляд, обосновательно), и это отождествление по очевидным «хронологическим соображениям» не позволяет ему быть отцом Игоря (Горский, 2004. С. 46). Впрочем, если следовать хронологии ПВЛ, то ход событий и в самом деле поражает своей

стремительностью. За один год (6370 (862)), славяне и их соседи изгоняют варягов, начинают «сами в себе володети», затевают междоусобные брани, убеждаются, что «нет в них правды», и призывают Рюрика, который тут же развивает бурную административную деятельность. При этом автор ПВЛ, втиснув абсолютные даты в текст первоисточника, который частично сохранился в НПЛ младшего извода, благоразумно отбросил указание на то, что славяне в тоже время стали «города ставити»: трудно представить себе, что столь масштабный проект был осуществлен всего за один летописный год. Противоречие между логикой изначального рассказа, явно охватывающего продолжительный отрезок времени, и искусственно привязанной к нему датой, сводящей все события к одному году, выступает здесь особенно резко. Тем не менее авторитет даты призвания варягов, освященной летописной традицией и указом императора Николая I (Соловьев, 1983. С. 352), весьма велик. Несмотря на свою «условность» и явную несообразность, она продолжает повсеместно использоваться.

Отстаивая историчность традиции об изгнании варягов (Zuckerman, 2000a. P. 95–120; Цукерман, 2001. С. 53–84; 2003б. С. 88–89), я в первую очередь указал как на одно из его свидетельств на описанный Т. Нуаном «первый кризис серебра в восточной Европе», который выразился в почти полном исчезновении монетных кладов в последней четверти IX в. (Noonan, 1985. P. 875–900; Noonan, 1987. P. 384–443). Это явление начинает проследиваться в Поволжье, гдеклады исчезают уже с начала 870-х гг. Я сопоставил этот длительный перебой в транзитном движении арабских дирхемов со следами пожаров в Ладоге (около 870 г.) и на Рюриковом городище (после 867 г.), за которыми следует по-видимому временный упадок этих поселений. Следы разрушения прослеживаются и на ряде других памятников региона – Городище на р. Сясь (до второй четверти X в.), Холопий городок, Любшанское городище (IX в.), Камно (после 860 г.), где присутствуют элементы материальной культуры скандинавов. И в Ладоге, и на Рюриковом городище реальные признаки нового взлета поселений датируются последним десятилетием IX в., и к этому времени я и отношу появление Рюрика. Отсылая читателя к соответствующей литературе (Рябинин, Черных, 1988. С. 90–91; Носов, 1990. С. 53, 91, 93, 98–100, 147; Богославский, Щеглова, 1996. С. 57–61; Белецкий, 1996. С. 32–33, 57; Носов, Плохов, 1997. С. 129–152; Кузьмин, 1997б. С. 349–350; Цукерман, 2003б. С. 84–87), я хочу подчеркнуть, что, не будучи археологом, я

не претендую на самостоятельную интерпретацию археологического материала. В ряде деталей я допустил неточности, указанные мне В. В. Седовым, однако эти детали не меняют сути дела и общей картины, за критическую проверку которых я как раз был благодарен археологам. Отмечу при этом, что появление курганного могильника в урочище Плакун, традиционно соотносимого с пребыванием Рюрика в Ладоге и, как мне представляется, археологически датируемого «по летописи», было недавно отнесено к рубежу IX–X вв. Эти выводы (предложенные вне всякой связи с моими идеями) основываются на пересмотре датировок некоторых элементов погребального инвентаря, а также на более корректной интерпретации имеющейся дендродаты исследованного здесь камерного погребения (Михайлов, 2002. С. 63–68, 2003. С. 73–78; ср.: Назаренко, 1985. С. 156–169).

Итак, отстаивая историческую реальность изгнания и призвания варягов и в целом следуя логике летописного рассказа, я предложил четкое разделение двух этапов становления русской государственности. Первый этап был ознаменован возникновением государственного образования, возглавленного каганом русов и потому известного в историографии как «Русский кагант» (около 830–870 гг.), а второй связан с появлением на Руси основателя новой династии Рюриковичей (890-е гг.). Следует подчеркнуть, что этникон Рос-Русь является уже в 830-е гг. самоназванием подданных кагана, чьи послы посетили императора Феофила в Константинополе, а затем и Людовика Благочестивого в Ингельгейме 18 мая 839 г. При каролинском дворе с этим этником тогда еще знакомы не были, но византийцам он должен был быть известен, так как те же росы за несколько лет до посольства разгромили Амастриду (Васильевский, 1915). Таким образом, летописная концепция, которая возводит возникновение названия «Русская земля» (в Среднем Поднепровье) к появлению Рюрика, страдает неточностью: пусть и в иной географической привязке, это название присуще и «до-рюрикову» этапу проникновения скандинавов в славяно-финскую среду. Такое преемство этнонимов тем более примечательно, если признать, что разрыв между обоими этапами составил около двух десятилетий.

Отстаиваемая мною локализация каганата русов на Севере не претендовала на оригинальность, однако в новейших работах она вновь уступает место южной, более традиционной, связывающей каганат с Киевом. Так, недавно А. А. Горский (Горский, 2004. С. 55–56) отверг северную локализацию каганата, ссылаясь на свидетельство Бавар-

ского географа (при том, что в интересующей нас части этот памятник сохранил лишь самые общие географические представления, а сближая русов и хазар, исходил, вероятно, из факта их совместного контроля над торговым путем из Скандинавии в Халифат). Возродившаяся южная локализация каганата чревата, однако, парадоксом, на который я хотел бы обратить внимание читателя.

Давно уже не секрет, что ни о каком значительном поселении на месте будущего Киева до конца IX в. говорить не приходится. Правда, в свое время об этом чаще писалось на Западе, чем в СССР. Правда и то, что этот факт несколько не препятствовал Б. А. Рыбакову и его последователям отправлять, начиная с 830-х гг., из Киева в поход на Византию многотысячные экспедиции, естественно, чисто славянские по составу участников, ибо никаких следов скандинавского присутствия на территории Украины до конца IX в. не засвидетельствовано. Здесь то и возникает сложность.

Традиционная советская концепция истории Киева ныне пересматривается в работах украинских археологов. Так, обобщая опыт многолетних исследований Подола, М. Сагайдак признает в скромных зачатках городской жизни, прослеживаемых в этой части древнего Киева с конца 880-х гг., первое свидетельство о существовании Киева как города. Он также указывает на разрыв в заселении территории будущего Киева с конца VIII по конец IX в. (Сагайдак, 2005. Р. 138–160). Археологические датировки, базирующиеся в основном на керамическом материале, достаточно растяжимы, и наблюдаемый М. Сагайдаком временной разрыв несколько сокращается в работе А. Комара. Однако и этот исследователь констатирует: «к сожалению, на сегодня у нас нет реальных фактов, подтверждавших бы существование Киева во второй трети IX в., то есть во время наиболее захватывающих событий в истории «Русского каганата» (Комар, 2005. С. 136–137). Автор напоминает также о гибели поселений вольницевской культуры и запустении Днепровского Левобережья в первой трети IX в. (см.: Григорьев, 2000), усматривая следы подобных разрушений и на территории Киева. Этот погром А. Комар приписывает карательной акции Русского каганата во главе с Аскольдом и Диром; признавая при этом, что предлагаемый им анализ радикально меняет характер взаимоотношений этих исторических деятелей с населением Киева по сравнению с летописной традицией.

В самом деле, любопытно, как постепенно менялся образ Аскольда и Диры. В летописном повествовании, восходящем к первоначальному «Сказанию», эти два авантюриста-варяга прибирают к

рукам вымороченный городок, притесняемый соседями и обложенный хазарской данью: такой сценарий, на мой взгляд, вполне правдоподобен для первого десятилетия X в. Затем они погибают, ничем более не отличившись, от рук Олега, будучи явно не в состоянии оказать ему сопротивление. Автор ПВЛ, задавшийся целью увязать воедино в своей «новой хронологии» данные летописи и греческой хроники, ставит Аскольда и Дира во главе первого похода Руси на Царьград «866 г.». В современных же былинах, созданных или вдохновленных Б. А. Рыбаковым, отношения между Аскольдом и Диром наполняются драматизмом, оба они ассоциируются с Русским каганатом, а ныне громят и Киев. Последнее, впрочем, особенно несправедливо. В работе, опубликованной в русском переводе в малодоступном крымском издании и оставшейся А. Комару неизвестной, я уже указывал на связь разрушения славянских поселений левобережья Днепра с захватом Причерноморской степи венграми в конце 830-х гг. Из-за венгерского вторжения послы Русского кагана как раз и не смогли вернуться домой степным путем, почему и отправились кружной дорогой через Европу, а попав ко двору Людовика Благочестивого, были опознаны как свеоны. Лишь после изгнания венгров печенегами полвека спустя, создаются условия для возобновления торговых путей, которые способствовали и возникновению города Киева (Zuckerman, 1997. P. 51–74, Цукерман, 1998. С. 663–688).

Вернемся, однако, к тому, что я бы назвал растущим парадоксом древнерусской историографии. Независимо от степени заинтересованности в поисках следов каганата, киевские исследователи сходятся на том, что не только крупного административного центра, но и простого поселения в период расцвета каганата в Киеве не существовало. Однако одновременно с тем, как представление о Киеве – мощной столице Руси середины IX в. сходит на нет на Украине, оно укрепляется и обрастает новыми деталями в Москве. Активный торговый путь, «связывающий восточнобаварское Подунавье через Моравию, Малую Польшу, Волынь и Киевщину с Хазарией» возникает, согласно А. В. Назаренко, не позже середины IX в. и используется русским купцами с далекоидущими последствиями: «именно на этот коммуникационный «костяк» в течение IX–X вв. выросла «плоть» Древнерусского государства» (Назаренко, 2001. С. 108, 114). Однако, где именно на Киевщине базировались эти купцы, вообще никаких археоло-

гических следов своей деятельности не оставившие, остается загадкой. С. А. Иванов отправляет в Киев архиепископа, посланного патриархом Фотием на Русь: исследователь считает, что ехать на север архиепископу было бы слишком далеко (Иванов, 2003. С. 20–22). Вряд ли сосланный на Русь византийский иерарх осознавал разницу в расстоянии между местом будущего Киева и местом будущего Новгорода (да кто б его и спросил?); вряд ли пославшие его церковные и светские власти обладали более четкими географическими представлениями. Но если бы он попал в 869 г. на место будущего Киева, то ничего, кроме битых горшков волынцевского типа, он там бы не нашел. Располагая центр Русского каганата в Киеве, А. А. Горский называет его правителями в 860–870-х гг. Аскольда и Дира, сохраняя за ними «условные» даты ПВЛ. Посольство же конца 830-х гг. в Византию, по его мнению, посылали те, «кто был там у власти до них» (Горский, 2004. С. 56). Если вернуться к давно забытой канве летописного рассказа, это должны были быть не иначе как Кий-перевощик, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Поскольку А. А. Горский не отрицает вклада скандинавов в становление Русского каганата, факт полного отсутствия скандинавских древностей на Украине вплоть до их появления на Шестовице в самом начале X в. выступает здесь во всей своей остроте. Получается, что скандинавы, которые без стеснения разбрасывали следы своего пребывания на русском севере, на юге сумели их целиком и полностью замести.

Постоянно растущий разрыв между данными археологии и построениями историков наводит на мысль, что русский каганат в своей южной историографической ипостаси парил над территорией Украины наподобие летающих замков и островов японских мультфильмов, не оставляя по себе никаких материальных следов. Логичнее признать, что он располагался на севере, и связать его существование с теми скандинавами, чье присутствие прекрасно засвидетельствовано в Поволжье именно в 830–860-е гг., и о которых летописи помнили лишь то, что те были изгнаны местными племенами за творимое насилие. Такого рода признание, однако, таит в себе подвох. Если русский каганат, известный с таким этниконом уже в 830-е гг., возник на севере, то любые попытки отыскать южное, славянское происхождение этнонима Русь сразу же отпадают. Так что «Русский каганат» или «остров руссов» арабских источников будет, без сомнения, парить над Украиной еще очень долго.

* * *

Предлагая просвещенному читателю свои соображения по древнерусской истории, я тешил себя надеждой, что они не только поднимают давно назревшие проблемы, но и предлагают новые, наиболее обоснованные решения. Читатели-специалисты, сжившиеся с «условными» датами, отошлись в общем в том смысле, что ни проблем им моих, ни решений не надо, не сознавая, что как в известной сказке Андерсона, тщательно охраняемой условности явно настал конец. Независимо от того, согласятся они со мной в конце концов или нет, даты княжения Рюрика, Олега и Игоря им придется обосновывать самим. А поскольку научный спор есть лишь путь к достижению истины – в форме, доступной для историка, то есть как непротиворечивое истолкование всей доступной массы источников – я хотел бы под конец заострить внимание коллег на некоторых методологических проблемах, разрешение которых будет, несомненно, способствовать нашему совместному движению вперед.

Остро стоит вопрос о продолжении использования даже квалифицированными исследователями «условных дат» летописи. Процесс их появления на сегодняшний день достаточно ясен, и ориентироваться в современной историографии на домыслы летописца, всякий раз подчеркивая их условность, явно нелепо. В этом отношении велика заслуга Дж. Шепарда, который впервые попытался дать обзор древнерусской истории, не привлекая летописные даты (*Franklin, Shepard, 1996*; русское издание: *Франклин, Шепард, 2000*). Автора можно упрекнуть лишь в том, что вместе с сомнительными цифрами он исключил из своего исторического очерка и немалую часть несомненных событий, ими датированных, чем существенно этот очерк обеднил. Представляется, что тщательный текстуальный анализ летописного рассказа позволяет нам привлечь сообщаемые им данные в гораздо более полном объеме.

Столь же острой проблемой становится отсутствие четких источниковедческих посылок исследователя при обращении к летописным данным. Не говоря даже о Никоновской летописи или «татишевских» известиях, которые многими уже и не используются, остается вопрос о соотношении НПЛ и ПВЛ. Древнерусская история писалась согласно ПВЛ задолго до того, как А. А. Шахматов показал первичность текста, сохраненного НПЛ, и сегодня эта традиция продолжается, хотя мало кто ставит под сомнение основные выводы Шахматова. В советскую эпоху положение осложня-

лось тем, что древнерусскую историю зачастую писали исследователи, филологической подготовкой не обладавшие, но даже если не обращать внимания на крайности, специалисты и поныне слишком часто опираются на фразы и конструкции ПВЛ, вторичные по отношению не к некоему гипотетическому Urtext'у, а к вполне доступному тексту НПЛ. Основная черная работа для историка была проделана О.В. Твороговым, который вновь тщательно сличил тексты обеих летописей (*Творогов, 1976. С. 3–26*). Историк, желающий оспорить его выводы, может сам проделать ту же работу и представить новые аргументы, но просто опираться на заведомо вторичный текст он не вправе, как не вправе приводить условные летописные даты, никак их не обосновывая.

Возможности использования историком летописных данных обогатились благодаря уже упомянутой работе А. А. Гиппиуса, наметившего пути выделения древнейшего долетописного текста, так называемого «Сказания», в составе дошедших до нас летописей. Каждый историк обязан теперь занять позицию по отношению к «Сказанию» при определении своей источниковой базы. А потому он не может оставить в стороне и проблему, было ли описание княжения Игоря составлено с самого начала в той форме, в какой оно фигурирует в НПЛ или ПВЛ (как молчаливо признается всеми, кто цитирует летописные даты), или же все-таки в той, в какой его восстанавливает А. А. Гиппиус (и тогда остается лишь прочесть эти несколько строк, и вся хронология первых княжений встает на свое место). Впрочем, княжение Игоря – это лишь один из эпизодов в интереснейшем повествовании, более полная реконструкция которого принесет историкам еще много ценного и неожиданного.

Расцветший за последние годы в разных формах «антинорманизм» осложняет дискуссию, сводя ее к вопросам для нашей темы сторонним, а главное, создавая странную атмосферу, в которой задачей историка оказывается борьба с источниками, которые постоянно пытаются ввести его в заблуждение. Как былинный богатырь, рубящий головы змея, историк расправляется с Бертинскими анналами, переставляет с ног на голову Константина Багрянородного, попутно сметает Иосифона и разбирается, как может, с тремя поколениями летописцев, которые все, как выясняется, состояли на службе норманнской интриги (см. недавно: *Максимович, 2006. С. 14–56; Фомин, 2005*). Я эту логику преодоления источника для себя не приемлю. В предлагаемой мной конструкции историком, самым разным, в общем можно доверять.

Было и изгнание варягов, и призвание Рюрика (тот самый «ряд», о котором пишет В.Я. Петрухин и другие уважаемые коллеги), и Игорь был Рюриковым сыном, и вся совокупность летописных известий об отношениях Олега и Игоря отражает ту двойственность этого союза, которая не менее очевидна и при анализе иностранных источников. Но все это было в истории в свое время и на своем месте. Представления автора «Сказания» о Киеве до захвата его Олегом соответствуют данным археологии, а позднейшее превращение Аскольда и Дира в вождей многотысячного похода на Царьград немало бы его позабавило. Автор Кембриджского анонима, описавший поход Олега на Константинополь и на Бердаа, тоже ни в чем не ошибся. Тот факт, что он признал за царя руссов их действительного правителя, а не «законного» княжича из правящей династии, вряд ли можно поставить ему в упрек. Кто из соседей Византии (да и самих византийцев!) обращал особенное внимание на то, что при «мужлане» Романе Лакапине соправителем был багрянородный василевс и что Никифор Фока и Иоанн Цимисхий правили от имени порфирородных принцев?

Хронология событий есть, как известно, основа истории, тот жесткий каркас, на который крепятся наблюдения культурного, социального и экономического порядка, выявляющие различные аспекты развития общества во времени. Поэтому очевидно, что предлагаемый мною пересмотр хронологических реперов в корне меняет наши взгляды на динамику становления древнерусского общества в целом. Приведу лишь один пример. Важнейшим показателем интеграции скандинавов в славянской среде являются византийско-русские договоры 911 и 944 гг. над переизданием, переводом и комментарием которых я сейчас работаю. По традиционной хронологии, договор 911 г.,

в котором Русь лишена каких-либо географических привязок, и где еще не ощущается какого-либо влияния славянских верований, отражает состав элиты древнерусского общества ровно через полстолетия после прибытия Рюрика и его дружины на Русь, то есть в своем втором-третьем поколении. Еще поколение добавляется для тех исследователей, которые считают, что присутствие скандинавов на Руси не прерывалось с момента возникновения Русского каганата. В соответствии же с той хронологией, что предлагаю я, посольство 911 г. состоит из мигрантов первой волны, что и объясняет полное отсутствие признаков интеграции. А всего лишь поколение спустя, договор 944 г. уже явно отражает факт вхождения варягов в славянскую среду.

Итак, хочется думать, что в серии работ, предшествующей настоящей статье, я сумел показать, что комплексный разбор наличных письменных источников по древнейшей истории Руси с учетом новейших археологических данных позволяет предложить вполне надежную хронологию известных нам по летописи событий. «Изгнание варягов», бывшее собственно падением Русского каганата, датируется самым началом 870-х гг., а «призвание» Рюрика может быть отнесено не к 862 г., но к началу 890-х гг. Период правления Олега, сначала как вождя отложившейся от Рюрика и обосновавшейся, скорее всего, в Гнездово дружины, а затем от имени «законного» Рюрикида Игоря, простирается от первого десятилетия X в. до лета 941 г. Самостоятельное княжение Игоря сводится к краткому периоду с лета 941 по начало 945 г. Каждая из этих дат опирается на совокупность аргументов и, следовательно, может стать предметом научной дискуссии, а никакой альтернативной хронологии древнейшей русской истории мне на сегодняшний день в науке не известно.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А.*, 1971. Работы Смоленской экспедиции // АО 1970 года. М.
- Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Пушкина Т. А.*, 1972. Смоленская экспедиция // АО 1971 года. М.
- Авилова Л. И.*, 2006. Конференция «У истоков русской государственности (К 30-летию раскопок на Городище под Новгородом)» // РА. № 3.
- Алексеев Л. В.*, 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.
- Алексова А.*, 1966. Просек Демир Капья. Скопье; Београд.
- Алпатов М. В.*, 1956. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // ТОДРЛ. Л. Т. XII.
- Амвросий*, 1813–1815. История российской иерархии. М., 1813. Ч. V; М., 1815. Ч. VI.
- Андерсон М. С.*, 1997. Петр Великий. Ростов-на-Дону; Москва.
- Андреев А.*, 1929. Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии АН СССР // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л. Вып. 34.
- Андрощук Ф. А.*, 1995. Чернигов и Шестовица // Деснинские древности: Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подсенья»... [Россия, Брянск, 25–27 апреля 1995 г.] Брянск. [Вып. 1].
- Атисимов Е. В.*, 2003. Первейший зодчий. Таинство рождения Санкт-Петербурга // Родина. Специальный выпуск. Санкт-Петербургу – 300 лет. СПб.
- Анкудинов И. Ю.*, 2001. Писцовые описания Новгорода XVI в. // Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. СПб.
- Анкудинов И. Ю.*, 2003. Картографические материалы Елизаветинского межевания по окрестностям Новгорода // НИС. СПб. Вып. 9 (19).
- Антипов М.*, 2005. Тайны старого Новгорода // Невское время. Петербургская ежедневная газета. 6 октября.
- Антонова В.*, 1984. Крестове-енколпионы в Историческом музее «Людмила Живкова» в Шумен // ГМСБ. Варна. Кн. 10.
- Антонова В. И., Миева Н. Е.*, 1963. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. М. Т. I. XI–начало XVI века.
- Антропова Я. В.*, 2003. О редком виде кожаной обуви из раскопок в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 17.
- Антропова Я. В., Торопова Е. В.*, 2001. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Артамонов М. И.*, 1990. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. № 3.
- Архипетисков Сергей (Спасский)*, 1997. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд., испр. и доп. Владимир, 1901. Т. 1–3. Репр. воспроизв.: М.
- Арциховский А. В.*, 1930. Раскопки 1929 года в Новгородском округе // Материалы и исследования. Новгород. Вып. 1.
- Арциховский А. В.*, 1956. Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. Т. I / МИА № 55. М.
- Арциховский А. В., Борковский В. И.*, 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.
- Арциховский А. В., Каргер М. К.*, 1933. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. Л. № 1–2.
- Асташова Н. И.*, 1998. Торговые связи средневекового Смоленска // Общество, экономика, культура и искусство славян. Т. IV / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Россия, Новгород, 26–31 августа 1996 г. М.
- Атапасов Г.*, 1991. Средневековни църковни крѣстове от южна Добруджа // Известия на Народния музей Варна. Варна. Кн. 27 (42).
- Атапасов Г.*, 1992а. Християнски паметници от ранно-средновековната крепост до с. Руйно, Дуловско // Добруджа. Варна. 8 (1991).
- Атапасов Г.*, 1992б. Средновековни крѣстове-енколпиони от Силистра // Известия на Народния музей Варна. Варна. Кн. 28 (43).
- Атапасов Г., Йорданов И.*, 1994. Средновековният Ветрен на Дунав. Шумен.
- Атапасов Г., Йотов В.*, 1990. Крѣстове – енколпиони и медальони от ранно-средновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. Варна. 6 (1989).
- Аун М.*, 1980. Курганные могильники Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. Таллин.
- Багаури А.*, 2005. Исток Волхова – исток России // Новгородский университет. № 646. 13 октября.
- Бажсан Н. А., Каропольцев С. Ю.*, 1986. Северо-западные длинные курганы в контексте северо- и центральноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М. [Вып. II].
- Баранов К. В. (ред.)*, 2001. Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. СПб.
- Бауер Н. П.*, 1942. История древнерусских денежных систем (IX в. – 1535 г.) // НА ИИМК, РА. Ф. 41. Д. 7–10.
- Бахрушин С. В.*, 1930. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 года. М.
- Башенькин А. Н.*, 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. // Проблемы истории северо-запада Руси / Славяно-русские древности. Под ред. И. В. Дубова и И. Я. Фроянова. СПб. Вып. 3.

- Башенькин А. Н.*, 1999. Финно-угры и славяне на Кабоже и Чагодоше // Чагода. Историко-краеведческий альманах. Вологда.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г.*, 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кабоже. 20 лет исследований // Чагодошенская земля: культура, история, люди. Вологда.
- Башков А. А.*, 2004. «Сирийские» энколпионы на территории Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск. № 19.
- Безбородов М. А.*, 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск.
- Белецкий С. В.*, 1977. Керамика городища Камно Псковской области // Средневековые древности / КСИА. 150.
- Белецкий С. В.*, 1979. Керамика Псковской земли второй половины I–начала II тыс. н. э. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Белецкий С. В.*, 1981. Раскопки Псковского городища в 1977/1978 гг. // Древнерусские города: [Сборник статей]. Отв. ред. В. В. Седов. М.
- Белецкий С. В.*, 1996. Начало Пскова / *Белецкий С. В., Белецкий С. В.* Городское ядро средневекового Пскова. СПб. Ч. 1.
- Белецкий С. В.*, 1998. Наследование лично-родовых знаков князьями Рюриковичами в X–XI вв. // Общество, экономика, культура и искусство славян. Т. IV / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Россия, Новгород, 26–31 августа 1996 г. М.
- Белецкий С. В.*, 2000. Древнерусский княжеский знак как памятный объект // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2000 г.: Материалы конференции. М., 2000.
- Белецкий С. В.*, 2001а. Знаки Рюриковичей. Часть вторая. Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). Учебное пособие для студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» // Исследования и музеефикация древностей Северо-запада. СПб. Вып. 3.
- Белецкий С. В.*, 2001б. Предметы с изображениями тамообразных знаков из раскопок в Тверском Кремле // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.
- Белецкий С. В.*, 2001в. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб.
- Беспярых Ю. Н.*, 1991. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.
- Беспярых Ю. Н.*, 1997. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVII веке. СПб.
- Бессарабова З. Д.*, 2001. Сосуд из жировика из Старой Ладogi // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 4.
- Богославский О. И., Щеглова О. А.*, 1996. Новые исследования комплекса памятников у д. Городище // Ладога и Северная Европа / Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.
- Божерянов И. Н.*, 1901–1903. К 200-летию столицы. 1703–1903. С.-Петербург в Петрово время. Иллюстрированный исторический очерк. СПб. Вып. 1–2/3.
- Брикнер А. Г.*, 1881. История Петра Великого. СПб.
- Брюсова В. Г.*, 1984. Русская живопись XVII века. М.
- Бубрих Д. В.*, 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.
- Бубрих Д. В.*, 1971. Русское государство и формирование карельского народа // Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками. К 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха / Прибалтийско-финские языковедение. Л. Вып. 5.
- Бугославский С. А.*, 1941. «Повесть временных лет»: списки, редакции, первоначальный текст // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.; Л.
- Бугославский С. А.*, 2006. Текстология Древней Руси. Т. 1. Повесть временных лет. М.
- Бужилова А. П.*, 2001. Адаптивные процессы у древнего населения Восточной Европы (по данным палеопатологии): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Булкин В. А., Дубов И. В.*, 1978. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л.
- Булкин В. А., Зоценко В. Н.*, 1990. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь IX–X вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
- Булкин В. А., Лебедев Г. С.*, 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.
- Бусятская Н. Н.*, 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.
- Ваклинов С.*, 1977. Формиране на старобългарската култура. София.
- Валиулина С. И.*, 2005. Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань.
- Васильева Е. С.*, 1982. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Пассо // *Кочуркина С. И.* Древняя Корела. Л.
- Васильевский В. Г.*, 1915. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Суражского // *Васильевский В. Г.* Труды. Пг.
- Вахрос И. С.*, 1959. Древнейшие наименования допетровской эпохи // Наименования обуви в русском языке / Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Приложение к № 6/10. Хельсинки. Т. 1.
- Ведомости времени Петра Великого*, 1903. 1703–1707 гг. СПб. Вып. 1.
- Вендина О. И.*, 2003. Москва и Петербург. История соперничества российских столиц // Москва–Петербург. Российские столицы в исторической перспективе. Ред. С. В. Михайлов, В. П. Третьяков. М.; СПб.
- Вергей В. С.*, 1997. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Т. 3 / Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.
- Веремейчик Е. М., Руденко В. Я.*, 2004. Древнерусские энколпионы из Чернигова // Символ в философии и религии / VI Крымская международная конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь.

- Вешнякова К. В.*, 1995. Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / Археологические изыскания [ИИМК РАН]. СПб. Вып. 34.
- Вилимбахов Г. В.*, 1995. Святой Георгий Победоносец. Образ святого Георгия Победоносца в России. СПб.
- Вилимбахов Г. В.*, 1997. Государственный герб России. 500 лет. СПб.
- Вилкул Т.*, 2004. Текстология и Textkritik. Идеальный проект... // Palaeoslavica. International Journal for the study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge, Mass. Vol. 12.
- Витлянов Ст.*, 2004. Военно-административни сгради от двореца във Велики Преслав. IX–X век. София.
- Витоль Е.*, 2005. Ядро русской государственности потихоньку съедается кладбищем // Новгород. Общественно-политический еженедельник. № 799. 13 октября.
- Володченко В. А.*, 1951. Перстень-печать XII в. // КСИИМК. XXXVI.
- Воробьев А. В.*, 1959. План Новгорода 1762 г. // НИС. Новгород. Вып. 9.
- Воробьев А. В.*, 1961. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века // НИС. Новгород. Вып. 10.
- Вороши Н. Н.*, 1954. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III / МИА. М.; Л. № 41.
- Вьлева Ю.*, 1981. Средневековни кръстове-енколпиони от Националната художествена галерея // Археология. София. XXIII. Кн. 1–2.
- Гадзяцкий С. С.*, 1941. Карелия в новгородское время. Петрозаводск.
- Гайдуков П. Г.*, 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А.*, 2001. Хронология Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Гайдуков П. Г., Молчанов А. А.*, 2005. Новые находки куфических монет в Ильменском Поозерье // Центральная Азия: Источники, история, культура: Материалы Межд. науч. конф., посвящ. 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского: Москва, 3–5 апреля 2003 г. М.
- Гайдуков П. Г., Молчанов А. А.*, 2006. Новые находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском Городище // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 января 2006 г. М.
- Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Яшин В. Л.*, 2002. Единичные находки куфических монет на Неревском раскопе в Новгороде // Десятая ВНК: Псков, 15–20 апреля 2002 г.: Тез. докл. и сообщ. М.
- Гайдуков П. Г., Никитин А. Б.*, 1981. Хорезмийская серебряная монета VIII в. с Новгородского городища // Средневековые древности / Средневековые древности / КСИА. Вып. 166.
- Гайдуков П. Г., Федоров-Давыдов Г. А., Яшин В. Л.*, 2000. Новый клад куфических монет X в. из Новгорода // Восьмая ВНК: Москва, 17–21 апреля 2000 г.: Тез. докл. и сообщ. М.
- Галибин В. А.*, 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.
- ГВНП, 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.
- Гензель В.*, 1959. Археологические исследования и проблема возникновения польского государства // СА. № 2.
- Геология...*, 1969. Геология и полезные ископаемые зарубежных стран. Сирия. М. Вып. 18.
- Георгиева С.*, 1958. Кръстове-енколпиони от средновековен Преслав // Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София.
- Герберштейн С.*, 1988. Записки о Московии. М.
- Гиляров Ф.*, 1878. Предания русской начальной летописи. М.
- Гиттиус А. А.*, 2001a. «Рекоша дружина Игореве...». Клингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Dordrecht, Boston, London. 25.
- Гиттиус А. А.*, 2001b. «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г.: Материалы конференции. М.
- Гиттиус А. А.*, 2002. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // Russian Linguistics. Dordrecht, Boston, London. 26.
- Гиттиус А. А.*, 2006a. Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavization of the Russian North. Ed. By Juhani Nuorluoto. Helsinki.
- Гиттиус А. А.*, 2006b. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Гиттиус А. А.*, 2007. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. № 4.
- Гиттиус А. А.*, 2003. Рагоуиль: Страница из истории русского именованослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. Hrs. S. Kempgen, U. Schweizer, T. Berger / Die Welt der Slaven. Sammelbande – Сборники. Hrs. P. Rehder, I. Smirnov. München. Bd 19.
- Гиттиус А. А., Зализняк А. А.*, 1998. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования 1997. М.
- Глиняные игрушки...*, 2002. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Автор-составитель Н. В. Несгерова. Владимир.
- Глевушев А. М.*, 1911. Новгородский Дворцовый приказ в XVII в. Краткий очерк деятельности приказа и документы. М.
- Голб Н., Прицак О.*, 1997. Хазарско-еврейские документы X века. 1-е изд. М.; Иерусалим.

- Голб Н., Прицак О., 2003. Хазарско-еврейские документы X века. 2-е изд., испр. и доп. М.
- Голубева Л. А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
- Голубева Л. А., Кочуркина С. И., 1991. Белозерская вещь (по материалам поселения Крутик). Петрозаводск.
- Горский А. А., 1999. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. М. № 8.
- Горский А. А., 2004. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.
- Горский А. А., 2005. Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 года» // У источника = Ad fontem : сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.
- Горюнова В. М., 1982. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Горюнова В. М., 1994. Проблемы происхождения западнославянской керамики в Приильменьи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8.
- Горюнова В. М., 2007. Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-западной Руси // Северная Русь и народы Балтики: [Сборник статей]. Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.
- Горюнова В. М., Лапишин В. А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.
- Государственная Третьяковская галерея, 1995. Каталог собрания. М. Т. I. Древнерусское искусство X–начала XV века.
- Грабар А., 2000. Император в византийском искусстве. М.
- Греков Б. Д., 1912. Опись Торговой стороны в писцовый книге по Новгороду Великому XVI века. СПб.
- Греков Б. Д., 1929. Революция в Новгороде Великом в XII веке // «Институт истории. Ученые записки. М. Т. 4.
- Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII–начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Гуревич А. Я., 1999. Начало феодализма в Европе // Избранные труды. М. Т. 1.
- Гуревич Ф. Д., 1981. Древний Новгородок. Л.
- Гуревич Ф. Д., 1986. Византийский импорт в городах Западной Руси в XII–XIII вв. // ВВ. Т. 47.
- Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.
- Гурулева В. В., 2002. Золотая византийская монета X в., найденная в Пскове // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.
- Гусева О. Г., Вошова И. Л., 1995. К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладогe // Храм и культура. Древнерусский семинар: Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга. СПб.
- Гуциш А. С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.
- Давидан О. И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладогe // АСГЭ. Л. Вып. 21.
- Давидан О. И., 1988. Скарабей из Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 29.
- Дайн Г. Л., 1981. Русская народная игрушка. М.
- Даль В. И., 1981–1982. Толковый словарь живого великорусского языка. [репр.] М. Т. I–IV.
- Даль В. И., 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. I–IV.
- Данков М. Ю., 1997. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология / Археологические изыскания ИИМК РАН. СПб. Вып. 45.
- Данков М. Ю., 2000. Иноземцы и «Осударева дорога» // Немцы и Русский Север. М.
- Данков М. Ю., 2003. Адриан Шхонебек и «Осударева дорога» // Нидерланды и Северная Россия. СПб.
- Данков М. Ю., 2004а. «Осударева дорога» и архимандрит Фирс // Защитники Отечества. Архангельск.
- Данков М. Ю., 2004б. Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. СПб. Вып. 5.
- Даркевич В. Е., Монгайт А. Л., 1978. Клад из Старой Рязани. М.
- Даркевич В. П., 1974. К истории торговых связей Древней Руси // Торговля и обмен в древности / КСИА. Вып. 138.
- Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе. X–XIII вв. М.
- Даркевич В. П., 1976. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.
- Даркевич В. П., 2006. Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. 2-е изд. М.
- Двинский росписной список..., 1993. Двинский росписной список 1702 года // Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья эпохи Петра Великого. Архангельск.
- Джанполадян Р. М., 1967. Два стеклянных сосуда из Новогрудка // ВВ. Т. XIX.
- Джанполадян Р. М., 1974. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. / Средневековые памятники. Вып. II. Археологические памятники Армении. 7. Ереван.
- Джанполадян Р. М., Калантарян А. А., 1988. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия) / Средневековые памятники. Вып. VI. Археологические памятники Армении. 14. Ереван.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л.
- Дозорная книга Софийской стороны..., 2001. Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода дозора князя Василия Кропоткина // Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб.
- Долуханов П. М., Носов Е. Н., 1985. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI–X вв. //

- Новое в археологии Северо-Запада / Отв. ред. В. М. Массон. Л.
- Допчева-Петкова Л.*, 1983. Кръстове-енколпиони от Варненския музей // Известия на народния музей Варна. Варна. Кн. XIX (XXXIV).
- Допчева-Петкова Л.*, 1992. За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа. Варна. 8 (1991).
- Допчева-Петкова Л.*, 2006. О дате двух типов средневековых крестов-энколпионов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Межд. научн. конф., посв. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Тез. докл. (Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г.). СПб.
- Древние германцы*, 1999. Древние германцы. Викинг. М.; СПб.
- Древний Новгород*, 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.
- Древняя Русь*, 1997. Древняя Русь. Быт и культура. Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова / Археология. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М.
- Дубов И. В.*, 1973. Работы Ярославского отряда // АО 1972 года. М.
- Дубов И. В.*, 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л.
- Дубов И. В.*, 1983. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии / Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л. Вып. 7.
- Дуров И. Г.*, 2003. Провиантское обеспечение экипажей малых фрегатов «Курьер» и «Святой Дух» в 1702 г. // Нидерланды и Северная Россия. СПб.
- Егорьков А. Н.*, 2001. Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.
- Етшосова Н. В.*, 2001. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнездове // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Москва; Архангельск.
- Еремеев И. И.*, 2001. Раскопки в Смоленском Подвинье // АО 2000 года. М.
- Еремеев И. И.*, в печати. Большой курган в устье реки Межи // Древности Подвинья и Восточной Европы. По материалам заседания Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, посвященного 70-летию со дня рождения А. М. Микляева (10–11 ноября 2004 г.). СПб.
- Ерцеговић-Павловић С.*, 1986. Средньовієковна насеља и некрополе у Болъетину и Хајдучкој Воденици / Тердапске свеске, 1. Београд.
- Жарнов Ю. Э.*, 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. № 3.
- Жарнов Ю. Э., Жарнова В. И.*, 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб.
- Жерво А. В.*, 2003. Плинфяное строительство князя Всеволода Большое Гнездо // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: Материалы научного заседания 14–15 мая 2002 г. [Государственный Эрмитаж]. СПб.
- Житие*, 1853. Житие Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. Троице-Сергиева Лавра.
- Забелин И. И.*, 1901. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. 3-е изд. М.
- Завьялов В. И.*, 2002. Кузнечное ремесло столицы и периферии (Рязань и Ростиславль Рязанский) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Материалы научной конференции. М.
- Загорюльский Э. М.*, 1977. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.) Минск.
- Загорюльский Э. М.*, 1982. Возникновение Минска. Минск.
- Залеская В. Н.*, 2001. Фессалоникские иконы-евлогии и образки эпохи латинской империи // Пилигримы: XX Международный конгресс византинистов. Париж, 19–25 августа 2001 г. [Государственный Эрмитаж]. СПб.
- Залеская В. Н.*, 2004. Образ Георгия-воина в мелкой пластике Палеологовского времени // Византия в контексте мировой истории: Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.
- Залеская В. Н.*, 1988. О связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л.
- Зализняк А. А.*, 1986. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Яшиш В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.): Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.) М.
- Зализняк А. А.*, 1995. Древненовгородский диалект. М. 1-е изд.; 2004. М. 2-е изд. испр. и доп.
- Зализняк А. А., Носов Е. Н., Яшиш В. Л.*, 2004. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. // Вопросы языкознания. № 3.
- Засурцев П. И.*, 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 123.
- Засурцев П. И.*, 1967. Новгород, открытый археологами. М.
- Захаров С. Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Звіздецький Б. А., Петраускас А. В., Польгуй В. І.*, 2004. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ.
- Зоценко В. Н.*, 1991. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия. Сборник научных трудов (к XVIII Конгрессу византинистов). Киев.
- Ивакин Г. Ю.*, 2005. Погребения X–первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XI веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.

- Иванов С. А.*, 2003. Концепции К. Цукермана и византийские источники о христианизации Руси в IX веке // *Славяноведение*. М. № 2.
- Известия ИАК*, 1904. Известия ИАК. СПб. Прибавления к выпуску 10-му (Хроника и библиография. Вып. 6).
- Изомова С. А.*, 1959. К истории кожевного и сапожного ремесел Новгорода Великого // *Труды Новгородской археологической экспедиции*. Т. II. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 65.
- Ильина Л. Л., Грахов А. Н.*, 1980. Волхов. Л.
- Исландские саги*, 1999. Исландские саги / Под общ. ред. О. А. Смирницкой. СПб. Т. 1–2.
- Исламова И. В.*, 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Исламова И. В.*, 2002. Поселение Леонтьево I на оз. Мстино // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Любытино. Вып. 1.
- Исламова И. В.*, 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Исламова И. В., Мирецкий А. В.*, 1997. Находки с городища Осечен // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Казанский В. О., Мачинский Д. А.*, 1996. «Ладожская династия» христианизировала Швецию? // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г.: Материалы к чтениям. СПб.
- Казанский М. М.*, 1997. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // *АВ*. СПб. № 6.
- Калипина Т. М.*, 2003. Восточные источники о древнерусской государственности (К статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // *Славяноведение*. М. № 2.
- Кальмер Ю.*, 1999. Археологические древности Руси // *Мастера средневековья / Stratium plus*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 5.
- Кашп П. Я.*, 1957. Петропавловская крепость. Л.
- Карамзин Н. М.*, 1991. История государства Российского. М. Т. 2–3.
- Каргер М. К.*, 1947. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // *СА*. IX.
- Каргер М. К.*, 1958, 1961. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л. 1958. Т. I; 1961. Т. II.
- Каштанов С. М.*, 1996. Из истории русского средневекового источника: акты X–XVI веков. М.
- Кирпичников А. Н.*, 1973а. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // *САИ*. М. Вып. E1–36.
- Кирпичников А. Н.*, 1973б. Исследования древней Корелы и Ладожской крепости // *АО* 1972 года. М.
- Кирпичников А. Н.*, 2003. Древности Старой Ладоги в исследованиях Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН // *Старая Ладога – древняя столица Руси*. СПб.
- Кирпичников А. Н., Епшосова Н. В.*, 2004. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // *Восточная Европа в Средневековье*. М.
- Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е.*, 2002. Исследования староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб.
- Кожина Г. Н.*, 2003. Каталог № I.1/2, I. 1/3 // *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* 2003. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. / *Труды ИИМК РАН*. СПб. Т. VII.
- Козюба В. К.*, 2004. Городище на старокиївській горі // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ*.
- Ковковцев П. К.*, 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.
- Колесникова Л. Г.*, 1973. Восточное стекло из собраний Херсонесского музея // *ВВ*. Т. 34.
- Колчин Б. А.*, 1975. Становление ремесла древнего Новгорода // Тезисы докладов советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии (Братислава, сентябрь 1975 г.). М.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Яшин В. Л.*, 1981. Усадьба новгородского художника XII века. М.
- Колчин Б. А., Яшин В. Л.*, 1982. Археологии Новгорода 50 лет // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. М.
- Комар А.*, 2005. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. Київ. № 4.
- Комар А. А.*, 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antique*. № 2. / Киев. нац. ун-т. Ист. фак.; Гл. ред. М. И. Гладких. Киев.
- Кондаков Н. П.*, 1914. Иконография Богоматери. СПб. Т. I (Репринтное издание. М., 1998).
- Кондаков, Н. П.*, 1915. Иконография Богоматери. Пг. Т. II (Репринтное издание. М., 1998).
- Конецкий В. Я.*, 1984. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Конецкий В. Я.*, 1989. Новгородские сопки и проблема этно-социального развития Приильменя в VIII–X вв. // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Л.
- Конецкий В. Я.*, 1993. Новгородские сопки в контексте этно-социальных процессов конца I–начала II тысячелетия н. э. // *НИС*. СПб. Новгород. Вып. 4 (14).
- Конецкий В. Я.* 1994а. Центр и периферия Приильменя в IX–X веках; особенности социально-политического развития // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород. Вып. 8.
- Конецкий В. Я.*, 1994б. К происхождению некоторых особенностей социального устройства древнего Новгорода // [I] *Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского*. Новгород, 28 сентября–2 октября 1992 г. / Под ред. В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова. Новгород.
- Конецкий В. Я.*, 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород. Вып. 11.
- Конецкий В. Я.*, 2003. Славянская колонизация Южного Причудья на фоне общих этнокультурных процессов Северо-Запада // *Псков в российской и европей-*

- ской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Отв. ред. В. В. Седов. М. Т. 1.
- Копова И. Г.*, 1999. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто / Под. ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М.
- Корецкий В. И.*, 1955. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. М. № 5.
- Корзухина Г. Ф.*, 1954. Русские клады. М.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.*, 2003. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. / Труды ИИМК РАН. СПб. Т. VII.
- Короткевич Б. С.*, 2004. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Косых А. М.*, 2004. Из истории музыкальной археологии в России // Горизонты звука: Сборник материалов Первого международного конкурса молодых инструментоведов. СПб.
- Кочуркина С. И.*, 1981. Археологические памятники корелы. V–XV вв. Л.
- Кочуркина С. И., Ливеский А. М.*, 1985. Курганы летописной веси X–начала XIII века. Петрозаводск.
- Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.*, 1990. Письменные известия о карелах. Петрозаводск.
- Кришчиная Н. А.*, 1991. Предания Русского Севера. СПб.
- Кропоткин В. В.*, 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М. Вып. Е4–4.
- Кротов П. А.*, 1999. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб.
- Кузьмин С. Л.*, 1997а. Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской / Под. ред. Д. А. Мачинского. СПб.
- Кузьмин С. Л.*, 1997б. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии (Памяти В. Д. Белецкого. СПб.; Псков. Т. I.
- Кузьмин С. Л.*, 1999. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.*, 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3.
- Культурно благо Прилепа*, 1975. Культурно благо Прилепа. VI–XVII век. Крушеван.
- Культурно богатство Прилепа*, 1976. Культурно богатство Прилепа од V–XIX века. Београд, Прилеп.
- Кушина Н. З.*, 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.
- Курбатов А. В.*, 1997. Раннесредневековая обувь Поволжья и вопросы сложения городского ремесла // Древности Поволжья. СПб.
- Курбатов А. В.*, 1999. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
- Курбатов А. В.*, 2001. Приложение к Отчету о раскопках Рюрикова Городища в 2001 г. // Е. Н. Носов: Отчет о работах Новгородской областной экспедиции в 2001 г. с описью находок и иллюстрациями / НА ИИМК РАН, РА.
- Курбатов А. В.*, 2002. Приложение к Отчету о раскопках Рюрикова Городища в 2002 г. // Е. Н. Носов: Отчет о работах Новгородской областной экспедиции в 2002 г. с описью находок и иллюстрациями / НА ИИМК РАН, РА.
- Курбатов А. В.*, 2003. Приложение к Отчету о раскопках Рюрикова Городища в 2003 г. // Е. Н. Носов: Отчет о работах Новгородской областной экспедиции в 2003 г. с описью находок и иллюстрациями / НА ИИМК РАН, РА.
- Курбатов А. В.*, 2004а. Приложение к Отчету о раскопках на Рюриковом Городище в 2004 г. Коллекция кожаных предметов // Е. Н. Носов: Отчет о работах Новгородской областной экспедиции в 2004 г. с описью находок и иллюстрациями / НА ИИМК РАН, РА.
- Курбатов А. В.*, 2004б. Коженное производство Твери XIII–первой половины XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.
- Курбатов А. В.*, 2004в. Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова / Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.
- Курбатов А. В.*, 2004г. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. // АВ. СПб. Вып. 11.
- Куриц Б. Г.*, 1915. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев.
- Лавыш К.*, 2003. Художественные изделия Востока в древних городах Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск. № 18.
- Лазарев В. Н.*, 1953. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. М. Т. VI.
- Латишин В. А.*, 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // Славяно-русская археология / КСИА. М. Вып. 195.
- Ларионов А. Л.*, 1999. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер» (К истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб.
- Ласковский Ф. А.*, 1861. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб. Ч. 2.
- Лебедев Г. С.*, 1976. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников / КСИА. М. Вып. 148.
- Лебедев Г. С.*, 1977. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Л. Вып. 1.
- Лебедев Г. С.*, 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.

- Лев Диакон*, 1988. Лев Диакон. История / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, ком. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М.
- Левашиова В. П.*, 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.
- Леоитъев А. Е.*, 1973. Работы на Сарском городище // АО 1972 года. М.
- Леоитъев А. Е.*, 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.,
- Лесман Ю. М.*, 1995. Древнерусские бронзовые браслеты с выпукло-вогнутыми валиками // СГЭ. СПб. Вып. LVI.
- Лесман Ю. М.*, 1998. Эволюция ювелирных изделий древнего Новгорода: в поисках объяснения // Теория и методология архаики. СПб.
- Ливох Р.*, 2006. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
- Литвина А. Ф.*, в печати. Имена и формулы: О характеристиках князей-тезок из рода Рюриковичей // Славяно-германские исследования / Под. ред. А. В. Циммерлинга. М. Т. 3.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.*, 2002. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI–начала XIII в. // Религии мира: История и современность / Отв. ред. А. В. Назаренко. М.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.*, 2003а. Краткий очерк антропонимической ситуации в династии Рюриковичей (Предварительные итоги исследования) // «Индрик» – 10 лет: [Сборник / Вступ. ст. Г. И. Вздорнова]. М.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.*, 2003б. Варьирование родового имени на русской почве: об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // Именослов: Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.*, 2006. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.
- Лихачев Д. С.*, 1950. Повесть временных лет. Ч. 1–2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М; Л.
- Лихачев Н. П.*, 1914. Земская печать Московского государства в служебное время. М.
- Лихачев Н. П.*, 1928–1930. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1–2 // Труды музея палеографии. Л. [Т.] I–II.
- Лопатин Н. В.*, 2004. Керамические стили и культурные группы III–V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Культурные трансформации и взаимодействия в Днепро-Днестровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.
- Лопатин Н. В.*, 2006. Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.*, 1994. О роли памятников III–V вв. н. э. в формировании культур длинных курганов и Тушемли–Банцеровщины // ПАВ. СПб. Вып. 9.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.*, 1982. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М.
- Лурье Я. С.*, 1985. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л. Т. 40.
- Лысенко П. Ф.*, 1985. Берестье. Минск.
- Ляпушкин И. И.*, 1968. Новое в изучении Гнездова // АО 1967 года. М.
- Ляпушкин И. И.*, 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII–первая половина IX в.). Историко-археологические очерки / МИА. Л. № 152.
- Ляпушкин И. И.*, 1969. Исследования Гнездовского поселения // АО 1968 года. М.
- Ляпушкин И. И.*, 1971. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л.
- Мавродин В. В.*, 1971. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.
- Майков В. В.*, 1911. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб.
- Максимович К. А.*, 2006. Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова / Отв. ред. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М.
- Малевская-Малевич М. В.*, 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.
- Мальгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М.*, 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (По материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Мальм В. А.*, 1963. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А. П. Смирнов. М.
- Мальм В. А., Фехнер М. В.*, 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н. э. // Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. Ред. В. П. Левашова. М.
- Марjanовић-Вујовић Г.*, 1987. Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд.
- Маркина Г. К.*, 2000. Строительство железнодорожной магистрали Петроград–Царское Село–Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // НИС. СПб. Вып. 8 (18).
- Марков А.*, 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
- Маршак Б. И.*, 2003. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского // Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой торевтики из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного

- округа: Материалы коллоквиума, проведенного Санкт-Петербургским Обществом византийско-славянских исследований 10–12 сентября 1998 г. / Византиноросика. СПб. Т. 2.
- Масленицын С. И.*, 1976. К атрибуции изображения Георгия на двусторонней иконе из Успенского собора московского Кремля // Средневековая Русь. М.
- Масленицын С. И.*, 1977. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия 1976: Письменность, искусство, археология. М.
- Материалы по истории Карелии...*, 1941. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск.
- Мачинский Д. А., Кулеинов В. С.*, 2004. Северные народы середины IV–первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А.*, 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Мачинский Д. А.*, 1986. Этно-социальные и этно-культурные процессы в Северной Руси: (Период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.
- Мачинский Д. А.*, 2002. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г.: Сборник статей. СПб.
- Медынцева А. А.*, 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.
- Медынцева А. А.*, 1999. Мастерская Тудора // РА. № 3.
- Медынцева А. А.*, 2000. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X–первой половины XIII века. М.
- Мельник Е. Н.*, 1901. Раскопки в земле Лучан // Труды XI АС в Киеве. 1899. М. Т. 1.
- Мельникова Е. А.*, 2001. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: Тексты, пер., коммент. М.
- Мельникова Е. А.*, 1986. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, пер., коммент. М.
- Милопов Н. П., Андреев Н. В.*, 1945. Раскопки на Гнездовском городище в 1940 году // КСИИМК. М. Вып. 11.
- Милотин Ю. М.*, 1993. Полоцкий вещевого клад // Археология и нумизматика Белоруссии. Энциклопедия. Минск.
- Минасян Р. С.*, 1979. Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Новые поступления в Отдел истории первобытной культуры. 2 / ТГЭ. Л. Т. 20.
- Минасян Р. С.*, 1982. Проблемы славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Минеральные месторождения Европы*, 1984. М. Т. 2.
- Мипорский В. Ф.*, 1963. История Ширвана и Дербента. М.
- Михайлов К. А.*, 2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки к хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.
- Михайлов К. А.*, 2003. Время появления камерных погребений в Старой Ладоге // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни / Седьмые чтения памяти А. Д. Мачинской. Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.
- Михайлова Е. Р.*, 1993. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7.
- Молдован А. М.*, 1984. Слово о законе и благодати Илариона. Киев.
- Молодин В. И.*, 2003. Кресты-тельники Европы как объект научного изучения // Scripta Gregoriana: Сборник в честь 70-летия акад. Г. М. Бонгард-Левина. М.
- Молтби М., Гамильтон-Даер Ш.*, 1995. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 9.
- Молчанов А. А.*, 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей // ВИД. XVI.
- Молчанов А. А.*, 1987. Изображение всадника на печатях новгородских и московских князей XIII–XV вв. (Начальные этапы официального бытования одного из центральных сюжетов древнерусской феодальной эмблематики) // Культура и история средневековой Руси: Тезисы конференции, посвященной 85-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховского (Москва, 24–26 декабря 1987 г.). М.
- Молчанов А. А.*, 1997а. Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Регнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск.
- Молчанов А. А.*, 1997б. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюргятничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков. Т. II.
- Моора Х. А.*, 1958. О древнейшей территории расселения балтийских племен // СА. № 2.
- Музеум кнйги*, 2002. Музеум книги / Государственный Эрмитаж. [Каталог выставки Научной библиотеки ГЭ 17 декабря 2002–2 марта 2003 г.] СПб.
- Мурашева В. В.*, 1999. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер / Труды ГИМ. Вып. 111. М.
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ремешковые украшения (X–XIII вв.). М.
- Мусин А. Е.*, 2002а. Христианизация Новгородской земли в IX – XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / Труды ИИМК РАН. СПб. Том V.
- Мусин А. Е.*, 2002б. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгород-

- ская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 16.
- Мусин А. Е.*, 2005. *Milites Christi* Древней Руси. Военская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.
- Мусин А. Е., Петров М. И.*, 2006. Комплекс христианских древностей с раскопа Посольский-2006 в Великом Новгороде и вопросы хронологии византийских изделий из стеатита // Вестник НовГУ им. Я. Мудрого. Сер. Гуманитарные науки. Великий Новгород. № 38.
- Мусин А. Е., Торопова Е. В.*, 2007. Международная научная конференция «У истоков русской государственности (Россия, г. Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.)» // АВ. М. Вып. 14.
- Мэнуку-Адамештеану Г., Полл И.*, 2006. Кресты-энколпионы, найденные в Исакче – Новиодунум (Вичина?) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
- Мэнуку-Адамештеану Г., Полл И.*, в печати. Кресты-энколпионы, найденные в Исакче – Новиодунум (Вичина?) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной.
- Мюллер Л.*, 2000. Понять Россию: историко-культурные исследования. М.
- Назаренко А. В.*, 2001. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М.
- Назаренко А. В.*, 2002. Новый труд известного слависта: к выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. № 2.
- Нахлик А.*, 1963. Ткани Новгорода // Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. / МИА. М. № 123.
- Небольсин П.*, 1854. Рассказы проезжего. СПб.
- Недошивина Н. Г.*, 1991. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
- Николаева Т. В.*, 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1-60.
- НЛ, 1879. Новгородские летописи. СПб.
- Новиков Н.*, 1783. О высочайших пришествиях Великого государя, царя, и великого князя, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших... М.
- Новикова Г. Л.*, 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.
- Новосельцев А. П.*, 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Новосельцев А. П.*, 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Носов Е. Н. и др.*, 1998. *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Горюнова В. М., Хвоцицкая Н. В.* Раскопки на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12.
- Носов Е. Н. и др.*, 2000. *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Янсон И.* Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.
- Носов Е. Н. и др.*, 2001. *Носов Е. Н., Михайлов К. А., Васильев С. А., Дорофеева Т. С., Медведева М. В.* Новые исследования на Рюриковом городище в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Носов Е. Н. и др.*, 2003. *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Еремеев И. И., Медведева М. В., Хвоцицкая Н. В., Юшкова М. А.* Исследования Рюрикова городища и поселения Шкурина горка в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 17.
- Носов Е. Н.*, 1974. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // ВИД. Л. VI.
- Носов Е. Н.*, 1976. Раскопки Рюрикова городища // АО 1975 года. М.
- Носов Е. Н.*, 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменьи // СА. № 1.
- Носов Е. Н.*, 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли // НИС. Л. Вып. 1 (11).
- Носов Е. Н.*, 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // Славянская археология. Отв. ред. И. Т. Кругликова / КСИА. 179. М.
- Носов Е. Н.*, 1985. Сопквидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Носов Е. Н.*, 1988. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы / Славяно-русские древности (отв. ред. И. В. Дубов). Л. Вып. 1.
- Носов Е. Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е. Н.*, 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э.: Каталог памятников // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Ред. В. Л. Янин. М.
- Носов Е. Н.*, 1992. Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Носов Е. Н.*, 1994. Предисловие // *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. СПб.
- Носов Е. Н.*, 1999. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.
- Носов Е. Н.*, 2004. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. СПб. № 5 (15).

- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.*, 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследование). СПб.
- Носов Е. Н., Плохов А. В.*, 2002. Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Яиссон И.*, 1996. Охранные исследования на Рюриковом городище в 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 10.
- Носов Е. Н., Яиссон И.*, 1997. Раскопки на Рюриковом городище // АО 1996 года. М.
- НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.
- Нулан Т. С., Ковалев Р. К.*, 2000. Неизвестный клад начала IX в. из имени М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московкой губернии // АВ. СПб. № 7.
- Орлов С. Н.*, 1984. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологическое изучение Новгородской земли. Л.
- Орлов С. Н.*, 1941. Могильник в Старой Ладогe // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л. Вып. 10.
- Орлов С. Н.*, 1960. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладогe // СА. № 2.
- Островский Д.*, 2003. The Povest' vremennykh let: An Inter-linear Collation and Paradosis. Ed. By Donald Ostrowski. [Harvard]. Vol. 1.
- Оятева Е. И.*, 1973. Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
- Павел Алеппский*, 1898. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // ЧОИДР. М. Кн. V.
- Павленко С. В.*, 2004. Обработка пірофілітового сланцю на укрєплєних поселєннях Овруцького кряжу // Стародавній Іскоростєнь і слов'янські гради VIII–X ст. Київ.
- Павленко С. В.*, 2006. Изготовление бусин, крестов и образков из пиррофилитового сланца на специализированных поселениях средневековой Овручской волости // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.
- ПВЛ, 1950. Повесть временных лет. М.; Л. Ч. 1 / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц.
- ПВЛ, 1996. Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева, под. ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., исправл. и дополн., подгот. М. Б. Свердлов. СПб.
- Пелля М.*, 1988. Карель в Приботнии // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Л. Вып. 4.
- Передольский В. С.*, 1898. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород.
- Перхавко В. Б.*, 1988. Летописный Переяславец на Дунае // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посв. 70-летию со дня рождения В. Г. Пашуто. М.
- Перхавко В. Б.*, 1999. Древнерусские купцы в Подунавье (по археологическим данным) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М.
- Пескова А. А.*, 2004. О древнейшей на Руси христианской реликвии // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.
- Петренко В. П.*, 1985. Классификация сопок Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Л.
- Петренко В. П.*, 1994. Погребальный обряд Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.
- Петренко В. П. и др.*, 1973. *Петренко В. П., Крапивина Г. А., Теребихин Н. М., Лебедев Г. С.* Работы в Ленинградской области // АО 1972 года. М.
- Петренко В. П., Шитова Т. Б.*, 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Л.
- Петрова Л. И. и др.*, 2000. *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. СПб. Вып. 8 (18).
- Петровић Р.*, 2001. Речник византијских крстова. Београд.
- Петрухин В. Я.*, 1998. Большие курганы Руси и Северной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Петрухин В. Я.*, 2000. Князь Олег, Хельгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М.
- Петрухин В. Я.*, 2001. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. М. № 4.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.*, 1979. К предистории древнерусского города // История СССР. М. № 4.
- Писарская Л. В.*, 1964. Памятники византийского искусства V–XV веков в Государственной Оружейной палате. М.; Л.
- Писцовые и переписные книги...*, 2003. Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII–начала XVIII вв.: Сб. документов / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб.
- Письма и бумаги Петра Великого. 1887–1893. СПб., 1887. Т. I; СПб., 1889. Т. II; СПб., 1893. Т. III.
- ПКНЗ, 1999. Писцовые книги Новгородской земли. М. Т. I. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг.
- ПЛ, 1955. Псковские летописи. Выпуск второй. Ред. А. Н. Насонов. М.
- Плетнева С. А.*, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плоткин К. М.*, 1974. К вопросу о хронологии городища Камно // Славяно-русская археология / КСИА. 139. М.
- Плохов А. В.*, 2002. Керамика «ладожского» типа в Скандинавии // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Любытино. Вып. 1.

- Поветкин В. И.*, 1988. Об одной из детских музыкальных забав на Руси // Материалы по археологии Новгорода. М.
- Поветкин В. И.*, 1994. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Открытия 1993 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8.
- Поветкин В. И.*, 1995. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Древнейшие находки 1994 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 9.
- Поветкин В. И.*, 1997. Слово о музыкальной археологии России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 11.
- Поветкин В. И.*, 2000. В мире инструментальных звуков древнего Новгорода и окрестных городов. Материалы археологических исследований 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.
- Поветкин В. И.*, 2002. Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 16.
- Поветкин В. И.*, 2003а. Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округа (открытия 2002 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 17.
- Поветкин В. И.*, 2003б. Обретение Новгородской Псалтыри // Чело. Великий Новгород. № 1 (26).
- Поветкин В. И.*, 2004. Инструментальные музыкальные древности, открытые в Великом Новгороде в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 18.
- Поветкин В. И.*, в печати. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде. Применение, способы производства, типология и хронология // РА.
- Покровская Л. В.*, 1995. Булавки с головками сложных форм // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 9.
- Покровская Л. В.*, 2000. Финно-угорские украшения в городском уборе средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.
- Покровский А. М.*, 1905. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 / Под. ред. графини Уваровой. М. Т. 1.
- Полонская М. Ю.*, 1991 Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.
- Полубояринова М. Д.*, 1963. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. № 4.
- Полубояринова М. Д.*, 1972. Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. М.
- Полубояринова М. Д.*, 1987. Изделия из стекла городища Слободка // Т. Н. Никольская. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.
- Полубояринова М. Д.*, 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.
- Полубояринова М. Д.*, 2004. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье. М.
- Полянский М. И.*, 1885. Отчет о раскопках, произведенных 15-го и 16-го июня 1901 года в селе Городище Новгородского уезда // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1885, Д. № 54.
- Полянский М. И.*, 1908. Новгородская памятка для туристов. 2-е изд. Новгород.
- Пономарев В. С.* Новгородские сопки // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35. Оп. 2. Д. № 155.
- Попов Г. В.*, 1973. Три памятника южнославянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века // Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М.
- Попова О.*, 1998. Реинтерпретации на чудотворната икона на св. Богородица от Кикос в Българската живопис от края на 18–19 век // Problemi na iskustvoto. Софийа. 4 (31).
- Порфиридов Н. Г.*, 1964. Георгий в древнерусской каменной пластике // Сообщения ГРМ. Л. № 8.
- Потин В. М.*, 1968. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л.
- Приселков М. Д.*, 1996. История русского летописания XI–XV вв. СПб.
- Приселков М. Д.*, 2002. Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб.
- Прошин Г. Н., Мильков В. В.*, 1978. Раскопки в Новгородской земле // АО 1977 года. М.
- ПСРЛ, 1841. Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; М.; Л.
- Т. I. Лаврентьевская летопись. 3-е изд. М., 1962;
- Т. II. Ипатьевская летопись. 1-е изд. СПб., 1843, 4-е изд. М. 1998;
- Т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841;
- Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская Четвертая летопись. Пг., 1915;
- Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Новгородская Четвертая летопись. Л., 1929;
- Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. Новгородская Пятая летопись. Пг., 1917;
- Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская Четвертая летопись. Л., 1925;
- Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853;
- Т. XVI. Летописный сборник, называемый летописью Авраамки. СПб., 1889;
- Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М., 1963.
- Путеводитель по музею*, 1921. Государственный Российский исторический музей. Краткий путеводитель по музею. 2-е изд., испр. и доп. М.
- Путь из варяг в греки...*, 1996. Путь из варяг в греки и из грек...: Каталог выставки, май 1996 г., ГИМ. М.
- Пуцко В. Г.*, 1994. Византийские мастера в XIII в. на Руси // Byzantinogussica. Византиноруссика. М. № 1.
- Пуцко В. Г.*, 1998. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. Prague. Т. LIX.
- Пуцко В. Г.*, 2003а. Русские ранние каменные иконки (к вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения. Муром. Вып. IV.
- Пуцко В. Г.*, 2003б. Поздневизантийская резная кость в Суздале // Россия и восточно-христианский мир.

- Средневековая пластика. Древнерусская скульптура: Сборник статей / Ред. А. В. Рындина. М. Вып. IV. *Пушкина Т. А.*, 1981. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. № 3.
- Пушкина Т. А.*, 1996. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М.
- Пушкина Т. А.*, 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М.
- Пушкина Т. А.*, 2001. Подвеска-амулет из Гнездова // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М.
- Пианский А.*, 2005. «Старый город» дает добро // Мои соседи. Общественная газета. Великий Новгород. № 53. 3 ноября.
- Пятицкий Ю. А.*, 2004. К истории поступления в Эрмитаж византийской серебряной чаши XII века // Византия в контексте мировой истории: Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.
- Равдошас В. И.*, 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Равдошас В. И.*, 1945. Старая Ладога // КСИИМК. М. XI.
- Равдошас В. И.*, 1950. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.). Часть II // СА. М.; Л. XII.
- Радославова Г.*, 2002. Абритуус. 50 години археологически пручвания. Исторически музей Разград. Разград.
- Рерих Н. К.*, 1914. Подземная Русь // Собрание сочинений. М. Книга первая.
- Рерих Н. К.*, 1999. Переписка Н. К. Рериха и членов Императорской Археологической комиссии. 1894—1922 // Петербургский рериховский сборник. Самара. II-III.
- Реформы Петра I*, 1937. Реформы Петра I: Сборник документов / Сост. В. И. Лебедев. М.
- Родина М. Е.*, 1997. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // РА. № 3.
- Розанова Л. С.*, 1997. Пути развития и формирования традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Российский историко-бытовой словарь*, 1999. Российский историко-бытовой словарь / Автор-составитель Л. В. Беловинский. М.
- Россия – Норвегия*, 2004. Россия – Норвегия: Сквозь века и границы. Каталог выставки. М.
- Роздаль Э.*, 2001. Мир викингов (викинги дома и за рубежом). СПб.
- Русский народный костюм*, 1989. Русский народный костюм. Альбом / Автор-составитель Л. Ефимова. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. № 6.
- Рыбаков Б. А.*, 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1964. Первые века русской истории. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1993. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Рыбниа Е. А.*, 2001. Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород.
- Рыбниа Е. А.*, 2003. Скандинавские предметы из раскопок в Новгороде // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): проблемы культуры и культурного наследия. М.
- Рыдзевская Е. А.*, 1934. К варяжскому вопросу: местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. Известия АН СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. М. № 7.
- Рыдзевская Е. А.*, 1970. Сведения по истории Руси XIII в. в «Саге о короле Хаконе» // Связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л.
- Рыдзевская Е. А.*, 1978. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М.
- Рындина А. В.*, 1978. Мелкая каменная пластика. Новгород и центральная Русь XIV–XV веков. М.
- Рындина Н. В.*, 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 117.
- Рябишин Е. А.*, 1974. Раскопки Земляного городища в Старой Ладоре // АО 1973 года. М.
- Рябишин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1-60.
- Рябишин Е. А., Дубаишинский А. В.*, 2002. Любшанское городище в нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Рябишин Е. А., Черных Н. Б.*, 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новейших исследований // СА. М. № 1.
- Сакса А. И.*, 1989. Средневековая корела (к вопросу о происхождении этнической общности) // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов / Ред. Э. А. Савельева. М. Т. 1.
- Сакса А. И.*, 1990. Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетия // Двести лет арктической археологии / КСИА. № 200.
- Сакса А. И.*, 1998. Археологическое наследие древней корелы // Культурное наследие древнерусского государства. СПб.
- Сакса А. И.*, 2001. Средневековая корела. Формирование этнической и культурной общности (Корельская земля новгородских летописей) // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах. Приозерск. Вып. 2. Т. 1.
- Свердлов М. Б.*, 2000. Историческая память и историческая действительность в сказании о трех братьях-варягах // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2000 г.: Материалы конференции. М.

- Седов В. В.*, 1970а. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В. В.*, 1970б. Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1-8. М.
- Седов В. В.*, 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8. М.
- Седов В. В.*, 1978. Лепная керамика Изборского городища // Славяно-русская археология / КСИА. М. 155.
- Седов В. В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.
- Седов В. В.*, 1985. Изборск в VIII–X вв. // Новое в археологии Прибалтики и ее соседних территорий / Под ред. Ю. Селинарда. Таллин.
- Седов В. В.*, 1988. Проблема происхождения и начальной истории славян // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы / Славяно-русские древности (отв. ред. И. В. Дубов). Л. Вып. 1.
- Седов В. В.*, 1994. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // [П] Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 28 сентября–2 октября 1992 г. / Под ред. В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова.
- Седов В. В.*, 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Седов В. В.*, 1999. Древнерусская народность. М.
- Седов В. В.*, 2003. О руссах и Русском каганате IX в. (В связи со статьей К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. М. № 2.
- Седова М. В.*, 1959. Ювелирные изделия Великого Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 65.
- Седова М. В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Седова М. В., Мухина Т. В.*, 1999. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. № 3.
- Седых В. Н.*, 1995. Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX–XI вв. // Проблемы истории северо-запада Руси / Славяно-русские древности. Под ред. И. В. Дубова и И. Я. Фроянова. СПб. Вып. 3.
- Седых В. Н.*, 1997. Тимерево и Шестовица // Любецкий з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів.
- Седых В. Н.*, 1998. Тимерево: древнерусская деревня? скандинавская фактория? протогород? // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб.
- Седых В. Н.*, 2001а. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань.
- Седых В. Н.*, 2001б. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // ТАС. Тверь. № 4. Т. II.
- Седых В. Н., Макарова В. В.*, 2001. Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н. э. по материалам изделий из кости (предварительное сообщение) // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской: Материалы к чтениям. СПб.
- Семенов А. И.*, 1959а. Древняя топография южной части Славянского конца Новгорода // НИС. Новгород. Вып. 9.
- Семенов А. И.*, 1959б. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // НИС. Новгород. Вып. 9.
- Семенов С. В.*, 2004. Последовательное формирование Санкт-петербургской агломерации при Петре Первом // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. СПб. Ч. 2.
- Сизов В. И.*, 1902. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. СПб. № 28. Вып. 1.
- Сизова Т. И.*, 1991. Золотое и серебряное дело первых веков русской истории // 1000 лет русского золотого и серебряного дела. М.
- Силистра...*, 2005. Силистра през векове и днес. Силистра.
- Синай...*, 2000. Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки / Ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкий. СПб.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12; М., 1987. Вып. 13, М., 1994. Вып. 19.
- Смирнов К. Ф.*, 1951. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. XXXVIII.
- Смирнова Г. П.*, 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // Славяно-русские древности / КСИА. М. Вып. 146.
- Смирнова Л. И.*, 1998. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотицком конце) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12.
- Смирнова Э. С.*, 2003. Чудо св. Димитрия Солунского «О двух солунских девицах»: изображения в русском искусстве // От древней Руси к России нового времени. К 70-летию А. Л. Хорошкевич. М.
- Смоленск и Гнездово...*, 1991. Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.
- Снорри Стурлусон*, 1980. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский (Литературные памятники). М.
- Соболева Н. А.*, 1981. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.
- Сокровища Приобья*, 1996. Сокровища Приобья: Каталог выставки / Ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. СПб.

- Соловьев С. М.*, 1988. История России с древнейших времен. Т. 1–2 // Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. I. М.
- Соломина В. П.*, 1977. О двух памятниках новгородской мелкой пластики // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1977. М.
- Сорокин А. Н.*, 1995. Благоустройство древнего Новгорода. М.
- Сорокин П. Е.*, 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.
- Сотникова М. П.*, 1995. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М.
- Сотникова М. П., Спаский И. Г.*, 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.
- Спицын А. А.*, 1899а. Сопки и жальники // ЗРАО. СПб. Т. 11. Вып. 1–2.
- Спицын А. А.*, 1899б. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб. Вып. 8.
- Спицын А. А.*, 1903. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
- Спицын А. А.*, 1922. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Петербург.
- Средневековая Ладога*, 1985. Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Срезневский И. И.*, 1860. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.) // ИОЯРС. СПб. Т. VIII. Вып. 5.
- Срезневский И. И.*, 1903. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. Т. III.
- Стальсберг А.*, 2003. Связи между Норвегией и Древней Русью: археологические находки // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. СПб.
- Станкевич Я. В.*, 1960. К истории населения Верхнего Подвинья // Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э. / МИА М.; Л. № 76.
- Станчев Ст.*, 1960. Материалы от дворцового центра в Плиска // ИАИ. София. XXIII.
- Степаненко В. П.*, 2004. Свинцовая иконка из Новгорода и культ св. Димитрия Солунского в Византии и Болгарии конца XII–первой половины XIII века // Византия в контексте мировой истории: Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.
- Степаненко В. П.*, 2005. Свинцовая иконка с «Чудом со спасенным юношей» из Новгорода и культ св. Димитрия Солунского в Византии и Болгарии конца XII–первой половины XIII вв. // Българските земи през средновековието (VII–XVIII вв.). Международна конференция в чест на 70-годишнината на проф. Александър Кузев. Варна, 12–14 септември 2002 г. / Acta Musei Varnaensis III–2. Варна.
- Стерлигова И. А.*, 2000. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.
- Столярова Е. К.*, 1997. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4.
- Столярова Е. К.*, 2004. Стеклянные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова // Археология Подмосквы: Материалы научного семинара. М.
- Строков А., Богусевич В.*, 1939. Новгород Великий (пособие для экскурсантов и туристов). Л.
- Тараканова С. А.*, 1953. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. М.
- Тараканова С. А.*, 1954. Длинные и удлиненные курганы // СА. М.; Л. XIX.
- Творогов О. В.*, 1976. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // Исторические повествования Древней Руси. ТОДРЛ. Л. 30.
- Творогов О. В.*, 1997. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoria: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб.
- Теребишин Н. М.*, 1998. Образ Петра I в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера (храмы, лабиринты, корабли) // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск.
- Тихомиров М. Н.*, 1979. Русское летописание. М.
- Толочко П. П.*, 2003. Русь изначальная // Археология. Київ. Вып. 1.
- Торшин Е. Н., Иоанниян О. М.*, 1999. Работы архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в Смоленске // АО 1997 года. М.
- Тотев К.*, 2000. Средневековые византийские свинцовые иконки из Северо-Восточной Болгарии (К иконографии Святого Георгия Дракоборца) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь. Вып. VII.
- Третьяков П. Н.*, 1953а. У истоков Древней Руси // По следам древних культур. Древняя Русь. М.
- Третьяков П. Н.*, 1953б. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П. Н.*, 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Трояновский В.*, 2005. У истоков Российской государственности // Новгородский курьер. № 16. 17 октября.
- Трояновский С. В.*, 2000. Раскоп на Добрыне улице // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.
- Тухтина Н. В.*, 1968. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь. М.
- 1000-летие русской художественной культуры*, 1988. Каталог. М.
- Успенская А. В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. М. Вып. 43.
- Успенский Ф. Б.*, 2001. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.
- Успенский Ф. Б.*, 2002а. Скандинавы–Варяги–Русь: Историко-филологические очерки. М.
- Успенский Ф. Б.*, 2002б. Из истории Швеции XI века: конунг Стейнкель в «Саге о Хервер» и у Адама Бременского // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр.

- АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г.: Материалы конференции. М.
- Успенский Ф. Б., 2002в. Единого деда внуки // Родина. № 11/12. Специальный выпуск: Древняя Русь. М.
- Успенский Ф. Б., 2004а. Мстиславля Христина: Шведско-новгородские связи конца XI в. // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Москва, 23–26 июня 2004 г. М. Ч. 1.
- Успенский Ф. Б., 2004б. «Яростный как лев, кроткий как агнец»: Легенда печати и легенда власти в Норвегии XII–XIII вв.» // *Historia animata*. Памяти Ольги Игоревны Варьяш. Ч. 1–3. М. Ч. 3.
- Успенский Ф. Б., 2004в. Категория свойства (*mágsetmð*) в древнескандинавской модели родовых отношений: К постановке проблемы // Слово в контексте литературной эволюции: Сборник памяти М. И. Стеблин-Каменского. М.
- Успенский Ф. Б., 2005. К изучению династической истории Швеции XI в.: Конунг Стейнкель в «Саге о Хервер» и у Адама Бременского // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.
- Успенский Ф. И., 1948. История византийской империи М.; Л. Т. 3.
- Устрялов Н. Г., 1859. История царствования Петра Великого. СПб. Т. VI.
- Фараджеева Н. Н., 1998. Пятистенные срубные постройки древнего Новгорода. Проблемы их сложения и эволюции (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12.
- Фараджеева Н. Н., 2000. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.
- Фехнер М. В., 1963а. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А. П. Смирнов. М.
- Фехнер М. В., 1963б. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А. П. Смирнов. М.
- Фехнер М. В., Недоизвишва Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2.
- Филатов В. В., 2003. Икона святого Димитрия Солунского – воина всадника // Искусство восточно-христианского мира. Сборник статей. М. Вып. 7.
- Финно-угры и балты..., 1987. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Отв. ред. В. В. Седов / Археология СССР. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М.
- Флетчер Д., 1906. О государстве Русском. СПб. 3-е изд.
- Фомин А. В., 1993. Новые находки восточных монет в Северной Руси // [Первая] ВНК: Тез. докл. и сообщ.: Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда.
- Фоняков Д. И., 1989. Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Торопка // Славяно-русская археология / КСИА. №. 195.
- Фонякова Н. А., 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. № 2.
- Фролов А. А., 1994. Сопка у дд. Брод – Лучки Валдайского района Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8.
- Фроянов И. Я., 1992. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца XI – начала XIII столетия. СПб.
- Фурсаев А. Г., 2001. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Хабургаев Г. А., 1979. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.
- Халикова Е. А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.
- Хвоцицкая Н. В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.
- Хвоцицкая Н. В., 2000. Об этнической атрибуции подвесок с изображением быка // Славяне, финно-угры, скандинавы и волжские булгары. СПб.
- Хвоцицкая Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
- Херрман Й., 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.
- Хомутова Л. С., 1982. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Кочуркина С. И. Древняя корела. Л.
- Хышку И. Г., 1978. Исследование средневековых памятников у с. Ханска // АО 1977 года. М.
- Цалкин В. И., 1971. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского кремля. М.
- Цукерман К., 1996. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сборник статей к 70-летию академика Г. Г. Литаврина / Отв. ред. Б. Н. Флоря / Славяне и их соседи. М. Вып. 6.
- Цукерман К., 1998. Венгры в стране Лебедии. Новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Посв. 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова / Ред.-сост. А. И. Айбабин, С. А. Плетнева. Симферополь. Вып. 6.
- Цукерман К., 2001. Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. М. № 4.
- Цукерман К., 2003а. Про дату намерення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // *Ruthenica*. Київ. Т. II.
- Цукерман К., 2003б. Два етапи формування древнерусського державства // Археологія. Київ. Вып. 1.

- Черкасов В. В.*, 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.
- Чернягин Н. Н.*, 1941. Длинные курганы и сопки // Этногенез восточных славян. Т. I. Под ред. М. И. Артамонова / МИА. М.; Л. № 6.
- Чукова Т. А.*, 2006. Иконография Христа, Божьей Матери и святых на древнерусских металлических актовых печатах X–XV вв. (фрагменты книги) // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой. СПб.
- Шадыро В. И.*, 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Шадыро В. И.*, 1992. О ранних длинных курганах Северной Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991: Материалы симпозиума / Отв. ред. В. В. Седов. Псков.
- Шаскольский И. П.*, 1945. Договора Новгород с Норвегией // Исторические записки. М. Т. 14.
- Шаскольский И. П.*, 1970. Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сборник. Таллин. XV.
- Шахматов А. А.*, 1915. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.
- Шахматов А. А.*, 1916. Повесть временных лет. Пг. Т. 1.
- Шахматов А. А.*, 1938. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.
- Шахматов А. А.*, 1940. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4.
- Шахматов А. А.*, 2001а. Разыскания о русских летописях. М.
- Шахматов А. А.*, 2001б. История русского летописания. СПб. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
- Шахматов А. А.*, 2003. История русского летописания. СПб. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв.
- Шмелев И. С.*, 1997. Богомолье. М.; СПб.
- Штыхов Г. В.*, 1975. Древний Полоцк. Минск.
- Щапова Ю. Л.*, 1962. Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1963. Стекланные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 117.
- Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1974. Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.) // Археология Рязанской земли. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.
- Щеглова О. А.*, 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Яковлева Е. А.*, 2004. Охраненные раскопки на Староженском раскопе в Окольном городе Пскова. Открытие камерного захоронения X в. // АО 2003 года. М.
- Янин В. Л.*, 1956а. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М.
- Янин В. Л.*, 1956б. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. М. 62.
- Янин В. Л.*, 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I. Печати X–начала XIII в. Т. II. Новгородские печати XIII–XV в.
- Янин В. Л.*, 1975. Я послал тебе бересту... М.
- Янин В. Л.*, 1977. Очерки комплексного источниковедения. М.
- Янин В. Л.*, 1984. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) / Русский город: Исследования и материалы. Отв. ред. В. Л. Янин. М. Вып. 7.
- Янин В. Л.*, 1984. Описание Новгорода 1617 г. М.
- Янин В. Л.*, 1986. Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М.
- Янин В. Л.*, 1999. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.
- Янин В. Л.*, 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.
- Янин В. Л.*, 2003. Новгородские посадники. М.
- Янин В. Л.*, 2004. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г.*, 1998а. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г.*, 1998б. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.*, 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.*, 2001а. Новгородская Псалтырь – новонайденный кодекс первой четверти XI века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.*, 2001б. Новгородская псалтырь начала XI в. – древнейшая книга Руси // Вестник РАН. М. Т. 31. № 3.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.*, 2004. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.
- Янин В. Л. и др.*, 1993. *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.* О работах Новгородской археологической экспедиции в Людином конце (Троицкий раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7.
- Янин В. Л. и др.*, 1994. *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.* Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // АО 1993 года. М..
- Янин В. Л. и др.*, 2006. *Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.* Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 20.

- Янина В. Л., Колчин Б. А.*, 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М. 1978.
- Янина С. А.*, 1956. Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 55.
- Янина С. А.*, 1963. Второй неревский клад куфических монет X в. // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина / МИА. М. № 117.
- Яуссон И.*, 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.
- Ястребов В. Н.*, 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России. СПб. 10.
- Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Ed. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi). Unveränderter Nachdruck, 1977.
- Albarella U.*, shortcoming. Companions of our Travel: the archaeological evidence of animals in exile // Hartmann S. (ed.). Flora and fauna in their medieval environment. Frankfurt an Main.
- Aleksova B.*, 1966. Prosek Demir Kapija. Skopje, Belgrade.
- Ambrosiani K.*, 1984. Kämme // Birka. Untersuchungen und Studien II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Ambrosiani B.*, 1985. Aristocratic Graves and manors in Early Medieval Sweden // Archaeology and Environment. 4. In honorem Evert Baudou / Ed. M. Back. Umea.
- Andersson G.*, 1993. Antuna. Stockholm.
- Andersson G.*, 2004. «Skrytböndernas» gravspråk – en spegling av aristokratins? // Halvdanshaugen – arkeologi, historie og naturvitenskap. Oslo.
- Andersson G., Lidström-Holmberg C.*, 1998. En Hög och ett Gravfält I Häggvik. Stockholm.
- Antiquités...*, 1852. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islands et des anciens Skandina ves. Copenhague. T. 2.
- Antoni E.*, 1948. Egils sagas berättelse om Torolf Kveldulvsson farder over fjällen. Historisk Tidskrift för Finland. Helsingfors. 33.
- Antoniewicz W.*, 1970. Ein Medallion mit der Darstellung der betenden Mutter Gottes (Maria Orans) aus Kekomäki in Karelien // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.
- Arbman H.*, 1940. Birka: II. Die Gräber. Text. Stockholm; Uppsala.
- Arbman H.*, 1943. Birka: I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala.
- Armbruster B.*, 2002a. Goldschmiede in Haithabu – Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bericht 34.
- Armbruster B.*, 2002b. Die Preßmodel von Haithabu // Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa // Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Neumünster. Bd 8.
- Armbruster B., Eilbracht H.*, 2006. Technological aspects of the Viking age gold Treasure from Hidensee, Germany // The art of the Early Medieval Goldsmith / Historical Metallurgy. The Journal of the Historical Metallurgy Society. London, Cumbria, Wakefield. Vol. 40. Part 1.
- Armitage P.*, 1983. Jawbone of a South American monkey from Brooks Wharf, City of London // The London Archaeologist. London. 4 (10).
- Armour-Chelu M.*, 1997. Appendix 8: faunal remains // Barker P., White R., Pretty K., Bird H. and Corbishley M. The Baths Basilica Wroxeter. Excavations 1966-90. London. English Heritage Report 8.
- Arne T. J.*, 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
- Arne T.*, 1919. Grabar från «Vendeltid» vid Lagerlunda i Kärna socken, Östergötland // Fornvännen 14. Stockholm.
- Arne T.*, 1924. Den Stora Gravhögen vid Vaxtuna i Orkesta socken Seminghundra härad, Uppland // Fornvännen 19. Stockholm.
- Arnott M., Beavan I., Craig M., Geddes J., Gauld M., McLaren C., and Pirie J.*, 2002. The Aberdeen Bestiary: Edition, Translation and Commentary. Aberdeen University Library, MS 24.
- Arrhenius B.*, 1971. Granatschmuck und Gemmen aus Nordischen Funden des Frühen Mittelalters. Stockholm.
- Arrhenius B.*, 1978. Ein Amethystanhänger aus Haitabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haitabu. Neumünster. Bd 12.
- Arrhenius B.*, 1984. Bügelfibeln // Birka. Untersuchungen und Studien II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Arrhenius B.*, 1990. Utgrävningen av den östligaste storhögen på gravfältet Ormknös. RAÄ 111, Björkö, Adelsö sn, Uppland // Laborativ arkeologi 4. Stockholm.
- Arwidsson G.*, 1942. Vendelstile. Email und Glas im 7.–8. Jahrhundert. Uppsala.
- Barnea I.*, 1981. Christian Art in Romania, 2. Bucureşti.
- Barnea J.*, 1967. Objecte de cult // Dinogetia, 1. Bucureşti.
- Beckman N.*, 1922. Sverige i isländsk tradition // Svensk Historisk Tidsskrift. Årg. 42.
- Bennett A.*, 1985. Karleby och Gärtuna. Stockholm.
- Birch de Gray W.* 1907. Seals. London.
- Biuw A.*, 1992. Norra Spånga. Stockholm.
- Blindheim Ch.*, 1959. Osebergskoene på ny // Viking. Oslo. Vol. XXIII.
- Brather S.*, 1996. Feldberger Keramik und frühe Slawen / Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn. 34.
- Bratt P.*, 1996. Storhögar och maktstrukturer i Mälardalen under järnåldern // Aktuell Arkeologi V. / Stockholm Archaeological Reports. Stockholm. Nr. 30.
- Bratt P.*, 1999. Anundshög. Del 1, Delundersökning för datering: arkeologisk delundersökning av Anundshög, RAÄ 431, Långby, Badelunda socken, Västerås stad, Västmanland. Stockholm.
- Bratt P.*, 2004. Anundshög – ett maktcentrum i Västmanland under yngre järnåldern // Halvdanshaugen – arkeologi, historie og naturvitenskap. Oslo.

- Bratt P., Andersson K.*, 2000. Arkeologiska undersökningar vid Rösaring. Stockholm.
- Calmer J.*, 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D / Acta Archaeologica Lundensia. Lund. IN 4°. Nr. 11.
- Calmer J.*, 1988. Slawisch-skandinavische Kontakte am Beispiel der slawischen Keramik in Skandinavien während des 8. und 9. Jahrhunderts // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz am Rhein. Bd 69.
- Carboni S.*, 2001. Class from Islamic Lands. New York.
- Carboni S., Whitehouse D.*, 2001. Glass of the Sultans. New York.
- Cheverud J. M.*, 1981. Epiphyseal union and dental eruption Macaca mulatto // American Journal of Physical Anthropology. Columbus. Ohio. 56 (2).
- Christiansson H., Nordahl E.*, 1989. Tingshögen and Kungsgårdsplatåerna in Gamla Uppsala // TOR. Tidskrift för arkeologi. Uppsala. Vol. 22.
- Constantinides K. N.*, 2004. I Diegësis tês thaumatirgou ikonas ieleousas tou Kukkou kata ton elenikon kodëka 2313. Vaticanan.
- Corinth*, 1952. Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. Vol. 12. Davidson G. R. The minor objects. Princeton.
- Cutler A.*, 1994. The hand of the master: craftsmanship, ivory, and society in Byzantium (9th–11th centuries). Princeton.
- Dagron G.*, 1996. Empereur et prêtre. Étude sur «césaropapisme» byzantin. Paris.
- Damell D.*, 1985. Rösaring and a Viking Age Cult Road // Archaeology and Environment 4. In honorem Evert Baudou / Ed. M. Back. Umeå.
- Damell D.*, 1991. Fornsigntuna – a Royal Seat and Precursor of an Urban Settlement // Regions and Reflections. Lund.
- Damell D.*, 1993. About Royal Manors from the Late Iron Age in Middle Sweden // Current Swedish Archaeology. Vol. 1.
- Diaconu P., Baraschi S.*, 1977. Păcuiul lui Șoare. Asezarea medievală (secole XIII–XV). Vol. II // Biblioteca de arheologie. București. XXIX.
- Die Welt von Byzanz*, 2004. Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Ed. L. Wamser. München.
- Drotz M., Ekman T.*, 1995. Kumla Ättebacke – 1000 år i Härads Kumla. Stockholm, 1995.
- Duczko W.*, 1985. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. Birka V. Stockholm.
- Duczko W.*, 1993. Scandinavian dies of the Viking Age // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye. 1991. Antiquités Nationales. Mémoire 2. Saint-Germain-en-Laye.
- Duczko W.*, 1995. Kungar, thegnar, Tegnebyar, juveler och silverskatter. Om danskt inflytande i Sverige under senvikigatid // TOR. Uppsala. Vol. 27.
- Duczko W.*, 1996. Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor // Arkeologi och Miljögeologi i Gamla Uppsala. Studier och rapporter. Uppsala. Vol. II.
- Duczko W.*, 1997. Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and their Interpretation // Rom und Byzanz im Norden Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts. Mainz.
- Dymaczewska U.*, 1970. Ceramika wczesnosredniowieczna z Santoka, pow. Gorzów // Slavia Antiqua. Warszawa; Poznań. XVI.
- Egils saga*, 1809. Egils saga, sive Egili Skallagrimii Vita, Havnæ.
- Eilbracht H.*, 1999. Filigran-Und Granulationkunst im Wikingschen Norden Untersuchungen zum Transfer Frühmittelalterlicher Gold-und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa // Zeitschrift für Archäologiedes Mittelalters. Beiheft 11. Köln; Bonn.
- Einerstam B.*, 1940. En kungshög vid Norsborg // Södermanlands hembygdsförbunds årsbok.
- Ekholm G.*, 1931. Gravhögen vid Staby, Uppsala-Näs // Uplands fornminnesförenings tidskrift XLIII. Uppsala, 1929–1933.
- Elsner J.*, 1998. Imperial Rome and Christian Triumph. Oxford.
- Eniosova N. V., Murasheva V. V.* 1999. Manufacturing techniques of belt and harness fittings of the X century AD // Journal of Archaeological Science. London. 26.
- Enzyklopädie ...*, 1968. Enzyklopädie des Tierreiches. Zehnter Band. Säugetiere I. Hrsg. B. Grzimek. Zürich.
- Europas mitte um 1000*, 2000. Europas mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie. Stuttgart. Bd 1.
- Fagrskinna*, 1902–1903. Fagrskinna. V / Noregs konungatal. Udgivet for Samfund til ungivelse af gammel nordisk litteratur ved E. Jonsson. København. B. 30.
- Flateyrbók*, 1860–1868. Flateyrbók / Udg. af Guðbrandr Vigfusson, C. R. Unger. Christiania. Bd 1–3.
- From Viking ...*, 1992. From Viking to Crusader. Scandinavia and Europe 800–1200. The 22nd Council of Europe Exhibition. Uddevalla, Sweden.
- Fuglesang S. H.*, 1991. Spoons // Detarheologiske utgravninger i Gamlebyen. Oslo. Vol. 8.
- Gallen J.*, 1984. Länsieurooppalaiset ja skandinaaviset Suomen esihistoriaa koskevat lähteet // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Beitrag till kännedom av Finlands natur och folk. Utgivna av Finska Vetenskaps-Sosieteten. H. 131. Helsinki.
- Goetz L. K.*, 1916. Deutsch–Russische Handelsvertraagr des Mittelalters. Hamburg.
- Golb N., Pritsak O.*, 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. London.
- Graham-Campbell J.*, 1995. The Viking-Age Gold and Silver of Scotland (AD 850–1100). Edinburgh.
- Gräslund A.-S.*, 1984. Schelen // Birka. Untersuchungen und Studien II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Grebe K.*, 1976. Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Berlin. Bd 10.
- Grew F., de Neergaard M.*, 1988. Shoes and pattens // Medieval finds from excavation in London. London. 2.
- Groenman-van Waateringe W.*, 1988. Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Odense. Vol. 5.
- Grossmächtiges Nowgorod*, 2003. Grossmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei Die Kirche auf

- dem Wolotowo-Feld. 28 September 2003 – 19 Januar 2004. Frankfurt am Main.
- Groves C.*, 2001. Primate Taxonomy // Smithsonian Series in Comparative Evolutionary Biology.
- Gudea N., Cosma C.*, 1998. Crucea-relicvar descoperite la Dăbâca. Considerații privind tipologia și cronologia crucilor-relicvar bizantine din bronz, cu figure în relief, descoperite pe teritoriul României // *Ephemeris napocensis*. București. VIII.
- Hackett J.*, 1901. A History of the Orthodox Church of Cyprus from the coming of the Apostles Paul and Barnabas to the commencement of the British Occupation AD 45-1878, London.
- Hadermann-Misguisch L.*, 1991. La Vierge Kykkotissa et l'éventuelle origine latine de son voile // *Euphrosynon*, (Mélanges Hadzidakis). Athènes.
- Haggrén G.*, 2003. Sirpaleita Hansan kulttuuripiiristä – keskiaikaiset lasiastialöydöt // *Kaupunkia pintaa syvemältä: Arkeologia näkökulmia Turun historiaan*. (Archeologia Medii Aevi Finlandiae 9). Turku.
- Häme M.*, 1979. Egilin saagan lapinkuvan ajoituksesta // *Oulun yliopisto. Historian laitos / Eripainossarja* 48. Oulu.
- Hamlin A. and Lynn C.* (eds.), 1988. Pieces of the Past. Belfast.
- Hammar Th.*, 1999. The prehistoric Environment of Fornsigstuna. A Palaeoecological Study of the Land-use History at Signhildsberg // *Antikvariskt arkiv* 80. Stockholm.
- Hansson H.*, 1938. En Ättenhög i Brännkyrka // *Kulturhistoriska studier* 1938. Stockholm.
- Hårdh B.*, 1976. Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen. Lund.
- Hårdh B.*, 1996. Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study. *Acta Archaeologica Lundensia*. Series in 8. Stockholm. No. 25.
- Hawthorne J. G., Smith C. S.*, 1963. Theophilus. On Divers Arts. Chicago.
- Hendy M. F.*, 1985. Studies in Byzantine Monetary Economy c. 300—1450. Cambridge.
- Hervarar saga ok Heidreks*, 1956. *Hervarar saga ok Heidreks* / Ed. G. Turville-Petre, C. Tolkien. London.
- Hilson S.*, 1986. Teeth. Cambridge Manuals in Archaeology. Cambridge.
- Historia Norvegiae*, 1880. *Historia Norvegiae*. Monumenta historica Norvegiae // *Latinske kildekrifter till Norges historia i middelalderen*. Kristiania.
- Hodges R., Whitehouse D.*, 1983. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe. London. Duckworth.
- Hougen E. K.*, 1993. Bosetningsområdets keramik. Kaupang-Funnene. Bind III B / *Nordske oldfunn*. Oslo XIV.
- Hrafnkels saga*, 1950. *Hrafnkels saga Freysoða* // *Austfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út*. Reykjavík. (Íslenzk fornrit 11).
- Hulthén B.*, 1984. Keramik // *Birka*. Untersuchungen und Studien II. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Hupaló V.*, 2006. Early medieval devotional articles from Zvenigorod (Ukraine) // *Abstracts book*. 12th Annual Meeting European Association of Archeologists. Cracow, Poland, 19–24 September 2006. Cracow.
- Huurre M.*, 1986. Esihistoria // *Kainuun historia I*. Kajaani.
- Huurre M.*, 1979. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Keuruu.
- Huurre M.*, 1983. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia // *Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia I*. Kuusamo.
- Hyenstrand Å.*, 1979. Arkeologisk region indelning av Sverige. Stockholm.
- Hyenstrand Å.*, 1981. The Mälaren Area. Excavations at Helgö VI. Stockholm.
- Islandske Annaler*, 1888. *Islandske Annaler* // Udg. af G. Storm. Kristiania.
- Jankuhn J.*, 1971. Typen und Funktionen vor- und frühwikingzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien.
- Janson H. W.*, 1952. Apes and Ape Lore in the Middle Ages and the Renaissance. London.
- Jansson I.*, 1978. Ett rembeslag av orientalske typ funnet på Island.
- Jansson I.*, 1985. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Böjrköfynden / *Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology*. Uppsala. Aun 7.
- Jansson I.*, 1986. Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // *Birka II: 2. Systematische Analysen der Grabfunde*. Stockholm.
- Jansson I.*, 1987. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age // *Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit, Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa* 4. Göttingen.
- Jansson I.*, 1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Mainz-am-Rhein. Bd 69.
- Jansson I.*, 1997. Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // *The Rural Vikings in Russia and Sweden*. Ed. by P. Hansson. Örebro.
- Jenkins M.*, 1986. Islamic glass. A brief history // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. New York. V. XLIV. № 2.
- Jerusalimskaja A., Borropp B.*, 1996. Von China nach Byzanz. München.
- Jørgensen L.*, 2003. Manor and Market at Lake Tissø in the Sixth to Eleventh Centuries. The Danish «Productive» Sites // *Markets in Early Medieval Europe. Trading and «Productive» Sites*, 650–850. London.
- Julku K.*, 1987. Suomen itärajan synty. Rovaniemi.
- Julku K.*, 1986. Kvenland – Kainumaa // *Studia historica septentrionalia* 11. Oulu.
- Kalavrezou-Maxeiner I.*, 1985. Byzantine Icons in Steatite. Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Byzantinische Vindobonensian. Wien. Bd XV.
- Kantorowicz E. H.*, 1944. The «King Advent» and the enigmatic panels in the doors of Santa Sabina // *The Art Bulletin*. New-York. 26.
- Karlsson Ö.*, sino anni. Bebyggelsen Kring Ottarshögen. Stockholm.
- Kazarov G.*, 1924. Neue Denkmäler zur religionsgeschichte Thrakiens // *Archäologischer Anzeiger*. III–IV / *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. Bd XXXVII. 1922. Berlin; Leipzig.
- King E. S.*, 1928. The date and provenance of a bronze reliquary cross in the Museo Cristiano Vaticano // *Atti della*

- Pontificia Accademia Romana di archeologia. Serie III. Memorie. Roma. Vol. II.
- Kirkinen H.*, 1963. Karjala idän kulttuuripiirissä. Helsinki.
- Kirkinen H.*, 1964. Lisälähteitä Karjalan keskiajan historiaan // Historiallinen Aikakauskirja 2. Helsinki.
- Kirkinen H.*, 1970. Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssijalla (1478–1617). Helsinki.
- Kirkinen H.*, 1976. Karjala taistelulenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki.
- Kirkinen H.*, 1987. Bysantin perinne ja Suomi. Joensuu.
- Kirkinen H.*, 1994. Karjalan historia juurista Uudenkaupungin rauhaan // Karjalan kansan historia. Porvoo.
- Kivikoski E.*, 1937. Studier zur Birkas Handel // Acta archaeologica 8. København.
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Komantseva A. S.*, 1977. Les sépultures nomades tardives du cimetière de Novonikolskoe // Studia Archaeologica. VI. Budapest.
- Könönen T. A., Kirkinen H.*, 1969. Keskiajasta Stolbovan rauhaan // Pohjois-Karjalan historia I. Joensuu.
- Kreuz und Kruzifix*, 2005. Kreuz und Kruzifix, Zeichen und Bild. Freising, München.
- Künzel E.*, 1988. Der römische Triumph. München.
- Kuujo E.*, 1958. Kurkijoen vaiheet asutuksen alusta vuoteen 1570 // Kurkijoen kihlakunnan historia. Pieksamäki.
- Kuz'min S.*, 2000. Ladoga, le premier centre proto-urbain russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Ed. M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman / Réalités Byzantines. 7. Paris.
- Lamm C. J.*, 1941. Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of luster-painting. Stockholm.
- Lamm G. J.*, 1929, 1930. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin; Leipzig. Bd I (text), II (abbildungen).
- Lawson W.*, 1986. The boatswain's call: its role in the European Maritime tradition // General studies. Second conference of the ICTM study group on music archaeology. Editor Cajsa S. Lund, Stockholm. Vol. I.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.*, 1988. Esihistorian vuosituhannet Savon alueella // Savon historia I. Kuopio.
- Leidgren L.*, 1992. Hus och gård i Hälsingland. Umeå.
- Les Scandinaves et l'Europe*, 1992. Les Scandinaves et l'Europe 800–1200. 22^e exposition d'art du Conseil de l'Europe. Paris.
- Lindqvist S.*, 1936. Uppsala Högar och Ottarshögen. Stockholm.
- Lindqvist S.*, 1945. Vår svenska guldålder. Uppsala.
- Lindqvist S.*, 1957. Anundshögens problem // Västmanlands fornminnesförenings årskrift XL.
- Linna M.*, 1989. Suomen varhaiskeskiajan lähteitä // Historian Aitta XXI. Jyväskylä.
- Łosiński W.*, 1972. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa gradowego w dorzeczu dolnej Parsknty (VII–X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Łosiński W., Rogosz R.*, 1986. Metody synchronizacji kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materiały. Warszawa.
- Lukkarinen J.*, 1917. Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä // Suomen Museo 24. Helsinki.
- MacCormak S.*, 1981. Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley.
- MacCormak S.*, 1986. Eternal Victory. Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge.
- Mănușu-Adameșteanu G.*, 1984. Elemente de cultură byzantină la gurile Dunării // Peuce, 9. București.
- McCormick F.*, 1991. The effect of Anglo-Norman settlement on Ireland's wild and domesticated fauna // P. Crabtree and K. Ryan (eds.) Animal Use and Cultural Change. Pennsylvania University Press.
- Metcalf D. M.*, 1972. Analyses of the Metal Contents of Medieval Coins // Methods of Chemical and Metallurgical investigation of Ancient Coinage. London.
- Meyer O., Wyss M., Meyer N., Coxall D. J.*, 1985. Saint-Denis. Recherches urbaines. 1983–1985. Bilan des Fouilles. Saint-Denis.
- Monkeys and Apes*. Erich Tylinek: Photos. Gotthart Berger: Text. Leipzig.
- Moore D. T., Oddy W. A.*, 1985. Touchstones: some aspects of their nomenclature, petrography and provenance // Journal of Archaeological Science. London. 12.
- Morrison C.*, 1994. Monnaie et finances à Byzance: analyses, techniques // Variorum Collected Studies Series. Aldershot.
- Mouriki D.*, 1991. Variants of the Hodigetria on two thirteenth-century Icons // Cahiers Archéologiques. Paris. Vol. 39.
- Müller-Wille M.*, 1992. Monumentale Grabhügel der Völkerwanderungszeit in Mittel- und Nordeuropa // Mare Balticum: Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Neuzeit: Festschrift zum 65. Geburtstag von Erich Hoffmann. Hrsg. von Werner Paravicini unter Mitwirkung von Frank Lubowitz und Henning Unverhau / Kieler historische Studien. 36.
- Muñoz A.*, 1906. L'art Byzantin à l'exposition de Grottaferata. Rome.
- Napier P. H. and Jenkins P. D.*, 1997. Monkey Skull and mandible of the Iron Age found at Site B // *Waterman D. M.* (ed.), Excavations at Navan Fort 1961–71. DoE(NI). Belfast.
- Nerman B.*, 1960. Var låg centrum i Attundalands småkonungadöme? // Fornvännen 4. Stockholm.
- Nerman B.*, 1961. Till vilken ätt ha de stora gravhögar vid Norsborg I Botkyrka socken hört? // Fornvännen 2–3. Stockholm.
- Nerman B.*, 1963. Var låg centrum i Fjädrundalands småkonungadöme? // Fornvännen 4. Stockholm.
- Noonan Th.*, 1985. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic // Hikuin. Vol. 11.
- Noonan Th.*, 1987. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // Harvard Ukrainian Studies. 11.
- Nordman C. A.*, 1921. Anglo-Saxon coins found in Finland. Helsinki.
- Nordman C. A.*, 1924. Karelska järnåldersstudier // SMYA. XXXIV. Helsinki.
- Nordman C. A.*, 1942. Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit // Acta archaeologica 13. København.

- Nordman C. A.*, 1945. Smyckefyndet från Sipilänmäki i Sakkola // SMYA. XLV. Helsinki.
- Nosov E. N.*, 2001. Die Vorgeschichte der nordlichen Rus' und Novgorods // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands. Her. M. Müller-Wille, V. Janin, E. Nosov, E. Rybina / Studen zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostegebeite. Neumünster. Bd 1.
- O'Regan H.*, 2002. From bear pit to zoo // *British Archaeology*. Issue 68. December.
- Oddy W. A. & La Niece S.*, 1986. Byzantine gold coins and jewellery // *Gold Bulletin* 10 (3). London.
- Oddy W. A. & Meyer V. E. G.*, 1986. The Analysis of the Gold Finds from Helgö and their Relationship to other Early Medieval Gold // *Excavations at Helgö X. Coins, Iron and Gold*. Stockholm.
- Ogden J.*, 1994. *The Technology of Medieval Jewelry // Ancient and Historic Metals. Conservation and Scientific Research*.
- Olafs saga...*, 1982. Olafs saga hihs helga: Die «Legendarische Saga» über Olaf den Heiligen (Hs. Delagard. saml. nr. 8^{II}) / Hrsg. von A. Heinrichs, D. Janshen, E. Radicke, H. Röhn. Heidelberg.
- Olaus Magnus Gothus*, 1973. Olaus Magnus Gothus. Pohjoisten kansojen historia. Suomea koskevat kuvaukset. Keuruu.
- Oldeberg A.*, 1966. Metallteknik under vikingatid och medeltid. Stockholm.
- Palm V.*, 2001. Gunnerstadhögen – en vendeltida båtgrav i focus. CD-essay in archaeology. University of Kalmar.
- Palm V.*, 2002. Gunnerstadhögen – en vendeltida båtgrav i focus // *Tidskrift arkeologi I sydöstra Sverige* 2. Kalmar.
- Pernicka E.*, 2002. Röntgenfluoreszenzanalyse der Goldobjekte von Haithabu // *Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu*. Bericht 34. Neumünster.
- Pipe A.*, 1992. A note on exotic animals from medieval and post-medieval London. *Anthropozoologica*, 16.
- Pitarakis B.*, 2006. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze / *Bibliothèque des cahiers archéologiques*. Paris. Vol. XVI.
- Platt C. and Coleman-Smith R.* (eds.), 1975. *Excavations in Medieval Southampton 1953–1969*. Leicester.
- Postică G.*, 1995. *Civilizația veche românească din Moldova*. Chișinău.
- Purhonen P.*, 1998. Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus // SMYA. Helsinki. 106.
- Pushkina T.*, 1997. Scandinavian finds from Old Russia. A survey of their topography and chronology // *The Rural Vikings in Russia and Sweden*. Ed. by P. Hansson. Örebro.
- Resi H. G.*, 1979. Die Specksteinfunde aus Haithabu // *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu*. Neumünster. Bericht 14.
- Rydh H.*, 1936. Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm.
- Sahaydak M.*, 2005. *Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podil District // Ruthenica*. Київ. Т. 4.
- Saksa A. I.*, 1994. On the factors influencing the formation and development of Karelian culture between the eleventh and thirteenth centuries // *Fenno-ugri et Slavi* 1992. Helsinki.
- Saksa A.*, 1998. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // *Studia Carelica Humanistica* 11. Joensuu.
- Salmo H.*, 1948. Deutsche Münzen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands // SMYA. XLVII. Helsinki.
- Saloheim V.*, 1971. Pohjois-Karjalan asutusmuodot 1600-luvulla. Kylä- ja pitäjäkartat // *Joensuun korkeakoulun julkaisuja A2*. Joensuu.
- Särilvik I.*, 1962. Två Sörmländska stormansgravar // *Fornvännen*. Stockholm. 57.
- Sarvas P.*, 1971. Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä // *Suomen Museo*. Helsinki.
- Schechter S.*, 1912/3. An Unknown Khazar Document // *Jewish Quarterly Review*. Philadelphia. New Series 3.
- Schia E.*, 1987. Sko og stovler // *De arkeologiske utgravninger i Gamlebyen*. Oslo. 3.
- Schlumberger G.*, 1879. Sceaux et bulles de l'Orient latin au Moyen Age. Paris.
- Schlumberger G.*, 1898. *Sigillographie de l'Empire byzantin*. Paris.
- Schnell I.*, 1928. En sörrmländsk tingshög // *Sörmlandsbygden: meddelanden från Södermanlands museiförbund* 1. Strängnäs.
- Schnittger B.*, 1912. Några undersökningar å Linga graffält i Södermanland // *Fornvännen* 7. Stockholm.
- Schofield J., Vince A.*, 2003. *Medieval towns. The Archeology of British Towns in their European Setting*. London.
- Schuldt E.*, 1981. Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts / *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg*. Berlin. 14.
- Searle E., Ross B.*, 1967. *The Accounts of Battle Abbey 1275–1513*. Sydney.
- Selinge K.-G.*, 1985. Skottisund. An Early Iron Age Grave in Medelpad // *Archaeology and Environment*. 4. In honorem Evert Baudou / Ed. M. Back. Umeå.
- Selling D.*, 1955. *Wikingzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden*. Stockholm.
- Serning I.*, 1956. Lapska offerplatsfynd från jernaldem och medeltid // *Acta lapponica* XL.
- Setchell J. M., Wickings E. J.*, 2004. Sequences and timing of dental eruption in semi-free-ranging mandrills (*Mandrillus sphinx*) // *Folia Primatologica*. Basel. 75.
- Silver K.*, 1996. *Kungshögarna I Sverige // Arkeologi och Miljögeologi I Gamla Uppsala. Studier och rapporter*. Uppsala. Vol. II.
- Sinai – Byzantium – Russia*, Orthodox art from the 6th to the 20th Century, St. Catherine Foundation – Hermitage Museum. 2000.
- Skølvold A.*, 1961. Klebersteinindustri i vikingetiden. Oslo.
- Skovmand R.*, 1942. De danske skattefund fra vikingetiden og den ældste middelalder indtil omkring 1150 // *Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie*.
- Staecker J.*, 1999. Rex regum et dominus dominorum // *Lund Studies in Medieval Archaeology* 23. Stockholm.

- Stallibrass S.*, 2002. An overview of the animal bones: what would we like to know, what do we know so far, and where do we go from here? // *Wilson P. R.* Cataractonium: Roman Catterick and its hinterland. Excavations and research, 1958–1997. London: English Heritage. Council for British Archaeology Research Report. 129. Part II.
- Stalsberg A.*, 1988. The Scandinavian Viling Age finds in Rus'. Overview and analysis // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz-am-Rhein. Bd 69.
- Sten S., Vretemark M.*, 1988. Storgavsprojektet – osteologiska analyser av yngre järnålderns benrika brandgravar // *Fornvännen* 83. Stockholm.
- Stenberger M.*, 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Vikerzeit II. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund.
- Stenberger M.*, 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit I. Text. Uppsala.
- Stenberger M.*, 1977. Vorgeschichte Schwedens // *Nordische Vorzeit*. Bd 4. Neumünster.
- Ström K.*, 1984. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // *Birka*. Untersuchungen und Studien II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Stuiver M., Reimer P. J., Bard E., Beck J. W., Burr G. S., Hughen K. A., Kromer B. McCormac F. G., van der Plicht J., and Spurk M.*, 1998. INTCAL98 radiocarbon age calibration // *Radiocarbon*. Tuscon, Arizona. 40 (3).
- Styrmen nad Iantra*, 1980. Styrmen nad Iantra (Bulgaria). Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk.
- Svensson K.*, 1983. Vibyhögen, Fornl. 33, Kalmar sn., Uppland – dess forskningshistoriska, rumsliga, näringsekonomiska och sociala sammanhang. Stockholm.
- Swann J.*, 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.
- Talvio T.*, 1979. Entisen Suomen Karjalan esihistorialliset rahaloydot // *Suomen Museo* 86. Helsinki.
- Talvio T.*, 1980. The Finnish Coin Hoards of the Viking Age // *Fenno-ugri et slavi* 1978. Helsinkiin yliopiston arkeologian lait. Moniste 22. Helsinki.
- Tonisson Z.*, 1974. Die Gayjahiven und Inke Materielle Kultur (11 auf 13). Tallinn.
- Treasures...*, 2001. Treasures of Christian Art in Bulgaria. Ed. V. Pace. Rome / Foro Traiano.
- Uino P.*, 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies – Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // *SMYA*. 104. Helsinki.
- Ur vår äldsta bok*, 1912. Ur vår äldsta bok / Utg. af N. Beckman. Stockholm.
- Uspenskij F.*, 2001. Olof Skötkonungs dotter Ingegerds ryska namn // *Släkt och Hävd*. Nr. 4.
- Vahtola J.*, 1980. Torniojoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty // *Studia historica septentrionalia* 3. Rovaniemi.
- Vahtola J.*, 1986. Onomastinen metodi Suomen varhaishistorian tutkimuksessa // *Turun Historiallinen Arkisto* 41. Turku.
- Van Wijngaarden-Bakker L.*, 1980. Fauna // *Bodem Onderzoek in Leiden*. Leiden.
- Vasiliu I.*, 1984. Cimitirul feudal-timpuriu de la Isaccea // *Peuce*. Tulcea. IX.
- Vatasianu V.*, 1959. Istoria artei feudale in tarile Romine. București. Vol. I.
- Vierck H.*, 2002. Zwei Amulettbilder als Zeugnisse des ausgehenden Heidentums in Haithabu // *Das archäologische Fundmaterial VII*. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bericht 34.
- Vikingatidens orientaliske Bälten och deras eurasiska sammanhang // *TOR*. 1975–1977. Uppsala. Vol. XVII.
- Vikings*, 2000. Vikings. The North Atlantic Saga. Washington and London: Smithsonian Institution Press & National Museum of Natural History.
- Walker J.*, 1993. Romsey Abbey Through the Ages. Chichester. Romsey Abbey Publications.
- Waller J.*, 1996. Dräktnålar och dräktskick i östra Mälardalen. Uppsala.
- Walter C.*, 2003. Saint Theodor and the Dragon Through a Glass Brightly: Studies in Byzantine and Medieval Art and Archeology presented to David Buckton / Ed. Entwistle Ch. Oxford.
- Watt M.*, 1998. Kings or gods? Iconographic evidence from Scandinavian gold foil figures // *The Making of Kingdom*. Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. 10. Oxford.
- Wedepohl K. H., Krueger I., Hartmann G.*, 1995. Medieval lead glass from northwestern Europe // *Journal of Glass Studies*. Corning. V. 37.
- Weitzmann K.*, 1982. The Icons of the period of the Crusades // *The Icon* / Ed. A. Knopf. New York.
- Wheeler A.*, 2002. «Macaca sylvanus» (On-line), Animal Diversity Web. (См.: http://animaldiversity.ummz.umich.edu/site/accounts/information/Macaca_sylvanus.html).
- Wijkander K.*, 1983. Kungshögar och sockenbildning. Nyköping.
- Wolf A.*, 2004. Orientalische Goldemailgläser im mittelalterlichen Europa // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 50 (2003). Mainz. T. 2.
- Zachrisson J.*, 1992. Silver and gold hoards from the Black Earth // *Investigation in the Black Earth*. Stockholm. Vol. 1.
- Zachrisson T.*, 1994. The Odal and its manifestation in the Landscape // *Current Swedish Archaeology*. Vol. 2.
- Zoo*, 1978. Zoo. Suuri eläinkirja 1. Porvoo.
- Zuckerman C.*, 1995. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. Paris. 53.
- Zuckerman C.*, 1997. Les Hongrois au pays de Lebedia : une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836–889 // *Byzantium at War* (9th–12th centuries). Athens.
- Zuckerman C.*, 2000a. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Éd. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. *Réalités Byzantines*. 7. Paris.
- Zuckerman C.*, 2000b. Le voyage d'Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946 // *Travaux et Mémoires*. Paris. 13.
- Интернет-публикации:*
http://www.animaldiversity.ummz.umich.edu/site/accounts/information/Macaca_sylvanus.html.
<http://www.kykkos-museum.cy>.
<http://www.raritet.lgb.ru/uploads>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АО – Археологические открытия. М.
АС – Археологический съезд.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВВ – Византийский временник. СПб., Пг., Л. 1894–1928. ТТ. 1–25; М. 1947.
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Л. (СПб.).
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция.
ВУА – Военно-ученый архив.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГМСБ – Годишник на музеите от Северна България. Варна.
ГРМ – Государственный Русский музей. Л.
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗОРСА – Записки Отделения русско-славянской археологии Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ЗРАО – Записки Императорского Русского Археологического Общества. СПб.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук. М.
ИАИ – Известия на Археологическия институт Български Академия на науките. София.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., Пг., Л. 1896–1927. Т. 1–32.
кв. – квадрат.
КСИА – Краткие сообщения о докладах и исследованиях Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИОН – Межрегиональный институт общественных наук.
НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук.
НАО – Новгородский археологический отряд.
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
НИС – Новгородский исторический сборник. Л. (СПб.).
ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
НовГУ – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
НОЭ – Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (бывш. ЛОИА АН СССР).
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л. 1950.
НЦМД – Новгородский центр музыкальных древностей
ОР РНБ – Отдел рукописи Государственной национальной библиотеки.
п. м. – подъемный материал.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПВЛ – Повесть временных лет.
ПЛ – Псковские летописи. Вып. I. М.; Л. 1941. Вып. II–III. М. 1955.
пл. – пласт.
ПСПЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841.
РА – Российская археология. М.
РГ – Рюриково городище.
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота. СПб.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов. М.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. М.
РГИА – Российский государственный исторический архив. СПб.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.

-
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СПБИН РАН	– Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук.
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (РАН). Л. (СПб.).
УКГИОП	– Управление государственного контроля использования и охраны памятников.
ЦОИАИ	– Центр организации и археологических исследований НГОМЗ.
ЧОИДР	– Чтения в имп. Обществе любителей истории и древностей российских при Московском университете. М., 1845–1849, 1858–1917.
CNRS	– Centre national de recherches scientifiques – Центр национальных научных исследований, Франция.
ICTM	– International Council for Traditional Music.
SMYA	– Suomen Muinonmuistoystiksen Aikakuskirja. Helsinki.

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
Историко-археологический сборник

**Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия**

Компьютерная верстка *Р. К. Жумабаев*

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3830 — литература по истории и историческим наукам

Подписано к печати 20.06.07. Формат 84×108 1/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 35.
Тираж 500 экз. Заказ № 2126.

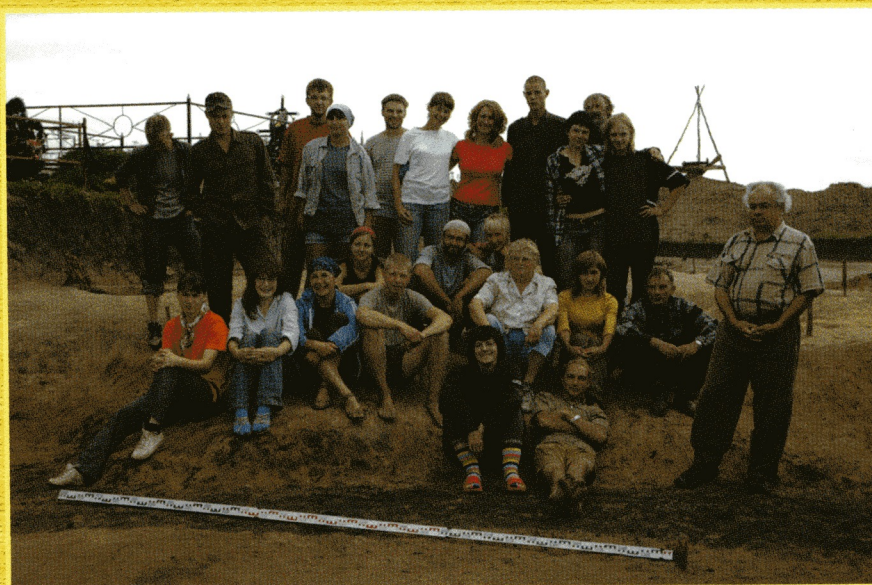
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
„Искусство России“»
198099, С.-Петербург, Промышленная ул., д. 38/2

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 498-41-26
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

«Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сковородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Все, как на блюдечке за золотым яблочком».

Н. К. Перих

«За десятилетия работ на Городище в раскопках участвовали сотни школьников, студентов, музейных работников, преподавателей и просто энтузиастов разных специальностей многих городов России, которые внесли неоценимый вклад в работу экспедиции и способствовали ее научным достижениям. Невозможно персонально перечислить их всех, а тем более отразить их деятельность на нескольких десятках фотографий... Всем им в юбилей экспедиция я хочу выразить свою искреннюю благодарность».

Е. Н. Носов